

Великая Отечественная: Неизвестная война
Виталий Горбач

Над Огненной Дугой

Советская авиация в Курской битве

Виталий Горбач

**Над
Огненной
Дугой**

Советская авиация в Курской битве

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2007

Оформление серии художника *П. Волкова*

Автор выражает признательность за помощь в работе над книгой и высказанные замечания М. Быкову, А. Томзову и А. Пекарш; за предоставленную литературу Д. Хазанову; за помощь в переводе А. Шалимовой; за дружескую поддержку и участие К. Николаеву и В. Москалеву.

Горбач В.

Г 67 Над Огненной Дугой. Советская авиация в Кур-
ской битве. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — 512 с. —
(Великая Отчественная: Неизвестная война).

ISBN 978-5-699-20867-8

В преддверии Курской битвы перед ВВС Красной Армии были поставлены задачи по завоеванию полного господства в воздухе, изгнанию люфтваффе с поля боя и оказанию эффективного содействия наземным войскам в разгроме врага. Итог ожесточенных двухмесячных боев, казалось бы, однозначно свидетельствовал: поставленные перед «сталинскими соколами» цели были достигнуты, небо над Огненной Дугой осталось за советской авиацией. Однако подлинная цена этой победы, соотношение реальных потерь противоборствующих сторон долгое время оставались за рамками официальных исследований.

Как дорого обошлась нам победа? Какова роль люфтваффе в срыве попытки Красной Армии окружить орловскую и харьковскую группировки вермахта? Стало ли сражение над Курской дугой переломным моментом в ходе воздушного противостояния на советско-германском фронте? На эти и на многие другие вопросы вы найдете ответы на страницах этой книги.

ББК 63.3(0)62

© Горбач В., 2007

© ООО «Издательство «Яуза», 2007

© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-20867-8

Часть 1

В ПРЕДДВЕРИИ СРАЖЕНИЯ

1.1. ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА, ПЛАНЫ КОМАНДОВАНИЯ

Конфигурация линии фронта в районе Курска была сформирована в ходе ожесточенных сражений, происходивших на советско-германском фронте с осени 1942 по весну 1943 года. Начав этот период с сенсационного окружения 6-й армии в районе Сталинграда, Красная Армия вскоре приступила к изгнанию захватчиков с Кавказа, провела успешные наступательные операции в районе Воронежа и Великих Лук, а также в междуречье Дона и Оскола. После шестнадцати месяцев напряженной борьбы 18 января 1943 года наконец-то была прорвана блокада Ленинграда. Стратегическая инициатива, еще недавно безраздельно находившаяся в руках командования вермахта, постепенно стала переходить к советской стороне. Понесся тяжелые потери в живой силе и технике, а также утратив значительную часть территории, завоеванной в 1942 году, немецкие войска и войска их союзников стремительно откатывались на Запад. В создавшейся критической ситуации речь для немецкого командования шла о том, «будет ли уже этой зимой сделан решающий шаг к поражению Германии на востоке» [1]. Нельзя не отметить тот факт, что события на советско-германском фронте самым негативным образом отразились и на политическом капитале Германии, как в глазах ее сателлитов, так и всего мира.

Тем не менее уже к середине февраля широкомасштабное наступление Красной Армии стало постепенно затухать. Нацеленные на выход к Днепру войска Воронежского и Юго-Западного фронтов были в значительной степени ослаблены в ходе более чем двухмесячных наступательных боев. Испытывая усталость и нехватку резервов, они не

смогли оказать эффективного противодействия мощному контрудару, организованному во второй половине февраля командованием группы армий «Юг». В результате февральско-мартовского наступления продвижение немецких войск составило порядка 100—150 километров. Были вновь захвачены Харьков и Белгород. Лишь в конце марта советской стороне удалось стабилизировать ситуацию на рубеже реки Северский Донец, а также севернее и северо-западнее Белгорода.

Весьма непросто для Красной Армии развивалась ситуация и на центральном участке фронта. Ожесточенные бои ноября—декабря 1942 года, несмотря на чувствительные потери, не привели к ликвидации Ржевского выступа. В то же время его эвакуация в начале марта позволила командованию группы армий «Центр» использовать высвободившиеся силы для парирования ударов на Орел, Брянск, а также для предотвращения выхода советских войск к Десне. В результате к апрелю 1943 года войска групп армий «Центр» и «Юг» продолжали удерживать два плацдарма — орловский и белгородско-харьковский. Между ними находился не менее крупный выступ, занимаемый войсками советских Центрального и Воронежского фронтов, получивший вскоре название Курская дуга.

Затишье, наступившее в апреле практически на всем фронте, позволило командованию Красной Армии и вермахта в возможно более короткие сроки приступить к выработке стратегии на весенне-летнюю кампанию 1943 года. Испытав в очередной раз военную мощь и волю к сопротивлению своего противника, обе противоборствующие стороны с особой тщательностью подходили к планированию будущих сражений, стремясь эффективно использовать накопленные резервы.

Оценки сложившейся ситуации и выводы немецкого командования строились на том, что наиболее мощное наступление Красной Армии следует ожидать на южном участке фронта. Предполагалось, что его основной целью станет освобождение Донбасса и выход на широком фронте к Днепру. Кроме того, весьма вероятными представлялись наступательные операции против группировок войск, обороняющихся в районе Орловской дуги и на смоленском направлении. На

фоне этих предположений центральным вопросом оставалось овладение инициативой на Восточном фронте сразу после окончания периода весенней распутицы. При этом учитывалась непростая обстановка и на других театрах военных действий. Известия с последних весной 1943 года не отличались особым оптимизмом. Напряженные бои и отступление в Северной Африке, тяжелые потери в апреле—мае в ходе битвы за Атлантику, усиление воздушного наступления на территорию Рейха и оккупированной Франции, а также накопление военной мощи союзников в Великобритании давали Германии, по сути, один из последних шансов существенного улучшения ситуации на востоке, до того момента, когда странами антигитлеровской коалиции будут созданы условия для открытия Второго фронта в Европе.

Из двух альтернатив: обороны с последующим переходом в наступление или нанесения удара первым — Гитлер и ОКХ сделали выбор в пользу второго варианта. По мнению фюрера, преднамеренная оборона могла привести не только к отступлению войск, но и к значительной потере территорий, среди которых особенно выделялся экономически значимый для Германии район Донбасса. Его удержанию Гитлер придавал одно из решающих значений. В то же время успешно проведенная наступательная операция, даже на ограниченном участке фронта, способствовала не только существенному ослаблению противника и перемалыванию его резервов, но также и сокращению линии фронта, что, в свою очередь, влекло высвобождение значительного количества войск. Не последним аргументом в решении «выступить первыми» было также укрепление пошатнувшегося престижа Германии на международной арене.

Наиболее выгодным вариантом действий, буквально сразу «бросавшимся в глаза» при взгляде на карту, было нанесение ударов под основание Курской дуги, что позволяло окружить и уничтожить наиболее мощную группировку Красной Армии на центральном участке Восточного фронта. Первые наброски будущей операции, получившей в апреле наименование «Цитадель», относятся к середине марта 1943 года. В оперативном приказе Верховного главнокомандующего вермахта № 5 от 13 марта командующим группами армий «Центр» и «Юг» фельдмаршалам Гюнтеру Клюге (Kluge

Günther) и Эриху Манштейну (Manstein Erich) было указано на необходимость создания двух группировок, которые по окончании весенней распутицы ударами по сходящимся направлениям должны были уничтожить группировку противника, противостоящую 2-й армии на фронте Севск—Сумы. При этом в отношении советских войск особо отмечалась необходимость *«по возможности предупредить их в наступлении в отдельных местах с целью навязать им, хотя бы на одном из участков фронта, свою волю, как это в настоящее время уже имеет место на фронте группы армий «Юг»* [2].

Однако вскоре внимание фюрера и ОКХ привлекла другая операция, являвшаяся развитием планировавшейся в начале марта операции «Хабихт». Она предусматривала форсирование Северского Донца и нанесение удара по войскам Юго-Западного фронта силами 1-й и 4-й танковых армий, с последующим выходом на линию Лисичанск—Купянск—Волчанск. Кроме ликвидации постоянной угрозы советского наступления в Донбассе, тем самым создавались благоприятные условия для обеспечения наступления на Курск с юга. Основные положения этой операции, получившей наименование «Пантера», были озвучены уже 22 марта [3]. Однако, несмотря на привлекательность нового плана, от него вскоре пришлось отказаться, в том числе и из-за отсутствия точных данных о расположении советских резервов.

15 апреля последовал новый приказ Главнокомандующего вермахтом за № 6, который содержал уже общие положения предполагаемого наступления по плану «Цитадель». Согласно ему удары, наносимые навстречу друг другу силами групп армий «Центр» и «Юг» с рубежей Малоархангельск—Тросна и Белгород—Томаровка, должны были привести к смыканию «клещей» за спиной войск двух советских фронтов восточнее Курска. При этом срок начала операции предполагался не ранее чем 3 мая. Для введения противника в заблуждение предписывалось продолжать подготовку по плану «Пантера», усилив ее демонстративными мерами. Однако окончательный крест на наступлении в полосе Юго-Западного фронта поставлен не был. *«Я оставляю за собой также право в случае планомерного развития операции начать незамедлительно с ходу наступление на юго-восток («Пантера») с тем, чтобы использовать замешательство в*

рядах противника», — писал в приказе Гитлер [4]. Как видно, фюрер не оставлял надежды на повторение вермахтом летнего успеха предыдущего года, включая, возможно, и выход вновь к течению Дона.

Основополагающим для судьбы операции «Цитадель» стало совещание 4 мая в Мюнхене, посвященное предстоящему наступлению на Восточном фронте. Кроме обоих командующих группами армий на нем присутствовали начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Курт Цейтлер (Zeitzler Kurt), командующий 9-й армией группы армий «Центр» генерал-полковник Вальтер Модель (Model Walter), главный инспектор танковых войск генерал-полковник Гейнц Гудериан (Guderian Heinz), а также начальник Генерального штаба люфтваффе генерал-полковник Ханс Ешоннек (Jeschonnek Hans).

Пессимистичный доклад генерала Моделя произвел на фюрера очень сильное впечатление. Ссылаясь на данные войсковой и авиаразведки, командующий 9-й армией указал, что глубина обороны Красной Армии в полосе наступления вверенного ему объединения составляет не менее 20 километров и в значительной степени усилена противотанковыми средствами. Модель особо подчеркнул, что имевшиеся в его распоряжении танки Т-IV и САУ не могут противостоять огню советских противотанковых орудий и ружей без дополнительного усиления бронирования. При общем недостатке танков для проведения наступательной операции требовалось как минимум шесть дней [5].

Мнение командующего 9-й армией встретило резкое противодействие в лице обоих фельдмаршалов. И Клюге, и Манштейн были убеждены — перенос сроков наступления играет на руку противнику, позволяя ему в значительной степени усилить свои войска. Мнения обоих командующих поддержали в той или иной степени генералы Цейтлер, Гудериан и Ешоннек. Тем не менее, несмотря на столь авторитетную оппозицию Моделю, Гитлер решил все-таки перенести операцию «Цитадель» на 10 июня, мотивируя это тем, что сроки ее проведения вряд ли совпадут с ожидавшейся высадкой союзников на Сицилии. Кроме того, фюрер пообещал значительное усиление в ближайшее время немецких войск в районе Курской дуги танками новых конструкций

«Тигр» и «Пантера», а также САУ «Фердинанд». Тем не менее именно задержки с поставками танков в итоге привели к постоянному откладыванию сроков начала наступления, в результате чего операция «Цитадель» началась, как известно, лишь 5 июля.

Группировка немецких войск к началу операции «Цитадель» имела следующий состав. Для проведения наступления на Курск с севера привлекались части 9-й армии группы армий «Центр», насчитывавшей в своем составе 6 танковых, 1 моторизованную и 14 пехотных дивизий и располагавшей чуть более 1000 танков и САУ. Отметим, что из числа указанных соединений непосредственно в наступлении принимали участие 5 танковых, 1 моторизованная и 8 пехотных дивизий. Войска генерала Моделя должны были протаранить советскую оборону на 40-километровом участке, занимаемом центром 13-й армии генерал-лейтенанта Н.П. Пухова, а также смежными флангами 13-й и 70-й армий генерал-лейтенанта И.В. Галанина. В дальнейшем наступление предполагалось развивать вдоль шоссе Орел—Курск, через Ольховатку и Понеры.

Группа армий «Юг» для реализации плана «Цитадель» смогла выставить группировку более мощную, чем объединение фельдмаршала Клюге. Основной ударной силой наступления были два танковых корпуса 4-й танковой армии генерала Германа Гота (Hoth Hermann), насчитывавшие в составе 2 танковых, 4 моторизованных дивизий, более 1000 танков и САУ. Прорыв советской обороны силами 2-го танкового корпуса СС генерала Пауля Хауссера (Hausser Paul) и 48-го танкового корпуса генерала Отто Кнобельсдорфа (Knobelsdorff Otto) планировался на участке 6-й гвардейской армии генерал-лейтенанта И.М. Чистякова в общем направлении на Обоянь и долину реки Псел. Отметим, что командующий 4-й танковой армией генерал Гот, предполагая наличие сильных танковых резервов противника на своем правом фланге, а также учитывая благоприятствующую контрудару местность, уже на этапе планирования операции намечал после прорыва советской обороны севернее Белгорода наступление в сторону Прохоровки.

Еще один, на сей раз вспомогательный удар на Корочу из района юго-восточнее Белгорода наносила группа генерала

Вернера Кемпфа (Kempf Werner). Наступление возлагалось на 3-й танковый корпус генерала Германа Брайта (Breith Hergmann), насчитывавший в составе своих 3 танковых дивизий свыше 370 танков и САУ. Эти силы при поддержке приданной пехотной дивизии должны были форсировать реку Северский Донец и, прорвав оборону 7-й гвардейской армии генерал-лейтенанта М.С. Шумилова, развивать наступление в северо-восточном направлении, прикрывая тем самым правый фланг томаровской ударной группировки.

Расчет в операции «Цитадель» во многом строился на достижении элемента внезапности, а также качественном превосходстве бронетанковой техники, что, по мнению немецкого командования, позволяло провести операцию в максимально сжатые сроки. Нельзя не согласиться с мнением английского историка А. Кларка, который, характеризуя подготовку вермахта к летнему наступлению, писал: *«Старая формула блицкрига — налет пикирующих бомбардировщиков, короткая интенсивная артподготовка, массированный танковый удар при поддержке пехоты — вновь была принята без должного учета изменившихся условий, за исключением разве что арифметического увеличения мощи составных компонентов атаки»* [6].

Выработка стратегии на весенне-летнюю кампанию 1943 года советским высшим военным руководством была начата сразу после отражения немецкого наступления в районе Белгорода и Харькова. Уже 8 апреля первый заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г.К. Жуков отправил на имя Сталина доклад, в котором была дана общая оценка обстановки, а также высказаны предположения о возможных действиях противника в ближайшее время. Легендарный полководец безошибочно предугадал планы врага — ударом по сходящимся направлениям под основание Курской дуги окружить значительные силы Центрального и Воронежского фронтов, а также нанести в последующем удар во фланг Юго-Западного фронта. Весьма точно была оценена Г.К. Жуковым в 13—15 танковых дивизий и ударная группировка немецко-фашистских войск. Именно на танковые соединения, по мнению Г.К. Жукова, вермахт должен был сделать ставку в ходе весенне-летней кампании, в том числе из-за более слабой, чем в 1942 году, подготовки пехо-

ты. Зная о дефиците у противника крупных резервов, маршал предполагал, что это заставит немецкое командование развивать свое наступление последовательно, концентрируя значительные силы на достаточно узких участках фронта. Свои рекомендации Г.К. Жуков сформулировал в следующих строках доклада: *«Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выйдем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника»* [7].

Одновременно с представителем Ставки ВГК свои соображения о характере возможных действий противника в ближайшее время представили также командующие фронтами. Командующий Центральным фронтом генерал К.К. Рокоссовский, отмечая необходимость ликвидации орловской группировки немцев, тем не менее считал, что в ближайшем будущем надо было позаботиться не только о наступлении, но и о создании крепкой противотанковой обороны, как в полосе Центрального и Воронежского фронтов, так и на тыловых рубежах. Такое мнение он высказал прибывшим в апреле на фронт членам ГКО Г.М. Маленкову и заместителю начальника Генерального штаба А.И. Антонову. Более «воинственно» был настроен командующий Воронежским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин, который, отдавая дань идее преднамеренной обороны, в то же время предлагал в случае пассивного поведения противника не ждать и перейти в наступление первыми. В Ставку был отправлен план операции по окружению и уничтожению белгородско-харьковской группировки немецко-фашистских войск совместно с частями Юго-Западного фронта. Взвесив все «за» и «против» и памятуя о катастрофе, постигшей части Красной Армии в мае предыдущего года, Верховный Главнокомандующий счел более рациональным прислушаться к мнению Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского, временно отказавшись от активных наступательных действий и сделав ставку на преднамеренную оборону.

Отметим, что, несмотря на принятое решение, сомнения в его правильности не оставляли Сталина вплоть до начала немецкого наступления. Как отмечал в своих мемуарах быв-

ший командующий Авиацией дальнего действия А.Е. Голованов: *«Укоренилось мнение, что оборонительные действия на Курской дуге были заранее предусмотрены, и они рассматриваются сейчас, как само собой разумеющееся. В действительности события протекали по-иному. Именно здесь, на Курской дуге, было решено нашим Верховным Главнокомандованием продолжить дальнейшие наступательные действия. В свою очередь, именно здесь Гитлер намеревался развернуть успешную кампанию 1943 года. Советским командованием действительно был разгадан замысел противника, но не так-то просто было подготовку наступления переключить на организацию глубоко эшелонированной обороны, выиграть время и заставить немцев начать наступление первыми. Это был напряженнейший отрезок времени, когда шла борьба двух мнений — наступать или продолжать обороняться. Уже в непосредственной близости начала немецкого наступления не снимался с повестки дня вопрос об упреждающем наступлении наших войск»* [8].

Начиная с апреля месяца в полосе Воронежского и Центрального фронтов начали проводиться масштабные работы по совершенствованию обороны, строившейся в первую очередь как противотанковая. Ее основу составляли так называемые противотанковые районы, организуемые вокруг сильно укрепленных опорных пунктов. Глубина обороны на наиболее угрожаемых участках достигала 30—35 километров. При этом широко использовались инженерные заграждения и минные поля, тщательно организовывалась система огня противотанковой артиллерии.

Каждый из фронтов получил резервы в виде танковой армии и нескольких танковых корпусов. Так, в состав Центрального фронта вошла 2-я танковая армия генерал-лейтенанта А.Г. Родина, а также 9-й и 19-й танковые корпуса. В то же время 1-я танковая армия генерал-лейтенанта М.Е. Катукова, 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса усилили части Воронежского фронта. Располагаясь во втором эшелоне, эти крупные танковые объединения и соединения позволяли командованию фронтов не только оперативно блокировать возможные вклинения противника, но также самим наносить мощные контрудары. Кроме всех этих приготовлений, в тылу объединений К.К. Рокоссовского и Н. Ф. Ватутина был образован Степной округ под командованием генерал-пол-

ковника И.С. Конева, служивший дополнительным резервом в случае непредвиденного развития ситуации. Итоги подготовки к Курской битве впечатляли — к началу июля на фронте в 550 км (13% общей протяженности советско-германского фронта) советской стороной было сосредоточено с учетом стратегических резервов около 28% военнослужащих, 24% орудий и минометов, свыше 46% танков действующей армии [9].

1.2. АВИАЦИЯ ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ СТОРОН

Придавая решающее значение летней кампании 1943 года, СССР и Германия сконцентрировали в районе Курской дуги мощные авиационные группировки, боевой и численный состав которых как нельзя лучше характеризовал рост авиапромышленного производства и изменения в организационной структуре этого рода вооруженных сил. К началу июля почти 2800 советским самолетам, составлявшим свыше 33% всей авиации, находившейся на фронте, немецкое командование смогло противопоставить около 1800 самолетов из состава 6-го и 4-го воздушных флотов, что в свою очередь равнялось приблизительно 80% от численности люфтваффе на Востоке.

К концу второго квартала 1943 года обе противоборствующие стороны подошли с устойчиво возрастающим темпом выпуска авиатехники. Если цеха советских заводов ежемесячно покидало свыше 2900 самолетов, то для немецких этот показатель составлял величину около 2000 машин. Приблизительно 80% из числа выпускаемых самолетов являлись боевыми, что в значительной степени позволяло укрепить состав фронтовой авиации, интенсивно формируя новые соединения. Впервые с начала Второй мировой войны численный состав люфтваффе преодолел отметку в 7000 самолетов. По сравнению с мартом, когда немецкая авиация насчитывала 6434 самолета, их количество в конце июня составило уже 7089 машин (в это число не входят самолеты, находившиеся в резервных частях) [10].

Не стоит, однако, забывать, что если практически весь выпуск авиационной техники в СССР предназначался для

советско-германского фронта, то Германия, ведущая борьбу на нескольких театрах боевых действий, вынуждена была направлять значительную часть вновь выпущенных машин для пополнения и формирования частей люфтваффе, противостоящих англо-американским союзникам в небе Западной Европы и Средиземноморья. При этом состав немецкой авиации на Востоке по сравнению с летом предыдущего года заметно сократился.

В первую очередь это касалось истребительной авиации. Начиная с осени 1942 года до июня 1943 года в Западную Европу и Африку убыло по меньшей мере 6 групп истребителей: I/JG3, II/JG51, I/JG53, III/JG54, II и III/JG77. Последними, в июне, после четырехмесячной «командировки», в Рейх вернулись экипажи I/JG26. Значительный отток сил с Восточного фронта наблюдался и в бомбардировочной авиации. Уже в конце октября — середине ноября 1942 года были переброшены в район Средиземноморья эскадра KG76 и группа II/KG54. С декабря 1942-го по май 1943 года было отведено еще 3 бомбардировочные группы (I и II/KG1, I/KG51). Кроме того, в период проведения операции «Цитадель» группы III/KG3, I/KG4 и I/KG55 находились в тыловых районах на плановом отдыхе, в результате чего их эскадры участвовали в боях силами двух групп каждая. Несмотря на переброску значительных сил с Восточного фронта, группировка люфтваффе к июню 1943 года насчитывала здесь свыше 2000 боевых самолетов, превосходя по количественному показателю любое из объединений в ПВО Рейха, Средиземноморье или Скандинавии.

Для наступления по плану «Цитадель» немецким командованием привлекалось свыше 1800 самолетов 4-го и 6-го воздушных флотов, поддерживавших соответственно войска групп армий «Юг» и «Центр». В 4-м воздушном флоте генерала Отто Десслоха (Dessloch Otto) содействие наступлению 4-й танковой армии и группы «Кемпф» оказывали части 8-го авиакорпуса генерал Ханса Зайдемана (Seidemann Hans), в то время как из состава 6-го воздушного флота Роберта фон Грайма (Greim Robert) поддержку войскам 9-й армии осуществляла 1-я авиадивизия генерала Пауля Дайхмана (Deichmann Paul). К началу операции численный состав 1-й авиадивизии и 8-го авиакорпуса составлял 730 и 1100

самолетов соответственно [11]. В это количество входило 340 одномоторных и 55 двухмоторных истребителей, 400 пикирующих одномоторных бомбардировщиков, 550 двухмоторных бомбардировщиков и порядка 180 штурмовиков (см. таблицу 1.2). Как видно, основная ставка делалась на ударную авиацию, тогда как истребители были представлены в каждом из соединений всего четырьмя группами.

Необходимость мощной авиационной поддержки операции «Цитадель» заставила командование люфтваффе серьезно оголить северный и южный участок Восточного фронта. Так, в районе Ленинграда оставалась лишь одна истребительная группа — II/JG54, экипажи которой нацеливались также на прикрытие смоленского направления. Несколько лучше обстояли дела на южном участке фронта, где значительные силы румынской авиации, входившие в состав 1-го и 4-го авиакорпусов, обеспечивали авиационную поддержку немецких войск в Донбассе и Крыму. Отметим, что в течение всей первой половины июля 1943 года оставалась на Тамани группа II/JG52, усиленная 13-м и 15-м отрядами словацких и хорватских летчиков.

К началу проведения операции «Цитадель» командованию люфтваффе удалось довести практически до штата численный состав групп истребителей, штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков, колебавшийся в пределах 35—42 самолетов. 52 штурмовика FW 190 числились на 1 июля в составе группы I/SchG1. По 15—17 Hs 129В насчитывал каждый из четырех противотанковых отрядов. В то же время нельзя не отметить, что ряд участвовавших в наступлении бомбардировочных групп имели около половины полагавшейся им материальной части. Так, в составе I/KG27 и III/KG51 насчитывалось по 21 самолету, тогда как боевую мощь III/KG1 составляло всего 12 Ju 88.

Интересные сведения о штатной численности немецких авиачастей сообщил на допросе в штабе 1-й воздушной армии сбитый уже в ходе Курской битвы летчик эскадры JG52. Согласно его показаниям в преддверии летнего наступления, 4 июля эскадра была переведена на новый штат — 54 самолета в группе, 36 из которых считались боевыми, а еще 18—20 составляли резерв командира группы. Кроме того, резерв в 20 машин предполагался и у командира эскадры. Общее

число самолетов в JG52 к началу сражения составляло 250 (162 по штату и 88 в резерве). В то же время весь летный состав был боевым, «запасных» экипажей в составе групп не было [12]. Отметим, что показания пленного были неточными — в наступлении приняли участие только две группы эскадры, количество «боевых» истребителей в которых вместе со штабом составляло на 1 июля всего 80 Bf 109G.

Организационная структура люфтваффе не претерпела в период подготовки к операции «Цитадель» каких-либо существенных изменений. Группы и эскадры объединялись командованием корпусов, отвечавшим за воздушное прикрытие определенных участков фронта. При этом, как и прежде, группы могли подчиняться командованию других эскадр и даже действовать автономно, в том числе силами отдельных отрядов. Предпринятая еще в апреле 1942 года попытка ввести новую, более мобильную структуру — авиадивизию, насчитывавшую в своем составе 1—2 группы истребителей и 4—5 групп одномоторных и двухмоторных бомбардировщиков, хотя и не была заморожена (к июлю 1943 г. в составе люфтваффе на Востоке числилось три таких соединения), но в то же время не стала основополагающей. В итоге привлеченные к обеспечению операции «Цитадель» 8-й авиакорпус и 1-я авиадивизия, объединившие под своим командованием максимально возможное количество авиасоединений, по своему численному и качественному составу мало чем отличались друг от друга, кроме названия.

Основу советской авиационной группировки в районе Курской дуги составляли 2-я и 16-я воздушные армии, входившие в состав Воронежского и Центрального фронтов. Готовившиеся принять основной удар противника, объединения генералов С.А. Красовского и С.И. Руденко выглядели наиболее мощно, имея в своем составе 1073 и 1139 самолетов соответственно [13]. Из этого числа 881 и 1034 самолета считались исправными [14]. Кроме того, планом оборонительной операции предусматривалось также привлечение к отражению вражеского наступления 17-й воздушной армии Юго-Западного фронта. С ее учетом численность советской фронтовой авиации в районе Курской дуги составляла 2650 самолетов (боевой и численный состав 2-й, 16-й и 17-й воздушных армий приведен в таблице 1.1 и приложениях № 1—

3). Общее же количество советских самолетов, которые могли быть задействованы в районе Курска, включая силы АДД и ПВО, составляло около 3650—3700 машин.

Развитие организационной структуры ВВС Красной Армии, начавшееся во второй половине 1942 года, шло по пути создания авиационных корпусов. Это позволило уже в ходе осенне-зимней кампании использовать авиацию более целеустремленно, повысив эффективность ее действий. Практика применения новых соединений показала, что наиболее целесообразно формировать «специализированные» — истребительные, бомбардировочные и штурмовые корпуса (таких соединений к июлю 1943 года в составе ВВС Красной Армии имелось 12). Для сформированных же с октября 1942 года 10 смешанных корпусов структура еще не устоялась. В состав такого корпуса могли входить либо штурмовая, либо бомбардировочная дивизия, а также истребительная дивизия прикрытия. Однако из каждого правила, как обычно, имелись исключения. Так, например, 1-й шак и 9-й сак, различаясь названиями, тем не менее имели одинаковый состав, состоявший из двух штурмовых и одной истребительной дивизий. Весьма показательным, «экспериментальным» был состав сформированного уже в июле 1943 года 11-го сак, который был лишен управлений дивизий, непосредственно подчиняя себе три истребительных и два штурмовых авиаполка.

Неоднородными по своему составу были и авиационные дивизии, обычно состоявшие из 3—5 полков. При этом в некоторых штурмовых дивизиях (224-я, 225-я, 291-я шад) имелся также полк истребителей. Отметим, что «внештатные» части зачастую использовались командованием дивизии как учебные, в которых проходило первоначальную «обкатку» молодое пополнение. При кажущемся изобилии новых соединений, их численный состав тем не менее не всегда соответствовал установленным штатам. Так, например, в 1-й гв. иад, несмотря на внушительную «обойму» из пяти гвардейских полков, к началу июля насчитывалось всего 94 самолета. Значительно возросший выпуск авиационной техники позволил уже в мае 1943 года сформировать в тыловых районах страны 44 маршевых авиаполка. Из примерно 4000 самолетов, отправленных на фронт в этом меся-

це, 3133 машины пополнили фронтową авиацию [15]. Этот темп сохранялся и в июне, позволив продолжить формирование новых соединений, в числе которых были 7-й и 8-й иак. Кроме того, уже в середине июля началось формирование 10-го иак и двух штурмовых корпусов (5-го и 7-го).

Говоря о Курской битве, обычно принято упоминать о новых образцах вооружения, примененных в ней вермахтом и люфтваффе. Однако, рассматривая парк немецкой авиации накануне операции «Цитадель», надо признать, что принципиально новых моделей или модификаций самолетов применено не было. Практически все образцы авиатехники уже достаточно продолжительное время использовались на Восточном фронте и были хорошо известны не только советским пилотам, но и наземным войскам. Основная линия развития моделей немецких самолетов шла по пути усиления их пулеметно-пушечного вооружения, а также повышения ударных возможностей за счет оснащения противотанковыми пушками и дополнительными узлами подвески.

Истребитель Курта Танка (Tank Kurt) — FW 190, поступивший на вооружение истребительных эскадр Восточного фронта в середине осени 1942 года, к июлю 1943 года состоял на вооружении пяти истребительных групп, четыре из которых были задействованы в наступлении на северном фланге Курской дуги. Основными применявшимися модификациями были А-4 и А-5, имевшиеся в частях в пропорции приблизительно $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{3}$. Однако уже в июле начались поставки новой модели А-6, имевшей более мощное вооружение. Кроме того, значительное количество новых машин штурмовой модификации А-5/U3 и F-3, с усиленным бронированием, было сосредоточено в составе двух групп эскадры SchGl 8-го авиакорпуса. Второй основной истребитель Восточного фронта — Bf 109 к лету 1943 года состоял на вооружении эскадр JG3 и JG52 в основном в модификации G-4. В июне начались поставки на Восточный фронт новой версии «мессершмитта» — G-6, на которой 7,9-мм пулеметы MG-17 были заменены на 13-мм MG-131. Полностью к 5 июля на новую модель успела перейти лишь группа I/JG52, тогда как остальные имели в лучшем случае одно-два звена новых самолетов. Последней несколько Bf 109G-6 буквально накануне наступления 4 июля получила II/JG3.

Основные силы противотанковой авиации были представлены четырьмя отрядами, имевшими на вооружении штурмовик Hs 129B-2. Используемый в боях с весны—лета 1942 года, этот самолет был вооружен в разных вариантах пушками МК-101, МК-103 и ВК-3,7 (Flak 18). К лету 1943 года в основном удалось избавиться от низкой надежности двигательной установки, однако скорость и маневренность машины, по мнению пилотов, все еще оставляла желать лучшего. Все четыре отряда 4(Pz)./SchG1, 8(Pz)./SchG1, 4(Pz)./SchG2 и Pz.Jg.St./JG51, насчитывавшие свыше 60 «хеншелей», были объединены в группу под командованием гауптмана Бруно Мейера (Meyer Bruno) и отправлены в 8-й авиакорпус. Там же в составе I/StG2 имелось небольшое количество Ju 87G-1 с двумя подкрыльевыми пушками ВК-3,7. Огневая мощь модернизированного «юнкерса» в значительной степени повысила возможности машины по борьбе с советскими танками, в то же время ограничив ее летные данные. Еще одной противотанковой частью, но уже в составе 1-й авиадивизии 6-го воздушного флота был отряд Pz.Jg.St./ZG1, на вооружении которого состояли самолеты Bf 110G-2/R1, также вооруженные пушкой ВК-3,7.

Общая линия на усиление пушечного вооружения самолетов прослеживается и в бомбардировочной авиации. Так, например, начавший поступать в июне на вооружение эскадр пикирующих бомбардировщиков Ju 87D-5 был вооружен вместо 7,92-мм пулеметов MG17 — двумя крыльевыми 20-мм пушками MG-151. Одну пушку MG-FF в подфюзеляжной гондоле несла модификация Ju 88A-14. Мощное пулеметно-пушечное вооружение имели также самолеты He 111 модификаций H-6, H-11, H-16, оснащенные 20-мм пушкой MG-FF и пятью пулеметами.

Несмотря на наличие в частях большого числа самолетов последних модификаций, люфтваффе продолжало также использовать машины, ресурс использования которых, казалось, был уже давно исчерпан. В частности, на вооружении отряда 7./SchG1 продолжали оставаться бипланы Hs 123A-1, демонстрировавшие чудеса долгожительства. Весьма пестрым был состав отрядов ночных бомбардировщиков, имевших «ассорти» из Ar 66, He 46, Go 145 и FW 58. Самолеты более ранних модификаций имели и союзники Герма-

нии. Так, на вооружении испанского отряда 15(sp)./JG51 состояли прошедшие ремонт FW 190A-2 и A-3, в то время как находившийся в составе 8-го авиакорпуса венгерский полк 5/I использовал ставший весьма редким в люфтваффе Bf 109F-4.

Материальная часть 2-й, 16-й и 17-й воздушных армий к началу Курской битвы имела достаточно однородный состав. По сравнению с предыдущими годами количество используемых типов самолетов резко сократилось. Основу авиации составляли истребители Як-1б, Як-7б, Ла-5, штурмовики Ил-2, бомбардировщики Пе-2 и ночные легкомоторные У-2. Дополнением к ним были поставляемые по ленд-лизу истребители Р-39 и бомбардировщики «Бостон». Американскими самолетами, кроме разведывательных частей, были вооружены 221-я и 244-я бад, входивших в состав 16-й и 17-й воздушных армий, а также 30-й гв. и 67-й гв. иап из 1-й гв. иад. Большинство «доживших» до лета истребителей МиГ-3 и ЛаГГ-3 либо было списано, либо передано в ремонтные органы, в то время как несколько бомбардировщиков СБ все еще продолжали использоваться в составе 331-й авиаэскадрильи 2-й воздушной армии.

Новые советские самолеты, как и их аналоги из люфтваффе, представляли собой эволюцию в развитии предыдущих типов. Так, выпущенный еще осенью 1942 года истребитель Як-9 начал массово появляться в войсках только летом 1943 года. Наряду с прохождением войсковых испытаний в 1-й гв. иад самолетов Як-9Т с 37-мм пушкой и Як-9Д с увеличенным запасом топлива значительное количество новых самолетов состояло на вооружении 163-го и 347-го иап, а также 1-й эскадрильи 157-го иап 273-й иад 6-го иак. Уже в первой половине июля во 2-ю воздушную армию прибыла 256-я иад, два полка которой были вооружены Як-9. В конце июля в районе Орла вступил в бой 11-й сак, имевший на вооружении самолеты Як-9Т. Из-за неполадок работы серийных двигателей АШ-82ФН несколько задержался выпуск истребителя Ла-5ФН, первые экземпляры которого в начале июля поступили в 3-ю гв. иад. Весьма пестрым, несмотря на массовый выпуск двухместной версии Ил-2, оставался и состав штурмовых соединений, где новые двухместные самолеты с двигателями АМ-38Ф соседствовали с одномест-

ными, использование которых продолжалось до осени 1943 года. Особенно много «горбатых» штурмовиков имелось в составе 1-й, 2-й и 17-й воздушных армий.

К сожалению, к началу Курской битвы советские ВВС не получили в массовом количестве противотанкового самолета с мощным пушечным вооружением, аналогичного Нs 129В-2 и Ju 87G-1. Создание подобного варианта Ил-2 с двумя 37-мм пушками ОКБ-16 11П-37 предусматривалось постановлением ГКО от 8 апреля 1943 года. Однако выполнение задания несколько затянулось. Выпущенные в мае первые «илы» были только во второй половине июля переданы для войсковых испытаний в состав 1-й воздушной армии. Тем не менее ВВС Красной Армии все-таки получили к началу Курской битвы новое эффективное противотанковое средство. Им стала кумулятивная бомба ПТАБ-2,5-1,5 конструкции И.А. Ларионова. Небольшая масса боеприпаса позволяла загружать в специальные контейнеры множество ПТАБ, «засевая» ими при групповых действиях достаточно широкую полосу. Закончившиеся еще 21 апреля 1943 года испытания показали, что при прямом попадании в танк бомба могла прожечь броню толщиной до 70 мм. Импульс запуску в производство нового кумулятивного боеприпаса дал непосредственно Верховный Главнокомандующий, объявший Наркомат боеприпасов до 15 мая произвести 800 000 ПТАБ [16].

Несмотря на значительно больший количественный выпуск авиационной техники в СССР, отечественные самолеты по сравнению с немецкими машинами были все же менее живучи и долговечны из-за широкого применения в их конструкции более доступной и дешевой древесины. Некачественная сборка и нарушение технологии на авиазаводах, использовавших недостаточно квалифицированную рабочую силу, приводили не только к снижению летных данных вновь выпущенных машин, но также к авариям и катастрофам. Наиболее критическая ситуация, связанная с качеством выпускаемых самолетов, сложилась в начале июня, когда на многих штурмовиках и истребителях, выпущенных в январе—марте 1943 года, было обнаружено растрескивание и отставание обшивки, ставшие причиной нескольких катастроф и аварий в строевых частях. Причина крылась как в

плохом качестве клея и лакокрасочных покрытий, так и порой в низком качестве используемой древесины.

Ситуация еще более усугублялась тем, что дефекты были выявлены в момент, когда в Ставке со дня на день ожидалось начало немецкого наступления. Известие о том, что большинство боевых самолетов оказались небоеспособными, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Подробности этого скандала хорошо описаны в книге А.С. Яковлева «Цель жизни». Вызванные в Кремль руководители Наркомата авиапромышленности были приравнены разгневанным Сталиным к самым коварным врагам, а выход из строя значительной части самолетного парка — к «работе на Гитлера». Несмотря на разразившуюся бурю, понимание необходимости исправить ситуацию в кратчайшие сроки, к счастью, не привело к печальным оргвыводам, столь характерным для сталинской эпохи. Руководством НКАП были оперативно созданы и отправлены на фронт ремонтные бригады.

Согласно документам 16-й воздушной армии, уже 6 июня (через трое суток после известного разговора в Кремле) в ее расположение прибыла первая ремонтная бригада. Остальные 10 бригад общей численностью 140 человек приступили к работе к середине июня, быстро организовав осмотр самолетов на 12 аэродромах. Количество дефектных машин оказалось велико, составляя 358 единиц (100 Як-7/9, 97 Як-1, 27 Ла-5, 125 Ил-2 и 9 машин других типов). В частности, на истребителях Ла-5 были отмечены массовые случаи отставания обшивки и срыва полотна с плоскостей центроплана в полете и на земле, а также коробление фанеры, трещины шпона обшивки фюзеляжа вследствие плохой просушки и оклейки. Все дефектные самолеты принадлежали сериям, выпущенным в феврале—марте 1943 года [17]. Аналогичная ситуация сложилась во 2-й воздушной армии, где осмотр нескольких десятков машин выявил недостаточно прочное крепление обшивки к поверхности крыла у Як-1 и Як-7б, выпущенных в марте 1943 года. На ранее построенных истребителях подобных дефектов обнаружено не было [18].

Проведенная в конце июня выборочная проверка частей показала, что с неожиданно нагрянувшей бедой удалось совладать. Благодаря самоотверженному труду работников бригад НКАП и технического состава авиационных частей,

количество неисправных самолетов сократилось до 10% от общей численности. К 10 июля в районе Курского выступа удалось отремонтировать 577 самолетов. Эта работа продолжалась и во время напряженных боевых действий, по мере поступления из запасных полков новых машин. Только восемь Ил-2 признали не подлежащими восстановлению в полевых условиях, и их отправили обратно на завод для замены плоскостей. Испытания отремонтированных самолетов показали, что прирост скорости составил в среднем 25—40 км/ч [19].

Численный рост позволил ВВС Красной Армии к лету 1943 года не только значительно превзойти люфтваффе по количеству самолетов, но также иметь стабильные по своему составу авиационные группировки практически на всех участках фронта. Однако у этого превосходства была и «обратная сторона медали», выражавшаяся в недостаточной подготовке летного состава. Эта проблема, остро стоявшая на протяжении длительного периода Великой Отечественной войны, к началу Курской битвы приобрела особую значимость в свете активного формирования новых соединений, требовавших пополнения летным составом во все возрастающем количестве.

Кризис в работе авиации летом—осенью 1942 года заставил командование ВВС Красной Армии по-иному взглянуть на подготовку курсантов. В летных школах, запасных полках был введен высший пилотаж, который позволил улучшить летную подготовку значительной части молодых пилотов. В то же время в боевой подготовке всех родов авиации, включая штурмовую и бомбардировочную, продолжало оставаться множество недостатков, выражавшихся в совершенно недостаточном обучении боевому применению, а также отсутствии быстрого и эффективного внедрения боевого опыта. Для «раскачки» огромного механизма ВВС, обладавшего изрядной инерцией, требовались не только вышестоящие директивы и указания, бывшие в основе своей своевременными и правильными, но и ежедневная кропотливая работа по сколачиванию боевых частей и соединений, упорная тренировка летного состава. Не способствовал повышению уровня подготовки пилотов и недостаток горючего, значительно ограничивавший тренировочные полеты не только в

боевых, но и в учебных тыловых частях. В результате налет многих молодых летчиков на боевых самолетах зачастую не превышал отметки в 15—20 часов, иногда составляя всего 5—8 часов, что было меньше даже самого минимального уровня. В последующем описании сражений мы еще не раз станем свидетелями того, что именно первые бои вновь сформированных соединений приносили самые большие, а порой и опустошительные потери.

Давали о себе знать и определенные проблемы в командном звене ВВС. Жестокая реальность войны выдвигала наверх лучших пилотов, которым приходилось «заканчивать академии», сдавая экзамены в жестоких боях куда более искусственному противнику. Однако, даже попав на руководящие должности, многие из новоиспеченных командиров нуждались в воспитании требовательности и необходимых качеств, а также в приобретении навыков. К сожалению, не всегда и далеко не везде этому уделялось достаточно внимания.

Наиболее непростая ситуация сложилась в деле подготовки пилотов штурмовой авиации, которая проводилась в крупнейшем учебном центре — 1-й запасной авиабригаде. На ее 12 аэродромах в районе Куйбышева летом 1943 года базировалось от 750 до 1150 самолетов. К этому времени соединение подготовило 6470 пилотов, приняв с заводов № 1 и № 18, а затем отправив на фронт 8419 штурмовиков Ил-2. Как следует из документов, здесь прошли обучение 793 командира звена, 651 штурман частей, 5653 летчика, 5457 техников, 426 воздушных стрелков, 3054 механика по вооружению. За два года войны за боевые успехи 19 полков штурмовой авиации удостоились гвардейского звания, а еще два были награждены орденами. Уже в ходе битвы на Орловско-Курской дуге 1-я запасная авиабригада была удостоена ордена Красного Знамени за заслуги в подготовке летного и технического состава [20].

Однако эти впечатляющие достижения на поверку часто не соответствовали необходимому повышению качества обучения, которое становилось заложником погони командования за количественными показателями. Весьма многозначительны в этом отношении цифры, характеризующие подготовку в бригаде одиночных экипажей. Если в апреле

месяце 1-я забр подготовила 67 пилотов, то уже в мае, когда на фронтах установилось напряженное ожидание немецкого наступления, эта цифра составила 134 человека. Из этого числа 27 пилотов подготовили полностью, 6 — только по первому разделу боевого применения, 53 могли самостоятельно вылетать, а 48 успели закончить лишь наземную подготовку [21]! Нет нужды говорить, что многие полки, укомплектованные недостаточно обученными пилотами, несмотря на свой внушительный боевой состав, не обладали требуемой боеспособностью. Это нередко заставляло доучивать молодых авиаторов по курсам боевого применения уже на фронтовых аэродромах.

Значительное внимание в мае-июне штабом ВВС Красной Армии уделялось инспекциям фронтовых частей, позволившим не только вскрыть многие недостатки, но и наметить пути их устранения. Так, проверка частей 1-го бак 2-й воздушной армии показала, что штурманской и бомбардировочной подготовке в полках соединения уделялось недостаточное внимание. Были особо отмечены случаи потери ориентировки экипажами, сбрасывание бомб не на заданную цель, а также преступное бомбометание по собственным войскам, имевшее место в начале мая и стоившее некоторым офицерам корпуса выговоров и понижения в должности. Документы 293-й бад содержат перечень недостатков, зафиксированных комиссией: *«В ходе боевой подготовки летный состав не обучается бомбометанию с пикирования. Совершенно игнорируется радионавигация. Ни в одном полете не используется РПК-10. Не уделяется внимание проверке техники пилотирования летчиков. Отсутствует обучение штабов, в результате чего нет системы контроля за выполнением приказов, боевых распоряжений. Не налажен фотоконтроль качества боевых бомбометаний. Боевые документы ведутся не четко. Недостаточно отработана тактика совместной боевой работы бомбардировщиков с истребителями прикрытия»* [22].

В докладе проверяющих офицеров было отмечено, что командиром 1-го бак полковником И.С. Полбиным, несмотря на сложившуюся ситуацию, принимались решительные меры по исправлению многочисленных недостатков. Так, например, в 1-й гв. бад к началу июля удалось подготовить

для действия в плохих метеоусловиях 20 экипажей (80-й гв. бап — 5; 81-й гв. бап — 9; 82-й гв. бап — 6). Кроме того, еще 28 экипажей (или чуть больше 16%) могли наносить бомбардировочные удары с пикирования [23]. Возможно, кому-то эти цифры покажутся небольшими, тем более что подавляющая часть бомбежек, выполненных в ходе оборонительной операции, была совершена именно с горизонтального полета. Однако, как показали последовавшие вскоре события августа и сентября, задел, созданный к началу июля, не пропал даром. Командованию 1-го бак удалось переломить ситуацию, в значительной степени повысив процент ударов с пикирования.

В противовес непростой ситуации, сложившейся в ВВС Красной Армии, подготовка молодого пополнения для частей люфтваффе летом 1943 года оставалась на том же, достаточно стабильном уровне, что и в предыдущие годы. Так, например, летчик-истребитель во время обучения в летной школе проводил в воздухе в среднем около 200 часов, как минимум 40 из которых составляли полеты на истребителе [24]. Советские летчики неоднократно отмечали, что в ходе воздушных боев молодые пилоты противника редко ввязывались в бой, часто находясь в стороне и наблюдая за действиями своих куда более опытных товарищей. Развитию инициативы и необходимых навыков у летчиков-истребителей люфтваффе способствовали вылеты с более опытными «экспертами» на «свободную охоту». Многоплановую подготовку имели и пилоты бомбардировочной авиации, которые только после двухгодичного обучения, включавшего в себя спецкурс по ночным полетам, направлялись в боевые части.

В то же время нельзя не отметить, что состав многих частей люфтваффе на Восточном фронте, понесших в ходе осенне-зимней кампании 1942—1943 годов чувствительные потери, был в значительной степени обновлен. Так, согласно показаниям пленных, к началу лета 1943 года до 40% летного состава истребительной эскадры «Мельдерс» приходилось на молодых авиаторов, которые закончили обучение лишь осенью предыдущего года. Тем не менее уровень летной и тактической подготовки немецкого пополнения продолжал оставаться выше, чем советского, а условия ввода в бой, благодаря применяемой тактике, являлись более

шадащими. Во многом этому способствовал сохранившийся костяк опытных пилотов, не только задававший тон в боевой работе, но и помогавший молодежи адаптироваться во фронтовом небе.

Говоря о материально-технической подготовке советской авиации к Курской битве, отметим, что работникам тыла, несмотря на некомплект автотранспорта, удалось создать необходимые запасы ГСМ и боеприпасов. Заслуга в этом принадлежала прежде всего заместителям командующих 2-й и 16-й воздушными армиями по тылу генералам В. И. Рябцеву и А.С. Кириллову. В целом накопленный запас материальных средств советской стороны позволял вести активные боевые действия в течение 10 — 15 дней.

Достаточный запас боеприпасов для активных боевых действий был создан и тыловыми службами люфтваффе. Так, например, в 1-й авиадивизии бомб, снарядов и патронов должно было хватить приблизительно на 10 дней большого сражения. В то же время немецкие авиачасти испытывали значительные затруднения с авиационным топливом. Так, если в 6-м воздушном флоте бензина марки В-4 с октановым числом «89» в июне требовалось 8634 тонны, то тыловыми частями за это время было доставлено всего 5722 тонны. Столь необходимого для истребителей FW 190 бензина С-3 с октановым числом «94» было в том же месяце истрачено 1079 тонн, в то время как поступила всего 441 тонна. Аналогичная картина складывалась и в полосе действия 4-го воздушного флота. В итоге для обеспечения как минимум 2 ежедневных вылетов для бомбардировщиков, 3—4 для штурмовиков и 5—6 для истребителей ОКЛ вынуждено было выделить несколько эшелонов из своих резервов [25].

1.3. НАКАНУНЕ

Несмотря на то что весной в боевых действиях наземных войск на Курской дуге наступило временное затишье, уже начиная с мая обе противоборствующие стороны значительно повысили активность своей авиации, отнюдь не ограничиваясь при этом демонстрационными и беспокоящими налетами. Как советским, так и немецким командованием был предпринят ряд крупных самостоятельных операций, пер-

вой из которых стали удары по немецким аэродромам, осуществленные 6—8 мая 1943 года силами шести воздушных армий (1-й, 15-й, 16-й, 2-й, 17-й и 8-й) на 1200-километровом фронте от Смоленска до побережья Азовского моря.

Остается до конца неясным, что послужило поводом для проведения столь широкомасштабной операции. По крайней мере, два предположения на этот счет выглядят вполне логично. Во-первых, как мы уже упоминали, буквально накануне, 4 мая, состоялось совещание в Мюнхене, определившее порядок подготовки и сроки проведения операции «Цитадель». Несмотря на всю свою важность, факт совещания, как и его тема, не стал секретом для советского руководства. Как пишет в своих мемуарах бывший начальник Оперативного управления Генерального штаба С.М. Штеменко: *«Разведка доносила, что Гитлер намерен собрать руководящий состав своих вооруженных сил для окончательного решения вопроса о наступлении на советско-германском фронте»* [26]. Однако конкретные результаты, по всей видимости, остались для Ставки все же за завесой тайны. В итоге уже 8 мая фронты получили предупреждение о возможном переходе противника в наступление 10—12 мая. Не исключено, что попытка ослабить авиационную группировку люфтваффе на Востоке была предпринята именно в преддверии ожидавшегося удара врага.

Еще одним предположением о причинах ударов по аэродромам, дополняющим первое, служит попытка командования ВВС Красной Армии ограничить маневр вражеской авиации в свете ожесточенных воздушных боев, развернувшихся с 29 апреля над полосой наступления 56-й армии Северо-Кавказского фронта. Получившие в советской исторической литературе название второго воздушного сражения на Кубани, эти воздушные схватки отличались большими масштабами и ожесточенностью. Как бы то ни было, основная задача, поставленная перед командованием ВВС Ставкой перед проведением операции по уничтожению немецкой авиации на аэродромах, заключалась в том, чтобы *«сковать действия немецко-фашистской авиации и нанести поражение ее группировкам в районах Сеци, Брянска, Орла, Харькова, Сталино»* [27].

Рассчитывая на достижение эффекта внезапности, командование ВВС Красной Армии предполагало подавить авиацию противника в первый же день операции. Уже в утреннем налете на 17 немецких аэродромов приняло участие около 400 самолетов. По докладам экипажей было уничтожено 194 самолета на земле и еще 21 сбит в воздушных боях, при потере 21 своей машины. Однако повторные налеты после обеда, а также на следующий день, 7 мая, стоили советской стороне уже вдвое больших потерь. Заключительный день операции 8 мая, когда, согласно официальным данным, удалось уничтожить всего 6 самолетов противника, был признан советским командованием и вовсе не удачным.

Оценить результаты проведенной операции достаточно сложно. С одной стороны, попавшие в плен авиаторы свидетельствовали, что советской авиации удалось добиться в ряде случаев неплохих результатов. Так, например, стало известно о разрушении построек на аэродроме Сеща, уничтожении ангаров, зенитных точек, прожекторов и самолетов в районе Орла. Сбитый летчик обер-фельдфебель Мекц (Mekz) из 4(F)/11 на допросе показал: *«В результате бомбардировки советской авиацией аэродрома Орел—Центральный 6 мая было сожжено и повреждено много самолетов. Только наш отряд потерял три Ju 88»* [28]. С другой стороны, немецкие источники не упоминают о сколько-нибудь значительном количестве самолетов, потерянных в мае на аэродромах. Тем более фантастичной представляется цифра в 500 уничтоженных самолетов, фигурирующая в советских документах. К сожалению, значительно возросшая практически на всех участках фронта в конце мая активность люфтваффе показала — итоги майских налетов были излишне оптимистично оценены командованием частей и соединений.

Одновременно с налетами на немецкие аэродромы приказом № 0328 от 4 мая 1943 года Ставкой были инициированы действия авиации по борьбе с железнодорожными перевозками и дезорганизации автомобильного подвоза во вражеском тылу. В свете подготовки к предстоящей летней кампании эта задача становилась наиболее актуальной. То, каких результатов можно было добиться даже минимальными силами, показал удар 26 января 1943 года всего пары Ил-2 в составе лейтенанта Смирнова и младшего лейтенанта Сле-

пова по станции Малороссийская. В результате атаки было уничтожено 4 эшелона с боеприпасами, а путевое хозяйство станции было разрушено настолько сильно, что движение поездов оказалось парализованным на четверо суток.

В приказе особо отмечалось, что борьбу на коммуникациях противника необходимо поручить полкам, прошедшим специальную подготовку и тренировку в роли «охотников». Для этого в составе воздушных армий Западного, Брянского, Центрального, Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов полагалось иметь по одному штурмовому и одному истребительному полку (во всех остальных по одному полку), предназначенных для ведения этого вида боевой работы на глубину от 100 до 150 километров. При атаках по железнодорожным составам авиаторам предписывалось выводить из строя в первую очередь паровозы и только потом атаковать вагоны и платформы. Не был забыт и материальный стимул — для наиболее отличившихся авиаторов предусматривалась выплата денежных вознаграждений [29]. Согласно отчетам штабов 2-й и 16-й воздушных армий, на выполнение борьбы с вражескими перевозками за два месяца, предшествовавших Курской битве, было затрачено около 2000 самолето-вылетов. Однако их результаты были относительно невелики — по докладам авиаторов, было уничтожено 6 эшелонов, 7 локомотивов, до 260 вагонов и более 120 автомашин [30].

Удивляться такому положению вещей не приходится, ведь многие из полков, переведенных в «охотники», не успели пройти необходимой подготовки вплоть до начала июля, ограниченно используя для ударов по железнодорожному и автотранспорту уже во время Курской битвы. Впрочем, советское командование делало основную ставку в борьбе на коммуникациях противника не столько на фронтовую авиацию, сколько на мощное бомбардировочное объединение — Авиацию дальнего действия (АДД). Ее командующий генерал А.Е. Голованов еще в марте получил указание Сталина о сосредоточении своих усилий на ударах по железнодорожной сети противника. За 3 месяца, предшествовавших Курской битве, экипажами дальних бомбардировщиков было совершено свыше 10 000 боевых вылетов по таким крупным железнодорожным узлам, как Брест, Гомель, Унеча, Брянск,

Орел, Харьков, Полтава. Еще 2325 самолето-вылетов было выполнено по промежуточным железнодорожным узлам и станциям. Особую настойчивость экипажи АДД проявили при бомбардировке таких крупных транспортных узлов, как Орел (совершено 2325 самолето-вылетов), Брянск (2852 самолето-вылета) и Гомель (1641 самолето-вылет) [31]. Эти ночные налеты были весьма эффективны, затруднив снабжение находившихся на орловском плацдарме 2-й танковой и 9-й армий. Согласно данным начальника транспортной службы группы армий «Центр», только в мае из-за авианалетов и действий партизан задержки движения на однокольной и двухколейной железных дорогах составили 156 и 222 часа соответственно. При этом было потеряно 35 локомотивов и 106 вагонов. Еще большие потери были понесены в июне. Потери составили 298 локомотивов и 1222 вагона; было разрушено 44 моста [32].

В свою очередь, командование люфтваффе в мае и июне также сконцентрировало свои усилия на нанесении ударов по узловым станциям железных дорог. Периодическим налетам подвергались такие важные железнодорожные станции, как Касторное, Елец, Черемисиново, Лиски. Одним из наиболее активно действовавших здесь соединений была бомбардировочная эскадра KG3. Согласно показаниям пленных авиаторов из состава экипажа самолета Ju 88 II/KG3, совершившего вынужденную посадку в советском тылу 21 июня, авиационный парк части на 70% состоял из новых самолетов. Основной задачей экипажей группы, имевших в среднем по 50—60 вылетов на Восточном фронте, было уничтожение железнодорожных эшелонов на участке Сталиногорск—Елец. При этом большинство вылетов совершалось ночью или в сумерках.

В конце мая — начале июня немецкое командование организовало ряд массированных ударов по железнодорожному узлу Курск, игравшему ключевую роль в снабжении советских войск. Сильные налеты немецкой бомбардировочной авиации были отмечены 22 мая. Однако наибольший размах действия люфтваффе приобрели 2 июня и в ночь на 3 июня. В этот день в налетах участвовало свыше 400 бомбардировщиков, действовавших несколькими волнами, каждая из которых насчитывала свыше 150 самолетов. Несмотря на ожесточенное противодействие, оказанное истребителями

16-й и 2-й воздушных армий, а также дивизий ПВО, противнику удалось добиться внушительного успеха — в результате дневных и последовавших ночных ударов железнодорожный узел Курск был выведен из строя на 12 часов.

Уже через двое суток вектор приложения усилий люфтваффе резко изменился в совершенно неожиданную для советского командования сторону. В ночь на 5 июня 128 самолетов из состава 11 бомбардировочных групп атаковали Горький, сбросив около 179 тонн бомб на его промышленные объекты — в первую очередь на автомобильный завод, производивший танки. Всего в течение июня было совершено до 14 налетов на Ярославль, Саратов и другие промышленные города. Попытки командования ВВС Красной Армии сбить активность немецких бомбардировщиков путем организации повторных ударов по аэродромам результата не дали. Участвовавшие 6—8 июня в налетах по орловскому и харьковскому аэроузлам части 1-й, 15-й и 2-й воздушных армий в ряде случаев понесли тяжелые потери от атак немецких истребителей.

Отметим, что наиболее успешным для люфтваффе оказался рейд на Саратов в ночь на 24 июня, в результате которого оказался сильно разрушен завод № 292. Этот удар, нанесенный буквально накануне Курской битвы, был очень болезненно воспринят высшим советским руководством. Достаточно сказать, что в результате его ВВС Красной Армии недополучили летом 1943 года порядка 800 истребителей Як-1. Полностью восстановить уровень выпуска «яков» саратовскому заводу удалось лишь в октябре [33]. Очевидные успехи противника вызвали острую критику боевой работы войск ПВО. Как отмечалось в советских документах: *«вследствие ряда недочетов в управлении боевыми действиями..., боевая задача войсками ПВО не была полностью выполнена, значительная часть бомбардировщиков противника провралась к объектам, нанеся им ущерб»* [34].

Несмотря на успехи, сопутствовавшие налетам немецких бомбардировщиков на промышленные объекты и транспортные узлы в начале июня, необходимо признать, что серьезно нарушить пропускную способность железнодорожных магистралей в районе Курского выступа врагу все же не удалось. Согласно советским данным, к июлю удалось довести число эшелонов, доставлявших грузы на Курскую дугу,

до 24 пар в сутки. В итоге места назначения достигло 3572 эшелона (171789 вагонов), среди которых около 1400 были с боевой техникой и около 150000 вагонов — с материальными средствами [35].

Немалую роль в этом сыграли войска ПВО, защищавшие тыловые объекты в составе Воронежско-Борисоглебского, Рязско-Тамбовского и Харьковского корпусных районов. Прикрытие с воздуха лежало на плечах экипажей 36-й, 101-й, 310-й иад. Противовоздушная оборона тыловых районов Курской дуги постоянно усиливалась. По мере прибытия новых частей уже 5 июня Воронежско-Борисоглебский дивизионный район был развернут в Воронежский корпусной, тогда как 101-я иад — в 9-й иак ПВО. Кроме того, для прикрытия тыловой зоны Центрального и Воронежского фронтов было сосредоточено 9 зенитных полков, 14 отдельных зенитных дивизионов, 5 полков зенитных пулеметов, 14 отдельных зенитных артиллерийских дивизионов, 5 полков зенитных пулеметов, 4 прожекторных батальона, 1 полк и 7 батальонов ВНОС, 31 отдельный бронепоезд, другие части и подразделения противовоздушной обороны. Здесь действовали 12 авиационных полков ПВО, в которых насчитывалось 280 истребителей и один разведчик.

Не меньше внимания было уделено противовоздушной обороне группировок наземных войск. Так, если для прикрытия полосы Центрального фронта (участка протяженностью 306 км) имелось 986 различных зенитных орудий, то оборонявшуюся на 32-километровом фронте 13-ю армию прикрывали 32 орудия среднего калибра, 110 малокалиберных пушек и 128 зенитных пулеметов. Эти силы были сведены в две зенитно-артиллерийские дивизии (1-ю и 25-ю) и один отдельный полк, что обеспечило исключительно высокую плотность зенитного огня на малых и средних высотах. 12-я зенитно-артиллерийская дивизия прикрывала боевые порядки 70-й армии. На южном фланге Курской дуги три зенитные дивизии (9-я, 26-я и 5-я) усилили боевой состав 40-й, 6-й и 7-й гвардейских армий. Для прикрытия тылов Центрального и Воронежского фронтов, включая танковые соединения, были выделены 10-я и 8-я зенитные дивизии.

Одной из важнейших задач авиации в период, предшествовавший началу Курской битвы, являлась разведка. Совершая периодические облеты ближних и дальних тылов,

экипажи разведывательных самолетов доставляли командованию ценную информацию о сосредоточении и переброске резервов, ходе строительства оборонительных рубежей, составе и местах базирования авиации противника. Подчас именно данные, доставленные воздушными «следопытами», оказывались решающими при обсуждении важнейших стратегических вопросов. Так, например, усиленная разведка в районе Орла и Кромы, проводимая экипажами 4-го рап, позволила к исходу 14 мая установить здесь большое число танков и автомашин, что дало основание командующему ВВС маршалу А.А. Новикову в своем докладе Верховному Главнокомандующему сделать вывод о подготовке противником крупного наступления на Курск с севера. Отметим, что немецким командованием принимались все меры для скрытого перебазирования танковых частей в районы сосредоточения. Передвижения по дорогам разрешались только ночью, а танкисты вынуждены были даже сменить свою черную форму на обычную армейскую.

Высокую активность проявили в мае—июне и экипажи немецких самолетов-разведчиков. По воспоминаниям начальника штаба 48-го танкового корпуса генерала Меллентина: *«Каждый квадратный метр Курского выступа был сфотографирован с воздуха. Но, хотя эти снимки и давали представление о расположении русских позиций, их длине по фронту и глубине, они не могли вскрыть систему обороны во всех деталях или дать указание на силу оборонявшихся войск, так как русские — большие мастера маскировки. Мы, безусловно, в значительной степени недооценивали их силы»* [36].

Согласно показаниям членов экипажей дальнеразведывательных групп, попавших в плен, разведка осуществлялась ими до рубежа рек Оскол, Дон, Угра. Так, по сообщению штурмана экипажа 4(F)./121, его отряд совместно с 4(F)./11 действовал севернее широты Кирова, тогда как два других отряда 1(F)./100, 4(F)./14 — южнее. По словам авиатора, типичный вылет был направлен на просмотр советской аэродромной сети в полосе Сухиничи, Мичуринск; на шести-семи обнаруженных здесь аэродромах располагалось не менее 100 советских самолетов. По немецким оценкам, в тылу нашего Центрального фронта в середине мая находилось 400 машин.

Трудно сказать, насколько эти данные соответствовали действительности, так как для введения противника в заблуждение советской стороной в широких масштабах принимались меры по строительству ложных аэродромов. Так, только в полосе действия 2-й и 16-й воздушных армий при помощи местного населения было построено около 50 ложных аэродромов. Кроме того, южнее Курска силами 5-й инженерно-минной бригады Резерва Главного командования было создано 33 ложных аэродрома, на которых установили около 180 макетов самолетов. В итоге из 21 налета на наши аэродромы, зафиксированных в июне, только в трех случаях атакам подверглись действующие части. Создание ложных аэродромов, особенно в степных районах, было признано весьма эффективным средством, отвлекающим внимание противника и вводящим его в заблуждение.

Рассмотрим планы противоборствующих сторон по применению авиации в предстоящем сражении. Немецкое командование возлагало на свою авиационную группировку большие надежды, так как насыщенность сухопутных войск артиллерией, особенно в полосе армий «Центр» оставалась недостаточной. Экипажи соединений Дайхмана и Зайдемана, действуя перед боевыми порядками наступающих танковых корпусов, фактически должны были сами выполнять роль «летающей артиллерии», подавляя и уничтожая на переднем крае огневую систему противника. Бомбардировочная авиация, особенно в первые часы наступления, должна была действовать массированно, организуя непрерывное воздействие на оборону советских войск и оставляя в то же время без внимания удары в ближнем тылу. Лишь за сутки перед началом наступления предполагалось организовать налеты для прекращения движения между населенными пунктами Узловая, Елец, Касторная, Курск, а также нанести удар по Ливны, где предполагалось наличие крупной перемалочной базы. Отметим, что первоначально в немецких планах присутствовала возможность нанесения ударов по советским аэродромам в районе Курска. Однако реализацию этих планов командование обоих воздушных флотов посчитало излишне рискованным.

Советские планы боевого применения авиации были разработаны главным образом в мае в контексте общих планов

оборонительных операций и оформлены в виде приказов командующих воздушными армиями. Каждый из штабов разработал по четыре варианта действий в зависимости от предполагаемых направлений главного удара противника. Одной из важнейших задач на начальных этапах сражения считалось завоевание полного господства в воздухе, которое должны были обеспечить непрерывно патрулировавшие группы истребителей, численностью от 20 до 30 машин. Характерной чертой планирования операций советской стороной стала разработка весьма подробных графиков боевой работы как истребителей, так и ударных самолетов. Как мы увидим в последующем, такой подход оправдывал себя лишь на ранней стадии завязки сражения, тогда как уже в ходе его развития нередко становился тормозом, не позволяя оперативно реагировать на изменения наземной обстановки.

Планом оборонительной операции на Центральном и Воронежском фронтах предусматривались также и удары по аэродромам. Однако если в 16-й воздушной армии для этой цели должны были быть задействованы относительно небольшие группы 2-й гв. шад и 6-го сак, то в полосе Воронежского фронта привлекались весьма значительные силы 2-й и 17-й воздушных армий. Отметим, что на протяжении всей операции предусматривалось достаточно тесное взаимодействие объединений генералов С.А. Красовского и В.А. Судца. В зависимости от обстановки предполагалась не только возможность выполнения аэродромного маневра, но и усиление одного из объединений силами 180 самолетов из состава соседнего. Координация действий 2-й и 17-й воздушных армий осуществлялась первым заместителем командующего ВВС Красной Армии генерал-полковником Г.А. Ворожейкиным.

После получения 2 июля очередного предупреждения Ставки ожидание, державшее в напряжении советские войска уже более двух месяцев, достигло своего апогея. Внимание командования Центрального и Воронежского фронтов было приковано к поступающим данным разведки, в том числе и авиационной, отслеживавшей интенсивную переброску вражеских войск к линии фронта. Так, 16-й одрап 16-й воздушной армии вел поиск скоплений войск и техники противника в районах Орел—Глазуновка и Орел—Брянск.

В полосе 2-й воздушной армии разведывательные задания выполнялись 454-м бап. Этот полк, несмотря на свое название, выполнял роль штатного разведывательного полка объединения. В 17-й воздушной армии задачи воздушной разведки были возложены на экипажи 244-й бад, на вооружении которой имелись достаточно скоростные и неплохо вооруженные американские бомбардировщики «Бостон».

Разведывательными вылетами 1 июля было отмечено сосредоточение немецких танков, по всей видимости, из состава 48-го танкового корпуса, непосредственно перед линией фронта в районах Томаровка, Зыбино, Борисовка. После получения столь тревожных сообщений командование Воронежским фронтом приказало провести повторное фотографирование оборонительной полосы германских войск на глубину до 10 километров. Штаб 2-й воздушной армии высоко отозвался о боевой работе воздушных разведчиков: *«Особая заслуга разведки заключается в своевременном вскрытии намерений противника непосредственно перед переходом в наступление»* [37]. Тем не менее надо признать, что дислокацию такого мощного немецкого соединения, как 2-й танковый корпус СС, советским авиаторам вскрыть так и не удалось. В последующем это самым негативным образом сказалось на ходе оборонительных боев севернее Белгорода.

Важной составляющей разведывательной работы советской авиации были действия ночных разведчиков из состава легкомомбардировочных дивизий. Отметим, что в дополнение к 208-й нбад во 2-й воздушной армии для этого использовалась 331-я авиаэскадрилья, имевшая на вооружении «раритетные» для 1943 года машины СБ и Р-5. Уже в ночь на 1 июля было вскрыто интенсивное двухстороннее движение танков и автомобилей на участке Зыбино, Томаровка, Белгород и сосредоточение техники в треугольнике Зыбино, Борисовка, Томаровка. В ту же ночь было обнаружено до 200 автомобилей, движущихся от Харькова на Белгород, что заставило командование 2-й воздушной армии вести разведку в последующие дни более тщательно. Для определения состава и количества войск противника, осуществлявших перегруппировку, экипажам было приказано использовать максимальное количество бомб САБ, а в необходимых случаях *«снижаться для более тщательного просмотра войск»* [38]. В ночь на 2 июля авиаторами из состава 208-й нбад

было установлено скопление до 200 автомашин в районе Соломино, в то время как по шоссе из Харькова на Белгород проследовало около 600 автомобилей с зажженными фарами. Характерно, что в обратном же направлении было отмечено всего 13 машин [39].

Успешно действовали и разведчики 244-й бад 17-й воздушной армии, согласно разведывательным сводкам которой усиленное движение автомашин противника было отмечено в районе северо-западнее и западнее Белгорода в ночь на 2 и 3 июля. Экипажи самолетов засекли до 900 автомашин, проследовавших на Борисовку и Белгород. По мнению разведотдела объединения, это было связано с *«общим планом усиления белгородской группировки пехотными частями для последующего перехода к активным действиям»* [40]. Уже 3 июля, в 10:00, в штаб 244-й бад поступил приказ командующего 17-й воздушной армией генерал-лейтенанта В.А. Судца — немедленно выслать на разведку один экипаж с задачей: установить интенсивность и направление движения автотранспорта, войск и их состав и численность по дорогам Харьков—Отрадные, Харьков—Грайворон, Харьков—Богодухов, Харьков—Валки. При этом особое внимание требовалось уделить дорогам к северу и северо-западу от Харькова. Командующий приказал о важных данных рапортовать, а при благоприятных метеоусловиях фотографировать обнаруженную цель [41].

Высокую активность в первых числах июля развили и немецкие разведывательные самолеты. Особенно много пролетов «рам» было отмечено над расположением 38-й и 40-й армий. Это было тем более примечательно, что основным удар 4-й танковой армии планировался восточнее, в полосе обороны 6-й гвардейской армии. Было ли это попыткой обмануть бдительность командования Воронежского фронта, или немецкие разведывательные экипажи выполняли задачу по отслеживанию перемещения резервов — остается неясным. Однако согласно оперативным сводкам 8-й гв. иад, только в период с 1 по 3 июля летчиками 88-го гв. иап, обеспечивавшими борьбу с вражескими разведчиками, было проведено 4 воздушных боя. При этом в трех случаях вражеские самолеты посчитали уничтоженными, а один записали в разряд «подбитых».

Удивительно, но ведущим пар во всех четырех боях оказался старший лейтенант А.А. Мокрянский. 1 июля в паре с младшим лейтенантом С.А. Востриковым, произведя шесть атак, он сбил двухфюзеляжный «фокке-вульф» в районе Сумы. На следующий день эта же пара снова атаковала немецкий разведчик, произведя в общей сложности до шести заходов. Выстрелив 105 снарядов, пилоты наблюдали, как FW 189 с сильно дымящим правым мотором и, по всей видимости, убитым стрелком успел скрыться в облачности. Интересно отметить, что для уничтожения предыдущей «рамы» эти же пилоты израсходовали 325 снарядов своих ШВАК. 3 июля старший лейтенант А.А. Мокрянский, уже в паре с младшим лейтенантом А.А. Рыбакиным, перехватил и сбил FW 189 в районе Сумы. Вечером жертвой А.А. Мокрянского стал еще один разведывательный «фокке-вульф», уничтоженный около 20:40 в 1,5 километрах восточнее Сумы. В обоих случаях победы подтверждались лишь докладами самих пилотов [42].

Между тем частное наступление на высоты в районе Бутovo, развернутое противником во второй половине 4 июля на Воронежском фронте, вместе с повышенной активностью его разведывательной авиации на обояньском и ольховатском направлениях, а также показания пленных свидетельствовали — час наступления близок. На сей раз ожидания не обманули советское командование. С утра 5 июля, после проведения мощной артиллерийской подготовки и сильной бомбежки переднего края Центрального и Воронежского фронтов, немецкие войска перешли в наступление, начав тем самым почти двухмесячное сражение на Курской дуге.

Ссылки к части 1

1. Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск, 1999. С. 432.
2. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 419.
3. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 420.
4. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 430.
5. Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск, 1999. С. 527.
6. От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. Москва, 1988. С. 274.
7. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 18.

8. Голованов А.Е. Записки командующего АДД. Москва, 1997. С. 211.
9. Соловьев Б.Г. Вермахт на пути к гибели. Москва, 1973. С. 96, 97.
10. Хазанов Д.Б., Горбач В.Г. Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Москва, 2004. С. 12.
11. Klink E. Das gesetz des Handeles. Die operation «Zitadele» 1943. Stuttgart: 1966. S. 191, 193.
12. ЦАМО РФ. Ф. 299. Оп. 3302. Д. 233-и. Л. 19.
13. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 39. Л. 15. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 101. Л. 15, 16.
14. Курская битва. Москва, 1970. С. 480.
15. Хазанов Д.Б., Горбач В.Г. Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Москва, 2004. С. 29.
16. Хазанов Д.Б., Горбач В.Г. Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Москва, 2004. С. 26.
17. ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 87. Л. 238.
18. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 29. Т. 1. Л. 343.
19. ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 87. Л. 371.
20. ЦАМОФ. 1-й забр. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
21. ЦАМОФ. 1-й забр. Оп. 1. Д. 24. Л. 52.
22. ЦАМО РФ. Ф. 8-й гв. бад. Оп. 1. Д. 8-г. Л. 2.
23. ЦАМО РФ. Ф. 1-й гв. бад. Оп. 1. Д. 5. Л. 77.
24. Хазанов Д.Б., Горбач В.Г. Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Москва, 2004. С. 31.
25. Ньютон С. Курская битва. Немецкий взгляд. Москва, 2006. С. 207, 208.
26. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Москва, 1968. С. 164.
27. Кожевников М.Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Москва, 1978. С. 132.
28. ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 15035. Д. 1. Л. 189.
29. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (2—3) Москва, 1997. С. 147.
30. Хазанов Д.Б., Горбач В.Г. Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Москва, 2004. С. 18.
31. Кожевников М.Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Москва, 1978. С. 132.
32. Ньютон С. Курская битва. Немецкий взгляд. Москва, 2006. С. 268.
33. Степанец А.Т. Истребители Як периода Великой Отечественной войны. Москва, 1992. С. 41.
34. Хазанов Д.Б., Горбач В.Г. Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Москва, 2004. С. 21.
35. Курская битва. Москва, 1970. С. 268.
36. Меллентин Ф. Танковые сражения. Москва, 2000. С. 272, 273.
37. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 39. Л. 4.
38. ЦАМО РФ. Ф. 208-й нбад. Оп. 1. Д. 12. Л. 37.
39. ЦАМО РФ. Ф. 208-й нбад. Оп. 1. Д. 15. Л. 155.
40. ЦАМО РФ. Ф. 288-й иад. Оп. 1. Д. 29. Л. 81.
41. ЦАМО РФ. Ф. 244-й бад. Оп. 1. Д. 14. Л. 435.
42. ЦАМО РФ. Ф. 8-й гв. иад. Оп. 1. Д. 7. Л. 141—143.

Часть 2

СРАЖЕНИЕ НАД СЕВЕРНЫМ ФАСОМ КУРСКОЙ ДУГИ

2.1. ПЕРВЫЙ УДАР (5 июля)

Интересной особенностью плана оборонительной операции войск Центрального и Воронежского фронтов являлось проведение непосредственно перед началом немецкого наступления артиллерийской контрподготовки. По всей видимости, эта идея выкристаллизовалась у советского командования еще на ранних стадиях планирования, так как упоминание о ней можно встретить в документах, датированных началом мая. После получения 2 июля очередного предупреждения Ставки генерал армии К.К. Рокоссовский в своем приказе командующим армиями особо подчеркивал: *«При установлении признаков наступления и атаки противника немедленно начать контрподготовку с целью сорвать атаку противника. К контрподготовке привлечь всю артиллерию 13, 70 и 48-й армий и всю авиацию 16-й воздушной армии по ранее разработанным планам»* [1]. В тот же день в докладе Верховному Главнокомандующему он снова отметил, что при первых признаках активности немецких войск артиллерия, поддержанная авиацией, проведет контрподготовку с целью *«сорвать наступление противника»* [2].

Для установления точного времени начала немецкого наступления на всем Центральном фронте были усилены действия групп разведки, однако, несмотря на предпринятые усилия, захватить «языка» удалось лишь в ночь непосредственно перед началом операции «Цитадель». В коротком бою на нейтральной полосе был пленен сапер 6-й пехотной дивизии Бруно Формель, показавший на допросе в штабе 13-й армии, что его группа имела задачу расчистить проходы в советских заграждениях на переднем крае и что немецкое наступление должно начаться в 3 часа утра 5 июля.

По воспоминаниям маршала К.К. Рокоссовского, когда эти данные были получены в штабе фронта, времени на обсуждение возможных решений уже практически не оставалось. После короткой консультации с представителем Ставки маршалом Г.К. Жуковым в 2 часа 20 минут был отдан приказ о начале контрподготовки. Однако, добившись определенной внезапности, советской стороне тем не менее не удалось сорвать планы врага. Темнота не только ограничила возможности наблюдения и корректировки артиллерийского огня, но и исключила предполагавшиеся действия авиации.

Между тем уже в 2:30 штаб 16-й воздушной армии разослал в корпуса и дивизии директиву, определявшую действия авиаторов на ближайшие часы. Приказ командующего 16-й воздушной армией генерал-лейтенанта С.И. Руденко на 5 июля гласил: *«Одной третью истребителей быть готовыми с рассветом к отражению возможных налетов авиации противника. Остальным истребителям быть в тридцатиминутной готовности к выполнению боевого приказа № 0048 — особым распоряжением. Одной третью штурмовиков и бомбардировщиков быть готовым с 6:00, а остальным в тридцатиминутной готовности к выполнению боевого приказа № 0048 — особым распоряжением»* [3]. Для первого вылета к линии фронта предусматривалось использовать три группы 6-го иак общей численностью 40 истребителей.

Для понимания логики произошедших в первой половине 5 июля событий необходимо остановиться на рассмотрении решения генерала С.И. Руденко несколько подробнее. Упомянутый выше приказ № 0048 определял действия авиации в случае перехода противника в наступление, содержав график самолето-вылетов истребительной и штурмовой авиации. Ввод его в действие был особенно актуален для командования 6-го иак и 1-й гв. иад, основной задачей которых было завоевание господства в воздухе. Согласно приказу № 0048 штабы этих соединений должны были обеспечить с первых часов сражения непрерывное патрулирование не менее 30 истребителей. Однако командующий 16-й воздушной армией посчитал преждевременным ввод в действие напряженного графика патрулирования, ограничившись высылкой к линии фронта сильных групп истребителей. Это решение было оправданным, исходя из неопределенности

сложившейся к тому времени обстановки, но в дальнейшем, когда действия немецкой авиации приобрели большой размах, оно же в значительной степени дезорганизовало работу истребительных соединений.

Перейдем теперь к описанию начала воздушного сражения. Первые группы немецких самолетов были отмечены советскими наблюдателями уже в 4 часа утра. Около 4:40, с началом немецкой артиллерийской подготовки, действия бомбардировщиков 1-й авиадивизии получили дополнительный импульс — объектами их атак стали позиции советских войск и артиллерии в районе Малоархангельска. В ответ на повышенную активность противника, командованием 16-й воздушной армии были подняты истребители 6-го иак.

Первыми к линии фронта подошли 18 «яков», которых вел командир 157-го иап майор В. Ф. Волков (Герой Советского Союза с 1.7.44). Среди других частей 6-го иак полк отличался сколоченным и хорошо подготовленным летным составом. Находясь еще в составе 3-й воздушной армии, он был укомплектован лучшими летчиками-истребителями Калининского фронта. Подходя к району патрулирования строем развернутых по фронту пар, пилоты «яков» обнаружили в районе Малоархангельск-Верхняя Сосна около 25 Ju 88, бомбивших расположение советских войск. Весь район действия вражеских бомбардировщиков оказался блокирован многочисленными «фокке-вульфами» из состава III/JG51, которые действовали на высотах от 2000 до 7000 метров.

Ударная восьмерка командира эскадрильи Героя Советского Союза капитана В.Н. Залевского попыталась прорваться через заслон FW 190 к бомбардировщикам. Это удалось сделать только четырем «якам», атаковавшим «юнкерсы» сзади снизу, тогда как остальная часть группы была связана воздушным боем, немецкими истребителями. По докладам пилотов, капитаном В.Н. Залевским было сбито два бомбардировщика. Еще два «юнкерса» были подожжены лейтенантом Ануфриевым и сержантом Г.Х. Каргаевым. Однако на выходе из атаки самолеты В.Н. Залевского и Ануфриева сами стали жертвами атак «фокке-вульфов». Оба пилота, получив ранения, выпрыгнули из горящих машин на парашютах. Капитан В.Н. Залевский, получивший ранение в ногу, позднее скончался в госпитале.

В это время десять «яков» майора В. Ф. Волкова вели напряженный воздушный бой с целой стаей «фокке-вульфов». Согласно данным, зафиксированным штабом полка, ценой повреждения четырех своих машин удалось сбить 9 FW 190 [4]. В бою отличились будущие Герои Советского Союза А.Е. Боровых и И.В. Маслов. Однако командование 6-го иак по-иному оценило итоги схватки, засчитав пилотам победы над 3 Ju 88 и 2 FW 190. Воздушный бой вызвал большое воодушевление наблюдавших за ним наземных войск. Документы 6-го иак свидетельствуют, что пехотинцы и танкисты встретили появление и атаку краснозвездных истребителей криками «Ура!», а по окончании схватки командующий 2-й танковой армией генерал-лейтенант А.Г. Родин прислал авиаторам благодарность [5].

С немецкой стороны, участвовавшие в бою истребители из состава III/JG51 заявили о пяти сбитых советских самолетах, идентифицированных немецкими летчиками, как МиГ-3 и ЛаГГ. Первые две победы с двухминутным интервалом (в 4:45 и 4:50) одержал фельдфебель Хуберт Штрассл (Strassl Hubert) из отряда 8./JG51. Мы еще не раз упомянем имя этого пилота, а пока укажем, что, возможно, именно его атака стала роковой для капитана В.Н. Залевского и лейтенанта Ануфриева. Потери немецкой стороны составили 1 FW 190 из 9./JG51, считавшийся пропавшим без вести, а также, вероятно, Ju 88А-14 командира 8./KG1 (посмертно награжденного Рыцарским крестом Германа Михаэля (Michael Hermann), который, по немецким данным, взорвался в воздухе. Из экипажа «юнкерса» удалось спастись лишь одному авиатору. К сожалению, отсутствие более подробных данных о гибели аса не позволяет однозначно утверждать, что он стал жертвой летчиков 157-го иап.

Кроме 6-го иак к патрулированию линии фронта были привлечены также и другие истребительные дивизии 16-й воздушной армии. Среди них, в частности, была 286-я иад, основной задачей которой было сопровождение штурмовиков 299-й шад. Однако, пока «илы» вынуждены были простаивать на земле, «лавочкины» 286-й иад совершили несколько вылетов на прикрытие наземных войск. Около 6:00 группа из 8 Ла-5 721-го иап, ведомая капитаном Н.М. Трегубовым (Герой Советского Союза с 13.4.44), атаковала около

50 бомбардировщиков, опознанных, как Ju 88 и Do 215 (по всей видимости, это были Bf 110 из состава I/ZG1), которых прикрывало до 50 FW 190. Несмотря на неравенство сил, летчикам 721-го иап удалось провести атаку, в которой капитану Н.М. Трегубову было записано две победы над Do 215 и FW 190 [6].

Одной из жертв атак истребителей 16-й воздушной армии стал Ju 87D-3 из отряда 7./StG1, экипаж которого, в составе пилота унтер-офицера Хайнца Хейла (Heil Heinz) и стрелка-радиста Герхардта Шрамма (Schramm Gerhard), был пленен красноармейцами в расположении 70-й армии. Делясь на допросе впечатлениями о силе сопротивления русской истребительной авиации, немецкие авиаторы показали: *«Мы прибыли на советско-германский фронт 3 июля из Югославии. 5 июля в 2 часа 15 минут наша эскадра получила приказ бомбить укрепления русских. Мы еще не успели сбросить бомбы, как наш бомбардировщик «Юнкерс-87» был подожжен советским истребителем. Признаться, мы ожидали сильного противодействия со стороны советской авиации и зенитной артиллерии. Однако жестокий отпор русских летчиков превзошел все ожидания и ошеломил нас»* [7]. Такая лестная характеристика действий советских истребителей не могла пройти мимо советской пропаганды. Показания сбитого экипажа были процитированы в одном из выпусков Совинформбюро. Обращает на себя внимание тот факт, что в списках потерь StG1 экипаж Хейла числится как жертва зенитной артиллерии.

События первых часов разворачивающегося сражения внушали советскому командованию оптимизм. Наземные атаки, производившие впечатление плохо организованных, были практически повсеместно отбиты, а налеты немецкой авиации получили решительный отпор со стороны истребителей 16-й воздушной армии. Все изменилось в 7:30, когда части 47-го и 46-го танковых корпусов после мощной артподготовки и ударов с воздуха снова перешли в наступление против центра и левого фланга 13-й армии, а также правого фланга 70-й армии. На сей раз сомнений в серьезности намерений противника не оставалось. Действия экипажей 1-й авиадивизии 6-го воздушного флота по позициям советской пехоты и артиллерии начали носить непрерывный характер.

На первую и вторую полосы обороны большие группы немецких самолетов сбросили множество фугасных, а также мини-бомб, призванных в первую очередь выбить расчеты артиллерийских орудий.

К сожалению, командование 16-й воздушной армии упустило момент концентрации сил истребителей для борьбы с бомбардировочной авиацией противника. Вопреки имевшемуся разработанному плану боевого применения, в воздух продолжали подниматься группы по 6—8 истребителей, которые были не только не в силах предотвратить массированные налеты на боевые порядки наземных войск, но уже на подходе к линии фронта сами становились объектом ожесточенных атак «фокке-вульфов». Документы 6-го иак свидетельствуют: *«Первые бои сразу же принесли известия о том, что противник появляется массированными группами и характер воздушных боев принимает ожесточенную форму»* [8].

Основное напряжение утренних боев 5 июля пришлось на авиаторов 273-й иад и 1-й гв. иад. Группа из 6 Як-9 и 2 Як-7б 163-го иап под командованием майора Н.Е. Морозова в районе Малоархангельска была внезапно атакована сзади сверху двадцатью FW 190. Немецкие истребители, эшелонируясь по высотам, вели по «якам» практически непрерывные атаки. За 40 минут боя было сбито пять советских самолетов, при этом погибло три летчика. Потери же немецкой стороны составили две машины. Один из сбитых пилотов FW 190 выбросился с парашютом и был пленен [9].

Неудачно сложился и вылет 10 Як-9 из состава 2-й эскадрильи 347-го иап. Действуя по соседству с группой 163-го иап, истребители майора А.М. Баранова около 8:00 атаковали большие группы He 111 и Ju 87, при этом ценой потери четырех и повреждения одного Як-9 удалось сбить всего один «хейнкель» и повредить двухмоторный истребитель Bf 110. Второй вылет был еще более трагичен — в воздушном бою погиб командир полка майор В.Л. Плотников. Его группа при атаке распалась на отдельные пары и машины. В результате самолет В.Л. Плотникова оказался подбит парой FW 190 и на свой аэродром не вернулся [10].

Среди успешных боев утра 5 июля можно отметить лишь атаку в девятом часу большой группы немецких бомбар-

дировщиков восьмеркой Як-1 53-го гв. иап под командованием старшего лейтенанта П.П. Ратникова. Немецкие бомбардировщики к тому времени устроили над передним краем советских частей настоящий «конвейер». Подходя с разных направлений, они ложились на боевой курс, следуя вдоль линии фронта. Обнаружив до 70 He 111 и Ju 88, шедших на высоте 3200 метров, группа 53-го гв. иап начала набирать высоту, обходя заслон из истребителей противника. Прячась в лучах солнца, советские пилоты вскоре оказались в хвосте колонны противника, которая в районе Понырей начала делать поворот на боевой курс. В этот момент группа П.П. Ратникова, по команде своего ведущего, атаковала He 111, причем с первой же атаки удалось поразить 2 He 111 и 2 Ju 88. Эти самолеты были засчитаны, как сбитые. Отметим, что вероятнее всего экипажи 53-го гв. иап атаковали группу «хейнкелей» из состава III/KG53, сбив один или два бомбардировщика.

После стремительной первой атаки группа советских истребителей разделилась на две четверки, одна из которых во главе со старшим лейтенантом П.П. Ратниковым продолжила атаки на соединение «хейнкелей». Ведущему вместе со своим ведомым лейтенантом А. Ф. Целковиковым удалось повредить еще один He 111, однако ответным огнем стрелков самолет последнего также был серьезно поврежден. Получив ожоги, лейтенант А. Ф. Целковиков совершил вынужденную посадку в расположении своих войск. Такая же судьба постигла и младшего лейтенанта Хомича, разбившего свой «як» при посадке на фюзеляж [11].

Несмотря на мужество и самоотверженность летного состава, общая обстановка в воздухе к полудню оставалась не только сложной, но и во многом трагической. Только за первые семь часов сражения советской стороной было отмечено свыше 1000 самолето-пролетов немецкой авиации, из которых около 850 приходилось на бомбардировщики. Ощутимые потери заставили генерала С.И. Руденко в 8:30 передать в истребительные соединения телеграмму, гласившую, что начиная с 9:30 части армии должны были действовать согласно приказу № 0048. Штаб 6-го иак отмечал, что это решение командующего *«внесло ясность в расстановку и использование истребительных сил корпуса. Далее работа*

сводилась к выпуску групп по графику» [12]. Однако, как показала практика, слепое выполнение приказов и отсутствие инициативы фактически отдало господство в воздухе в руки противника.

Чувствительные потери первых часов сражения привели к тому, что выдержать график патрулирования согласно приказу № 0048 штабам 6-го иак и 1-й гв. иад становилось все труднее. Документы 163-го иап свидетельствуют: *«Одновременно было такое количество очагов нападений на наши объекты, что выслать для борьбы с ними больше четверки не представлялось возможным. На каждого нашего истребителя приходилось 6—8 истребителей противника»* [13].

Оценивая события утра 5 июля, необходимо помнить, что к борьбе за господство в воздухе были привлечены относительно небольшие силы истребительной авиации. Так, из состава 6-го иак в утренние часы активно действовало только два полка 273-й иад, в то время как уже упоминавшийся нами 157-й иап, состоявший из 16 истребителей, проводя упомянутый нами выше бой, находился в резерве командира 6-го иак. Далеко от штатной численности был и боевой состав 1-й гв. иад. В составе четырех полков соединения подполковника И.В. Крупенина насчитывалось всего 67 самолетов, из которых 56 были исправными. Таким образом, средняя численность полка соединения составляла от 12 до 16 истребителей. В лучшую сторону выделялся лишь 67-й гв. иап, имевший в своем составе 27 «Аэрокобр». Однако этот полк находился в личном резерве командующего 16-й воздушной армией и участия в оборонительном сражении начала июля так и не принял. Впрочем, причины сложившейся тяжелой воздушной обстановки не исчерпывались недостаточным количеством высылаемых групп истребителей. К сожалению, командиры частей и соединений не предприняли необходимых мер по улучшению управления и наведения с земли. Не смогла изменить положения и постоянно находящаяся при штабе 13-й армии группа офицеров во главе с заместителем командующего 16-й воздушной армией.

Тяжелая обстановка, сложившаяся в первые часы сражения, заставила командование 16-й воздушной армии привлечь к борьбе за господство в воздухе 279-ю иад 6-го иак. В отличие от соседней 273-й иад, командование этой диви-

зии высылало к линии фронта группы истребителей численностью 16—18 машин. Однако подчиненным полковника Ф.Н. Дементьева первые схватки принесли также лишь разочарование и горечь потерь. Только в ходе первых трех вылетов 279-я иад лишилась 15 самолетов.

Показательным стал один из первых боев 16 Ла-5 192-го иап с шестеркой FW 190, в котором при потере двух своих машин удалось сбить всего лишь один «фокке-вульф». Кроме того, еще один «лавочкин» был поражен огнем зенитной артиллерии. Вскоре 18 Ла-5 92-го иап в районе Поныри-Бузулук атаковали до 50 бомбардировщиков Ju 87 и Ju 88. Достигнутый успех можно считать весьма относительным — сбив 2 «юнкерса», группа потеряла 5 своих самолетов. Однако наиболее неудачно сложился бой 18 Ла-5 486-го иап, ведомых командиром полка майором К.А. Пелипцом. В двенадцатом часу дня эта группа попыталась напасть в районе Поньрей на девятку Ju 88, прикрытую 12 FW 190. Истребители 486-го иап были эшелонированы по высотам от 3000 до 4000 метров, как и предписывал боевой опыт. Однако наличие облачности и плохая слетанность не позволили использовать численное преимущество. После атаки ударной шестерки «лавочкиных» ее ведущий капитан А.М. Овсиенко резко ушел вверх, в результате чего группа распалась. Скользящая группа К.А. Пелипца, шедшая с превышением в 500 метров, также заметила «юнкерсы» и попыталась атаковать их. Однако на втором заходе самолет командира 486-го иап был подожжен подоспевшими «фокке-вульками». В это время группа из 4 Ла-5 лейтенанта И.Г. Меньшова, шедшая на высоте 4000 метров, из-за облачности боя не видела и участия в нем не принимала. В результате на свой аэродром не вернулось 6 Ла-5, а на счет пилотов группы было записано, по разным данным, один или два истребителя противника [14].

По всей видимости, противниками летчиков 486-го иап в этом бою стали пилоты из состава отрядов 8. и 9./JG51. Согласно немецким данным, за восемь минут воздушного боя ими было сбито 8 советских истребителей, идентифицированных как ЛаГГ-3 и ЛаГГ-5. При этом свою шестую и седьмую победу за день одержал уже упоминавшийся нами Хуберт Штрассл. Уже через семь минут после окончания боя

с советскими истребителями экипажи «фокке-вульфов» атаковали появившиеся над линией фронта бомбардировщики и штурмовики. В этом бою на счет Штрассла было записано еще 4 победы — 2 Ла-5, Ил-2 и «Бостон».

Как видно, истребители из состава III/JG51 находились над линией фронта как раз в тот момент, когда командованием 16-й воздушной армии была введена в действие ударная авиация. Сложившаяся к этому моменту наземная обстановка в центре и на левом фланге 13-й армии приняла угрожающий для советской стороны оборот. Частям 47-го танкового корпуса к 10:30 удалось прорвать оборону 15-й и 81-й стрелковых дивизий, часть сил которых попала в окружение. Были захвачены населенные пункты Озерки и Ясная Поляна.

Еще один мощный удар был нанесен силами 46-го танкового корпуса по правому флангу 70-й армии. Немецкие бомбардировщики, не встречая в воздухе серьезного сопротивления, оказывали весьма эффективную поддержку своей пехоте и танкам, способствуя прорыву оборонительных рубежей на этом участке. Так, например, 132-я стрелковая дивизия 70-й армии, закрепившись на рубеже Гнилец—Красный Уголок и отбив при этом три атаки на свои позиции, вынуждена была отступить после массированного удара до восьмидесяти Ju 87 из StG1. В докладе оперативного отдела 70-й армии о боевых действиях отмечалось, что немецкая авиация *«волнами по 20—25 самолетов весь день бомбила боевые порядки 28 стрелкового корпуса»*. Всего же над позициями 70-й армии в первый день сражения было зафиксировано около 1600 самолето-пролетов авиации противника. По данным штаба армии, зенитным огнем с земли было уничтожено 9 самолетов противника [15]. Согласно оперсводкам 70-й армии, за день боев в распоряжении объединения было пленено 3 немецких авиатора [16].

В ходе сражения наступил опасный кризис. Большие группы танков и пехоты 47-го танкового корпуса стали прорываться к населенным пунктам Поныри, Снова, Подолянь. Командованием Центрального фронта были брошены находящиеся под рукой резервы. Одновременно в 10:30 командующий 2-й танковой армией генерал-лейтенант А.Г. Родин получил приказ о начале выдвижения 3-го и 16-го танковых

корпусов к месту прорыва, что должно было обеспечить устойчивую оборону 13-й армии. Прикрытие танкистов с воздуха осуществляли специально выделенные группы истребителей 16-й воздушной армии, однако немецкая фронтовая авиация была настолько занята ударами по переднему краю, что перемещение больших масс бронетехники 2-й танковой армии прошло практически без воздействия с ее стороны.

Сильным козырем командования Центрального фронта в сложившейся ситуации продолжала оставаться ударная авиация 16-й воздушной армии, которая с самого утра ожидала сигнала на вылет. Расчет генерал-лейтенант С.И. Руденко, отказавшегося от сомнительных по своей эффективности налетов на вражеские аэродромы, оказался верным. Получив весьма образный приказ генерала К.К. Рокоссовского «расправить плечи», командующий 16-й воздушной армией поднял в воздух для локализации прорыва в полосе 13-й армии группы 221-й, 241-й бад, а также 2-й гв. и 299-й шад. Одновременно к борьбе за господство в воздухе была подключена также часть сил 283-й и 286-й иад. Меры, принятые советской стороной, не остались незамеченными противником. Штаб группы армий «Центр» отметил усиление действий краснозвездных самолетов в итоговой разведсводке за 5 июля: *«Вражеская авиация после первоначального замешательства перешла к плановым действиям»* [17].

Говоря об участии в боях 5 июля бомбардировочной авиации 16-й воздушной армии, отметим, что основная нагрузка выпала на долю экипажей бомбардировщиков «Бостон» 221-й бад, которые совершили за день 89 самолето-вылетов. Для их сопровождения истребители 282-й иад, также входившей в 6-й сак, 103 раза поднимались в воздух. Несмотря на противодействие немецких истребителей и сильный зенитный огонь с земли, потери 221-й бад были относительно невелики — всего 4 самолета не вернулось на свои аэродромы, а еще два бомбардировщика совершили вынужденные посадки. Немецкие данные не сильно отличаются от советских. Согласно им, истребителями JG51 и JG54 за день было сбито 7 бомбардировщиков американского производства.

Экипажи Пе-2 241-й бад совершили вылеты силами всего двух групп, состоявших из 5 и 8 Пе-2 соответственно.

Восьмерка «пешек» вынуждена была, из-за отсутствия войск противника в назначенном районе удара, бомбардировать запасную цель — скопления немецких танков в роще в 2 километрах восточнее Нижнее Тагино. А вот экипажи 5 Пе-2 накрыли до батальона пехоты, 6 танков и около 40 повозок с войсками и грузами в районе Ясная Поляна—Новый Хутор. Как показал впоследствии один из захваченных в плен немецких солдат 292-й пехотной дивизии, разрывы бомб накрыли немецкие позиции на участке около двух километров, причем некоторые осколочные бомбы попали либо в окопы, либо на их брустверы. В итоге только один батальон потерял убитыми 23 человека; а еще 56 военнослужащих получили ранения [18].

Отметим, что экипажами 241-й бад в ходе 13 самолетовылетов было сброшено 66 ФАБ-100, 32 АО-15, 40 АО-10, 38 АО-8 и 120 ЗАБ-2,5. Все возвратившиеся с боевого задания Пе-2 имели множество повреждений. На одной из «пешек» механики насчитали до 40 осколочных пробоин. В то же время потери 241-й бад были минимальны. Атакованная дюжиной немецких истребителей восьмерка Пе-2 лишилась всего одной машины, которая совершила вынужденную посадку. Еще у одной «пешки» уже на пробеге сложились опоры шасси — в итоге разбитый бомбардировщик пришлось списать.

Весьма эффективными оказались действия штурмовиков из состава 2-й гв. и 299-й шад. В лучшую сторону отличался более сплоченный и опытный летный состав 2-й гв. шад, прошедший суровую школу боев под Сталинградом. Из имевшихся в составе дивизии четырех штурмовых полков в боях первого дня было задействовано три (59-й, 78-й и 79-й гв. шап). Ценой потери 4 штурмовиков, по докладам экипажей соединения, был уничтожен 31 танк, 30 автомобилей, 3 бронемшины, а также другая техника. Многие штурмовики получили повреждения, а самолет младшего лейтенанта Попова из 78-го гв. шап, пострадавший как от зенитного огня, так и от атак «фокке-вульфов», совершил посадку на своем аэродроме на фюзеляж.

Намного тяжелее пришлось личному составу 299-й шад, которая понесла в ряде воздушных боев тяжелые потери. Так, восьмерка Ил-2 под командованием лейтенанта Ми-

тусова лишилась в одном вылете шести машин. В другой группе 217-го шап сразу три Ил-2 были подбиты после внезапной атаки «фокке-вульфов». Спасла только отменная живучесть «илов» — один самолет совершил вынужденную посадку, а остальные все же дотянули до своего аэродрома. Но все стрелки-радисты на самолетах были ранены, а один из них позднее скончался в госпитале [19].

Уже к 12:00 число самолето-вылетов, совершенных подчиненными генерала С.И. Руденко, перевалило за отметку 500. Отметим, что штурмовая авиация действовала в основном группами по 6—8 машин, что не позволяло эффективно поражать большие массы бронетехники, а также повышало расход вылетов истребителей на сопровождение. Неудивительно, что, освещая действия штурмовиков, немецкие источники подчеркивали: *«Советские штурмовые самолеты появились над полем битвы около полудня, однако им не удалось серьезно помешать действиям наших сухопутных войск»* [20]. Как бы то ни было, но ко второй половине дня положение в полосе 13-й армии удалось несколько стабилизировать. Удары с воздуха, а также губительный артиллерийский огонь позволили в короткий срок нейтрализовать наметившийся было успех противника. Немецкие танки остановились, превратившись в неподвижные огневые точки, а пехота была вынуждена залечь.

Красноречивые показания о первом дне боев дал и пленный обер-ефрейтор 5-й роты 167-го полка Баумгоф: *«Первый день нашего наступления я никогда не забуду. У меня не было никакой надежды выйти живым из боя. Наш полк понес очень тяжелые потери. Другие полки дивизии пострадали еще больше. Уже к полудню 5 июля 216 полк, брошенный на прорыв обороны русских, потерял две трети личного состава, но не добился никакого результата. Жалкие остатки полка были отведены во второй эшелон. Санитары не успевали выносить раненых. Один санитарный унтер-офицер сказал мне, что перевязочный пункт напоминает двор скотобойни»*.

Ко второй половине дня накал боев на фронте 13-й и 70-й армий достиг своего апогея. По свидетельству очевидцев, к этому моменту противник обеспечил одновременное нахождение над передним краем советской обороны до 300 бомбардировщиков и около 100 истребителей. Кроме того,

наблюдательные посты, расположенные в полосе соседнего Брянского фронта, неоднократно докладывали о прохождении групп, насчитывавших до 150 бомбардировщиков.

Вторая половина дня прошла также при доминировании в воздухе немецкой авиации. Несмотря на ожесточенное сопротивление частей 13-й и 70-й армий, немецким войскам удалось продвинуться в глубину советской обороны приблизительно на 4—5 километров. Резюмируя итог боевых действий 13-й армии, командующий фронтом генерал К.К.Рокоссовский отмечал в своем донесении в Ставку: *«Части армии, отражая непрерывные атаки танков и пехоты противника, поддержанных большими группами авиации, в течение трех часов удерживали занимаемые рубежи. Только после повторной арт. авиаподготовки, введя в бой до 400 танков, противнику удалось потеснить части армии»* [21].

Командование группы армий «Центр» подчеркнуло особую роль авиации 1-й авиадивизии в достижении этого успеха, отметив, что крупные силы бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации последовательными волнами поддерживали наступательную операцию сухопутных войск. Были отмечены многочисленные прямые попадания в артиллерийские батареи, полевые позиции и транспортные колонны.

Накал воздушных боев сохранялся практически до самых сумерек. В течение дня несколько улучшилось наведение с земли, однако даже оно не гарантировало срыв вражеских бомбежек. Так, большая группа из 19 Ла-5 92-го иап, вылетевшая на выполнение задания в 12:30, была наведена станцией Штык-2 в районе Подолянь—Тагино на смешанную группу бомбардировщиков, состоящую из 15 Ju 87, 7 Ju 88 и 6 He 111, прикрытых дюжиной «фокке-вульфов». Разделившись на две группы по 12 и 7 самолетов, советские летчики атаковали бомбардировщики и истребители противника. Разбор, проведенный работниками штаба 6-го иак по итогам прошедшей схватки, показал, что действия летчиков обеих групп, ведомых майором Д.А. Медведевым и старшим лейтенантом Н.Г. Бутомой, были разрозненны. В итоге, хотя экипажам и было засчитано три сбитых бомбардировщика и четыре истребителя, при потере двух Ла-5, общий итог боя был признан неудачным [22].

Отметим, что группы 279-й иад продолжали нести тяжелые потери в воздушных боях до самого конца дня. Вылетевшая со своего аэродрома в 15:15 группа из 16 Ла-5 486-го иап в воздушном бою над районом Понырей с 30 Ju 88 и Bf 110, прикрытых большим количеством истребителей, потеряла 4 машины, сбив всего один Ju 88. Еще более трагично сложился вылет группы соседнего 192-го иап в период 19:15—20: 40. Ведомые командиром полка майором Кизиловым 15 Ла-5 в районе Малоархангельск-Поныри атаковали бомбардировщики Ju 88, прикрытые истребителями FW 190. В результате боя было потеряно 6 Ла-5, плюс еще один наш самолет совершил вынужденную посадку в поле с убранными шасси, в то время как на счета летчиков было записано всего четыре сбитых немецких истребителя [23].

Именно в вечерние часы, венчающие кровавый день 5 июля, был совершен единственный за весь день таран. Отличился пилот 54-го гв. иап младший лейтенант В.К. Поляков, который в составе четверки Як-1 в 18:53 вылетел с аэродрома Фатеж для отражения налета противника в районе 2-е Поныри—Никольское. Во время воздушного боя два «яка» были связаны истребителями сопровождения, а самолет командира группы Калмыкова получил повреждения и вышел из боя. Тогда младший лейтенант В.К. Поляков атаковал соединение He 111 самостоятельно. Сблизившись с одним из бомбардировщиков на дистанцию около 20 метров, советский летчик открыл огонь и добился попаданий. Однако ответный огонь воздушного стрелка также был меток. На машине В.К. Полякова был пробит бензобак, спустило воду, загорелась правая плоскость, а сам пилот получил ожог лица и был ранен в правую руку. Понимая, что истребитель долго не протянет, отважный авиатор принял решение таранить «хейнкель». Ударом винта и правой плоскости он снес хвостовое оперение немецкого бомбардировщика, а сам, выброшенный из горящих обломков истребителя, окровавленный, с ожогами лица, но все же живой, благополучно приземлился в расположении своих войск. Протараненный He 111, по всей видимости, принадлежавший эскадре KG53, упал в районе Вozy. Это был двадцать четвертый воздушный бой и четвертая победа пилота. За таран над Курской дутой

Виталий Константинович Поляков 2 сентября 1943 года был удостоен звания Героя Советского Союза [24].

Итак, первый день сражения — наиболее тяжелый и богатый на потери для 16-й воздушной армии — закончился. Совершив за день 1720 самолето-вылетов (из них 1232 днем), ее экипажи провели 76 воздушных боев, в которых, по данным штаба армии, удалось сбить 106 вражеских самолетов [25]. В то же время потери объединения генерала С.И. Руденко были поистине опустошающими: за день на свои аэродромы не вернулось 98 самолетов [26].

Львиную долю потерь 16-й воздушной армии, около 75%, составили самолеты из состава соединений истребительной авиации. Достаточно сказать, что только 6-й иак лишился за день 45 машин. Боевой состав его полков сильно поредел. Некоторые из них к исходу дня представляли собой в лучшем случае усиленные эскадрильи. Так, например, в 273-й иад в 157-м иап числилось 16, а в 163-м и 347-м иап соответственно 6 и 7 исправных «яков» разных модификаций. Значительно сократился боевой состав 279-й иад, где число истребителей Ла-5 за день уменьшилось в 92-м иап с 27 до 19, в 192-м иап и 486-м иап с 24 до 13 в каждом. Девять самолетов потеряли сражавшиеся плечом к плечу с летчиками 6-го иак авиаторы 1-й гв. иад. Несмотря на относительно небольшую цифру потерь, из-за большого числа поврежденных машин боеспособность некоторых полков резко упала. В особенности это касалось 54-го гв. иап. Данные, поданные в штаб дивизии, по всей видимости, еще до тарана, совершенного младшим лейтенантом В.К. Поляковым, свидетельствовали — из 13 истребителей (12 исправных), имевшихся в наличии к началу дня, к его завершению могли подняться в воздух только 3 Як-1 и 2 Як-9, в то время как 7 машин числились в ремонте. Также сильно пострадала в ходе первого дня боев 286-я иад, весь день занятая сопровождением штурмовиков и борьбой за господство в воздухе. В ходе боев она лишилась 14 истребителей, 8 из которых принадлежали 721-му иап.

Причины столь тяжелых потерь были очевидны. Характеризуя первый день Курской битвы, штаб 6-го иак отмечал: *«Это было первое боевое крещение для молодого летного состава корпуса, который не мог держаться в группе и на боевых фигурах»* [27]. Действительно, основу большинства

соединений (не только 6-го иак) составляли молодые пилоты, прошедшие ускоренную подготовку в летных школах и запасных полках. По данным 6-го иак, прибывавший летом 1943 года на фронт летчик-истребитель имел за плечами всего 2—3 учебных воздушных боя. Неплохо пилотируя самолет индивидуально, вчерашние курсанты тем не менее с трудом могли действовать в группе, что было особенно заметно на примере боевой работы 92-го, 192-го и 163-го иап. Действия пилотов 163-го иап были признаны особенно неудачными. История части сообщает: *«Первый день в этой грандиозной битве был неудачен для полка, что послужило причиной издания спецприказа по 16 ВА, обвиняющего наших летчиков в нерешительности, граничившей с трусостью»* [28].

Недостатки в летной и огневой подготовке молодых летчиков усугублялись организационными неурядицами. При вылете на боевое задание по тревоге группы зачастую не собирались над аэродромом, ведущие не ждали ведомых. В итоге истребители вступали в бой разрозненно, без наращивания сил. Вызовы групп в районы истребления в большинстве случаев запаздывали. Офицеры наведения неверно оценивали воздушную обстановку, не помогая пилотам в ее освещении. Отмечая недостатки в системе наведения истребителей, документы штаба 16-й воздушной армии свидетельствуют: *«В первые дни боевой работы нашим истребителям не удалось парализовать противника. Истребители ходили в тылу, не видели противника, вели бои с заслонами иногда, действовали вяло и неохотно, благодаря чему и потери в первые дни были большие. Произошло это потому, что радиостанции наведения были расставлены в 4—5 км от переднего края, наблюдение затруднялось вследствие ненастной погоды, дыма от пожаров, от артиллерии и бомбежек»* [29].

Еще одним крупным недостатком в действиях советской истребительной авиации стало стремление экипажей вести бой над своей территорией, в результате чего, как отмечают документы 6-го иак, *«приход бомбардировщиков становился известен командованию корпуса в момент самого бомбометания»* [30].

Наиболее точно сложившуюся обстановку характеризуют строки из отчета о боевых действиях 486-го иап, которые можно отнести ко многим советским авиачастям: *«Воздуш-*

ные бои с первых дней наступления противника в большинстве случаев протекали неорганизованно, отсутствовало взаимодействие прикрывающей и сковывающей группы. Ведущие группы слабо использовали радио для руководства групповыми воздушными боями. Выявилась слабая слетанность экипажей в парах и группах. Ведущие пар теряли в групповом воздушном бою своих старших групп, а ведомые пар теряли своих ведущих, что явилось результатом потерь от истребителей противника ведущих групп» [31]. Отметим, что только в 6-м иак в ходе первого дня боев погибли три командира групп, включая командиров 347-го и 486-го иап, что во многом объяснялось отсутствием слетанности и взаимовыручки.

В противоположность советской стороне, немецкое командование всех уровней дало высокую оценку действиям своих авиаторов. За день было совершено 2088 самолетовылетов, в ходе которых *«1-я авиационная дивизия блестяще поддержала перешедшие в наступление войска 9-й армии. Всего 9А поддерживали 1909 бомбардировщиков и истребителей (имеются в виду самолетовылеты. — Прим. авт.), которые оказали решительное влияние на успех наступления» [32].*

Наибольшую активность развили экипажи «штурк» и двухмоторных бомбардировщиков, совершившие соответственно 647 и 582 самолетовылета. Практически не отставали от них истребители эскадр JG51 и JG54, уничтожившие в ходе 533 самолетовылетов 158 советских самолетов. Еще 11 побед было отнесено на счет зенитной артиллерии. Как видно, успехи немецкой стороны были завышены приблизительно в 1,5 раза. Среди истребителей наибольшего успеха добились пилоты I/JG54, имевшие на своем счету как минимум 59 побед. На втором месте с 45 победами находилась группа III/JG51.

Уже упоминавшийся нами пилот отряда 8./JG51 Хуберт Штрассл достиг к концу дня феноменального результата, доведя счет своих побед до 15 сбитых самолетов, 9 из которых составляли истребители. Вторым по результативности среди пилотов 6-го воздушного флота стал Гюнтер Шелл (Scheel Günther) из отряда 2./JG54, сбивший 8 советских машин. По 7 побед было записано на боевые счета Рудольфа Радемахера (Rademacher Rudolf) и Германа Люке (Lücke Hermann) из 1./JG54 и 9./JG51. Все свои победы Люке одер-

жал в ходе 3 вылетов. Еще как минимум три пилота одержали по 5 побед. Среди них отметим обер-фельдфебеля Антона Хафнера (Hafner Anton), к 11 июля одержавшего свою 50-ю победу. Хафнер, достигший к моменту своей гибели, 17 октября 1944 года, 204 побед, стал самым результативным пилотом эскадры JG51.

Важно подчеркнуть, что действия немецких истребителей были направлены в первую очередь на уничтожение советской авиации. Неоднократно за день отмечались случаи, когда большие группы «фокке-вульфов», численностью в 30—40 машин, нападали на советские патрули еще на подходе к линии фронта, предоставляя тем самым своим бомбардировщикам возможность практически беспрепятственно «работать» по наземным целям. Неудивительно, что, описывая события трагического дня 5 июля в своих мемуарах, бывший командующий 16-й воздушной армией С.И.Руденко вынужден был дипломатично заметить: *«Первый день не принес нам удовлетворения»* [33]. Высказывания немецких военачальников в отношении действий советской авиации носят куда более определенный характер. Так, бывший начальник штаба 6-го воздушного флота Фридрих Клесс, подводя итоги 5 июля, отмечал: *«Несомненно, 5 июля хозяином поля битвы оказались люфтваффе. Прорыв произошел без какого-либо значительного вмешательства со стороны ВВС»* [34].

Каковы же были потери немецких авиасоединений в ходе первого дня боев? Согласно сводкам штаба 6-го воздушного флота, потери объединения генерала фон Грайма составили всего 7 машин (1 Ju 88, 2 Ju 87, 1 Bf 110 и 2 FW 190). Отметим, что эти же цифры были продублированы потом и в дневнике боевых действий ОКВ. Между тем список потерь 6-го воздушного флота, составленный на основе отчетов генерал-квартирмейстера, дает нам несколько иную картину. Согласно ему, было потеряно и повреждено как минимум 33 самолета. При этом, относя к списанным машинам те, процент повреждений которых превысил или был равен 40%, мы получим, что безвозвратные потери 1-й авиадивизии за 5 июля составили 21 самолет (3 Ju 88, 8 Ju 87, 1 He 111, 7 FW 190, 1 Bf 110, 1 Bf 109). Таким образом, потери ВВС

Красной Армии чуть менее чем в 5 раз превысили потери 6-го воздушного флота, а советские пилоты как минимум в те же 5 раз завысили свои успехи. Ради объективности надо отметить, что часть немецких самолетов стали жертвой зенитной артиллерии, а также были разбиты в авариях и катастрофах.

По мнению автора, соотношение потерь 1:5 является адекватным выражением уровня боевой подготовки, применяемой тактики и количественного соотношения противоборствующих сторон. Интересным фактом является также то, что в своем докладе в Ставку по итогам боев 5 июля командующий Центральным фронтом доложил всего лишь о 45 сбитых в воздушных боях самолетах противника [35]. Вероятно, генерал К.К. Рокоссовский оперировал предварительными данными штаба 16-й воздушной армии. Однако не может не вызвать удивление, что в результате последующего «уточнения» количество сбитых самолетов возросло более чем вдвое.

Итак, первый день сражения на северном фасе Курской дуги завершился. Действия экипажей 6-го воздушного флота позволили нанести тяжелые потери советской авиации в воздушных боях, а также оказать эффективную поддержку наземным войскам. В то же время частям 9-й армии генерала Моделя не удалось развить первоначальный успех. Потеря элемента внезапности, недостаток пехотных соединений, а также стойкое сопротивление частей 13-й и 70-й армий и массированные удары советской авиации сделали весьма неопределенными перспективы дальнейшего наступления на Курск с севера. О стремительном прорыве в стиле «танкового рейда» не могло быть и речи. Тревожный характер для командования 9-й армии носили и данные разведки, согласно которым: *«6.7 следует ожидать, прежде всего, западнее железной дороги Орел—Курск, а также северо-западнее Малоархангельска, контратак вражеских танковых соединений»* [36]. И действительно, уже на рассвете следующего дня свежие резервы 13-й армии при поддержке танков армии генерала А.Г. Родина нанесли мощный контрудар по передовым немецким частям.

2.2. НЕУСТОЙЧИВОЕ РАВНОВЕСИЕ

(6—8 июля)

Итоги первого дня сражения в районе Курской дуги стали предметом пристального внимания Ставки. По воспоминаниям С.И. Руденко, во время вечернего доклада К.К. Рокоссовского Сталин особо интересовался вопросом о завоевании господства в воздухе. Можно предположить, что тяжелые потери, понесенные частями 16-й воздушной армии, не на шутку встревожили Верховного. Доклад командующего фронтом, ссылавшегося на ожесточенность боев и обоюдные тяжелые потери, вождя явно не удовлетворил. Из весьма обтекаемых строк воспоминаний бывшего командующего 16-й воздушной армией можно заключить, что Сталин выразил свое недовольство тем, что авиация не оказала заметного влияния на ход событий. Кроме того, он также поинтересовался, в силах ли командующий 16-й воздушной армией выправить создавшееся положение. Все же К.К. Рокоссовскому удалось убедить Верховного в том, что на следующий день вопрос с господством в воздухе будет «решен положительно». Несмотря на заверения полководца, Ставкой были приняты собственные меры к усилению авиационного руководства. На Центральный фронт срочно вылетел первый заместитель командующего ВВС Красной Армии генерал-полковник Г.А. Ворожейкин, получивший категорический приказ Сталина: «Чтобы завтра господство в воздухе было завоевано!»

В сложившейся непростой ситуации командованию 16-й воздушной армии было необходимо срочно принимать решительные меры по ликвидации провалов в организации боевых действий, приведших к фиаско в первый день оборонительного сражения. Первоочередного внимания требовало улучшение наведения истребителей с земли, для чего в войска выехали дополнительные офицеры из штабов соединений. Второй важнейшей задачей стала авиационная поддержка контрудара 17-го гвардейского стрелкового корпуса, а также частей 2-й танковой армии, призванных восстановить положение в центре и на левом фланге 13-й армии.

Очевидно, что внести сколько-нибудь существенные изменения в организацию боевой работы за короткую летнюю

ночь было невозможно. Планируя авиационную поддержку контрудара 17-го гвардейского корпуса, командующий воздушной армией принял решение разделить эшелоны действий штурмовиков и бомбардировщиков 221-й бад высотами 1000 и 2000 метров соответственно. Как видно, силы бомбардировочной авиации, задействованные в этой операции, были представлены всего одной дивизией, тогда как наиболее мощное бомбардировочное соединение 16-й воздушной армии — 3-й бак (как и несколько истребительных и штурмовых авиаполков) оставалось в резерве генерала С.И. Руденко. Для создания у противника впечатления о большем количестве участвующих в налете машин группы ударных самолетов должны были делать несколько заходов на цель с разных направлений и высот.

Около 4:00, после короткой артиллерийской подготовки, а также удара штурмовой авиации, части 17-го гвардейского стрелкового корпуса перешли в наступление вместе с тремя дивизиями, наступавшими из района Малоархангельска. Нанеся поражение войскам противника, части советской пехоты уже в шестом часу вышли на рубеж 1-е Поныри—Дружовецкий—Бобрик. Отметим, что из мемуаров С.И. Руденко следует, что поддержку наступлению пехоты оказывали одновременно появившиеся в воздухе группы Ил-2 и бомбардировщиков «Бостон». Однако согласно архивным документам части 221-й бад вылетели на выполнение первого боевого задания после 6 утра, то есть когда стрелковые части уже добились своего успеха. Так, только в 6:08 в воздух начали подниматься группы «Бостонов» 57-го бап, а еще через 12 минут на задание отправились также соседние 8-й гв. и 745-й бап. Вероятнее всего, действия экипажей бомбардировщиков предшествовали наступлению в направлении Степь бригад 16-го танкового корпуса, которое, несмотря на возлагавшиеся на него надежды, успеха не имело. Головная 107-я танковая бригада, двигавшаяся на Бутырки, попала в организованную противником засаду и была практически вся уничтожена огнем тяжелых танков и САУ, потеряв почти 70 Т-34 и Т-70 [37]. Не достигли заметных успехов и другие части корпуса.

Экипажи 221-й бад продолжали совершать вылеты вплоть до второй половины дня, бомбя скопления живой силы и

техники противника в районах Сеньково, Новый Хутор, Озерки, Ясная Поляна, Подолянь, Верхнее Тагино. 6 июля оказалось для дивизии полковника С. Ф. Бузылева наиболее напряженным и богатым на потери днем за все время оборонительного сражения. На свои аэродромы не вернулось 16 «Бостонов», причем большая часть потерь пришлась на 8-й гв. и 745-й бап, лишившихся соответственно 7 и 6 машин. Потери сопровождавших бомбардировщики экипажей 282-й иад составили всего 5 Як-1.

Отметим, что наибольшие потери 221-я бад понесла от огня вражеской зенитной артиллерии, сбившей 10 самолетов, в то время как на долю немецких истребителей пришлось всего 6 «Бостонов». Эти данные практически полностью совпадают с немецкими, согласно которым первые три бомбардировщика были сбиты командиром 1./JG51 обер-лейтенантом Йоахимом Бренделем (Brendel Joachim), а также пилотами отряда 9./JG51 Германом Люке, и фельдфебелем Вильгельмом Кюкеном (Küken Wilhelm). До конца дня немецким истребителям из III и IV/JG51 удалось сбить еще три бомбардировщика из состава 221-й бад.

Контрудар Центрального фронта, нанесенный на рассвете 6 июля, несмотря на тяжелые потери, понесенные танкистами, тем не менее оказал весьма заметное влияние на складывающуюся обстановку. Инициатива, пусть и на короткое время, была вырвана из рук противника. Частям 9-й армии пришлось, начиная с полудня, предпринимать атаки на позиции 17-го гвардейского стрелкового корпуса для восстановления утраченного положения. Наземное наступление было поддержано массированными налетами авиации, которые сыграли, пожалуй, решающую роль в развернувшихся боях. Около 15:30 от 50 до 70 самолетов Ju 87 и Ju 88 подвергли ожесточенной бомбежке расположение советских войск, а последовавшая вслед за этим атака отбросила части 17-го гвардейского корпуса с занятых утром позиций. Характеризуя действия немецкой авиации над боевыми порядками 13-й армии, командующий Центральным фронтом в своем вечернем донесении в Ставку отмечал, что авиация противника группами 20—30 и 60—100 самолетов непрерывно воздействовала на боевые порядки войск армии.

Высокую активность экипажи немецких бомбардировщиков проявляли и на других участках фронта. Так, штаб 132-й стрелковой дивизии, сравнивая действия немецкой авиации с предыдущим днем, отмечал: *«В этот день (6 июля. — Прим. авт.) действия авиации противника были еще сильнее и масштабней. Производя залеты группами 80—100 самолетов, противник применял тактику непрерывного движения этих групп. Так что в течение всего дня в воздухе непрерывно находилось не менее 100 самолетов»* [38].

Отметим, что во второй половине дня приоритеты командования 6-го воздушного флота сместились в полосу 41-го танкового корпуса, развернувшего наступление в общем направлении на Поныри. В то же время возникавшие кризисы на участках соседних 46-го и 47-го танковых корпусов заставляли немецкое командование перенацеливать сюда значительные силы авиации. Так, удар 46-го танкового корпуса на высоты южнее Гнилец, запланированный на 19:00, не состоялся, так как позиции изготовившейся к наступлению 31-й пехотной дивизии внезапно подверглись мощной атаке 19-го танкового корпуса. Неизвестно, как развивались бы события для немецкой пехоты, если бы не весьма оперативное вмешательство авиации 6-го воздушного флота, позволившее отбить советскую танковую атаку. В итоге части 46-го танкового корпуса за весь день имели продвижение всего лишь чуть более километра.

Говоря об активности немецкой авиации на второй день сражения, необходимо отметить, что она снизилась по сравнению с 5 июля почти вдвое. За день было совершено 1023 самолето-вылета, 546 из которых пришлось на долю ударных машин Ju 87, Ju 88, He 111 и Bf 110. В то же время экипажи 16-й воздушной армии 1326 раз поднимали свои машины в воздух. Отметим, что снижение активности авиации противоборствующих сторон произошло не только по причине большого количества машин, поврежденных накануне, но и из-за резко ухудшившихся в течение дня погодных условий. Несмотря на это, накал воздушных боев, как равно и их содержание, практически не отличался от событий предыдущего дня.

Наиболее неудачным для советских летчиков стал воздушный бой, произошедший около 9:40 в районе Ольховат-

ка, 2-е Поныри. Осуществлявшая патрулирование группа из 17 Ла-5 92-го иап 279-й иад (ведущий майор Д.А. Медведев) была разбита на две ударные (5 и 6 самолетов соответственно) и сковывающую (6 самолетов) группы. После относительно ясных предрассветных часов на небе появилась мощная кучевая облачность. Шедшая выше сковывающая группа получила приказ с земли набирать высоту, потеряв вскоре визуальный контакт с ударными группами, которые, в свою очередь, также попытались пробить облака. Внезапно на 3500 метрах советские летчики обнаружили 6 Ju 88, шедших под прикрытием такого же числа «фокке-вульфов». С первой же атаки майору Д.А. Медведеву удалось поразить один «восемьдесят восьмой», который был записан летчику как победа. Однако вскоре группа 92-го иап распалась на отдельные пары и машины, которые, блуждая в облаках, вели бои с появлявшимися то тут, то там немецкими самолетами. Общее количество вражеских машин по возвращении на аэродром было оценено в 40 Ju 88 и 16 FW 190. По докладом пилотов, 5 бомбардировщиков и 5 истребителей было сбито. Однако даже эти цифры не могли оправдать тяжелейшие потери, понесенные авиаторами 92-го иап в этом вылете: на свои аэродромы не вернулось 8 Ла-5, почти половина вылетавшей на боевое задание группы! Среди погибших были не только молодые пилоты, но и опытный командир эскадрильи Герой Советского Союза И.Д. Сидоров. В ходе воздушного боя с «фокке-вульфами» ас не заметил зашедшего ему в хвост противника и был сбит.

6 июля уровень потерь истребительной авиации несколько снизился в абсолютном выражении, составляя, как и накануне, значительную относительную величину. Так, например, 6-й иак потерял в ходе воздушных боев 24 самолета. Чувствительный урон был нанесен и 1-й гв. иад, полки которой недосчитались за день 13 истребителей. Значительное количество поврежденных самолетов в боях еще больше повлияло на боеспособность соединения. К вечеру 6 июля в составе 1-й гв. иад (исключая 67-й гв. иап, продолжавший находиться в резерве) насчитывалось 26 исправных самолетов и 17, требующих ремонта. Печальное зрелище представляли собой 30-й гв. и 54-й гв. иап, имевшие к исходу второго дня сражения всего четыре и два исправных истребителя

соответственно. Из-за больших потерь в истребителях командованию 16-й воздушной армии пришлось фактически объединять для патрулирования группы разных полков. Так, например, истребители 163-го иап действовали в боевых порядках с соседним 347-м иап. В составе единых групп вылетали на задания «яки» 53-го гв. и «кобры» 30-го гв. иап, а несколько истребителей Як-9Т из состава 54-го гв. иап усиливали группы других полков дивизии.

6 июля, кроме 1-й гв. иад и 6-го иак, в борьбе за господство в воздухе принимали участие также летчики 286-й и 283-й иад. Экипажи последней особенно хорошо проявили себя в ходе воздушных боев. Документы дивизии отмечают действия лейтенанта С.К. Колесниченко из 519-го иап, который, возглавляя четверку «яков», трижды атаковал бомбардировщики Ju 88 в районе Ольховатка. После первой атаки по бомбардировщикам один из Ju 88, подожженный С.К. Колесниченко, с большим креном пошел к земле. Младший лейтенант Н.В. Чистяков атаковал и поджег еще один немецкий бомбардировщик. После этого С.К. Колесниченко со своим ведомым лейтенантом В.М. Чередниковым вступил в бой с четверкой преследовавших их «фокке-вульфов», сбив один из них. После окончания этой схватки С.К. Колесниченко заметил еще одну группу самолетов противника, состоящую из 6 Ju 88, и атаковал ее в лоб. Однако вскоре «яки» оказались снова связаны боем с немецкими истребителями, в ходе которого младший лейтенант И. Ф. Муценко успел выбить зашедший в хвост самолета С.К. Колесниченко FW 190. Однако при этом сам молодой пилот сорвался в штопор, в итоге с трудом оторвавшись от преследовавших его вражеских истребителей. В ходе этой схватки лейтенант С.К. Колесниченко одержал свою третью победу [39].

Так же активно действовали летчики из группы 10 Як-1 соседнего 176-го иап под командованием капитана В.Г. Лялинского. Прикрывая в конце дня наземные войска в районе Поныри—Ольховатка, где ситуация после прорыва немецких танков резко обострилась, они вступили в воздушный бой с тремя группами бомбардировщиков, каждая из которых насчитывала до 40 машин Ju 88 и He 111. По результатам боя на счет ведущего группы было записано два бомбардировщика. Один «юнкерс» пополнил счет младшего лейтенанта

Д.С. Кабанова, который, повредив один немецкий самолет, смог оторваться от преследующих его истребителей противника, а затем, настигнув соединение бомбардировщиков, произвел еще одну атаку [40].

Интересный пример эффективной работы истребителей 16-й воздушной армии зафиксировали военнослужащие 1-го заградотряда 13-й армии. Около 17:00 они наблюдали, как западнее Понырей пара Ла-5 6-го иак спокойно пристроилась снизу к группе из 30 Не 111 и без помех сбила один из бомбардировщиков [41]. Не исключено, что сбитый «хейнкель» стал жертвой пары Як-1 той же группы В.Г. Лялинского. В ходе боя от нее откололась пара истребителей во главе с младшим лейтенантом С.З. Шевченко, который около 17:00 сбил Не 111 в районе Понырей.

Несмотря на примеры героизма и самопожертвования летчиков, воздушная обстановка к исходу второго дня сражения продолжала оставаться тяжелой. Уровень потерь объединения генерала С.И. Руденко превышал всякие разумные пределы. В ходе сражения 6 июля 16-я воздушная армия недосчиталась 91 самолета [42]. По сравнению с предыдущим днем, когда наибольшие потери пришлось на истребительную авиацию, на второй день боев значительную долю потерянных машин составляли штурмовики Ил-2. Например, во 2-й гв. шад недосчитались 17 «илов», 9 из которых были потеряны безвозвратно, а еще 8 совершили вынужденные посадки, получив повреждения разной степени тяжести. Еще более чувствительные потери сопутствовали боевой работе 299-й шад, в которой 4 штурмовика стали жертвами истребителей и зенитной артиллерии, а 25 не вернулись с боевых заданий.

Отчеты 6-го воздушного флота, согласно которым в воздушных боях было уничтожено 118 советских самолетов, а еще 12 сбито огнем зенитной артиллерии, относительно точно соответствуют цифрам советских потерь. Среди наиболее отличившихся пилотов снова можно встретить имена Германа Люке из 9./JG51 и Хуберта Штрассла из 8./JG51, одержавших соответственно 4 и 6 побед. На счету командира 9./JG51 обер-лейтенанта Максимилиана Мэйерла (Maximilian) за 6 июля также числятся 4 сбитых самолета, доведших боевой счет пилота до 50 побед. В разряде дости-

жений экипажей ударных самолетов, в первую очередь пикирующих бомбардировщиков из состава StG1 и III/StG3, числятся 29 уничтоженных и 12 поврежденных советских танков. Командование группы армий «Центр» отметило роль экипажей бомбардировочной авиации, которая особенно хорошо громила исходные позиции танков и временами давала чувствительное облегчение наземным частям.

Документы 2-й танковой армии отмечают, что в течение всего дня авиация противника группами по 60—80 самолетов непрерывно висела в воздухе и обрабатывала каждую сотню квадратных метров площади, прокладывая дорогу танкам и пехоте. В то же время, согласно советским данным, эффективность вражеских налетов мало сказалась на боеспособности танковых частей и соединений. Так, 2-я танковая армия за весь период оборонительного сражения потеряла от действий немецкой авиации всего 9 танков. Для сравнения укажем, что за тот же период общие потери армии составили 214 танков, из которых 138 были потеряны безвозвратно.

Потери 6-го воздушного флота, согласно дневнику боевых действий объединения, 6 июля составили всего 6 самолетов (3 Ju 88, 1 Ju 87, 1 Bf 110 и 1 FW 190), хотя отчеты генерал-квартирмейстера содержат упоминание о 13 машинах, 8 из которых были потеряны безвозвратно. Один из трех потерянных за день «фокке-вульфов» пилотировал командир группы I/JG54 майор Рейнхард Зейлер (Seiler Reinhard), открывший внушительный список потерь авиационных командиров люфтваффе во время Курской битвы. Ветеран боев в Испании, где им было сбито 9 республиканских самолетов, Зейлер командовал 1-й группой знаменитых «Зеленых сердец» с середины апреля, сменив на этой должности легендарного Ганса Филиппа (Philipp Hans). 5 июля на счет командира группы было записано 5 побед (4 истребителя и штурмовик), на следующий день еще две победы. Однако в воздушном бою ас, достигнувший отметки в 109 побед, был тяжело ранен, выпрыгнул из самолета на парашюте и в воздушных боях больше не участвовал.

Итоги двухдневного воздушного сражения над северным фасом Курской дуги не могли не вызвать беспокойства как у руководства Центрального фронта, так и в Ставке. За два дня боев состав 16-й воздушной армии сократился почти на

190 самолетов. Особенно чувствительные потери пришлось на истребительную авиацию. Так, в 6-м иак, потерявшем за два дня боев 81 самолет и 58 летчиков, к исходу 6 июля оставалось в строю всего 48 исправных машин. Аналогичная картина была в 1-й гв. иад, где имелось 28 исправных «яков» и «Аэрокобр». Кризис истребительной авиации 16-й воздушной армии был настолько очевиден, что после беседы с генералом С.И. Руденко маршал Г.К. Жуков распорядился о передаче из состава 15-й воздушной армии Брянского фронта 234-й иад полковника Е.З. Татанашвили. Эта дивизия, несмотря на укомплектованность молодым летным составом, по итогам июньской проверки была на хорошем счету у командования ВВС Красной Армии. К сожалению, путь 234-й иад на Центральный фронт несколько затянулся. Приказ маршала А.А. Новикова последовал 7 июля, на следующий день полки дивизии перелетели на аэродромы 16-й воздушной армии, включившись в боевую работу только 9 июля.

Согласно советской историографии, 7 июля стало переломным днем в ходе сражения на северном фасе Курской дуги. С утра 9-я армия развернула наступление на высоты севернее Ольховатки и в районе Понырей, направляя основные свои усилия вдоль железной дороги Орел—Курск. В бой были введены части 4-й танковой дивизии. 41-й танковый корпус после первоначального успеха, связанного с захватом населенного пункта 1-е Мая и выходом к северной окраине Понырей, провел в течение дня несколько безрезультатных атак на позиции 307-й стрелковой дивизии. Значительную поддержку пехотинцам в этих боях оказали экипажи 16-й воздушной армии, действия которой становились все более массированными и целеустремленными.

Впервые с начала сражения в боях в полном составе принимали участие все три бомбардировочные дивизии генерала С.И. Руденко, который в своем приказе особенно обратил внимание экипажей на точность бомбометания. *«Требую бомбардирования не просто заданного района, а отыскания наиболее важных целей в заданном районе, особенно следить за сигналами своих войск...»* — писал командующий в своем приказе на 7 июля [43].

Действия бомбардировщиков начались с рассветом, когда около 45 Пе-2 3-го бак бомбардировали скопление не-

мецких войск перед фронтом 13-й армии. Над целью экипажи отмечали большую активность немецкой зенитной артиллерии. Одновременно в воздухе разрывалось от 30 до 50 зенитных снарядов. Такой же «горячий прием» противник оказал и во второй половине дня. Однако, несмотря на это, авиаторы генерал-майора А.З. Каравацкого в составе 30 Пе-2, поддерживаемые штурмовиками, добились внушительного успеха. К этому времени стрелковые части уже отбили две ожесточенные атаки на Поньри. Организуя новую атаку, противник сосредоточил до 150 единиц бронетехники в районе Ржавец—Дружовецкий, а также крупные силы пехоты. Это скопление техники было вскоре обнаружено воздушной разведкой. В воздух было поднято до 120 ударных самолетов. По оценке командующего Центральным фронтом, немецкие части понесли серьезные потери, а их атака оказалась сорвана.

О сложностях, с которыми пришлось столкнуться немецким танкистам при взломе советской обороны, поведал на допросе пленный унтер-офицер 2-й роты 35-го танкового полка 4-й танковой дивизии Курт Блюме: *«В ночь на 5 июля нам зачитали приказ Гитлера. В приказе говорилось, что завтра немецкая армия начнет новое наступление, которому суждено решить исход войны. Перед 35-м полком была поставлена задача прорвать оборону русских. До 100 танков полка вышли на исходные позиции. В это время нас атаковала русская авиация и вывела из строя несколько машин. В 5 часов наш батальон развернулся клином вдоль дороги и пошел в атаку. Достигнув гребня высоты, мы попали под перекрестный огонь противотанковых орудий и противотанковых ружей русских. Строй сразу нарушился, движение замедлилось. Соседний танк задымил. Передовой танк командира роты остановился, а затем попятился назад. Все, чему нас учили, потеряло смысл. Действия развертывались не так, как нам рисовали в школе. Тактика танкового прорыва, которой нас обучали, оказалась непригодной. Вскоре мой танк был подбит, и внутри машины возник пожар. Я поспешил выскочить из горящего танка. На поле боя стояло не менее 40 подбитых танков, многие из которых горели».*

Особую роль в нанесении ударов по немецким танкам сыграли Ил-2 299-й шад, активно использовавшие куму-

лятивные бомбы ПТАБ 2,5—1,5. Только в момент сосредоточения около двухсот танков для атаки Поньрей, пилоты штурмовиков совершили около 120 самолето-вылетов, добившись отличных результатов. Группа 431-го шап старшего лейтенанта Д.И. Смирнова (Герой Советского Союза с 4.2.44.) уничтожила и повредила в районе Бузулук двенадцать танков противника, за что получила благодарность командования 13-й армии [44]. Восьмерка капитана К.Е. Страшного за один заход уничтожила и повредила одиннадцать танков противника. Пилоты 874-го шап, действовавшие в районе Малоархангельска, израсходовали за 7 и 8 июля 980 кумулятивных бомб, заявив о поражении свыше сорока немецких танков при потере шести экипажей.

Важно отметить, что массированные действия ударной авиации 16-й воздушной армии «спутали карты» немецким истребителям, которые не смогли сорвать эти налеты. Так, 2-я гв. шад потеряла за день всего 1 Ил-2, и еще 5 самолетов совершили вынужденные посадки. Потери бомбардировщиков были также относительно небольшими. Из состава 3-го бак на свои аэродромы за весь день не вернулось 4 Пе-2, два из которых были сбиты зенитной артиллерией, а один Пе-2 24-го бап был поврежден и добит немецкими истребителями. Еще один самолет совершил вынужденную посадку. Аналогичная картина была и в 221-й бад, бомбардировщики которой совершили за день 125 самолето-вылетов в районе Степь, Подсоборовка, Подолянь и Бобрик, потеряв при этом всего 3 самолета из состава 745-го бап. Отметим, что 7 июля победы над «Бостонами» были записаны таким асам, как Йоахиму Бренделю из I./JG51, Гюнтеру Шеллу (Scheel Günther), Карлу Шнепперу (Schnörger Karl) и Ганс-Йоахиму Хаппатшу (Happatsch Hans-Joachim) из I/JG54.

Истребители сопровождения 282-й иад показали себя в этих боях с лучшей стороны, удачно взаимодействуя с прикрываемыми экипажами 221-й бад. Этому во многом способствовало закрепление истребительных полков за одними и теми же бомбардировочными частями. Так, 127-й иап сопровождал в основном 8-й гв. бап, 517-й иап — 57-й бап, а 774-й иап — 745-й бап. В ходе развернувшихся боев летчикам 282-й иад пришлось отражать атаки групп «фокке-вульфов» численностью от 6 до 20 машин. Уже в утреннем вылете

восьмерка Як-1 127-го иап капитана И.И. Петренко, прикрывавшая действия 6 А-20Б в районе Подолянь—Соборовка, контратаковала 10 FW 190, пытавшихся выйти в атаку на бомбардировщики снизу. Еще один крупный бой выдержали во второй половине дня летчики 127-го иап, когда 12 бомбардировщиков 8-го гв. бап при отходе от цели были атакованы сверху из-за туч двумя десятками «сто девяностых». Несмотря на внезапность атаки, потерь среди «Бостонов» не было, в то время как советские пилоты заявили несколько сбитых FW 190. В этих боях отличились многие авиаторы 282-й иад, включая будущих Героев Советского Союза капитанов К.М. Трещева и А.П. Савченко (127-й иап, звание присвоено 2.8.44 и 4.2.44) и старшего лейтенанта И.И. Романенко (774-й иап, звание присвоено 4.2.44).

Смертью героя погиб командир эскадрильи 517-го иап старший лейтенант М.И. Вижун. Группа сопровождения, которую он возглавлял, вступила в бой над расположением 13-й армии с группой FW 190. Израсходовав боекомплект своего Як-1 и стараясь не допустить немецкие истребители к бомбардировщикам, Вижун таранил плоскостью один из «фокке-вульфов», спикировав на немецкий самолет под углом 90 градусов [45]. Вероятно, жертвой тарана стал один из двух FW 190 из состава IV/JG51, пропавших 7 июля без вести.

Снова с лучшей стороны проявили себя истребители 283-й иад. В районе Поныри—Молотичи 12 Як-76 519-го иап под командованием лейтенанта П.И. Трубникова атаковали четыре группы бомбардировщиков общим количеством 22 Ju 88. Напряженный воздушный бой длился около 25—30 минут. В результате его ценой потери одного «яка» было сбито 2 Ju 88, по всей видимости, принадлежавших группе III/KG51. Еще один «юнкерс» получил повреждения. Кроме того, советские пилоты претендовали на уничтожение пяти немецких истребителей.

Несмотря на ожесточенное сопротивление советской пехоты, к вечеру 7 июля немецким частям удалось добиться некоторых успехов — после упорного боя была занята северная окраина Поньрей. На ольховатском направлении части 17-го гвардейского стрелкового корпуса, после массированного удара немецких бомбардировщиков, вынуждены были

отойти на 2—4 километра в район высоты 257,0. Штаб 16-й воздушной армии особенно отметил организацию действий авиации противника в этом налете. Три группы немецких бомбардировщиков появились над линией фронта около 19:00. Первые две, состоящие из 25—30 Ju 87 и Ju 88, бомбардировали передний край обороны 13-й армии в районе Поныри, Снова, Самодуровка, Красавка. Бомбардировка велась как с пикирования, так и с горизонтального полета, при этом немецкие экипажи свой маневр строили таким образом, чтобы из атаки выходить на свою территорию. Третья группа бомбардировщиков, под более сильным эскортом из 20 истребителей, произвела 3—4 захода на цель. Пока «юнкерсы» были заняты обработкой переднего края, четыре пары «охотников» углубились на советскую территорию на глубину 10—12 километров, не допуская к району бомбежки патрули 16-й воздушной армии [46].

По данным штаба 13-й армии, третий день сражения был наиболее напряженным на протяжении всей оборонительной операции. За день части армии генерала Н.П. Пухова поставили своеобразный рекорд, израсходовав почти 3000 тонн боеприпасов. Несмотря на некоторые тактические успехи противника, итоги боев 7 июля вызвали оптимизм у К.К. Рокоссовского и его штаба. В советской историографии, посвященной исследованиям действий авиации, 7 июля также считается днем перелома за господство в воздухе. Вот как говорится о событиях этого дня в исследовании М.Н. Кожевникова: *«7 июля 1943 г. основные усилия авиации врага были сосредоточены против войск Центрального фронта. Здесь противник действовал группами 80—120 самолетов, но добиться господства в воздухе также не смог. 16-я воздушная армия при содействии 15-й воздушной армии произвела 1370 самолето-вылетов, а противник несколько более 1000. Начиная с этого дня советские истребители прочно овладели инициативой в воздухе. Большинство вражеских бомбардировщиков перехватывались и уничтожались нашими истребителями на подходе к прикрываемым объектам»* [47]. Похожую оценку можно найти и в книге, посвященной боевому пути 16-й воздушной армии. Говоря о событиях третьего дня битвы, ее авторы сообщают: *«Начиная с 7 июля в борьбе за господство в воздухе наступил перелом — советские истребители захвати-*

ли инициативу. Если в первые два дня воздушных боев наши потери были несколько меньше потерь противника (соотношение по потерям было 1 к 1,2), то за 7 и 8 июля летчики армии сбили 185 самолетов противника, потеряв при этом 89» [48].

Немецкие источники не подтверждают значительного падения активности объединения генерала фон Грайма. Согласно дневнику боевых действий 6-го воздушного флота, 7 июля по сравнению с предыдущим днем количество вылетов не только не уменьшилось, но и значительно возросло, составив цифру 1687. Из этого числа 1159 самолето-вылетов было совершено экипажами ударной авиации — «штурм», тяжелых истребителей и бомбардировщиков. Обращает на себя внимание тот факт, что 7 июля к ударам по позициям советских войск привлекались не только экипажи «юнкерсов» и «хейнкелей», но разведчики с истребителями, бравшими на борт бомбовый запас в 120 и 18 вылетах соответственно. Согласно докладам немецких авиаторов, за день удалось уничтожить 14 и повредить 22 танка, а также сжечь 63 автомашины [49]. Потери 6-го воздушного флота 7 июля были невелики, составив 13 самолетов, из которых 8 было списано.

Несмотря на то что немецкая бомбардировочная авиация на третий день сражения продолжала доминировать в воздухе, ее ожесточенные налеты на хорошо укрепленную оборону советских войск не всегда приносили результат. Так, например, во время тяжелых боев за населенный пункт Теплое 11-я гвардейская танковая бригада потеряла от действий немецкой авиации всего один танк, хотя ее боевые порядки весь день бомбили группы бомбардировщиков Ju 87 и Ju 88. Кроме того, более чем в два раза упала эффективность действий немецкой истребительной авиации. С одной стороны, это было связано с опустошительными потерями, понесенными 16-й воздушной армией в ходе первых двух дней сражения, с другой — массированными действиями советских бомбардировщиков и штурмовиков, сорвать которые немецким пилотам никак не удавалось. Отметим, что постепенно стала меняться и тактика действий советских истребителей, неудачи которых на начальных этапах сражения вызвали острую реакцию как в Ставке, так и в штабе ВВС Красной Армии.

Уже 7 июля увидела свет директива маршала авиации А.А. Новикова. Отметив вкратце положительные изменения,

произошедшие в структуре значительно окрепших и выросших численно ВВС Красной Армии, командующий более подробно проанализировал крупные просчеты, имевшиеся в применении авиации. Недостатки, по мнению А.А. Новикова, имели место еще на этапе постановки боевой задачи. Зачастую она ставилась неконкретно, без указания необходимых результатов, которых надо было достигнуть, что приводило к снижению чувства ответственности у командиров. Авиаторы, по выражению главкома, больше стремились *«выполнить полет, а не решить поставленную задачу»*. Планирование операций также было далеким от идеала. У штабных работников часто отсутствовал творческий подход к своему делу, вылеты планировались шаблонно, без смены высоты и маршрутов полета, а также без изменения способа атак. Непосредственно перед вылетами не проводилась разведка объекта удара и его системы ПВО. Все это приводило к случаям невыхода на цель. Кроме того, встречи с большими группами истребителей противника и мощным огнем зенитной артиллерии нередко становились неожиданностью для летного состава, среди которого, по мнению А.А. Новикова, недостаточно культивировались широкая инициатива и военная хитрость.

Два пункта своей директивы командующий ВВС посвятил вопросам управления и использования истребителей. Управление по радио, хотя и активно использовалось во всех воздушных армиях, по мнению маршала, еще не удовлетворяло требованиям современной обстановки, а в некоторых подразделениях уступало другим средствам связи. Сеть радиостанций не везде еще была достаточно широка, а обслуживающий ее персонал часто не обладал нужной квалификацией. В то же время в истребительных частях еще редко практиковался свободный поиск на территории противника и уничтожение вражеской авиации на подходе к линии фронта. Жесткая привязка патрулирующих истребителей к определенному объекту или району лишала наших летчиков возможности вести активный наступательный бой.

Командирам частей предлагалось уделить пристальное внимание сколачиванию пар и их взаимодействию во время воздушного боя. Пары должны были по возможности иметь постоянный состав, что оформлялось приказом по

полку. Все это, по мысли командующего, повышало ответственность пилотов пары, особенно ведомых, за обеспечение действий своих напарников. В воздушных боях необходимо было создавать численный перевес умелым наращиванием сил, что достигалось использованием тактики, очень похожей на примененную противником. Патрулирующие пары должны были по команде с земли собираться в единую группу для атаки обнаруженных самолетов противника.

Еще одним важным нововведением стало выделение из общей массы лучших пилотов и развитие тактики «свободной охоты» за линией фронта. Командующий ВВС подчеркивал: *«Практикуемый свободный полет лучших летчиков-истребителей (асов) проводить преимущественно на тех направлениях фронта, где действуют основные силы авиации, не связывая их выполнением каких-либо определенных задач. Асы всегда везде и всюду имеют только одну задачу — уничтожить самолеты противника в воздухе, всемерно используя выгодные условия воздушной обстановки»* [50].

В отношении командного звена требования директивы сводились к необходимости развития инициативы у командиров авиадивизий и полков, предоставления им максимальной свободы при планировании боевых операций. Сами операции должны были проводиться не экспромтом, а на основании детально разработанного плана. Особую роль в сложившейся ситуации приобретало использование компактных боевых порядков, повышение уровня обороноспособности групп ударных самолетов и их взаимодействия с истребителями прикрытия, а также со своей зенитной артиллерией.

Как видно из вышесказанного, для командования ВВС Красной Армии крупные недостатки в боевой работе авиации не являлись секретом. По сути, они являлись скорее «болезнями роста», чем серьезными «хроническими заболеваниями». Образно говоря, к лету 1943-го скелет ВВС был собран, мышечная масса оформилась в мускулах, которые тем не менее еще требовали терпеливой «накачки». Кроме того, новому бойцу был необходим творческий дух, быстрая реакция и самостоятельность. Но на устранение всех недочетов и приобретение высокого профессионализма требовалось время. Важно понимать, что Курская битва лишь

высветила недостатки новой структуры, позволив наметить пути их решения. А пока боевой опыт приобретался в тяжелых боях и щедро оплачивался кровью летного состава.

Ход сражения 8 июля подтвердил правильность выводов, сделанных накануне командующим Центральным фронтом К.К. Рокоссовским, который по итогам боев 7 июля в беседе с командующими армиями заявил о том, что оборонительное сражение уже практически выиграно. Утром удалось восстановить положение в районе Поньрей — 307-я стрелковая дивизия стремительной атакой вернула северную часть этого населенного пункта. Однако тяжелые бои здесь продолжались в течение всего дня.

Потерпев неудачу в районе Поньрей, командование 9-й армии сосредоточило свои усилия во второй половине дня на атаках в районе высоты 257,0, находящейся севернее Ольховатки. Для захвата высоты в районах Снова, Подсоборовка и Соборовка было сконцентрировано, по советским оценкам, до 400 танков и до двух дивизий пехоты. Авиаразведка 16-й воздушной армии отмечала сплошное движение автомашин и танков от Змиевки через Глазуновку на Поньри и от Змиевки через Глазуновку на Нижнее Тагино, а также движение групп автомашин по полевым дорогам от линии Глазуновка, Богородицкое к югу. Бои в районе высоты 257,0, несколько раз переходившей из рук в руки, кипели целый день. Только к 17:00 8 июля она была захвачена немецкими частями в результате ряда атак с разных направлений при участии приблизительно 60 танков.

8 июля советское авиационное командование постаралось внести необходимые изменения в тактику действий истребительной авиации, высылая перед налетом бомбардировщиков и штурмовиков крупные группы для расчистки воздушного пространства. Первыми этот метод опробовали пилоты 1-й гв. иад. 15 Як-1 под командованием Героя Советского Союза капитана В.Н. Макарова, наводимые с земли командиром дивизии подполковником И.В. Крупениным, за 40 минут провели два больших воздушных боя над расположением 13-й армии. В первом из них был расстроен боевой порядок группы 40 Bf 110 из состава I/ZG1, после чего группа В.Н. Макарова была перенацелена в район Ольховатка, к которой уже подходило до 50 самолетов Ju 88 и Ju 87.

В результате воздушного боя пилоты доложили об уничтожении 5 Ju 87, 2 Ju 88 и FW 190. Хотя немецкие источники и не подтверждают цифры советских заявок на победы, опыт по управлению истребителями с земли явно удался.

В то же время уровень потерь 16-й воздушной армии 8 июля снова вырос по сравнению с предыдущим днем, увеличившись с 37 до 47 не вернувшихся на свои аэродромы машин. Уточненные данные говорят о том, что за два дня боев 7—8 июля объединение С.И. Руденко лишилось 89 самолетов. Основная масса потерь на четвертый день сражения снова пришлась на истребительную авиацию. Особенно пострадал 739-й иап 286-й иад, находившийся до этого дня в резерве. За день ожесточенных боев на аэродромы не вернулось тринадцать самолетов, причем восемь из них были потеряны в ходе одного вылета в район Поньрей. Приняв воздушный бой с 14 FW 190, по всей видимости, принадлежавших III и IV/JG51, группа 739-го иап недосчиталась в воздушном бою шести самолетов. Еще два «лавочкиных» были сбиты огнем зенитной артиллерии.

В результате тяжелых потерь численный состав многих соединений истребителей к этому времени упал до критической отметки. Так, например, только в 1-й гв. иад на конец дня 8 июля было отмечено наличие в составе четырех полков всего 19 исправных и 14 ремонтируемых самолетов. Несмотря на сложившуюся тяжелую ситуацию, командование 16-й воздушной армии тем не менее сохраняло резерв из двух полков (56-й и 67-й гв. иап). По воспоминаниям С.И. Руденко, узнавший про это Г.К. Жуков выразил свое крайнее неудовольствие, однако, немного остыв, одобрил действия командарма-16 [51].

Между тем вопрос о прикрытии наземных войск на четвертый день сражения стоял настолько остро, что заставил привлечь к выполнению этой задачи экипажи 3-й гв. иад из состава 15-й воздушной армии. Летчики этого соединения совершали вылеты в полосу 13-й армии начиная с первого дня Курской битвы. Так, 5 июля 10 Ла-5 63-го гв. иап провели воздушный бой с 20 FW 190. Согласно оперсводкам, один «фокке-вульф» был сбит, но на свои аэродромы не вернулось 5 Ла-5. На следующий день авиаторы 15-й воздушной армии совершили 72 самолето-вылета в полосу Центрального

фронта. В ходе трех воздушных боев в районе Щербатово, Малоархангельск и Красная Слободка было сбито 6 Bf 109 и 1 FW 190. Однако свои потери были также значительны — 2 Ла-5 было сбито, 2 Ил-2 совершили вынужденные посадки, а 6 Ла-5 посчитали пропавшими без вести. Среди невернувшихся были командир 32-го гв. иап майор Б.П. Любимов и его заместитель по политической части майор Н.Д. Тарасов [52].

8 июля из 113 самолето-вылетов, совершенных пилотами объединения генерала Н. Ф. Науменко, только 14 были выполнены на поддержку войск Центрального фронта. 8 Ла-5 63-го гв. иап под командованием капитана П.Е. Бунделева около 8:46 обнаружили и атаковали в районе Поныри—Бузулук 16 Ju 87, шедших под прикрытием 16 истребителей. По результатам боя, ценой двух невернувшихся и одного поврежденного истребителя экипажами было сбито 3 Ju 87, 2 FW 190 и 1 Bf 109. На этом участие авиаторов 15-й воздушной армии в оборонительной фазе сражения на Курской дуге закончилось.

Четвертый день оборонительной операции характеризовался также снижением активности штурмовой и бомбардировочной авиации 16-й воздушной армии. Так, например, экипажи 3-го бак всего 44 раза поднимались в воздух. Впрочем, даже из этого количества 18 бомбардировщиков были вынуждены вернуться из-за отсутствия истребителей прикрытия. С боевого задания не вернулся один Пе-2. Несколько большие потери понесли части 221-й бад, недосчитавшиеся шести экипажей.

Согласно немецким данным, истребители 1-й авиадивизии претендовали на уничтожение 5 «Бостонов», один из которых стал 27-й победой Хуберта Штрассла из 30 одержанных им в ходе четырехдневных боев под Курском. Штрассл воевал в составе III/JG51 с конца 1941 года. Сбив свой первый самолет в июле 1942 года, 24-летний пилот не особо выделялся среди своих коллег, имея на счету к началу июля 37 побед. Тем не менее в боевой биографии аса были нередки случаи уничтожения за день 2—3 самолетов. Самым же результативным стало 8 июня, когда боевой счет Штрассла пополнили 6 побед. С началом операции «Цитадель» пилот сразу попал в фокус всеобщего внимания, однако военная

фортуна оказалась переменчивой. Доведя к вечеру 8 июля свой счет до 67 побед, Штрассл погиб в бою с группой истребителей Ла-5 (в некоторых источниках упоминаются ЛаГГ-3 или ЛаГГ-5). Группа «фокке-вульфов» в районе шоссе Орел—Курск подверглась неожиданной атаке группы советских истребителей, которым удалось повредить самолет Штрассла. Уходя на свою территорию, его черная «четверка» FW 190А-4 (зав. номер 2351) получила еще несколько попаданий с преследующего его советского истребителя. Купол парашюта выпрыгнувшего на высоте около 300 метров немецкого летчика не успел наполниться воздухом, став причиной его гибели. 12 ноября 1943 года пилот посмертно был награжден Рыцарским крестом.

Интересно отметить, что самолет Штрассла был всего одной из двух официально признанных 8 июля потерь (второй стал Ju 87 из состава III/StG3). Согласно данным генерал-квартирмейстера 4 FW 190, 1 He 111, 1 Ju 87 получили повреждения в боях, а Ju 88 из состава III/KG1 взорвался в воздухе со всем экипажем. Кроме того, ранение в воздушном бою получил командир отряда 3./JG54 Франц Айзенах (Eisenach Franz), сумевший тем не менее совершить посадку на аэродроме Панино.

К 9 июля командование 6-го воздушного флота стало испытывать тревогу за судьбу столь успешно начавшейся операции. Вот что пишет по этому поводу начальник штаба объединения генерал Фридрих Клесс: *«Непрекращающиеся воздушные сражения, затягивающиеся на продолжительное время, снижали работоспособность наших самолетов, временное господство в воздухе превосходящих по численности советских воздушных сил было неизбежным, противник мог действовать непосредственно против наших войск в перерывах между вылетами люфтваффе. В связи с тем, что сухопутные войска 9-й армии участвовали в чрезвычайно важном наступлении, неминуемые тактические успехи советских ВВС были для нас чрезвычайно неприятны»* [53]. До полного прекращения операции «Цитадель» на северном фланге Курской дуги оставалось еще три дня. Для немецкой стороны они прошли завершающим аккордом былого могущества как на земле, так и в небе.

2.3. НАД ВЫСОТАМИ ОЛЬХОВАТКИ (9—11 июля)

Не будет преувеличением сказать, что к 9 июля наступление армии Моделя зашло в тупик. Наткнувшись на ожесточенное сопротивление войск 13-й и 70-й армий, части 41-го и 47-го танковых корпусов на пятый день наступления могли достичь лишь незначительных тактических успехов, выразившихся в очередном прорыве на северные окраины Поньрей, а также в небольшом продвижении в районе высоты 257,0. Говоря о ходе сражения, Стивен Ньютон метко подметил, что его *«трудно охарактеризовать иначе как повторение битвы при Вердене с большим шумом от танков»* [54]. Несмотря на создавшееся непростое положение и продолжавшие поступать данные разведки о концентрации значительных сил Красной Армии севернее и восточнее Орла, командование 9-й армии и группы армий Центр не теряло надежды на успешный исход «Цитадели». В значительной степени этот оптимизм определялся положением на южном фазе Курской дуги, где 4-я танковая армия Гота вышла к тыловому оборонительному рубежу Воронежского фронта. Генерал Модель не оставлял планов по возобновлению наступления. Добившись разрешения генерал-фельдмаршала Клюге на передачу в состав 9-й армии из резерва 12-й танковой и 36-й пехотной дивизий, он планировал провести перегруппировку своих сил и, сместив направление удара в юго-западном направлении, 12 июля завершить прорыв советской обороны.

Планы командования Центрального фронта на данном этапе сражения определялись необходимостью удержать установившееся статус-кво до того момента, когда войска Брянского фронта, а также левого крыла Западного фронта не начнут операцию по окружению орловской группировки противника. Кроме мощной противотанковой обороны и стремительных контратак, важнейшим фактором, обеспечивавшим стабильность ситуации, стали массированные налеты бомбардировщиков и штурмовиков 16-й воздушной армии. Подобная тактика в сложившейся ситуации показала себя наиболее эффективной, позволяя при первых попытках сосредоточения противника для атаки наносить ему чувст-

вительные удары. При этом значительно уменьшались собственные потери, а также оптимизировалось использование истребителей сопровождения. Документы штаба 16-й воздушной армии особенно подчеркивают: *«Применение массированных ударов было вызвано тем, что противник сосредоточил на узком участке фронта крупные силы танков, артиллерии и пехоты для продолжения наступления. По таким целям и применялись массированные удары»* [55].

Как и предыдущие три дня сражения, 9 июля началось с мощных налетов советских бомбардировщиков и штурмовиков по скоплению немецких танков и пехоты в районе Кашара, Подсоборовка, Соборовка. Около 5:30—6:00 в воздух поднялось шесть групп Пе-2 241-й и 301-й бад, четыре из которых нанесли эффективный бомбардировочный удар по расположению противника, сбросив в общей сложности 366 ФАБ-100, 7 ФАБ-50, 685 АО-10, 42 АО-25. По оценкам экипажей, удалось уничтожить 12 танков и подавить огонь 2 артиллерийских батарей. Еще две группы по 18 самолетов каждая были вынуждены вернуться на свои аэродромы по причине отсутствия истребителей сопровождения.

Отметим, что в этом налете для обеспечения действий ударных самолетов впервые использовались группы расчистки воздуха. Убедившись в эффективности тактики, применяемой противником, командование 16-й воздушной армии решило внедрить этот опыт в собственных частях. В приказе частям 3-го бак на боевые действия 9 июля говорилось: *«Кроме непосредственного сопровождения за 5 минут до удара в районе цели будут патрулировать 30 истребителей 273 иад (6 иак). При обратном маршруте групп бомбардировщиков организовано отсечение восемнадцати Як-1 273 иад»* [56].

За ударом бомбардировщиков и штурмовиков наблюдал командующий 16-й воздушной армией, объявивший благодарность всем авиаторам, участвовавшим в вылете. Тем не менее для членов экипажей «пешек» и «илов» этот вылет вряд ли можно было отнести к разряду «легких прогулок». Полностью нейтрализовать активность вражеских истребителей не удалось. Непосредственно над целью группы 3-го бак были атакованы самолетами из состава IV/JG51, а также Bf 110 из I/ZG1. В результате боя 4 Пе-2 были сбиты, один

бомбардировщик стал жертвой зенитной артиллерии, а еще два получили значительные повреждения и совершили вынужденные посадки.

Основной урон пришелся на 301-ю бад, потерявшую в общей сложности шесть самолетов. Указывая на причину потерь, экипажи бомбардировщиков «традиционно» возложили вину на истребителей сопровождения из 279-й иад, которые отвлеклись на группу немецких истребителей, имитировавших воздушный бой в районе цели. Это позволило пилотам другой группы «фокке-вульфов» произвести неожиданную атаку по «пешкам», в результате чего полковые колонны лишились по две машины. При атаках экипажи бомбардировщиков отметили дерзкие действия немецких асов, которые, игнорируя огонь стрелков и штурманов, неоднократно пытались прорваться внутрь группы бомбардировщиков с целью ее раскола. Свой огонь пилоты «фокке-вульфов» в основном концентрировали на крыльевых баках Пе-2. Несмотря на проведенные атаки, «ягдфлигерам» не удалось сорвать массированную бомбежку своих войск — большие массы советских бомбардировщиков и штурмовиков, следовавшие под мощным эскортом, оказались для них крепким орешком.

Об эффективности нанесенного удара хорошо свидетельствует только тот факт, что если в предыдущие дни после нанесения бомбовых ударов немецкие войска с некоторой задержкой, но все же переходили в наступление, то после удара 9 июля противник не проявлял активности на ольховатском направлении целый день. За срыв танковой атаки командование 2-й танковой армии прислало летчикам благодарность. 9 июля 16-я воздушная армия нанесла еще два массированных удара в районе Соборовка, Бузулук, Подсоборовка, Поныри. На сей раз здесь действовали группы «Бостонов» 221-й бад, которые до конца дня совершили 69 самолето-вылетов. Потеряв от зенитного огня всего один самолет 8-го гв. бап, бомбардировщики успешно выполнили боевую задачу.

Тяжелые испытания 9 июля выпали на долю пилотов штурмовой авиации, группы которой не раз подвергались ожесточенным атакам истребителей противника. Согласно немецким данным, пилотам эскадр JG51 и JG54 за день уда-

лось сбить около 30 штурмовиков. Особенно нелегко пришлось 11 Ил-2 299-й шад, которые при нанесении удара в районе Широкое Болото подверглись атаке в лоб восьмерки немецких истребителей. Экипажам Ил-2 удалось все же сбросить бомбовый груз на цель, уничтожив и повредив до 15 танков и около 20 автомашин. В результате этого оказалась сорвана атака на позиции 3-го танкового корпуса. Однако испытания для летчиков-штурмовиков только начинались.

Увлечшись боем с «фокке-вульфами», Ла-5 из группы сопровождения оставили «илы» без прикрытия, чем не замедлили воспользоваться другие «сто девяностые». Первая атака FW 190 результата не дала, так как штурмовики встали в оборонительный круг, поддерживая друг друга огнем. Немецким пилотам пришлось имитировать выход из боя. Однако, как только штурмовики стали перестраиваться в строй клина, «фокке-вульфы» тут же снова атаковали их, подбив сразу четыре «ила». Оставшаяся семерка успела снова встать в круг, подвергаясь еще более ожесточенным атакам противника. В ходе десятиминутного боя немецкие истребители произвели более тридцати атак. Чтобы избежать поражения снизу, пилоты «илов» вынуждены были снижаться до 15—20 метров, сумев в итоге оторваться от противника.

Намного больше не повезло пилотам шестерки Ил-2 той же 299-й шад, следовавших следом. Все входившие в нее машины оказались либо сбиты, либо совершили вынужденные посадки. Сопровождающие штурмовики «яки» 896-го иап были отсечены от своих подопечных неожиданной атакой «фокке-вульфов». В результате каждый Ил-2 атаковало три-четыре FW 190, а самолет пилота Задорожного атаковало целых семь истребителей.

На следующий день, 10 июля, штурмовая и бомбардировочная авиация 16-й воздушной армии действовала с прежним размахом и с еще большей эффективностью. С самого утра противник возобновил свои атаки на стыке 13-й и 70-й армий. По сравнению с предыдущим днем немецкая авиация несколько увеличила свою активность, совершив до захода солнца 1136 самолето-вылетов. Необходимо отметить, что прирост в вылетах был получен в основном за счет экипажей «штурк» и двухмоторных бомбардировщиков, кото-

рые, поддерживая свои наземные войска, совершили почти на 280 вылетов больше, чем накануне.

Наземные бои в основном развернулись перед фронтом 17-го гвардейского стрелкового корпуса. Личный состав соединения с 8:30 до 16:00 отразил три мощные атаки противника, силы которого были оценены более одной пехотной дивизии и до 250 танков. В развернувшемся тяжелом сражении свое веское слово сумела сказать и авиация 16-й воздушной армии. Около полудня было засечено крупное скопление танков и пехоты противника в районе Кашара, которые, по всей видимости, готовились к очередной атаке. В воздух оперативно было поднято мощное авиационное соединение, состоящее из 171 бомбардировщика (108 Пе-2 и 63 «Босто́на») и 37 штурмовиков. Все эти машины принадлежали 3-му бак, 6-му сак и 2-й гв. шад.

В течение трех минут с 12:47 до 12:50 восемь групп по 17—18 Пе-2, вместе с «Босто́нами» и Ил-2, нанесли сосредоточенный удар по скоплению техники противника. Над целью советские самолеты были встречены мощнейшим зенитным огнем — одновременно в воздухе отмечалось от 80 до 100 разрывов. Несмотря на активное противодействие противника, результаты бомбардировки превзошли все ожидания. Как отмечалось в оперативной сводке Генерального штаба Красной Армии: *«Пехотным и артиллерийским наблюдением установлено, что в результате налета авиации в этом районе сожжено 14 и подбито 30 танков противника, а его пехота понесла большие потери»* [57]. Из 2-й танковой армии донесли, что в результате воздушных налетов 10 июля было сожжено в районе Кутырки 8 танков, в районе высоты 238,1—6 танков и до 40 танков рассеяно в районе Подсоборовка. Готовившаяся крупная атака противника оказалась сорвана с большим для него уроном. Потери советской стороны составили 1 «Босто́н» и 5 Ил-2.

Командование 16-й воздушной армии особо отметило удачные действия 10-го июля экипажей 221-й бад. По донесениям наземных войск, только после удара «Босто́нов» 745-го бап в районе высоты 250,0 было сожжено четырнадцать танков, остальные, видимо изготовившиеся для наступления, повернули в тыл. Этот успех был тем более знаменателен, что боевая работа соединения с начала Курской

битвы не всегда была на высоте. Три раза ее экипажи ошибочно наносили удар по своим войскам. Отмечались также случаи сброса бомб в поле и уход от цели врассыпную [58]. И вот по прошествии недели суровых испытаний вчерашние «зеленые» летчики продемонстрировали себя зрелыми бойцами. Высокую оценку их действиям дал и противник. Уже упоминавшийся нами генерал Фридрих Клесс, говоря о действиях экипажей бомбардировщиков «Бостон» (которые он по ошибке называет «Бристоль»), отмечал их *«превосходную дисциплину и исключительную агрессивность»* [59].

Не поскупились на похвалу в адрес авиаторов и наземные командиры. Так, в частности, штаб 2-й танковой армии прислал благодарственную телеграмму командующему 16-й воздушной армии, в которой говорилось: *«В течение дня 10.7.43 авиацией нанесен массированный удар по скоплению танков и пехоты противника севернее 1-е Поныри и высоты 238, 1. Танкисты с восхищением смотрели на работу сталинских соколов и приносят вам большое танкистское спасибо. Уверены, что наше боевое содружество еще больше усилит удары по врагу и ускорит нашу окончательную победу над врагом. Напомним врагу еще раз СТАЛИНГРАД»* [60].

Отметим, что на следующий день, 11 июля, бомбардировочная и штурмовая авиация 16-й воздушной армии массированных ударов не предпринимала. Командование 9-й армии явно отказалось от попыток пробить брешь в советской обороне. На некоторых участках фронта советские наблюдатели отмечали, что противник начал работы по укреплению обороны своего переднего края.

От рассмотрения действий ударной авиации обратимся к борьбе за господство в воздухе в последние три дня сражения. Мы уже не раз отмечали тот тяжелый урон, который понесла истребительная авиация 16-й воздушной армии в ходе первых четырех дней оборонительной операции. Среди соединений особенно пострадали 273-я, 279-я и 1-я гв. иад, которые к исходу 8 июля насчитывали 14, 25 и 19 машин соответственно. Этих сил для борьбы с бомбардировочной и истребительной авиацией противника, а также эскортирования самолетов 3-го бак к 9 июля было уже явно недостаточно.

Основные надежды на стабилизацию обстановки командование 16-й воздушной армии связывало с вводом в сражение перебазирувавшейся с Брянского фронта 234-й иад подполковника Е.З. Татанашвили. Это соединение, насчитывавшее 87 истребителей Як-7б, к исходу 8 июля сосредоточилось на аэродромах 273-й иад, заняв аэродромы Колпна, Красное, Лимовое. Дивизия вошла в оперативное подчинение 6-го иак, получив от его командира боевую задачу на 9 июля по прикрытию боевых порядков наземных войск в районе Соборовка, Подсоборовка, Поныри.

Несмотря на плохую погоду, утром в воздух были подняты группы 233-го и 248-го иап, тогда как 133-й иап был оставлен командованием в резерве. Из 79 самолето-вылетов, совершенных пилотами соединения 9 июля, 22 было затрачено на облет линии фронта и 57 на патрулирование. Как ни странно, но встреч с самолетами противника зафиксировано не было. В то же время в результате групповой потери ориентировки летчики дивизии совершили 8 вынужденных посадок, в которых было разбито пять машин. Два пилота не вернулись на свои аэродромы. Отметим, что, согласно немецким данным, 9 июля особого успеха добился командир 1./JG51 Йоахим Брендель, сбивший в ходе 4 минут воздушного боя 3 советских самолета. Один из сбитых истребителей стал 50-й победой аса и 400-й победой его отряда.

На следующий день, действуя уже в полном составе, экипажи 234-й иад не только обеспечивали патрулирование севернее Ольховатки и в районе Понырей, но и вылетали на перехват противника по вызову с командного пункта 6-го иак. За день было проведено 11 воздушных боев, в которых, по докладам пилотов, удалось сбить 22 FW 190, Bf 109, а также подбить еще один «фокке-вульф». Потери дивизии за тот же день боев составили пятнадцать самолетов, из которых одиннадцать считались не вернувшимися на свой аэродром, один был сбит в воздушном бою, два подбиты зенитной артиллерией и еще один самолет, подбитый в бою, потерпел катастрофу при посадке.

Несмотря на то что немецкая бомбардировочная авиация продолжала совершать вылеты, нанося удары по переднему краю 13-й армии, подавляющее большинство схваток было проведено с немецкими истребителями. Наиболее тяжелый

воздушный бой произошел около 13:50. Восьмерка Як-76 233-го иап, ведомая старшим лейтенантом А.К. Виноградовым, встретила 8 FW 190. Заметив наши самолеты, немецкие пилоты ушли в облака. Однако буквально через минуту советские истребители подверглись атаке сверху из-за туч уже 18 «фокке-вульфов». Между истребителями завязался бой на вертикалях. С командного пункта 6-го иак на помощь была вызвана шестерка Як-76 из состава 133-го иап, которая вскоре также вступила в бой, сложившийся для советских пилотов крайне неудачно. Потери двух групп 234-й иад составили девять самолетов, из которых один был разбит на вынужденной посадке. Фактически из 8 Як-76 233-го иап на свой аэродром вернулось всего 3 самолета, а из шести истребителей 133-го иап, вылетающих на усиление, уцелело только два. По итогам боя на боевые счета летчиков было записано 9 сбитых FW 190. Кроме того, один из подбитых «фокке-вульфов» совершил вынужденную посадку южнее населенного пункта Мокрое [61].

С большой долей вероятности можно утверждать, что советским летчикам в этом бою противостояли «фокке-вульфы» из состава IV/JG51, которые сбили восемь советских истребителей, идентифицированных как МиГ-1 и ЛаГГ-3. Собственные же потери группы за день составили 2 FW 190, принадлежавших отряду 12./JG51. Среди пропавших без вести числился Ганс Пфалер (Pfahler Hans) — 29-летний пилот, одержавший в этом бою 10-ю победу с начала Курской битвы и доведший свой счет до 30 сбитых самолетов. Возможно, именно его вынужденную посадку наблюдали советские летчики. Не исключено, что Пфалер был сбит летчиком 248-го иап лейтенантом А.С. Ивановым, после очередей которого летчик одного из «фокке-вульфов» выбросился с парашютом.

На следующий день, 11 июля, количество вылетов, совершенных пилотами 234-й иад, уменьшилось почти наполовину. В ходе семи групповых вылетов (60 самолето-вылетов) было проведено всего три воздушных боя. Баланс побед и потерь, зафиксированных штабом дивизии, практически сходилась. Было потеряно девять истребителей, при том, что, по заявкам пилотов соединения, в воздушных боях удалось сбить 2 Ju 87 и 9 FW 190.

Основная нагрузка 11 июля выпала на плечи экипажей 133-го иап. Проведя два воздушных боя, полк недосчитался к концу дня восьми самолетов. Особенно неудачно сложился первый воздушный бой, когда около 5:20 10 Як-76 под командованием майора Т. Ф. Амельченко, непосредственно перед уходом на свой аэродром, встретили группу из 24 Ju 87, которую сопровождало от 30 до 40 FW 190 из 1/JG54. Ударное звено капитана А.И. Ещенко атаковало пикирующие бомбардировщики, однако было контратаковано «фокке-вульфами». С боевого задания все подразделение не вернулось в полном составе. Еще один «як» стал жертвой огня зенитной артиллерии. Несмотря на численное превосходство противника, старшине Н.Я. Ильину удалось все же атаковать пикирующие бомбардировщики, сбив 2 Ju 87. Согласно немецким данным, в этом бою две победы одержал Гюнтер Шелл (Scheel Günther) из отряда 2./JG54, а еще два советских самолета были сбиты пилотами 3./JG54.

Во второй половине дня летчики из состава восьмерки того же 133-го иап вели воздушный бой в районе Понырей с 14 FW 190. При потере 3 Як-76 было заявлено об уничтожении пяти «фокке-вульфов». Однако, как и во многих других случаях, немецкие источники не подтверждают эти заявки на победы. Согласно дневнику боевых действий 6-го воздушного флота, было потеряно всего 2 самолета — FW 190 и Ju 87. Отчеты генерала-квартирмейстера свидетельствуют, что за день было потеряно пять самолетов (2 FW 190, 2 Ju 87 и 1 Ju 88), а еще четыре получили повреждения. Отметим, что всего же за период с 9 по 11 июля 6-й воздушный флот в районе проведения операции «Цитадель» безвозвратно потерял 20 самолетов, а еще 11 машин было повреждено.

Тяжелой утратой для немецкой стороны стала потеря 11 июля командира IV/JG51, ветерана боев в Испании и кавалера Рыцарского креста майора Рудольфа Реша (Resch Rudolf). Одержав свою последнюю, 94-ю победу над Ил-2, немецкий ас был сбит в воздушном бою и погиб. К сожалению, установить авторство этой победы с советской стороны не представляется возможным.

Нельзя не отметить — несмотря на то что сражение над северным фасом Курской дуги длилось уже целую неделю, истребители 6-го воздушного флота продолжали демонстри-

ровать высокую результативность в воздушных боях при относительно низком уровне потерь. Кроме хорошо отлаженного взаимодействия и управления в бою, действия немецких экипажей характеризовались применением различных элементов военной хитрости. Так, согласно отчету командира 273-й иад полковника И.Е. Федорова о боевой работе дивизии за период с 5 по 8 июля, для выхода из неудачно складывавшегося боя пилотами «фокке-вульфов» часто практиковалось имитирование беспорядочного падения и срыва в штопор [62]. Зачастую это создавало у молодых и неопытных советских пилотов иллюзию уничтожения вражеской машины, способствуя безудержному росту заявок на победы.

Мы уже не раз становились свидетелями того, что цифры побед и потерь, содержащихся в документах противоборствующих сторон, при сравнении зачастую кардинально расходятся между собой. Рассматривая этот весьма щепетильный и болезненный вопрос об эффективности действий истребительной авиации, необходимо отметить, что, признавая многие недостатки в ее работе, документы 16-й воздушной армии в то же время практически не содержат материалов, критически оценивающих число заявок на воздушные победы. Так, отчет о действиях армии в оборонительной операции Центрального фронта содержит цифры, анализ которых не может не вызвать удивление. Согласно ему, численность немецкой авиационной группировки к началу операции, по оценкам штаба армии, составляла около 900 самолетов, среди которых имелось 525 бомбардировщиков и порядка 300 истребителей. Как видно, численность немецкой истребительной авиации была преувеличена советской стороной почти в два раза, тем не менее в результате недели боевой работы с 5 по 11 июля, согласно тому же отчету, в воздушных боях удалось сбить 425 истребителей, 88 бомбардировщиков и 5 разведчиков противника. Таким образом, число уничтоженных «фокке-вульфов» и «мессершмиттов» даже по сравнению с завышенными разведданными начала месяца составило 140%!

Анализ немецких источников позволяет сделать следующие выводы. Согласно дневнику боевых действий 6-го воздушного флота, с 5 по 11 июля было потеряно всего 33 самолета (10 FW 190, 1 Bf 109, 4 Bf 110, 8 Ju 87, 6 Ju 88, 3

He 111 и 1 Ag 66). Анализ отчетов генерала-квартирмейстера позволяет говорить о больших потерях объединения генерала фон Грайма. Согласно им, количество списанных самолетов составляет 64 машины (24 FW 190, 2 Bf 109, 5 Bf 110, 15 Ju 87, 11 Ju 88, 5 He 111, 1 Ag 66 и 1 Fi 156). Еще 45 самолетов получили повреждения. Возможно, эти данные также не совсем полные. Так, согласно данным российского историка Д.Б. Хазанова, к утру 9 июля эскадра JG51 недосчиталась 37 «фокке-вульфов» [63]. Тем не менее ожидать, что порядок потерь немецкой стороны при уточнении цифр потерь изменится хотя бы на порядок, не приходится.

Анализ советских архивных документов позволяет прийти к выводу, что неудачи в работе истребителей были связаны не только с уровнем подготовки летного состава и недостатками в управлении соединениями. Значительную долю ясности в этот вопрос вносят телеграммы командирам истребительных соединений, которые содержатся в деле «Переписка по боевой работе» фонда 486-го иап. Для начала приведем полный текст приказа начальника штаба 6-го иак Н.П. Жильцова, направленного в части по итогам боевой работы 10 июля:

«За 10.7.43 установлены следующие недостатки в работе истребителей Ваших частей.

1. Ни одна группа истребителей, вылетавшая в назначенный район для отражения бомбардировщиков противника не была, а все ходили 8—9 километров южнее т.е. Возы, Становое за исключением группы 6 иак, выходившей около 20-00. Истребители противника парами и четверками патрулируют в этом районе, связывают наших истребителей, а бомбардировщики без прикрытия спокойно бомбят передний край по 50—70 Ю-88 и Ю-87.

2. Истребители в воздухе ведут ненужные разговоры, попросту болтают, поэтому не слышат станции наведения и не говорят своих позывных даже при запросе.

3. Истребители противника ходят парами, контратакуют четверками.

Приказываю:

1. Донести мне фамилии всех ведущих групп для привлечения к ответственности за невыполнение моего приказа. Требую от всех ведущих групп и всех летчиков барражировать над линией

фронта и предупреждаю, что за невыполнение этого приказа буду привлекать к строжайшей ответственности — отправлять в штрафные батальоны и даже расстреливать перед строем за трусость.

2. Установить дисциплину в воздухе. Прекратить болтовню, а смотреть за воздухом, сообщать о противнике, командовать одним-двумя словами и слушать мою радиостанцию ДУБ-1, находящуюся в Ольховатка в 3 километрах от переднего края, и радиостанцию «Штык». Всем проходить через Ольховатка и называть позывные, драться с бомбардировщиками, а истребителей сковывать. Командирам дивизий докладывать мне фамилии ведущих каждой группы и время вылета» [64].

Более резок и конкретен в своем послании был генерал С.И. Руденко, который в телеграмме от 10 июля писал: «Так прикрывать свои войска — преступление и невыполнение моего приказа — также преступление. За все дни боев сбито мизерное количество бомбардировщиков, а истребителей по докладу летчиков «набили» столько, сколько их и не было у противника, тогда как бомбардировщики ходят даже без прикрытия сотнями» [65]. Грозя отправлять провинившихся в штрафные батальоны и даже расстреливать перед строем за трусость, командарм тем не менее обращался и к чувству долга летчиков: «Пора прекратить, товарищи летчики, позорить наших истребителей, чтобы пехота в один голос заявляла, что истребители ее не защищают, не дерутся с бомбардировщиками, а скрываются в тыл, тогда как та же пехота восхищается смелостью и отвагой наших штурмовиков и бомбардировщиков» [66].

Несмотря на грозные предупреждения командарма, действия истребителей на следующий день, 11 июля, оставляли желать много лучшего. Обратимся снова к указаниям командующего 16-й воздушной армией, который, характеризуя боевую работу истребителей, особо отмечал:

«Команда по радио не выполняется, так было 11.7, когда рация «Дуб-1» приказала тов. Виноградову, Мищенко, Силаеву и Бабенко идти на бомбардировщиков. Последние приняли команду, но не пошли. Эфир во время полета наших истребителей засорен ненужными пустыми разговорами и другим «матом», не выполняют точных команд.

Приказываю:

1. *Всем истребителям точно выполнять ранее данные номера указаний о патрулировании в зоне, считая линию фронта основным своим районом.*

2. *При вылетах по вызову с бомбардировщиками противника не лететь прямо с хода к месту бомбежки, а обходить район перехвата истребителей противника значительно восточнее и северо-восточнее города Малоархангельск, заходить на территорию противника с тыла и атаковать его бомбардировщики.*

3. *Командиру 6 иак [вместо] высылаемых в течение последних дней для борьбы с вражеской авиацией 20 самолетов с 12.7.43 высылать группу в составе 40 самолетов и точно выполнить пункт второй настоящего указания.*

4. *Бомбардировщикам и штурмовикам при полетах к цели и обратно учитывать зоны противника в воздухе и также обходить их.*

5. *Командирам 6 иак и 1 гиад расследовать невыполнение приказа ДУБ-1 и ШТЫК...» [67].*

Уничтожающая характеристика действий истребительной авиации фронта исходила не только из уст командующего, но и от других авиационных командиров. Так, например, командир 279-й иад полковник Дементьев отмечал, что *«все наши истребители патрулируют в 10 километрах позади линии фронта, на передний край упорно не идут, боясь зенитного огня, и дают бомбардировщикам противника по целому часу пребывать над целью»*. Резюме командира дивизии пропитано горечью: *«Мне стыдно на это смотреть»* [68].

Автор полагает, что приведенные документы весьма выпукло характеризуют не только реально сложившуюся обстановку в борьбе за господство в воздухе, но и отношение к этому вопросу командования 16-й воздушной армии и командиров соединений истребительной авиации. Как видно, даже ввод в сражение свежей 234-й иад не изменил сложившейся обстановки. За три дня боевых действий в составе объединения С.И. Руденко пилоты полковника Е.З. Татанашвили сбили 36 немецких самолетов, 34 из которых были идентифицированы как FW 190, и только 2 бомбардировщика Ju 87. При этом собственные потери составили 27 Як-76 и 23 пилота. Стоит ли говорить, что большинство заявленных побед не подтверждаются немецкими источниками.

Мы уже указывали на те изменения в боевой работе истребителей 16-й воздушной армии, которые произошли по ходу оборонительной операции Центрального фронта. Командование ВВС Красной Армии посчитало необходимым укрепить и руководящий состав соединений. Уже 10 июля на должность командира 6-го иак, потерявшего за шесть дней боевой работы 85 самолетов и 54 летчика, был назначен генерал-майор Е.Е. Ерлыкин, срочно отозванный из-под Ленинграда. До 29 июня во главе корпуса находился генерал-майор А.Б. Юмашев, после чего только спустя одиннадцать дней потрепанное в боях соединение принял новый командир. Таким образом, в самый напряженный момент Курской битвы корпус не имел официально назначенного на эту должность командира, а его обязанности, судя по документам, исполнял начальник штаба полковник Н.П. Жильцов.

Ознакомившись на месте со сложившейся обстановкой, генерал Е.Е. Ерлыкин уже на следующий день представил на имя командующего 16-й воздушной армией доклад, в котором высказал предложения, направленные на повышение эффективности работы истребительной авиации, выдержанные в основном в духе директивы маршала А.А. Новикова от 7 июля. Наиболее интересным выглядело предложение об использовании в интересах фронтовой авиации находившихся в системе ПВО Курска и Щигры РЛС «Редут». Система наземного наблюдения постов воздушного наблюдения не позволяла засекать подход к линии фронта групп вражеских бомбардировщиков, не говоря уже о засечке подъема самолетов с аэродромов орловского и брянского аэроузлов. Система ВНОС, имевшаяся к началу оборонительной операции Центрального фронта, себя не оправдала. В лучшем случае она позволяла засечь бомбардировщики противника в момент их подхода к линии фронта, тогда как говорить о засечках подъема немецких самолетов с аэродромов орловского и брянского узлов и вовсе не приходилось. Согласно предложению Ерлыкина в работе по наведению истребителей необходимо было задействовать две установки «Редут», расположив их вблизи линии фронта и обеспечив связь с командными пунктами управления. Забегая немного вперед, стоит отметить, что внедрение РЛС для обеспечения бое-

вой работы истребителей началось на Центральном фронте только после завершения Курской битвы.

Еще одним предложением, которое вынес на рассмотрение командующего 16-й воздушной армией командир 6-го иак, стала камуфляжная окраска отечественных самолетов. Констатируя, что истребители всех типов выпускаются советской промышленностью с ярким черно-зеленым камуфляжем, который подходил для маскировки на земле, но никак не для воздушного боя, Е.Е. Ерлыкин особо отметил: *«В воздушном бою, не зная типа самолета, легко определить наш самолет от самолета противника по его слишком яркой расцветке плоскостей и фюзеляжа, т.е. основных фигур боя»*. По мнению генерала, камуфляж союзных и немецких машин был адаптирован как раз для воздушного боя, затрудняя своими цветами ведение прицельного огня. Резюме комкора было следующим: *«Необходимо поставить вопрос перед промышленностью о дальнейшем выпуске боевых машин с камуфляжем не темного цвета, а светло-серого (голубовато-стального). Это резко сократит бесконечные внезапные атаки немцев на наши самолеты; резко сократит потери и поражения в боях и отпадет необходимость ежегодной перекраски для зимы»* [69].

Вернемся к событиям 11 июля. Очевидная бесперспективность немецкого наступления в полосе Центрального фронта к этому времени уже ни у кого не вызывала сомнений. Несмотря на максимальное продвижение в глубину советской обороны до 10—12 километров, добиться сколько-нибудь заметных оперативных успехов войскам генерала Моделя не удалось. Начиная с 6 июля продвижение 9-й армии становилось все более скромным. Кровавопролитные сражения на ольховатском направлении с частями 17-го гвардейского стрелкового корпуса и 2-й танковой армии, трехдневные ожесточенные бои в районе Поньрей, не давшие решающего успеха частям 41-го танкового корпуса, и, наконец, затухание наступления в районе высот севернее Ольховатки — таковы основные этапы операции «Цитадель» на северном фланге Курской дуги. Не получили развития и планы командования 9-й армии, связанные с уже упоминаемым нами выше смещением направления основного удара. 11 июля на Брянском и Западном фронтах была проведена

разведка боем, а уже на следующий день артиллерийские залпы восточнее и севернее Орла недвусмысленно возвестили о завершении операции «Цитадель» севернее Курска. Теперь уже командованию группы армий «Центр» приходилось решать задачу предотвращения окружения собственных войск, запертых в рамках дуги — но уже не Курской, а Орловской.

Нам осталось подвести итоги воздушного сражения. Имея к началу немецкого наступления 1151 самолет (1084 исправных), 16-я воздушная армия в ходе недели ожесточенных боев понесла тяжелые потери — штаб армии списал 439 самолетов, или почти 38% самолетного парка. Из этого количества 391 самолет был потерян по боевым и не боевым причинам, а остальные списаны, как неподлежащие восстановлению. Объединение генерала С.И. Руденко за неделю боев лишилось 55% истребителей, 37% штурмовиков, 8% бомбардировщиков [70]. Количество самолето-вылетов на одну потерю в штурмовой и истребительной авиации было практически одинаковым, равняясь 13 и 15 самолето-вылетов соответственно, тогда как у бомбардировщиков этот показатель составлял 62 самолето-вылета.

Отметим, что некоторая часть поврежденных самолетов была отправлена в ремонтные органы. Так, согласно отчету 6-го иак, за весь июль месяц с мест вынужденных посадок было эвакуировано около 50 самолетов, из которых в САМ и ПАРМ было отправлено 30, на запчасти и в разделочные комплекты 6, а один истребитель, как указано в отчете, был подорван на месте посадки.

Чувствительные потери 16-я воздушная армия понесла в летном составе — в боях погибло 2 командира полков, 2 штурмана, 55 командиров эскадрилий и их заместителей, 20 командиров звеньев и 279 пилотов.

Сравнивая эти цифры с данными немецкой стороны, отметим, что за тот же, период согласно дневнику боевых действий 6-го воздушного флота, было уничтожено в воздушных боях 586 самолетов, а еще 52 машины стали жертвами зенитной артиллерии. Как видно, немецкие летчики и зенитчики в 1,5 раза завысили свои успехи, что, учитывая масштаб развернувшегося сражения, можно признать вполне приемлемой величиной.

Сложнее оценить реальную цифру побед для 16-й воздушной армии из-за отсутствия точных данных о потерях 6-го воздушного флота. Как уже указывалось, согласно отчетам генерала-квартирмейстера, объединение генерала фон Грай-ма потеряло за неделю боев по всем причинам безвозвратно 64 самолета. Повреждения получило еще 45 самолетов. В то же время, согласно отчету 16-й воздушной армии, ее летчиками в ходе 380 воздушных боев было сбито 518 самолетов, из которых 425 составляли истребители, 88 — бомбардировщики и 5 — разведчики. Как видно, свои успехи наши авиаторы завысили как минимум в 5—8 раз.

За время проведения операции частями 16-й воздушной армии было совершено 7548 самолето-вылетов, причем почти 98% их пришлось на ольховатское направление. Сравнивая эти данные с показателями 6-го воздушного флота, летчики которого за то же время выполнили 8917 самолето-вылетов, а также учитывая общее количественное превосходство советской стороны, можно получить наглядное представление о нагрузке, выпавшей на долю пилотов обеих противоборствующих сторон. Для соединений советской авиации эти величины относительно невелики. Так, в среднем один бомбардировщик совершал 0,9, штурмовик 0,6, истребитель 1,1 самолето-вылетов в день. К сожалению, эти цифры не отражают динамику изменения нагрузки на авиачасти в разные периоды сражения. Например, 5 июля в среднем один бомбардировщик совершал 3,1, штурмовик 2,2, а истребитель — 4,1 самолето-вылетов.

По опыту оборонительного сражения в районе Курска пилотами действующих частей была дана оценка некоторым типам самолетов. Так, например, испытывавшиеся в составе 1-й гв. иад 10 истребителей Як-9Т с 37-мм пушкой (2 в 53-й гв., 8 в 54-й гв. иап) совершили 136 самолето-вылетов, проведя 15 воздушных боев. При потере трех самолетов этого типа (один был сбит огнем немецких бомбардировщиков) пилотами было заявлено об уничтожении 5 самолетов противника (2 FW 190, 1 Bf 110, 1 Ju 88 и 1 He 111). Была отмечена высокая эффективность 37-мм пушки ОКБ-16 11П-37 при работе как по наземным, так и по воздушным целям. В то же время среди недостатков указывались значительный вес пушки, большая дальность разрыва снаряда (4000 метров,

тогда как требовалось 1000—1200 метров), неэффективность кольцевого прицела, а также медленный темп стрельбы. Для воздушного боя новый «як» оказался тяжеловат, плохо «чувствуя» себя на вертикали. По этой причине пилоты рекомендовали использовать в бою смешанные группы истребителей Як-1 и Як-9Т в пропорции 2:1 [71]. Не лишним будет заметить, что уже по окончании Курской битвы части 1-й гв. иад так и не были вооружены новым истребителем А.С. Яковлева, переучившись осенью на неплохо зарекомендовавшую себя «Аэрокобру».

Хорошо проявили себя и бомбардировщики Пе-2, демонстрируя в ряде случаев отменную живучесть. Так, некоторые «пешки» возвращались на аэродром, имея от 40 до 70 осколочных пробоин, не теряя управляемости при повреждении элеронов и руля высоты. В документах 3-го бак отмечались продуманное расположение и удачная конструкция роликовых направляющих тяг, что обеспечивает управление рулями самолета при повреждении тяг рулей снарядами и осколками ЗА. Особенно нравилась экипажам двойная система управления шасси — электродвигателями и аварийная. В процессе боевой работы нередко были случаи прихода на свой аэродром самолетов с поврежденными тягами управления по профилю до 70%.

Впрочем, замечаний в адрес «пешки» у пилотов и штурманов также хватало. Основным из них была слабость вооружения и средств защиты самолета. Стрелковое вооружение бомбардировщика, по мнению авиаторов, к лету 1943 года было недостаточно. Критике подвергалась передняя огневая точка, состоявшая всего из одного пулемета. Кроме того, неудачная и тесная турель обеспечивала только небольшие углы обстрела в 50—65 градусов. Система заполнения бензобаков инертным газом не обеспечивала достаточной защиты самолета от пожара. Вызывали нарекания и двигатели М-105, имевшие низкую живучесть.

Заканчивая описание боев на северном фланге Курской дуги, хотелось бы сказать несколько слов о борьбе за господство в воздухе. Вопрос о том, за кем осталось небо над Понырями и Ольховаткой, несмотря на очевидный исход сражения, не предполагает, как ни странно, однозначного ответа. В дальнейшем мы еще не раз увидим, что результа-

ты и ход наземных боев нельзя автоматически переносить на обстановку, складывающуюся в противоборстве авиации.

При общей более высокой подготовке летного состава, более совершенной и, главное, отработанной тактике боевого применения люфтваффе удалось в первые два дня сражения практически безраздельно господствовать в воздухе, что выразилось не только в подавлении советской истребительной авиации, но и в практически беспрепятственном нанесении бомбардировщиками ударов по позициям наземных войск. Отсутствие надлежащей летной и боевой подготовки у большинства молодого летного состава 16-й воздушной армии, слабая сколоченность внутри эскадрилий и полков, а также неэффективная, плохо отлаженная система управления авиацией — все это во многом предопределило трагическое для советской стороны начало сражения. Недостатки в работе истребительной авиации, где от пилота в первую очередь требовалась повышенная самостоятельность в принятии решений и инициатива, а также хорошая летная и огневая подготовка, не удалось ликвидировать в полном объеме не только по ходу сражения, но и в течение всей летней кампании 1943 года.

Брошаемые в пекло боев вновь созданные соединения раз за разом несли в первых же боях тяжелые потери, чему мы были свидетелями на примере 6-го иак и 234-й иад и еще не раз столкнемся по ходу повествования при описании событий на других участках советско-германского фронта. К сожалению, внедрение опыта боевого применения оказалось процессом долгим и мучительным, связанным с большими потерями и горькими уроками в воздушных боях. Его не всегда можно было «спустить сверху» в виде приказа или директивы.

Впрочем, было бы неразумным видеть лишь одну сторону медали. Командование 16-й воздушной армии убедительно продемонстрировало умение «держать удар» в неблагоприятной обстановке, а также понимание и быстрое восприятие новых реалий воздушной войны. Начиная уже с третьего дня сражения оно встало на путь организации массированных ударов по скоплениям бронетехники и живой силы противника. Как оказалось, в запасе у командования 6-го воздушного флота не нашлось эффективных средств противо-

действия этим налетам бомбардировщиков и штурмовиков 16-й воздушной армии, которые в большинстве случаев достигали своей цели. Начиная с 7 июля они стали оказывать непосредственное влияние на ход наземных событий, что особенно проявилось в ходе боев 9 и 10 июля, окончательно похоронивших надежды командования 9-й армии на успех операции «Цитадель».

Ссылки к части 2

1. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 151.
2. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 152.
3. ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 70. Л. 67.
4. ЦАМО РФ. Ф. 157-го иап. Оп. 429906. Д. 1. Л. 29.
5. ЦАМО РФ. Ф. 6-го иак. Оп. 1. Д. 27. Л. 10.
6. ЦАМО РФ. Ф. 721-го иап. Оп. 523745. Д. 1. Л. 25.
7. *Хазанов Д.Б., Горбач В.Г.* Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Москва, 2004. С. 46.
8. ЦАМО РФ. Ф. 6-го иак. Оп. 1. Д. 7. Л. 214.
9. ЦАМО РФ. Ф. 163-го иап. Оп. 558028. Д. 1. Л. 16.
10. ЦАМО РФ. Ф. 347-го иап. Оп. 239656. Д. 1. Л. 30.
11. ЦАМО РФ. Ф. 53-го гв. иап. Оп. 288562. Д. 2. Л. 51.
12. ЦАМО РФ. Ф. 6-го иак. Оп. 1. Д. 7. Л. 214.
13. ЦАМО РФ. Ф. 163-го иап. Оп. 558029. Д. 1. Л. 21.
14. ЦАМО РФ. Ф. 279-й иад. Оп. 1. Д. 5. Л. 80.
15. ЦАМО РФ. Ф. 427. Оп. 11105. Д. 42. Л. 155.
16. ЦАМО РФ. Ф. 427. Оп. 9657. Д. 94. Л. 238.
17. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 1. Москва, 2003. С. 162.
18. *Хазанов Д.Б., Горбач В.Г.* Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Москва, 2004. С. 53.
19. ЦАМО РФ. Ф. 11-й гв. шад. Оп. 1. Д. 48. Л. 40.
20. *Ньютон С.* Курская битва. Немецкий взгляд. Москва, 2006. С. 214.
21. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 156.
22. ЦАМО РФ. Ф. 6-го иак. Оп. 1. Д. 7. Л. 217.
23. ЦАМО РФ. Ф. 279-й иад. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.
24. ЦАМО РФ. Ф. 1-й гв. иад. Оп. 1. Д. 28. Л. 113.
25. 16-я воздушная. Москва, 1973. С. 94.
26. *Хазанов Д.Б., Горбач В.Г.* Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Москва, 2004. С. 57.
27. ЦАМО РФ. Ф. 6-го иак. Оп. 1. Д. 7. Л. 215.
28. ЦАМО РФ. Ф. 163-го иап. Оп. 558028. Д. 1. Л. 8.
29. ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 101. Л. 8, 9.
30. ЦАМО РФ. Ф. 6-го иак. Оп. 1. Д. 7. Л. 214.
31. ЦАМО РФ. Ф. 486-го иап. Оп. 211987. Л. 2. Л. 32.
32. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 1. Москва, 2003. С. 174.
33. *Руденко С.И.* Крылья победы. Москва, 1976. С. 169.
34. *Ньютоң С.* Курская битва. Немецкий взгляд. Москва, 2006. С. 214.

35. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 156.
36. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 1. Москва, 2003. С. 162.
37. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 159.
38. ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 96. Л. 311.
39. ЦАМО РФ. Ф. 283-й иад. Оп. 1. Д. 8. Л. 130.
40. ЦАМО РФ. Ф. 176-го иап. Оп. 199125. Д. 2. Л. 44.
41. ЦАМО РФ. Ф. 6-го иак. Оп. 1. Д. 7. Л. 197.
42. 16-я воздушная. Москва, 1973. С. 96.
43. ЦАМО РФ. Ф. 3-го бак. Оп. 1. Д. 6. Л. 102.
44. ЦАМО РФ. Ф. 174-го гв. шап. Оп. 518801. Д. 2. Л. 16.
45. ЦАМО РФ. Ф. 517-го иап. Оп. 52496. Д. 3. Л. 28. 29.
46. ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 101. Л. 2.
47. *Кожевников М.Н.* Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Москва, 1978. С. 152.
48. 16-я воздушная. МОСКВА, 1973. С. 97.
49. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 1. Москва, 2003. С. 193.
50. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 43—48.
51. *Руденко С.И.* Крылья победы. Москва, 1976. С. 177.
52. ЦАМО РФ. Ф. 366. Оп. 6469. Д. 49. Л. 223.
53. *Ньютон С.* Курская битва. Немецкий взгляд. Москва, 2006. С. 216
54. *Ньютон С.* Курская битва. Немецкий взгляд. Москва, 2006. С. 131.
55. ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 101. Л. 5.
56. ЦАМО РФ. Ф. 3-го бак. Оп. 1. Д. 6. Л. 104.
57. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 1. Москва, 2003. С. 223.
58. ЦАМО РФ. Ф. 282-й иад. Оп. 1. Д. 8. Л. 117.
59. *Ньютон С.* Курская битва. Немецкий взгляд. Москва, 2006. С. 215
60. ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 101. Л. 6.
61. ЦАМО РФ. Ф. 234-й иад. Оп. 1. Д. 14. Л. 45. 46.
62. ЦАМО РФ. Ф. 486-го иап. Оп. 211987. Д. 3. Л. 133.
63. *Хазанов Д.Б., Горбач В.Г.* Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Москва, 2004. С. 85.
64. ЦАМО РФ. Ф. 486-го иап. Оп. 211987. Д. 3. Л. 131.
65. ЦАМО РФ. Ф. 486-го иап. Оп. 211987. Д. 3. Л. 131.
66. ЦАМО РФ. Ф. 486-го иап. Оп. 211987. Д. 3. Л. 130.
67. ЦАМО РФ. Ф. 486-го иап. Оп. 211987. Д. 3. Л. 127.
68. ЦАМО РФ. Ф. 486-го иап. Оп. 211987. Д. 3. Л. 127.
69. ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 56. Л. 194.
70. ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 54. Л. 9, 10.
71. ЦАМО РФ. Ф. 1-й гв. иад. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.

СРАЖЕНИЕ НАД ЮЖНЫМ ФАСОМ КУРСКОЙ ДУГИ

3.1. ЗАВЯЗКА ВОЗДУШНОГО СРАЖЕНИЯ (4—5 июля)

Прологом сражения на южном фасе Курской дуги стали события второй половины 4 июля, когда командование 4-й танковой армии решило провести частную операцию по захвату высот в районе Бутово Герцовка, необходимых для корректировки артиллерийского огня в предстоящем генеральном наступлении. В 16:00 на участке 48-го танкового корпуса была проведена короткая десятиминутная артиллерийская подготовка, поддержанная с воздуха налетом около 75 бомбардировщиков Ju 87 и Ju 88, действовавших под прикрытием «мессершмиттов» из состава II/JG3 и III/JG52. Вскоре в наступление перешли пехотные подразделения и небольшие группы танков 3-й и 11-й танковых дивизий, а также моторизованной дивизии «Великая Германия».

Наиболее упорные бои развернулись на участке продвижения частей 11-й танковой дивизии в районе Бутово, где немецкая атака натолкнулась на ожесточенное сопротивление советского боевого охранения. Оказывающие поддержку с воздуха немецкие бомбардировщики наносили удары по позициям противника, однако из-за отсутствия точной информации о положении сторон несколько раз под их бомбы попадали собственные войска. Так, около 16:30 один из Ju 88 по ошибке сбросил свой бомбовый груз по войскам 11-й танковой дивизии, убив 5 и ранив 7 человек.

Отвечавшие за прикрытия 6-й гвардейской армии генерал-лейтенанта И.М. Чистякова истребители 5-го иак только спустя почти час после начала немецкой артподготовки вылетели на отражение налетов вражеской авиации, лишь на отходе атаковав группы немецких бомбардировщиков. Командир 88-го гв. иап майор С.С. Римша в паре с лейте-

нантом М.К. Щербаковым подбил в районе Красное Ju 88 из состава отряда 4./KG3. С дымящим двигателем немецкий самолет вынужден был совершить посадку в 1 километре западнее Псковской, где его экипаж был пленен. Снятые с самолета трофеи к вечеру были доставлены в полк [1].

Пилот подбитого бомбардировщика лейтенант Карл Хофманн (Hofmann Karl) на допросе в штабе 2-й воздушной армии подробно рассказал о своем двухгодичном обучении в различных летных школах люфтваффе. По его словам, за два месяца пребывания на Восточном фронте он успел совершить всего четыре боевых ночных вылета. Два из них были выполнены в глубь советской территории с аэродрома Орел, но первый же дневной вылет стал для экипажа роковым.

Между тем бои в районе высот продолжались до сумерек. Наиболее успешно развивалось наступление подразделений дивизии «Великая Германия», которые вскоре без серьезных потерь захватили Герцовку. В то же время бои в районе Бутово продолжались до ночи. Занявшие этот населенный пункт части 11-й танковой дивизии в 18:05 вторично подверглись бомбардировочному удару своей авиации. На сей раз «отличились» экипажи пикирующих бомбардировщиков Ju 87, перепутавшие Бутово и Черкасское, населенный пункт, расположенный в 3—4 километрах севернее. Именно он должен был стать целью их удара.

Противодействуя налетам немецкой авиации, истребители 5-го иак совершили за вторую половину 4 июля 128 самолетов-вылетов. При этом было проведено три групповых воздушных боя, в которых, по докладам летчиков, удалось уничтожить 10 самолетов противника (6 Bf 109, 1 Ju 87 и 2 Ju 88). Собственные потери составили 3 Як-7б, которые, по всей видимости, стали жертвами атак «мессершмиттов» из состава II/JG3. Кроме того, 1 Як-1 был сбит собственной зенитной артиллерией. Согласно немецким данным, потери 8-го авиакорпуса были намного скромнее. В районе севернее Белгорода было потеряно два Ju 88 из состава II/KG3. В полосе действия 17-й воздушной армии в районе Чугуева был подбит огнем зенитной артиллерии и попал в плен пилот 6./JG3 фельдфебель Альфред Фишер (Fischer Alfred). Кроме того, 2 FW 190 из состава штурмовой эскадры SchG 1 были разбиты, а еще три получили повреждения из-за ошибок пилотов при взлетах и посадках.

Операция по захвату высот была однозначно расценена командованием Воронежского фронта как проводимая в преддверии наступления разведка боем. Весь день 4 июля в штаб фронта продолжали стекаться донесения, свидетельствовавшие о том, что час вражеского наступления близок. В частности, посты ВНОС отмечали повышенную активность немецкой разведывательной авиации в направлении Обояни. Значительно активизировались и группы вражеской разведки. На участке 7-й гвардейской армии одна такая группа даже предприняла попытку форсировать Северский Донец. Кроме того, в ночь на 4 июля на нашу сторону перешел перебежчик из 168-й пехотной дивизии, который показал — наступление начнется в ночь на 5 июля, солдаты получили сухой паек и спиртное, а саперы начали снимать минные и проволочные заграждения [2].

Последние приготовления перед началом «Цитадели» проводились не только на земле. Уже на исходе 4 июля, в период с 17:30 до 18:00, некоторые группы истребителей, штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков перелетели на аэродромы, находящиеся вблизи линии фронта. Так, большая часть эскадры JG52 перебазировалась из Казачьей Лопани в Бессоновку и находящийся восточнее аэродром Угрим. В подчинение штаба эскадры, кроме двух групп I и III/JG52, вошла также группа II/JG3, которая поздним вечером сменила место базирования с Варваровки на Рогань. В свою очередь, опустевшие стоянки в Варваровке были заняты противотанковыми Hs 129 из состава 4(Pz.) и 8(Pz.)/SchG 1. Группы двухмоторных бомбардировщиков перебазировались с аэродромов Донбасса на аэроузлы Харькова и Полтавы.

Это перебазирование, засеченное советскими наземными наблюдателями и подтвержденное вылетами самолетов-разведчиков, во многом предопределило события следующего утра. Первый день оборонительной операции должен был ознаменоваться массированными налетами по немецкой аэродромной сети в районе Белгорода и Харькова. Для проведения этой операции выделялись весьма значительные силы из состава 2-й и 17-й воздушных армий — предполагалось задействовать около 100 штурмовиков и 200 истребителей. Несмотря на то что план превентивного удара был разработан задолго до начала июля, по воспоминаниям командую-

шего 2-й воздушной армией генерал-лейтенанта С.А. Красовского, он вызывал неоднозначные оценки у офицеров штаба объединения. Часть из них считала, что неожиданный удар по аэродромам позволит подорвать боевую мощь люфтваффе, обеспечив советской авиации господство в воздухе с первых же часов сражения. Однако имелось и иное мнение, согласно которому более благоразумным представлялось использование штурмовой авиации против танковых группировок противника, после выявления основных направлений их ударов.

Неожиданно итог спорам подвел сам командующий Воронежским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин, который, санкционировав проведение налетов против немецких аэродромов, по словам С.А. Красовского, заявил: *«Мы еще сами точно не знаем, где противник применит свои главные силы, а удар по аэродромам намного ослабит группировку врага, где бы она ни наступала»* [3].

План операции был разработан и согласован между командованиями объединений заранее. Экипажи 1-го шак и 291-й шад должны были атаковать аэродромы Сокольники, Померки и Микояновка, расположенные вдоль шоссе Белгород—Харьков. Ответственная задача ставилась перед экипажами 305-й шад 9-го сак. Их целью были хорошо прикрытые зенитной артиллерией аэродромы Основа и Рогань, примыкавшие к южным окраинам Харькова. Командование 17-й воздушной армии, кроме того, планировало нанести удары по аэродромам Краматорская и Барвенково, где, как ожидалось, могла «отсиживаться» часть немецкой бомбардировочной авиации.

Кроме уже упоминавшихся нами сил штурмовой авиации, для проведения операции предусматривалось выделение групп из состава 4-го и 5-го иак для блокировки аэродромов, а также отсечения от штурмовиков истребителей противника. Характерным примером постановки боевой задачи является приказ на 5 июля, полученный 4-м иак. Согласно ему, 12 Ла-5 302-й иад должны были блокировать аэродром Померки перед подходом штурмовиков 1-го шак, тогда как 16 «яков» 294-й иад обеспечивали отсечение, патрулируя вдоль Северского Донца в районе Мясоедово, Разумное, Топлинка, Волчанск, Нежеголь [4].

Задача на боевой вылет была доведена до летчиков своевременно. Так, согласно документам 305-й шад, пилоты 237-го шап не только могли проработать маршрут следования к аэродрому Основа, составленный в обход позиций зенитной артиллерии, но и изучить окрестности района удара по фотографиям, были увязаны и вопросы взаимодействия с истребителями сопровождения. Однако последовавшие утром события перевернули все разработанные планы «с ног на голову». Группы штурмовиков понесли тяжелые потери, будучи встречены еще на подходе к целям мощным огнем зенитной артиллерии и многочисленными «мессершмиттами», которым в нескольких случаях удалось отсечь истребители прикрытия от «илов». Из боевого вылета не вернулись 33 штурмовика, потерянных по всем причинам, включая столкновения и вынужденные посадки. Практически все участвовавшие в вылете экипажи Ил-2 продемонстрировали образцы мужества и взаимовыручки. Однако, даже выходя под огнем истребителей и зениток на аэродромы противника, они не обнаружили на земле выстроившиеся для взлета немецкие самолеты, ведь к тому времени большая часть авиации 8-го авиакорпуса уже успела подняться для выполнения боевых заданий.

Потеря внезапности не была гримасой военной фортуны. Неоценимую услугу немецкой стороне оказали расчеты радиолокационных станций «Фрейя» и «Вюрцбург», имевших радиус обнаружения групповых целей до 130—150 километров, которые использовались в ПВО аэродромной сети. Отмеченные ранним утром засечки приближающихся многочисленных групп советских самолетов позволили немецкому командованию оперативно поднять в воздух истребители из состава эскадр JG3 и JG52. Отметим, что в момент налета на командном пункте 8-го авиакорпуса помимо его командира генерала Ганса Зайдемана находился начальник Генерального штаба люфтваффе генерал Ганс Ешоннек, который, по словам генерала Плохера, *«лично наблюдал за разгромом Советов»* [5]. Согласно данным, приводимым генералом Зайдемано, в развернувшемся между Белгородом и Харьковом грандиозном воздушном сражении всеми видами оружия было уничтожено 120 самолетов противника при несущественных потерях вверенного ему соединения [6].

В ходе отражения налетов наибольшего успеха добились пилоты из состава II/JG3, сбившие 27 советских самолетов. Среди особо отличившихся пилотов группы был фельдфебель Ганс Грюнберг (Grünberg Hans), уничтоживший четыре штурмовика. Свою долгожданную 150-ю победу одержал лучший ас группы, командир 5-го отряда обер-лейтенант Йоахим Киршнер (Kirschner Joachim). Всего лишь на две победы отставал от него командир группы майор Курт Брэндле (Brändle Kurt), одержавший утром две победы и достигший отметки в 148 побед. Единственной потерей II/JG3 стал унтер-офицер Гельмут Либманн (Helmut Liebmann), раненный в воздушном бою с советскими истребителями и совершивший вынужденную посадку недалеко от аэродрома. Успех, достигнутый другими группами истребителей 8-го авиакорпуса, был более скромным — за пилотами III/JG3 числилось всего три сбитых советских самолета. Еще около 20 самолетов уничтожили пилоты I и III/JG52.

Для того чтобы составить для себя объективную картину произошедшего, постараемся рассмотреть события с точки зрения советских архивных документов. Одним из наиболее важных по своим результатам должен был стать налет на аэродром Микояновка 18 штурмовиков 241-го шап 291-й шад. На современных картах уже невозможно найти этот населенный пункт — вместо него мы можем видеть послевоенные названия Октябрьский и Политотдельский. Однако даже беглого взгляда на названия селений вокруг хватает, чтобы оценить, по какому «осиному гнезду» должны были нанести удар подчиненные полковника А.Н. Витрука. Бессоновка, Угрим, Болдыревка, Толоконное, Варваровка — эти наименования аэродромов и взлетных площадок 8-го авиакорпуса, раскиданных в радиусе от 2 до 6 километров от Микояновки, говорят о многом.

Тем не менее, выйдя на аэродром Микояновка, экипажи 241-го шап обнаружили на стоянках всего лишь два Bf 109, а также несколько грузовиков. Рассмотреть что-либо на земле мешала сильная дымка, и потому результаты налета выглядели более чем скромно — было уничтожено 6 автомобилей и подавлена 1 зенитная точка. При подходе к цели две девятки, ведомые старшим лейтенантом Левиным и капитаном Авдеевым, подверглись атаке большой группы немецких

истребителей из состава I/JG52, которые частью сил смогли отеснить 18 «яков» сопровождения. Документы 241-го шап следующим образом характеризуют действия пилотов 737-го иап: *«В районе цели [истребители] бросили штурмовиков, за исключением командира полка майора Варчук, который на протяжении всего полета непосредственно прикрывал и отбивал атаки истребителей»* [7].

Прикрытие из всего одного «яка» по вполне понятным причинам не могло предотвратить многочисленных атак истребителей противника. В результате, если из состава первой девятки было потеряно 2 Ил-2, вторая девятка, капитана Авдеева, недосчиталась 5 машин, включая самолет ведущего группы. Авдеев, летевший на одноместной машине, был подбит над целью атаками «мессершмиттов», но скольжением смог сбить пламя. Его ведомые младшие лейтенанты Кондратович и Вавилин скрылись в разрывах зенитных снарядов и на свой аэродром не вернулись. Только позднее их следы отыскивались во фронтовых госпиталях. Помогая отбивать атаки истребителей, к самолету Авдеева приблизились штурмовики младших лейтенантов Калачева и Сергеева. Самолет Сергеева был несколько раз атакован «сто девятыми», которые убили стрелка, и когда неуправляемый «ил» перешел в пике, летчик выбросился из него на парашюте. В это время капитан Авдеев был ранен, и его самолет совершил вынужденную посадку в районе Крапивное. Несмотря на потерю 7 штурмовиков, пять пилотов, включая самого капитана Авдеева, смогли вернуться в свою часть, в то время как большинство стрелков-радиостов погибло. Из 18 же «яков» 737-го иап в воздушном бою было потеряно 3 Як-7б и два пилота [8].

Тяжелыми потерями сопровождался налет на аэродром Померки групп 66-го и 735-го шап 266-й шад, состоявших из 12 и 6 Ил-2. Уже в районе своего аэродрома столкнулись два штурмовика 66-го шап. Еще два «ила» из 735-го шап из-за неисправностей и потери ориентировки были потеряны на маршруте. В результате в момент выхода к цели группа насчитывала 14 штурмовиков, которые в 4:27 атаковали центральную часть вражеского аэродрома. Четверка Ил-2 капитана Ермолаева была полностью уничтожена в бою немецкими истребителями. Следовавшие за ними 12 Ил-2

66-го шап видели раскрывшиеся впереди парашюты. По некоторым данным, один из «илов» 735-го шап все-таки пристроился к группе 66-го шап, но вскоре оказался сбит «мессершмиттами». В результате этого тяжелого вылета на свой аэродром не вернулось 10 экипажей штурмовиков, из которых один совершил вынужденную посадку и еще один Ил-2 был поврежден в результате столкновения в воздухе.

На фоне испытаний, выпавших на долю пилотов 266-й и 291-й шад, вылет 292-й шад в составе 30 штурмовиков можно считать показательным. Следуя под мощным эскортом из 23 Як-1 270-го иап, экипажи «илов» практически беспрепятственно атаковали аэродром Сокольники, уничтожив на нем 15 самолетов противника и повредив еще 8. «Ложкой дегтя» стало столкновение над целью двух «илов», пилоту одного из которых удалось спастись. Сопrotивление со стороны противника тоже практически отсутствовало — лишь капитаном С.Д. Луганским (будущий дважды Герой Советского Союза) был сбит один немецкий истребитель, идентифицированный, как FW 190. На обратном пути воздушным стрелкам все-таки пришлось отражать атаки прорвавшихся к штурмовикам «мессершмиттов». При этом, по данным экипажей, был сбит один «сто девятый» без потерь со своей стороны [9].

Удары по аэродромам харьковского аэроузла Рогань и Основа наносились группами штурмовиков и истребителей 9-го сак 17-й воздушной армии. Пожалуй, это одна из наиболее трагических страниц освещаемой нами истории. Из участвовавших в налете 16 штурмовиков 237-го шап 305-й шад было потеряно 13 машин. По необъяснимым причинам для нанесения удара по соседнему аэродрому Рогань были высланы истребители 295-й иад, тогда как для удара по расположенной западнее Основе привлекались две восьмерки штурмовиков. Вылет последних был спланирован таким образом, чтобы выйти на аэродром с севера, со стороны города, что, по всей видимости, должно было увеличить эффект внезапности. Однако если в отношении истребителей этот прогноз оправдался, то две восьмерки штурмовиков понесли опустошительные потери.

Около 4:27 группа 164-го иап во главе с командиром полка майором А.Д. Мелентьевым блокировала аэродром

Рогань. Документы 295-й иад содержат противоречивые данные о количестве самолетов, участвовавших в этом вылете. Называются цифры в 8, 11 или 15 машин. Согласно докладу самого А.Д. Мелентьева, он находился во главе пятерки истребителей, под плоскостями трех из которых были подвешены бомбы. Внезапно появившись над аэродромом, «лавочкины» сбросили свой груз на стоянки восточной и юго-восточной частей аэродрома, а также атаковали 8 Ju 88, выруливавших для взлета. После сброса бомб и пушечного огня группа А.Д. Мелентьева пошла на второй заход, уничтожив в двух атаках, по мнению пилотов, 10 Ju 88.

Пока пятерка «лавочкиных» штурмовала стоянки на аэродроме Рогань, две другие группы, численностью 4 и 5 машин, блокировали аэродром. Одна из этих групп вышла из боя, тогда как вторая завязала бой с 4 немецкими истребителями, опознанными как FW 190. Количество «фоккеров» скоро возросло, увеличившись до 12. Однако, несмотря на трехкратное превосходство, бой для четверки Ла-5 закончился вполне благополучно — без потерь летчики посчитали сбитыми 5 FW 190. Лишь самолет сержанта Н. Ф. Аверкова был подбит, а сам летчик ранен. Пытаясь потушить возникший в кабине пожар, Н. Ф. Аверков голыми руками выбрасывал за борт сигнальные ракеты, пока угроза пожара была окончательно не ликвидирована [10].

Наиболее трагически сложилась судьба двух восьмерок 237-го шап 305-й шад, которые совершали налет по аэродрому Основа, расположенному на южной окраине Харькова, западнее Рогани. Обе группы следовали к цели по одному и тому же маршруту, на расстоянии 5—7 километров друг от друга. Прикрытие осуществляли 10 Ла-5 31-го иап. Предполагалось, что первая группа, ведомая капитаном Г.Я. Цыганковым, атакует аэродром с пологого пикирования, тогда как вторая группа, майора Г.М. Карбинского, проведет штурмовку с бреющего полета. Однако уже на подходе к Основе в районе Песчаное группа 237-го шап была атакована соединением «мессершмиттов» из состава II/JG3 в количестве 30—40 машин. Немецким пилотам удалось частью сил связать боем истребители сопровождения, а частью атаковать штурмовики капитана Г.Я. Цыганкова. В результате в районе Лосево был сбит самолет младшего лейтенанта Воробьева.

Однако экипажи других Ил-2 смогли сохранить строй, отбиваясь от атак «мессершмиттов» сосредоточенным огнем.

Уже находясь над восточной окраиной Харькова в районе Кулинич, группа Г.Я. Цыганкова подверглась мощному обстрелу зенитной артиллерии, которой удалось сбить еще один штурмовик. Согласно документам, на Основу смогли выйти только 5 Ил-2, которые в 4:43 одним заходом атаковали стоянки с высоты 600 метров. На аэродроме в это время находилось около 90 немецких самолетов. Как свидетельствуют документы 305-й шад: *«В момент атаки аэродрома истребители противника и огонь ЗА продолжали оказывать сильное противодействие, и управление группами штурмовиков было нарушено окончательно, группы разбрелись и одиночным порядком стали выходить из боя, наскakiвая на истребителей противника»* [11].

Самолет ведущего первой группы капитана Г.Я. Цыганкова был подбит огнем зенитной артиллерии. Пилот смог посадить горящую машину в районе Хролы, между Основой и Роганью. Чудом избежав плена, он через несколько дней вернулся в свой полк. Кроме самолета ведущего, оказались подбиты огнем зениток также 1 Ил-2 и 2 Ла-5. Уже на выходе из атаки штурмовики подверглись атаке большой группы «мессершмиттов», сбивших 3 советских самолета. Так, «ил» младшего лейтенанта Трусова был сбит в 15 километрах южнее Основы в районе станции Васищево. Младший лейтенант Быков на подбитой машине совершил вынужденную посадку в районе Печенеги у деревни Юрьевка, едва перетянув через Северский Донец. Из восьми экипажей, вылетавших на боевое задание, лишь младший лейтенант Шакурский смог совершить посадку на своем аэродроме.

Тяжелые потери понесла и вторая восьмерка штурмовиков 237-го шап, которую вел майор Г.М. Карбинский. Эта группа была усилена летчиками, уже имевшими боевой опыт: командиром эскадрильи 175-го шап капитаном Силенбергом и командиром звена 955-го шап младшим лейтенантом Шмидтом. Однако уже на подходе к цели истребители сопровождения оказались связаны воздушным боем «мессершмиттами», в результате чего к цели штурмовики вынуждены были следовать без прикрытия. Мощным огнем немецкой зенитной артиллерии было сбито 2 самолета, после чего непрерывные атаки немецких истребителей

привели к потере еще 4 штурмовиков. На свой аэродром не вернулось 6 Ил-2, включая самолеты майора Карбинского, капитана Силенберга, младших лейтенантов Шмидта, Балабанова, Соболева и Малышева. По всей видимости, чтобы хоть как-то смягчить горечь от понесенных потерь, на счета групп 295-й иад и 305-й шад было зачтено уничтожение в общей сложности 19 самолетов противника, из которых 10 посчитали сбитыми в воздухе.

Согласованные действия немецких истребителей и мощный, хорошо организованный зенитный огонь произвели впечатление на командный состав 305-й шад. Не догадываясь о настоящей причине немецкой оперативности, работники штаба тем не менее сочли необходимым сделать следующие выводы: *«В этом воздушном бою выявлено, что противником в районе Харькова были организованы зоны истребления огнем ЗА и зоны истребления ИА. Истребители вели воздушный бой с наращиванием сил в процессе самого боя и довели свое количественное превосходство до двух-трехкратного»* [12].

Действия экипажей 305-й шад достаточно подробно описаны в отчетах частей, и сомневаться в их достоверности нет оснований. Тем не менее некоторую неразбериху в общую стройную картину налетов вносят сведения, содержащиеся в оперсводках 3-го сак, штурмовики и истребители которого должны были атаковать аэродром Барвенково. Согласно документам соединения, около 4:10 в момент взлета штурмовиков 290-й шад и «яков» 814-го иап над аэродромом Куриловка появились и встали в круг 6 Ил-2 из состава 9-го сак. Дождавшись сбора группы 290-й шад, группа 9-го сак вместо того, как сказано в оперсводках, чтобы идти на Рогань, пошла в юго-западном направлении на Барвенково. Однако, не доходя линии фронта, группа разбилась на две. Первая пошла в изюмском направлении, тогда как вторая на аэродром Рогань [13]. Как видно из документов 3-го сак, группа штурмовиков 9-го сак неуставленной принадлежности должна была атаковать аэродром Рогань. Однако в силу непонятных причин пошла вместе со штурмовиками 290-й в район Барвенково. Возможно, что это была какая-то группа из состава 305-й или 306-й шад, вылет которой не нашел отражения в документах 9-го сак.

В то же время удар по аэродрому Барвенково 8 Ил-2 290-й шад также не удался по причине плохой погоды. В ре-

зультате штурмовики сбросили свой бомбовый груз в районе Малая Камышеваха, не доходя до цели. Из состава группы один штурмовик на свой аэродром не вернулся. Истребители из состава 814-й иап частью сил вышли в район Рогань, где вели бой с вездесущими «мессершмиттами», а частью на аэродром Барвенково. Не обнаружив там подопечных Ил-2, «яки» вернулись на свой аэродром. Еще одним слабо освещенным моментом налетов на аэродромы является удар по аэродрому Краматорская. Согласно оперсводкам 17-й воздушной армии, группе из 30 штурмовиков и 8 истребителей 1-го сак удалось уничтожить здесь до 30 самолетов (18 Ju 87 и Ju 88, а также 12 Bf 109) и повредить еще 25 [14]. Однако подтверждений в документах противника эти данные не находят.

Подведем некоторые итоги. Сразу надо отметить, что документы 8-го авиакорпуса не содержат упоминания о самолетах, потерянных на аэродромах 5 июля. Это резко контрастирует с советскими данными, согласно которым в результате налетов удалось уничтожить около 63 вражеских машин [15]. Согласно оперсводкам 2-й и 17-й воздушных армий их экипажами за день боев на земле было уничтожено 37 и 34 самолета соответственно, что дает даже большую цифру. Однако ее достоверность оставляет большие сомнения. То, что удары оказались неудачными, было очевидно как самим летчикам, так и командованию воздушных армий. Так, в отчете 2-й воздушной армии можно прочесть, что удар по аэродромам *«не прошел безнаказанно для наших ВВС, наличие истребительной авиации противника в воздухе и полная готовность зенитных средств принесли значительные потери, в то время как предыдущие налеты в такое время обходились почти без потерь»* [16].

Аналогичное мнение высказал и старший офицер Генерального штаба на Воронежском фронте полковник М.Н. Костин, который, анализируя ход оборонительной операции, отмечал: *«Авиационный удар наших ВВС по аэродромам противника не принес желаемых результатов, так как в это время авиация противника была уже в воздухе и на аэродромах у противника были лишь испорченные самолеты и несколько запасных самолетов для восполнения потерь»* [17].

Налеты на аэродромы в значительной степени ослабили некоторые полки штурмовой авиации, повлияв на актив-

ность советской ударной авиации в первые часы сражения. Начало воздушного сражения на южном фланге Курской дуги прошло под знаком ожесточенных воздушных боев и массированных налетов немецкой авиации на боевые порядки 6-й гвардейской армии.

3.2. ЖЕЛЕЗНАЯ ПОСТУПЬ «ЦИТАДЕЛИ» (5—9 июля)

Около 5:00 немецкая артиллерия открыла огонь по позициям 6-й гвардейской армии. Одновременно в воздухе появились первые группы бомбардировщиков, которые начали бомбежку первой и второй линий ее обороны. Самолеты противника действовали массированно, группами, насчитывающими до 60—70 машин. Только за первый час сражения постами воздушного наблюдения было отмечено около 400 самолето-пролетов немецкой авиации [18].

Из состава 5-го иак, имевшего задачу обеспечить господство в воздухе над 6-й гвардейской армией, первыми в бой с противником вступили две группы 40-го гв. и 27-го иап, возвращавшиеся с задания по блокировке аэродрома Микояновка, а также отсечения вражеских истребителей от штурмовиков. В районе Яковлево—Быковка 12 Ла-5 40-го гв. иап атаковали группу из 25 Ju 87 и Ju 88, сбив 1 Ju 87 и 3 Ju 88, а также находившийся в этом же районе корректировщик Hs 126. Несколько восточнее, над районом Гостищево—Верхопенье 12 Як-1 27-го иап, ведомые старшим лейтенантом Н.Д. Гулаевым (будущий дважды Герой Советского Союза), на высоте 2400 метров вступили в воздушный бой со смешанной группой истребителей бомбардировщиков противника. По его результатам на счета летчиков было записано 6 побед над 3 Ju 88, 1 Ju 87, 2 Bf 109 и 1 Hs 126. Из этого боевого вылета не вернулся младший лейтенант Г.А. Иванов.

Вскоре к месту боя подошли 8 Як-7б 508-го иап и 12 Ла-5 41-го гв. иап, которые были подняты командованием 5-го иак на отражение вражеского налета. Согласно документам частей, в этих схватках успех также сопутствовал советским летчикам. «Лавочкины» 41-го гв. иап в районе Дмитриевка, Бутово, Драгунское, Луханино в воздушном бою против 60 Ju 88 и He 111 сбили 9 двухмоторных бомбардировщиков, один из которых был опознан как Do 215. В то же время

восьмерка капитана А.И. Сергова (Герой Советского Союза с 28.9.43) над районом Бутово и Драгунское атаковала группу He 111, по всей видимости, принадлежавших группе I/KG100. По заявлениям советских пилотов, три «хейнкеля» было сбито, тогда как ответный огонь воздушных стрелков поразил «як» младшего лейтенанта М.С. Коберидзе.

Успех принадлежал унтер-офицеру Антону Троеру (Троер Anton), который после вылета составил следующий доклад о воздушной победе: *«5.7 я участвовал в качестве стрелка самолета 6N+GH в налете на Дмитриевку. Наш самолет был ведущим. Во время захода в 4:13 на бомбометание над целью, на высоте 3000 метров, наше звено атаковало 12 русских истребителей типа ЛаГГ-3. Все наши самолеты открыли ответный огонь по нападавшим истребителям. Один из истребителей, демонстрируя воздействие моего огня (шасси вывалились наружу, сильный шлейф дыма из правой плоскости) свалился в штопор. Падения не наблюдали из-за продолжительных атак. Все атаки производились противником сзади справа, успешно отражаясь огнем стрелков»* [19]. Впрочем, I/KG100 понесла также чувствительный урон в первых боях. Советскими истребителями в районе Дмитриевки было сбито два самолета из состава 1-го отряда. Еще один «хейнкель» из состава 3./KG100 получил тяжелые повреждения и был списан.

Оценивая итоги первой схватки 5-го иак, отметим, что в результате почти 40-минутного воздушного боя истребителями трех полков было сбито ни много ни мало 22 самолета противника. В дальнейшем эта цифра стала стремительно возрастать. До 11 часов дня, по докладам пилотов 5-го иак, было одержано еще 45 побед. Нельзя не отметить, что из 67 немецких самолетов, которых посчитали уничтоженными в ходе первых шести часов сражения, 30 составляли живучие Ju 88 и He 111. Еще семь двухмоторных машин были идентифицированы как Bf 110 и Do 215. Несмотря на то что активность немецкой бомбардировочной авиации в воздухе не спадала, штаб 2-й воздушной армии не выразил сомнения в поступавших из полков данных.

По всей видимости, оптимизму авиационных командиров способствовала и относительно устойчивая наземная обстановка — наступление двух танковых корпусов 4-й танковой армии в первые часы сражения застопорилось. Особенно

много трудностей встретили части 48-го танкового корпуса, которые застряли на минных полях, из-за чего время начала наступления соединения было перенесено на 7 часов утра. Тем не менее поступавшие от авиационной разведки данные свидетельствовали — немецкое командование продолжало стягивать к месту боев в полосе 6-й и 7-й гвардейских армий крупные силы танков и пехоты. Так, экипажами 17-й воздушной армии около 7:30 в районе Трефиловка было отмечено выдвижение на север до 150 танков противника, из района Зыбино — до 300 танков. От Томаровки на Драгунское двигалось еще около 300 танков. Разведывательные сводки свидетельствовали: *«В районе Бутово, Казацко-Стрелецкой дороги забиты танками и автомашинами: количество не установлено»* [20].

Первый тревожный звонок для командования 6-й гвардейской армии прозвенел около 11:00, когда в наступление перешли части 2-го танкового корпуса СС при поддержке с воздуха около 400 самолетов 8-го авиакорпуса. В этот момент над линией фронта находилось всего две группы истребителей 5-го иак, которые, несмотря на самоотверженность экипажей, не смогли сорвать налетов немецких бомбардировщиков. 20 Ла-5 из состава 41-го и 88-го гв. иап в районе Яковлево, Быковка, Черкасское атаковали 20 Ju 87 и около 40—50 Ju 88 и He 111. Командование особенно отметило бой 10 Ла-5 41-го гв. иап во главе со старшим лейтенантом А.Г. Павловым (Герой Советского Союза с 28.9.43), которые уже на отходе перехватили шесть девяток He 111 и Ju 87. Приказав атаковать пилотам «лапотники», А.Г. Павлов вместе со своим ведомым старшиной Жилиным с набором высоты пошел в атаку на три девятки «сто одиннадцатых», шедших на 2500 метрах. Меткими очередями А.Г. Павлов поджег два бомбардировщика, один из которых взорвался в воздухе, а экипаж второго выбросился с парашютами [21]. Еще один «хейнкель» был сбит настойчивыми атаками старшины Жилина. В это время остальные пилоты атаковали группу Ju 87, сбив два самолета. Отметим, что, по всей видимости, сбитые парой А.Г. Павлова «хейнкели» принадлежали отряду 6./KG55.

Между тем положение передовых частей 23-го гвардейского стрелкового корпуса ухудшалось. Принявшая на себя

основной удар 52-я гвардейская стрелковая дивизия оказывала сопротивление эсэсовским частям еще около часа после полудня, пока ее фронт не оказался рассечен. В полосе 6-й гвардейской армии сложилось тяжелое положение — немецкие танки, поддерживаемые непрерывными ударами с воздуха, устремились ко второй линии обороны в направлении на Быковку и Яковлево. Решение, принятое командующим Воронежским фронтом генералом Н.Ф. Ватутиным, носило адекватный характер — к месту прорыва были выдвинуты части 1-й танковой армии генерал-лейтенанта М.Е. Катукова, а также 5-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта А.Г. Кравченко. Одновременно на левом берегу Липовый Донец стали сосредотачиваться части 2-го гвардейского танкового корпуса полковника А.С. Бурдейного для возможного нанесения контрудара по правому флангу прорвавшейся танковой группировки противника.

Пока танковые соединения выдвигались к месту боев, одним из основных средств сдерживания немецкого наступления стали удары штурмовой авиации 2-й воздушной армии, которая из-за чувствительных потерь, понесенных в ходе утренних налетов, только ближе к полудню смогла сконцентрировать свои удары по наступающим частям 4-й танковой армии. В борьбе с немецкой бронетехникой особенно отличились экипажи 291-й шад, которые впервые и весьма успешно применили кумулятивные бомбы ПТАБ-2,5—1, 5.

Почин принадлежал восьмерке 61-го шап старшего лейтенанта А.А. Добкевича (Герой Советского Союза с 13.4.44), которая атаковала танки, автомобили, а также огневые позиции артиллерии противника в районе Бутово. Документы дивизии свидетельствуют: первые бомбы были сброшены с высоты 600—300 метров, что дало исключительный эффект. После атаки экипажи наблюдали многочисленные очаги пожара, а также горящие танки и автомобили. Стараясь не упустить инициативу, командир дивизии полковник А.Н. Витрук поднял в воздух группы штурмовиков соседних 241-го и 617-го шап, которые не позволили противнику вернуться в боевые порядки. Интересно отметить, что для экипажей 617-го шап 8 самолето-вылетов, совершенных 5 июля по немецким танкам, остались единственными за

весь день. Однако, истратив 1103 ПТАБ и АО-25, а также 28 РС, летчики группы заявили об уничтожении 15 танков и 6 автомобилей. Всего же в ходе 29 вылетов группам 61-го и 617-го шад удалось уничтожить 30 танков и 18 автомобилей. Характеризуя применение кумулятивных бомб, штаб 291-й шад отмечал: *«Применение ПТАБ-1,5 по танкам противника дало отличные результаты. Экипажи наблюдали в районе взрыва бомб сплошной огонь, на фоне чего выделялись 15 горящих танков»* [22].

Объектом ударов штурмовиков 291-й шад полковника А.Н. Витрука стали части 48-го танкового корпуса, первый день сражения для которого сложился неудачно. Заболоченная местность, минные поля, меткий огонь противотанковой артиллерии и, наконец, эффективные налеты штурмовой авиации заставили командование этого соединения предпринять перегруппировку своих сил уже в ходе сражения. В итоге только к 17:00—18:00 удалось добиться незначительных успехов, которые тем не менее не могли скрасить общую безрадостную картину первого дня боев. На следующий день, 6 июля, командованию корпуса наступление пришлось организовывать фактически заново.

Более 200 самолето-вылетов выполнили в первый день Курской битвы экипажи 1-го шак. Боевая работа этого соединения была организована строго согласно разработанному штабом графику. В основном в воздух поднимались группы, насчитывающие от 6 до 12 самолетов. Действуя перед фронтом 6-й гвардейской армии на участке от Зыбино до Березов, они наносили удары как в полосе наступления 48-го, так и 2-го танкового корпуса СС. К сожалению, перед экипажами соединения генерал-лейтенанта В.Г. Рязанова стояло избыточное число боевых задач, их действия не масшировались на основных направлениях. Кроме того, по мере углубления кризисной ситуации на фронте 7-й гвардейской армии генерал-лейтенанта М.С. Шумилова часть групп 1-го шак была срочно перенацелена в район переправ через Северский Донец. За весь день 1-й шак и 291-я шад провели 23 воздушных боя, потеряв 15 и 12 «илов» соответственно, часть из которых была повреждена и совершила вынужденные посадки. Кроме того, при выполнении боевых заданий было потеряно 10 истребителей сопровождения.

Непросто сложился день 5 июля и для экипажей 1-го бак, единственного бомбардировочного соединения, входившего в состав армии С.А. Красовского. По состоянию на начало месяца в составе корпуса числилось 117 самолетов Пе-2. В первый день оборонительной операции их экипажи совершили 115 самолето-вылетов, нанося бомбардировочные удары по скоплениям бронетехники и пехоты противника в районах Бутово, Зыбино, Раково, Казацкое, Пушкарное, Томаровка. Штабом армии действия бомбардировщиков были признаны эффективными, но за успех авиаторам полковника И.С. Полбина пришлось заплатить дорогую цену. На свои аэродромы не вернулось 15 Пе-2, из которых четыре были сбиты в воздушных боях, а семь считались не вернувшимися с боевого задания. Кроме того, три бомбардировщика совершили вынужденные посадки из-за полученных в бою повреждений.

Сопrotивление налетам «пешек» противник оказывал преимущественно большими группами истребителей, которые в первую очередь старались отсечь от бомбардировщиков истребителей сопровождения, разбить строй и уничтожить советские самолеты поодиночке. Особо тяжелые испытания выпали на долю девятки 82-го гв. бап, которую возглавлял командир второй эскадрильи старший лейтенант Скоробогатов. Несмотря на интенсивный огонь зенитной артиллерии, из-под которого «пешки» вышли умелым маневром ведущего, и атаки 27 «мессершмиттов», группа не потеряла огневого взаимодействия, успешно выполнив боевое задание. Был потерян всего один Пе-2. Характеризуя произошедший бой, документы 1-й гв. бад отмечают: *«Из всех воздушных боев бой 5.7.43 был самым крупным воздушным боем с превосходящими силами противника, до 23 Ме-109 и ФВ-190 сбили 6 Ла-5 прикpытия и производили атаки на бомбардировщиков. Благодаря сплоченности группы, умению держаться в плотном строю и хорошей организации системы огня, группа отразила все атаки истребителей, при этом сбила 4 Ме-109 и ФВ-190»* [23].

Командование особо отметило экипаж заместителя командира эскадрильи лейтенанта Д.П. Рыбалко, сбивший два самолета. Незаурядное мужество продемонстрировали также члены экипажа сержанта Зиновьева. От зенитного

обстрела и огня истребителей все авиаторы получили ранения, но продолжали вести бой. Штурман экипажа младший лейтенант Беликов был тяжело ранен, потерял сознание, но, придя в себя, нашел силы вести огонь из пулемета одной рукой. Так же мужественно вел себя стрелок — старшина Погорельский. После вынужденной посадки бомбардировщика на аэродроме истребителей Завалье в Пе-2 насчитали 33 пробоины. Отметим, что по результатам боя экипаж лейтенанта Рыбалко был награжден орденами Красной Звезды, а со старшего лейтенанта Скоробогатова сняли старое взыскание, восстановив в правах гвардейца.

По всей вероятности, бой с группой Скоробогатова вели «мессершмитты» из состава III/JG3. Согласно немецким данным, фельдфебелю Эмилю Зиблеру (Zibler Emil) удалось одержать свою 36-ю и последнюю победу. Из этого боя молодой ас не вернулся, став жертвой оборонительного огня советских бомбардировщиков.

Однако не все вылеты заканчивались столь удачно. Так, в бою с истребителями из состава II/JG3 и III/JG52 в районе Бутово девятка Пе-2 из 854-го бап 293-й бад лишилась сразу 6 самолетов, а еще одна машина была поражена огнем зенитной артиллерии. По свидетельству экипажей, количество немецких истребителей в этом бою составляло около 40—50 машин. Неудивительно, что им удалось силой одной группы из 10 Bf 109 относительно легко сковать боем истребители сопровождения — 6 Ла-5 из состава 4-го иак. В это время три другие группы, по 12 Bf 109 каждая, атаковали три звена снизу и сверху сзади. Боевой порядок «пешек» оказался нарушен, что позволило немецким пилотам в скоротечном бою уничтожить шесть советских бомбардировщиков.

Боевая работа 1-го бак 5 июля дала много пищи для размышления его командиру и штабным работникам. Была отмечена неудовлетворительная организация работы штабов в полках, сказывавшаяся на организации боевых вылетов, а также самоустранение от руководства работой со стороны командиров полков. Так, поступившее распоряжение о приведении в боевую готовность 1-й гв. бад к 3:30 выполнено было не полностью, а отсутствие на КП 81-го гв. бап начальника штаба задержало вылет полка на 45 минут. На 15 минут опоздали с взлетом и экипажи 82-го гв. бап. Кроме того, как

выяснилось позднее, из 10 фотоаппаратов на самолетах полка работал только один. Однако наиболее поразительный случай произошел в 80-м гв. бап, где экипажи после первого вылета разбредлись по аэродрому. К моменту получения второго задания собрать 21 экипаж не удалось, что привело к отмене вылета [24].

Советские наблюдатели отметили в первый день сражения большую активность немецких самолетов-разведчиков. Среди задач экипажей этих машин можно отметить корректировку артиллерийского огня, а также разведку в ближнем фронтовом тылу советских частей. Интересные показания дал экипаж разведчика Ju 88 отряда 2.(F)/11, сбитого сержантом Омельченко из 183-го иап 294-й иад. Согласно им, задание экипажа «юнкерса» заключалось в своевременной разведке путей отхода советских частей на Обоянь, Корочу и Новый Оскол.

Подразделения советской радиоразведки отмечали, что немецкие самолеты ближней разведки использовались немецким командованием для уточнения наземной обстановки. Множество сообщений, передаваемых висевшими над полем боя «рамами» и «костылями», были перехвачены и расшифрованы, давая наземному командованию представление о ходе и темпах немецкого продвижения. В документах 288-й иад 17-й воздушной армии удалось обнаружить целую подборку подобных сообщений, относящихся к событиям на фронте 6-й и 7-й гвардейских армий:

«14:00. Наши танки в 3 километрах северо-западнее Березов.

15:30 наши головные танки достигли 1 километра западнее Кр. Лог и встречены огнем противника. Наши танки у восточного выхода Разумное. Наши танки достигли окраины Черкесское и вступили в бой с противником. Имеют большие потери.

16:00 наши танки на юго-восточной окраине Генераловка ведут бой.

17:06 танки на южной и восточной окраине Быковка.

17:10 наши танки в колхозе «Смелый Труд».

17:20 наши танки в центре Быковки, движение на север.

17:25 наши танки у Ворскла в движении на север.

17:30 наши танки на северо-западной окраине Быковка — стоят.

17:35 наши танки в 4 километрах северо-западнее Березов» [25].

Как видно из вышеприведенных сообщений, авиаторами 4-го воздушного флота были особенно отмечены тяжелые бои в районе Крутой Лог и Разумное, которые вели во второй половине дня части наступавшего здесь 3-го танкового корпуса.

Напомним, что линия фронта между 7-й гвардейской армией и частями группы генерала Кемпфа проходила по реке Северский Донец. Поддерживая наступление основной ударной группировки 4-й танковой армии восточнее Белгорода, пехота 3-го танкового корпуса уже с рассветом форсировала водную преграду, захватив плацдарм на левом берегу. К сожалению, советское командование не предприняло в первой половине 5 июля срочных мер по ликвидации этого успеха противника.

В первую очередь это касалось авиации 17-й воздушной армии, которая до середины дня не совершала боевых вылетов для ударов по переправившимся войскам противника. Например, 3-й сак, после неудачных утренних налетов по аэродромам, получил задание на ведение разведки над левым крылом 6-й гвардейской армии и аэродромов Рогань, Чугуев. Кроме того, истребители корпуса должны были прикрывать наземные войска. Между тем уже к полудню немецким саперным подразделениям удалось возвести два моста в районе Карнауховки и Масловой Пристани, по которым на левый берег Северского Донца начали переправу части 7-й и 19-й танковых дивизий. Командование 17-й воздушной армии разослало в 12:00 в штабы 3-го и 9-го сак предварительное распоряжение генерал-лейтенанта В.А. Судца о подготовке вылетов по уничтожению немецких переправ в районе Маслова Пристань, Соломино, Волково, Карнауховка, Ивановка, Безлюдовка. Через час эту задачу командованию обоих корпусов, а также двум девяткам 244-й бад поставил начальник штаба 17-й воздушной армии. В его распоряжении особо подчеркивалось, что объектом атак может быть лишь правый берег Северского Донца, так как обстановка на левом берегу была неясной и он считался занятым советскими войсками.

В налетах по переправам приняли участие группы трех штурмовых дивизий — 290-й, 305-й и 306-й шад, действовавших под прикрытием истребителей 207-й и 295-й иад. Как мы уже отмечали, в этот район были перенацелены и несколько групп 266-й шад 1-го шак. В результате атак групп штурмовиков было уничтожено в общей сложности семь переправ, три из которых пришлось на долю экипажей генерала В.Г. Рязанова. По данным штаба 17-й воздушной армии, жертвами атак штурмовиков стали также 2 танка и 42 автомобиля.

Однако выполнить главную задачу по изоляции вражеского плацдарма от притока резервов советской авиации не удалось. Несмотря на то что истребители из состава групп II/JG3 и III/JG52 действовали над районом переправ в течение дня лишь эпизодически, мощный многослойный огонь зенитной артиллерии нанес группам Ил-2 тяжелые потери. Так, 290-я шад 3-го сак лишилась за день 16 штурмовиков, тогда как 305-я шад и 306-я шад 9-го сак недосчитались 15 и 19 Ил-2 соответственно (общие потери 305-й шад, включая налет на аэродром Основа, составили 28 Ил-2, а еще 7 самолетов совершили вынужденные посадки на своей территории). Особо отметим потери 672-го шап 306-й шад и 625-го шап 290-й шад, недосчитавшихся 10 и 11 Ил-2 соответственно [26]. Положение на этом участке усугублялось еще и тем, что налеты авиации 17-й воздушной армии были слабо увязаны с действиями наземных войск 7-й гвардейской армии. Это позволило частям 3-го танкового корпуса значительно расширить к исходу 5 июля захваченный плацдарм как по фронту, так и в ширину.

В полосе 6-й гвардейской армии наиболее тяжелая ситуация сложилась в районе Яковлево на второй полосе обороны. Этот крупный опорный пункт уже в конце дня подвергся атаке частей 2-го танкового корпуса СС, пытавшихся захватить его с ходу. Однако стойкость воинов 51-й гвардейской стрелковой дивизии, выдвинутой командованием 6-й гвардейской армии из второго эшелона, сорвала эти планы. Ситуацию во многом стабилизировал выход в район боев передовых частей 5-го гвардейского танкового корпуса.

Обстановка в воздухе к этому времени стала складываться также не в пользу нашей авиации. Немецкие истребители, действовавшие в первой половине дня небольшими группами, во второй явно изменили свою тактику. Штаб 2-й воздушной армии особо отметил, что *«ВВС противника, встретив сильное противодействие истребительной авиации, вынуждены были выделить истребительные группы по 50—60 самолетов в каждой для перехвата наших самолетов на вероятных маршрутах подхода на направлениях главного удара»* [27]. Вылетом таких крупных групп командование 8-го авиакорпуса пыталось блокировать район действия своих бомбардировщиков, нацеливаясь на перехват советских истребителей на подходе к линии фронта.

Во второй половине дня командование 2-й воздушной армии было вынуждено привлечь к борьбе за господство в воздухе 302-ю иад 4-го иак, одновременно отдав истребителям приказ не искать встреч с истребителями противника, а идти на передний край и уничтожать немецкие бомбардировщики. Однако решение об усилении истребительной авиации еще одним соединением не дало нужного эффекта. Участие 4-го иак в боях 5 июля было незначительным, в то время как оставшиеся без прикрытия бомбардировщики 1-го бак были вынужденно прикованы к земле. К сожалению, эта, казалось бы, временная задержка растянулась на целую неделю. В бой подчиненные полковника И.С. Полбина вступили лишь 12 июля.

Тем не менее было бы ошибкой считать, что для немецких истребителей из состава эскадр JG3 и JG52 бои первого дня «Цитадели» были легкой прогулкой. По данным генерал-квартирмейстера, четыре истребительные группы потеряли за день 25 «мессершмиттов», из которых как минимум 17 было списано. Еще один Bf 109G-4 был разбит пилотом разведывательной группы NAGr2. Отметим, что список потерь истребителей 4-го воздушного флота содержит фамилии многих известных летчиков-асов. Разбили свои самолеты на вынужденных посадках после полученных в бою повреждений такие опытные пилоты, как Вальтер Крупински (Krupinski Walter, 197 побед) из 7./JG52 и Ганс Шлееф (Schleef Hans, 99 побед) из 7./JG3. Были ранены и также разбили свои самолеты Карл Шумахер (Schumacher Karl, 56 побед) и

Йозеф Шютте (Schütte Joseph, 40 побед) из отрядов 8./JG52 и 5./JG3, в ходе воздушного боя пропал без вести Вильгельм Хаусвирт (Hauswirth Wilhelm, 54 победы).

В то же время достигнутые немецкими истребителями результаты впечатляли. Из 260 советских самолетов, сбитых за 5 июля, 220 считались уничтоженными в воздушных боях. Наибольших успехов среди «ягдфлигеров», согласно немецким данным, добился гауптман Йоханес Визе (Wise Johannes) из I/JG52, сбивший за день 12 советских штурмовиков. Кроме того, по 8—7 побед одержали командир отряда 5./JG3 обер-лейтенант Йоахим Киршнер (Kirschner Joachim), а также Ганс Грюнберг (Grünberg Hans) и Эмиль Битш (Bitsch Emil), служившие в II и III/JG3.

Успехи лучших советских летчиков были скромнее, но общий официально признанный результат их боевой работы также производит внушительное впечатление. Согласно оперсводкам 5-го иак его экипажи и во второй половине дня вели бои с большими группами немецких бомбардировщиков, достигая отличных результатов. Особенно выделялись пилоты 8-й гв. иад. Так, в воздушном бою около 14:20 в районе Драгунское Герой Советского Союза капитан Н.Ф. Китаев из 40-го гв. иап сбил He 111 и Ju 87, а также подбил еще три вражеские машины. Приблизительно через час 20 Ла-5 88-го гв. иап, ведомые командиром полка майором С.С. Римша в воздушном бою с 25 Ju 87 и 25 Bf 109, доложили об уничтожении 11 самолетов противника — 5 Ju 87, 5 Bf 109 и 1 Hs 126. Около 19:27 8 Ла-5 40 гв. иап атаковали 23 Ju 87, сбив три немецких пикировщика.

Итог боевой работы соединения генерал-майора Д.П. Галунова был поистине феноменальным для советских ВВС. Совершив за день 5 июля 404 самолето-вылета, его пилоты провели 46 воздушных боев, в которых было сбито 118 самолетов противника и еще 11 считались подбитыми. Документы 2-й воздушной армии особо отметили летчиков-истребителей, одержавших в течение дня по 4 победы. Среди них были старшие лейтенанты О.В. Беликов, М.С. Ванин, Н.Д. Гулаев, младший лейтенант И.Н. Шпак. Еще одним героем дня стал командир эскадрильи 516-го иап 203-й иад старший лейтенант А.Е. Максимов (Герой Советского Союза с 10.4.45), сбивший в воздушном бою 2 Ju 87. При сопровождении Ил-2 1-го шак группа А.Е. Максимова

вступила в воздушный бой с 20 немецкими истребителями. Сам ведущий в схватке с «мессершмиттами» был ранен в руку, ногу, а также легко в голову, однако смог довести свою группу до аэродрома. Политдонесение 2-й воздушной армии свидетельствует, что, несмотря на ранения, отважный летчик отказался лечь в госпиталь.

Наибольшего успеха среди советских истребительных соединений добилась 8-я гв. иад, экипажи которой претендовали на уничтожение 77 самолетов противника. По странному совпадению лучшая истребительная часть 4-го воздушного флота — II/JG3 имела такой же официальный счет побед. Несколько более скромные результаты числились на счету экипажей соседней III/JG3, сбившей за день около 40 советских самолетов. Летчики из состава I и III/JG52 одержали за день в общей сложности чуть более 90 побед.

Рассматривая итоги первого дня сражения, нельзя не отметить, что как советская, так и немецкая авиация продемонстрировала 5 июля впечатляющую активность. Так, на 2387 самолето-вылетов 4-го воздушного флота 2-я и 17-я воздушные армии ответили 1768 (2-я ВА — 1322, 17-я ВА — 446). Отметим, что почти половина вылетов объединения генерала С.А. Красовского пришлась на истребительную авиацию, тогда как с немецкой стороны основная тяжесть боев выпала на ударные машины, совершившие около 70% всех самолето-вылетов. Особенно отличились экипажи эскадр пикирующих бомбардировщиков StG2 и StG77, которые 487 и 584 раз соответственно поднимали свои «штуки» в воздух.

Потери с обеих сторон были весьма велики. Особенно сильно пострадала советская авиация. 2-я и 17-я воздушные армии, согласно оперсводкам этих объединений, лишились за день 83 и 76 самолетов соответственно [28]. Таким образом, общая цифра советских потерь на южном фасе Курской дуги достигла отметки в 159 машин. Отметим, что реальная цифра утрат была еще больше. Так, к 83 самолетам, потерянным 2-й воздушной армией, надо прибавить еще 23 самолета, находившихся на местах вынужденных посадок. В то же время документы 17-й воздушной армии признают потерю 5 июля от воздействия противника только 6 самолетов, тогда как остальные 70 (61 штурмовик и 9 истребителей) проходи-

ли по графе «не вернулся с боевого задания». В оперсводках армии особо отмечается, что были приняты меры к розыску пропавших самолетов, однако установить точное количество найденных машин сейчас уже не представляется возможным.

Потери 8-го авиакорпуса можно оценить двояко. Согласно дневнику боевых действий, было потеряно всего 19 самолетов (12 Bf 109, 1 FW 190, 4 He 111, 1 Ju 88 и 1 Hs 126). Однако список потерь, составленный на основании данных генерал-квартирмейстера, говорит о 39 потерянных самолетах (23 Bf 109, 5 FW 190, 1 Bf 110, 6 He 111, 4 Ju 87, 2 Ju 88, 2 Hs 123 и 1 Hs 126), а еще около 19 самолетов были повреждены.

В то же время обе противоборствующие стороны, как всегда, не поспешили на победные реляции. Командование 4-го воздушного флота объявило, что в ходе воздушных боев первого дня проведения операции «Цитадель» было сбито в воздушных боях 220 самолетов противника, а еще 40 стали жертвами зенитной артиллерии. В то же время, согласно докладом советских авиаторов, удалось уничтожить 173 самолета (2-я ВА — 154, 17-я ВА — 19). Отметим, что в своем докладе в Ставку об итогах первого дня боев командующий Воронежским фронтом генерал Н. Ф. Ватутин доложил об уничтожении 183 самолетов противника, 127 из которых были сбиты в воздушных боях, а 22 уничтожены огнем зенитной артиллерии [29].

Итоги наземного сражения 5 июля носили двоякий характер. С одной стороны, фактически сорванным оказалось наступление 48-го танкового корпуса. С другой — эсэсовское соединение генерала Хауссера смогло не только прорвать оборону гвардейцев генерала И.М. Чистякова, но и выйти к концу дня ко второй оборонительной полосе Воронежского фронта, где они были встречены выдвинутыми в этот район стрелковыми дивизиями второго эшелона, а также мощными танковыми резервами. Неустойчивая обстановка складывалась для советской стороны и в районе Северского Донца, где 3-й танковый корпус не только в короткий срок форсировал реку, но к исходу дня смог переправить значительное число танков на левый берег, в значительной степени расширив захваченный утром плацдарм.

Обеспокоенное развитием событий командование Воронежского фронта планировало проведение с утра мощного контрудара по вклинившимся в советскую оборону частям противника. Для восстановления положения, кроме стрелковых частей, должны были быть задействованы 3-й механизированный и 6-й танковый корпуса 1-й танковой армии, а также расположенные восточнее и юго-восточнее 5-й и 2-й гвардейские танковые корпуса. Командиры этих соединений получили приказ — с одной стороны, быть готовыми с рассветом перейти в решительное наступление, нанося мощный контрудар в направлении Раково и Белгород, с другой — танкистам предписывалось окопать и тщательно замаскировать свои танки в обороне. Как и в большинстве подобных случаев, решение оставалось за Верховным Главнокомандующим, который после консультации с генералом М.Е. Катуковым отдал приказ продолжать изматывать в оборонительных боях ударную группировку противника, ожидая перехода Красной Армии на орловском плацдарме.

Второй день сражения на южном фланге Курской дуги начался относительно спокойно. Командование 4-й танковой армии проводило последние приготовления к предстоящему наступлению. Основными его задачами было развитие успеха, достигнутого частями 2-го танкового корпуса СС накануне, а также коренное изменение обстановки в свою пользу на фронте 48-го танкового корпуса. Как советская, так и германская сторона ограничилась в эти утренние часы полетами небольших групп истребителей, а также разведывательных самолетов. Единственным исключением стал воздушный бой 17 Ла-5 88-го гв. иап, которые около 8:00 атаковали между Яковлево и Беленихино большую группу немецких бомбардировщиков, состоявшую из 40—50 Ju 87. Согласно докладам пилотов, без потерь было уничтожено 7 Ju 87, 4 Bf 109 и Hs 126.

Наземная и воздушная обстановка кардинально изменилась в 10:00 с началом немецкой артподготовки и сосредоточенными ударами люфтваффе. На отражение налетов немецких бомбардировщиков в воздух были подняты истребители 8-й гв. иад. Основная тяжесть боев по борьбе с вражеской авиацией в начале дня снова легла на плечи экипажей 5-го иак.

Впрочем, действия экипажей соединения генерала Д.П. Галунова, если верить архивным документам, были столь же эффективны, как и накануне. Так, участвовавшие в отражении первых налетов авиаторы 40-го гв., 41-го гв. и 927-го иап в трех воздушных боях, развернувшихся над всем полем сражения от Стрелецкого до Яковлево, сбили ни много ни мало 10 Ju 87, 1 Ju 88, 2 Hs 126, а также 3 Bf 109. Еще два «лапотника» и «мессершмитт» считались подбитыми. Несколько результативных боев было на счету и авиаторов 4-го иак. Штаб корпуса особо отметил бой 8 Ла-5 193-го иап 302-й иад, которые в районе Драгунское, Бутово, Луханино атаковали 50—60 Ju 87, шедших под прикрытием 14—16 Bf 109. Согласно докладам пилотов, находившиеся ниже «мессершмитты» в бой не вступали, а бомбардировщики при первых же атаках разворачивались на свою территорию, беспорядочно сбрасывая свой груз. На счета пилотов группы майора Н.И. Ольховского (Герой Советского Союза с 4.2.44) были записаны 3 Ju 88 и 2 Ju 87. Еще 2 Ju 87 и 2 Ju 88 числились подбитыми.

К сожалению, столь оптимистические оценки боевой работы пилотами «лавочкиных» были сильно завышены. Более реалистичной выглядят оперативные документы 205-й иад. Согласно им, патрулировавшие над районом сражения около полудня 17 «яков» 27-го и 438-го иап, несмотря на проявленные мужество и самопожертвование, с трудом сдерживали налеты врага. Так, из восьмерки Як-1 27-го иап, ведомых капитаном П.И. Чепинога (Герой Советского Союза с 26.10.44), только ведущему группы вместе со своим ведомым младшим лейтенантом Л.П. Маслаковым удалось атаковать обнаруженную группу Ju 87. Врезавшись в строй немецких бомбардировщиков, капитан П.И. Чепинога сбил один «юнкерс», из которого выбросился на парашюте один из членов экипажа. На счета других пилотов группы были записаны 2 Hs 126 и 2 FW 190, один из которых сбил старший лейтенант Н.Д. Гулаев. В другом случае из 9 Як-7б 438-го иап прорваться к группам Ju 87 и Ju 88 удалось лишь паре «яков», на боевой счет которой был записан сбитый Ju 87.

Описанные бои пилотов 205-й иад проходили в момент наивысшего напряжения в наземном сражении. При массовой поддержке авиации 8-го авиакорпуса частям эсэ-

совского корпуса генерала Хауссера удалось к 13:00 прорвать оборону 51-й гвардейской стрелковой дивизии, оборонявшейся восточнее Яковлево, и начать развивать свой успех в северном направлении на Лучки, которые были захвачены уже около 15:00. Создалась реальная угроза выхода немецких войск в тыл обороняющихся в районе западнее Яковлево частей 1-й танковой армии. Ощутимым было превосходство в воздухе немецкой авиации и над фронтом соседнего 22-го гвардейского стрелкового корпуса, где удар пришелся в стык 67-й и 71-й гвардейских стрелковых дивизий. Понесся тяжелые потери, их части начали отход на Васильевку и Завидовку.

К сожалению, ударная мощь 2-й воздушной армии оказалась в значительной степени ослаблена вынужденным участием в боях 1-го бак. Учитывая, что действия штурмовой авиации не носили массированного характера, не приходится удивляться тому, что оказать заметного влияния на ход наземного сражения объединению генерала С.А. Красовского не удалось. Вполне естественно может возникнуть возражение — хорошо судить о событиях спустя десятилетия, тогда как непосредственным его участникам были далеко не очевидны столь ясные и понятные сегодня вещи. Однако в данном случае необходимо отметить тот факт, что ограниченное участие 1-го бак в ходе оборонительной операции Воронежского фронта было поставлено под сомнение сразу после ее окончания старшим офицером Генштаба М.Н. Костиным, который в своем докладе счел необходимым отметить следующее: *«Ограниченность в использовании бомбардировочной авиации объясняется якобы отсутствием истребителей сопровождения. Мотивы невеские, т.к. при хорошем планировании и правильном использовании истребителей из двух истребительных корпусов, без ущерба для дела, вполне можно было выделить одну истребительную дивизию для сопровождения бомбардировщиков»* [30].

В итоге непродуманных решений вся нагрузка по нанесению ударов легла на экипажи штурмовой авиации. Действия «илов», как и накануне, были сосредоточены на поддержке обороняющихся войск 6-й и 7-й гвардейских армий, а также продолжении атак на переправы через Северский Донец. Погода по сравнению с 5 июля заметно ухудшилась, ограни-

чив действия советских авиаторов. Так, только в 266-й шад 1-го шак в 23 из 94 самолето-вылетов боевое задание считалось невыполненным из-за неблагоприятных метеорологических условий. Несмотря на это, отчеты штурмовых частей и соединений отмечают резкий рост уничтоженной и поврежденной техники противника.

Так, если 5 июля, по данным штаба 2-й воздушной армии, считались уничтоженными 77 танков и 226 автомобилей, то 6 июля эти показатели возросли, составив уже 172 танка и 235 машин. Как и в отношении воздушных побед, эти данные вызывают двоякое чувство. С одной стороны, немецкие источники не отмечают значительных потерь бронетехники от воздействия советской авиации. С другой — показания пленных дают весьма впечатляющую картину эффективности действия штурмовиков, особенно по автотранспорту и живой силе противника.

Наибольший интерес представляют показания ефрейтора 394-го моторизованного полка 3-й танковой дивизии, который на допросе показал следующее: *«Первый раз русские штурмовики атаковали нашу группу 100 танков в районе севернее Белгород в 5 часов утра 6 июля 1943 года. По моему мнению, русские при атаках наших танков начали применять какой-то новый тип бомб с большой эффективностью, так как во время этого налета 15—20 штурмовиков русских с бреющей высоты сбросили бомбы малого калибра, примерно до 3 килограмм, но, несмотря на небольшой калибр, эффект был исключительный, а именно в результате атаки было сожжено 18 танков и 2 подбиты. Танки загорались не только от прямого попадания бомб, но и от бомб, которые ложились от 2 до 5 метров от танка. Я сам много наблюдал, когда несколько бомб упало не далее 4 метров от танка и в результате слетела гусеница и воспламенилась моторная часть танка. После налета штурмовиков я наблюдал сбитые башни на танках, погнутые стволы орудий и главным образом погнутые гусеницы. При соприкосновении с землей эта бомба взрывается в землю на небольшую глубину, приблизительно 20—30 сантиметров, после чего взрывается и производит взрыв большой силы по отношению к ее калибру. При этом бомба создает большую температуру. В это же время, точно я сказать не могу, эта ли группа штурмовиков или другая обрушилась на наш отды-*

хающий в автомашинах мотострелковый батальон. На наши головы посыпались градом бомбы малого калибра. В результате этой штурмовки батальон потерял до 50% материальной части и людского состава, а именно сожжено было 90 автомашин и уничтожено 120 человек. В заключение могу сказать — за все время пребывания на Восточном фронте таких эффективных действий русской авиации и эффективных бомб малого калибра я никогда не встречал. У меня не хватает слов, чтобы выразить всю силу эффективности последних налетов русской авиации» [31].

Экипажи штурмовиков, в свою очередь, подчеркивали, что наблюдение за результатами применения ПТАБ по технике противника часто были затруднены. Для примера приведем строки отчета 5-й гв. шад 17-й воздушной армии, летный состав которой отмечал: *«Наблюдение за результатами при применении указанных бомб затруднено, создается зрительное впечатление, что весь район падения бомб, независимо от наличия объектов, подвергается огню, горело все: растительный покров, танки, автомашины»* [32]

Боевая работа экипажей «илов» проходила 6 июля при ожесточенном противодействии немецкой истребительной авиации, проявлявшей настойчивость в борьбе со штурмовиками. Так, например, четверка «мессершмиттов», преследуя 6 Ил-2 800-го шап в районе Ольховка, выполнила до одиннадцати атак. Еще одним характерным примером действий немецких пилотов-истребителей может служить атака четверки Вф 109 на дюжину «илов» 820-го шап, в результате которой было сбито два советских самолета, а один, тяжело поврежденный, совершил вынужденную посадку.

Потери штурмовых соединений 2-й воздушной армии составили 22 Ил-2, тогда как, согласно немецким данным, только в воздушных боях был сбит 31 штурмовик. Последующие дни показали, что многие машины из числа не вернувшихся 6 июля получили лишь незначительные повреждения и вскоре снова вступили в строй. Так, из 10 штурмовиков 291-й шад, считавшихся потерянными, 6 вернулись на свои аэродромы 7 июля. Кроме того, 6 из 8 экипажей 292-й шад совершили вынужденные посадки на своей территории, а их машины были отправлены в ремонт.

Надо сказать, что экипажи штурмовиков в ходе второго дня в нескольких случаях сами проявили себя воздушными бойцами неробкого десятка. Так, 12 Ил-2 673-го шап, ведомые капитаном Лавриненко, в 13:07 в районе юго-западнее Яковлево атаковали группу самолетов противника, состоявшую из 8 Ju 87 и 9 Bf 109. Ведущее звено, открыв огонь из передних точек, уничтожило один Ju 87. Вскоре еще один пикировщик, обстрелянный «илами», устремился к земле. Но в это время сами штурмовики были атакованы немецкими истребителями. В воздушном бою ценой потери одного Ил-2 воздушным стрелком, по данным экипажей, было сбито 3 Bf 109. Еще одним примером удачных действий экипажей штурмовиков стали воздушные бои пилотов из 61-го шап и 617-го шап 291-й шад, в которых, по оценкам экипажей, было сбито 2 Ju 87 и 1 Ju 88.

Несмотря на то что авиаторы штурмовых соединений В.Г. Рязанова и А.Н. Витрука зарекомендовали себя стойкими и мужественными бойцами, интенсивностью использования на белгородском направлении немецкая ударная авиация многократно превзошла советскую. По данным штаба 2-й воздушной армии, за 6 июля ее экипажами было совершено 820 дневных самолето-вылетов, при этом 110 штурмовиков всего 237 раз поднимались в воздух. В то же время из 1686 самолето-вылетов 8-го авиакорпуса 323 и 793 соответственно пришлось на долю экипажей двухмоторных бомбардировщиков и пикировщиков «штука». Кроме того, еще 240 самолето-вылетов совершили штурмовики из состава эскадры SchG1.

Высокая активность авиации 8-го авиакорпуса во многом способствовала исходу наземных боев в пользу немецких войск. Так, предпринятый во второй половине дня контрудар частей 5-го гвардейского танкового корпуса в районе Калинин—Озеровский не только не принес успеха, но и привел к окружению двух бригад соединения. Только на следующий день, потеряв половину матчасти, корпус генерала А.Г. Кравченко смог выйти из окружения, заняв рубеж на правом фланге немецкого вклинения в районе Беленихино—Тетеревино. Группы 4-го иак, прикрывавшие боевые порядки 6-й гвардейской армии в районе Яковлево, провели в предзакатные часы три воздушных боя с большими груп-

пами бомбардировщиков Ju 87, Ju 88 и He 111. В одном из них молодому пилоту 240-го иап лейтенанту И.Н. Кожедубу удалось открыть свой боевой счет, отправив на землю Ju 87 в районе Завидовки. Отметим, что документы корпуса приписывают будущему трижды Герою Советского Союза еще одну победу в том же районе над транспортным Ju 52.

Большого успеха, чем 5-й гвардейский танковый корпус, добились воины 2-го гвардейского танкового корпуса, действовавшего южнее. Переправившись через реку Липовый Донец, части соединения полковника А.С. Бурдейного развернули наступление на населенный пункт Крапивинские дворы, расположенный приблизительно в 7 километрах южнее Яковлево. Несмотря на полное господство в воздухе немецкой авиации, безостановочно атаковавшей боевые порядки корпуса, танкистам удалось перерезать шоссе Белгород—Обоянь. Однако из-за сложной обстановки на фронте 5-го гвардейского танкового корпуса командование вынуждено было в ночь на 7 июля отвести части А.С. Бурдейного в исходное положение.

Подводя итог боев 6 июля на белгородском направлении, отметим, что попытки командования Воронежского фронта нанести удар танковыми резервами по прорвавшим вторую полосу обороны частям противника результата не дали. При мощной поддержке авиации частям 2-го танкового корпуса СС удалось выйти на узком участке фронта к Беленихино, создав тем самым предпосылки для будущего сражения на прохоровском направлении.

Не в пользу советских войск закончился второй день сражения и на корочанском направлении. Несмотря на то что части 244-й бад и 262-й нбад выполнили в ночь на 6 июля 123 самолето-вылета по переправам через Северский Донец, командованию 3-го танкового корпуса удалось переправить в район Михайловки значительную часть сил 19-й танковой дивизии. Планировавшийся утром контрудар частей 7-й гвардейской армии осуществить не удалось, тогда как перешедший около 9:00 в наступление противник начал медленно продвигаться в направлении на Крутой Лог и Батрацкую Дачу. Потеснив 24-й и 25-й гвардейские стрелковые корпуса, части 3-го танкового корпуса смогли к концу дня выйти на узком участке фронта ко второй полосе обороны.

Непростая обстановка, сложившаяся юго-восточнее Белгорода, заставила советское командование усиливать действия 17-й воздушной армии частью групп 1-го шак, которые уже в течение дня перенацеливались для содействия войскам генерала М.С. Шумилова. Основной целью штурмовиков 6 июля оставались переправы через Северский Донец, а также скопления немецких войск в этом районе. Несмотря на то что, по докладам экипажей, удалось уничтожить не менее четырех переправ, в течение дня усилия штурмовиков все больше смещались в сторону поддержки обороняющихся войск 7-й гвардейской армии.

Потери 17-й воздушной армии 6 июля снизились приблизительно в три раза. На свои аэродромы не вернулись 27 самолетов, из которых 22 составляли штурмовики. Кроме того, один истребитель Ла-5 5-го гв. иап был сожжен на своем аэродроме при налете немецкой авиации. Как и накануне, основные потери пришлось на долю 9-го сак, который лишился 19 Ил-2 и 2 Ла-5. Отметим, что 13 из 19 потерянных штурмовиков считались сбитыми, тогда как остальные были учтены по статье «не вернулся с боевого задания». Практически все потерянные «илы» принадлежали 306-й шад, которая начиная с 11:20 до 20:45 действовала в районе переправ около Соломино, Безлюдовки и Топлинки. Действия соединения полковника А. Ф. Исупова были признаны особенно неудачными. Совершив за первые три дня операции 177 самолето-вылетов, 306-я шад недосчиталась в общей сложности 56 самолетов. Отметим, что потери 6 июля были меньше по сравнению с 5 и 7 июля, когда дивизия лишилась 21 и 26 самолетов.

Столь удручающие результаты боевой работы стали предметом расследования, проведенного офицерами Генерального штаба при 17-й воздушной армии. Его итоги были неутешительны, вскрыв провалы в тактике использования штурмовиков, а также низкую дисциплину среди летного состава. Характеризуя боевую работу дивизии, старший офицер Генштаба при 17-й воздушной армии полковник Долидзе особо подчеркивал: *«Не была организована эффективная борьба с ЗА противника. Выделялись отдельные замыкающие экипажи, что явно недостаточно при насыщенности зенитных средств. Одновременно в районе цели появлялись 3—4*

группы. Экипажи после первой атаки ведущего теряли из виду, над целью перемешивались самолеты разных групп. Над целью порядок строя не выдерживался, экипажи действовали в одиночку, кто во что горазд. От огня ЗА экипажи разлетались в разные стороны, не зная, где ведущие групп и свои самолеты, парный боевой порядок не сохранялся. Летчики при действиях по переправам и по местам скопления войск при сильной ЗА противника сбрасывали бомбы в ряде случаев не прицельно и огнем орудий и пулеметов, стреляя вперед, расчищали себе путь для выхода из зоны огня» [33].

Низкая боевая подготовка частей 9-го сак и, в частности, 306-й шад не являлась секретом для командования 17-й воздушной армии. Так, проходившая 3 июля, т.е. буквально накануне Курской битвы, инспекция 306-й шад показала, что из боевого состава 951-го и 995-го шап боевой опыт имели всего 4 и 3 человека соответственно. При этом если в 951-м шап средний налет на одного летчика составлял 21 час, то в 995-м шап этот показатель был минимален, составляя 9 часов 24 минуты. Строки доклада проверки 995-го шап рисуют безрадостную картину, с которой пришлось столкнуться командованию 9-го сак: *«За время пребывания в ЗАПе полк совершенно не проходил воздушных стрельб, бомбометания, воздушного боя, групповой слетанности и маршрутных полетов, а 8 летчиков даже было отправлено на фронтовой аэродром на самолете «Дуглас», как нелетающие самостоятельно на самолете Ил-2. Остальной летный состав не закончил полностью 1-го раздела программы переучивания на самолете Ил-2 и, имея в среднем 2 полета в зону и 25 по кругу, был отправлен на фронт» [34].*

Столь же удручающим было положение и в соседнем 672-м шап, где пилоты, находясь в ЗАП, смогли выполнить только по одному полету в зону и 20 по кругу. Неудивительно, что командование 9-го сак не рискнуло принять в состав корпуса часть, летчики которой имели около 3 часов налета на штурмовике. Потери 672-го шап составили за три дня боев 23 самолета (951-й и 995-й шап потеряли за тот же период 16 и 17 Ил-2), включая самолет командира полка майора Глебова, который 7 июля был ранен и отправлен в госпиталь. Забегая вперед, отметим, что 7 июля стало последним днем активных действий 17-й воздушной армии в районе пе-

реправ. К этому времени стало очевидно, что, несмотря на сопротивление частей 7-й гвардейской армии, наступление противника в северо-восточном направлении успешно продолжается. В ожесточенных боях 7 июля были захвачены Ястребово и Севрюково, а на следующий день немецкие танки прорвались к Игуменке и Мелехово, создав угрозу выхода в тыл армии генерала Н.С. Шумилова.

Вернемся к событиям 6 июля и рассмотрим вопрос о понесенных сторонами потерях. Согласно советским источникам, 2-я и 17-я воздушные армии в ходе второго дня боев лишились 78 самолетов (44 штурмовика, 33 истребителя и 1 бомбардировщик). Наибольшие потери — 50 машин пришлось на объединение генерала С.А. Красовского. В то же время, по данным штаба 2-й воздушной армии, в 64 воздушных боях было сбито 105 и подбито 12 самолетов противника. Прибавив к этому количеству 21 самолет, сбитый авиаторами 17-й воздушной армии, мы получим цифру в 126 уничтоженных немецких самолетов.

Сравнение вышеуказанных цифр с данными штаба 8-го авиакорпуса традиционно дает сильное расхождение. Согласно дневнику боевых действий, соединение генерала фон Зайдемана лишилось всего 6 Ju 87 и 1 Ju 88. При этом в воздушных боях удалось уничтожить 74 советских самолета. Данные генерал-квартирмейстера снова дают несколько большее число погибших и поврежденных самолетов. Согласно им, потери 8-го авиакорпуса за 6 июля составили около 28 самолетов, из которых как минимум 16 машин были списаны по всем причинам. Анализ потерь немецких самолетов показывает, что если накануне значительную часть утраченных машин составляли «мессершмитты», то на второй день сражения наибольшие потери понесла эскадра StG77, лишившаяся 10 Ju 87. Из этого числа 5 «штук» было потеряно безвозвратно.

Потери одномоторных пикировщиков интересны нам также по той причине, что самолеты именно этого типа были записаны на боевой счет лейтенанта А.К. Горовца (Герой Советского Союза с 28.9.43), которому в одиночку в воздушном бою с группой Ju 87 удалось, по советским данным, сбить 9 самолетов! Никогда — ни до ни после — ни одному известному советскому асу не удавалось добиться столь впечатляющего результата. Между тем документы 2-й воз-

душной армии не содержат сколько-нибудь подробных данных о подвиге летчика-героя. Согласно оперсводкам 8-й гв. иад, лейтенант А.К. Горовец не вернулся из боевого вылета группы 88-го гв. иап, состоящей из 15 Ла-5, которые в период с 19:50 до 20:20 осуществляли патрулирование в районе Владимировка—Кочетовка. В ходе вылета группа вступила в воздушный бой с 6 Ju 88, шедшими под прикрытием 5 Vf 109. По результатам боя, 2 Ju 88 посчитали сбитыми, один бомбардировщик был подбит. Самолет старшего лейтенанта П.С. Высочина был подбит, но пилот смог благополучно совершить вынужденную посадку.

Лишь по прошествии трех дней со дня этого вылета в политдонесениях 2-й воздушной армии можно найти упоминание о ставшем легендой бое. Документы свидетельствуют: *«Выдающийся героический поступок совершил заместитель командира эскадрильи 88-го ГИАП гвардии лейтенант, член ВКП(б) тов. Горовец. Он один в неравном бою с самолетами противника сбил 9 самолетов Ю-87. Сам тов. Горовец, будучи смертельно ранен в этом бою, погиб смертью героя, не дойдя 4 километра до своего аэродрома. Этот бой советского богатыря с восхищением наблюдали наземные войска, которые и подтвердили результат этого боя»* [35].

Более подробно описывается последний бой лейтенанта Горовца в отчетах 8-й гв. иад. Отмечая, что после боя с группой Ju 88 отважный летчик остался над полем боя один, документы дивизии свидетельствуют: *«В это время появилась новая группа — 9 Ю-87. Гвардии лейтенант Горовец немедленно врезался в строй бомбардировщиков противника. В результате первой атаки 2 Ю-87 были сбиты и 2 Ю-87 столкнулись при уходе из-под удара нашего истребителя. Остальные самолеты Ю-87 разошлись по одному и встали в круг, намереваясь сбрасывать бомбы по нашим войскам. Последовательными атаками на вертикальном маневре гвардии лейтенант Горовец сбил и оставшиеся 5 бомбардировщиков, но, в свою очередь, был атакован группой Ме-109, которые подождгли его самолет и преследовали его, пока он не врезался в землю 6 километров южнее Обоянь. Воздушным боем гвардии лейтенанта Горовец были восхищены наши наземные войска, сообщившие на КП дивизии через штаб 5 иак о героическом подвиге неизвестного им летчика-истребителя»* [36].

К сожалению, автору не удалось найти в документах авиачастей сообщения наземных войск о последнем бое А.К. Горовца. Однако описание боя, приведенное выше, проясняет многие обстоятельства боя. Как видно из донесений, по крайней мере, два «юнкерса» столкнулись в воздухе. Однако, согласно немецким данным, потерь от столкновений в воздухе Ju 87 6 июля зафиксировано не было. Анализ потерь 10 «юнкерсов» из состава StG77 показывает, что по меньшей мере 5 из 10 бомбардировщиков были потеряны и повреждены в одном квадрате. Из этого количества четыре числятся жертвами зенитной артиллерии. Еще одним характерным штрихом является тот факт, что 9 самолетов, ставшие жертвами атак А.К. Горовца, не фигурируют в оперсводках 8-й гв. иад и 5-го иак. Отметим, что даже без их учета, согласно данным штаба 2-й воздушной армии, за день удалось уничтожить 32 Ju 87 и подбить как минимум еще 4 самолета этого типа! Прибавление к этой цифре еще 9 уничтоженных немецких самолетов увеличит и без того значительную разницу в данных советской и немецкой сторон.

Не вызывает сомнения, что, оставшись один над полем боя, лейтенант А.К. Горовец действительно атаковал группу бомбардировщиков Ju 87 и, возможно, даже сбил или повредил 1—2 самолета противника. Однако факт уничтожения 9 бомбардировщиков в одном бою представляется плодом больше деятельности пропаганды, чем событий, реально имевших место. Остается добавить, что А.К. Горовец, скорее всего, стал жертвой атаки «мессершмиттов» из состава 7./JG52, уничтоживших одиночный Ла-5 в 20:20 по московскому времени. Только в 1957 году останки отважного летчика, его личные вещи и обломки самолета были найдены в деревне Зоринские Дворы.

7 июля части 4-й танковой армии продолжали развивать наступление из района Луханино, Сырцев, Яковлево, Яблочки в северо-западном направлении. Основной удар пришелся по 3-му механизированному и 31-му танковому корпусам, расположившимся на левом фланге вклинения 4-й танковой армии. Немецкое командование планировало, прорвав оборону на флангах, создать предпосылки для окружения частей армии М.Е. Катукова южнее Обояни. Сражение 7 июля началось на рассвете, когда части дивизии «Великая Герма-

ния» и 11-й танковой дивизии атаковали позиции двух механизированных бригад 3-го механизированного корпуса, занимавших позиции между населенными пунктами Сырцево и Яковлево. Первая атака была отбита, но уже в 4:30 части 48-го танкового корпуса при массовой поддержке авиации нанесли еще один удар по советской обороне. Он был весьма эффективным и практически не встретил противодействия со стороны истребителей 2-й воздушной армии, получивших накануне задачу по уничтожению в первую очередь бомбардировщиков противника. Пилотам из состава JG3 и JG52 удалось эффективно обеспечить господство над полем боя в течение почти целого часа.

Тем не менее командование 2-й воздушной армии смогло организовать в период с 4:40 до 6:40 два мощных налета силами 46 и 33 штурмовиков 1-го шак. Основные усилия экипажей «илов» были сконцентрированы на ударах по скоплению немецких войск в исходных для наступления районах южнее и юго-западнее Яковлево — Быковка, Ворскла и Ольховка. Западнее в районе Бутово-Черкасское действовала 291-я шад, командование которой организовало в течение дня шесть сосредоточенных ударов.

Несмотря на массирование действий, сил штурмовой авиации объединения С.А. Красовского для эффективного противодействия наступлению противника явно не хватало. В итоге к боевой работе в полосе армий М.Е. Катукова и И.М. Чистякова были привлечены также штурмовики 17-й воздушной армии, одновременно оказывавшие поддержку 7-й гвардейской армии в районе Мелехово. Уже ранним утром генерал-лейтенант В.А. Судец получил по радио новую задачу — *«в период с 4:10 до 13:00 всеми силами 1-го и 3-го сак нанести сосредоточенный удар по танкам и автотранспорту противника в районе Ольховка, Козьмо-Демьяновка, Быковка, Дмитриевка»* [37].

Оценивая работу ударной авиации противоборствующих сторон на третий день сражения, необходимо отметить, что активность немецких экипажей оказалась значительно выше, чем соответствующие показатели авиаторов 2-й и 17-й воздушных армий. Так, штурмовиками армии С.А. Красовского и В.А. Судца было выполнено за день всего 507 са-

молето-вылетов, в то время как бомбардировщики и штурмовики 8-го авиакорпуса 1444 раза поднимались в воздух.

Уровень потерь Ил-2 во 2-й воздушной армии значительно снизился по сравнению с предыдущими двумя днями. Совершив более 300 самолето-вылетов, соединения штурмовиков недосчитались всего 13 машин, 8 из которых принадлежали 291-й шад. Значительно более высоким оставался уровень потерь в объединении В.А. Судца, потерявшего за день 28 «илов», причем 26 из них пришлось на многострадальный 9-й сак. Большие потери соединения заставили командование 17-й воздушной армии перебросить в район боев 1-й сак, который приступил к боевой работе с 8 июля. Экипажи 5-й гв. шад, входившей в состав соединения, в основном привлекались к поддержке частей 7-й гвардейской армии. Несмотря на то что за первые два дня боев, 8 и 9 июля, дивизия лишилась 18 машин, 7 из которых совершили вынужденные посадки на своей территории, командование дивизии смогло обеспечивать в каждый из последующих дней боевую работу около 60 штурмовиков при относительно низком уровне потерь.

Как мы уже отмечали, немецким истребителям удалось ранним утром 7 июля практически полностью изолировать район боевых действий своей бомбардировочной авиации. Оперсводки 5-го иак отмечают, что только около 8 часов утра вылетевшие к линии фронта истребители 8-й гв. иад вступили в ожесточенные бои с группами бомбардировщиков Ju 87 и Ju 88. Как и в предыдущие дни, доклады пилотов были весьма оптимистичными. Так, только в утренней схватке с большой группой пикирующих бомбардировщиков пилотам 40-го гв. иап было заявлено об уничтожении пяти самолетов противника и повреждении еще трех. Еще большего успеха достигли группы 927-го и 508-го иап, уничтожившие в ходе всего одного воздушного боя по 6 Ju 87 каждая. Как видно, только в ходе трех воздушных боев командование 5-го иак посчитало уничтоженными 17 пикирующих бомбардировщиков противника! Всего же за день боевой работы на счета только пилотов 5-го иак было записано 60 побед, из которых 31 и 5 составляли самолеты Ju 87 и Ju 88. Еще 25 (по другим данным — 28) сбитых самолетов было на счету экипажей 4-го иак. Особенно ожесточенные схватки были отмечены

командованием корпуса в период с 6:05 до 7:00 и с 11:00 до 12:00. Группы истребителей 294-й и 302-й атаковали вражеские самолеты перед фронтом 1-й танковой армии в районах Быково, Стрелецкое, Верхопенье, Беленихино. Еще 10 бомбардировщиков (5 Ju 87 и Ju 88) было засчитано пилотам 203-й иад, которая входила в состав 1-го шак и была в основном задействована на сопровождении штурмовиков.

Сравнив данные, заявленные пилотами-истребителями двух корпусов, с немецкими цифрами потерь, можно лишь в очередной раз развести руками — за день 4-й воздушный флот лишился всего по одному Ju 87 и Ju 88. Кроме того, два бомбардировщика получили повреждения. В то же время более чувствительные потери понесли группы истребителей и штурмовиков, лишившиеся 19 Bf 109 и FW 190, из которых 10 были потеряны безвозвратно. Еще одной пострадавшей частью являлась I/KG27, потерявшая в воздушных боях с советскими истребителями 3 He 111.

К полудню сражение на фронте 1-й танковой армии достигло своего апогея. По докладам из обороняющихся частей, были сожжены и подбиты сотни единиц вражеской бронетехники. Так, например, в исследовании Генштаба, посвященном Курской битве, говорится: *«О степени напряженности боев на обояньском направлении и величине понесенных противником потерь наглядно свидетельствуют аэрофотоснимки района боев 3 мк, проведенные в 13 часов 15 минут 7 июля. На снимках зафиксировано 100 горевших немецких танков»* [38].

Около 15:00 после неоднократных атак и налетов авиации оборона 1-й и 3-й механизированных бригад оказалась прорвана. Чтобы избежать окружения, вынуждена была начать отход в северо-западном направлении 1-я гвардейская танковая бригада. Мощный удар был нанесен эсэсовскими частями по 100-й танковой бригаде 31-го танкового корпуса, оборонявшейся северо-западнее, на рубеже Яблочки—Тетеревино. Не выдержав мощных атак противника, бригада к концу дня вынуждена была отойти на север в район Красная Поляна.

К исходу 7 июля войскам 4-й танковой армии удалось расширить острие вбитого в советскую оборону клина. В результате оборона Воронежского фронта на данном участке оказалась сильно растянутой, что заставило советское ко-

мандование срочно проводить перегруппировку сил. Для немецкой стороны создавшаяся ситуация была весьма благоприятной, позволяя 4-й танковой армии продолжать оказывать давление на части 1-й танковой и 6-й гвардейской армий, постепенно оттесняя их на запад к шоссе Курск—Белгород. Кроме того, становились реальностью планы генерала Гота по наступлению 2-го танкового корпуса СС генерала Хауссера в северо-восточном направлении на Прохоровку.

Значительная доля в достигнутом наземными войсками успехе по праву принадлежала экипажам 8-го авиакорпуса, которые отрапортовали за день о 44 уничтоженных советских танках, 6 складах боеприпасов, 20 орудиях и около 50 автомобилях. При этом в воздушных боях было сбито 96 советских самолетов. В действительности потери 2-й и 17-й воздушных армий были несколько меньше, составив 71 сбитый самолет (43 и 28 соответственно).

Несмотря на то что к борьбе за господство в воздухе были подключены два истребительных авиакорпуса 2-й воздушной армии, переломить ситуацию в воздухе советским истребителям не удалось. По результатам третьего дня сражения острой критике подверглись действия пилотов 88-го гв. иап, которые за 7 июля имели на своем счету лишь несколько сбитых «мессершмиттов» при потере четырех Ла-5. Политдонесения 8-й гв. иад свидетельствуют, что по окончании дня боевая работа полка была оценена как неудовлетворительная. *«При разборе имелось выражение, что проявляете трусость, о чем майор Ядов проинформирует лично вас. Последнее выражение вызвало негодование у летного состава, и за ужином командиру полка гвардии майору Римша штурман полка гвардии капитан Карташев и начальник ВСС гвардии лейтенант Щербаков заявили, что завтра пойдем на тараны самолетов противника и докажем, что мы не трусы»,* — свидетельствуют документы дивизии [39]. Неизвестно, предъявлялись ли подобные претензии пилотам других полков, однако уже на следующий день части 5-го иак понесли чувствительные потери в командном составе, о чем мы расскажем ниже.

Интересно отметить, что, несмотря на предъявляемые к пилотам претензии, общий счет боевых побед 5-го иак достиг за три дня, согласно данным политотдела 2-й воз-

душной армии, отметки в 238 сбитых немецких самолетов. Было уничтожено 80 Ju 87, 31 Ju 88, 23 He 111, 7 Do 215, 71 Bf 109. Только на счету пилотов 8-й гв. иад числилось 156 побед, 108 из которых составляли немецкие бомбардировщики. Эта цифра еще больше возрастет, если к ней прибавить официально засчитанные победы авиаторов 17-й воздушной армии в нанесении ударов по немецким аэродромам.

Базирование объединения генерала В.А. Судца позволяло командованию ВВС Красной Армии сосредотачивать его усилия не только в налетах по переправам через Северский Донец, но также развернуть весьма активную борьбу с автомобильными перевозками противника по шоссе Белгород—Харьков. Кроме того, постоянной непосредственной угрозой налетов подвергались многочисленные немецкие аэродромы, расположенные в этом районе.

Удары по аэродромной сети противника начались уже на второй день сражения, однако они не носили целенаправленного характера. В большинстве случаев группы штурмовиков случайно появлялись над вражеским аэродромом, производя одну или максимум две атаки, что называется «с хода». Тем не менее доклады экипажей «илов» пестрели цифрами сожженной на земле немецкой авиатехники. Так, только в результате налетов 6 июля на аэродромах Толоконное, Дудовка и Головино было уничтожено 12 и повреждено 19 немецких самолетов. Особенно успешным был вылет четверки штурмовиков 290-й шад, которые, не обнаружив мотомеханизированную колонну на шоссе Харьков—Белгород, уже в сумерках вышли на аэродром Толоконное. На летном поле находилось от 40 до 50 Bf 109 и FW 190. По мнению авиаторов, в двух последовательных атаках им удалось уничтожить пять и повредить около десяти самолетов противника. В этот же день удар по аэродрому Болдыревка нанесла восьмерка Ил-2 237-го шап 305-й шад, действовавшая под прикрытием 6 Ла-5. Экипажи штурмовиков посчитали уничтоженными еще семь вражеских машин.

7 июля налеты на аэродромы Толоконное и Болдыревка продолжились. Кроме того, был атакован также аэродром Рогань. Удар по Болдыревке снова носил характер импровизации. Шестерка штурмовиков 775-го шап 290-й шад майора Столярова, вылетевшая на уничтожение колонн противника

между Харьковом и Белгородом, внезапно оказалась над полем аэродрома, где в этот момент находилось до 70 самолетов противника. По команде ведущего штурмовики атаковали стоянки, уничтожив на земле 11 машин, а также сбив три «фокке-вульфы» на взлете. Еще три «сто девяностых» было записано на счета воздушных стрелков, отбивавших атаки преследовавших их FW 190. Кроме того, летчики группы Столярова сожгли две цистерны с горючим, а также уничтожили до 50 человек лётно-технического состава.

Столь же эффективным, по мнению штаба 17-й воздушной армии, был вылет восьмерки Ла-5 5-го гв. иап. При налете на аэродром Рогань они уничтожили ни много ни мало 16 немецких самолетов, среди которых числилось 6 Ju 88, 2 Ju 52, He 111, Bf 109, четырехмоторный FW 200, а также пять самолетов неустановленного типа. Согласно документам корпуса, две четверки Ла-5, ведомые капитаном Н.П. Дмитриевым и младшим лейтенантом С.Г. Глинкиным (Герои Советского Союза с 24.8.43 и 4.2.44), были подняты в воздух сразу после получения разведданных от пары Як-1 из 814-го иап, обнаруживших на аэродроме Рогань до 50 немецких самолетов. Подходя к аэродрому, «лавочкины» атаковали смешанную группу, состоявшую из 18 Ju 88 и 6 He 111, готовившихся совершить посадку. При этом особенно отличился младший лейтенант Беляков, который сбросил бомбы на плотный строй «юнкерсов», уничтожив прямым попаданием две вражеские машины! В бою с подоспевшими истребителями противника самолет Белякова был подбит, а сам он, перетянув линию фронта, совершил вынужденную посадку. Едва раненый пилот покинул аварийную машину, она была окончательно добита минометным огнем противника.

Как видно из вышеприведенных примеров, действия авиаторов объединения генерал-лейтенанта В.А. Судца по аэродромам противника были выше всяких похвал. Однако, к сожалению, приходится констатировать, что реальная картина оказалась куда менее радужной. Данные немецкой стороны не подтверждают сколько-нибудь заметных потерь на аэродромах на второй и третий день сражения. Лишь 7 июля на аэродроме Варваровка был уничтожен один FW 190, принадлежавший отряду 3./SchG1. В то же время данные о потерях Ju 52 и FW 200 вовсе отсутствуют.

Отметим, что борьба с немецкой авиацией велась не только днем, но и ночью. Так, экипажи 449-го бап 244-й бад, начиная с 8 июля, провели несколько блокировок аэродромов Рогань и Основа. При этом «Бостоны» дивизии действовали как небольшими группами, так и отдельными, наиболее подготовленными экипажами «охотников». В ночь на 8 июля в боевую работу включились также экипажи 6-го ак дд, совершившие силами 11 Ил-4 и 24 Ли-2 налеты по населенным пунктам Топлинка, Карнауховка и по переправам через Северский Донец. Активные действия этого корпуса продолжались на белгородском направлении и в последующие дни. До 16 июля летчиками соединения генерал-майора Г.Н. Тупикова было совершено 382 самолето-вылета. В среднем в сутки экипажи 6-го ак дд поднимались в воздух от 45 до 50 раз. Атакам подвергались в основном населенные пункты, где были отмечены крупные скопления техники и живой силы противника. Одним из необычных заданий, выполненных авиаторами, стала попытка разбомбить штаб 2-го танкового корпуса СС в поселке Болховец. На выполнение этого задания вылетало 13 Ил-4.

Кроме нанесения ударов по аэродромам 8-го авиакорпуса, командование 17-й воздушной армии часть вылетов истребительной авиации затратило на борьбу с транспортной авиацией противника, активность которой была отмечена в районе Белгорода и Харькова. Однако эти действия не получили широкого размаха. Лишь утром 6 июля был отмечен перехват четверкой Як-1 867-го иап пары Ju 87, буксировавших за собой планеры. Ведущий группы лейтенант П.Д. Худов (Герой Советского Союза с 8.9.43) атаковал и сбил один «юнкерс». Второй пикировщик стал жертвой групповой атаки остальных «яков». Отцепившиеся планеры совершили посадку в районе Дудовка, где и были сожжены советскими летчиками. Отметим, что, согласно немецким данным, в этом бою был потерян один Ju 87B из состава Verb. Kdo.(S) 4.

8 июля должно было стать, по замыслам командования Воронежским фронтом, решающим днем в ходе оборонительного сражения. Несмотря на то что в предыдущие три дня противник прочно завладел инициативой, постепенно прогрызая оборону войск Воронежского фронта и последо-

вательно оттесняя части 6-й гвардейской и 1-й танковой армий на запад к шоссе Обоянь—Белгород, генерал Н. Ф. Ватутин имел еще значительные резервы для срыва немецкого наступления. Решением Ставки в состав фронта из состава Степного округа и Юго-Западного фронта были переданы 10-й и 2-й танковые корпуса, совершившие форсированный марш в район совхоза «Комсомолец» юго-западнее Прохоровки. Кроме того, из состава Степного округа Воронежскому фронту были переданы 5-я гвардейская танковая и 5-я гвардейская армии, которые должны были к исходу 8 июля сосредоточиться восточнее Прохоровки.

Замысел командующего Воронежским фронтом заключался ни много ни мало в окружении и разгроме ударной группировки противника путем нанесения мощного контрудара силами пяти танковых корпусов по всему периметру немецкого вклинения. Основную ударную группировку составляли уже упоминавшиеся нами 2-й и 10-й танковые корпуса, которые к исходу 8 июля должны были выйти в район Яковлево и Быковка. Содействие им на левом крыле оказывали уже понесшие потери в боях 6—7 июля части 2-го и 5-го гвардейских танковых корпусов. Кроме того, 6-й танковый корпус 1-й танковой армии, наступая в восточном направлении, должен был соединиться в районе Яковлево с остальными танковыми соединениями, замкнув кольцо окружения.

Подготовка к планировавшемуся контрудару проходила в спешке, оставляя желать много лучшего. 10-й и 2-й танковые корпуса, находившиеся на марше, запаздывали к назначенному командующим фронтом времени перехода в наступление, а их штабы не только не имели разведанных о противнике, но и не вполне представляли начертание линии фронта и расположение минных полей [40]. Нетрудно догадаться, что в сложившихся условиях никакой речи о взаимодействии с артиллерией и тем более действиями авиации 2-й воздушной армии говорить не приходилось.

Командование 2-й воздушной армии предполагало обеспечить контрудар танковых корпусов массированными действиями 110 Ил-2 из состава 291-й шад и 1-го шак, которые последовательными налетами в периоды 10:00—10:20 и 10:20—11:00 должны были уничтожать танки и живую силу противника в районах Яковлево, Покровка, Тетеревино.

Как видно, задачи авиаторам ставились из расчета быстрого взлома немецкой обороны и выхода танков 2-го и 10-го танковых корпусов в район севернее и южнее Яковлево. Однако последовавшие с утра события спутали все советские планы. Из рук вон плохая организация контрудара, а также отсутствие взаимодействия между родами войск привели в итоге к провалу всей операции.

По невыясненным причинам одно из наиболее мощных соединений фронта — 10-й танковый корпус в наступление в течение дня так и не перешел. Удар же расположенных с севера на юг 2-го, 5-го гвардейского и 2-го гвардейского танковых корпусов успеха не имел. Встреченные мощным противотанковым огнем эсэсовских дивизий «Рейх» и «Мертвая голова», а также массированными действиями немецкой бомбардировочной авиации советские танковые бригады понесли тяжелые потери, сумев добиться лишь локальных успехов.

В 10:30 в наступление, вопреки планам командующего Воронежским фронтом, перешли только левофланговые 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса. Однако первоначальный успех, позволивший танкистам генерала А.Г. Кравченко захватить Калинин, вскоре наткнулся на мощную противотанковую оборону противника. В воздухе появились большие группы немецких самолетов, которые начали непрерывные атаки по наступающим частям 2-го и 5-го гвардейских танковых корпусов. Советские танкисты определили тип немецких самолетов, участвовавших в налетах, как Ju 87 и Bf 110, вооруженных противотанковыми пушками. На самом деле основную роль в сдерживании советского удара сыграли экипажи противотанковых самолетов Hs 129, принадлежавших специальным противотанковым отрядам 4. и 8.(Pz)/SchG 1, 4.(Pz)/SchG 2, а также Pz.Jg.St./JG 51. Отметив в ходе 53 самолето-вылетов потерю всего двух «хеншелей», командование 8-го авиакорпуса посчитало уничтоженными не менее 84 советских танков, из которых, как отмечает дневник боевых действий соединения, 11 сгорело. Кроме того, 21 танк числился поврежденным. По мнению пилотов «хеншелей», установленная на самолете 30-мм пушка МК101 хорошо зарекомендовала себя в борьбе с бронированными целями.

Генерал Плохер отмечает высокий уровень организации боевой работы соединения Бруно Мейера. В каждый момент времени над полем боя находилась одна из эскадрилий, тогда как другая в это время на аэродроме пополняла боекомплект и заправлялась горючим. Две другие эскадрильи в это время были в воздухе, направляясь к району сражения или находясь на пути к своему аэродрому. Поддержку противотанковым отрядам оказали также пилоты «штурк» и «фокке-вульф» из состава SchG1. Последние особенно широко применяли осколочные бомбы, заставляя залечь советскую пехоту и оставляя тем самым танки наедине с мощной противотанковой обороной эсэсовских дивизий.

Жестокий отпор получили части 2-го танкового корпуса, наносившие контрудар из района западнее и юго-западнее совхоза «Комсомолец». Как мы уже отмечали, наиболее мощное соединение на этом участке — 10-й танковый корпус — в течение дня в наступление так и не перешло, а наступавший южнее 2-й танковый корпус понес значительные потери от артиллерийского огня и налетов немецкой авиации. Запоздав с контрударом до 13:20, некоторые части 2-го танкового корпуса уже в процессе выхода на исходные позиции подверглись массированным ударам немецкой авиации. Особенно пострадал 15-й гвардейский танковый полк, 11 танков «Черчилль» которого в 2 километрах западнее Сторожевое были атакованы большим количеством немецких бомбардировщиков. При этом два танка сгорели от прямых попаданий, а еще две машины получили повреждения. Из строя выбыл командир полка, получивший ранение. Тем не менее к 15:00 сопротивление противника удалось сломить, и танкисты под непрерывным артиллерийским и минометным огнем противника начали развивать наступление в направлении высот 255,9 и 243,0.

Как отмечают документы корпуса: *«Над полем боя появилась в большом количестве противотанковая и бомбардировочная авиация противника, которая ввиду недостаточного прикрытия с воздуха нанесла нашим частям весьма значительные потери»* [41]. За пять часов боя наблюдателями было отмечено 425 самолето-вылетов, совершенных по боевым порядкам корпуса, в то время как наша авиация активности не проявляла. Характеризуя действия немецкой авиации, документы

99-й танковой бригады отмечают: *«Налет авиации усиливался по мере продвижения бригад вперед. К 18.00 8 июля 1943 года эти налеты превратились в непрерывную атаку с воздуха. О жестокости атак с воздуха самолетами Ю-87 можно судить по следующему факту: подбитый нашими зенитчиками Ю-87 стервятник направил на танк Т-70 и всей своей массой врезался в него. Танк сгорел. Экипаж танка остался живым. Как правило, самолеты Ю-87 атаковали наши танки с кормовой части, поражая огнем моторную часть»* [42].

Тяжелое сражение развернулось 8 июля и на фронте армий М.Е. Катукова и И.М. Чистякова. Участвовавшие в контрударе части 6-го танкового корпуса продвижения вперед не имели, остановленные огнем противотанковой артиллерии и ударами авиации. В районе Сырцево и Красная Дуброва части 3-го механизированного и 6-го танкового корпусов при поддержке стрелковых частей 6-й гвардейской армии весь день отбивали ожесточенные атаки 48-го танкового корпуса. Однако наиболее тревожная ситуация сложилась на фронте 31-го танкового корпуса, находившегося на самой «вершине» немецкого ударного клина. Здесь противник, сконцентрировав части дивизий «Адольф Гитлер» и «Рейх», развернул наступление через Грезное на Кочетовку в северо-западном направлении, стремясь выйти на шоссе Курск—Белгород. Под непрерывными атаками левый фланг 31-го танкового корпуса оставил Грезное, спровоцировав отход всего соединения на 4—6 километров в район Сухо-Солотино. К исходу дня противнику удалось захватить восточную окраину Кочетовки, создав угрозу выхода в тыл 1-й танковой армии.

Итак, несмотря на то что командованием Воронежского фронта были сконцентрированы значительные силы танковых соединений по периметру вклинения ударной группировки 4-й танковой армии, добиться сколько-нибудь ощутимых результатов в ходе контрудара не удалось. Кроме неудовлетворительной организации операции, практически на всех участках боев весомую роль в срыве советских планов сыграла авиация 8-го авиакорпуса, документы которого отмечают особый успех немецких авиаторов в отражении советских контратак с северо-востока в полосе действия дивизии «Рейх». В то же время приходится констатировать,

что 2-я воздушная армия, несмотря на то что за 8 июля ее экипажами было выполнено 957 дневных самолето-вылетов (больше чем в предыдущие два дня), оказать заметного влияния на ход наземного сражения не смогла.

В первую очередь это касалось истребителей 4-го и 5-го иак, получивших задачу по патрулированию района от Красный Октябрь до Беленихино. Командование 2-й воздушной армии приказало командирам корпусов иметь в первые вылеты на прикрытие над районом боев не менее 20 самолетов, а в последующие довести их количество до 40. Отметим, что впервые с начала сражения большую роль в борьбе за господство в воздухе стал играть 4-й иак, экипажи которого за день выполнили 224 самолето-вылета по сравнению с 190 вылетами 5-го иак, понесшего за предыдущие дни тяжелые потери. Так, из состава корпуса 8 июля на боевые задания смогли подняться всего 32 Ла-5, а также 27 Як-1 и Як-7б. Видно, что на четвертый день сражения соединение генерал-майора Д.П. Галунова могло действовать силами, эквивалентными всего двум авиаполкам.

Несмотря на то что 8 июля летчики 4-го иак больше поднимались в воздух, количество воздушных боев и заявленных побед снова было на стороне 5-го иак, командование которого считало, что в результате 36 воздушных боев удалось сбить 50 вражеских самолетов (18 Ju 87, 4 Ju 88, 11 He 111, 2 FW 190 и 15 Bf 109). Для полноты картины прибавим к этим цифрам данные 4-го иак, экипажи которого в 13 воздушных боях сбили 27 немецких самолетов (13 Ju 87, 11 Bf 109, 2 FW 190 и 1 Bf 110). Для того чтобы читатель мог оценить реальность заявок обоих истребительных корпусов, отметим, что за весь день 8-й авиакорпус лишился 23 самолетов, из которых 9 (6 Ju 87, 2 FW 190, 1 Bf 109) могут считаться списанными, тогда как остальные машины получили повреждения разной степени тяжести. Отметим, что из 23 потерянных и поврежденных машин только 11 можно отнести на счет действий советских истребителей. Анализ воздушных боев в наиболее напряженные фазы наземного сражения позволяет сделать вывод, что массированным действиям немецких бомбардировщиков советские истребители смогли оказать лишь слабое противодействие.

Так, в момент перехода в наступление в районе Прохоровки воздушный бой с группами бомбардировщиков Ju 88 и He 111 вели две группы 8-й гв. иад. Восьмерка Ла-5 40-го гв. иап атаковала до 20 He 111, шедших под прикрытием истребителей. В результате боя лишь капитану Н.Т. Китаеву удалось подбить Vf 109 и He 111. Южнее, в районе Беленихино—Лучки, вели бой десять Ла-5 927-го иап, атаковавших несколько групп «юнкерсов» и «хейнкелей». В воздушном бою удалось сбить три бомбардировщика и два истребителя. В ходе утренних вылетов части 8-й гв. иад лишились сразу двух командиров полков — на свои аэродромы не вернулся командир 40-го гв. иап майор Герой Советского Союза М.С. Токарев и командир 88-го гв. иап майор С.С. Римша.

Группа, возглавляемая майором С.С. Римша, атаковала в районе Прохоровки 20 He 111, по всей видимости, принадлежавших эскадре KG55. Преследуя немецкие бомбардировщики до линии фронта, летчики группы не заметили пропажи командира полка, на боевой счет которого в этом бою был записан один «хейнкель». Возможно, майор С.С. Римша выполнил свою угрозу и попытался таранить один из вражеских бомбардировщиков. Также неизвестными остались обстоятельства гибели майора М.С. Токарева. Оперсводки свидетельствуют, что летчики его группы наблюдали, как горящий «лавочкин» командира шел вниз к земле. Впрочем, широкое распространение получила легенда, согласно которой в своем последнем бою М.С. Токарев сбил ни много ни мало шесть немецких истребителей. Советский летчик смог совершить вынужденную посадку на поврежденном самолете и уже на земле скончался от полученных ранений. На чем основаны такие данные о гибели аса, автору неизвестно. Из политдонесений 2-й воздушной армии известно, что М.С. Токарев был похоронен 12 июля в городе Старый Оскол. Командиром 40-го гв. иап полка был назначен Герой Советского Союза Д.П. Назаренко. Тяжелые потери заставили командира 8-й гв. иад наложить запрет на вылеты командиров полков. Как отмечают документы 41-го гв. иап, командир полка майор Чупиков *«несколько раз водил группы в бой и только после категорического указания командира дивизии, слетав еще раз утром 8 июля, затем в бой не ходил»* [43].

Третьей жертвой боев 8 июля среди командного состава 5-го иак стал командир 438-го иап подполковник Я.В. Уткин, возглавивший под вечер группу из 5 Як-7б и 1 Як-1, вылетевшую для патрулирования в районе Прохоровка, Кочетовка, Грезное. Вступив в воздушный бой с He 111 и Ju 88, шестерка советских истребителей потеряла два истребителя, один из которых пилотировал командир полка. Еще один истребитель из состава группы погиб уже на своем аэродроме, загоревшись на посадке.

Потери немецкой стороны в опытном летном составе 8 июля также были велики — соединение генерала фон Зайдемана лишилось нескольких ветеранов. Атакуя советские танки восточнее Верхопенье, был сбит зенитной артиллерией Ju 87 командира отряда 8./StG2 кавалера Рыцарского креста гауптмана Бернарда Вутки (Wutka Bernhard), имевшего на своем боевом счету около 600 боевых вылетов. Другой жертвой четвертого дня боев стал еще один обладатель Рыцарского креста — обер-лейтенант Карл Фитцнер (Fitzner Karl) из 5./StG77. Согласно немецким данным, его самолет взорвался в воздухе, поразив своими обломками ведомую «штуку» лейтенанта Георга Кёнига (König Georg), экипаж которого также погиб. Возможно, оба пикирующих бомбардировщика стали жертвами атаки будущего прославленного советского аса, дважды Героя Советского Союза, а тогда еще младшего лейтенанта К.А. Евстигнеева. Документы 2-й воздушной армии и 4-го иак особо отмечают успех молодого пилота, которому в утреннем воздушном бою над районом Большие Маячки—Красная Поляна удалось сбить сразу 3 бомбардировщика Ju 87.

Еще одним немецким авиатором, сбитым в ходе боев 8 июля, стал исполнявший обязанности командира отряда 8./JG52 обер-лейтенант Герхард Люти (Lüty Gerhard). Имевший на своем счету 28 побед пилот попал в плен, поведав командованию 2-й воздушной армии интересные данные об уровне потерь в эскадре JG52. Согласно показаниям Люти, эскадрой JG52 5 июля было потеряно 16 истребителей, 6 июля — 11, а 7 июля еще 8 машин. Еще 15 Bf 109 были повреждены в боях и находились в ремонте. Исходя из того, что количество истребителей штаба и двух групп эскадры на начало июля составляло 80 «мессершмиттов» (Stab/JG52 —

4, I/JG52 — 34, III/JG52 — 42), из которых 68 было исправно, советское командование сделало вывод, что JG52 в ходе всего трех дней боев безвозвратно лишилось как минимум 43% всего авиапарка. Еще около пятой части истребителей получило повреждения. Отметим, что, согласно отчетам генерал-квартирмейстера, потери JG52 с 5 по 7 июля были значительно меньше, чем сообщил на допросе пленный пилот. Так, безвозвратные потери 5 июля составляли 13 машин, а 6 и 7 июля было потеряно всего 9 «мессершмиттов». Не подтверждается и участие в июльских боях под Курском и группы II/JG52.

Рассмотрим теперь роль, которую сыграла в боях 8 июля ударная авиация 2-й воздушной армии. Оба штурмовых соединения генерала С.А. Красовского — 1-й шак и 291-я шад концентрировали свои действия севернее и южнее Яковлево, а также в районе Лучки и Тетеревино, Нечаевка. Штурмовики 1-го шак, действовавшие в основном перед фронтом 1-й танковой армии, выполнили 218 самолето-вылетов, уничтожив, по данным экипажей, 60 танков и 176 автомобилей. Для установления реальной эффективности ПТАБ в борьбе с бронированными целями, штабом 2-й воздушной армии был организован показательный удар по скоплению танков противника. В воздух поднялась шестерка Ил-2 617-го шап 291-й шад во главе с командиром полка майором Ломовцевым, которая в районе Покровка, Яковлево, Козьмо-Демьяновка провела две атаки. В результате было поражено 14 танков, а также вызвано четыре больших взрыва. За нанесением удара наблюдали офицеры штаба армии, лично засвидетельствовавшие эффективность нового противотанкового оружия [44].

Оперсводки 2-й воздушной армии свидетельствуют, что 1-й шак потерял за 8 июля 14 самолетов, включая 9 Ил-2 и 5 Як-1. Чувствительные потери понесла и 291-я шад. Из ее состава на свои аэродромы 8 июля не вернулось 7 Ил-2 и 3 истребителя. Отметим, что число штурмовиков, сбитых атаками немецких истребителей, было относительно невелико. Так, в 291-й шад потери в воздушных боях составили 6 Ил-2, тогда как в 1-м шак эта цифра составила от 5 до 8 штурмовиков. Действительно, на четвертый день сражения, согласно немецким данным, из 43 зарегистрированных побед лишь

16 приходилось на «илы». Подводя итог боевой работы 2-й воздушной армии 8 июля, отметим, что штаб объединения зафиксировал потерю по всем причинам 47 самолетов.

Согласно официальной советской историографии, решающим моментом боев на обояньском направлении стало 9 июля. Неудачи предыдущего дня, связанные с контрударом по правому флангу немецкого вклинения, а также тяжелые оборонительные бои на фронте 1-й танковой армии вызвали серьезную озабоченность командования Воронежского фронта. В ночь на 9 июля, согласно приказу генерала Н. Ф. Ватутина, в район обояньского шоссе начали передислокацию части 10-го и 5-го гвардейского танкового корпусов, которые были переданы в подчинение генерал-лейтенанта М.Е. Катукова. Оба танковых корпуса получили задачу занять позиции северо-западнее Верхопенья, Кочетовки и Сухо-Солотино, обеспечивая тем самым устойчивость обороны 3-го механизированного и 31-го танкового корпусов.

В 9 часов утра, после массированного удара 8-го авиакорпуса, части 11-й танковой дивизии, а также дивизии «Великая Германия» перешли в наступление из района Красная Дуброва и Верхопенье в направлении на Новоселовку. Практически одновременно атаке подверглись и позиции 31-го танкового корпуса в районе Кочетовка и Сухо-Солотино. Командование немецкой 4-й танковой армии, нанося удары по сходящимся направлениям, не оставляло надежду окружить части 1-й танковой и 6-й гвардейской армий южнее Обояни.

Действия немецкой авиации в эти утренние часы носили широкий размах. Так, только наступление 48-го танкового корпуса в районе Верхопенье поддерживало не менее 100 самолетов. Активность 8-го авиакорпуса сохранилась практически на уровне предыдущего дня, составив 1621 самолет-вылет. Как и в предыдущие дни, основная нагрузка легла на плечи экипажей самолетов Ju 87, совершивших 699 вылетов и безвозвратно потерявших шесть машин, пять из которых принадлежали эскадре StG2.

Командование 2-й воздушной армии также сконцентрировало действия своей авиации в районе южнее Обояни. Основные удары штурмовиков 1-го шак и 291-й шад были направлены по боевым порядкам 48-го танкового корпуса,

наступавшим из района Красная Дуброва и Верхопенье, а также по скоплению вражеских войск в районах Яковлево, Покровка, Лучки. Нагрузка, выпавшая на долю экипажей Ил-2, была относительно невелика — на каждый исправный самолет приходилось чуть более двух вылетов. Более напряженный график боевой работы выпал истребителям сопровождения, которые в среднем по три раза и более принимались на выполнение боевых заданий. Так, например, 247-й иап 203-й иад силами 10 самолетов совершил за день 38 вылетов. Аналогичная картина была и в 737-м иап 291-й шад, где на долю 6 Як-1 и 2 Ла-5 приходилось 23 и 7 вылетов соответственно. Трижды вылетал на боевые задания единственный исправный Як-7б.

По отзывам наземных войск, атаки штурмовиков на бреющем полете в значительной степени облегчили отражение вражеских танковых атак в первой половине дня. В то же время доклады экипажей штурмовиков о достигнутых успехах продолжали превосходить все мыслимые пределы. Согласно оперсводкам 2-й воздушной армии, за день боев было уничтожено 145 немецких танков и почти 350 автомобилей! Кроме того, было сожжено 10 автобензоцистерн, уничтожено 4 склада боеприпасов и 2 склада с горючим, подавлен огонь 5 зенитных батарей и 5 батарей полевой артиллерии. Основным оружием экипажей Ил-2 в борьбе с бронетехникой стали кумулятивные ПТАБы. Так, например, авиаторы 266-й и 292-й шад 1-го шак считали уничтоженными 9 июля 41 и 47 танков, израсходовав 2353 и 2568 бомб данного типа [45].

В то же время 9 июля было зафиксировано несколько случаев нанесения ударов по своим войскам. Так, в частности, группа штурмовиков 1-го шак бомбила район высоты 241,6, а также совхоз «Комсомолец», где оборонялись наши войска. «Отличилась» и восьмерка «илов» 291-й шад, которая в районе обояньского шоссе атаковала населенные пункты Владимировка и Новоселовка [46].

Как и накануне, экипажам штурмовиков пришлось вести напряженные воздушные бои с истребителями противника. Так, в 8:35 две группы по 12 Ил-2 292-й шад, наносившие удары в районе Лучки, Малые Маячки, Озеровский, подверглись атаке около 12 Bf 109. Наиболее тяжело пришлось

группе 820-го шап, ведомой лейтенантом Одинцовым, которую атаковали десять «мессершмиттов» из состава III/JG3. Преследуя «илы» еще почти 30 километров до Новой Слободы, немецкие истребители успели произвести десять атак, сбив один штурмовик в районе Правороть. Еще два «ила», получив повреждения, совершили вынужденные посадки. Согласно данным штаба 292-й шад, истребители сопровождения сбили один «сто девятый», а еще один немецкий истребитель стал жертвой пилота-штурмовика лейтенанта Нютина.

Трагично закончился вылет восьмерки Ил-2 66-го шап соседней 266-й шад. В районе цели истребители из состава 247-го иап потеряли сопровождаемые «илы», чем не замедлили воспользоваться пилоты «мессершмиттов». В результате на свой аэродром не вернулось 6 Ил-2. Два из них были подбиты зенитной артиллерией и совершили вынужденные посадки. Отметим, что потери двух других полков 266-й шад — 673-го и 735-го шап — были минимальны. Каждый из них потерял 9 июля всего по одному штурмовику.

В 291-й шад, целый день поддерживавшей с воздуха части 3-го механизированного корпуса, наибольший успех, как, впрочем, и наибольшие потери, выпали на долю 241-го шап. Его экипажи уничтожили за день половину — 30 из 61 танка и треть от 177 автомашин, пришедшихся на долю соединения полковника А.Н. Витрука. В воздушных боях отличились капитан Куксань и старший лейтенант Пустынников, сбившие Ju 87 и Bf 109. Два «мессершмитта» были записаны на боевой счет старшего лейтенанта Гордиенко. В то же время все пять штурмовиков 291-й шад, потерянные в боях пятого дня оборонительной операции, также приходились на 241-й шап. Штаб полка отмечал, что одной из причин потерь послужили недостатки в прикрытии 737-го иап, которые прикрывали «илы» лишь до линии фронта, переключившись потом на сопровождение группы 617-го шап. Отметим, что на следующий день, 10 июля, потери 241-й шап снова составили 5 Ил-2.

Истребители 4-го и 5-го иак совершили за день чуть менее 140 самолето-вылетов каждый, потеряв в воздушных боях 17 самолетов. По итогам дня, 927-й иап 8-й гв. иад, передав оставшуюся материальную часть и 14 пилотов в со-

седний 41-й гв. иап, временно выбыл из состава дивизии. Анализируя советские заявки на победы в воздушных боях, приходится констатировать, что, как и в предыдущие дни, большинство из них приходилось на «мессершмитты» и «фокке-вульфы». По докладам пилотов, из 58 немецких самолетов, уничтоженных в 43 воздушных боях, 39 составляли одномоторные истребители и штурмовики. Реальные потери немецкой стороны составили 9 Bf 109 и 2 FW 190.

Особенно тяжелый урон понесла группа III/JG52, разом лишившаяся 5 Bf 109, из которых четыре входили в состав 7-го отряда. В плен попал один из ведущих асов эскадры обер-фельдфебель Эдмунд Россмманн (Rossmann Edmund), успевший довести свой боевой счет до отметки в 93 победы. Пытаясь вывезти с советской территории севшего на вынужденную посадку ведомого — лейтенанта Зигфрида Зейлера (Seyler Siegfried), он был захвачен красноармейцами. Новенький Bf 109G-6 немецкого аса поручили перегнать в Москву капитану Н.Т. Китаеву, однако последний, не справившись с управлением, разбил немецкий истребитель на взлете. Интересно отметить, что, согласно разведсводкам 17-й воздушной армии, 10 июля истребителями в районе Рыбница был посажен еще один Bf 109G-6, однако эти данные не находят подтверждения в других архивных документах.

От рассмотрения противоборства в воздухе снова вернемся к ходу наземного сражения. К середине 9 июля 11-я танковая дивизия и дивизия «Великая Германия» добились первого ощутимого успеха. Части советского 3-го механизированного корпуса, оставив Верхопенье, начали отходить на северо-запад в направлении Калиновки и Новоселовки. Опасность, грозившая левому флангу 31-го танкового корпуса, заставила его также отойти северо-западнее, оставив населенные пункты Сухо-Солотино и Кочетовка. Общий отход частей 1-й танковой армии составил 6—8 километров.

Несмотря на этот успех, прорваться к шоссе Белгород—Курск частям 4-й танковой армии не удалось. Именно неудачей наступления ударной немецкой группировки, по мнению советских историков, объяснялась перемена направления удара 4-й танковой армии, вернее, входящего в ее состав 2-го танкового корпуса СС в северо-восточном направлении на Прохоровку. Однако последние исследо-

вания зарубежных и российских историков свидетельствуют — удар на прохоровском направлении силами 2-го танкового корпуса СС планировался командующим 4-й танковой армии еще в июне, при отработке плана «Цитадель». Такое решение было во многом результатом предвидения генерала Гота, считавшего, что успех наступления будет зависеть не столько от стремительности продвижения в глубь русской обороны, сколько от нанесения максимального урона частям Красной Армии, находящимся в районе Курской дуги. В том, что части 4-й танковой армии рано или поздно столкнутся с крупными танковыми резервами восточнее Обояни Гот мало сомневался. К 10 июля обстановка, сложившаяся на южном фесе Курской дуги, благоприятствовала немецким планам. Несмотря на упорное сопротивление, части 1-й танковой и 6-й гвардейской армий были оттеснены силами 48-го танкового корпуса на запад к обояньскому шоссе, а атаки на правом фланге соединения генерала Хауссера отбиты. Таким образом, сражение в полосе 4-й танковой армии вступало в решающую фазу. О воздушном противостоянии в ходе прохоровского сражения наша следующая глава.

3.3. МОМЕНТ ИСТИНЫ (10—15 июля)

Положение, сложившееся к вечеру 9 июля, позволило командованию 4-й танковой армии сделать вывод: силы русских, обороняющихся на линии от реки Псел и юго-западнее, вплоть до Калиновки, значительно ослаблены в ходе тяжелых боев 6—9 июля. Решение командующего 4-й танковой армии генерала Гота на 10 июля предполагало сосредоточение всех сил 2-го танкового корпуса СС юго-западнее Прохоровки с целью уничтожения находящихся здесь советских резервов и оттеснения их на восток, а также форсирование реки Псел. Для выполнения этой задачи 10 июля была проведена перегруппировка частей соединения генерала Хауссера. В центре боевого построения находилась дивизия «Адольф Гитлер», получившая задачу нанести удар в направлении на Прохоровку. Ее правый фланг обеспечивала дивизия «Рейх». Третья эсэсовская дивизия — «Мертвая голова» получила задачу, наступая западнее Прохоровки, захватить

плацдарм на северном берегу реки Псел, который в дальнейшем было необходимо расширять в северо-восточном направлении.

Важной составляющей планировавшегося удара было наступление 3-го танкового корпуса из района Мелехово—Дальняя Игуменка в северо-восточном направлении. Обороняющаяся здесь 69-я армия генерал-лейтенанта В.Д. Крюченкина, ответственная за оборону корочанского направления от Беленихино до Мясоедово, решением командующего Воронежским фронтом была усилена за счет передачи в ее состав левофланговых дивизий 6-й гвардейской армии, а также правофланговых дивизий 7-й гвардейской армии. Отметим, что планировавшиеся удары 2-го танкового корпуса СС и 3-го танкового корпуса приходились почти в точности по флангам 69-й армии, грозя окружением ее основных сил.

Мы уже упоминали, что тяжелое положение, сложившееся на Воронежском фронте к исходу 6 июля, требовало от Ставки переброски в его состав значительных резервов на угрожаемые направления. Одним из таких источников послужил Степной округ, который директивой Ставки от 9 июля был переименован в Степной фронт. Его 27-я, 53-я армии должны были занять Курский укрепленный район, а также фронтовой рубеж по реке Сейм. Наиболее ответственная задача была возложена на переданную в состав Воронежского фронта 5-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта А.С. Жадова. Она должна была занять рубеж обороны на северном берегу реки Псел, не допуская ее форсирования противником.

Основная ставка делалась советским командованием на 5-ю гвардейскую танковую армию генерал-лейтенанта П.А. Ротмистрова, насчитывавшую в своем составе свыше 800 танков и САУ. Получив еще 6 июля директиву о выдвижении в район Прохоровки, корпуса армии за двое суток марша покрыли около 250 километров. Опасаясь налетов немецкой бомбардировочной авиации, перебазирование частей армии совершалось своим ходом. С воздуха танкистов на марше прикрывали истребители 2-го иак 5-й воздушной армии. Однако вступить в бой им так и не пришлось — немецкая фронтовая авиация как на северном, так и на южном фланге Курской дуги основное внимание уделяла ударам по

целям на поле боя, оставляя без внимания фронтовые тылы советских войск. В итоге уже к 10 июля в районе Прохоровки противоборствующие стороны сосредоточили две мощные танковые группировки, которые должны были сыграть решающую роль в ближайшие дни.

Для авиаторов с обеих сторон 10 июля был отмечен плохой погодой, которая в значительной степени ограничила их деятельность в первой половине дня. Согласно дневнику боевых действий 8-го авиакорпуса, было выполнено всего 682 самолето-вылета, что было почти в 2,5 раза меньше, чем в предыдущие дни. Не проявляли особой активности и экипажи 2-й воздушной армии, всего лишь 455 раз поднимавшие свои машины в воздух.

10 июля 2-я воздушная армия получила в свой состав новое соединение — 256-ю иад полковника Н.С. Герасимова, на вооружении которой, из более чем 90 истребителей, 50 составляли новенькие Як-9. Дивизия должна была заменить в составе 5-го иак 205-ю иад. За пять дней боев это соединение понесло чувствительные потери. К вечеру 9 июля в ее боевом составе насчитывалось всего 15 исправных самолетов. Еще 37 самолетов были повреждены и находились на местах вынужденных посадок. Боевая работа дивизии начиная с 10 июля была значительно ограничена. Следующие два-три дня ее летчики лидировали к линии фронта группы вновь прибывшей 256-й иад. Отметим, что экипажи последней в первый же день боевой работы провели 3 воздушных боя, заявив об уничтожении Ju 87, Bf 109 и FW 190, при потере 3 своих истребителей.

Несколько удачных боев было на счету и пилотов 302-й иад. Особенно отличилась группа 193-го иап. Патрулируя в районе Кочетовка, Владимировка, Верхопенье, 10 Ла-5, ведомые штурманом полка старшим лейтенантом Н.В. Павленко, смогли разогнать 35 Ju 87, следовавших под прикрытием 6 Bf 109. Немецкие бомбардировщики, беспорядочно сбрасывая бомбы, стали уходить на свою территорию под защиту зенитной артиллерии. Советскими летчиками было сбито 2 Ju 87. Геройский подвиг в этом бою совершил младший лейтенант М.В. Кубышкин, который, спасая своего командира, пошел на встречный таран «мессершмитта» и погиб.

Согласно немецким данным, за весь день 8-й авиакорпус лишился всего двух Bf 109. Один из «мессершмиттов», принадлежавших отряду 7./JG52, совершил вынужденную посадку и был списан. Кроме того, в воздушном бою с Ла-5 был сбит самолет начинающего аса из 4./JG3 лейтенанта Ганса Райзера (Reiser Hans), успевшего одержать к этому времени 7 побед. Возможно, именно его «сто девятый» стал жертвой тарана младшего лейтенанта М.В. Кубышкина. Отметим, что потери пикирующих бомбардировщиков 10 июля были также относительно невелики — 3 Ju 87 из состава StG2 и StG77 были списаны, а еще три получили повреждения.

В отличие от обояньского направления, ударные самолеты 8-го авиакорпуса нанесли лишь несколько массированных ударов перед боевыми порядками 2-го танкового корпуса СС, который в 14:00 частью сил дивизий «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова» перешел в наступление на Прохоровку. Вначале успех сопутствовал подчиненным генерала Хауссера. Последовательными атаками удалось овладеть совхозом «Комсомолец» и населенным пунктом Ивановский Выселок. Однако в дальнейшем продвижение эссовских частей было приостановлено контратаками советских войск.

Намного более богатым событиями был следующий день, 11 июля. Уже с рассветом части дивизии «Адольф Гитлер» вновь развернули наступление на Прохоровку, части дивизии «Мертвая голова» предприняли попытку расширить плацдарм на северном берегу реки Псел. Одновременно тяжелые бои развернулись на участке 6-го танкового корпуса 1-й танковой армии. Противник силами 48-го танкового корпуса предпринял наступление на участке Раково—Березовка, пытаясь расширить прорыв в западном направлении. В ходе тяжелого боя части оборонявшейся здесь 90-й гвардейской стрелковой дивизии и 6-го танкового корпуса вынуждены были отойти на новый рубеж обороны Чапаев—Новенькое.

Как и в предыдущие дни, наступление обоих танковых корпусов 4-й танковой армии получило значительную поддержку 8-го авиакорпуса, хотя неблагоприятные метеоусловия продолжали ограничивать активность его экипажей. Вследствие мощных налетов немецкой авиации по боевым порядкам частей 69-й армии, оборонявшихся юго-западнее Прохоровки, советская оборона оказалась прорвана, что по-

зволило немецким танкам, захватив совхоз «Октябрьский», вплотную приблизиться к юго-западным окраинам Прохоровки. За день немецкими авиаторами было совершено 1039 самолето-вылетов, из которых 447 и 197 пришлось на соединения «штурк» и двухмоторных бомбардировщиков. 156 самолето-вылетов совершили штурмовики из состава эскадры SchG1, в то время как пилоты одномоторных истребителей 176 раз поднимались в воздух.

Авиация 2-й воздушной армии 11 июля продолжала решать задачу по недопущению подхода резервов противника из района Яковлево и Покровка, а также наносила удары по боевым порядкам наступающих войск противника. Действия обоих штурмовых соединений были равномерно распределены по двум образовавшимся направлениям. Так, экипажи 1-го шак сосредоточили свои действия в районе Грезное, Лучки, Тетеревино, тогда как 291-я шад действовала западнее над боевыми порядками 1-й танковой и 6-й гвардейской армий. Основными объектами атак дивизии А.Н. Витрука стал район Верхопенье, Сырцево, Красная Поляна, Кочетовка.

Силы 1-го шак и 291-й шад к 11 июля оказались сильно подорваны в предыдущих боях. Из 539 дневных самолето-вылетов, совершенных летчиками 2-й воздушной армии в этот день, всего 133 пришлось на ударные машины. Штурмовики вынуждены были вылетать на боевые задания малыми группами — в составе четверок и шестерок. Из-за острого недостатка матчасти об организации массированных ударов не могло быть и речи. Отметим, что даже официальные цифры уничтоженной вражеской техники значительно сократились. Так, например, штабы 291-й и 292-й шад, которая действовала двухполковым составом, доложили «всего лишь» о 18 и 22 уничтоженных танках. Чуть более высокие показатели в боевой работе продемонстрировали экипажи 266-й шад, 17 Ил-2 которой совершили за день 48 самолето-вылетов. Истратив 1272 ПАТБ, экипажи дивизии доложили о 39 уничтоженных и подбитых танках противника.

Зоны ответственности истребительных соединений также были разделены командованием 2-й воздушной армии по двум направлениям. На обояньском направлении действовали пилоты 5-го иак, тогда как прохоровское направление

прикрывали истребители 4-го иак. Отметим, что, совершив 160 и 170 боевых вылетов, их экипажи провели практически одинаковое количество воздушных боев — 11 и 13 соответственно. Куда больше различались результаты боевой работы обоих соединений — в воздушных боях пилотами 4-го иак было заявлено 29 побед, против 12 коллег из 5-го иак.

Документы 2-й воздушной армии в особенности отмечают феноменальный воздушный бой восьмерки «яков» из состава 183-го иап 294-й иад, которые в воздушном бою против 9 Ju 87 и 6 Bf 109, согласно советским данным, сбили все немецкие бомбардировщики, а также два истребителя. Обстоятельства боя благоприятствовали советским пилотам. Группа Bf 109, пытаясь противодействовать атаке «яков», растерялась в облачности при наборе высоты. В это время экипажи «юнкерсов», заметив находящиеся выше «яки», сбросили свой бомбовый груз и начали разворачиваться для ухода на свою территорию. Советские летчики тут же атаковали врага сверху сбоку. С первой же атаки ведущим группы, а также тремя другими истребителями было сбито 2 Ju 87. В дальнейшем пилоты группы атаковали рассыпавшиеся «восемьдесят седьмые» и «сто десятые», сбив семь бомбардировщиков и два истребителя. Документы 294-й иад свидетельствуют, что, когда «мессершмитты» вышли из облачности и собрались вместе, ни одного Ju 87 в небе уже не было. Еще одним удачным боем стала схватка 7 Ла-5 41-го гв. иап, которые в районе Кочетовки в воздушном бою с 20 Ju 87 сбили пять немецких пикировщиков. Победы одержали закаленные в боях асы старший лейтенант А.С. Куманичкин (Герой Советского Союза с 13.4.44), сбивший два самолета, старший лейтенант А.Г. Павлов, лейтенант Н.М. Наумов и младший лейтенант Н.Д. Баланин.

Хотя немецкие данные признают потерю только шести и повреждение еще одного Ju 87, нельзя не отметить — как минимум четыре бомбардировщика из состава группы III/StG77 были сбиты советскими истребителями в одном и том же квадрате 6287. В числе погибших оказался и командир отряда 9./StG77 гауптман Рудольф Блюменталь (Blumenthal Rudolf). Вероятно, что тяжелые потери немецкие пикирующие бомбардировщики понесли все же от действий пилотов 41-го гв. иап.

Среди других потерь 8-го авиакорпуса 11 июля отметим два He 111 из II/KG27, сбитые зенитным огнем и атаками истребителей, а также пять FW 190 из состава штурмовой эскадры SchG1. Три «фокке-вульфа» были списаны, а остальные сданы в ремонт. Сравнивая потери 8-го авиакорпуса и 2-й воздушной армии, можно констатировать, что, пожалуй, впервые за весь период оборонительного сражения они стали сопоставимы друг с другом — за день по всем причинам было потеряно 18 советских и 12 немецких машин.

Итоги наземного сражения 11 июля внушали опасения как командованию Воронежского фронта, так и Ставке. Несмотря на относительно небольшой темп продвижения, противнику практически на всех участках удалось добиться тактических успехов. Не вызывало сомнения стремление противника продолжать развивать наступление силами дивизий «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова» на северо-восток вдоль железной дороги на Прохоровку, а также параллельно вдоль правого берега реки Псел. Третья дивизия 2-го танкового корпуса СС — «Рейх» значительно активизировала свои действия южнее Прохоровки на участке Сторожевое, Беленихино, имея основной задачей развивать наступление в восточном и юго-восточном направлениях. Навстречу этому эсэсовскому соединению из района Шляхово—Мелехово наступали части 3-го танкового корпуса, продвинувшиеся в ходе наступления 11 июля на корочанском направлении на 12—15 километров в северном направлении и захватившие район севернее Верхний Ольшанец. Очевидно, что действия дивизии «Рейх», а также 3-го танкового корпуса были направлены на окружение значительных сил 69-й армии, оборонявшихся в районе Шахово.

Командованием Воронежского фронта еще в ночь на 11 июля было принято решение о нанесении контрудара по прорвавшемуся противнику. Планом операции предполагалось нанесение нескольких концентрических ударов силами 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий, а также частей 1-й танковой и 6-й гвардейской армий в общем направлении на Яковлево. Памятуя о неудаче операции 8 июля, командующий Воронежским фронтом сосредоточил управление танковыми соединениями, принимающими участие в наступлении, в руках командующих танковыми

армиями — М.Е. Катукова и П.А. Ротмистрова. В подчинение 1-й танковой армии были переданы 5-й гвардейский и 10-й танковые корпуса, тогда как оборонявшиеся южнее Прохоровки 2-й гвардейский и 2-й танковые корпуса были подчинены штабу 5-й гвардейской танковой армии.

Отметим, что концентрация значительных сил Красной Армии в районе Прохоровки не являлась секретом для командования 4-й танковой армии. Немецкой авиаразведкой выдвижение советских танковых частей со Старого Оскола было отмечено уже к исходу 9 июля. На 12 июля генерал Хауссер предполагал продолжить развитие наступления в районе плацдарма на правом берегу реки Псел силами дивизии «Мертвая голова», а также предпринять усилия силами дивизий «Адольф Гитлер» и «Рейх» для захвата Сторожевое и Правороть, находящихся южнее Прохоровки. Предполагалось, что только после успеха наступления дивизии «Мертвая голова» вдоль правого берега Псел части дивизии «Адольф Гитлер», до того находящиеся в обороне, займут Прохоровку.

Планирование действий авиации противоборствующими сторонами в основном определялось задачами наземных войск. Так, основные усилия 8-го авиакорпуса должны были быть сосредоточены на поддержке наиболее важного для командования 4-й танковой армии наступления дивизии «Мертвая голова» [47].

Для поддержки предстоящего наступления войск Воронежского фронта командующий 2-й воздушной армией генерал С.А. Красовский решил привлечь все ударные соединения своей армии, включая впервые вводившийся в сражение после событий 5 июля 1-й бак. Задачи корпуса хорошо видны из боевого приказа его командира полковника И.С. Полбина на 12 июля: *«1 бак всем составом в период 10.00—10.15 12.7.43 наносит бомбардировочный удар по скоплению танков, огневым средствам и живой силе противника в районе Покровка, Большие Маячки, Яковлево и лес, что в 2—6 км восточнее Покровка. Готовность к последующему вылету через 2 часа после посадки. Прикрытие от 4 иак»* [48].

Цели штурмовых соединений 2-й воздушной армии также находились в ближнем фронтовом тылу противника. Так, 1-й шак в период 10:45—11:00 должна была действовать в

треугольнике Сухо-Солотино—Покровка—Озеровский, тогда как 291-я шад в то же время наносила удар южнее, между населенными пунктами Верхопенье, Сырцево, Гремучий. Предполагалось, что 1-й шак и 291-я шад будут действовать массированно в полном составе. Согласно оперсводкам дивизия А.Н. Витрука на 12 июля получила усиление в виде 9 Ил-2, перелетевших из Масловки. Вновь прибывшие машины были распределены между 61-м и 241-м шап.

Рассматривая планы командования 2-й воздушной армии на 12 июля, нельзя не удивиться отсутствию постановки боевой задачи штурмовой авиации по непосредственному взаимодействию с частями 18-го и 29-го танковых корпусов 5-й гвардейской танковой армии, игравших основную роль в предстоящем контрударе. По всей видимости, командование фронта, убежденное во всеограждающей мощи танкового удара объединения П.А. Ротмистрова, а также учитывая сложные метеосостояния последних дней, сочло более рациональным организовать авиационную поддержку танковых соединений уже после их выхода в тыл противника.

Злую шутку с советским командованием сыграло неоднократное перенесение времени перехода в наступление. Изначально планировалось, что контрудар будет нанесен в 10:00 12 июля. Нервозная обстановка, царившая в штабе фронта, подогреваемая тревожными сообщениями, поступающими с корочанского направления, привела к неоднократному смещению часа Ч на более раннее время. Вначале время готовности танковых корпусов было установлено к 3 часам утра. В свете качественного превосходства противника такой подход выглядел более чем предпочтительным. Однако вскоре время атаки было вновь перенесено на 8:30.

Погодные условия утром 12 июля не позволили экипажам штурмовой авиации подняться в воздух. Это еще более усугубило положение танковых корпусов армии П.А. Ротмистрова, которые вынуждены были атаковать не только без поддержки авиаторов, но и при весьма слабой артиллерийской поддержке.

В сложившихся условиях удар 78 Пе-2 1-го бак по району Яковлево, хотя и был признан штабом 2-й воздушной армии удачным, на ход наземного сражения юго-западнее Прохоровки заметного влияния не оказал. Отметим, что из-за

погоды 14 Пе-2 не смогли подняться в воздух. Уже после выполнения боевого задания экипажи «пешек» вынуждены были возвращаться на свой аэродром на высотах около 100 метров при видимости, снижавшейся до 1—2 километров. Тем не менее, используя радиополукомпас, почти все экипажи смогли вернуться на свои аэродромы [49]. Потери корпуса И.С. Полбина составили четыре экипажа, два из которых считались не вернувшимися с боевого задания, а еще два стали жертвами зенитной артиллерии и атак истребителей.

Между тем перешедшие в наступление части 29-го и 18-го танковых корпусов попали под сосредоточенный огонь противотанковой обороны эсэсовского соединения. Согласно документам 29-го танкового корпуса, его боевые порядки уже в самом начале атаки были встречены огнем с места немецких танков, а также подверглись налетам групп немецких самолетов, идентифицированных как Ju 87 и Bf 110. По всей видимости, за «мессершмитты» танкисты приняли двухмоторные «хеншели».

В развернувшемся сражении немецкая авиация не смогла сыграть той роли, которая приходилась на ее долю прежде. За день экипажам 8-го авиакорпуса удалось совершить всего 654 самолето-вылета, против 759 дневных самолето-вылетов 2-й воздушной армии. При этом на долю двухмоторных бомбардировщиков и соединений «штурк» пришлось всего 13 и 150 самолето-вылетов соответственно. Как отмечает дневник боевых действий соединения генерала Зайдемана, причиной тому послужили плохие погодные условия. Основная нагрузка 12 июля выпала на долю пилотов штурмовой авиации, совершивших 248 самолето-вылетов. Характерно, что среди отчетов об успехах 8-го авиакорпуса 12 июля нет упоминания о сожженных или подбитых советских танках.

Неблагоприятные метеорологические условия в значительной степени сказались также и на действиях советских штурмовиков. Только около 10:00, по мере улучшения погоды, группы Ил-2 1-го шак и 291-й шад поднялись для выполнения боевых задач.

Наибольший размах носили действия экипажей 1-го шак, совершившего за день 243 самолето-вылета, из которых 142 приходились на долю 72 Ил-2. География действий корпуса была весьма широка. Сосредоточенные удары

штурмовиков пришлось, как и предписывал приказ командующего 2-й воздушной армией, по участку Лучки, Покровка, Яковлево, Красная Поляна, Большие и Малые Маячки. Лишь несколько групповых вылетов 292-й шад пришлось по району Веселый, где напряженные бои с частями дивизии «Мертвая голова» вели части 5-й гвардейской армии. В то же время экипажи 266-й шад оказали поддержку 2-му гвардейскому корпусу в районе Озеровский—Калинин. Кроме того, обе дивизии 1-го шак поддерживали части 69-й армии, атакуя части 3-го танкового корпуса в районе Мелехово и Шляхово. К сожалению, экипажи Ил-2 в ряде случаев не смогли разобратся в наземной обстановке, дважды за день атаковав район Шахово, занятый частями 69-й армии [50].

Как это часто бывало, экипажи корпуса не поскупились на победоносные донесения. Согласно оперсводкам 2-й воздушной армии, за день за экипажами 1-го шак числилось ни много ни мало 120 танков, 200 автомобилей. При потере 8 Ил-2 и 1 Як-1 в 7 воздушных боях было сбито два немецких истребителя.

Второе штурмовое соединение 2-й воздушной армии — 291-я шад совершила 124 самолето-вылета, из которых 78 пришлось на долю 30 исправных Ил-2. Несмотря на то что ряд ударов был нанесен на пересечении с зоной действий 1-го шак — Лучки, Большие Маячки, все же значительная часть вылетов пришлась западнее. Поддерживая наступление 10-го, 6-го и 5-го гвардейского танковых корпусов 1-й танковой армии, штурмовики дивизии полковника А.Н. Витрука атаковали цели в районе Сырцев, Дмитриевка, Верхопенье, а также бомбили лес южнее Красная Дуброва. За день, по данным штаба дивизии, удалось уничтожить и повредить 35 танков и 58 автомобилей при потере 5 Ил-2, три из которых были сбиты немецкими истребителями.

Наступление частей 1-й танковой армии оказалось куда эффективнее, чем действия 5-й гвардейской танковой армии. Сломив сопротивление частей дивизии «Великая Германия», подчиненные генерала М.Е. Катуква к исходу дня смогли продвинуться на 3—4 километра. Противник был выбит из района Чапаев, Завидовка, Раково—Березовка, а также частично Кочетовки. Вероятно, что массирование

действий авиации позволило бы добиться еще большего результата.

Потери в воздухе обеих противоборствующих сторон, как и накануне, были вполне сравнимы друг с другом — на 12 потерянных немецких самолетов приходилось 27 погибших советских машин. Наибольшие потери понес 5-й иак, лишившийся за день 9 самолетов, из которых 8 составляли «яки» 256-й иад. Среди немецких авиачастей наибольшие потери пришлось на противотанковые отряды Pz.Jg.St./JG51, 4 и 8.(Pz)/SchG1, недосчитавшиеся от зенитного огня за день 6 Hs 129B. Жертвами зенитной артиллерии, кроме того, числятся и 3 штурмовика FW 190F-3 из состава I и II/SchG1. Еще один «фокке-вульф» получил от огня с земли небольшие повреждения.

Итоги ожесточенного сражения 12 июля можно определить как патовую ситуацию. Несмотря на относительно небольшие потери в бронетехнике, добиться поставленных задач частям 4-й танковой армии и группы «Кемпф» не удалось. Лишь тактическим успехом можно считать некоторое расширение плацдарма силами дивизии «Мертвая голова» на правом берегу реки Псел. Овладение Прохоровкой и окружение частей 69-й армии в районе Шахово становилось делом далекого или, наоборот, близкого будущего.

В то же время в ходе развернувшегося ожесточенного сражения юго-западнее и южнее Прохоровки частям 2-го танкового корпуса удалось нанести тяжелые потери советским танковым соединениям и в первую очередь двум танковым корпусам 5-й гвардейской танковой армии, что окончательно свело на нет планы командования Воронежского фронта. Согласно исследованиям российских историков В.Н. Замулина и Л. Лопуховского, объединение генерала П.А. Ротмистрова потеряло в ходе прохоровского сражения до 350 танков и САУ безвозвратно (учитывая оставленные на поле боя подбитые машины). Общее же число потерянных и поврежденных танков, по некоторым оценкам, могло достигать до 500 машин [51].

Несмотря на крайнее ожесточение боев и несбывшиеся планы и надежды, прохоровское сражение тем не менее не может считаться центральным событием, произошедшим на советско-германском фронте 12 июля. На роль таково-

го по праву претендует развернувшееся наступление войск Брянского и левого крыла Западного фронтов в районе Орла. Стремительный прорыв частями 11-й гвардейской армии немецкой обороны около самого основания Орловской дуги, а также мощное наступление войск 3-й и 63-й армий Брянского фронта недвусмысленно указывали на планы советского командования по окружению значительной части сил 2-й танковой и 9-й армий восточнее Орла и в районе Болхова.

Советское наступление в районе Орловской дуги стало поводом для совещания о судьбе операции «Цитадель», прошедшего 13 июля в ставке Гитлера с участием командующих группами «Центр» и «Юг» фельдмаршалами Клюге и Манштейна. Картина противостояния на Восточном фронте и в Италии к середине июля складывалась явно не в пользу Германии и ее союзников. Предполагая скорый крах сопротивления на Сицилии, Гитлер заявил, что положение еще больше может осложниться, если англо-американские войска предпримут высадку в Италии или на Балканах. Для организации сопротивления на этих участках требовались резервы, источником которых мог стать лишь Восточный фронт. Столь же безнадежно прозвучал и доклад Клюге. 9-я армия Моделя не только завязла в советской обороне, понесла при этом чувствительные потери, но и была вынуждена начать срочную переброску танковых дивизий в район советских вклинений севернее и восточнее Орла.

Безрадостная картина, нарисованная фюрером и фельдмаршалом Клюге, резко контрастировала с оптимизмом Манштейна, который заявил, что русские части сильно потрепаны, многие из них разбиты и победа близка. По мнению командующего группой армий «Юг», части группы «Кемпф» следовало срочно усилить 24-м танковым корпусом, находившимся в резерве, что создало бы необходимые предпосылки для прорыва к Курску с юга и окружения значительной части войск Воронежского фронта.

Гитлер, не разделяя взглядов своего фельдмаршала, принял половинчатое решение. 24-й танковый корпус передавался в состав группы армий «Юг», но только для использования его против возможного советского наступления в Донбассе. Кроме того, было принято решение об усилении

6-го воздушного флота несколькими группами истребителей и штурмовиков из состава 8-го авиакорпуса. Отметим, что одной из первых на Орловскую дугу перебазировались «мессершмитты» группы III/JG52, где уже вечером 14 июля командиром группы Гюнтером Раллем (Rall Günther) был сбит советский истребитель. На следующий день покинули район Белгорода и истребители из состава III/JG3. Возглавляемые новым командиром Вальтером Далем (Dahl Walter), они начали совершать свои вылеты в полосе Юго-Западного фронта в районе Изюма.

Перед командованием группы армий «Юг» были поставлены задачи продолжения частных наступательных операций в полосе 4-й танковой армии и группы «Кемпф» в целях нанесения максимально возможного урона действовавшим здесь советским войскам. Этими операциями стала попытка окружения частей советского 48-го стрелкового корпуса, оказавшегося зажатым между двумя немецкими танковыми корпусами в районе Шахово, а также удар по частям 1-й танковой армии на участке Раково и Березовка, проведенные немецкими частями 14 июля.

13 июля обе противоборствующие стороны производили перегруппировку сил. Частям 2-го танкового корпуса СС удалось несколько оттеснить 18-й и 29-й танковые корпуса на рубеж 1 километр западнее Прохоровки—Лутово, высота 245,8. Однако основной центр боев сместился в район Ржавец, где части 3-го танкового корпуса предприняли несколько атак в северо-восточном направлении на Авдеевку и Выпозовку. Именно здесь были сосредоточены в течение дня усилия авиаторов 2-й воздушной армии, совершивших в течение дня символическое количество вылетов — 666. Основной целью ударов советских штурмовиков и бомбардировщиков стали скопления войск и техники противника между населенными пунктами Верхний Ольшанец и Шляхово.

Наведению на цель бомбардировщиков 1-го бак способствовали вылеты разведчиков из состава корпуса, которые не только должны были выявлять скопление немецких войск, но и также имели задачу следить за возможным отходом войск противника на Яковлево, Верховенье и Гостищево.

Основные действия 1-го бак, совершившего 13 июля 67 самолето-вылетов, пришлись на утро, когда в течение

двух часов, с 5:30 до 7:30, были нанесены бомбардировочные удары в районах Верхний Ольшанец, Шляхово и Мелехово. Во второй половине дня экипажи самолетов-«охотников» предприняли 13 вылетов в район Большие Маячки, Покровка, Лучки, Дальняя Игуменка, Верхний Ольшанец и Мелехово. В результате за день, по данным экипажей, было уничтожено 5 зданий, 11 танков и около 40 автомобилей. Потери корпуса составили 4 Пе-2, из которых два столкнулись в воздухе, а еще два были подбиты и совершили вынужденные посадки [52].

14 июля экипажи 2-й воздушной армии продолжали выполнение задачи, поставленной накануне перед ее командованием генералом Н. Ф. Ватутиным: *«Всеми силами авиации продолжать уничтожение группировки противника, наступающей из района Кураковка, Новослочное, Казачье»* [53]. С утра части 1-го бак, 1-го шак и 291-й шад подвергли сосредоточенным ударам войска противника в районах Казачье, Верхний Ольшанец, Ново-Оскочное, Шляхово и Мелехово. Группы 1-го бак общим количеством 99 Пе-2 совершили за день по вышеуказанным целям 155 самолето-вылетов, потеряв четыре свои машины. Кроме того, здесь же действовали и группы 17-й воздушной армии, совершившие 135 самолето-вылетов.

Удары авиаторов помогли частям 69-й армии и 5-го гвардейского механизированного корпуса в отражении атак 6-й танковой дивизии в северо-восточном направлении на Авдеевку. Впрочем, как вскоре оказалось, наибольшую угрозу представляло собой наступление, развернутое западнее, где навстречу друг другу продвигались части 7-й, 19-й танковых дивизий группы «Кемпф» и дивизии СС «Рейх» 4-й танковой армии с целью окружения обороняющихся в районе Шахово частей четырех стрелковых дивизий 48-го стрелкового корпуса. Одновременно части дивизии «Великая Германия» на левом крыле вклинения предприняли наступление против частей 10-го и 5-го гвардейских танковых корпусов, продвигнувшись за день всего на 1,5—2 километра.

Наземное наступление 14 июля практически на всех участках фронта получило массированную поддержку авиации 8-го авиакорпуса, экипажи которой впервые с 11 июля с лихвой перекрыли отметку в 1000 самолето-вылетов, 1452

раза подняв свои машины в воздух. При этом 510, 486 и 135 самолето-вылетов приходилось соответственно на соединения «штурк», двухмоторных бомбардировщиков и штурмовиков. На это авиаторы 2-й воздушной армии смогли ответить 863 вылетами.

Отметим, что если группы Ju 87 эскадр StG2 и StG77 одновременно поддерживали наступление как в районе Шахово, так и на участке Раково—Березовка, то соединения двухмоторных бомбардировщиков лишь до обеда содействовали 48-му танковому корпусу и только во второй половине дня переключились на действия по району Шахово.

Активизация действий немецкой авиации весьма заметно отразилась на воздушной обстановке. Количество зарегистрированных воздушных боев 14 июля, по данным штаба 2-й воздушной армии, выросло до 44, что почти в два раза превосходило показатели 12 и 13 июля. Важно отметить, что значительное число воздушных боев пришлось 14 июля на долю экипажей штурмовой авиации. Например, летчики 291-й шад 11 раз вступали в воздушное противоборство с противником, тогда как экипажи 4-го иак всего 9. Еще 7 воздушных боев приходилось на долю 1-го шак. Наибольшую же активность в воздушных боях проявили экипажи 5-го иак, которые в 17 воздушных боях сбили 48 самолетов противника, причем 42 из них пришлось на долю пилотов 256-й иад. Особенно много заявок поступило на уничтожение одномоторных Ju 87 и Bf 109. Штаб 256-й иад отметил уничтожение по 17 машин каждого из этих типов!

Согласно немецким данным, из 21 потерянной машины пришлось списать 12 (4 Ju 87, 1 Ju 88, 1 He 111, 1 Hs 129, 1 FW 190 и 4 Bf 109). Среди не вернувшихся экипажей пикирующих бомбардировщиков было два командира отрядов. От взрыва в воздухе погиб командир 5./StG2, кавалер Рыцарского креста Гюнтер Шмид (Schmid Günther), имевший на своем счету около 700 боевых вылетов. Еще одной жертвой, на сей раз зенитного огня, стал «штаффельфюрер» отряда 8./StG77, гауптман Ганс Вернер (Werner Hans), не отмеченный столь высокими наградами, как его товарищ по несчастью из эскадры «Иммельман». Однако самой чувствительной потерей, понесенной 8-м авиакорпусом 14 июля, стал командир III/JG3 майор Вольфганг Эвальд (Ewald Wolfgang).

Его Bf 109G-6, по немецким данным, стал жертвой зениток. Ас, имевший на своем боевом счете 78 побед, смог покинуть свою обреченную машину на парашюте в 20 километрах северо-восточнее Белгорода, однако приземлился на территории, контролируемой советскими войсками, и был пленен.

Судя по протоколу допроса, немецкий «эксперт» не особенно упорствовал в ответах на задаваемые ему вопросы. Сообщив основные этапы своей биографии, Эвальд подчеркнул, что его группа все время наступления в районе Белгорода действовала с большим напряжением, совершая не менее 3—4 вылетов на одного пилота. На счету военнопленного было 200 вылетов на Восточном фронте (из 350 всего) и 76 сбитых советских самолетов. За время битвы под Курском (по всей видимости, 5—14 июля. — Прим. авт.) III/JG3 потеряла 12 самолетов, из которых 8 было сбито и 4 повреждено. Интересно отметить, что эти данные практически полностью совпадают с данными генерал-квартирмейстера. По показаниям пленного, 12 июля 12 экипажей были отправлены за новой матчастью. Достаточно откровенно высказался Эвальд и о недостатках в подготовке советских авиаторов: *«По моему мнению, недостатков очень много, но основным недостатком я считаю плохую подготовку летного состава советской авиации, в силу чего летчики применяют неправильные методы ведения воздушного боя, что дает возможность немецким летчикам выходить победителями»* [54].

Похожие оценки действиям своих советских оппонентов на допросах давали многие немецкие пилоты, попавшие в плен. Так, сбитый в один день с Эвальдом технический офицер, обер-лейтенант Рудольф Маргграф (Marggraf Rudolf) из 4./KG27, на допросе отметил, что за девять дней боев потери его группы II/KG 27 составили 11 самолетов, из которых 5 были повреждены. Из этого числа, по мнению пленного, только один самолет был сбит истребителями и еще два подбиты. Говоря об эффективности истребителей и зенитной артиллерии, военнопленный подчеркнул: *«Русскую артиллерию не только я, но и другие офицеры оценивают высоко. Офицеры говорят, что русская авиация по сравнению с 1942 годом значительно улучшилась, и особенно высоко отзываются о самолетах ЛаГГ-5. За все время боевых вылетов мне приходилось встречаться в воздухе несколько раз с русской авиацией, но в*

связи с тем, что самолеты Хе-111 имеют сильное вооружение, летают, как правило, девятками, русские отваливают и не принимают боя» [55].

Справедливости ради отметим, что некоторые советские архивные документы содержат весьма нелицеприятные отзывы о действиях истребителей их непосредственных начальников. Подобный случай был отмечен, в частности, командиром 8-й гв. иад полковником И.П. Ларюшкиным, ставшим на исходе дня 14 июля свидетелем воздушного боя, в котором два ведущих пилота одного из гвардейских полков заявили об уничтожении двух «мессершмиттов». Разгневанный комдив отметил в своем приказе: *«Этот бой я наблюдал лично сам, и никто из группы никаких самолетов противника не сбивал»* [56]. Только высокое звание Героя, присвоенное незадолго до этого одному из пилотов, позволило обоим авиаторам избежать наказания. Интересно, что оба сбитых Вф 109 присутствуют в оперсводках дивизии, причем особо отмечено, что пилот одного из сбитых «сто девярых» спасся на парашюте.

Вернемся к рассмотрению наземной обстановки, сложившейся в ходе 14 июля. Тяжелые бои 2-го гвардейского танкового корпуса с частями наступавшей дивизии СС «Рейх» продолжались в течение целого дня. Только к полудню эсэсовцам удалось овладеть Беленихино, а уже ближе к концу — Ивановкой, завязав бои за расположенное восточнее Жимолостное. Танковые бригады 2-го гвардейского танкового корпуса, несмотря на непрерывающиеся атаки и налеты авиации, тем не менее смогли задержать продвижение противника, создав необходимые условия для вывода из намечавшегося «котла» частей 48-го стрелкового корпуса. Штаб соединения по опыту боев особенно отметил высокую степень взаимодействия между разведывательной и бомбардировочной авиацией противника. Строки доклада корпуса свидетельствуют: *«Корректировочная авиация, производя разведку, немедленно сообщает бомбардировщикам и артиллерии о результатах разведки, после чего боевые порядки, огневые точки подвергаются артиллерийско-минометным налетам и бомбежке авиацией противника»* [57].

К утру 15 июля противнику удалось занять населенные пункты Виноградовка, Лески и Шахово, фактически сомк-

нув «клеши» за спиной советских войск. Однако благодаря принятому еще ночью решению командира 48-го стрелкового корпуса о выходе из окружения основная часть войск соединения в составе четырех дивизий смогла выйти на рубеж Правороть, Жимолостное, Новоселовка, Гнездиловка. В прошедших боях корпус тем не менее понес чувствительные потери.

Действия авиации 15 июля вновь были сильно ограничены неблагоприятной погодой. Так, если части 8-го авиакорпуса произвели за день всего 706 вылетов, то для 2-й воздушной армии этот показатель составил 328 дневных вылетов, т.е. менее половины от активности противника. В частности, были отменены все вылеты 1-го бак, который должен был оказать массированную поддержку обороняющимся частям 1-й танковой армии в районе Новоселовка—Чапаев. В то же время действия штурмовой авиации 15 июля составили во все незначительную величину — соединения А.Г. Рязанова и А.Н. Витрука выполнили всего 122 самолето-вылета.

Активность ударной авиации 8-го авиакорпуса была значительно выше, составив 541 самолето-вылет. Основные усилия экипажей бомбардировщиков и штурмовиков, согласно дневнику боевых действий, были сосредоточены перед фронтом 3-го и 2-го танковых корпусов, продолжавших наносить удары по боевым порядкам вышедшего из окружения 48-го стрелкового корпуса. Документы 4-го иак отмечают массированные действия соединений бомбардировщиков Ju 87, Ju 88 и He 111, которые подвергли почти четырехчасовой бомбежке позиции частей 69-й армии, совершив за это время, по оценкам советских наблюдателей, до 400 самолето-вылетов. В 16:03 50 Ju 87 и Ju 88 с высоты 1600—1800 метров бомбили с пикирования передний край советской обороны в районе Ямки и артиллерийские позиции в районе Правороть—Жимолостная. В этот же период здесь отбомбилось и около 40 He 111, действовавших под прикрытием 12 истребителей. В 16:16.50 He 111 в колонне звеньев с разных направлений с высот 1000 и 2000 метров тремя заходами бомбили район Ямки, Прохоровка. В 16:20 их сменили 50 Ju 88, которые, пикируя с 1500 метров по 200 метров, двумя заходами вновь подавляли артиллерию в районе Ямки и

Правороть. Через пять минут 28 Ju 87, шедшие без прикрытия, с индивидуальным прицеливанием, обрушили свой груз на район Правороть. Как отмечают советские документы, бомбежка силами 10—20 самолетов продолжалась до 20:00 с интервалом 10—15 минут [58].

Кроме ударов в полосе 4-й танковой армии и группы генерала Кемпфа, 8-й авиакорпус 15 июля силами одной бомбардировочной группы и двух групп пикирующих бомбардировщиков совершил налеты по железнодорожным станциям и населенным пунктам в районе Изюма. Как отмечал в своих мемуарах Манштейн: *«Мы просили 4 воздушный флот, который не смог в эти дни действовать в районе «Цитадель» в связи с плохими условиями погоды, перенести свои действия в район фронта на Миусе и Донце, чтобы он мог сорвать замеченные там приготовления противника к наступлению. К сожалению, из этих планов ничего не получилось»* [59]

Обстановка, сложившаяся к 17 июля, внушала немецким генералам мало оптимизма. В районе Орловской дуги два советских танковых корпуса неожиданно вышли в район Хотынец, грозя перерезать стратегически важную дорогу Орел—Брянск. К новому крупному наступлению вели подготовку восточнее Орла части Брянского фронта. Кроме того, 17 июля началось наступление советских войск на Миус-фронте и в Донбассе. В одночасье вынашиваемые командованием группы армий «Юг» планы о нанесении потерь войскам Воронежского фронта были преданы забвению. Еще не начавший трещать по швам Восточный фронт тем не менее уже все настойчивее начинал требовать одного — резервов, резервов и еще раз резервов. Одним из их источников без сомнения могла стать столь тщательно созданная ударная группировка 4-й танковой армии, дальнейшее наступление которой потеряло всякий смысл. Однако, прежде чем производить переброску танковых и моторизованных дивизий на другие участки фронта, командованию группы армий «Юг» требовалось с наименьшими потерями эвакуировать свои войска из образовавшегося плацдарма севернее Белгорода. О завершающих боях над южным фасом Курской дуги наша следующая глава.

3.4. ФИНАЛ (16—23 июля)

Последним днем немецкого наступления в районе Белгорода можно считать 16 июля. Части 4-й танковой армии и группы «Кемпф» в этот день не проявляли особой активности, участвуя в боях местного значения. Активность авиации 8-го авиакорпуса, часть бомбардировочной авиации которого начала перебазирование на аэродромы Донбасса, упала как никогда — за день было зафиксировано всего 499 самолето-вылетов. Дневник боевых действий 8-го авиакорпуса отмечает, что лишь в утренние и вечерние часы были предприняты вылеты групп двухмоторных бомбардировщиков, тогда как истребители были преимущественно заняты «свободной охотой», записав на свой боевой счет 24 победы.

Действия бомбардировщиков и штурмовиков 2-й воздушной армии были направлены по боевым порядкам немецких войск в районах Беленихино, Лески, Шахово, Озеровский. Несмотря на плохую погоду, частями 1-го бак за 16 июля было выполнено 169 самолето-вылетов. Кроме целей в полосе 69-й армии, по которым также работала штурмовая авиация, несколько групповых вылетов 1-го бак было предпринято на поддержку правофланговых частей 1-й танковой армии. Еще накануне командир корпуса в своем боевом распоряжении на 16 июля отмечал: *«Противник готовится к атаке наших войск и сосредотачивается в оврагах северо-восточнее Чапаев до 75 танков и находится в движении по оврагам от Чапаева на Красный Узлив до 125 танков. Задача 1 бак бомбовым ударом сорвать выдвижение танков противника к переднему краю обороны наших войск»* [60]. Эту боевую задачу на следующий день выполнили две группы 1-й гв. и 293-й бад, действовавших в составе двух групп по 18 самолетов.

Несмотря на то что активность немецких войск на земле явно шла на спад, 16 июля стало для экипажей 1-го бак одним из наиболее сложных дней за все время оборонительной операции. Согласно оперсводкам 2-й воздушной армии, на свои аэродромы не вернулось 11 бомбардировщиков, три из которых были сбиты истребителями, один — зенитной артиллерией, четыре не вернулись с боевого задания. Кроме того, один самолет совершил вынужденную посадку, а еще два погибли в катастрофах. Штаб 2-й воздушной армии осо-

бо отметил катастрофу Пе-2 1-й гв. бад, экипаж которого аварийно освободился от бомб на малой высоте и был сбит осколками взрывов. Летчик и штурман остались живы, тогда как воздушный стрелок погиб [61].

Высокую активность проявили в борьбе с советскими бомбардировщиками немецкие истребители. По свидетельству авиаторов 1-го бак, «мессершмитты» появлялись над прикрываемыми районами в составе групп из 10—15 машин, настойчиво преследуя советских бомбардировщиков вплоть до своей территории. Отметим, что за день истребителями I/JG52 было сбито 3 Пе-2. Еще одна «пешка» числилась на боевом счету группы II/JG3. Согласно данным штаба 1-го бак, все сбитые самолеты, кроме потерпевших катастрофы, принадлежали 293-й бад. Одной из причин тяжелых потерь штаб корпуса указал боязнь истребителей сопровождения из 193-го иап огня зенитной артиллерии. Не редкими были случаи, когда в районе цели, и особенно на отходе от нее, сильно растянувшиеся бомбардировщики оставались без прикрытия, становясь легкой добычей истребителей противника. Отмечали экипажи «пешек» и мощный огонь зенитной артиллерии из районов Озеровский, Беленихино, Ивановка, Ясная Поляна, в каждом из которых, по оценкам авиаторов, сосредотачивалось минимум по три зенитные батареи.

Несмотря на неблагоприятные погодные условия, летчики 1-го бак проявляли настойчивость в выполнении боевой задачи. Командование корпуса особенно отметило действия группы Пе-2 81-го гв. бап, которая, совершая уже третий вылет за день, около 19:00 встретила облачность 10 баллов с дождем на 700—800 метрах. Тем не менее ведущий группы капитан Коняев проявил упорство, выполнил боевую задачу, вернувшись во главе всей группы на свой аэродром.

Общие потери 2-й воздушной армии 16 июля составили 29 самолетов, из которых 20 были сбиты в воздушных боях или не вернулись на свои аэродромы, 3 стали жертвами зениток, а еще 5 находились на местах вынужденных посадок. Кроме того, как мы уже указывали, 2 Пе-2 погибли в катастрофах. По данным штаба армии, за день было проведено 16 воздушных боев, в которых удалось сбить 52 немецких самолета. Большинство из заявленных побед составляли самолеты Bf 109 и Ju 87, которых посчитали уничтоженными

26 и 17 штук соответственно. Не стоит говорить, что согласно немецким документам, потери были на порядок меньше.

Одной из интересных особенностей 16 июля стала заявка на уничтожение в одном бою 5 бипланов, идентифицированных советскими летчиками как «Фиат». Возможно, что за итальянский истребитель были приняты штурмовики Hs 123, все еще состоявшие на вооружении отряда 7./SchG1. Немецкие источники подтверждают потерю лишь двух самолетов этого типа. Однако относятся они лишь к 5 и 6 июля. Возможно, что сбитые самолеты принадлежали одной из венгерских авиачастей, действовавших из района Харькова.

Как мы уже отмечали, обстановка, сложившаяся для немецкого командования к 17 июля, требовала срочной эвакуации войск 4-й танковой армии из района севернее Белгорода. Согласно приказу Гитлера дивизии 2-го танкового корпуса было решено использовать в Италии. Однако на Апеннины в итоге отправилась лишь дивизия «Адольф Гитлер», оставившая свое вооружение на Восточном фронте, тогда как оставшиеся дивизии «Мертвая голова» и «Рейх» были использованы для ликвидации советских вклинений на Миус-фронте. Еще одним мощным соединением, которое Верховное командование «отобрало» у группы армий «Юг», стала моторизованная дивизия «Великая Германия», срочно переброшенная 18—20 июля на Орловскую дугу.

Обвальным характер приняла с 16—17 июля переброска основных сил 8-го авиакорпуса в полосу действий 1-й танковой и 6-й армий в районе Изюма и на Миус-фронте. Мы уже отмечали, что в период 14—15 июля в район Изюма и Орла перелетели группы истребителей из состава III/JG3 и III/JG52. 18 июля в полосу наступления Юго-Западного фронта были переброшены II/SchG1, II/JG3, а истребители из состава I/JG52 были задействованы в противодействии налетам 8-й воздушной армии Южного фронта. Практически не оставалось в рядах 8-го авиакорпуса и его основной ударной силы — соединений бомбардировщиков Ju 87. Две группы эскадры «Иммельман» — I и III/StG2 16—17 июля перебазировались на аэродромы 6-го воздушного флота. К этому времени здесь уже находились Hs 129 из состава противотанковых отрядов 4. и 8.(Pz)/SchG1, 4.(Pz)/SchG2 и Pz.Jg.St./JG51. Кроме того, все три группы StG77 перелетели

на аэродромы Краматорская и Барвенково, содействуя отражению советского наступления на Сталино. Здесь же были сосредоточены и группы двухмоторных бомбардировщиков из состава эскадр KG3, KG27, KG55 и KG100.

В ночь на 17 июля воздушной, а вслед за ней и наземной разведкой был установлен отход частей противника в общем направлении на Томаровку и Белгород. Командование Воронежского фронта не сразу приняло решение о преследовании отступающих колонн противника. Понесшим в предыдущие дни тяжелые потери войскам требовалось время для приведения себя в порядок, а также ремонта материальной части. В период 17—19 июля преследование медленно отходящего противника велось лишь сильными передовыми отрядами.

Отметим, что в соответствии с директивой Ставки с 18 июля серьезно изменялся состав сил в полосе между левым крылом Воронежского фронта и соседним Юго-Западным фронтом. Теперь участок фронта от Лучки до Харькова занимали войска Степного фронта генерал-полковника И.С. Конева, к 53-й армии которого добавились левофланговые 7-я гвардейская и 69-я армии Воронежского фронта. Авиационная группировка Красной Армии севернее Белгорода также получила серьезное усиление — в действие вступила 5-я воздушная армия Степного фронта генерал-лейтенанта С.К. Горюнова. Ввод в сражение нового объединения был связан с весьма значительным переподчинением авиационных частей, подробно которое мы рассмотрим в главе, посвященной операции «Полководец Румянец».

Последние дни оборонительной операции войск Воронежского фронта ознаменовались полным господством в небе советской авиации. Это хорошо видно по количеству вылетов 8-го авиакорпуса, стремительно уменьшавшихся день ото дня. Так, если 17 июля дневник боевых действий генерала Зайдемана отметил 138 самолето-вылетов, то уже 18 июля это число составило всего 79 вылетов, из которых 39 совершили экипажи разведчиков, а 40 — истребители. В последующие дни активность 8-го авиакорпуса несколько повысилась, но до 24 июля никогда не превышала отметки в 100 самолето-вылетов.

Советские документы отмечали в эти дни лишь агрессивные действия немецких истребителей, которые, используя тактику внезапных ударов, пытались атаковать группы штурмовиков, а также одиночные разведчики. Особенно тяжелый бой пришлось выдержать 17 июля экипажу разведчика Пе-2 из 82-го гв. бап младшего лейтенанта Б.В. Панина (Герой Советского Союза с 2.9.43), который подвергся атаке четырех немецких истребителей, идентифицированных как FW 190. Наведение на разведчик выполнили расчеты зенитной артиллерии. После 3—4 разрывов зенитных снарядов, выпущенных в сторону Пе-2, четверка истребителей заметила советский самолет и перешла в атаку. В ожесточенном бою отважным экипажем огнем пулеметов и воздушными гранатами АГ-2 было отбито 12 атак. Посчитав один «фокке-вульф» сбитым, экипаж Б.В. Панина смог благополучно вернуться на свой аэродром.

Весьма активизировались во второй половине июля и действия ночной легкобомбардировочной авиации, которая была представлена в составе 2-й воздушной армии 208-й нбад. Боевая работа этого соединения на протяжении всей оборонительной операции была сильно ограничена недостатком материальной части. Так, к 5 июля в составе трех бомбардировочных полков дивизии насчитывалось всего 29 У-2 и 9 Р-5. Кроме того, еще 5 «ветеранов» СБ числилось в составе 331-й ночной авиаэскадрильи. Объектов для ударов ночников, как показывали данные разведки, было предостаточно. Так, только в ночь на 20 июля по дороге от Стрелецкого на Томаровку, Борисовку и Грайворон было отмечено в движении около 150 крытых машин. В то же время в направлении от Микояновки на Харьков было обнаружено еще три автоколонны по 50 машин в каждой.

Надо сказать, что на протяжении всей операции боевая работа 208-й нбад протекала вначале в условиях слабого противодействия ПВО противника. Несмотря на применение большого числа прожекторов, по донесениям экипажей огонь мелкокалиберной зенитной артиллерии велся не прицельно, в основном по звуку мотора. В сложившихся условиях куда большую угрозу представляли собой свои бомбардировщики из состава АДД. Так, по итогам боевой работы 16 июля штаб 208-й нбад резюмировал: *«Несогласованность маршрутов и*

высот с авиацией ДД затрудняла деятельность экипажей дивизии и создавала угрозу столкновения в воздухе» [62].

Впрочем, уже на следующий день боевые донесения дивизии отметили усиление деятельности вражеской ПВО. По результатам боевой работы в ночь на 18 июля *«вследствие сильного обстрела ЗА и ЗП приходилось менять маршруты, что увеличивало расстояние до цели»*. Экипажи дивизии особо подчеркивали, что эффективности огня зенитной артиллерии во многом способствовала *«хорошая проекция силуэта самолета на фоне тонкой облачности»* [63].

Растянувшиеся на многие километры немецкие автоколонны были весьма заманчивой целью для советского командования, которое сосредоточило на их уничтожении значительные силы штурмовой авиации. Особенно эффективными стали удары 19 июля групп по 4—6 Ил-2 291-й шад, которые под прикрытием истребителей 737-го иап в течение дня уничтожали сплошную колонну крытых автомобилей, двигавшуюся по дороге Дуброва—Бутово—Томаровка и обнаруженную разведчиками 737-го иап.

В момент обнаружения голова колонны находилась в Ямное, а хвост — в районе высоты 241. Первый удар экипажи штурмовиков нанесли по голове и хвосту колонны, работая далее по всей ее длине. При этом особое внимание уделялось скоплениям горящей и поврежденной вражеской техники, которые создавали пробки, мешающие движению остального транспорта. Авиаторы 291-й шад наблюдали, как некоторые машины пытались уходить по обочинам и проселочным дорогам. В итоге налетов штурмовиков, продолжавшихся до наступления темноты, движение по дороге осуществлялось на ряде участков в 5 рядов автомобилей. В результате 45 самолето-вылетов, совершенных авиаторами 291-й шад, было уничтожено около 100 автомобилей. Противодействие зенитной артиллерии было слабое. Были подбиты и совершили вынужденные посадки на своей территории 2 Ил-2 и 1 Як-1.

По мере выхода на рубеж, разделявший советские и немецкие войска 5 июля, сопротивление частей 4-й танковой армии и группы Кемпфа значительно возросло. Продвижение войск Воронежского и Степного фронтов все больше тормозилось в боях местного значения, стоивших в первую очередь стрелковым частям тяжелых потерь. Так, согласно

данным российского историка Л. Лопуховского, только в период с 20 по 30 июля Степной и Воронежский фронты потеряли свыше 50 тысяч человек [64].

Нам осталось подвести итоги оборонительного сражения для авиации обеих противоборствующих сторон. Относительные потери 2-й воздушной армии оказались несколько меньше, чем потери 16-й воздушной армии Центрального фронта. Согласно отчету штаба армии, за период с 5 по 18 июля был безвозвратно потерян 371 самолет. В то же время за весь июль боевые потери объединения генерала С.А. Красовского с учетом влившихся в состав армии 18 июля 10-го и 5-го шак составили 437, и еще 43 самолета числятся в списках объединения как не боевые потери [65].

Согласно докладу старшего офицера Генштаба при Воронежском фронте полковника М.Н. Костина, потери 2-й воздушной армии составили практически такое же количество, которое приводит штаб объединения, — 372 самолета. При этом, согласно прилагаемой к докладу таблице, общие потери составили 587 самолетов, однако 215 из этого количества были найдены на своей территории и отправлены в ремонт [66].

Несколько сложнее оценить потери действовавших в полосе 7-й гвардейской армии частей 17-й воздушной армии. Согласно оперсводкам объединения генерала С.А. Судца, за период с 5 по 16 июля было потеряно 178 самолетов. Сложность оценки этой цифры заключается в том, что часть из потерянных самолетов пришлась на участки Юго-Западного фронта, соединения которого не участвовали в Курской оборонительной операции. Кроме того, документы 17-й воздушной армии не дают ответа на вопрос, какая часть из потерянных самолетов была эвакуирована с мест вынужденных посадок и в последующем восстановлена. Отметим лишь, что, по данным штаба объединения, за весь июль боевые потери составили 244 самолета, тогда как еще 16 машин были разбиты в катастрофах и авариях. Таким образом, можно утверждать, что в боях на южном фланге Курской дуги частями 2-й и 17-й воздушных армий за период оборонительной операции было потеряно не более 515 самолетов. Отметим, что за период с 5 по 23 июля дневник боевых действий 8-го авиакорпуса сообщает об уничтожении свыше 650 советских самолетов.

Потери частей 8-го авиакорпуса, как мы неоднократно отмечали раньше, весьма сильно расходятся с данными генерал-квартирмейстера. Действительно, учет немецких потерь за период с 4 по 23 июля дает цифру в 111 потерянных самолетов. В то же время анализ данных генерал-квартирмейстера позволяет предположить, что за тот же период потери 8-го авиакорпуса составили около 260 самолетов, из которых приблизительно 170 было списано по всем причинам, включая аварии и катастрофы. Отметим, что эта цифра носит расчетный характер. В то же время, по данным штаба 2-й воздушной армии, за июль было произведено 745 воздушных боев, в которых было сбито 977 немецких самолетов, включая 35 машин, уничтоженных на аэродромах.

Обратимся снова к уже упоминавшемуся нами докладу полковника М. Н. Костина. Согласно данным, предоставленным ему штабом 2-й воздушной армии, за операции в ходе 589 воздушных боев было сбито 811 самолетов противника. Эти данные вызвали недоверие офицера Генштаба, который счел уместным заметить: *«По всей вероятности, данные о 811 сбитых самолетах противника преувеличены, т.к. сведения получались по докладам летчиков, не контролировались ни командирами соединений и частей, ни штабами»* [67].

Было отмечено, что за все время операции перед истребительной авиацией ставились в основном оборонительные задачи, по прикрытию определенных районов, сопровождению ударной авиации. В то же время активных задач по поиску и уничтожению вражеской авиации наши истребители не получили, что во многом и предопределило тот факт, что господство в воздухе до конца оборонительного сражения завоевано не было. Существенным недостатком явилось слабое руководство и контроль боевой работы соединений истребителей со стороны их командиров. В отношении этой проблемы командование 2-й воздушной армии пришло к следующим выводам: *«Практика боевой работы показала — только при наличии на рации наведения командира дивизии или корпуса работа истребителей дает эффективность. Без управления воздушным боем с рации наведения в большинстве случаев даже крупные группы прикрытия своих задач не выполняют. Истребители противника уведут их с поля боя для того,*

чтобы его бомбардировщики свободно могли бомбить наши наземные боевые порядки» [68].

Положительной оценки удостоились действия штурмовой авиации. В течение всей операции три штурмовые дивизии произвели 2644 самолето-вылета. Наибольшее напряжение за операцию выпало на долю экипажей 291-й шад, каждый исправный самолет из состава которой совершил за 14 дней 31 вылет, что составляет 1,8 вылета на самолет. Эффективность ударов дивизии полковника А.Н. Витрука была также выше, чем у других соединений. По мнению командования армии, этого удалось достичь в первую очередь из-за лучшей организации боевой работы и более тщательной подготовки к боевым вылетам, а также хорошей выучки личного состава. В то же время нельзя не отметить, что дивизия, имевшая к началу операции 100 Ил-2, за месяц лишилась в боях и в авариях 97 штурмовиков! Еще 57 «илов» были сданы в ремонт. За тот же период в 291-ю шад поступил на пополнение 91 самолет.

Наибольший просчет командования 2-й воздушной армии заключался в решении на второй день боев бросить всю истребительную авиацию на прикрытие наземных войск, оставив «без работы» единственное бомбардировочное соединение фронта и тем самым еще больше усугубив и без того очевидное преимущество противника в весе бомбового запаса. Сравнения ради укажем, что шести бомбардировочным полкам 2-й воздушной армии в сражении севернее Белгорода командование 8-го авиакорпуса противопоставило восемь групп двухмоторных бомбардировщиков Ju 88 и He 111, обладавших значительно большей грузоподъемностью, чем советские Пе-2 и Ил-2. Согласно отчету 2-й воздушной армии, *«неполное использование ударной авиации в данной операции привело к тому, что боевой груз сброшенных бомб у нас был значительно ниже, чем у противника. Если наши ВВС сбросили 1244 тонны бомб, в том числе около 900 000 штук ПТАБ, то противник за этот же период по приблизительным подсчетам сбросил около 7000 тонн бомб» [69].*

Безусловно, переброска в состав 2-й воздушной армии хотя бы еще одного соединения, подобного 6-му сак, включавшего в себя бомбардировочную и истребительную дивизии, во многом повысила бы ударную мощь объединения С.А. Красовского. Однако, к сожалению, этого сделано не

было. Советские авиационные командиры постарались за короткий срок, отпущенный им на подготовку к наступлению в районе Белгорода и Харькова, учесть и исправить выявленные промахи и недостатки. И действительно, уже в ходе операции «Полководец Румянцев» действия ударной авиации носили более целенаправленный и сосредоточенный характер. Однако хронологически будет более правильным рассмотреть вначале боевые действия советской и немецкой авиации в ходе сражения на Орловской дуге, чему посвящена следующая часть нашей книги.

Ссылки к части 3

1. ЦАМО РФ. Ф. 8-й гв. иад. Оп. 1. Д. 7. Л. 143.
2. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 246.
3. Красовский С.А. Жизнь в авиации. Москва, 1968. С. 197.
4. ЦАМО РФ. Ф. 3-го гв. иак. Оп. 1. Д. 12. Л. 98.
5. Хазанов Д.Б., Горбач В.Г. Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Москва, 2004. С. 101.
6. Ньютон С. Курская битва. Немецкий взгляд. Москва, 2006. С. 246.
7. ЦАМО РФ. Ф. 166-го гв. шап. Оп. 213814. Д. 1. Л. 114.
8. ЦАМО РФ. Ф. 10-й гв. шад. Оп. 1. Д. 13. Л. 180—181.
9. ЦАМО РФ. Ф. 9-й гв. шад. Оп. 1. Д. 15. Л. 99.
10. ЦАМО РФ. Ф. 295-й иад. Оп. 1. Д. 17. Л. 249, 280, 291.
11. ЦАМО РФ. Ф. 305-й шад. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.
12. ЦАМО РФ. Ф. 305-й шад. Оп. 1. Д. 7. Л. 48.
13. ЦАМО РФ. Ф. 2-го гв. шак. Оп. 1. Д. 13. Л. 270.
14. ЦАМО РФ. Ф. 370. Оп. 6518. Д. 174. Л. 7.
15. Действия авиации в Белгородской оборонительной операции. Москва, 1954. С. 25.
16. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 39. Л. 5.
17. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 381.
18. Лопуховский Л. Прохоровка без грифа секретности. Москва, 2005. С. 80.
19. Balke U. Kampfgeschwader 100 «Wiking». Stuttgart, 1981. S. 115.
20. ЦАМО РФ. Ф. 288-й иад. Оп. 1. Д. 29. Л. 89.
21. ЦАМО РФ. Ф. 8-й гв. иад. Оп. 1. Д. 6. Л. 50.
22. ЦАМО РФ. Ф. 10-й гв. шад. Оп. 1. Д. 13. Л. 180.
23. ЦАМО РФ. Ф. 1-й гв. бад. Оп. 1. Д. 5. Л. 73.
24. ЦАМО РФ. Ф. 1-й гв. бад. Оп. 1. Д. 33. Л. 120.
25. ЦАМО РФ. Ф. 288-й иад. Оп. 1. Д. 29. Л. 91.
26. ЦАМО РФ. Ф. 2-го гв. шак. Оп. 1. Д. 7. Л. 271; Ф. 306-й шад. Оп. 1. Д. 12. Л. 21—22.
27. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 39. Л. 5.
28. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 29. Л. 384; Ф. 370. Оп. 6518. Д. 174. Л. 7.
29. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 252.

30. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997.
С. 386.
31. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 48. Л. 7.
32. ЦАМО РФ. Ф. 5-й гв. шад. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.
33. ЦАМО РФ. Ф. 306-й шад. Оп. 1. Д. 14. Л. 22.
34. ЦАМО РФ. Ф. 306-й шад. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.
35. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4207. Д. 31. Л. 127.
36. ЦАМО РФ. Ф. 8-й гв. иад. Оп. 1. Д. 8. Л. 180.
37. Действия авиации в Белгородской оборонительной операции. Москва, 1945. С. 35.
38. Курская битва. Москва, 1946. С. 168.
39. ЦАМО РФ. Ф. 8-й гв. иад. Оп. 1. Д. 31. Л. 336.
40. Лопуховский Л. Прохоровка без грифа секретности. Москва, 2005.
С. 128.
41. ЦАМО РФ. Ф. 8-го гв. тк. Оп. 1. Д. 100. Л. 3.
42. ЦАМО РФ. Ф. 8-го гв. тк. Оп. 1. Д. 95. Л. 17.
43. ЦАМО РФ. Ф. 41-го гв. иап. Оп. 207611. Д. 1. Л. 46.
44. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 39. Л. 9.
45. ЦАМО РФ. Ф. 8-й гв. шад. Оп. 1. Д. 9. Л. 190; Ф. 9-й гв. шад. Оп. 1.
Д. 15. Л. 108.
46. ЦАМО РФ. Ф. 10-й гв. шад. Оп. 1. Д. 42. Л. 176.
47. Лопуховский Л. Прохоровка без грифа секретности. Москва, 2005.
С. 253.
48. ЦАМО РФ. Ф. 6-го гв. бак (1-го бак). Оп. 1. Д. 18. Л. 58.
49. Действия авиации в Белгородской оборонительной операции. Москва, 1945. С. 55.
50. ЦАМО РФ. Ф. 10-й гв. шад. Оп. 1. Д. 42. Л. 176.
51. Лопуховский Л. Прохоровка без грифа секретности. Москва, 2005.
С. 491.
52. ЦАМО РФ. Ф. 6-го гв. бак. Оп. 1. Д. 18. Л. 68—75.
53. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997.
С. 263.
54. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 48. Л. 1.
55. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 48. Л. 2.
56. ЦАМО РФ. Ф. 8-й гв. иад. Оп. 1. Д. 22. Л. 161.
57. ЦАМО РФ. Ф. 2-го гв. тк. Оп. 1. Д. 23. Л. 47.
58. ЦАМО РФ. Ф. 3-го гв. иак. Оп. 1. Д. 24. Л. 11.
59. Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск, 1999. С. 541.
60. ЦАМО РФ. Ф. 6-го гв. бак. Оп. 1. Д. 18. Л. 94.
61. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 29. Л. 429.
62. ЦАМО РФ. Ф. 208-й нбад. Оп. 1. Д. 15. Л. 133.
63. ЦАМО РФ. Ф. 208-й нбад. Оп. 1. Д. 15. Л. 136.
64. Лопуховский Л. Прохоровка без грифа секретности. Москва, 2005.
С. 458.
65. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 39. Л. 11—15.
66. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997.
С. 386.
67. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997.
С. 385.
68. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 39. Л. 14.
69. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 39. Л. 11.

СРАЖЕНИЕ НАД ОРЛОВСКОЙ ДУГОЙ

4.1. НАКАНУНЕ ПЕРЕЛОМА

(общая обстановка перед началом советского наступления, планы советского командования)

Предварительный выбор стратегии на летнюю кампанию 1943 года военным руководством СССР и Германии является тем вопросом, без минимального освещения которого не обходится практически ни одно из исторических исследований, посвященных битве под Курском. Принятие советской стороной решения о преднамеренной обороне, и соответственно, немецкой о проведении наступательной операции до сих пор вызывает у историков диаметрально противоположные оценки, от придания этому выбору решающего значения до уверенности, что судьбу сражения определили субъективные ошибки и фатальные недоразумения. Очевидно, что следование той или иной точке зрения в немалой степени определяется личными симпатиями авторов, зачастую способствуя формированию у читателей упрощенной картины общего хода событий. Между тем более взвешенный подход позволяет найти зерно истины где-то посередине, объединяя воедино разноречивые факты и суждения.

Операция «Цитадель» послужила своеобразным катализатором для постепенной активизации боевых действий на всем советско-германском фронте. Уже в середине июля советские войска начали две крупные операции — наступление в районе Орла и с рубежа рек Северский Донец и Миус. Во многом порожденные ходом сражений на северном и южном фасах Курской дуги, эти операции с самого начала стали оказывать самое непосредственное воздействие на ситуацию севернее Белгорода. Как мы видели в предыдущей главе, события в районе Орла уже 13 июля поставили под вопрос дальнейшее проведение «Цитадели», как раз в тот момент,

когда командование группы армий «Юг» настаивало перед ОКХ на передаче ему 24-го танкового корпуса для достижения, казалось бы, близкой и окончательной победы.

Возможно, что в случае удовлетворения просьбы Манштейна войска Гота и Кемпфа добились бы новых, вероятнее всего, тактических успехов, на фоне которых тем не менее неминуемо маячила на горизонте катастрофа в районе Орла, где две армии фельдмаршала Клюге оказались под ударами трех советских фронтов. Тяжелое положение 9-й и особенно 2-й танковой армий заставило немецкое командование не только в сжатые сроки произвести перегруппировку сил внутри Орловской дуги, бросив в бой практически все резервы группы армий «Центр», но и начать постепенную передачу из 4-го в 6-й воздушный флот значительной части штурмовой и бомбардировочной авиации. С началом второго советского наступления 17 июля на Миус-фронте перспективы продолжения наступления на Курск с юга стали и вовсе призрачными, приведя в конечном счете к постепенному отводу войск 4-й танковой армии на исходные позиции и переброске значительной части танковых и моторизованных дивизий на кризисные участки Восточного фронта.

Рассмотрим ситуацию, сложившуюся в районе Орловской дуги к началу советского наступления 12 июля. Напомним, что конфигурация линии фронта здесь представляла собой два взаимообразных, переходящих друг в друга выступа, практически симметричные друг другу «дуги», последовательно огибавшие Орел и Курск с севера на юг. Эта симметрия, столь характерная для Курской битвы, подталкивала обе противоборствующие стороны к принятию в чем-то похожих друг на друга решений. Ярko выраженный выступ в конфигурации линии фронта вызывал практически рефлекторное желание противоположной стороны срезать его под самое основание, окружив и уничтожив находящиеся здесь войска противника. Мимо такого «искушения» не прошло ни немецкое, ни советское командование. Для первого это вылилось в проведение наступления по плану «Цитадель», тогда как для второго послужило основанием для планирования операции «Кутузов».

Состав и расположение группировки немецких войск в районе Орловской дуги как нельзя лучше характеризовали

те усилия, которые были приложены командованием группы армий «Центр» для подготовки к операции «Цитадель». В то время как 9-я армия генерала Моделя сконцентрировала мощную группировку в составе 6 танковых, 1 моторизованной и 8 пехотных дивизий для наступления на 40-километровом участке фронта, 2-я танковая армия генерала Рудольфа Шмидта (Schmidt Rudolf) вынуждена была оборонять северный и восточный участки выступа в районе Орла силами всего 13 пехотных дивизий, растянувшихся почти на 260 километров. Положение еще больше осложнялось тем, что практически все маршевое пополнение, танки и артиллерия, прибывающие в группу армий «Центр» в мае—июне, направлялись в распоряжение генерала Моделя. В итоге к началу июля 2-я танковая армия едва ли могла оправдать свое грозное название, имея в резерве лишь одну-единственную танковую дивизию (5-ю тд) и всего несколько пехотных соединений.

Советский план по разгрому орловской группировки был выработан в Генеральном штабе еще в мае месяце. Отметим, что к лету 1943 года в Красной Армии была отработана схема подготовки крупных операций. Как правило, после обсуждения в Ставке координирующая и направляющая роль переходила к Генеральному штабу. Получив от него предварительный замысел операции и общие указания по организации наступления, командование фронтов разрабатывало собственные планы. В работе участвовали не только работники фронтовых штабов, но и командующие теми армиями, которым предстояло участвовать в операции.

К проведению наступления в районе Орловской дуги привлекались войска Брянского, Центрального фронтов, а также две армии левого крыла Западного фронта. Для «демонтажа» Орловского выступа советское командование предполагало нанесение нескольких мощных «дробящих» ударов по 2-й танковой армии в районе Болхова, Мценска, Новосиля, которые должны были привести к образованию «котлов» севернее и восточнее Орла.

Основную роль в предстоящем наступлении играл Брянский фронт генерал-полковника М.М. Попова. Его 3-я и 63-я армии (командующие генерал-лейтенанты А.В. Горбатов и В.Я. Колпакчи), расположенные с севера на юг вос-

точнее Орла, при содействии 1-го гвардейского танкового корпуса должны были перейти в наступление из района Новосиль, достигнув за четыре дня реки Ока. После этого части 3-й и 63-й армий, наступая навстречу друг другу вдоль Оки, завершали окружение значительной части войск противника восточнее Орла. Однако на этом их задачи не исчерпывались. В дальнейшем 63-я армия должна была, огибая Орел с юга, своим левым крылом выйти в район шоссе, идущего на Брянск, в то время как 3-я армия продолжала частью сил развивать свой удар на север, навстречу 61-й армии генерал-лейтенанта П.А. Белова.

61-я армия, усиленная 20-м танковым корпусом, имела задачу совместно с 11-й гвардейской армией Западного фронта (командующий генерал-лейтенант И.Х. Баграмян) окружить и уничтожить болховскую группировку противника. Наступая из района северо-восточнее Болхова, объединение генерала П.А. Белова должно было соединиться юго-западнее города с частями 11-й гвардейской армии, задачи которой в предстоящей операции были наиболее масштабными. Насчитывая в своем составе 12 стрелковых дивизий, 2 танковых корпуса, 4 танковые бригады и 2 танковых полка прорыва, 11-й гвардейская армия должна была развивать свое наступление из района юго-западнее Козельска. При этом ее части и соединения нацеливались не только на обход и окружение болховской группировки противника, но и на выход частью сил к шоссе Орел—Брянск в районе Хотынца, создавая тем самым угрозу окружения частей 2-й танковой армии западнее Орла.

Довершить разгром немецкой группировки, по замыслам советского командования, должен был Центральный фронт. Его три общевойсковые и одна танковая армии переходили в наступление с трехдневной задержкой, вызванной необходимостью приведения войск в порядок после оборонительного сражения. Войска генерала К.К. Рокоссовского нацеливались на выход в район Кромы юго-западнее Орла, а также на перехват шоссе Орел—Карачев, образуя тем самым с войсками 11-й гвардейской армии внешнее кольцо окружения орловской группировки противника.

Как видно, даже в общих чертах план наступления был весьма сложен и требовал четкого взаимодействия всех

фронтов и армий. Задержка в продвижении на одном из участков грозила тут же отразиться на ходе всей операции.

Отметим, что за почти два года оккупации немецкими войсками в районе Орловской дуги были возведены несколько хорошо оборудованных линий обороны, в полной мере использовавших преимущества рельефа местности. Узлы сопротивления и опорные пункты в большинстве своем располагались на высотах и были хорошо прикрыты артиллерийским и пулеметным огнем, а также инженерными сооружениями и минными полями. Значительное число оборонительных рубежей располагалось по берегам рек. Успешной обороне способствовало также наличие неплохих грунтовых дорог и относительно разветвленная железнодорожная сеть, позволявшая в пределах небольшого плацдарма оперативно производить перегруппировку сил. Еще одним «козырем» немецкого командования являлся орловский аэроузел, центральное расположение которого способствовало быстрому маневру силами и их сосредоточению на наиболее важных направлениях и участках фронта.

Последнее обстоятельство играло важную роль для командования 1-й авиадивизии и 6-го воздушного флота в свете значительного усиления советской авиационной группировки, пополнившейся с началом наступления 1-й и 15-й воздушными армиями Западного и Брянского фронтов. Эти авиационные объединения насчитывали в своем боевом составе на 11 июля 1322 и 995 боевых самолетов соответственно. Общее же количество самолетов, которое могло быть задействовано на орловском направлении советской стороной, включая 300 бомбардировщиков АДД, доходило до 3300 боевых машин. В то же время части 1-й авиадивизии из состава 6-го воздушного флота насчитывали после недели боев порядка 630—650 самолетов, уступая, таким образом, в численности советским ВВС почти в 5 раз.

Составы вступавших в сражение 1-й и 15-й воздушных армий были далеко не равноценными, во многом соответствуя статусу фронтов (боевой состав 1-й и 15-й воздушных армий приведен в приложениях № 4—5). Наиболее внушительно выглядела 1-я воздушная армия генерал-лейтенанта М.М. Громова, включавшая в себя 2-й и 8-й иак, 2-й шак, 303-ю и 309-ю иад, 233-ю и 224-ю шад, 204-ю бад и 213-ю

нбад. Отметим, что 2-й и 8-й иак, 2-й шак и 213-я нбад были переданы в состав объединения генерала М.М. Громова из резерва Ставки Верховного Главнокомандования буквально накануне боев.

Первым из 3-й воздушной армии Калининского фронта 3 июля прибыл 2-й шак. Проверка этого штурмового соединения командующим 1-й воздушной армией показала, что в предстоящем наступлении разумно использовать лишь одну 231-ю шад. Ее экипажи продемонстрировали лучшую подготовку, чем летчики соседней 232-й шад, не окончившие 2-й раздел программы КБП ША-43. Приказом командующего этот недостаток должен был быть ликвидирован уже в ходе подготовки к предстоящим боям на смоленском направлении в течение десяти суток.

Похожая ситуация сложилась и в 224-й шад, имевшей в своем составе четыре штурмовых и один истребительный полк. Говоря о подготовительном периоде, предшествующем наступлению, документы дивизии свидетельствуют: *«Одновременно проводилась большая работа по вводу в строй молодого летного состава, чем удалось сохранить к концу операции почти не снижаемый боевой состав, пополняя потери молодым летным составом, вводимым в строй. Учебно-боевая подготовка велась в основном в 571 и 513 ап, которые в операции приняли ограниченное участие из-за отсутствия материальной части (513) и неподготовленного летного состава (571)»* [1]. В наступлении не принимал участие 8-й иак. Его экипажи были заняты прикрытием группировки Западного фронта, готовившейся к планируемому в первой половине августа наступлению на Смоленск.

К 10—11 июля из состава 5-й воздушной армии Степного округа перебазировался на аэродромы Козельска и Сухиничей 2-й иак. Как мы уже отмечали выше, 8 июля его экипажи выполняли прикрытие совершавших марш к Прохоровке частей 5-й гвардейской танковой армии. Проверка прибывших дивизий корпуса показала, что в их составе было довольно много молодежи, требовавшей усиленной тренировки и «натаскивания» в боевых условиях. Так, в 7-й гв. иад 2-го иак имелось до 50% человек молодого летного состава, прибывших в марте и апреле из Краснодарской и Сталинградской авиашкол. Тем не менее, по мнению командира

корпуса генерал-лейтенанта А.С. Благовещенского, все молодые пилоты были неплохо подготовлены к предстоящим боям. Командование воздушной армии отметило также высокий процент исправной материальной части дивизии, составлявший около 90%.

Второе соединение корпуса — 322-я иад — была сформирована лишь в июне, за месяц до начала наступления. Ее ядром стал переданный из состава 215-й иад 2-й гв. иап. Хотя процент молодых пилотов, составлявший в 322-й иад 53%, был практически таким же, как и в 7-й гв. иад, опасения командования в первую очередь вызывала неопытность командного состава 482-го и 937-го иап, прибывшего из запасных авиабригад. Число командиров разных уровней, впервые шедших в бой, составляло около 25%, что, по мнению штаба армии, могло создать известные трудности. Еще одним препятствием на пути быстрого сколачивания соединения стал недостаток бензина, что не позволяло продолжать тренировку на фронтовых аэродромах. В итоге, как отмечают документы 322-й иад: *«Летный состав к началу операции оказался недостаточно подготовленным. Время на тренировку личного состава полностью в подготовительный период использовано не было ввиду отсутствия запасов горючего на учебно-тренировочные полеты»* [2].

Боевой состав 15-й воздушной армии генерал-лейтенанта Н. Ф. Науменко пополнился в мае—июне за счет резерва Ставки 1-м гв. иак, 3-м шак и 113-й бад. Кроме того, в состав армии входили 315-я иад, 225-я шад и целых две ночных бомбардировочных дивизии — 284-я и 313-я нбад. Во «временной командировке» на Центральном фронте продолжала оставаться 234-я иад, входившая, как мы помним, в состав 6-го иак 16-й воздушной армии.

Из числа этих соединений особый интерес вызывает 113-я бад, пожалуй, единственная в ВВС Красной Армии бомбардировочная дивизия фронтовой авиации, оснащенная самолетами Ил-4. Решение о вооружении дивизии дальними бомбардировщиками Ильюшина принималось на самом высоком уровне. В Кремле исходили из того, что возросшая мощь истребительной авиации позволит соединениям Ил-4 успешно действовать в дневных условиях. До 17 июня 113-я бад находилась в составе 4-го сак. 21 июня командиром ди-

визии был назначен генерал-лейтенант Ф.Г. Мичугин. Высокое звание комдива подчеркивало особый статус вверенного ему соединения. 24 июня состав дивизии после прибытия новых частей включал в себя уже четыре полка (6-й, 815-й, 836-й и 840-й ап). В состав армии генерала Н. Ф. Науменко 113-я бад была передана из резерва Ставки непосредственно перед началом операции 11 июля. Как говорится в документах соединения: *«Основной задачей дивизии, поставленной командующим ВВС КА маршалом авиации товарищем Новиковым, было оперативное и тактическое взаимодействие с наземными войсками Брянского и Западного фронтов»* [3].

Отметим, что части 15-й воздушной армии, сформированной лишь в мае 1943 года, несколько раз инспектировались в мае—июне комиссиями штаба ВВС КА. Особый интерес вызывает отчет главного инспектора генерала И.Л. Туркеля, который, подводя итоги проверки, отмечал: армия, имея незначительный опыт в крупных наступательных операциях, тем не менее к началу июля могла считаться вполне боееспособной. Самое благоприятное впечатление на генерала произвел 1-й гв. иак, в составе которого проходил службу 31 Герой Советского Союза, а также 99-й гв. орап. Хорошая подготовка летного состава была отмечена также в 234-й иад полковника Е.З. Татанашвили. В то же время работа штаба дивизии оставляла желать много лучшего, за отсутствием не только начальника оперативного отдела, но и самого начальника штаба. Аналогичная ситуация сложилась в 284-й нбад, где оставались вакантными должности заместителя командира по летной подготовке и инспектора по технике пилотирования.

Удручающее впечатление на комиссию произвели части штурмовой авиации. В особенности это касалось 225-й шад полковника А. Ф. Обухова. До начала июня эта дивизия находилась на доукомплектовании и боевой работы практически не вела. Однако первые же боевые вылеты соединения принесли ему тяжелые потери. Так, при налете 8 июня на аэродромы орловского аэроузла на свой аэродром не вернулось сразу 12 Ил-2. Причиной этого были шаблонное планирование операций в штабах, а также недостаточная сколоченность подразделений.

Генерал И.Л. Туркель обратил особое внимание на низкий уровень боевой подготовки воздушных стрелков. Строки доклада комиссии рисуют поистине безрадостную картину: «На укомплектование частей 15 ВА прибыли из 2-й Ленинградской школы воздушные стрелки. Учились они в школе всего 38 суток. За время пребывания в школе они ни разу не летали. Проведенной мной проверкой шести воздушных стрелков в 624 шап 3 шак установлено, что они совершенно не подготовлены, не знают данных самолетов-истребителей противника, данных своих самолетов, эффективности огня БТ на разных дистанциях и т.д. Общеобразовательная подготовка крайне низкая. Некоторые из них не могут ответить, что такое острый, прямой и тупой углы. О перпендикулярах они не имеют понятия. Воинского вида никакого, физически слабосильные, рождения 1925 года. Другими словами, это явно негодный контингент для приема в школу воздушных стрелков: 2-я Ленинградская школа приняла таких и, ничему не научив, отправила на пополнение действующих на фронте частей. Здесь их к боевой работе не допускают. Явно негодных переводят в стрелков по вооружению, а остальных учат. Но учеба на фронтовом аэродроме неизбежно затянется надолго, если будут добиваться нужных показателей или в случае острой необходимости их используют раньше срока, как неполноценных воздушных стрелков. Выводы: 1. Присылка такого пополнения совершенно нецелесообразна. 2. Необходимо резко повысить требования к поступающим в школы, готовящие воздушных стрелков» [4].

Задачи 1-й и 15-й воздушных армий в предстоящей операции определялись необходимостью оказания огневой поддержки наземным войскам, их прикрытия на этапах прорыва обороны переднего края, а также обеспечения действий подвижных танковых соединений в глубине обороны противника. Кроме того, для авиационной подготовки предусматривалось привлечение частей Дальней авиации. Командующим АДД генерал-полковником А.Е. Головановым, подчинявшимся непосредственно Ставке, в районе Орловской дуги были сосредоточены соединения из состава шести авиакорпусов (1-го гв., 2-го гв., 3-го гв., 4-го гв., 5-го и 7-го), которым по плану в каждую из двух ночей до начала наступления предстояло совершить до 600 самолето-вылетов. Из этого количества около 400 приходилось перед фронтом на-

ступления смежных флангов 3-й и 63-й армий, а еще 200 на полосу наступления 61-й и 11-й гвардейской армий. Экипажи легкомоторной бомбардировочной авиации получили задачу изнурения войск противника.

Непосредственно за полтора-два часа до начала артиллерийской подготовки командованием 15-й воздушной армии предусматривалось использование 24 Ил-2 для нанесения бомбоштурмовых ударов по выявленным узлам связи и штабам противника в полосе всех трех общевойсковых армий. Основной авиационный удар планировался в конце проведения артиллерийской подготовки. Объектом атак бомбардировщиков и штурмовиков должны были стать крупные опорные пункты, находящиеся на переднем крае обороны противника, а также позиции артиллерии. Для выполнения этой задачи командованием 15-й воздушной армии был запланирован массированный удар перед фронтом 3-й и 63-й армий силами 90 бомбардировщиков Ил-4 из состава 113-й бад, а также 48 Ил-2. В дальнейшем штурмовики должны были действовать по вызову с КП армии, а также содействовать частям 1-го гвардейского танкового корпуса при его вводе в прорыв. Всего планировалось совершить около 240 самолето-вылетов штурмовиков, которые поровну распределялись в районах Новосиль и Болхов.

Более интенсивно, чем подчиненные генерала Н. Ф. Науменко, должны были действовать в первый день наступления авиаторы 1-й воздушной армии. Для сокрушения обороны 53-го армейского корпуса и поддержки наступления 11-й гвардейской армии планировалось совершить силами 70 бомбардировщиков и 150 штурмовиков 120 и 420 вылетов соответственно. При этом особое внимание уделялось обеспечению ввода в действие танковых корпусов. Для этого планировалось совершить около 100 вылетов штурмовой и 160 вылетов истребительной авиации. Отметим, что для выполнения аналогичной задачи на Брянском фронте для ввода в прорыв 20-го и 1-го гвардейского танковых корпусов предполагалось затратить всего 58 вылетов штурмовой и 54 вылета истребительной авиации.

За каждым из танковых корпусов в 1-й воздушной армии закреплялась своя штурмовая дивизия, офицеры штаба которой, следуя в боевых порядках наземных войск, должны

были наводить самолеты своего соединения на поле боя. 231-я шад и 224-я шад взаимодействовали соответственно с частями 1-го и 5-го танковых корпусов. Отметим, что в преддверии наступления танкисты и авиаторы указанных соединений провели совместные учения, позволившие отработать взаимодействие и наведение штурмовиков на цель.

Задачи истребительной авиации 1-й и 15-й воздушных армий «традиционно» заключались в прочном завоевании господства в воздухе с первых же часов сражения, недопущении нанесения бомбардировочных ударов по наземным войскам, а также сопровождении штурмовиков и бомбардировщиков. Особенно большая нагрузка планировалась на истребительные соединения 15-й воздушной армии, командование которой должно было обеспечить одновременное нахождение над полем боя не менее 15—20 истребителей. Наряд на прикрытие боевых порядков наземных частей составлял 110 истребителей, которые из расчета 4 вылетов на машину должны были совершить к концу первого дня операции около 440 вылетов на патрулирование.

Для действий на болховском направлении командованием 15-й воздушной армии была выделена 313-я нбад. Прикрытие частей 61-й армии и 20-го танкового корпуса возлагалось на экипажи 65-го гв. иап из состава 1-го гв. иак, который 10 июля перебазировался на аэродром Болото. Поддержку с воздуха войскам генерал-лейтенанта П.А. Белова планировалось оказывать вылетами групп 3-го шак.

Рассматривая материально-техническое обеспечение операции, необходимо отметить, что переброска значительных сил 1-й воздушной армии на левое крыло Западного фронта создала известные трудности в их обслуживании находящимися здесь 14-м и 20-м районами авиационного базирования. Даже усиление вышеуказанных РАБ несколькими дополнительными батальонами аэродромного обслуживания не решило проблему полностью, так как на каждый БАО в итоге приходилось в среднем 2—3 авиаполка, являясь существенной нагрузкой на его личный состав.

Непростая ситуация с материально-техническим обеспечением сложилась и в 15-й воздушной армии. Объединение генерала Н. Ф. Науменко имело большой некомплект автотранспорта и специальной аэродромной техники, состав-

лявший, по данным штаба, свыше 50%. Остро ощущался также дефицит в ремонтных материалах. Тем не менее благодаря самоотверженному труду работников тыла к началу операции удалось создать необходимые запасы боеприпасов и ГСМ. Для 1-й и 15-й воздушных армий эти показатели составляли соответственно 7 и 14 заправок ГСМ, а также 15—20 боекомплектов.

Итоги третьего дня оборонительного сражения на Центральном фронте наглядно продемонстрировали советскому командованию, что вражеское наступление постепенно начало выдыхаться. Уже на следующий день, 8 июля, для окончательной проверки подготовки к наступлению по плану операции «Кутузов» на Брянский и Западный фронты отбыл представитель Ставки маршал Г.К. Жуков. На совещаниях, проведенных им в штабах обоих объединений, было принято решение о проведении 11 июля разведки боем, а также о нанесении за двое суток до начала наступления бомбардировочных ударов силами АДД и ночной фронтовой авиации по выявленным опорным пунктам и узлам сопротивления противника. Для организации взаимодействия с наземными войсками и обеспечения светонаведения ночных бомбардировщиков на Брянский фронт прибыла группа офицеров во главе с заместителем командующего АДД генерал-лейтенантом Н.С. Скрипко.

В ночь на 11 и 12 июля экипажи АДД соответственно 575 и 549 раз поднимались в воздух. В последнюю ночь перед наступлением около 360 вылетов пришлось на полосу Брянского фронта, тогда как остальные были выполнены на фронте прорыва 11-й гвардейской армии. Большую активность в ближнем немецком тылу развили экипажи 213-й, 284-й и 313-й нбад, нанося, согласно современной терминологии, «точечные удары» по выявленным важным тыловым объектам противника, а также изматывая его войска беспокоящими налетами. 284-я нбад действовала в основном в полосе наступления 3-й армии генерал-лейтенанта А.В. Горбатова, в то время как экипажи 313-й нбад «работали» по переднему краю немецкой обороны в районе Болхова. Несмотря на рутинную работу во фронтовой полосе, экипажи 638-го нбап 284-й нбад доказали, что экипажам «кукурузников» были по плечу и более серьезные задачи. В ночь на 12 июля они со-

вершили налет на станцию Хотынец, находящуюся в 40—45 километрах западнее Орла, добившись при этом попаданий в эшелоны на железнодорожной станции, взорвав склад и подавив зенитную точку.

Несмотря на длительный срок и тщательность подготовки, наступление войск Брянского фронта не стало неожиданностью для немецкой стороны. Данные радиоразведки позволили командованию 35-го армейского корпуса, оборонявшегося восточнее Орла, достаточно точно определить направление удара советских войск, не только значительно укрепив оборонительные позиции на участке 262-й пехотной дивизии, но и сосредоточив здесь дополнительные резервы пехоты и артиллерии. В итоге, когда на рассвете 12 июля части 3-й и 63-й армий перешли в наступление, они встретили ожесточенное сопротивление противника. На пути к Орлу войскам генералов А.В. Горбатова и В.Я. Колпакчи предстояло пройти около 60 километров, преодолев при этом несколько водных преград, первой из них была небольшая река Зуша.

4.2. ОТ ЗУШИ ДО ОЛЕШНИ

(12—17 июля. Брянский фронт)

Наступление частей Брянского фронта началось на рассвете 12 июля, когда свыше 4000 орудий и минометов открыли мощный огонь по позициям противника. В этой смертельной симфонии авиация 15-й воздушной армии была призвана сыграть «завершающие аккорды». Уже под занавес артподготовки 89 Ил-4 113-й бад обрушили на немецкие позиции свыше 500 фугасных и 3000 осколочных бомб, дополнив апокалипсическую картину, царившую на поле боя: *«Столбы пламени и разрывов сплошь покрывали всю наблюдаемую впереди местность. Насколько хватало взора, не было видно ни одного клочка земли, на котором каждое мгновение не поднимались бы серые столбы от разрывов бомб и снарядов. Местами же сотни взрывов сливались в одну сплошную стену, закрывая всякое наблюдение. Многочисленные группы бомбардировочной и штурмовой авиации непрерывно висели в воздухе, сбрасывая бомбы и штурмуя расположение противника»* [5].

Соппротивление, оказанное первому налету бомбардировщиков и штурмовиков 15-й воздушной армии немецкими истребителями, было слабым, хотя жертвами «фокке-вульфов» из отряда 7./JG51 и стали 2 Ил-4. Один из «ильюшиных» был сбит прямо на глазах у истребителей сопровождения 66-го гв. иап, которые также потеряли в этом вылете 2 Як-7б. Еще два бомбардировщика из 815-го и 836-го бап не вернулись на свой аэродром, столкнувшись друг с другом в воздухе.

Командующий Брянским фронтом генерал-полковник М.М. Попов остался доволен мощным, сосредоточенным ударом «сталинских соколов». Авиаторы оказали и еще одну «услугу» пехоте — группа штурмовиков 308-й шад, как и было предусмотрено планом, поставила над передним краем дымовую завесу, под прикрытием которой пехотные части форсировали реку Зуша, вплотную сблизившись с передним краем противника на дистанцию броска.

Сражение как на земле, так и в воздухе сразу приняло напряженный характер. Несмотря на массированную артиллерийскую и авиационную поддержку, пехоте не удалось с ходу прорвать оборону противника. Были достигнуты лишь отдельные вклинения. Особенно упорные бои развернулись в районе Большой Малиновец, который две ночи подряд подвергался массированным ударам АДД. По всей видимости, действия дальних бомбардировщиков были недостаточно эффективны, так как на высотах вокруг опорного пункта сохранилось множество огневых точек. Только после того, как огонь всей артиллерии был сосредоточен в этом районе, части 63-й армии овладели Большим Малиновцем и прилегающими высотами.

В эти утренние часы над линией фронта находились относительно небольшие группы немецких истребителей FW 190 и Bf 110, которые по мере развития сражения все активнее атаковали советские самолеты. Так, например, только одна 4-я гв. иад недосчиталась к 10 часам утра шести самолетов. К полудню эта цифра увеличилась уже до 12 не вернувшихся на свои аэродромы «яков». Общие же потери дивизии за 12 июля составили 16 сбитых и 4 поврежденных истребителя. Среди погибших оказался один из лучших пилотов 64-го гв. иап лейтенант Н.М. Алексеев, представленный к званию Героя, но так и не успевший получить свою Золотую Звезду.

Советские архивные документы содержат противоречивые сведения о времени ввода в бой основных сил бомбардировочной авиации противника. Так, отчет 3-го шак свидетельствует: *«Авиация противника 12.7.43 с 6.30 резко повысила бомбардировочную деятельность, группами до 30 бомбардировщиков типа Ю-88 и Хе-111 под прикрытием истребителей действовала в районе Измалково—Вязжи по наступающим нашим войскам с высоты 1000—3000 м»* [6]. В то же время документы 15-й воздушной армии отмечают начало массированных налетов групп Ju 87 лишь с 10 часов утра. По всей видимости, первые вылеты по наступающим частям Брянского фронта совершали лишь небольшие группы двухмоторных бомбардировщиков, тогда как с 10 утра, когда направления ударов войск Брянского фронта стали более или менее очевидны командованию 2-й танковой армии, в бой вступили соединения «штурк», оказавшие заметное влияние на ход наземного сражения.

Накал воздушных боев к полудню значительно возрос. Аэродромы 1-го гв. иап работали, как конвейер, выпуская в воздух по графику все новые и новые группы истребителей. Однако, несмотря на точное выдерживание плана патрулирования, добиться господства в воздухе летчикам-гвардейцам не удалось. С точностью повторилась ситуация недельной давности, имевшая место на Центральном фронте. Небольшие группы «яков» и «лавочкиных», действовавшие в основном в составе 6—8 самолетов, не смогли с первых часов сражения захватить господство в воздухе. Часто ввязываясь в воздушные схватки с группами «фокке-вульфов» и распыляя свои силы, они в то же время не проявляли настойчивости в атаках немецких бомбардировщиков.

Анализируя ход воздушных боев 12 июля, можно отметить, что в большинстве своем лишь опытные советские пилоты-истребители смогли одержать победы — их доклады в документах частей выглядят наиболее правдоподобно. Так, после точных очередей Героя Советского Союза П.И. Муравьева из 64-го гв. иап выбросился на парашютах экипаж Bf 110 из состава 1./ZG1. Согласно данным генерал-квартирмейстера, это был единственный самолет данного типа, потерянный в первый день сражения. Еще одна победа 12 июля принадлежит майору А.М. Числову (Герой Совет-

ского Союза с 24.8.43) из 63-го гв. иап. Атака Ла-5 советского аса оказалась роковой для экипажа He 111 из состава 8./KG4, который взорвался в воздухе. К слову сказать, на следующий день А.М. Числов уничтожил еще один «хейнкель». На сей раз его жертвой, по всей видимости, стала машина из состава 4./KG4.

Штурмовики 15-й воздушной армии, как и истребители, действовали над полем боя мелкими группами, численностью от 2 до 6 самолетов, и в ходе первого дня сражения, как говорится, «погоды не сделали». Действия пар и четверок «охотников» по немецким штабам и дорогам особого успеха не принесли, хотя одной из групп Ил-2 3-го шак и удалось точно «уложить» свои бомбы в расположении вражеского штаба в Кишкино под Болховом. И все же сил шестерок штурмовиков не хватало для эффективного воздействия на немецкую оборону.

Неудивительно, что, совершив за 12 июля всего 196 самолето-вылетов, пилоты 3-го шак и 225-й шад, ценой потери 9 Ил-2, добились весьма скромных результатов. Например, соединение генерала М.И. Горлаченко, авиаторы которого 147 раз поднимались в воздух, подавило огонь четырех батарей пушечной и двух батарей зенитной артиллерии, а также уничтожило склад боеприпасов, 5 танков и 5 автомобилей.

Сравнивая действия советской и немецкой ударной авиации, отметим, что экипажами самолетов Ju 87 6-го воздушного флота удалось выполнить за день 419 самолето-вылетов. Действия своих пикирующих и горизонтальных бомбардировщиков полностью удовлетворили командование группы армий «Центр». В итоговой сводке 6-го воздушного флота отмечалось, что авиаторами в течение первого дня боев было уничтожено 35 советских танков и 14 артиллерийских орудий.

Активность немецких бомбардировщиков значительно затруднила продвижение армий А.В. Горбатова и В.Я. Колпакчи. Стремительного прорыва у войск 3-й и 63-й армий не получилось — 12 июля им удалось продвинуться на 5, максимум 8 километров. Все это резко контрастировало с успехами 11-й гвардейской армии Западного фронта, которая буквально смела оборону противника у северного осно-

вания Орловской дуги, продвинувшись за день на широком фронте в глубину до 12 километров.

Подведем некоторые итоги первого дня воздушных боев. За 12 июля пилотами 15-й воздушной армии было заявлено об уничтожении в 48 воздушных боях 67 самолетов противника. При ближайшем рассмотрении эта цифра имеет мало общего с реальными потерями немецкой стороны. По данным генерала-квартирмейстера, за 12 июля было потеряно по всем причинам 17 самолетов (5 — FW 190, 7 — Ju 87, 2 — Bf 110, 1 — He 111, 2 — Ju 88), как минимум восемь из которых погибли в воздушных боях. Кроме того, еще два самолета получили повреждения. Среди соединений 1-й авиадивизии наибольшие потери понесла эскадра StG1, недосчитавшаяся 7 Ju 87. Из них одна машина получила тяжелые повреждения, две погибли в столкновении, а остальные были сбиты зенитной артиллерией. В то же время потери объединения генерал-лейтенанта Н. Ф. Науменко составили за день 45 самолетов, из которых 27 пришлось на части 1-го гв. иак. Согласно немецким данным, в районе Орловской дуги, в том числе в полосе наступления левого крыла Западного фронта, за 12 июля было уничтожено 87 советских самолетов. Особенно отличились экипажи I и III/JG51, претендовавшие на 19 и 25 побед соответственно. По 5 побед было на счету командира 1./JG51 Йохима Бренделя и Габриеля Таутшера (Tautscher Gabriel) из 9./JG51.

Говоря об интенсивности использования авиации противоборствующими сторонами, отметим, что немецкие экипажи 12 июля поднимали свои самолеты в воздух чаще советских, ответив 1111 самолето-вылетами на 686 дневных самолето-вылетов, произведенных экипажами 15-й воздушной армии. Командование 6-го воздушного флота старалось использовать свои силы с максимальной интенсивностью. Так, 26 из 85 вылетов разведчиков были выполнены с бомбами на борту. Существенное влияние на противостояние в воздухе оказали неблагоприятные метеоусловия. Только в 6-м воздушном флоте 96 самолетов вынуждены были вернуться на свои аэродромы, не выполнив боевого задания по причине плохой погоды.

Следующий день должен был стать решающим в развернувшемся сражении. Для завершения прорыва обороны

35-го армейского корпуса командующий Брянским фронтом принял решение о вводе в бой своей главной ударной силы — 1-го гвардейского танкового корпуса. Его командир, генерал-майор М. Ф. Панов, получил приказ в ночь на 13 июля переправить танки на западный берег реки Зуша и сосредоточить их для атаки в общем направлении на Моховое. Атака корпуса должна была начаться сразу после захвата стрелковыми частями крупного опорного пункта немецкой обороны Евтехов. Для прикрытия с воздуха бригад 1-го гвардейского танкового корпуса выделялись истребители 3-й гв. иад. Штурмовые соединения 15-й воздушной армии получили приказ осуществлять непосредственную огневую поддержку наземных войск, а также атаковать подходящие к полю боя резервы противника.

13 июля погода над линией фронта продолжала оставаться плохой — небо затянула плотная облачность, которая, как казалось, ограничит активность авиации. Однако воздушное сражение, развернувшееся над полем боя, носило беспрецедентно ожесточенный характер. Уровень понесенных в этих боях обоими противоборствующими сторонами потерь можно сравнить лишь с первым днем Курской битвы. Впрочем, начало дня не предвещало столь драматических событий.

На земле войскам Брянского фронта в первую половину 13 июля сопутствовал успех. К 8 часам утра Евтехов был окружен наступающей советской пехотой и вскоре взят штурмом. Тем самым были созданы предпосылки для ввода в бой бригад 1-го гвардейского танкового корпуса. Однако, как оказалось, планам генерала М.М. Попова сбыться было не суждено. Сосредоточенный в районе Иван, Затишье, Вяжи танковый корпус вследствие плохой маскировки был обнаружен немецкой авиацией и тут же подвергнут сосредоточенным ударам с воздуха.

Урон, нанесенный танкам, был сравнительно невелик, однако вспомогательная и легкая техника пострадала весьма сильно. *«Характерно, что, несмотря на массированное применение противником авиации (в среднем 500 самолето-вылетов на наши боевые порядки в день), боевые повреждения от авиации сравнительно невелики, а по сравнению с повреждениями от артогня даже незначительны. В то же время свыше 60% повреждений вспомогательной материальной части следует*

отнести за счет авиации», — доносил генерал М. Ф. Панов в штаб Брянского фронта [7].

О незавидном положении, в котором оказались танкисты 1-го гвардейского танкового корпуса, повествуют строки доклада 3-й армии: *«По рассказам прибывшего в район Евтехов начальника оперативного отдела ШТАРМА-3 полковника Владимирского, весь корпус, сбившись в лесах, вместо движения вперед нес громадные потери от авиации противника. Опушки лесов были загромождены машинами, много танков сгорело на поле и в лесах. Около машин лежали убитые и раненые танкисты. Среди личного состава 1 гв. тк распространился панический слух о готовящейся якобы на него мощной атаке немецких танков «Тигр», которых никто не видел»* [8]. Как выяснилось впоследствии, за «Тигры» были приняты немецкие самоходные установки.

В результате интенсивной бомбежки ввести в действие 1-й гвардейский танковый корпус сразу после взятия Евтехова не удалось. Только около 14:00, приведя себя в порядок, его части двинулись в сторону немецких позиций. К 16:00 танкистам удалось обогнать свою пехоту на рубеже Воскресенск и совхоз Ржавец, поведя наступление в трех направлениях, но массированного танкового удара уже не получилось. Только одна из танковых колонн смогла захватить опорный пункт в деревне Образцово. Две другие успеха не добились и к вечеру отошли за свою пехоту.

К сожалению, несмотря на значительный боевой опыт летного состава, пилотам 3-й гв. иад не удалось надежно прикрыть боевые порядки танкистов. Уроки предыдущего дня боев остались неучтенными — в воздухе снова можно было наблюдать относительно небольшие патрули советских истребителей, которые были не в состоянии сорвать массированные налеты немецкой бомбардировочной авиации. Даже испытанные асы допускали ошибки, позволяя связывать себя боем истребителям, а также часто атакуя второстепенные цели. Кроме того, на содержании воздушных боев сказалось и эффективное наращивание сил немецкими истребителями, что зачастую помогало блокировке района действия своих бомбардировщиков. Так, только в ходе трех воздушных схваток в районе Евтехов, по советским данным,

противник сумел добиться в одном случае трехкратного, а в двух других двукратного превосходства.

Наиболее характерным стал воздушный бой над боевыми порядками 1-го гвардейского танкового корпуса 8 Ла-5 32-го гв. иап под командованием Героя Советского Союза капитана В.И. Гаранина с группой из 36 Ju 87 и Ju 88, действовавших под прикрытием 20 FW 190. Придя в район патрулирования двумя четверками, пилоты «лавоочкиных» сначала безрезультатно атаковали пару Ju 88, которые поспешили скрыться на своей территории. В это время летчики четверки старшего лейтенанта Н. Ф. Горшкова, имевшей превышение, обнаружили три группы немецких бомбардировщиков, шедших под прикрытием «фокке-вульфов». Истребители Н. Ф. Горшкова атаковали соединение Ju 87, в то время как наводимая с земли группа В.И. Гаранина занялась двухмоторными Ju 88. В первой же атаке старшим лейтенантом Н. Ф. Горшковым был сбит Ju 87, а у одного из «восемьдесят восьмых», атакованных лейтенантом И.Д. Корчаченко, задымил левый мотор. Пара капитана В.И. Гаранина, также атаковавшая немецкие бомбардировщики, внезапно обнаружила идущую в их кильватере «раму». Как ни странно, но именно корректировщик, вероятно выполнявший роль своеобразного авианаводчика, стал объектом яростной атаки двух Ла-5. В.И. Гаранин и его ведомый В.Е. Тукин зажали «раму» в клещи, одновременно ведя огонь по ненавистному немецкому самолету. Вскоре «фокке-вульф» задымил и пошел вниз. Добивать «раму» советским летчикам все-таки не пришлось, так как в хвосте у них к этому времени повисли другие, куда более опасные «фокке-вульфы» — FW 190. Атаковать бомбардировщики было уже некогда. Пользуясь этим, часть «юнкерсов» все же сбросила бомбы на многострадавший 1-й гвардейский танковый корпус. Бой между истребителями носил упорный характер. В результате советские пилоты заявили об уничтожении пяти немецких истребителей. На свой аэродром не вернулся лейтенант И.Д. Корчаченко, уничтоживший один Ju 88.

Результаты боя, несмотря на отвагу и мастерство летчиков, удачными назвать никак нельзя. Сил восьмерки Ла-5 было явно недостаточно для предотвращения массированного удара 36 бомбардировщиков, что, собственно говоря, и

подтверждают результаты воздушного боя. Командованием корпуса не было принято попыток наращивания сил истребителей. Обращает на себя внимание также и тот факт, что даже опытные пилоты предпочли атаковать в общем-то бесполезную «раму», оставив без внимания бомбардировщики противника. Результат такого подхода был плачевен. Документы соединений свидетельствуют, что 13.7.43 в период с 17:30 по 19:10 до 36 Ю-87, Ю-88 с 1500—2500 м бомбили районы сосредоточения 1-го гвардейского танкового корпуса в районе Грачевка, уничтожив и повредив 23 танка и 45 автомашин. Согласно сводкам 6-го воздушного флота, 13 июля экипажами ударной авиации 1-й авиадивизии было уничтожено 32 и повреждено 25 танков противника, значительная часть которых, несомненно, принадлежала соединению генерала М. Ф. Панова.

Характеризуя неудачные действия истребителей 1-го гв. иак по прикрытию боевых порядков наземных войск, документы 15-й воздушной армии прямо отмечают, что *«задача завоевания господства в воздухе на поле боя полностью достигнута не была»* [9]. Уже после окончания боев в районе Орла командование 1-го гв. иак, проанализировав действия экипажей соединения, пришло к неутешительным выводам. Командир корпуса генерал-лейтенант Е.М. Белецкий писал: *«В первые два дня нашего наступления в борьбе за завоевание господства в воздухе были допущены недочеты. Вместо того чтобы в течение дня периодическими выходами в районы действия крупными группами истребителей, которые, имея численное превосходство, наносить более мощные удары воздушному противнику, непрерывно действовали патрулированием в течение всего светлого времени группами 8—16, а иногда 30 самолетов, что вело к распылению истребителей по времени в течение всего дня. Получить при таком положении двойное и тройное превосходство в силах над полем боя не смогли»* [10].

Не остались в стороне от недостатков в боевой работе и политработники. Уже 14 июля в 1-м гв. иак был проведен партийный актив, основной темой которого являлось искоренение недостатков в прикрытии танковых частей [11].

Было бы неверным утверждать, что командование 15-й воздушной армии и 1-го гв. иак не искало путей к исправлению создавшегося нетерпимого положения. Уже вечером

13 июля в районы патрулирования стали высылаться более крупные группы истребителей. Кроме того, несколько улучшилось наведение в воздухе, что сразу сказалось на содержании воздушных боев. Около 16:30 в районе Евтехов 17 Як-76 4-й гв. иад разогнали две группы Bf 110 и Ju 88, не позволив им бомбить свои войска.

Опыт явно удался. В 19:00 в том же районе снова патрулировала группа из 18 Як-76 4-й гв. иад. В воздушном бою с 25 Ju 88 и около 30 FW 190, по докладам пилотов, удалось ценой потери одного «яка» уничтожить несколько «фокке-вульфов» и три «юнкерса». После этого немецкие самолеты стали действовать пассивно и даже, как отмечалось в оперсводке, трусливо, поспешно выходя из боя. Вероятно, пилотами 4-й гв. иад были сбиты один или два Ju 88 из состава II/KG51 и III/KG1. В то же время отметим, что все «стодесятые» из состава I/ZG1, согласно немецким источникам, были потеряны в полосе действий 1-й воздушной армии.

Как и накануне, победы советским пилотам доставались дорогой ценой. Потери 1-го гв. иак 13 июля составили 10 летчиков и 18 самолетов, а всего за два дня боев соединение лишилось 29 летчиков и 45 самолетов [12]. В воздушных боях снова гибли не только новички, но и опытные пилоты. Среди погибших был командир 2-й эскадрильи 32-го гв. иап Герой Советского Союза капитан А. Ф. Мошин. Это был закаленный воздушный боец, получивший звание Героя еще в период боев на реке Халхин-Гол. В дальнейшем А. Ф. Мошин участвовал в советско-финляндской войне, а также работал в НИИ ВВС летчиком-испытателем. Участвуя с первых дней Великой Отечественной войны в боях, пилот совершил свыше 300 боевых вылетов и сбил 4 самолета противника. Однако воздушный бой 13 июля стал для аса, имевшего на счету около 11 побед, последним. Очередь одного из FW 190 пришлась точно по кабине Ла-5. В воздушном бою в этот же день был подбит и совершил вынужденную посадку и другой ас 1-го гв. иак П.И. Муравьев.

Как бы ни тяжелы были потери истребительной авиации 15-й воздушной армии, наибольший урон 13 июля понесли тем не менее соединения штурмовиков и бомбардировщиков. Только 3-й шак и 225-я шад недосчитались за день 19 и 30 Ил-2! Даже на фоне жестоких потерь, понесенных в

начале июля штурмовыми дивизиями 9-го сак 17-й воздушной армии, потери 225-й шад выглядят шокирующими. К сожалению, архивные документы не указывают количества самолетов, совершивших вынужденные посадки и получивших повреждения.

Львиная доля потерь 225-й шад пришлась на 825-й и 783-й шап, которые недосчитались соответственно 16 и 9 Ил-2. Потери 825-го шап были поистине опустошительными, все 16 самолетов были потеряны в ходе всего двух вылетов! Причина этого, как и в большинстве подобных случаев, крылась в недостаточной подготовке летного состава и отсутствии сколоченности частей и подразделений. Еще накануне операции подготовка в полку была признана командованием 15-й воздушной армии особенно низкой — летный состав не успел закончить программу обучения по 2 и 3 разделам КБП ША-43. Тем не менее полк в полном составе был брошен в бой, что в итоге привело к тяжелейшим потерям.

Несколько иная ситуация сложилась в 783-м шап, который, по замыслам командования, должен был использоваться в роли полка «охотников». В июне летчики части проходили специальную подготовку, которую тем не менее к началу наступления закончить не успели. Как и в большинстве штурмовых полков, костяк части составляли необстрелянные младшие лейтенанты — вчерашние выпускники летных школ. В результате вылетов пар «илов» в ближний тыл противника на свои аэродромы не вернулось 9 Ил-2, т.е. почти ровно половина от вылетавших на боевые задания машин.

Не с лучшей стороны проявили себя и истребители сопровождения из состава 1-го гв. иак и 315-й иад. Было отмечено несколько случаев, когда истребители теряли своих подопечных, ввязывались в бой с «фокке-вульфами», оставляя «илы» без прикрытия. Политдонесения 225-й шад свидетельствуют, что командир 624-го шап майор Вялов, возглавлявший группу из 42 Ил-2, имел в прикрытии всего три истребителя сопровождения! В результате боя с немецкими истребителями штурмовикам были нанесены чувствительные потери, а сам майор Вялов был сбит и погиб.

Донесение штаба 225-й шад о причинах тяжелых потерь дивизии во многом проясняет ту обстановку, в которой пришлось действовать необстрелянным экипажам штурмови-

ков, разительно напоминая строки доклада о расследовании потерь 9-го сак 17-й воздушной армии, приведенного нами в предыдущей главе. Документы соединения свидетельствуют: *«Массированные удары на узком участке фронта небольших по своему составу групп приводили к тому, что в районе цели группа в составе 6 самолетов не могла замкнуть круг, ходила в растянутом строю. Группы между собой перепутывались, ведомые теряли ведущих, пристраивались к другим группам. Истребители теряли прикрываемых штурмовиков. Затруднялось отыскивание цели каждым в отдельности экипажем. Кроме того, группы, действуя от различных соединений и частей на небольшом участке фронта, не имели общего круга над целью, ходили встречными курсами на одной высоте. Отдельные экипажи, боясь столкновения в воздухе, беспорядочно шарахались в стороны, чем создавалась исключительно напряженная обстановка над целью и снижалась эффективность штурмовых ударов. Ведущие групп порой ничего не могли сделать, чтобы собрать группу после окончания работы в районе цели. Отколовшиеся ведомые становились легкой добычей истребителей противника»* [13].

Тяжелые потери от атак немецких истребителей понесли 13 июля не только штурмовики, но и бомбардировщики 113-й бад. Из 36 Ил-4, вылетающих на боевое задание, в воздушных боях было сбито 12 самолетов. В результате несогласованности действий группа 815-го бап врезалась в строй бомбардировщиков соседнего 6-го бап. Только энергичное маневрирование экипажей позволило избежать столкновения в воздухе. Однако строй обеих групп оказался полностью нарушен, чем не замедлили воспользоваться пилоты «фокке-вульфов» из 7./JG51, сбившие за короткое время 6 Ил-4. Экипажи уцелевших бомбардировщиков наблюдали в воздухе пять раскрывшихся парашютов своих боевых товарищей, но помочь им уже ничем не могли.

Несмотря на стойкость и мужество, проявленные в этом бою отдельными экипажами, моральный дух авиаторов 113-й бад оказался подорванным. В своем донесении в политотдел 15-й воздушной армии заместитель начальника политотдела дивизии подполковник Оксюзов докладывал: *«В связи с большими потерями, которые летный состав связывает со слабым прикрытием истребителями, имеет место несколько*

упадочного настроения среди некоторой части личного состава полков. Многие выражают настроения, что самолеты Ил-4 днем действовать не могут, даже и при наличии прикрытия. Действия истребителей из 66 зв. иап, прикрывавших самолеты 6 и 815-го бап, по оценкам экипажей, были неудовлетворительны. Над целью, когда на группу 6 ап напало до 16 истребителей противника, истребители прикрытия находились в стороне и участия в отражении атак почти не принимали» [14].

Интересно отметить, что немецкие пилоты по итогам боя посчитали уничтоженными 11 бомбардировщиков ДБ-3. Только на боевой счет унтер-офицера Франца Майндла (Meindl Franz) было записано 4 из его 31 победы. Еще 3 Ил-4 числятся за кавалером Рыцарского креста с Дубовыми листьями и автором 136 побед Карлом-Хайнцем Вебером (Weber Karl-Heinz). Оба пилота не дожили до конца войны, погибнув на Западном фронте, воюя в составе эскадр JG11 и JG1.

Подведем итоги тяжелого дня 13 июля. Для 15-й воздушной армии они были поистине катастрофическими — в воздушных боях и от огня зенитной артиллерии было потеряно 94 самолета, в том числе 11 Ил-4, 49 Ил-2, 34 истребителя. Как отмечалось в оперсводках объединения, часть самолетов предположительно находилась на местах вынужденных посадок. Отметим еще раз, что цифра в 94 потерянных самолета соответствует потерям 2-й, 16-й и 17-й воздушных армий (их потери 5.7.43 составили 98, 83 и 76 самолетов) в первый день Курской битвы, когда авиация с обеих сторон использовалась особенно интенсивно. Немецкие истребители практически вдвое завысили свою результативность, заявив о 183 одержанных победах. Еще на четыре сбитых самолета претендовала зенитная артиллерия. Среди истребительных частей 1-й авиадивизии особенно отличились группы I/JG54, II/JG54 (действовала в составе 5-го и 6-го отрядов), I/JG51 и IV/JG51, одержавшие чуть более 30 побед каждая.

Среди успехов немецких пилотов особо отметим кавалера Рыцарского креста Гюнтера Шелла (Schell Günther) из 2./JG54, претендовавшего на 6 побед. По 5 побед были отнесены на счета Гюнтера Йостена (Josten Günther, итог 178 побед, Дубовые листья) из 1./JG51, Вильгельма Вебера (Weber Wilhelm) из 10./JG51 и Вильгельма Моритца (Moritz Wilhelm,

итог 44 победы, Рыцарский крест) из 12./JG51. 4 победы одержали командир 1/JG51 майор Эрих Ляйе (Leie Erich, итог 121 победа, Рыцарский крест), а также лейтенант Хорст Адемайт (Ademeit Horst, итог 166 побед, Дубовые листья) и обер-фельдфебель Отто Киттель (Kittel Otto, итог 267 побед, Мечи к Рыцарскому кресту) из отрядов 2. и 6./JG54.

Впрочем, советские пилоты также не поскупились на победные реликвии — на счета истребителей 15-й воздушной армии было записано 128 побед, одержанных ими в ходе 70 воздушных боев. Это число немногим в 5 раз превосходит потери 6-го воздушного флота, которые составили 25 самолетов (13 FW 190, 7 Ju 88, 3 Ju 87 и 2 He 111). Справедливости ради укажем, что предварительные данные штаба армии были ближе к реальности, составляя 53 уничтоженных немецких самолета [15]. Кроме того, в своем докладе в Ставку о прорыве немецкой обороны командующий Брянским фронтом отчитался о приблизительно таком же количестве — 59 сбитых самолетах противника и еще 7 уничтоженных на аэродроме в районе Домнино [16]. Нельзя не отметить, что картина, когда цифры побед в результате последующих «уточнений» возрастали более чем в два раза, повторялась на разных фронтах и в разных воздушных армиях неоднократно.

Показатели активности советской и немецкой авиации на второй день сражения остались практически на том же уровне, что и 12 июля. На 1113 самолето-вылетов немецких пилотов летчики 15-й воздушной армии ответили вдвое меньшим количеством, выполнив всего 564 дневных самолето-вылетов (по другим данным, 558, общее количество вылетов с учетом ночной бомбардировочной авиации составило 946 самолето-вылетов). Уточним, что для авиации 6-го воздушного флота дана цифра, включающая вылеты как в полосе Брянского, так и Западного фронтов.

Как бы тяжело ни складывалась ситуация на земле и в воздухе, командующий фронтом генерал М.М. Попов вечером 13 июля доложил в Ставку о завершении прорыва обороны противника. Строки его доклада содержали лишь скупые упоминания о действиях 1-го гвардейского танкового корпуса и прикрывавших его истребителей. В них отмечалось, что *«в течение дня корпус подвергался неоднократной бомбардировке авиацией противника»*, а наземные войска про-

двигались вперед, преодолевая «упорное огневое сопротивление и на отдельных участках контратаки противника силою до батальона-полка с танками под непрерывным воздействием авиации» [17].

Оборона 2-й танковой армии оказалась прорвана, но это был не тот успех, на который рассчитывали в Ставке. Окружить немецкую группировку восточнее Орла не удалось — под давлением войск Брянского фронта, часто переходя в контратаки, части 35-го армейского корпуса стали отходить к укрепленному рубежу, проходящему по берегу реки Олешня. Согласно показаниям пленных, оказавшиеся на острие советского наступления 56-я и 262-я пехотные дивизии имели приказ любой ценой не допустить продвижения русских частей к Орлу.

Оставим на время 3-ю и 63-ю армии и рассмотрим ход боевых действий в районе Болхова, где, как мы помним, наступали части 61-й армии генерал-лейтенанта П.А. Белова. Сражение на этом участке складывалось практически по тому же сценарию, что и юго-восточнее Новосиля. Быстро оправившись после советской артиллерийской подготовки, немецкое командование начало срочно подтягивать резервы с целью локализации образовавшихся вклинений.

Самолеты-разведчики 15-й воздушной армии, действовавшие в этом районе, еще в 5:45 отметили движение через Лыково на Брагино сплошной автоколонны с танками. В 7:45 это сообщение подтвердилось, однако наблюдать за подходом вражеских резервов стало намного сложнее, так как колонны с воздуха оказались прикрыты сильным нарядом истребителей. Вылетавший около 18:00 разведчик для уточнения перемещений войск противника вернулся вообще без результатов из-за сильного противодействия истребительной авиации в этом районе.

Достигнув первоначального успеха, соединения армии П.А. Белова вскоре наткнулись на ожесточенное сопротивление противника, который бросил в контратаки многочисленную пехоту и до 40 танков. В некоторых случаях части 61-й армии, по которым противник нанес несколько сильных авиационных ударов, были вынуждены даже отойти назад. В итоге продвижение армии за 12 июля составило на отдельных участках от 3 до 7 километров.

По данным разведки, на следующий день в район Болхова была переброшена 12-я танковая дивизия, в составе которой предполагалось наличие до 180 танков. Сила сопротивления немецких войск 13 июля резко возросла. Так, например, только частям 9-го гвардейского стрелкового корпуса пришлось отразить девять контратак противника. Решение генерала П.А. Белова использовать 20-й танковый корпус до завершения прорыва немецкой обороны пехотой назвать удачным никак нельзя. Начав переправу через Оку в 14:00, корпус подвергся налетам трех групп бомбардировщиков численностью 15—20 самолетов.

В последующем, пытаясь развить наступление из района Кривцово—Хмелевая, танкисты столкнулись с ожесточенным сопротивлением немецких войск. Как оказалось, положение на поле боя далеко не соответствовало докладам из стрелковых частей. Так, например, населенный пункт Кривцово не был занят пехотой, как это полагали в штабе 61-й армии. Документы 20-го танкового корпуса отмечают: *«Вранье в донесениях частей 9 ГСК в данном бою имело большое место. О взятии Хмелевая, Кривцово, выс. 231,3 докладывалось три раза, и все три раза оказывалось неправдой»* [18]. В результате бригадам 20-го танкового корпуса пришлось брать Хмелевую и Кривцово с боем. При этом части 20-го танкового корпуса понесли чувствительные потери — сгорело 4 танка и 6 САУ, а еще 35 танков были подбиты.

Отметим, что использование фронтовой авиации на болховском направлении для обеих сторон носило эпизодический характер. Со стороны 15-й воздушной армии к боевым действиям в районе 61-й армии привлекались лишь небольшие группы 3-го шак, истребители 65-го гв. иап, а также пилоты-ночники 313-й нбад. В целом количество самолетов-вылетов 15-й воздушной армии в полосе 61-й армии в лучшем случае составляло одну треть от общего числа вылетов объединения генерала Н. Ф. Науменко. Согласно планам советского командования серьезным подспорьем в этом сражении должны были стать налеты АДД. Отдельными налетами групп Ju 87, а также действиями небольших групп истребителей ограничилось также и командование 1-й авиадивизии.

Несколько групповых вылетов в полосе действий 61-й армии было выполнено экипажами 3-го шап при проведении авиационной подготовки в первый день наступления, после чего вновь действия Ил-2 над этим участком фронта были отмечены лишь 14 июля. Напомним, что на третий день операции «Кутузов» 3-й шап приводил себя в порядок после тяжелых потерь 13 июля, находясь в готовности № 2. Только по личному указанию командующего 15-й воздушной армией пилоты-штурмовики выполнили на поддержку армии П.А. Белова 47 самолето-вылетов. В этих боях особенно отличился командир 893-го шап подполковник Хромов, дважды водивший группы своего полка на боевые задания. Действия групп 893-го шап отличались упорством в поражении скоплений войск противника — экипажи штурмовиков по 3—4 раза совершали заходы на цель.

В ходе одного из вылетов 14 июля «илы» подверглись атаке внезапно появившейся восьмерки «фокке-вульфов». Слаженные действия экипажей Ил-2 и Як-1 65-го гв. иап позволили отбить атаку немецких истребителей и благополучно вернуться на свой аэродром. Лишь поврежденный штурмовик сержанта Стельмакова совершил вынужденную посадку на своей территории.

Намного более драматично сложился другой вылет в этот же день экипажей 893-го шап. Как и в предыдущем случае, в районе цели штурмовики вновь подверглись неожиданной атаке из-за туч четверки «фокке-вульфов», которые без промедления устремились к штурмовикам. Головной FW 190 нацелился на Ил-2 командира полка Хромова. Времени на отражение атаки у советских истребителей практически не оставалось. Младший лейтенант П.Е. Королев, находившийся ближе всего к противнику, неожиданно развернул свой Як-1 в лоб атакующему «фоккеру». На большой скорости оба самолета врезались друг в друга, исчезнув в яркой вспышке взрыва [19].

Немецкие источники не содержат упоминания о таране советского истребителя или столкновении в воздухе в районе Болхова 14 июля. Тем не менее 16 июля в этом районе отмечена гибель одного из ведущих асов I/JG54, лейтенанта Гюнтера Шелла, который пропал без вести после тарана русского истребителя. Однако на сей раз уже советские доку-

менты не содержат упоминания о совершенных 16 июля таранах. Остается лишь предположить, что в дату гибели Шелла, имевшего на тот момент 71 победу, вкралась ошибка, и, возможно, именно таран младшего лейтенанта П.Е. Королева поставил точку в карьере немецкого аса.

Большая нагрузка в районе Болхова легла на плечи пилотов 313-й нбад. Своими налетами они несколько раз заставляли немецкие войска прекращать беспокоящий огонь ночью, давая полный отдых своей пехоте, что неоднократно отмечалось командованием 9-го гвардейского стрелкового корпуса. Однако вскоре терпение противника «лопнуло». С 16 июля пилоты 313-й нбад, а также соседних 213-й (1-й ВА) и 284-й нбад начали отмечать повышенную активность немецких ночных истребителей в районе аэродромов обеих дивизий. В ночь на 17 июля У-2 (зав. номер 9814) 15-го нбап летчика Самсонова подвергся нападению ночного истребителя Ju 88. Старший лейтенант Ковалев, летевший ведомым в паре, наблюдал, как ведущий У-2 после очередей «юнкерса» загорелся и упал на землю. Победу одержал Роберт Ландау (Landau Robert) из состава 10./NJG5. Согласно немецким источникам, этот пилот за ночь атаковал и уничтожил три отряда Р-5, а еще один «кукурузник» был уничтожен им на земле.

В ночь на 18 июля повреждения получил другой биплан из состава 765-го нбап 313-й нбап. На У-2 очередями с немецкого ночного истребителя оказались повреждены тросы управления и элерон. После этого вражеский самолет обстрелял аэродром Вязок, а спустя несколько часов другой «ночной гость» провел «разъяснительную работу», разбросав в районе аэродрома пачки листовок. Несмотря на эти успехи, пилоты У-2 в целом отмечали, что при выполнении боевых заданий и встрече с истребителями Вf 110 *«последние наших самолетов не замечают»* [20].

Куда более опасным противником оказалась зенитная артиллерия, особенно эффективная в районах крупных городов — Орла и Мценска. Только из состава 313-й нбад над этими целями оказалось подбито 16 самолетов. Еще более сильная ПВО отмечалась в районе Болхова, где в ночь на 16 июля 213-я нбад 1-й воздушной армии лишилась разом 5 У-2, два из которых были найдены позднее. Однако на об-

шем фоне активности ночных бомбардировщиков эти потери были несущественны. Например, экипажи той же 213-й нбад выполняли за ночь от 100 до 400 самолето-вылетов, доведя общее число ночных вылетов 1-й воздушной армии за июль до 3678 (2381 У-2, 131 Р-5 и 11 истребители).

Удары по Болхову пилоты 313-й нбад осуществляли одновременно с экипажами АДД, что неожиданно создало незначительные трудности для экипажей «кукурузников». Так, оперсводки 313-й нбад за 15 июля отмечали, что *«работа самолетов У-2 усложняется одновременными действиями по одной и той же цели самолетов ДБА. САБ, сбрасываемые самолетами ДБА, начинают действие с высот более 1000 метров и освещают самолеты У-2, работающие на высоте 600—1000 метров»* [21]. Надо сказать, это был не первый случай, когда пилоты легкомоторных и дальних бомбардировщиков мешали друг другу в воздухе. Еще в ночь на 9 июля самолет 638-го нбап 284-й нбад столкнулся в воздухе с Ил-4, но для экипажа У-2 все завершилось благополучно — младшие лейтенанты Викторов и Либерман смогли покинуть разваливавшийся биплан на парашютах.

Другой целью ночных бомбардировщиков стали коммуникации противника и немецкие аэродромы. Судя по документам экипажей У-2, а также немецким документам, эти «вылазки» были весьма успешны. Так, в ночь на 15 июля были совершены налеты на аэродромы Домнино и Мценск. Экипажами было зафиксировано несколько пожаров. Но особенно болезненными оказались укусы советских ночных «москитов» в ночь на 17 июля, когда от бомб одиночного У-2 погиб командир недавно перебазировавшейся из состава 4-го воздушного флота группы III/StG2 Вальтер Краусс (Krauss Walter). На следующий день его пост занял известный ас-пикировщик Ганс Ульрих Рудель (Rudel Hans Ulrich).

Вернемся к общей картине в районе Орловской дуги. Как мы уже отмечали в предыдущей главе, на состоявшемся 13 июля совещании в ставке Гитлера с участием фельдмаршалов Клюге и Манштейна было фактически принято решение о приостановлении операции «Цитадель». В немалой степени этому способствовал неутешительный доклад Клюге, который, по воспоминаниям Манштейна, нарисовал безнадёжную картину, сложившуюся в полосе его объединения.

«Армия Моделя не может продвигаться дальше и потеряла уже 20 000 человек. Кроме того, группа вынуждена отобрать все подвижные части у 9 армии, чтобы ликвидировать глубокие прорывы, сделанные противником уже в трех местах фронта 2.танковой армии. Уже по этой причине наступление 9 армии не может продолжаться и не может быть потом возобновлено», — докладывал фюреру командующий группой армий «Центр» [22].

К исходу 13 июля положение в районе Орловской дуги для командования группы армий «Центр» было действительно тяжелым. Как отмечал немецкий историк Э. Зимке: *«2-я танковая армия, четырнадцатью дивизиями удерживавшая 170-мильный фронт, не смогла противостоять быстрым и глубоким вклинениям противника. К полудню Клюге был вынужден перебросить две дивизии, предназначенные для передачи 9-й армии, во 2-ю танковую армию, а во второй половине дня и вечером он должен был отдать приказ 9-й армии о передаче двух танковых дивизий, половины всех имевшихся у нее «Фердинандов», значительного количества артиллерии и реактивных минометов» [23].*

Тем не менее надо отдать должное фельдмаршалу Клюге, который не только начал практически мгновенную перегруппировку сил внутри орловского плацдарма, но и вскоре объединил командование 9-й и 2-й танковых армий в руках генерала Моделя, завоевавшего в вермахте славу специалиста по оборонительным действиям. Отметим, что переброска дивизий во 2-ю танковую армию из резерва группы «Центр» и 9-й армии велась в достаточно высоком темпе. Уже 12 июля из резерва 2-й танковой армии была выдвинута в район наступления 11-й гвардейской армии Западного фронта 5-я танковая дивизия. Из состава 9-й армии на помощь частям 2-й танковой армии были отправлены 12-я, 18-я и 20-я танковые дивизии, а также 36-я пехотная дивизия. С 14 по 15 июля из района Витебска в полосу 35-го армейского корпуса подошли части 8-й танковой дивизии. Кроме того, 9-я армия передала 2-ю танковую дивизию, а также несколько дивизионов штурмовой и реактивной артиллерии. 16 и 17 июля в состав 2-й танковой армии были также переданы управление 41-го танкового корпуса, 9-я танковая и 10-я моторизованная дивизии. До конца месяца

2-я танковая армия получила также пять пехотных и две моторизованные (гренадерские) дивизии, в том числе из состава группы армий «Юг». Таким образом, за весьма короткий срок в районе боев было сосредоточено 7 танковых и 3 моторизованные дивизии.

Советская разведывательная авиация, действовавшая над относительно небольшой Орловской дугой, неоднократно отмечала интенсивную переброску войск во 2-ю танковую армию не только из расположения армии Моделя, но и со стороны Орла и Брянска. Особенно активное движение боевой техники и пехоты противника отмечалось от Змиевки к Орлу. Так, 14 и 15 июля передвижение соединений противника самолеты-разведчики 15-й и 16-й воздушных армий наблюдали всего в 15—40 километрах от линии фронта, а также отслеживали 15 июля сосредоточение танковой группировки противника в районе Подмаслово, Моховое, Дерновка [24].

Перегруппировка значительных сил танковых и моторизованных соединений вблизи линии фронта таила в себе известный риск потерь от ударов советской авиации. Однако странная симметрия Курской битвы, когда противоборствующие стороны, словно поменявшись местами, вольно или невольно повторяли еще недавние ошибки друг друга, сработала и здесь. Так же как и немецкая авиация в начале месяца, советская в его середине не проявила практически никакого интереса к воздействию на коммуникации противника. Основная масса самолетов 15-й воздушной армии была сосредоточена на поле боя, не нацеливаясь командованием на нанесение ударов по передислоцирующимся частям противника на большую глубину, ограничиваясь борьбой с ближайшими резервами, непосредственно подтягиваемыми противником к полю боя. Бывший начальник штаба Брянского фронта генерал Л.М. Сандалов отмечал: *«К сожалению, наша авиация не смогла задержать подход резервов противника к полю сражения. Вследствие этого превосходство наших войск на участке прорыва день за днем уменьшалось. В течение последующих трех дней, 15—17 июля, наступление армий Брянского фронта все более замедлялось»* [25]. Задачи по борьбе на коммуникациях врага были «отданы на откуп» командованию АДД, которое концентрировало все свои

усилия на нанесении ударов по крупным железнодорожным узлам — Орел, Болхов, Карачев и Брянск, о чем мы расскажем ниже.

Перегруппировка немецких войск велась в непростых условиях. После обильных дождей середины июля многие дороги размокли, что существенно снизило подвижность пехотных частей. Выход из этой ситуации был найден в переброске маршевого пополнения из Польши и Германии при помощи транспортной авиации. Воздушный путь в эти критические дни стала весьма популярной мерой. Так, по показаниям пленного из 262-й пехотной дивизии, его маршевый батальон был переброшен из Польши в Брянск со всем вооружением силами 30 Ju 52. При этом каждый «юнкерс» брал на борт 13 и более солдат с оружием и багажом. Всего, по словам пленного, таким образом было переброшено свыше 500 человек. Часто сообщения об отправленном пополнении передавались открытым текстом и легко перехватывались советской радиоразведкой. В частности, 13 июля было перехвачено переданное открытым текстом сообщение из Орла: *«Сегодня три части высланы из Бреслау воздушным путем, будут размещены при аэродроме Орел (западный)»* [26].

С 14 июля был значительно усилен боевой состав 6-го воздушного флота, который в своем первоначальном составе уже не мог эффективно противодействовать трем советским воздушным армиям. Подчиненные фон Грайма, не зная отдыха с 5 июля, вынуждены были буквально разрываться между четырьмя участками фронта. 12 июля был издан приказ о передаче в состав 6-го воздушного флота наиболее боеспособных соединений 8-го авиакорпуса. Среди переданных групп были I и III/StG2, III/JG52, I/SchG1 и II/KG27. Из-под Ленинграда в район Орловской дуги были переброшены два «штаффеля» группы II/JG54. На базе же оставшегося отряда 4./JG54 началось формирование новой группы IV/JG54 под командованием известного аса эскадры «Зеленых сердец» Эриха Рудорфера (Rudorffer Erich). На вооружение 4-й группы поступили истребители Bf 109G.

В то же время советская фронтовая авиация, и в частности 15-я воздушная армия, понесшая чувствительные потери в первые дни сражения, получала пополнение лишь в виде отдельных экипажей, прибывавших из запасных пол-

ков. Единственным подкреплением стала 234-я иад, вернувшаяся в состав армии из «командировки» на Центральный фронт. Дивизия была усилена 774-м иап, имевшим на вооружении 21 Як-1, который воевал в составе дивизии до 10 августа. Генерал Н. Ф. Науменко решил использовать дивизию полковника Е.З. Татанашвили, имевшую боевой опыт завоевания господства в воздухе, для выполнения аналогичной задачи, оперативно подчинив ее командованию 1-го гв. иак.

Напряжение в воздухе в течение 14—15 июля по сравнению с первыми днями боев значительно снизилось. 14 июля штабом 15-й воздушной армии было отмечено всего 190 дневных самолето-вылетов, а на следующий день — 340. Разведывательными полетами не удалось зафиксировать концентрации немецкой авиации на прифронтовых аэродромах. Так, проведенная утром 15 июля разведка позволила обнаружить на аэродромах Солнцево, Хомуты и Кнубрь всего 95 самолетов противника. В районе Протасово воздушные разведчики обнаружили полевую площадку, на которой находилось 25 истребителей FW 190.

Причиной резкого спада активности немецкой авиации являлось почти ее полное сосредоточение против успешно продвигавшихся вперед частей 11-й гвардейской армии. Однако при малейшей активизации войск Брянского фронта немецкие бомбардировщики тут же появлялись над линией фронта. Так, например, 15 июля с 16:35 до 17:30 группы самолетов Ju 87 и Ju 88, насчитывавшие до 40 машин каждая, в течение часа ожесточенно бомбили советские войска в районах Желябуг, Сетуша, Ворошилово, Кочеты. Отметим, что прибывшие сюда 2-я и 8-я танковые дивизии также неоднократно и весьма успешно контратаковали наступающие советские части, стараясь обеспечить планомерный отход основных сил 56-й и 262-й пехотных дивизий за реку Олешня. 15 июля немецкие танки из района Моховое и Подмаслово контратаковали вновь введенный в бой 1-й гвардейский танковый корпус. Понеся значительные потери, соединение генерала М. Ф. Панова было отведено в тыл на переформирование.

Появление с 15 июля относительно большого числа немецких танков прибавило работы штурмовой авиации 15-й воздушной армии, позволив активно использовать запасы

кумулятивных ПТАБов. Одними из первых наиболее удачно применили это новое оружие экипажи шестерки «илов» 810-го шап под командованием младшего лейтенанта Рогачева. В районе Соймоново они атаковали около 50 танков, изготовившихся перед атакой. Интервал между бронированными машинами был не более 5—10 метров, в то время как пилоты «илов» заходили в атаку вдоль строя. Это позволило им поджечь в ходе четырех атак до 15 немецких танков [27]. Еще более эффективными были действия штурмовиков 16 июля, когда 99 Ил-2, содействуя войскам 63-й армии, атаковали большое скопление вражеской бронетехники. В результате массированного удара с переднего края и КП 63-й армии было видно, как немцы вынуждены были отбуксировать в тыл до 28 подбитых танков и самоходных орудий [28].

По опыту применения кумулятивных бомб экипажами 3-го шап, а также данным наземных частей, удалось выяснить следующее: *«...при прямом попадании в танк бомба ПТАБ-2,5—1,5 выводит его из строя или полностью уничтожает, вызывая пожар и взрывы боеприпасов. Бомбовая нагрузка одного самолета при тактически правильном применении ПТАБ позволяет поражать с одного захода несколько танков, особенно скопление их у мест заправки горючим на исходных рубежах и т.п.»* [29].

В ходе боевой работы были выявлены и недостатки в использовании нового оружия. Нередко при вылетах на боевое задание отмечалась неполная загрузка самолетов, что еще более усугублялось небольшим количеством машин, выделяемых для борьбы с бронированными целями. В большинстве случаев при обнаружении такой группой большого скопления танков противника командование вынуждено было повторно высылать группы штурмовиков, однако за прошедшее время противник успевал рассредоточиться, укрываясь в лесах, где эффективность действия ПТАБ резко снижалась. Не способствовал эффективному применению ПТАБ большая высота их сброса.

Анализ расхода боеприпасов позволил командованию 15-й воздушной армии сделать своеобразное «открытие». При избытке в частях ФАБ-100 количество бомб более мелких калибров резко сократилось. Причиной были, как ни странно, оружейники частей, которые при попустительстве

командиров сами решали, какой калибр подвешивать для выполнения боевых заданий. Начальник штаба 15-й воздушной армии генерал-майор А.А. Саковин отмечал: *«В настоящее время, когда большинство бомбометаний производится по дорогам и живой силе противника, большой расход ФАБ-50 и особенно АО-25 объясняется не поставленными задачами, а нежеланием технического состава летных частей, которому проще и легче подвешивать ФАБ-50 и АО-25, чем ФАБ-100 и мелкие калибры»* [30].

К вечеру 16 июля части 3-й армии, продвинувшиеся за пять дней боев на расстояние от 17 до 22 километров, подошли к реке Олешня, расстояние от которой до Орла составляло 35—40 километров. Несмотря на то что восточный берег реки еще не был полностью очищен от противника, командующий армией генерал А.В. Горбатов решил на следующее утро продолжить наступление силами 25-го стрелкового корпуса и 1-го гвардейского танкового корпуса, который уже третий раз за всю операцию вводился в бой. С воздуха это наступление поддерживали 72 Ил-2 из состава 15-й воздушной армии. Штурмовики должны были нанести удар восточнее опорного пункта немецкой обороны Моховое. Кроме того, по этим же целям и дорогам ночью работали экипажи АДД и легкобомбардировочной авиации.

Заметно усилило действия ударной авиации 15-й воздушной армии временное вхождение в ее состав двух бомбардировочных дивизий 2-го бак, который согласно приказу командующего ВВС Красной Армии от 9 июля перебазировался из состава 4-й воздушной армии в район Калуги. Перед соединением была поставлена задача аналогичная той, которую получили на 17 июля также 204-я бад и 233-я шад 1-й воздушной армии, — нанесение непрерывных бомбардировочных ударов по железнодорожным станциям на участке Орел—Карачев. Одной из основных целей для 18 экипажей 285-й бад указывалась станция Нарышкино. Прикрытие Пе-2 корпуса возлагалось на 20-й иап 1-й воздушной армии.

Об организации взаимодействия между бомбардировщиками и истребителями подробно повествуют строки отчета 2-го бак: *«К истребителям был послан командир 35-го гв. бап подполковник Борцов, который командует 17 дней и всех принципов взаимодействия, выработанных в корпусе, не знал. Кро-*

ме того, он не знал маршрута полета и боевого порядка бомбардировщиков. На аэродром к истребителям прибыл в тот момент, когда истребители взлетали для прикрытия бомбардировщиков» [31].

Отсутствие взаимодействия между бомбардировщиками и истребителями самым негативным образом сказалось на результатах вылета. На подходе к цели девятка «пешек» 205-го бап, шедшая под сопровождением 6 Як-9 20-го иап, подверглась внезапной атаке пары немецких истребителей, которые сбили один бомбардировщик. По всей видимости, эту победу одержал пилот из 8./JG52, лейтенант Бертхольд Кортс (Korts Berthold). Вскоре после сбрасывания бомб группу «пешек» атаковало свыше 20 немецких истребителей из состава III/JG52 и IV/JG51. По свидетельству экипажей, атаки велись со всех направлений. Было сбито 3 Пе-2 и 2 Як-9, а один бомбардировщик серьезно поврежден. Вскоре группа сопровождения 20-го иап окончательно распалась — одна пара «яков» оторвалась, тогда как у другой произошел отказ оружия. Ее пилоты вынуждены были пристроиться под защиту оборонительного огня группы бомбардировщиков. Согласно немецким данным, по два сбитых Пе-2 были записаны на счет унтер-офицеров Гельмута Хольца (Holtz Helmut) и Йохана Маркля (Markl Johann) из отряда 11./JG51.

Тяжелый бой пришлось выдержать и второй девятке из состава 35-го гв. бап, шедшей под прикрытием 8 Як-9 того же 20-го иап. В районе Нарышкино на высоте 3100 метров бомбардировщики были атакованы 10 FW 190 и 3 Bf 109, которые произвели до шести атак. При этом истребители сопровождения разошлись в разные стороны, а с бомбардировщиками осталась всего пара «яков». В результате воздушного боя было потеряно 3 Пе-2. Отметим, что на сей раз противниками советских экипажей стали пилоты из состава 7./JG51. Унтер-офицером Генрихом Диттльманном (Dittlmann Heinrich) было сбито два, а лейтенантом Карлом-Хайнцем Вебером (Weber Karl-Heinz) один советский бомбардировщик.

Вернемся к рассмотрению событий 17 июля в полосе наступления 3-й армии. С самого утра они приняли нежелательный для советской стороны оборот. Расположение частей 25-го стрелкового корпуса подверглось ожесточенной

бомбежке, что задержало его наступление до середины дня. Когда пехота и танки 1-го гвардейского танкового корпуса снова попытались перейти в наступление, они подверглись ожесточенной бомбежке и контратакам немецких танков, потеряв в ходе боя до 50% материальной части [32].

Штаб 1-го гвардейского танкового корпуса докладывал, что в соединении особенно остро стала ощущаться нехватка зенитных средств. ПВО корпуса состояла из 80-го гвардейского артиллерийского полка ПВО, имевшего 16 орудий МЗА и 16 пулеметов ДШК, а также 4-й зенитно-пулеметной роты с 36 ДШК. Штаб корпуса прикрывали 8 орудий МЗА и 8 ДШК. 34-й танковый полк прорыва имел на вооружении 4 орудия МЗА. Тылы корпуса прикрывались 4 орудиями МЗА и 8 ДШК. Кроме того, каждая танковая бригада имела по отдельной роте, в которой на вооружении имелось 9 ДШК.

На деле эффективность зенитной артиллерии оказалась весьма низкой, что подтвердил опыт боевых действий. *«Учитывая превосходство авиации противника и ее активность, средств ПВО корпуса было недостаточно. Прикрытие пулеметным огнем ДШК абсолютно неэффективно. Надежным является только орудийный огонь»*, — докладывал штаб корпуса. То, что 1-й гвардейский танковый корпус входил в состав то одной, то другой армии, также отразилось на его обороноспособности: *«63 армии в ходе боя 14.7 были даны в распоряжение корпуса два артиллерийских полка ПВО (1371 ап и 1349 ап), но уже к исходу дня 16.7 были изъяты при переходе корпусов в подчинение 3 армии. 3-я армия средств усиления ПВО корпусу не дала до окончания его действий в составе армии»* [33].

Отметим, что за все время пребывания в составе Брянского фронта (13—23.7.43) части 1-го гвардейского танкового корпуса неоднократно подвергались ожесточенным налетам вражеской авиации, совершившей, по оценкам наземных наблюдателей, 3816 самолето-вылетов и уничтожившей 26 танков. Согласно другим данным, потери соединения были более скромными, составив за период с 12 по 24 июля 5 Т-34 и 8 Т-70 [34]. Несмотря на прикрытие танковых бригад истребителями 3-й гв. иад практически во все периоды сражения, советским пилотам редко удавалось сорвать бомбежки противника. Характеризуя борьбу за господство в воздухе над боевыми порядками своего соединения, генерал

М.Ф. Панов писал: *«Превосходство авиации противника в воздухе над боевыми порядками корпуса было несомненным. Авиация была основным средством воздействия противника на наступающие соединения и части корпуса. Весьма часто потери от авиации противника превышали потери на поле боя»* [35].

17 июля основная тяжесть в отражении немецких налетов легла на плечи пилотов 234-й иад, которая после короткого отдыха снова была введена в бой. Первый же день боевой работы на Брянском фронте принес пилотам полковника Е.З. Татанашвили «улов» в виде 4 Ju 87 и 9 FW 190. Безусловно, не все эти победы подтверждаются немецкими документами. Однако одну весьма чувствительную потерю от действий летчиков 234-й иад понесла эскадра StG2, лишившаяся командира 2-го отряда кавалера Рыцарского креста Эгберта Якеля (Jaeckel Egbert). Из мемуаров Руделя следует, что Якель прославился не только как мастер бомбардировочного удара, но и как заядлый воздушный боец, имевший на момент своей гибели 12 сбитых советских самолетов, большинство из которых, по мнению Руделя, составляли истребители. Точная очередь одного из пилотов 234-й иад в районе Большое Очкасово поставила точку в карьере немецкого аса. Немецкие источники указывают, что Якель был сбит истребителями Ла-5, однако эта информация не находит своего подтверждения. В документах 15-й воздушной армии упоминания о победах «лавочкиных» над «штуками» за 17 июля отсутствуют. Судя же по оперсводкам 234-й иад, на эту победу претендуют сразу три пилота дивизии: старший лейтенант А.К. Виноградов и капитан К. Ф. Захаров из 233-го иап, а также красноармеец А.Н. Радченко из 248-го иап.

Неожиданно для командования 1-го гв. иак тяжелые потери 17 июля понес весьма успешно действовавший в районе Болхова 65-й гв. иап. На свой аэродром не вернулось 4 Як-1 во главе с Героем Советского Союза лейтенантом Г.Г. Гуськовым. Восьмерка «яков» в вечерних сумерках атаковала 18 Ju 88, шедших под прикрытием такого же количества FW 190. Немецких самолетов в воздухе оказалось так много, что после команды ведущего атаковать бомбардировщики группа истребителей распалась на отдельные машины, в результате чего пилоты друг за другом практически не следили.

Лейтенант Г.Г. Гуськов, несмотря на свой 20-летний возраст, сумел за короткое время стать одним из результативнейших пилотов 65-го гв. иап. Начав воевать в ноябре 42-го года, он уже в начале января одержал свою первую победу. К концу же марта 43-го года на боевом счету пилота числилось уже 11 немецких самолетов. Командование дивизии не могло не отметить столь стремительный взлет. 24 мая 1943 года молодому пилоту было присвоено звание Героя Советского Союза. Всего на момент своей гибели ас имел на своем счету 16 сбитых немецких самолетов.

Боевые действия 65-го гв. иап получили высокую оценку со стороны командования 20-го танкового корпуса. Отмечая, что общее соотношение сил авиации на болховском направлении было на стороне противника, штаб соединения отмечал: *«Приданный корпусу полк истребителей даже при своей малочисленности оказал большую помощь. Плохо одно — бомбардировщики противника бомбили в дождь, для нас это была нелетная погода»* [36]. Остается добавить, что на болховском направлении 65-й гв. иап продолжал действовать до 18 июля, уже через четыре дня воссоединившись со своей дивизией на аэроузле Выползово.

Наступление 3-й и 63-й армий 17 июля окончилось неудачей. Армия генерала А.В. Горбатова продвинулись на 2 километра, тогда как объединение В.Я. Колпакчи и все осталось на месте. Командованию Брянского фронта стало очевидно, что без ввода в сражение переданной в состав фронта еще 14 июля 3-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта П.С. Рыбалко добиться решительного успеха не удастся. На этом первый этап наступления войск Брянского фронта закончился. Положение немецких войск восточнее Орла тоже было весьма непростым. Активные наступательные действия левого фланга Западного и основных сил Центрального фронтов недвусмысленно указывали на замыслы советского командования по окружению и уничтожению всей орловской группировки. Особенно опасным выглядел прорыв 11-й гвардейской армии, которая частью сил наносила удар в обход болховской группировки с запада, а другой нацеливалась на шоссе Орел—Брянск. Во многом судьба сражения на Орловской дуге решалась именно здесь. О боевых действиях пилотов 1-й воздушной армии наша следующая глава.

4.3. ФЛАНГОВЫЙ УДАР 11-й ГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ (12 июля — 30 июля. Западный фронт)

Задачи 11-й гвардейской армии при проведении операции «Кутузов» вытекали из необходимости ликвидации болховской группировки противника и перехвата железной дороги Орел—Брянск. Если первую задачу войска генерал-лейтенанта И.Х. Баграмяна должны были выполнять во взаимодействии с частями 61-й армии, наступавшими с северо-востока на Болхова, то для решения второй задачи предусматривалось использование 1-го танкового корпуса, который нацеливался на выход к железнодорожной ветке в районе Хотынец. То, что 11-й гвардейской армии предстояло наступать по расходящимся направлениям, во многом определило ее сильный состав, который почти в два раза превосходил состав обычной общевойсковой армии. Напомним, что кроме 12 стрелковых дивизий в состав объединения были включены 2 танковых корпуса, 4 танковые бригады, 2 танковых полка прорыва, а также многочисленная артиллерия. Неудивительно, что уже в первый день проведения операции войска генерала И.Х. Баграмяна достигли впечатляющих успехов.

В ночь на 12 июля, непосредственно перед началом наступления, экипажи АДД и легкомоторной бомбардировочной авиации наносили бомбардировочные удары по опорным пунктам немецкой обороны и узлам связи. С рассветом, в 3:20, на всем фронте 11-й гвардейской армии началась сильная артиллерийская подготовка, план проведения которой был весьма изощренным. Впервые в такой крупной операции был применен ложный перенос огня в глубину, что привело к большим жертвам среди немецких войск. В местах наибольшей интенсивности артиллерийского огня оборона была практически сметена с лица земли, 13 из 25 разведанных артиллерийских батарей противника оказались уничтожены вместе с прислугой, а остальные 12 выведены из строя. Большинство долговременных укреплений дзотов, блиндажей, бронеколпаков, пулеметных гнезд были разрушены. Кроме того, на переднем крае было уничтожено много орудий противотанковой артиллерии. Чувствительные потери

были нанесены и резервам, которые, пытаясь занять оборону, сами попали под мощный артобстрел.

Непосредственно перед началом атаки самолетами 1-й воздушной армии над передним краем была поставлена дымовая завеса, удерживавшаяся в воздухе в течение 30 минут. Эту задачу выполнила группа штурмовиков 565-го шад 224-й шад, которые сбросили 24 фосфорные бомбы ДАБ-100-80ф. Благодаря этому пехоте, следуя за огневым валом, удалось сблизиться с вражескими траншеями на 100—150 метров, изготовившись к дальнейшему броску в атаку.

По всей видимости, пехотинцы перешли в наступление даже несколько раньше, чем намечалось, так как подошедшие для бомбежки переднего края 65 Пе-2 204-й бад были перенацелены командованием прямо в воздухе на новые цели. Когда экипажи «пешек» готовы были сбросить свой груз на позиции противника, неожиданно выяснилось, что пехота 11-й гвардейской армии уже успела занять их. Вот как вспоминал об этом в своих мемуарах начальник политотдела дивизии Л.А. Дубровин, ведущий одной из колонн дивизии: *«Сейчас пикируем. Штурманы приготовились разрядить бомбовые люки. И вдруг по радио с земли слышу приказ:*

— Группам Дубровина и Маркова отставить бомбометание! Цель занята нашими войсками! Не бомбить! — И через несколько секунд: — Переключиться на новую цель — артиллерийские позиции вдоль восточной кромки леса» [37].

Следом за пикирующими бомбардировщиками следовали многочисленные группы Ил-2, общей численностью до 80 машин, которые занялись подавлением оставшихся огневых точек и узлов сопротивления на переднем крае, а также ударами по отходящим войскам противника.

Успех наступления был полный — уже к 8:00 был преодолен основной оборонительный рубеж. Эффективность взаимодействия различных родов войск при прорыве оказалась исключительной. Особых похвал удостоились артиллеристы. В своем докладе Сталину о начале операции «Кутузов» Г.К. Жуков отмечал: *«Пехота противника, привыкшая к тому, что броску в атаку нашей пехоты предшествовал наибольший темп огня, а потом перенос его в глубину, сегодня также ожидала нашего шаблонного переноса огня по глубине, отсиживалась в укрытиях и прозевала атаку нашей пехоты, благодаря чему мы очень быстро захватили передний край и имеем боль-*

шое число пленных» [38]. Разгромленные части 293-й и 211-й пехотных дивизий, потерявшие до 50% личного состава, разрозненными группами отходили на юг.

Одной из основных задач штурмовых соединений 1-й воздушной армии после прорыва немецкой обороны стали действия в ближнем тылу противника. Вначале они носили весьма ограниченный характер. Так, например, в 233-й шад для выполнения этой задачи было привлечено всего четыре пары «охотников». Однако по мере поступления сведений о выдвижении к месту прорыва частей 5-й танковой дивизии и пехоты к ударам были привлечены также 233-я и 224-я шад. Третья штурмовая дивизия объединения генерала М.М. Громова — 231-я шад — 12 июля действовала ограниченно, совершив всего 12 вылетов и потеряв при этом пару Ил-2 из 873-го шап. Экипажи штурмовиков стали жертвами собственной лихости и невнимательности. Возвращаясь после разведки в районе Речица, ведущий пары старший лейтенант Невалин решил атаковать 8 самолетов противника, опознанных им как Ju 88, которые с круга бомбили наши войска. Невалин атаковал один из двухмоторных самолетов, который тут же задымил. Однако только тут советские летчики поняли, что их противниками были не «юнкеры», а тяжелые истребители Bf 110. Пытаясь уйти на свою территорию, оба штурмовика были атакованы и сбиты.

Успешное развитие наступления 11-й гвардейской армии предопределило относительно ранний ввод в сражение бригад 5-го танкового корпуса, который уже около 17:00 при поддержке с воздуха экипажей 224-й шад развернул наступление в направлении Старица. Немецкие части пытались закрепиться на этом рубеже, но к исходу дня были отброшены к тыловому оборонительному рубежу в районе Ульяново.

Основные усилия авиации 6-го воздушного флота 12 июля были сосредоточены в полосе наступления 3-й и 63-й армий Брянского фронта, а также в районе Болхова. Масштаб наступления левого крыла Западного фронта северо-восточнее Ульяново стал отчетливо вырисовываться для командования группой армий «Центр» только к исходу дня. Неудивительно, что, согласно донесению штаба Западного фронта начальнику Генерального штаба, за весь день войска 11-й гвардейской армии лишь однажды подверглись атаке

десяти Ju 88 (по другим данным, это были Ju 87). Постами ВНОС было зарегистрировано от 70 до 150 самолето-пролетов противника. В то же время 435 самолетов 1-й воздушной армии выполнили 632 дневных самолето-вылета. Отметим, что на действия авиации 12 июля значительные ограничения наложили неблагоприятные метеословия.

Во второй половине дня командование 6-го воздушного флота начало переброску отдельных подразделений самолетов к месту возникшего кризиса. Некоторые отряды при этом вынуждены были вести боевую работу с импровизированных площадок, располагаясь непосредственно рядом с наземными войсками. Один из таких «аэродромов», на котором находилась колонна танков и девятка двухмоторных «мессершмиттов» из I/ZG1, обнаружили пилоты 996-го шап, что дало им редкую возможность поразить в одной атаке как танки, так и самолеты.

Забегая несколько вперед, отметим, что в ходе последующих дней сражения советские авиаторы еще не раз отмечали случаи базирования немецких самолетов непосредственно у линии фронта. Так, например, подразделения истребителей Bf 110 продолжали использовать аэродром Сорокино, когда расстояние от него до линии фронта составляло всего 3—4 километра. Аналогичная ситуация сложилась и на аэродроме Рясники в районе Карачева. Здесь располагалось до 100—150 самолетов, тогда как сам аэродром находился всего в 15 километрах от расположения советских войск. Вместе с повышенным риском ударов с воздуха это в то же время позволяло командованию 6-го воздушного флота применять авиацию оперативно и с большим напряжением.

К вечеру действия немецких истребителей приобрели большой размах. Над линией фронта были отмечены смешанные группы «фокке-вульфов» и двухмоторных «мессершмиттов», несколько раз нападавших на штурмовиков. Так, уже в девятом часу вечера одиннадцать «илов» 224-й шад и девятнадцать «яков» 303-й иад были атакованы группой численностью до 20 Bf 110 и 10 FW 190. Несмотря на большое количество самолетов, участвовавших в этом бою, потери сторон ограничились лишь поврежденными машинами. На этом первый день сражения в полосе наступления 11-й гвардейской армии завершился.

В результате тщательно спланированной и проведенной операции по прорыву обороны 53-го армейского корпуса успех объединения генерала И.Х. Баграмяна был впечатляющим. За день боев на фронте, шириной 14—16 километров, 11-й гвардейской армии при интенсивной поддержке авиации 1-й воздушной армии удалось продвинуться в глубину на 10—12 километров. Ставка Верховного Главнокомандования отреагировала на этот успех, передав в ее состав вечером 12 июля 5-й механизированный и 25-й танковый корпуса, находившиеся в районе Юхнова и Мосальска. Эти соединения предназначались для развития наступления в направлении Хотынец и Карачев.

На следующий день, 13 июля, картина сражения на земле и в воздухе не претерпела особых изменений. Части 11-й гвардейской армии, усиленные во второй половине дня 1-м и 5-м танковыми корпусами, продолжали успешное развитие наступления в южном и юго-восточном направлениях. При этом каждое из подвижных соединений взаимодействовало со «своей» штурмовой авиадивизией, обеспечивавшей огневую поддержку с воздуха. 5-й танковый корпус сопровождали самолеты 224-й шад, тогда как танкисты 1-го танкового корпуса взаимодействовали с экипажами 231-й шад.

В условиях плохой видимости и моросящего дождя экипажи штурмовиков тем не менее смогли оказать существенную поддержку наземным войскам, одновременно ведя тактическую разведку в ближнем тылу противника и тут же нанося бомбоштурмовые удары по выявленным целям. Так, например, разведчики 231-й шад обнаружили выдвижение во фланг 11-й гвардейской армии до двух полков немецкой пехоты с танками. Своевременно переданное предупреждение позволило командованию дивизии сосредоточить все усилия на борьбе с этой группировкой противника. Последовательными атаками, продолжавшимися в течение 2,5 часов, противник был рассеян. Тем самым были созданы предпосылки для успешного наступления частей 1-го танкового корпуса. После удара 231-й шад в районах Медынцево, Дудорова, Синичкин 1-й танковый корпус смог сломить сопротивление 5-й танковой дивизии противника, овладев этими населенными пунктами.

Так же успешно действовали и экипажи 224-й шад, взаимодействуя с бригадами 5-го танкового корпуса, продвигавшегося вдоль реки Вытебеть. Пилоты «илов» отмечали, что при атаках по дорогам немецкая ПВО в большинстве случаев была малоэффективна или вовсе отсутствовала, что позволяло штурмовикам делать до 4—5 заходов на цель. В результате на участке дорог Старица—Дудоровский—Кцынь движение автотранспорта оказалось практически полностью парализованным. Вечером того же дня штурмовики 996-го шап 224-й шад под командованием лейтенанта Денежкина бомбами ФАБ-100 и АО-25 взорвали мост через реку Рессета в районе Кцынь, у которого скопилось 12 танков и до 40 автомашин. Положение немецких частей в полосе наступления 11-й гвардейской армии еще более ухудшилось. К исходу дня ширина прорыва фронта составила уже 23 километра, достигая в глубину 12—25 километров.

Интенсивность использования авиации 1-й воздушной армии несколько повысилась. За 13 июля было совершено 942 самолето-вылета, из них 745 днем. Противник ответил на это, по данным постов ВНОС, 180 самолето-пролетами своей авиации. Значительно повысилась интенсивность самолето-вылетов штурмовой авиации. Так, только экипажами 231-й шад было совершено 13 июля в четыре раза больше вылетов, чем накануне (76 против 12). Однако при наличии достаточного количества истребителей прикрытия и эта цифра могла быть выше в два раза.

Недостаток истребителей сопровождения приводил к тому, что некоторые группы штурмовиков вынужденно вылетали на боевое задание без прикрытия. В ряде случаев это привело к неоправданным потерям. Так, четверка Ил-2 198-го шап 233-й шад, ведомая командиром эскадрильи капитаном В.А. Малинкиным, атакуя колонну автомобилей на дороге из Дурнево в Сорокино, была атакована шестеркой Вf 110. Удачным маневром будущему дважды Герою Советского Союза лейтенанту А.Н. Ефимову удалось зайти в хвост одному из «сто десятых», который, в свою очередь, атаковал самолет комэска. С дистанции 20—25 метров советский летчик поразил левый мотор «мессершмитта», из которого повалил густой черный дым с языками пламени. В это время шедшая в хвосте самолета А.Н. Ефимова пара Вf 110, в свою

очередь, открыла огонь по штурмовику. Из-за попадания пули в патрон, находящийся в подающих пальцах, у пулемета стрелка сержанта Доброва образовалась задержка. В этот критический момент Добров не растерялся, выстрелив в лоб атакующих «мессеров» из ракетницы, после чего оба немца резко ушли вправо. В это время остальные Bf 110 атаковали Ил-2 В.А. Малинкина, по всей видимости, убив или ранив стрелка. Вскоре горящий самолет комэска врезался в землю. Не вернулись с боевого задания и другие два экипажа, ставшие также жертвами немецких истребителей.

Анализируя список потерь 6-го воздушного флота за 13 июля, можно предположить, что в полосе действия 1-й воздушной армии они составили около 7—9 самолетов. В воздушном бою западнее Болхова пропал без вести Альберт Вальтер (Walter Albert) из штабной эскадрильи JG51, имевший на своем счету 35 побед. Последний раз его «фокке-вульф» видели преследующим группу штурмовиков. Несколько западнее аналогичная судьба постигла Питера Бремера (Bremer Peter) из 1./JG54, успевшего одержать 40 побед. Согласно советским документам, этот пилот был сбит в воздушном бою и попал в плен.

Особенностью второго дня боев стали большие потери среди самолетов Ju 88, составившие восемь машин, в том числе три тяжелых истребителя модификации С-6 из состава III/KG1 и III/KG51. Большинство из «юнкерсов» было сбито в полосе Брянского фронта. Однако документы 1-й воздушной армии отмечают, что истребителями 2-го иак было уничтожено несколько «восемьдесят восьмых», действовавших в районе аэродромов соединения. Первыми успеха добились пилоты 1-го гв. иап, сбившие в районе Сухиничей одиночный Ju 88. Немного позднее еще один самолет этого типа был сбит в этом же районе пилотами пары 2-го гв. иап. Возможно, что жертвами советских пилотов стали как раз упоминавшиеся нами Ju 88С-6. Из нашедших подтверждения побед истребителей 1-й воздушной армии отметим также победу младшего лейтенанта А.И. Майорова. В районе Козельска он сбил He 111 из состава 4./KG4, три человека из состава экипажа которого попали в плен.

Потери группы «охотников» I/ZG1 за первые два дня боев, на первый взгляд, были не столь значительны — три

Bf 110, включая противотанковый Bf 110G-2/R1 из состава Pz.Jg.St/ZG1, были потеряны безвозвратно, а еще два получили повреждения. Тем не менее одним из погибших пилотов оказался командир эскадры ZG1 кавалер Рыцарского креста майор Йоахим Блехшмидт (Blechschiidt Joachim), имевший на момент гибели 17 воздушных побед. До этого Блехшмидт командовал группой I/ZG1. Передав ее в начале апреля гауптману Вилфриду Германну (Hermann Wilfried), Блехшмидт получил должность commodора эскадры. Новый командир I/ZG1 не намного пережил своего командира. Уже на следующий день, 14 июля, юго-восточнее Крапивны его Bf 110G-2 был сбит зенитной артиллерией. Таким образом, за три дня боев эскадра и ее первая группа оказались практически обезглавлены.

Возвращаясь к гибели Блехшмидта, отметим, что, вероятно, его самолет был сбит вечером в стычке с Як-9 французской эскадрильи «Нормандия». В ходе этого боя восьмерка французов атаковала большую группу «сто десятых», и точная очередь капитана Литольфа поставила точку в карьере немецкого аса. Кроме того, французские пилоты заявили об уничтожении еще двух немецких самолетов.

Забегая вперед, скажем, что нагрузка, выпавшая на личный состав «Нормандии», действовавшей в составе 303-й иад, возрастала день ото дня, достигнув своего пика 16 июля. В этот день все десять проведенных воздушных боев 303-й иад числятся за французскими авиаторами. Из них только два оказались результативными. В первом бою французским летчикам удалось уничтожить в районе Знаменское пару Bf 110 и один FW 189. Второй бой сложился для экипажей «Нормандии» крайне неудачно. Атаковав в районе Красниково группу, насчитывавшую до 20 Ju 87, пилоты «яков» прозевали атаку шестерки «фокке-вульфов». В результате на свой аэродром не вернулись капитан Литольф, лейтенанты Кастелен и Бернаван. На следующий день список потерь части также составили три пилота — эскадрилья лишилась своего командира майора Тюляна, который погиб вместе с лейтенантами Бермани и Бегеном при сопровождении штурмовиков 224-й шад [39].

Успехи истребительной авиации 1-й воздушной армии в ходе боев 12—13 июля были достигнуты при относительно

слабом противодействии противника. По итогам 13 июля командование 1-й воздушной армии отметило, что большинство недостатков, выявленных в предыдущие дни, удалось устранить. Действия истребителей стали более организованные и целенаправленные. Однако, как отмечал командующий 1-й воздушной армией генерал-лейтенант М.М. Громов, среди экипажей велика еще была самоуспокоенность, вызванная низкой активностью авиации противника. В своем приказе 2-му иак на 14 июля М.М. Громов отмечал: *«Завтра ожидается усиление авиации противника, что может вызвать большие потери, при наличии беспечности и нечеткой работы наших летчиков.... Летчикам Благовещенского быть готовыми не только к отражению, но и к разгрому ненавистного врага»* [40].

События следующего дня показали, что командующий как в воду глядел. 14 июля активность немецких экипажей резко возросла. Нанеся 13 июля тяжелые потери частям 15-й воздушной армии, основные силы 6-го воздушного флота на следующий день были брошены против наступающих частей 11-й гвардейской армии. Налетами больших групп бомбардировщиков немецкое командование стремилось задержать продвижение войск И.Х. Баграмяна до подхода частей 18-й и 20-й танковых дивизий. Советские посты ВНОС зафиксировали 14 июля в полосе 11-й гвардейской армии свыше 600 самолето-пролетов немецких самолетов. Немецкие документы утверждают, что на самом деле авиаторы 6-го воздушного флота поднимались в воздух 979 раз. При этом 410 самолето-вылетов приходится на соединения Ju 87, еще 250 выполнили пилоты двухмоторных бомбардировщиков и тяжелых истребителей.

Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, большую активность на третий день боев развили экипажи двухмоторных бомбардировщиков. Наблюдателями было зафиксировано свыше 300 самолето-пролетов этих машин. Штаб 2-го иак, указывая на изменения в воздушной обстановке и тактике противника, отмечал: *«Над полем боя создалась напряженная воздушная обстановка, наши летчики вели воздушные бои с превосходящими их группами авиации противника. Своих истребителей противник стал использовать для очищения поля боя»* [41].

Бомбардировка производилась немецкими экипажами в основном с горизонтального полета с высоты 3000—3500 метров. Ее эффективность, согласно оценкам штаба 1-й воздушной армии, была чрезвычайно низкой, а *«воздействие, оказываемое ими на наземные войска, было преимущественно моральным»* [42]. Упомянув на опыт боев начала июля, группы «хейнкелей» и «юнкерсов» нередко появлялись над полем боя без истребительного прикрытия, что привело к тяжелым потерям. По результатам 14 июля, на свои аэродромы не вернулось 26 самолетов — 9 FW 190, 9 He 111, 4 Ju 87 и 4 Ju 88. Из этого числа 20 самолетов было потеряно безвозвратно. Особенно серьезно пострадала эскадра KG53, лишившаяся 6 He 111. Отметим, что большинство двухмоторных бомбардировщиков было сбито истребителями 1-й воздушной армии.

Основной успех в воздушных боях сопутствовал экипажам 2-го иак, заявившим об уничтожении в 49 воздушных боях 80 самолетов противника. По типам это распределение выглядело следующим образом — FW 190 — 27, Bf 109 — 1, Bf 110 — 5, Ju 87 — 15, Ju 88 — 25, He 111 — 6, FW 189 — 1. Однако потери соединения были также велики — на свои аэродромы не вернулось 25 истребителей. Еще 15 побед одержали авиаторы 303-й и 309-й иад.

Документы 1-й воздушной армии особенно выделяют воздушный бой, который произошел в районе Маринка. До 60 бомбардировщиков He 111, возвращаясь с боевого задания, подверглись атаке трех советских истребителей. В ходе воздушного боя на замыкающую шестерку только одному краснозвездному истребителю на глазах наземных войск удалось одного за другим сбить три «хейнкеля». В это же время пара истребителей подбила еще два «сто одиннадцатых», которые совершили вынужденную посадку в поле. Из всей группы только один «хейнкель» смог оторваться и уйти на свою территорию. Удивительно, но штаб 1-й воздушной армии так и не смог определить, летчики какой части провели столь результативный бой. Согласно версии российского авиационного исследователя М. Быкова, возможно, эту убедительную победу одержала группа 2-го гв. иап 322-й иад, которой в период 18:10—19:10 в районе Ягодная—Берестна было сбито 4 He 111. Победы одержали летчики старший

лейтенант Н.П. Пушкин (Герой Советского Союза с 2.9.43), старший лейтенант Ф.М. Лебедев (Герой Советского Союза с 27.6.45), лейтенант М.Е. Рябцев (Герой Советского Союза с 27.6.45) и младший лейтенант Т.Г. Калинин.

Отметим также бой трех Ла-5 49-го иап 309-й иад во главе с капитаном Н.К. Спириденко (Герой Советского Союза с 23.2.45). Сопровождая штурмовиков 231-й шад, пилоты «лавочкиных» внезапно для себя обнаружили левее себя и выше колонну из 22 He 111, прикрытых 12 FW 190. К этому времени Ил-2 выполнили боевую задачу и стали уходить на свою территорию. Капитан Н.К. Спириденко принял решение атаковать самолеты противника. С набором высоты три Ла-5 стали заходить немецким бомбардировщикам в хвост. Пилоты «фокке-вульфов» вовремя заметили приближающиеся «лавочкины» и контратаковали их, завязав воздушный бой на виражах. Капитану Н.К. Спириденко удалось сначала выбить из хвоста своего ведомого один FW 190, а затем и добить его на пикировании. Горящий немецкий истребитель упал в районе Жиздра. Далее пилоты Ла-5 стремительной атакой рассеяли истребители прикрытия и последовательными тремя атаками сбили один He 111. Строй «хейнкелей» распался на мелкие группы, которые стали уходить на свою территорию. Советские летчики без потерь прибыли на свой аэродром.

Вероятно, тройка 49-го иап вела бой с группой He 111 из состава KG4, прикрытых пилотами испанской эскадрильи 15.(sp)/JG51. Согласно немецким данным, в бою в районе Жиздра был сбит FW 190A-2 (зав. номер 2286) лейтенанта Эдуардо Гарсиа-Амиго (Garcia-Amigo Eduardo).

Еще один бой, на сей раз с 22 Ju 88 и 4 FW 190, провела шестерка Як-9 20-го иап 303-й иад. Пилоты группы старшего лейтенанта М.В. Точкова уже на отходе от цели услышали в наушниках команду с земли: «Арканы, правее вас юнкеры». Четверка «яков», оставив штурмовики, отвалила в сторону немецких бомбардировщиков. Ведущая пара напала на четверку «фокке-вульфов» прикрытия, а вторая пара лейтенанта Н. Ф. Свитчонок произвела до 15 атак по выстроившимся друг другу в кильватер «восемьдесят восьмым». В результате нескольких атак летчикам удалось поразить три Ju 88, у од-

ного из которых, по всей видимости, принадлежавшего отряду 8./KG51, отвалилось хвостовое оперение.

Несмотря на ощутимый урон, нанесенный бомбардировщикам 6-го воздушного флота в воздушных боях 14 июля, надо отметить, что советская истребительная авиация также понесла тяжелые потери. Например, во 2-м иак, потерявшем за десять дней, с 14 по 23 июля, 68 самолетов и 45 пилотов, основной удельный вес потерь (около 60%) приходится на период с 14 по 16 июля. К этому времени 7-я гв. иад сократилась до размеров одного полка, насчитывая в своем составе всего 34 самолета. Особенно пострадал 89-й гв. иап. Потеряв 16 июля 5 экипажей, полк к концу дня насчитывал всего 4 исправных истребителя Як-7б, которые на следующий день были переданы в состав 1-го гв. иап. Сам же 89-й гв. иап был отведен на переформирование в тыл. Тяжелые утраты понесла и 322-я иад, на аэродромы которой с 14 по 17 июля не вернулось 36 самолетов.

Воздушные бои показали, что еще многие недостатки в работе истребителей требовали устранения. Интересные выводы о действиях истребительной авиации содержатся в отчете оперативной группы 224-й шад, находившейся при штабе 5-го танкового корпуса. Наблюдением с земли было установлено, что *«истребители группы прикрытия поля боя с работой справлялись удовлетворительно, несмотря на явное количественное превосходство в воздухе... в очень редких случаях вступали в бой с бомбардировщиками противника, вообще вели борьбу вяло, не проявляя упорства»*. Количество сбитых самолетов противника было невелико. Старший группы подполковник Семенов отмечал, что *«потери авиации противника незначительные, всего, по нашим наблюдениям с КП и КП командира корпуса, уничтожено до 20 самолетов [за весь период операции. — Прим. авт.] противника разных типов, большинство сбиты нашими истребителями, а остальные зенитным огнем»* [43].

Случаи, когда истребители не вступали в бой с противником, заставили генерала М.М. Громова выпустить грозную директиву, в которой истребителям при встрече с противником предписывалось с максимальной активностью нападать на воздушного противника, рассеивать его, не допуская бомбометания по боевым порядкам наступающих войск. Среди

неудачных действий истребителей штаб 1-й воздушной армии особенно отметил бесцельные и совершенно неграмотные действия пятерки истребителей «Харрикейн» 179-го иап, которые появились над линией фронта в строю «клин». По всей видимости, на этом применение в ходе Курской битвы оставшихся английских истребителей, боевая ценность которых была более чем сомнительна, закончилось.

Рассмотрим, как складывалась обстановка на фронте 11-й гвардейской армии на третий и четвертый дни операции. Как уже указывалось, командование немецкой 2-й танковой армии, направляя к месту боев все маршевые пополнения и импровизированные части, основную ставку делало на 18-ю и 20-ю танковые дивизии, подход которых ожидался со дня на день.

Боевые задачи соединениям 11-й гвардейской армии были уточнены 15 июля. Теперь наступление, как и предусматривалось планом, должно было вестись по двум расходящимся направлениям. 5-й танковый корпус во взаимодействии с 8-м гвардейским стрелковым корпусом должен был, обходя Болхов с запада, стремиться выйти на шоссе, соединяющее город с Орлом, навстречу частям 61-й армии Брянского фронта. Три других бронетанковых соединения армии: 1-й и 25-й танковые корпуса, а также 5-й механизированный корпус — предназначались для развития наступления в общем направлении на Хотынец.

Роль ударной авиации 1-й воздушной армии в боях 14—15 июля трудно переоценить. При содействии экипажей 224-й шад 5-й танковый и 8-й гвардейский стрелковый корпуса 15 июля удачно форсировали реку Вытебеть, а уже 16 июля с боем взяли Городок, находящийся в 20 километрах северо-западнее Болхова. Бесперывные налеты Ил-2 не позволили немецким танкам развернуться для контратаки. Экипажи «илов» доложили об уничтожении 13 немецких танков. Всего авиаторы 224-й шад сбросили на противника в этих боях 4600 килограммов фугасных и 5032 килограмма осколочных бомб, а также 1050 штук ПТАБ. Командир 5-го танкового корпуса генерал-майор М.Г. Сахно наряду с положительными моментами в применении штурмовиков отметил и недостатки, указав, что даже при отсутствии противодействия противника некоторые экипажи «илов»

находились над целью малое время, бомбили и стреляли по площади, а не по конкретным целям, редко действовали массированно.

Кроме района юго-западнее Болхова, успешные бои в районе Жиздра против частей 55-го армейского корпуса и 5-й танковой дивизии вело правое крыло 11-й гвардейской армии. Для предотвращения расширения фронта прорыва немецкое командование неоднократно использовало здесь соединения самолетов Ju 87 из состава StG1 и III/StG3, а также эскадрилий противотанковых самолетов. Во время одного из налетов 14 июля в районе Кцынь, Дудоровский, Мойлово, Холмищи был сбит зенитной артиллерией командир группы III/StG3 кавалер Рыцарского креста Эберхардт Якоб (Jacob Eberhard). Несмотря на полученные ранения, Якоб остался жив, продолжая руководить группой. Еще одной жертвой советских зенитчиков стал Ju 87G-1 из состава Pz.Jg. St./St.G.1 один из немногих самолетов этого типа, потерянных люфтваффе во время Курской битвы. Активность немецкой авиации в районе действий 55-го армейского корпуса позволила лишь на время приостановить продвижение советских войск. В частности, 14—15 июля немцам не удалось деблокировать свой гарнизон в Холмищи, при штурме которого, согласно советским данным, было пленено до 800 солдат и офицеров.

Если наступление на участке 5-го танкового корпуса шло относительно успешно, то продвижение 1-го и 25-го танковых корпусов на Хотынец к 16—17 июля стало давать пробуксовку. Началось все с того, что 25-й танковый корпус из-за дорог, разбитых сотнями танков, опоздал с сосредоточением на целые сутки. Кроме того, дали знать о себе организационные неувязки. Отчет штаба корпуса свидетельствует: *«Корпус совершенно не был ориентирован о ходе операции. Карты района операций не имел. Попытки посылки командиров штаба выяснить обстановку и план операции в объеме, необходимом для корпуса, успеха не дали»* [44]. Закончив движение по лесным массивам и выйдя на открытую местность недалеко от железной дороги Орел—Брянск, два танковых корпуса стали представлять собой реальную угрозу для всей орловской группировки противника.

Для ускорения переброски резервов к месту прорыва командование группы армий «Центр» задействовало транспортную авиацию. За день воздушными путями к месту боев удавалось перебросить до 1000 и более человек. Так, например, 16 июля по воздуху силами 131 транспортного самолета было перевезено 1155 человек и 93,7 тонны различных грузов. 19 июля, совершив 188 самолето-вылетов, транспортная авиация перевезла 779 человек и 62 тонн грузов [45]. Воздушным путем в район Орла были переброшены из состава 4-й армии часть сил 95-й пехотной дивизии. По показаниям пленных, для этого были использованы даже четырехмоторные FW 200 [46].

Впрочем, основная роль в сдерживании наступления 1-го и 25-го танковых корпусов принадлежала бомбардировочной авиации 6-го воздушного флота. Основными особенностями применения немецкой авиации в этот период документы 1-й воздушной армии называли *«широкий маневр аэродромами и радиусом действий и за счет этого массирование на наиболее ответственных участках. Так, при вводе наших танковых корпусов в прорыв противник в течение 16.7 на узком участке фронта совершил более 1000 самолето-вылетов»* [47].

Отмеченные еще 14 июля первые массированные налеты немецкой авиации на наши танковые корпуса, отраженные в основном зенитным огнем, вскоре приобрели большой размах. С самого утра 16 июля, группами по 15—20 самолетов с 30-минутным интервалом, бомбардировщики противника атаковали колонны 1-го танкового корпуса, продолжая свои налеты вплоть до 22:00. В ходе этих бомбежек особенно пострадал штаб соединения, который трижды бомбили до 40 Ju 87. Танковые бригады за это время подвергались налетам немецких самолетов по 10—12 раз! В результате из строя был выведен почти весь зенитный полк вместе с командованием. В строю осталось всего 4 орудия. За день 1-й танковый корпус потерял 7 Т-34, 7 Т-70, 17 БА-64, 49 автомобилей, 2 бронетранспортера, 9 мотоциклов, 1 радиостанцию. Кроме того, было ранено и убито несколько командиров соединения [48].

Советские зенитчики не остались в долгу, сбив за день три противотанковых Hs 129B-2 из состава Pz.Jg.St./JG51 и 8(Pz.)/SchG1, а также пикирующий бомбардировщик Ju 87.

Сводки 6-го воздушного флота свидетельствуют, что за 16 июля удалось уничтожить 34 советских танка (из них 8 зенитной артиллерией), а также около 100 автомашин. Еще шесть танков было повреждено. Собственные безвозвратные потери составили девять самолетов (2 FW 190, 1 Bf 109, 1 Bf 110, 1 Ju 87, 1 Ju 88, 3 Hs 129), а еще семь машин получили повреждения.

Анализируя действия немецкой авиации, штаб 1-й воздушной армии отмечал: *«Там, где обозначается успех наших войск или создавалась возможность выхода наших подвижных соединений... на оперативный простор, противник немедленно бросал на эти участки большую массу бомбардировочной авиации»* [49]. Заметную роль в сдерживании советских танковых соединений сыграли эскадры пикирующих бомбардировщиков, которые, по свидетельству советских авиационных командиров, наиболее активно и в большом количестве действуя над полем боя, *«представляли наиболее реальную угрозу для наших наступающих войск»*. Весьма эффективным оружием проявили себя и противотанковые Ju 87G, вооруженные 37-мм пушками. По заявлениям танкистов, *«при попадании снаряда в танк последний выходил из строя»* [50].

Личный состав танковых корпусов отмечал, что советские истребители присутствовали в районе боев лишь в незначительном количестве. Причину этого удалось установить 17 июля, когда в штаб 1-го танкового корпуса был доставлен пилот истребителя ЛаГГ (скорее всего, Ла-5), совершивший вынужденную посадку. Летчик пояснил, что отсутствие прикрытия в этом районе вызвано тем, что истребители получили приказ о прикрытии конечного рубежа выдвижения корпуса — станцию Хотынец.

Сложилась поистине драматическая ситуация — танкисты не решались двигаться на Хотынец без разведанных, требуя их от командования 1-й воздушной армии, тогда как последнее, уверенное в продвижении танкистов, высылало свои истребители для патрулирования над районом, где еще находились войска противника! Неудивительно, что немецкое командование поспешило воспользоваться сложившейся ситуацией, подтянув к угрожаемому месту танки и пехоту. Именно задержка с наступлением танковых корпусов на Хо-

тынец и предопределила постепенную утрату инициативы советской стороной.

17 июля танковые корпуса продвижения вперед не имели, оставаясь в лесу. В итоге немецким пилотам удалось подбить всего один Т-34 и сжечь один Т-70, заплатив за это двумя самолетами. Задержка с продвижением 1-го и 25-го танковых корпусов была тем более досадной, что их разведка практически беспрепятственно доходила до Хотынец, а прорвавшая фронт противника 162-й танковая бригада некоторое время даже действовала в тылу противника южнее дороги Орел—Брянск, но, не имея необходимых сил, вынуждена была с боем прорываться к своим. При этом танкисты уничтожили немало живой силы противника и техники, эшелон с танками, а также повредили бронепоезд.

Командование 1-й воздушной армии косвенно обвинило в создавшейся ситуации командование танковых корпусов, которое, по мнению штаба армии, продемонстрировало, «как не нужно применять танки». Рискнем все же предположить, что такая позиция авиационных командиров была в какой-то мере призвана снять ответственность с самих летчиков. Недаром, говоря о причинах неудачи, командир 1-го танкового корпуса генерал-лейтенант В.В. Бутков отмечал, что корпус, понеся неоправданные потери от противотанковой авиации, которая уничтожила 25 танков и много вспомогательной техники, был практически лишен прикрытия с воздуха: *«С выходом корпуса в оперативную глубину и в связи с отсутствием зенитных средств и полного отсутствия прикрытия нашей истребительной авиацией авиация противника массированными налетами сковывала действия корпуса, в результате чего намеченный план захвата Хотынец неожиданным ударом с хода был не выполнен»* [51].

Немецкие источники отмечают полный успех действий своей бомбардировочной авиации против советских танковых соединений. Согласно сводкам штаба 6-го воздушного флота, за период с 16 по 18 июля удалось уничтожить как минимум 115 советских танков, из которых почти половина — 52 — числилось на счету зенитчиков. Кроме того, еще 16 танков получили повреждения [52].

18 июля командование 1-й воздушной армии все же предприняло попытку найти свои танки севернее Хотынец.

В 13:30 командир 224-й шад получил приказ с КП 1-й воздушной армии силами 5 штурмовиков под прикрытием истребителей 303-й иад установить наличие танков на рубеже Знаменское—Льгов, а также определить местоположение сил противника в этом же районе. Группу 565-го шап возглавил капитан И.Я. Урман, начальник ВСС полка. Сопровождали «илы» 12 Як-7 и 3 Ла-5. Однако, несмотря на солидные силы, выделенные для поиска танков, вылет закончился трагически. Пилоты «яков» по неизвестной причине к штурмовикам не пристроились, уйдя в другой район. Оставшиеся «лавочкины» вели воздушный бой с 3 FW 190 в районе Болотово. Но, по всей видимости, немецких истребителей оказалось значительно больше, так как вся группа штурмовиков на свой аэродром не вернулась. Согласно немецким источникам, противниками советских авиаторов стали истребители из состава штабной эскадрильи и I/JG51, которые в течение восьми минут смогли уничтожить 5 Ил-2.

Командование 11-й гвардейской армии постаралось укрепить фронт 1-го и 25-го танковых корпусов частями 36-го гвардейского стрелкового корпуса, который уже 18 июля начал совместные действия с танкистами в направлении Хотынца. Отметим, что до этого населенного пункта оставалось пройти всего около 10—15 километров. Однако сил для решающего рывка уже было мало. Так, в 1-м танковом корпусе имелось на ходу всего 33 танка. Тем не менее 18 июля пехотные части заняли станцию Малое Юрьево, перерезав, таким образом, дорогу Орел—Карачев на узком участке. Уже после войны, анализируя ход операции, а также говоря о просчетах, генерал С.М. Сандалов отмечал, что лишь переброска 3-й гвардейской танковой армии в полосу наступления армии Баграмяна, как изначально предлагалось командующим бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии генералом Я.Н. Федоренко, могла коренным образом изменить ситуацию. К сожалению, этого не было сделано [53].

В последующие дни наступления непрерывные налеты немецкой авиации продолжались. Находившийся при штабе 1-го танкового корпуса старший офицер Генерального штаба полковник А.И. Харитонов так описывал события 18—20 июля в своем отчете: «18.7... *Авиация противника с пре-*

обладающим количеством штурмовиков по-прежнему висит в воздухе безнаказанно, почти на бреющем полете расстреливает наши танки, делая по 8—10 пробоин. 20.7 наша авиация до 14.00 отсутствовала, до 18.00 была в очень незначительном количестве. Авиация противника при наших активных действиях активизируется, при наших остановках также прекращает вылеты» [54]. Потери частей 1-го танкового корпуса были весьма чувствительны. Так, только 89-я танковая бригада потеряла 19 июля сгоревшими 4 Т-34, штабную машину и рацию РСБ. Кроме того, еще 5 Т-34 было подбито. На следующий день немецким летчикам удалось подбить еще три танка [55].

Ставка с тревогой следила за развитием наступления 11-й гвардейской армии. После недели ожесточенных боев становилось все более очевидно — задачи по окружению Болхова и выходу к шоссе Орел—Карачев распыляют силы армии Баграмяна. За восемь дней сражения ее соединения продвинулись более чем на 70 километров, в то время как фронт прорыва расширился до 150 километров. Для продолжения наступления срочно требовались резервы. Уже 18 июля было принято решение о передаче в состав Западного фронта 4-й танковой армии, 11-й армии и 2 гвардейского кавалерийского корпуса, которые предназначались в первую очередь для развития наступления на Карачев. 20—22 июля переданные соединения начали выдвигаться на передовые позиции. При этом, по воспоминаниям командующего 11-й армией генерал-лейтенанта И.И. Федюнинского, его армия вводилась в бой с марша и по частям, что не могло не сказаться на ее успехах. Только за неделю боев она продвинулась на кцыньском направлении всего на 12—15 километров.

Между тем с выходом к железной дороге Орел—Карачев командование 1-й воздушной армии предприняло несколько мощных налетов по станциям Белые Берега и Чернышкино, а также проводило блокирование железнодорожных перевозок противника. В результате налета 36 Пе-2 204-й бад станции получили серьезные повреждения — были разрушены пути, постройки, пострадали несколько составов, а также была взорвана электростанция. Кроме экипажей бомбардировщиков, по железнодорожным станциям Белые

Берега, Одринская, Рессета и Зикеево действовали и группы Ил-2.

233-я шад получила на 17 июля задание разрушить железнодорожное полотно и уничтожением эшелонов прекратить движение на участке Брянск—Карачев. Для выполнения этой задачи было выделено 4 группы по 6 штурмовиков от 198-го и 312-го шап, которые действовали с интервалом 300—400 метров друг от друга. В этих боевых вылетах особенно отличалась группа старшего лейтенанта Алферова, которая буквально за пять минут полета с 8:05 до 8:10 трижды провела атаку по вражеским эшелонам, уничтожив и повредив до 10 крытых вагонов, одновременно накрыв бомбами электростанцию в Белых Берегах. Экипажи 233-й шад отметили в этот день удачные действия истребителей прикрытия: *«Истребители сопровождения 309 иад работали отлично, почти в каждом вылете вели воздушные бои, не допуская истребителей противника к штурмовикам»* [56].

С выходом к железной дороге нередкими стали и атаки немецких аэродромов. Так, в один из вылетов группа капитана Захарова из 312-го шап внезапно сама для себя вышла на аэродром Карачев, проштурмовав его с малой высоты. Было заявлено об уничтожении 10 и повреждении 15 самолетов противника. 18 июля аэродром в Озерской атаковала шестерка «илов» 873-го шап. Из 15 Ju 52, отмеченных на аэродроме, 5 удалось, по докладам пилотов, уничтожить и повредить.

С 20 по 21 июля штурмовики 231-й шад еще трижды навещали немецкий аэродром в Озерской. 20 июля после атаки немецких эшелонов в районе Судимир на него, опять же случайно, вышла семерка штурмовиков 873-го шап. В этот же день 8 Ил-2 568-го шап предприняли еще один удар по аэродрому, атакуя его стоянки на бреющем полете. Зенитная артиллерия противника оказалась застигнута врасплох и противодействия практически не оказала, что позволило, по докладам пилотов, уничтожить на земле девять немецких самолетов. Из трех сбитых прямо над аэродромом курьерских Fi 156 немецкие источники подтверждают потерю двух связанных «физлеров» из состава Kurierstaffel.3.

На следующий день командование решило уточнить численность немецкой авиации на аэродромах Озерская, Му-

житино, где в сумерках, по наблюдениям разведки, совершили посадку 15 немецких самолетов. Шестерка Ил-2 946-го шап, под прикрытием 8 Ла-5 49-го иап, произвела разведку пяти немецких аэродромов. Около 25 FW 190 и Ju 87 было обнаружено на аэродроме в Озерской, который снова был атакован группой штурмовиков. В своих докладах пилоты доложили об уничтожении пяти разведчиков врага — 3 FW 189 и 2 Hs 126.

21 июля штурмовики 224-й шад атаковали аэродром Карачев, где разведчиками 146-го иап удалось обнаружить до 100 немецких самолетов. В тот же вечер для штурмовки вражеского аэродрома вылетело 7 Ил-2 565-го шап под прикрытием 21 истребителя 7-й гв. иад. По пути от группы сопровождения откололись 4 «яка», которые атаковали девятку He 111, возвращавшихся на аэродром Карачев. Около аэродрома советские самолеты были встречены большой группой «фокке-вульфов», с которыми вели упорный воздушный бой. Оставшиеся в одиночестве штурмовики из-за плохой погоды заблудились, выйдя в конце концов на аэродром Брянска! Из-за сумерек наблюдать результаты бомбоштурмового удара не пришлось, но на свой аэродром не вернулось четыре экипажа, которые, по всей видимости, были сбиты немецкими истребителями.

Как видно, во второй половине июля атаки на немецкие аэродромы и взлетные площадки экипажами штурмовых соединений 1-й воздушной армии предпринимались неоднократно. К сожалению, подтвердить или опровергнуть заявки по результатам налетов на немецкие аэродромы практически невозможно, так как, согласно немецким сводкам, за все время на земле был потерян всего один самолет.

Период с 17 по 19 июля стал временем постепенного замедления наступления не только на Хотынец и Карачев, но и в районе Болхова. Части 5-го танкового и 8-го гвардейского стрелкового корпусов были остановлены в 10 км юго-западнее города подошедшими сюда из состава 9-й армии 9-й танковой и 10-й моторизованной дивизиями. Потери в танковых и пехотных частях 11-й гвардейской армии были велики. В 5-м танковом корпусе к исходу 18 июля оставалось всего 10 исправных танков. Кроме того, танкистам пришлось самим отбивать массированные атаки немецких

танков, в которых, по советским оценкам, принимало участие до 100 машин. Находясь временами в полуокружении, части корпуса постоянно подвергались ожесточенным налетам бомбардировщиков.

Впрочем, показания пленных свидетельствовали, что немецкие войска тоже находятся на грани истощения. Так, захваченный 23 июля танкист на допросе показал, что 18-я и 20-я танковые дивизии из-за больших потерь были объединены в одну и подчинены командиру 18-й танковой дивизии, которая понесла тяжелые потери, составлявшие 65—70% боевой техники. В ротах оставалось по 40—45 человек, а танковый полк насчитывал всего около 30 танков [57].

Существенную поддержку наземным войскам в сложившихся условиях продолжали оказывать экипажи штурмовой авиации. Часто только благодаря поддержке с воздуха удавалось нанести противнику значительные потери. Примерами таких эффективных ударов могут служить действия пилотов 224-й шад. 21 июля ее экипажи совершили 83 самолето-вылета, израсходовав в общей сложности 4835 ПТАБ, 75 ФАБ-50 по танкам противника. При этом авиаторы доложили об уничтожении 56 танков и 128 автомобилей. Особенно отличилась группа 565-го шап старшего лейтенанта Червоноокого, которая, получив с КП 5-го танкового корпуса команду, нанесла удар по контратакующему противнику в районе населенного пункта Чупахино. Пятнадцать немецких танков как раз выползали из оврагов, когда на них посыпались ПТАБы и АО-25. В результате бомбоштурмового удара было повреждено несколько танков, а сама атака оказалась сорванной. Червоноокий, заметив на выходе из атаки позиции немецкой артиллерии, со второго захода проштурмовал со своей группой и их.

Так же эффективно действовали и авиаторы 231-й шад. 22 июля в течение часа четыре шестерки Ил-2 штурмовали скопления живой силы и техники противника в районе Меховая—Берестна. При этом особенно отличилась группа 946-го шап старшего лейтенанта И.Е. Москаленко (Герой Советского Союза с 4.2.44), которая, придя в район цели и сделав ознакомительный заход, в течение 20 минут, невзирая на огонь зенитной артиллерии, штурмовала пехоту и позиции артиллерии. В результате немецкая артиллерия прак-

тически прекратила огневое воздействие на наши войска, которые, воспользовавшись этим, с боем взяли населенный пункт Мойлово. За отлично выполненное боевое задание командующий 1-й воздушной армией объявил летчикам благодарность, наградив весь личный состав, участвовавший в вылете.

Отметим, что за все время проведения наступательной операции наиболее активным пилотом-штурмовиком 1-й воздушной армии был признан лейтенант Мокин из 224-й шад, совершивший 21 вылет и удостоенный ордена Красного Знамени. Такую же награду получил и младший лейтенант К.П. Панченко (Герой Советского Союза с 23.2.45). Сбитый за линией фронта, имея на руках и лице тяжелые ожоги, а также не евший все это время, он три дня пробирался к своим по занятой противником территории.

К двадцатым числам июля борьбу за господство в воздухе над районом наступления 11-й гвардейской армии вели ослабленные в боях полки 2-го иак, которые тем не менее оказывали немецким самолетам упорное сопротивление. 19 июля пятерка Ла-5 482-го иап в районе Красниково, патрулируя приблизительно в 20 километрах западнее Болхова, атаковала группу из 20 Ju 87, шедших под прикрытием 8 FW 190. В ожесточенном бою из пяти советских самолетов один был сбит, а еще 2 Ла-5 получили повреждения. Старшему лейтенанту И.Н. Изоху пришлось совершать вынужденную посадку. Оставшаяся пара «лавочкиных» продолжала атаки. Особенно отличился старший лейтенант П.И. Рожок, который, израсходовав весь боезапас, таранил Ju 87D-3 из состава 4./StG1. Протараненная «штука» рухнула на землю, похоронив под своими обломками экипаж, а старший лейтенант П.И. Рожок вернулся в свою часть лишь на следующий день.

Еще один таран совершил 18 июля лейтенант М.Г. Мясников из 20-го иап 303-й иад. Смешанная группа из 12 Як-1 и Як-9 полка атаковала над линией фронта 12 Ju 87, заставив их сбросить свой груз, не доходя до цели. Младший лейтенант М.Г. Мясников, прикрывая своего командира в бою, попытался атаковать зашедший ему в хвост FW 190. Однако скорость «яка» оказалась настолько высокой, что младший лейтенант, боясь проскочить вперед, принял решение

таранить врага и направил свой «як» прямо в хвост немецкому истребителю. Через несколько мгновений машина М.Г. Мясникова срезала хвостовое оперение «фокке-вульфа», который перешел в беспорядочное падение. Каково же было удивление пилота и механиков после приземления на аэродроме, когда в фюзеляже «яка» обнаружили своеобразный «сувенир» — застрявшую лопасть протараненного «фоккера».

В результате понесенных потерь самолетов в составе 2-го иак для прикрытия наземных войск к двадцатым числам июля стало явно не хватать. 18 и 19 июля командование 1-й воздушной армии было вынужденно привлечь для борьбы с немецкой авиацией 309-й иад, частично освободив ее экипажи от задач по сопровождению штурмовиков. Однако двухдневная боевая работа по завоеванию господства в воздухе особых успехов летчикам дивизии не принесла — по официальным данным, было сбито 4 Ju 87 и 9 FW 190. Уже 20 июля экипажи 309-й иад вернули к привычному сопровождению «илов». В этот день командир 2-го иак генерал-лейтенант А.С. Благовещенский попытался в приказном порядке изменить тактику действий истребителей, которая стала напоминать тактику истребителей люфтваффе. В район, предназначенный для прикрытия, высылалась пара или четверка самолетов, которая имела задачу ведения разведки воздушного противника. При появлении бомбардировочной авиации противника разведчики тут же докладывали на КП полка или дивизии, откуда следовал приказ на уничтожение самолетов противника. По всей видимости, этот приказ родился не в штабах, а был вызван необходимостью «оформить» применявшуюся и ранее пилотами истребительной авиации удачную тактику. Так, например, 19 июля пара разведчиков 1-го гв. иап смогла навести восьмерку Як-7б на 20 Ju 87 и 12 FW 190.

Между тем временно затормозившееся наступление войск 11-й гвардейской армии, с улучшением погоды, 23 июля снова возобновилось. Так как боевые действия велись непосредственно около железной дороги Орел—Карачев, немецкое командование впервые применило несколько бронепоездов, которые короткими артиллерийскими налетами задержали на несколько часов продвижение частей

16-го гвардейского стрелкового корпуса. Командир соединения, справедливо решив не ждать застрывшую на лесных дорогах артиллерию, вызвал на поле боя группу штурмовиков, которые, как говорится, не ударили лицом в грязь.

Две группы Ил-2 946-го шап под общим командованием лейтенанта Беликова обнаружили замаскированный немецкий бронепоезд в районе Терebenь—Буки. Чтобы окончательно развеять все сомнения, пилоты штурмовиков сделали ложный заход. Не выдержавшие этой «игры на нервах», немецкие зенитчики открыли огонь, и промчавшиеся на бреющем полете Ил-2 встали в круг, начав с высоты 200—500 метров свою смертоносную работу. В результате прямых попаданий ФАБ-100 в броневагонах начались сильные взрывы и пожар, а паровоз окутался клубами пара. Взрывами сорвало маскировку, и бронепоезд стал отчетливо виден. После третьей атаки в бронепоезде произошел мощный взрыв, пламя от которого взметнулось более чем на 150 метров. В этот же день были нанесены серьезные повреждения еще двум немецким бронепоездам.

24 и 25 июля погода в районе наступления 11-й гвардейской армии снова ухудшилась. Авиация с обеих сторон активности практически не проявляла. Немецкое командование воспользовалось этим для оттеснения войска армии И.Х. Баграмяна от дороги Орел—Хотынец. Отметим, что в это время войска Брянского фронта уже вышли на ближние подступы к Орлу, в то время как части 9-й армии начали постепенный отход на север из района Кромы. Локальные немецкие контрудары имели успех, и уже 26 июля были вновь заняты населенные пункты, расположенные севернее дороги Орел—Хотынец: Малое Юрьево, Алехино и Алисово. Немецкий контрудар несколько спутал карты советской стороне — ведь именно на 26 июля было намечено и новое советское наступление, в котором должны были принять участие прибывшие в район боев 4-я танковая армия и 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Эти силы были предназначены в первую очередь для захвата Хотынца. Ближайшей же задачей танкистов генерал-лейтенанта В.М. Баданова было форсирование реки Нугрь.

Впрочем, командование Западного фронта не откладывало свои планы в долгий ящик. Новое наступление нача-

лось уже на следующий день — 27 июля. Погодные условия снова были ограниченно летными, что однако не помешало командованию 1-й воздушной армии организовать массированную поддержку с воздуха. Утром на боевое задание вылетели Ил-2 224-й и 231-й шад. Весь путь до цели экипажи «илов» были вынуждены идти на бреющем полете и только перед самой целью делать небольшой «подскок» до нижней границы облачности, чтобы с пологого пикирования атаковать противника. От цели штурмовики снова вынуждены были уходить на бреющем полете. Несмотря на неблагоприятные погодные условия, экипажи «илов» несколько раз вылетали для штурмовки переднего края противника. Так, например, пилоты 2-го шак в течение дня нанесли по обороне противника три последовательных удара в 8:25, 12:30 и 16:40. Количество самолетов в этих вылетах постепенно уменьшалось. Если в первом вылете участвовало 48 штурмовиков, то во втором 36, а в последнем всего 12.

К сожалению, воздушное прикрытие штурмовиков составляло желать много лучшего. В ряде случаев оно либо вовсе отсутствовало, либо велось истребителями лишь до линии фронта. В частности, из-за неудачного прикрытия 272-го иап, тяжелые потери от атак «фокке-вульфов» из III/JG51 понесла до того успешно действовавшая 231-я шад. Ее 568-й шап лишился в воздушных боях семи самолетов, тогда как еще три штурмовика были сбиты огнем зенитной артиллерии.

Плохая погода стала причиной потерь не только в ударной, но и в истребительной авиации. Так, летчики группы Ла-5 937-го иап, ведомой командиром полка майором А.И. Кольцовым (Герой Советского Союза с 2.9.43), при возвращении на свой аэродром после патрулирования не заметили пристроившийся одиночный немецкий истребитель и тут же поплатились за излишнюю самоуспокоенность. С одной атаки немецкий пилот сбил «лавочкин» начальника ВСС полка капитана И.А. Михайленко, который погиб, а также серьезно повредил самолет майора А.И. Кольцова, в котором после приземления механики насчитали до 20 пробоин. По всей видимости, эту атаку провел Гейнрих Диттлманн (Dittlmann Heinrich) из 7./JG51, успевший одержать до момента своей гибели — 23 февраля 1944 года — 57 побед.

На следующий день, 28 июля, действия штурмовиков по позициям немецкой артиллерии и скоплениям танков в районе Знаменское и Ворошилово продолжились. 231-я шад нанесла массированный удар в середине дня силами 30 Ил-2. С боевого задания не вернулось 5 Ил-2, а еще пять штурмовиков совершили вынужденные посадки. Причиной потерь, как и в большинстве других случаев, были внезапные атаки истребителей — восьмерка Ил-2 586-го шап была внезапно атакована из-за облаков четверкой FW 190, которые с одного захода сбили 3 Ил-2.

Еще более 30 штурмовиков 233-й шад атаковали немецкие позиции на южном берегу реки Нугрь. Эта дивизия понесла накануне, 27 июля, тяжелую потерю — с боевого задания не вернулся ее командир полковник В.В. Смирнов. В своем последнем боевом вылете он вел группу Ил-2 312-го шап в районе юго-западнее Болхова. В качестве воздушного стрелка в самолете комдива находился инженер-майор Денисов. Над целью командирский Ил-2 (зав. номер № 7147) был подбит зенитно-пулеметным огнем, потом загорелся в воздухе. Неправляемая машина рухнула в районе Сухачево.

Согласно немецким источникам, при отражении советских налетов 28 июля отличились пилоты I/JG51 Вильгельм Тайманн (Theimann Wilhelm), боевой счет которого пополнили 5 Ил-2, а также Йоахим Брендель и Гюнтер Йостен, сбившие по два советских штурмовика. Тайманн, доведший свой боевой счет до 45 побед (по другим данным, 55 побед), пропал без вести в ходе воздушного боя уже на следующий день, 29 июля. Карьера же Бренделя и Йостена сложилась весьма удачно: оба пилота, одержавшие соответственно 189 и 178 побед, дожили до конца войны, став одними из наиболее результативных пилотов эскадры «Мельдерс».

Впрочем, «ягдфлигеры» 6-го воздушного флота не избежали в эти дни тяжелой утраты — 27 июля из боевого вылета не вернулся один из результативнейших пилотов I/JG51, кавалер Рыцарского креста — Йозеф «Пепи» Йенневайн (Jennewein Josef), уничтоживший за время Курской битвы 23 советских самолета. Боевой счет аса достиг отметки в 86 побед, из которых 29 составляли штурмовики. Последнюю свою победу немецкий пилот одержал около полудня. В ходе следующего вылета по сопровождению бомбардировщиков

Ju 87 ас внезапно сообщил по радио: «Получил попадание в двигатель, лечу в направлении солнца», после чего связь с ним прервалась. На свой аэродром Йенневайн не вернулся. В своих воспоминаниях Рудель писал, что, если бы Йенневайн вял курс не на запад, а на юг, он, по всей видимости, смог бы дотянуть до своих позиций.

Документы частей 1-й воздушной армии не дают однозначного ответа, что могло стать причиной гибели Йенневайна, тем более что в немецких источниках даты его гибели разнятся — встречаются как 27 июля, так и 26, и даже 17 июля. Оперсводки 7-й гв. иад свидетельствуют, что 27 июля летчики 146-го иап В.И. Королев и А.Ф. Шаров в воздушном бою с группой Ju 87 и FW 190 подожгли один «фокке-вульф», который *«горящим произвел посадку в 8 километрах западнее Болхова»*. Возможно, это и был самолет Йенневайна, посмертно удостоенного 5.12.1943 Рыцарского креста. На следующий день после гибели Йенневайна советская зенитная артиллерия «достала» еще одного аса, сбив FW 190А-6 командира 1/JG51 Йоахима Бренделя. Пилот покинул обреченный истребитель на парашюте.

Между тем советской пехоте удалось форсировать реку Нугрь в нескольких местах, закрепившись на ее южном берегу. Вскоре начали переправляться и части 4-й танковой армии. Основной задачей танкового объединения был прорыв немецкого оборонительного рубежа по рекам Нугрь и Цкань. Однако развернутое 27—28 июля наступление принесло лишь ограниченный успех части генерала В.М. Баданова, а также действующие юго-западные части 11-й гвардейской армии не смогли выйти к дороге Болхов-Карачев.

Печальный опыт массированных авиационных ударов противника по выдвигающимся танковым соединениям заставлял командиров 4-й танковой армии сохранять повышенную бдительность. Так, один из пролетов немецкого самолета-разведчика, не оставшийся незамеченным, послужил оперативному переводу танковой части из роши, где она была обнаружена, в другое место. Как оказалось, предосторожность оказалась не лишней. С первыми лучами солнца до 120 вражеских самолетов подвергли рошу ожесточенной бомбардировке площадью не более одного квадратного километра.

По всей видимости, этот боевой эпизод оказался в своем роде единственным, так как по мере развертывания наступления части армии генерала В.М. Баданова подвергались все более массированным ударам немецких бомбардировщиков. Своего пика они достигли 30 и 31 июля, когда, по свидетельствам танкистов, налеты следовали практически непрерывно. Ожесточенным бомбежкам подверглись не только переправившиеся войска, но и скопления живой силы и техники на северном берегу реки Нутрь. Командир 30-го тк генерал Г.С. Родин вспоминал, что боевые порядки корпуса то и дело подвергались массированным налетам вражеской авиации по 50—60 самолетов через каждые 15—20 минут. Сводки 6-го воздушного флота отмечают, что 31 июля было совершено порядка 1653 самолето-вылетов. Из них 538 пришлось на двухмоторные бомбардировщики, а еще 576 — на пикировщики Ju 87. При этом успехи атак с воздуха были оценены весьма скромно: по оценкам экипажей, удалось уничтожить девять танков и повредить еще три [58].

К концу июля Орловская дуга фактически уже не могла называться таковой. Глубокие вклинения советских войск, приблизившихся к железной дороге Орел—Брянск, а также вышедших на левый берег Оки, во многом изменили конфигурацию линии фронта. Решением Ставки для упрощения руководства боевыми действиями было решено сосредоточить все силы, действующие в районе Орла, в руках генерал-полковника М.М. Попова. Брянскому фронту были переданы 11-я гвардейская, 11-я, 4-я танковая армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Существенные изменения претерпели и составы авиационных объединений. В состав авиации Брянского фронта были переданы из 1-й воздушной армии 2-й иак и 224-я шад, а также 11-й сак, в то время как остальные авиакорпуса и дивизии 1-й воздушной армии перебазировались на ельнинское направление, где 6 августа должно было развернуться наступление на Смоленск. В завершении операции «Кутузов» авиаторы 1-й воздушной армии участия не принимали. Дорога к Орлу была тяжелой и кровавой, а схватки в воздухе отличались особым напряжением для обеих сторон. О заключительной фазе боев за овладение Орлом наша следующая глава.

4.4. ТРУДНАЯ ДОРОГА К ОРЛУ **(18 июля — 5 августа. Брянский фронт)**

Мы оставили войска Брянского фронта в тот момент, когда после пяти дней тяжелых наступательных боев их продвижение было временно приостановлено на рубеже реки Олешня. Части 35-го армейского корпуса при непосредственной поддержке авиации 6-го воздушного флота смогли предотвратить глубокий прорыв своей обороны до подхода подкреплений из 9-й армии, а также резервов группы армий «Центр». Не стоит говорить, что такое развитие событий не устраивало Ставку, которая уже 14 июля приняла решение о серьезном усилении войск Брянского фронта, передав в их состав 3-ю гвардейскую танковую армию генерал-лейтенанта П.С. Рыбалко.

Согласно планам командующего фронтом генерал-полковника М.М. Попова танковое объединение должно было быть введено в сражение в полосе наступления 3-й армии на участке Аввакумовский, Заброды, нацеливаясь на Нарышкино — населенный пункт, расположенный в 30 километрах западнее Орла. Планировалось, что первоочередными задачами 3-й гвардейской танковой армии станут перехват к концу первого дня наступления дороги Мценск—Орел и продвижение к Оке с захватом плацдармов на ее западном берегу.

На 18 июля 3-я гвардейская танковая армия насчитывала в своем составе 475 Т-34 и 234 Т-70 и была укомплектована большим количеством переправочных средств для ускоренного форсирования водных преград. Особое внимание командования Брянского фронта было уделено обеспечению противовоздушной обороны армии П.С. Рыбалко в период ее сосредоточения. Для решения этой задачи привлекались две зенитные дивизии, а также истребители 3-й гв. иад. Согласно документам 15-й воздушной армии, 18 июля в район сосредоточения танковой армии не было допущено ни одного самолета противника, а свыше десяти было сбито летчиками 1-го гв. иак.

Подготовка к наступлению была уже практически завершена, когда во второй половине 18 июля в штаб Брянского фронта позвонил заместитель начальника Генштаба генерал

А.И. Антонов, сообщивший новую «вводную»: направление удара 3-й гвардейской танковой армии должно было быть смещено заметно южнее на Становой Колодезь и Кромь. Напомним, что 15 июля в этом же направлении, но с юга, развернули наступление войска Центрального фронта, что на фоне трудностей продвижения 61-й армии, по всей видимости, и послужило причиной изменения первоначального плана.

По воспоминаниям бывшего начальника штаба Брянского фронта генерала Л.М. Сандалова, А.И. Антонов не стал слушать его возражения о неразумности изменения планов в последний момент. Заместитель начальника Генштаба заметил, что переданных в состав Западного фронта 4-й танковой и 11-й армий будет вполне достаточно для окружения противника западнее Орла, одновременно приказав обеспечить радиосвязь между штабами Центрального фронта и 3-й гвардейской танковой армии. Понимая, что решение о перенацеливании армии П.С. Рыбалко исходит непосредственно от Верховного и спорить с ним бессмысленно, командование Брянского фронта посвятило оставшуюся часть дня изменению боевых задач танковым соединениям и налаживанию их взаимодействия с частями 63-й армии.

Наступление войск Брянского фронта уже «традиционно» предварялось действиями экипажей АДД, которые в ночь на 19 июля нанесли ряд ударов по скоплениям войск, опорным пунктам и железнодорожным станциям в районе Орла. Кроме того, 21 легкомоторный У-2 15-й воздушной армии совершил за ночь 594 самолето-вылета, что составило практически половину из 1273 вылетов всего объединения за 19 июля. Отметим, что в ночных ударах по противнику приняли также участие экипажи 135-го шап 3-го шак. В период 2:40—4:15 6 Ил-2 с высоты 800—2000 метров тремя заходами атаковали аэродром Домнино, уничтожив, по мнению авиаторов, 5 из 10 базировавшихся здесь FW 190. Кроме того, еще шесть штурмовиков приняли участие в разрушении железнодорожного полотна западнее станции Золотарево.

Утром 19 июля на фронте 3-й и 63-й армий началась артиллерийская подготовка, которая около 8 часов утра была дополнена ударами 45 Ил-4 113-й бад и 63 Пе-2 2-го бак, обрушивших свой бомбовый груз на скопления живой силы

и артиллерийские батареи в опорных пунктах Бортное, Титово, Сычи, Садовое, Казинка, Майский. Как мы помним, предыдущие действия экипажей обоих соединений 13 и 17 июля были неудачны и богаты на потери. Однако день 19 июля обошелся практически без потерь — лишь один Пе-2 2-го бак сорвался в штопор и еще один поврежденный Ил-4 113-й бад совершил вынужденную посадку. Как отмечают документы 2-го бак, массированный удар бомбардировщиков во многом способствовал тому, что подвергшиеся бомбежке населенные пункты уже к 11:00 были заняты наземными войсками.

Весьма активно действовали и оба штурмовых соединения армии генерала Н. Ф. Наumenко, наносившие удары на всю глубину немецкой обороны, вплоть до рек Ока и Оптуха. Количество вылетов штурмовой авиации относительно бомбардировщиков было невелико — за день экипажи «илов» всего 191 раз поднимались в воздух. В среднем на один штурмовик приходилось чуть более одного вылета в день. Так, например, 113 Ил-2 3-го шак совершили 141 вылет, в то время как 50 штурмовиков 225-й шад поднимались в воздух всего по одному разу. Несмотря на это, в ряде случаев экипажи Ил-2 оказали весьма заметное влияние на ход наземного сражения. Эффективный удар 25 Ил-2 225-й шад в районе Богданово позволил наземным частям овладеть передним краем обороны противника. Вскоре ширина прорыва на этом участке составила около 10 километров, что являлось необходимой предпосылкой для ввода в бой в середине дня 3-й гвардейской танковой армии.

Потери штурмовиков, несмотря на активные действия немецких истребителей, заметно снизились по сравнению с первыми днями боев, составив, по разным данным, 10—12 Ил-2. Из этого числа только два штурмовика были сбиты огнем зенитной артиллерии, тогда как остальные считались не вернувшимися с боевого задания. Отметим, что эти данные неплохо соотносятся с немецкими источниками, согласно которым лишь пилотам из состава I/JG51 удалось сбить 3 Ил-2, тогда как остальные 18 уничтоженных советских самолетов были идентифицированы как истребители. Наибольшую опасность, по мнению экипажей 3-го шак, представляли собой расчеты зенитной артиллерии. В полосе

действия корпуса летчиками было отмечено свыше десятка зенитных батарей. Некоторые экипажи доложили даже о факте обстрела шедших на бреющем «илов» огнем минометов [59].

Около 10:20 части 3-й гвардейской танковой армии перешли в наступление. Передовым танковым бригадам удалось прорваться к Протасово, откуда они повернули на Становой Колодезь. Однако здесь их продвижение натолкнулось на мощную противотанковую оборону 2-й, 8-й танковых и 36-й моторизованной дивизий. Несколько ударов по прорвавшимся танковым бригадам нанесли группы немецких бомбардировщиков. Характеризуя развернувшиеся боевые действия на этом этапе сражения, штаб 6-го гвардейского танкового корпуса отмечал: *«Противник ожесточенно сопротивлялся, используя всю силу артиллерийско-минометного огня, большие группы танков и самоходных орудий часто переходили в контратаки. [Их] действия поддерживали Ю-87 и Ю-88, совершившие на корпус в этот день (19 июля. — Прим. авт.) до 800 самолето-вылетов»* [60].

Действительно, немецкое командование, определив основное направление советского танкового удара, как это уже неоднократно случалось ранее, привлекло к его отражению авиацию. Как отмечается в работе, посвященной боевому пути объединения генерала П.С. Рыбалко: *«Для отражения наступления танковой армии командование вражеской группой армий «Центр» бросило почти всю авиацию, которая имела у него на орловском направлении»* [61].

Несмотря на то что продвижение танкистов за день составило 10—12 километров, решающего успеха добиться не удалось. Причина этого, по мнению штаба танковой армии, крылась в том, что наступление 3-й и 63-й армий, несмотря на первоначальный успех, развития не получило, приведя в итоге к тому, что *«войска 3 гв. ТА были вынуждены сами начать прорыв переднего края обороны противника и в упорном бою ломать его сопротивление»* [62]. Несколько иную картину рисуют строки отчетов общевойсковых армий, отмечая, в свою очередь, пассивные действия танкистов. Так, например, в отчете штаба 3-й армии можно прочесть: *«Действия 3 ТА свелись к медленному продвижению вместе с пехотой, а местами и за боевыми порядками пехоты. 3 ТА не выполнила*

своей роли, как средства оперативного развития прорыва, так же, как не выполнил этой роли и 1 гв. тк» [63].

Возобновление активных боевых действий на земле повлекло за собой повышение активности авиации с обеих сторон. Согласно оперсводкам 15-й воздушной армии, за день было проведено 20 воздушных боев, в которых, по докладам пилотов, был сбит 41 немецкий самолет. Заметим, что из этого количества 24 составляли одномоторные истребители. В то же время, согласно сводкам 6-го воздушного флота, 19 июля было потеряно всего 7 самолетов, в том числе 2 Ju 87, 1 Bf 110, 2 Hs 129, 1 Ju 88 [64]. Потери 15-й воздушной армии составили 22 истребителя, 18 из которых приходилось на долю 1-го гв. иак.

Основная нагрузка в воздушных боях 19 июля легла на плечи авиаторов 63-го гв. и 64-го гв. иап, которые провели в сумме пять воздушных боев. Отметим бой шестерки «лавочкиных», ведомой командиром эскадрильи А.М. Числовым, которая атаковала группу, состоящую из 20 Ju 87, а также 12 Bf 110 и 8 FW 190. В ходе схватки А.М. Числов был ранен в подбородок, сумев тем не менее записать на свой боевой счет Ju 87 и Bf 110. Первые победы после ампутации обеих ног одержал также старший лейтенант А.П. Маресьев, сбивший 19 июля один пикирующий бомбардировщик. На следующий день ему снова сопутствовал успех — в воздушном бою 8 Ла-5, ведомых командиром полка подполковником Н.П. Ивановым, на боевой счет летчика было записано два «фокке-вульфа». Согласно документам 3-й гв. иад, *«в этом бою гвардии старший лейтенант Маресьев спас жизнь двум летчикам — старшему сержанту Петрову и командиру 160 иап майору Яманову и сбил 2 самолета противника»* [65].

Вплоть до 23 июля количество воздушных боев над боевыми порядками Брянского фронта составляло в среднем от 21 до 23 воздушных схваток в день. Полки 1-го гв. иак, действовавшего в составе трех дивизий, понесли ощутимые потери в первые два дня наступления — 19 и 20 июля, когда на свои аэродромы не вернулось 35 самолетов. В последующие три дня гвардейский корпус лишился еще около 19 самолетов. Наибольший урон пришелся на 234-ю иад и 4-ю гв. иад. Отметим, что боевой состав последней, насчитывающий 12 июля 77 самолетов, к 19 июля сократился до 36 машин,

или до размеров одного полка. К вечеру 24 июля в составе 4-й гв. иад числилось уже только 22 исправных самолета. Соединение было отведено в тыл для пополнения материальной частью. Лишь через десять дней, 31 июля, боевой состав 4-й гв. иад удалось довести до уровня всего одного полноценного полка. В начале августа дивизия, насчитывавшая в своем составе 37 самолетов, возобновила боевую работу.

Судя по документам дивизии, даже во время нахождения во фронтовом тылу в свои части продолжали возвращаться пилоты, сбитые в воздушных боях еще в самом начале наступления — 12 и 13 июля. Так, например, вернувшийся 29 июля младший лейтенант Черный из 66-го гв. иап доложил, что был сбит 12-го числа в воздушном бою с Bf 110. Немецкие истребители разбили хвостовое оперение на «яке» молодого пилота. Черному удалось совершить вынужденную посадку в районе деревни Григорово и укрыться у местного старосты. На следующий день Черный видел, как немецкие солдаты отстыковывают плоскости его истребителя и отправляют в тыл. При помощи местных жителей летчик в ночь с 24 на 25 июля перешел линию фронта. Еще больше испытаний выпало на долю младшего лейтенанта А.С. Потапова из 64-го гв. иап, который был сбит и взят в плен 13 июля в районе Доброводы. Только через неделю, 20 июля, ему удалось бежать. Во время своих блужданий А.С. Потапов в районе Слободка неожиданно обнаружил обгоревший Як-7б своей дивизии (сер. номер 35—117). Как потом выяснилось, это был самолет младшего лейтенанта Логачева, не вернувшегося с боевого задания 19 июля. Только 30 июля А.С. Потапов смог вернуться в свою часть.

Наибольшую активность в борьбе за господство в воздухе 20—23 июля проявили экипажи 234-й иад, занятые на прикрытии боевых порядков 3-й гвардейской танковой армии. Приказ командующего 15-й воздушной армией требовал от авиаторов ни в коем случае не допускать бомбометания по боевым порядкам армии П.С. Рыбалко. С 19 по 22 июля пилоты соединения полковника Е.З. Татанашвили провели 42 воздушных боя, заявив об уничтожении 42 немецких самолетов, ценой потери 24 «яков». К вечеру 23 июля в составе 234-й иад оставалось в строю всего 37 Як-1 и Як-7б. Наиболее пострадавший 133-й иап был временно отведен в тыл на

пополнение, а остальные полки дивизии были задействованы на прикрытии боевых порядков 63-й армии.

22 июля истребителям из состава 3-й гв. иад удалось предотвратить бомбежку аэродрома Ворогушино, где базировались «лавочкины» 63-го гв. иап. 13 бомбардировщиков Ju 88 были обнаружены только в момент их прохождения над аэродромом. По всей видимости, немецкие экипажи не смогли с первого раза обнаружить цель. Группа вынуждена была лечь в разворот. Этого времени оказалось достаточно, чтобы поднять в воздух по тревоге 10 Ла-5, к которым вскоре присоединились четыре истребителя из состава 32-го гв. иап. По докладам экипажей, группа немецких бомбардировщиков была вскоре рассеяна, а пять «юнкерсов», по докладам пилотов, сбиты в районе Новосиль. Немецкие документы отмечают потерю 22 июля всего одного Ju 88, принадлежавшего отряду 5./KG51, а также повреждение еще двух машин из III/KG1 и II/KG51.

Оценить уровень немецких потерь в период с 19 по 23 июля в полосе наступления Брянского фронта представляется достаточно сложным из-за отсутствия точных данных о местах падения многих самолетов. Согласно сводкам действий 6-го воздушного флота, за эти пять дней на всей Орловской дуге было утрачено приблизительно 40 самолетов (FW 190 — 7, Bf 109 — 2, Bf 110 — 3, Hs 129 — 5, Ju 87 — 16, Ju 88 — 4, He 111 — 3). Попавшие в плен летчики на допросах подтверждали относительно небольшой уровень потерь в эскадрах. Так, например, две группы StG2 (1-я и 3-я) потеряли в период с 15 по 23 июля 8 самолетов. Одной из чувствительных утрат стала гибель 19 июля в районе Ломовец от огня зенитной артиллерии адъютанта отряда 9./StG2 кавалера Рыцарского креста Вилли Хернера (Hüniger Willi). Отметим, что за тот же период три группы StG1 потеряли 12 самолетов безвозвратно и еще 5 были повреждены, в то время как группа III/StG3 недосчиталась 6 «юнкерсов».

Тяжелые потери в командном составе продолжали преследовать эскадру тяжелых истребителей ZG1. Она, как мы уже указывали выше, потеряла своего коммодора Блехшмидта и командира первой группы Германна. Однако несчастья на этом не закончились. 23 июля зенитной артиллерией был сбит Bf 110G-2 командира 3./ZG1 Хайнца Хотеве-

га (Hoteweg Heinz). Совершивший вынужденную посадку, пилот был пленен, сообщив на допросе, что 19 июля I/ZG I потеряла также от огня зенитной артиллерии своего нового командира гауптмана Макса Францискета (Franzisket Max). Таким образом, менее чем за неделю боев эскадра потеряла не только своего командира, но и двух командиров группы, а также одного командира «штаффеля».

Необычная история сопровождала пленению другого немецкого летчика. 21 июля младшему лейтенанту Д.Г. Трушкину из состава 66-го гв. иап в ходе воздушного боя в районе Зыбино удалось посадить подбитый Bf 109 из состава 7./JG52. Его пилот Ганс Паульманн (Paulmann Hans) попал в плен. Поначалу воздушный бой оборачивался не в пользу советских пилотов. Спасая подбитого в бою лейтенанта М.Л. Сидоренко (Герой Советского Союза с 28.9.43), Д.Г. Трушкин вел бой с четырьмя истребителями противника — двумя парами «мессершмиттов» и «фокке-вульфов». Кружа вокруг поврежденного самолета ведущего, младшему лейтенанту удалось подбить один из «мессершмиттов». После этого пара «фоккеров» вышла из боя. Оставшись один на один с последним «мессером», Д.Г. Трушкин, после нескольких маневров, сумел поджечь и его. Немецкий пилот попытался уйти на свою территорию, но несколько предупредительных очередей «яка» заставили его покинуть свой самолет на парашюте. Вскоре Паульманн был пленен пехотинцами 235-й стрелковой дивизии.

В это время самолет Д.Г. Трушкина, на котором закончилось топливо, приземлился недалеко от места вынужденной посадки Bf 109. Судя по легенде, немецкий летчик в ходе десятиминутного разговора в знак уважения к мастерству советского пилота пытался подарить ему свой шейный платок, что младший лейтенант Д.Г. Трушкин на глазах своих пехотинцев с презрением отверг. По данным же штаба 4-й гв. иад, Д.Г. Трушкин имел 10-минутную беседу с немецким пилотом, после чего вернулся на свой аэродром. За этот подвиг маршал авиации А.А. Новиков наградил Д.Г. Трушкина орденом Красного Знамени, досрочно присвоив звание «лейтенант».

На допросе сбитый немецкий пилот сообщил, что III/JG52 базировалась на аэродроме Мезенка севернее Орла.

Однако в связи с резко ухудшившейся обстановкой вечером 20 июля группу, насчитывавшую 27 Bf 109G, перебросили в Брянск, где она присоединилась к I/JG51. В это же время в районе Орла продолжали оставаться группы III и IV/JG51. Южнее Орла базировались две группы «Зеленых сердец» — знаменитой JG54. Показания Паульманна дополняли сведения, полученные от пленных пилотов JG51 «Мельдерс», согласно которым радиус действия истребителей эскадры составлял обычно около 30 километров, захватывая и район Болхова. Основной задачей JG51 была «свободная охота» над передним краем. Потери в трех группах были относительно невелики, составляя в среднем 4 — 6 самолетов в неделю, при том, что численность эскадры оценивалась приблизительно в 120 исправных FW 190.

Вернемся к событиям 19 июля. Наступление, предпринятое войсками Брянского фронта, хотя и не достигло всех поставленных перед ним задач, тем не менее в значительной степени повлияло на решение о прекращении операции «Цитадель». Строки дневника боевых действий ОКВ бесстрастно засвидетельствовали: *«Из-за сильного наступления противника дальнейшее проведение «Цитадели» не представляется возможным. Наше наступление прекращается, чтобы создать резервы за счет сокращения линии фронта».*

Отметим, что решения немецкого командования доходили до советской стороны в виде показаний военнопленных, в которых правда и вымысел весьма причудливо сочетались друг с другом. Так, некоторые пленные были уверены в том, что 20 июля Орел посетил сам Гитлер. По их словам, фюрер сместил командующего 2-й танковой армией генерала Шмидта, объединив командование всеми немецкими войсками на Орловской дуге в руках генерал-полковника В. Моделя. Кроме командующего 2-й танковой армией был смещен и целый ряд других высших офицеров, в частности, командир 262-й пехотной дивизии. Впрочем, по словам солдат, Гитлер применил не только политику «кнута», посчитав необходимым выступить с краткой воодушевляющей речью перед войсками, отправлявшимися на передовую [66].

Обстановка, сложившаяся в полосе наступления Брянского фронта к исходу 19 июля, не вызвала особого восторга и в Москве. Несмотря на ввод в сражение 3-й гвардейской

танковой армии, прорвать немецкую оборону юго-восточнее Орла с развитием тактического успеха в оперативный не удалось. Обеспокоенный задержкой в продвижении танкистов командующий фронтом генерал М.М. Попов сумел в телефонном разговоре 20 июля убедить Сталина вернуться к первоначальному плану действий, добившись направления удара армии Рыбалко северо-восточнее Орла. Получив «добро» Верховного, М.М. Попов в 1:30 20 июля лично поставил новую задачу генералу П.С. Рыбалко.

Результаты этого решения не заставили себя ждать — уже к 19:00 танковая армия прорвалась частью сил в район шоссе Орел—Мценск, уничтожив скопившиеся здесь колонны противника, отходящие от Мценска. *«Погода была солнечная, укрытий на местности не было, и противник обнаружил порядки большого количества наших танков и пехоты, двигающихся наперерез железной дороге и шоссе на участке Мценск-Орел. Чувствуя угрозу быть отрезанной и уничтоженной, мценская группировка к 12.00 20.7. начала отход. Авиаразведкой было обнаружено большое беспорядочное движение войск с обозами на Мценск и Орел»* — свидетельствуют документы танкового объединения [67].

На следующий день, 21 июля, Мценск был освобожден частями 3-й армии, а к исходу дня армии А.В. Горбатова и П.С. Рыбалко вышли к рекам Ока и Оптуха. Однако форсировать водные преграды, а также овладеть Становым Колодезем, расположенным на правом берегу Оптухи, советским войскам не удалось. Противник продолжал наносить авиационные удары в районе Собакино и Протопопово, периодически разрушая массированными налетами наводимые здесь переправы. Значительные успехи авиаторов отмечались и в борьбе с советскими танками. Согласно отчетам 6-го воздушного флота, только за 22 и 23 июля было уничтожено и подбито 77 танков [68].

За время наступления с 19 по 23 июля 15-я воздушная армия понесла чувствительные потери, составившие за пять дней 126 самолетов. На этом фоне активность объединения генерала Н. Ф. Науменко неуклонно снижалась. Так, например, если 20 июля было совершено 439 дневных самолетов-вылетов, то 21 июля уже 323, 22 июля — 291. Некоторое увеличение произошло лишь 23 июля (совершено 350 само-

лето-вылетов), когда основные силы штурмовой авиации были перенацелены для ударов по дорогам в районе Орла. Экипажи 3-го шак действовали преимущественно небольшими группами методом «свободной охоты».

В ходе сражения на Орловской дуге удары по коммуникациям, а также узлам автомобильных и железных дорог занимают особое место. Мы уже не раз были свидетелями того, как сначала немецкая, а затем и советская фронтовая авиация, практически проигнорировав удары по коммуникациям противника, невольно оказывали косвенное, но тем не менее весьма заметное влияние на ход наземного сражения в районе Белгорода и восточнее Орла. Более рациональным вариантом борьбы с вражескими перевозками командование обеих противоборствующих сторон считало использование ночных налетов бомбардировочной авиации, в первую очередь по крупным железнодорожным станциям и узлам коммуникаций.

Если для немецкой стороны эти налеты, выполняемые все той же фронтовой бомбардировочной авиацией, носили скорее эпизодический характер, то для советской были ознаменованы привлечением одного из наиболее мощных авиационных объединений — Авиации дальнего действия. Как мы помним, еще в преддверии Курской битвы командование АДД получило задачу по нанесению ударов как по орловскому и брянскому железнодорожным узлам, так и по сети коммуникаций в этом районе.

Отметим, что АДД не являлась составной частью ВВС Красной Армии, находясь в прямом подчинении Ставки. Боевая работа АДД в ходе Курской битвы является, по мнению автора, темой отдельного, серьезного исследования. По этой причине мы лишь ретроспективно рассмотрим ее действия в ходе налетов на важнейшие узлы коммуникаций противника.

В ходе начальной, оборонительной фазы Курской битвы АДД, имевшая в своем составе к июлю 1943 года семь корпусов и две отдельные авиадивизии, была привлечена для выполнения в общем-то несвойственных для себя задач — нанесению ударов по объектам, расположенным в непосредственной близости от линии фронта, а также на переднем крае обороны противника. Основные усилия АДД с 5 по 8 июля

были сосредоточены перед Центральным фронтом, где каждую ночь выполнялось свыше 500 самолето-вылетов. Начиная с 8—9 июля, по мере углубления кризиса на южном фасе Курской дуги, вектор действий экипажей дальних бомбардировщиков все больше смещался в полосу действий Воронежского фронта. В итоге в ходе оборонительного сражения из 2601 самолето-вылета, совершенного авиаторами АДД, 2148, или более 80%, пришлось непосредственно по боевым порядкам войск противника [69].

Отметим, что для взаимодействия наземных войск и экипажей дальних бомбардировщиков во фронтовой полосе была предусмотрена световая система целеуказания, позволявшая наносить весьма эффективные удары по войскам противника, находящимся всего в 1—2 километрах от позиций советских войск. Как отмечал штаб 6-й гв. ад дд: *«Июльский период этого года в отношении организации взаимодействия с наземными войсками является исключительно выдающимся. Никогда, кроме периода обороны Сталинграда, не удавалось достигнуть такой четкой, тщательно продуманной и отлично организованной системы светонаведения и обозначения линии фронта со стороны наших наземных частей»* [70].

С переходом в наступление войск Брянского и левого крыла Западного фронтов АДД, согласно полученным указаниям Ставки, неоднократно привлекалась к нанесению ударов по опорным пунктам и узлам обороны противника. Мы уже были свидетелями подобных действий в период 11—12 и 18—19 июля. Однако к середине июля основной задачей экипажей дальних бомбардировщиков стало нанесение массированных ударов по крупным железнодорожным станциям и узлам автомобильных дорог.

Система ПВО Орла и Брянска оценивалась экипажами АДД как весьма эффективная. Прикрытие каждого из городов осуществлялось приблизительно двумя дивизионами зенитной артиллерии и свыше 20 мощных прожекторов, использование ранее которых отмечалось лишь в городах Германии и в ПВО Смоленска. По мнению авиаторов, наибольшей эффективности прожекторные установки достигали на высотах до 3500 метров. Важным дополнением к зенитной артиллерии и прожекторам служили аэростатные заграждения, отмечавшиеся на высотах 3500—4000 метров. Среди

аэродромов мощной противовоздушной обороной отличались в первую очередь Сеща и Олсуфьево, прикрытые 2—3 батареями тяжелых зенитных орудий и многочисленными установками более мелкого калибра.

Ночная истребительная авиация на Восточном фронте к июлю 1943 года была представлена группой IV/NJG5 майора Генриха Сайн-Виттгенштейна (Sayn-Wittgenstein Heinrich), насчитывавшей в своем составе свыше сорока самолетов Bf 110, Ju 88 и Do-217. В районе Орла действовали 10-й и 12-й отряды. 11./NJG5 базировался в районе Харькова, имея задачу атаковать все советские самолеты, появляющиеся в районе Белгород, Чугуев. Часть самолетов группы получила на вооружение радиолокаторы типа «Лихтенштейн», однако на Восточном фронте лишь немногие ночные перехватчики были оснащены этими приборами. По показаниям членов экипажа Ju 88 из состава 11./NJG5, попавших в плен в конце сентября 1943 года, радиолокаторы были установлены всего на двух самолетах отряда. При этом они особо бдительно охранялись техническими специалистами.

Несмотря на то что в начале июля основные усилия АДД были сконцентрированы на нанесении ударов во фронтовой полосе, частью сил экипажи дальних бомбардировщиков продолжали совершать налеты на крупные населенные пункты в районе Орловской дуги. С началом проведения операции «Кутузов» интенсивность этих ударов резко возросла. Несмотря на неблагоприятные погодные условия, удары по Болхову начал наносить 7-й ак дд генерал-майора В.Е. Нестерцева. В ночь, предшествующую наступлению, авиаторы соединения выполнили по этой цели около 100 самолето-вылетов. В городе было зафиксировано около 28 очагов пожаров, зарево от которых наблюдалось на расстоянии до 70 километров от цели.

Активность немецких ночных истребителей была слабая. Несколько атак было отмечено лишь над линией фронта. Один Ил-4 из состава 20-го гв. ап дд, пилотируемый летчиком Колесниковым, был подбит немецкими истребителями в районе Большой Малиновец. Перетянув линию фронта, экипаж покинул самолет над своей территорией на парашютах. В ту же ночь штаб 3-го гв. ак дд отметил атаку одиноч-

ного Bf 110, повредившего один из семи самолетов соединения, вставших в круг над своим аэродромом с зажженными навигационными огнями.

Начиная с 14 июля АДД приступила к систематическому нанесению ударов по орловскому железнодорожному узлу, совершив в первую же ночь 111 самолето-вылетов. В ночь на 15 июля погодные условия несколько улучшилось, что позволило АДД совершить 526 самолето-вылетов. Снова сильной бомбардировке частями 7-го ак дд подвергся Болхов. Документы корпуса особенно отмечают действия экипажа майора П.П. Савченко (Герой Советского Союза с 13.3.44, посмертно), который, сбросив всего две бомбы ФАБ-250, вызвал в южной части города мощнейший взрыв. Сила его была такова, что самолеты, следовавшие на высоте 2500—3000 метров, подбросило вверх, а зарево от пожаров наблюдалось на расстоянии от 70 до 100 километров от цели. Вскоре авиаторы других самолетов наблюдали последовательные взрывы и пожары, слившиеся затем в один мощный пожар площадью до 2 квадратных километров. Отметим, что свидетелями столь удачного попадания стали 20 экипажей, находившихся в это время над целью, включая проверяющий экипаж В.С. Гризодубовой [71].

Согласно немецким документам, при отражении налетов советских ночных бомбардировщиков летчиками двух отрядов IV/NJG5 было совершено всего 3 вылета, в результате которых удалось одержать три победы. Две из них числились на счету командира группы Сайн-Виттгенштейна, сбившего западнее Болхова Пе-8 (№ 42069) из состава 890-го ап дд 45-й ад дд, а также один Ил-4 в районе Отрада. Кроме того, еще один Ил-4 стал жертвой командира 10./NJG5 гауптмана Алоиса Лехнера (Lechner Alois). Экипаж сбитого Сайн-Виттгенштейном Пе-8, пилотируемого летчиками Сушиным и Синициным, выбросился на парашютах. Из его состава на свой аэродром вернулось только шесть человек, сумевших избежать немецкого плена.

В то же время документы 45-й ад дд отмечают, что оборонительным огнем Пе-8 было сбито два немецких самолета. Стрелки самолета Пе-8 (№ 42039) 746-го ап, обнаружив в ночном небе неизвестные двухмоторные самолеты, вставшие в круг, огнем пулеметов подожгли один из них. В это

время вторая неопознанная машина отвернула, но, попав под огонь зенитной артиллерии, также оказалась сбитой.

Следующий раунд борьбы в небе над Орловской дугой пришелся в ночь на 18 июля. Согласно немецким данным, было сбито восемь советских самолетов самых разных типов, включая Р-5, СБ, Пе-2, ТБ-3, Ил-4. Из находящихся свое подтверждение в советских документах, отметим очередную победу Сайн-Виттгенштейна, а также успех пилота Остермайера (Ostermeier) из 12./NJG5, сбивших по одному Ил-4 из состава 1-го гв. ак дд. Два ТБ-3 из состава 325-го ап дд сбил обер-лейтенант Ганс Греф (Gref Hans) из отряда 12./NJG5. Его жертвами стали самолеты лейтенантов Колентьева и Пируашвили из 325-го ап дд 54-й ад дд 5-го ак дд, сбитые над аэродромом Карачев. Оба экипажа смогли спастись на парашютах. Однако после скитаний в тылах противника линии фронта смогли перейти только лейтенант Колентьев и сержанты Жириков и Линников, прибывшие в часть соответственно 24 и 26 июля. Из экипажа Пируашвили к своим смог выйти лишь сержант Гринев.

Отметим, что ТБ-3 325-го ап продолжали совершать одновременно вылеты и в полосе Юго-Западного фронта. 17 июля самолет гвардии младшего лейтенанта Волкова, вылетевший на бомбардирование артиллерии в районе 20 километров юго-западнее Острожжск, был внезапно обстрелян МЗА и зенитными пулеметами 3-го кавалерийского корпуса, принявшими ТБ-3 за немецкий бомбардировщик. В результате прямых попаданий в бензобаки тихоходный гигант загорелся. Убедившись, что посадить горящую машину невозможно, командир подал команду выброситься на парашютах, которую экипаж незамедлительно выполнил. В это время по тому же маршруту следовал Ли-2 братского 7-го гв. ап, пилотируемый гвардии лейтенантом В.М. Безбоковым (Герой Советского Союза с 29.6.45), который, увидев на земле горящий самолет ТБ-3, совершил посадку неподалеку. Забрав экипаж сгоревшего самолета, лейтенант В.М. Безбоков взлетел, доставив его на свой аэродром.

На нескольких участках фронта вели боевую работу также 1-й гв. и 2-й гв. ак дд. Часть их сил действовала в районе Орловской дуги, тогда как другая продолжала наносить удары в полосе Воронежского фронта. Интересно отметить, что,

например, в 1-м гв. ак дд к боевым вылетам в районе Орла, а также по дорогам Орел—Мценск, Орел—Болхов привлекались в основном молодые экипажи, тогда как более опытные бомбили цели в районе Белгорода, а также в полосе Юго-Западного фронта. В ночь на 18 июля 36 самолетов корпуса, ведомых молодыми летчиками, совершили налет на Орел, а также аэродромы Олсуфьево и Карачев, по которым было выполнено 84 вылета. В это же время успевшие «понюхать пороха» экипажи подавляли немецкую авиацию на аэродроме Барвенково.

Несмотря на значительное усиление активности налетов АДД, немецкие истребители продолжали выполнять в среднем за ночь по 8—14 вылетов, не особенно выделяясь по этому показателю на фоне других «ночников». Так, 19 июля из 217 ночных самолето-вылетов 6-го воздушного флота только 7 были совершены подчиненными Сайн-Витгенштейна. Несмотря на это, немецким авиаторам удалось сбить четыре дальних бомбардировщика (2 Ил-4, 1 Ли-2, 1 В-25, а также 2 У-2).

Наиболее же результативной для летчиков IV/NJG5 стала ночь на 21 июля, когда в ходе 17 вылетов было заявлено об уничтожении 12 советских самолетов (3 Пе-8, 4 Ил-4, 3 В-25, 1 Ли-2, 1 ТБ-3). Снова подтвердил свой статус ведущего аса группы ее командир Сайн-Витгенштейн, которому, согласно дневнику боевых действий 6-го воздушного флота, принадлежало 7 побед, включая 3 Пе-8, 3 В-25 и 1 Ил-4. Документы 45-й ад дд отмечают потерю двух Пе-8 из состава 746-го ап дд и одного из 890-го ап дд. Два самолета были сбиты в районе станции Оптуха, тогда как третий не вернулся из вылета из района Орел. Из состава трех экипажей смогли перейти линию фронта 17 человек.

Находят подтверждение и три потерянных «митчелла» из состава 4-го гв. ак дд. Два из них принадлежали 13-му гв. ап дд. Вернувшийся 27 июля пилот одного из бомбардировщиков, Алексеев, доложил, что его машина была атакована двумя истребителями противника. Атаку удалось отразить, сбив одного из нападавших. Однако через 12 минут В-25 был подожжен в результате атаки другого немецкого самолета, после чего экипаж вынужден был выброситься с парашютами. Еще два Ил-4 1-й гв. ад дд, самолеты которой до того

трижды в июле подвергались безрезультатным атакам истребителей, были сбиты еще на подходе к Карачеву.

Характеризуя эффективность противодействия вражеской ПВО, штаб 2-го гв. ак дд отмечал: *«Наиболее сильное противодействие ночных истребителей отмечалось на орловском направлении, где истребители прикрывали не только города, железнодорожные узлы и аэродромы, а и войска на линии фронта. Причем неоднократно отмечалось патрулирование истребителей за линией фронта на нашей территории с целью перехвата и уничтожения наших самолетов при возвращении с боевого задания»* [72]. Обычно истребителей противника патрулировали в 10—30 километрах от прикрываемого объекта на высотах от 500 до 5400 метров (основной эшелон приходился на высоты 3000—4000 метров), действуя как в одиночку, так и парами. В последнем случае один из немецких самолетов обычно привлекал внимание советских бомбардировщиков включением фары, в то время как его напарник производил атаку снизу.

Отметим, что наиболее тяжелые потери в ночных воздушных боях июля понесли части 7-го ак дд, действовавшего в районе Болхов и Мценск. С 5 по 30 июля самолеты соединения 29 раз подвергались атакам истребителей, в результате которых 8 самолетов было сбито, а еще 9 получили повреждения, но смогли совершить посадку на своем аэродроме. В оставшихся двенадцати случаях атаки были успешно отражены огнем бортового оружия. 13 из 29 атак были приняты в зонах светонаведения, которые были призваны облегчать выход на цель экипажей бомбардировщиков АДД, однако неизменно служили «охотничьими угодьями» для экипажей ночных истребителей.

С подобной проблемой столкнулись и экипажи других соединений АДД. Так, например, документы 4-го гв. ак дд, описывая преимущества и недостатки существовавшей тактики, отмечали, что *«сосредоточенный удар осуществлялся одновременными бомбардировочными действиями двух дивизий корпуса в течение короткого отрезка времени, определяемого 15—20 минутами для дивизии и 30—40 минутами для корпуса. Следование по маршруту, заход на цель и уход от нее, а также высоты бомбометания устанавливались едиными для соединений корпуса, что, с одной стороны, содействовало ус-*

пеху сосредоточенного удара, с другой — позволяло противнику сосредоточить свои средства ПВО в одном секторе для противодействия нашей авиации» [73].

Росту потерь бомбардировщиков в значительной степени также способствовали вылеты в вечерних и предзакатных сумерках, заставляя часть экипажей действовать фактически в светлое время суток. Кроме того, сказывались недостатки в техническом оснащении самолетов, в особенности импровизированных бомбардировщиков Ли-2. Эти машины, состоявшие на вооружении частей 5-го, 6-го и 7-го ак дд, были не оснащены в своей массе пламегасителями, что облегчало противнику обнаружение в ночном небе. Отсутствие же нижней огневой точки делало и без того неповоротливые самолеты беззащитными от атак снизу.

Тем не менее, несмотря на активное противодействие немецких истребителей и мощную ПВО объектов, соединения АДД продемонстрировали в июле поистине феноменальную активность. Только в 1-й гв. ад дд восемь экипажей выполнили от 25 до 27 самолето-вылетов. Но даже на этом фоне абсолютными лидерами выглядели экипажи капитана Кондрашова и майора Д.В. Чумаченко (Герой Советского Союза с 29.6.45), на счету которых числилось 30 и 28 вылетов соответственно. Вероятно, что количество вылетов могло быть еще больше, если бы не высокий уровень неисправной материальной части, составлявший от 18—20% в 1-м гв. ак дд до 46% в 3-м гв. ак дд. Отметим, что в последнем соединении около 30—35% самолетов постоянно в течение месяца находились «на приколе» по причине отсутствия двигателей.

Непростая ситуация с наличием материальной части сложилась в 45-й ад дд, потерявшей в июле пять Пе-8. В итоге к 1 августа в строю соединения насчитывалось всего 13 исправных самолетов. Практически все потери за месяц падали на корабли 8-й и 9-й серий, оснащенных двигателями Швецова, выбрасывавшие на всех режимах полета хорошо заметные языки пламени. В то же время использовать самолеты других серий не представлялось возможным из-за отсутствия на складах двигателей АМ-35А и М-30Б. Только в августе ожидалась поставка 22 и 12 таких моторов.

В ходе июльских вылетов командованием АДД были отмечены участвовавшие случаи потери ориентировки. Так, на-

пример, в 53-й ад дд в 1-м гв. и 3-м ап дд отмечалось по одному случаю не выхода на цель, тогда как на счету экипажей 3-го ап дд числилось целых три вынужденных посадки из-за ненахождения своего аэродрома. Причины слабой штурманской подготовки крылись, по мнению командования, в нежелании части летного состава использовать средства радионавигации. Как отмечали документы дивизии: *«Радионавигация по-прежнему штурманами не применяется, и радиопеленгатор использовать считается некоторыми штурманами «позорным явлением» [74].*

После напряженного периода боевой деятельности 14—21 июля потери соединений АДД несколько уменьшились. Начиная с двадцатых чисел июля они начали перенацеливаться в район Брянска. Однако в отличие от Орла, который на протяжении девяти ночей (с 14 по 22 июля) подвергался непрерывным ударам больших групп бомбардировщиков, бомбежки Брянска не носили столь планомерного характера. В период с 22 июля по 17 августа дальними бомбардировщиками было совершено всего шесть налетов, они совершили 380 самолето-вылетов и сбросили не более 400 тонн бомб. Очевидно, что подобные действия не могли оказать заметного влияния на переброску резервов в состав орловской группировки противника. Кроме Брянска, несколько групповых вылетов было предпринято также по железнодорожным узлам Карачев и другим более мелким станциям.

В конце июля корпуса АДД стали сосредотачиваться в районе Ленинграда, готовясь поддержать планируемое здесь наступление. Кроме продолжавшихся налетов по Орлу, Брянску и Карачеву, экипажами АДД в это время были также нанесены удары по аэродромам противника. Так, например, 23 июля 15 бомбардировщиков 7-го ак дд бомбили аэродром Сеща, на взлетном поле которого, несмотря на плохую погоду и противодействие четырех батарей зенитной артиллерии, было отмечено 22 взрыва.

Подводя итоги за июль, укажем, что активность соединений АДД по сравнению с июнем значительно возросла. Так, количество вылетов в 1-м, 2-м гв. и 5-м ак дд увеличилось в среднем на 30—35%. Несколько более скромные показатели были на счету экипажей 6-го ак дд, тогда как в 3-м гв. ак дд было выполнено даже на 12% вылетов меньше. Абсолютным

рекордсменом по числу боевых вылетов в июле стал 7-й ак дд. Если в июне его экипажи выполнили 418 и 474 вылета на выполнение боевых и специальных заданий, то в июле это соотношение составляло уже 1337 и 84 вылета соответственно. Наивысшая же активность на один исправный самолет приходилась на 6-й ак дд, где этот показатель составлял в среднем 265 самолето-вылетов.

В следующем месяце интенсивность боевой работы дальних бомбардировщиков значительно возросла. Так, например, экипажи 4-го гв. ак дд совершили за август 1330 самолето-вылетов, или на 44% больше, чем в июле. Однако только 410 из них было совершено в районе Орловской дуги, в то время как 752 пришлось на участки Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов. В ходе августовских вылетов боевую нагрузку В-25 4-го гв. ак дд удалось несколько повысить. Если ранее применение отечественных бомб ФАБ-100 и ФАБ-250, имевших большие габариты, ограничивало вес максимального груза лишь в 1400 килограммов, то после перехода на трофейные бомбы, позволявшие использовать все узлы подвески В-25, нагрузку самолетов удалось поднять до 1615 килограммов. В соединении были отмечены случаи, когда наиболее опытные экипажи ухитрялись брать на борт до 2250 килограммов бомб, однако подобного рода «фокусы» приводили к быстрому изнашиванию двигателей, культуру эксплуатации и обслуживания которых техническому составу удалось к этому времени значительно повысить, доведя моторесурс двигателей R-2600-13 до 500—550 часов.

Несмотря на то что география нанесения ударов экипажами АДД в августе расширилась, противодействие в воздухе ночных истребителей также заметно возросло. Эффективные действия всего двух отрядов ночной истребительной авиации в районе Орла побудили командование люфтваффе к ее значительному усилению. Уже во второй половине июля отряд 10./NJG5 был переименован в 1./NJG100, послужив в течение августа ядром формирования новой группы 1/NJG100. До 9 августа командовал частью уже знакомый нам Генрих Сайн-Виттгенштейн, совмещая эту должность с должностью командира IV/NJG5. Зоной ответственности 1-го и 3-го отрядов вновь созданной группы были Брянск и Орша, тогда как 2-й отряд сосредотачивал свои действия в

районе Донбасса. Во второй половине августа немецкое командование приступило к формированию еще одной истребительной группы — I/NJG200.

Документы практически всех соединений АДД отмечают значительный рост активности немецкой истребительной авиации в августе. Так, только в 7-м ак дд было зафиксировано 43 встречи с ночными истребителями. Боевые потери соединения составили 11 самолетов. Около 50 встреч с истребителями противника имели авиаторы 2-го гв. ак дд. Несмотря на то что по сравнению с предыдущим месяцем количество вылетов уменьшилось с 1381 до 1044, потери соединения генерал-майора Е. Ф. Логинова составили 18 бомбардировщиков, из которых 7 было сбито истребителями, а еще 10 не вернулись с боевого задания. Из этого числа 12 бомбардировщиков принадлежали 2-й гв. ад дд.

Нельзя сказать, что командиры и штабы соединения не пытались внести изменения в организацию боевой работы. Для снижения потерь экипажами корпуса применялось радиомолчание, практиковались полеты на небольших высотах с резким набором высоты над линией фронта, свободный полет с маневрированием. Однако несмотря на применение этих приемов, кривая потерь неуклонно росла. Штаб корпуса особенно отмечал: *«Потери увеличились вдвое по сравнению с прошлым месяцем, причем все они понесены от ИА противника, что было раньше как редким исключением.... Точность наведения истребителей противника на цель даже в темное время ночи объясняется не чем иным, как средствами радиолокации, засечкой и наводкой с земли, а также наводкой аппаратуры в самом самолете»* [75].

Значительно увеличились потери и в других корпусах АДД. Так, например, 4-й гв. ак дд недосчитался за август 7 «Митчеллов». Почти половина из них — 3 В-25 — была потеряна в ночь на 6.8.43 при налете групп 13-го гв., 15-го гв. и 22-го гв. ап дд на железнодорожный узел Брянск—II. Согласно немецким данным, ночными истребителями из I./NJG100 и IV./NJG5 удалось уничтожить два советских бомбардировщика. Очередную победу праздновал гауптман Сайн-Виттгенштейн. Согласно советским документам, к своим смогли выйти два члена 13-го гв. ап дд из экипажа майора Мартынова. Авиаторы доложили, что их В-25 был

сбит немецким истребителем Ме-110, с первой же очереди поджегшим один из моторов бомбардировщика.

На следующую ночь обер-лейтенантом Гансом Грефом было сбито еще два «Митчелла», однако советская сторона признает лишь потерю одного В-25 из состава 14-го гв. ап дд. Экипаж младшего лейтенанта Головатенко, имевшего на тот момент 71 боевой вылет, вернулся в часть 9 августа. Еще три самолета 4-го гв. ак дд не вернулись с боевых заданий в ночь 15, 23 и 28 августа. Единственной не боевой потерей корпуса стал экипаж капитана Рудакова из 15-го гв. ап дд, который погиб в катастрофе. По всей видимости, он стал жертвой столкновения в ночь на 8 августа с Ли-2 7-го гв. ап дд 5-го ак дд. 20 августа имело место еще одно столкновение Ли-2 этого же соединения, на сей раз с Ил-4. Как и в предыдущем случае, экипаж бомбардировщика погиб. Отметим, что только в 54-й ад дд за август было отмечено 7 аварий материальной части, а также 15 вынужденных посадок.

Рассмотрев вкратце действия АДД, вернемся к событиям, происходившим на Брянском фронте. Неудачное наступление 3-й гвардейской танковой армии заставило Ставку уже к исходу 23 июля принять решение о выводе объединения генерала П.С. Рыбалко во второй эшелон. 26 июля армия была передана в состав войск Центрального фронта, где должна была принять участие в сражении под Кромами. Пока же войска генерала М.М. Попова, вышедшие на исходе 23 июля к последним водным преградам на пути к Орлу — рекам Ока и Оптуха, подвергались ожесточенным налетам немецкой авиации. Так, например, 26 июля трехчасовой бомбежке силами около ста самолетов в районе Городок подверглись части 25-го стрелкового корпуса, пытавшиеся форсировать реку и захватить плацдармы на правом берегу.

Попытки войск Брянского фронта в период с 26 по 30 июля развернуть наступление при поддержке 15-й воздушной армии успеха не имели. В этот период действия авиаторов во многом были ограничены погодными условиями. Оказывая поддержку наступлению наземных войск 26 июля, 15-я воздушная армия недосчиталась 22 самолетов, из которых 19 составляли штурмовики. На следующий день, 27 июля, погода сделала вылеты практически невозможными. С 28 по 30 июля на фронте восточнее Орла ничего су-

шественного не происходило. Потери 15-й воздушной армии были также невелики — за три дня было потеряно всего 10 самолетов, большинство из которых стали жертвами зенитного огня. В условиях атак с малых высот летчики-штурмовики неоднократно отмечали, что огонь по низколетящим самолетам открывали не только зенитные орудия, но и танки, одной из жертв которых стал 30 июля лейтенант Меркулов из 135-го шап.

Между тем уже 26 июля немецкое командование после анализа сложившейся обстановки приняло решение об отводе своих сил из района Орловской дуги на оборонительную линию «Хаген», возводимую восточнее Брянска. Операцию планировалось начать в ночь с 31 июля на 1 августа, однако уже в конце двадцатых чисел из Орла на запад потянулись первые колонны автомобилей и железнодорожные составы.

Важным событием в ходе сражения на Орловской дуге стало освобождение 29 июля частями 61-й армии Болхова. Вышедшие на подступы к городу еще 22 июля войска генерала П.А. Белова шесть дней вели упорные бои на улицах города. Отметим, что к этому времени основная ударная мощь 61-й армии — 20-й танковый корпус, понесший в предыдущих боях тяжелые потери, насчитывал всего 13 танков, которые были сосредоточены командованием в составе 155-й танковой бригады. Ожесточенное сопротивление немецких войск, по мнению пленных, объяснялось полученным приказом как можно дольше удерживать город. Напомним, что в районе Болхова, кроме пехотных соединений, оборонялись части 12-й, 18-й и 20-й танковых дивизий. В ходе боев за город части 53-го армейского корпуса предприняли несколько попыток выбить части армии П.А. Белова, однако успеха не достигли.

Окончательно чаша весов на советскую сторону склонилась 26—27 июля, когда перешедшие в наступление юго-западнее Болхова части 4-й танковой и 11-й гвардейской армий Западного фронта вышли к дороге Болхов—Карачев, создав угрозу непосредственного окружения частей 53-го армейского корпуса. Начавшийся 28 июля отход немецких войск позволил частям 61-й армии уже к утру 29 июля полностью овладеть городом. Отметим, что бои юго-западнее и южнее Болхова продолжались вплоть до 30 июля. В этот день

тяжелую потерю понесла истребительная эскадра «Мельдерс». Юго-западнее Болхова огнем советской зенитной артиллерии был сбит FW 190А-6 из состава St.St./JG51, пилотируемый лейтенантом Отто Танге (Tange Otto). На момент гибели немецкий ас имел на своем счету 68 побед.

События в районе Болхова оказали заметное, если не решающее влияние на общую обстановку. Несмотря на то что немецкая оборона восточнее Орла держалась неделю, после утраты Болхова его оставление стало вопросом ближайшего времени. Для быстрого отступления немецких войск в район оборонительных позиций «Хаген», построенных в районе Брянска, было лишь одно препятствие — этот рубеж оказался практически не оборудован, так как многие строительные части из-за недостатка личного состава также были брошены в бой. Положение немецких войск оставалось чрезвычайно сложным. Орловская дуга за время боев значительно сократилась в размерах, напоминая теперь больше петлю, которая в любой момент могла быть затянута в районе Хотынец войсками правого крыла Брянского фронта и Центрального фронта, ведущего бои в районе Кромь.

Общая оценка обстановки в районе Орловской дуги была дана 31 июля генералом Моделем, объединившим, как мы помним, в своих руках командование 2-й танковой и 9-й армиями. Сложившееся положение, по мнению немецкого полководца, во многом определялось численным соотношением сил противостоящих сторон. Модель отмечал, что только неблагоприятные метеорологические условия последних дней ограничили операции Красной Армии в районе Орла. В то же время немецкое командование было вынуждено держать на передовой дивизии по четыре и более недель из-за острой нехватки резервов. При общих потерях группы армий в июле около 80 000 человек пополнение за тот же период едва достигало 29 000 человек, включая солдат и офицеров, возвращавшихся из госпиталей.

Особые сожаления немецкого сухопутного командования вызывала относительно небольшая численность 6-го воздушного флота, экипажи которого сыграли в ходе отражения советского наступления выдающуюся роль. *«Большую помощь могла бы оказать авиация, если бы можно было временно выделить больше самолетов на выявленные теперь направле-*

ния основных ударов противника и путем использования более крупных частей авиации в полном объеме создать затруднения для подвоза материалов из тыловых областей», — отмечал немецкий генерал. Полностью разделявший положения доклада Моделя фельдмаршал Клюге сделал вполне определенный вывод — прежняя тактика, заключавшаяся в нанесении максимально возможных потерь противнику, в условиях резко снизившейся боеспособности войск и их крайнего переутомления сделала необходимым в ближайшее время как можно скорее оставить Орловскую дугу.

В ночь на 1 августа передовые части 3-й армии неожиданно обнаружили отход немецких войск на запад. Развернувшиеся преследование войска генерала А.В. Горбатова продвинулись за сутки на 12—14 километров, выйдя к середине 1 августа в район реки Неполодь северо-западнее Орла. Имела продвижение и 63-я армия в районе Становой Колодезь. Однако форсировать реку с ходу не удалось, так как мосты оказались разрушены частично немецкими войсками, частично налетами 113-й бад.

Западнее Орла в направлении на Хотынец и Карачев растянулись многокилометровые колонны. Экипажами 16-го орап только в течение 4 августа было обнаружено до 2500 машин и еще 58 железнодорожных эшелонов. На следующий день количество засеченных автомобилей составило 2360 единиц, в то время как по железной дороге проследовало 62 эшелона. Неудивительно, что штурмовка и бомбежка отходящего по дорогам противника стали одной из приоритетных задач 15-й воздушной армии.

1 августа штаб 3-го шак получил приказ: *«Тремя группами Ил-2 под прикрытием трех групп истребителей от 4 гиад прекратить автоперевозки по дороге Орел, Карачев, Хотынец. Напряжение этих групп — четыре вылета на группу в течение дня.... Ответственность за срыв автоперевозок противника возложить на Горлаченко»* [76]. Однако потрепанные в боях полки 3-го шак уже не представляли той силы, что в начале наступления, сумев выполнить за весь день 1 августа всего 75 самолето-вылетов. При этом пилоты доложили об уничтожении 9 танков, 30 автомашин, 3 цистерн с горючим. На участке дороги Орел—Нарышкино действовали экипажи соседней 225-й шад, которые в период с 1 по 6 августа до-

ложили об уничтожении 63 танков и более 400 автомобилей противника.

Командование 6-го воздушного флота также выделило значительные силы своей истребительной авиации для прикрытия отходящих войск. Уже 1 августа в первый же день отхода на линию «Хаген» истребителями JG51 было сбито 6 Ил-2 из состава 3-го шак. Впрочем, советские истребители смогли сказать свое веское слово. Отличился Герой Советского Союза К.А. Кирьянов из 66-го гв. иап, сбивший на глазах сопровождаемых им штурмовиков два FW 190. Документы 3-го шак свидетельствуют: *«Экипажи наблюдали, как капитан Кирьянов из группы прикрытия врезался в группу из 8 ФВ-190 и сбил двух ФВ-190 в районе Краснокаменка, а остальных обратил в бегство»* [77]. Однако не обошлось без потерь и с нашей стороны — в этом бою оторвался от группы и не вернулся на свой аэродром уже упоминавшийся нами лейтенант Д.Г. Трушкин. По всей видимости, пилот стал жертвой немецких истребителей I/JG51, заявивших об уничтожении 1 августа 11 Ил-2 при потере 3 FW 190. Не суждено было дожить до победы и капитану К.А. Кирьянову — он погиб в воздушном бою менее чем через месяц — 27 августа.

Общие потери 15-й воздушной армии в период с 1 по 4 августа оставались высокими. Согласно оперсводкам армии, на свои аэродромы за эти четыре дня не вернулось 123 самолета, включая 66 штурмовиков, 50 истребителей и 7 У-2. Рост потерь во многом определялся значительным увеличением объединения генерала Н. Ф. Науменко после передачи в его состав двух корпусов и штурмовой дивизии 1-й воздушной армии.

Тяжелые потери 2 августа понес продолжавший действовать по дорогам в районе Орла 3-й шак. На свои аэродромы не вернулось 12 Ил-2 из 15 потерянных 15-й воздушной армией в этот день. Восемь штурмовиков недосчитался 948-й шап. В последующие три дня документы 3-го шак отмечают потерю еще 13 экипажей. Для того чтобы поддержать боевой состав корпуса на должном уровне, в состав его 307-й шад 6 августа были переданы 29 Ил-2 569-го шап.

На борьбу с перевозками противника были ориентированы и экипажи 113-й бад, которые тем не менее большинство своих боевых заданий выполняли ночью. Из состава

дивизии более двух десятков экипажей имели солидный опыт ночных полетов, что позволило, например, в ночь на 4 августа силами 22 Ил-4 бомбить железнодорожные станции Карачев и Брянск—2. При этом, по данным экипажей, в районе Пеньково и Хотынец было потеряно 2 Ил-4.

Одной из проблем, с которой пришлось столкнуться авиаторам 15-й воздушной армии в этот период, стал дефицит боеприпасов. Так, в частях штурмовой авиации к концу июля — началу августа стал ощущаться недостаток противотанковых ПТАБ. Штаб переданной 31 июля из 1-й в 15-ю воздушную армию 224-й шад отмечал: *«Доставка в части ПТАБ-2,5-1,5 не удовлетворяла потребности частей. В то время как полки имели одну из основных задач — уничтожить танки и бронемашины противника, приходилось снаряжать самолеты фугасными и осколочными бомбами»* [78].

Похожее положение сложилось в частях фронтовой легкомобильной авиации, где при изобилии фугасных ФАБ-100 стало явно не хватать осколочных бомб меньших калибров. Распоряжением командующего 15-й воздушной армии расходовать ФАБ-100 ночью было запрещено. Но другие боеприпасы в полках попросту отсутствовали, поэтому пилоты были вынуждены летать на боевые задания с подвешенными «сотками». Кроме того, стала сказываться нехватка ФОТАБ и САБ, что часто срывало задания по разведке и, по образному выражению, приводило к «бомбежке на ощупь».

Действия авиации 6-го воздушного флота в первых числах августа носили интенсивный характер. С 31 июля по 5 августа немецкими экипажами ежедневно совершалось от 1250 до 1653 самолето-вылетов. При этом на долю соединений пикирующих бомбардировщиков приходилась треть от общего числа вылетов. За этот же период по всем причинам было потеряно около 13 Ju 87. Чувствительные потери пришлось нести истребительной авиации. Так, только эскадрой JG51 безвозвратно было потеряно 17 истребителей. Отметим, что значительная часть потерь приходилась на район Кромы, сражение над которыми мы рассмотрим в главе, посвященной действиям 16-й воздушной армии.

3 августа немецкие войска приступили к разрушению крупных зданий, а также к выводу из строя аэродрома Орла. Летное поле было приведено в негодность зарядами фугасов

и авиабомб, с немецкой педантичностью заложенных в шахматном порядке. Был выведен из строя также аэродром Ледна, находящийся в 2 километрах западнее Орла, — его летное поле было перепахано специальным плугом. Командование Брянского фронта не могло спокойно взирать на разрушение старого русского города. После эмоционального обращения Военного совета 3-й армии в 23:00 части армии генерала А.В. Горбатова неожиданно для противника перешли в наступление, отбросив его к городу. Часть сил 3-й армии обошла город с севера, разгромив западнее Орла несколько транспортных колонн.

В 4:40 части 380-й стрелковой дивизии полковника П.Т. Михайлова ворвались на восточную окраину Орла. Бои с немецкими арьергардами были недолгими. Уже к утру 5 августа город окончательно перешел в руки советских войск. Освобождение Орла было торжественно отмечено в Москве залпами праздничного салюта.

Несмотря на большое политическое и пропагандистское значение этого события, нельзя не признать, что основную задачу по окружению и уничтожению орловской группировки противника выполнить не удалось. Представители Ставки маршалы Г.К. Жуков, А.М. Василевский, а также заместитель начальника Генштаба А.И. Антонов не оставляли надежд на реализацию изначального замысла операции «Кутузов». По воспоминаниям Г.К. Жукова, по всей видимости, еще до взятия Орла, Сталину был предложен план значительного усиления группировки левого крыла Западного фронта, что позволяло рассчитывать на окружение остатков орловской группировки. Однако Сталин отверг это предложение, сославшись на то, что *«наша задача — скорее изгнать немцев с нашей территории, а окружать мы их будем, когда они станут послабее...»* [79].

Не последнюю роль в столь пессимистических прогнозах Верховного сыграли итоги неудачного наступления войск Центрального фронта. Несмотря на сосредоточение в полосе объединения генерала К.К. Рокоссовского двух танковых армий и танкового корпуса, решить задачу по выходу к шоссе Орел—Брянск с юга для соединения с войсками левого крыла Западного фронта не удалось. О ходе боев в полосе Центрального фронта в период с 15 июля по 10 августа 1943 года наша следующая глава.

4.5. ПОПЫТКА ЗАМКНУТЬ КОЛЬЦО (15 июля — 10 августа. Центральный фронт)

Чтобы рассмотреть участие Центрального фронта в операции «Кутузов», мы должны вернуться назад, в середину июля, когда начавшееся 12 июля наступление Брянского фронта и левого фланга Западного фронта поставило крест на плане «Цитадель». После недели ожесточенных и кровопролитных боев войска генерала К.К. Рокоссовского наконец-то смогли перевести дух, начав подготовку к предстоящему 15 июля наступлению. Задачи Центрального фронта были не столь масштабные, как те, которые стояли перед Брянским и Западным фронтами. Предполагалось силами трех общевойсковых армий (70-й, 13-й, 48-й) сначала восстановить положение, которое советские войска занимали на утро 5 июля, а в последующем при поддержке танковых соединений из состава 2-й танковой армии, а также сил 9-го танкового корпуса нанести мощный удар в район Кромь, оказывая содействие 63-й армии Брянского фронта. Форсировав одноименную реку, войска Центрального фронта должны были выйти навстречу 11-й гвардейской армии в районе дороги Орел—Брянск, завершив тем самым окружение вражеской группировки.

Как мы уже знаем, с началом проведения операции «Кутузов» 9-я немецкая армия стала своеобразным донором для соседней 2-й танковой армии, куда за короткий срок было передано большинство танковых и моторизованных дивизий. Все вылеты авиации 6-го воздушного флота, кроме разведывательных, начиная с 12 июля были сконцентрированы против 1-й и 15-й воздушных армий. Нельзя не отметить, что, несмотря на значительное ослабление, 9-я армия представляла собой все еще «крепкий орешек», сохранив в своем составе значительное число личного состава, артиллерии и боевой техники.

При планировании авиационной подготовки, предшествовавшей наступлению наземных войск, командование 16-й воздушной армии решило использовать положительный опыт нанесения массированных ударов бомбардировочной и штурмовой авиации, полученный им в боях 6—10 июля. Для поддержки наступления в первый же день операции выделялось 419 самолетов объединения, из которых 284 со-

ставляли бомбардировщики и штурмовики. Действия штурмовой авиации были особенно эффективны. Массированные удары силами 56 и 92 штурмовиков 2-й гв. и 299-й шад во многом способствовали прорыву немецкой обороны и освобождению частями 13-й армии населенных пунктов Бузулук, Снова, Подсоборовка, Соборовка.

Заметим, что число самолето-вылетов, затраченных на первый удар по немецкой обороне, составляло почти половину из 1002 самолето-вылетов, совершенных авиаторами 16-й воздушной армии 15 июля. Авиация могла действовать и более интенсивно, если бы не сложные погодные условия. Несмотря на некоторые успехи, части 13-й армии генерала Н.А. Пухова имели в первый день наступления весьма скромное продвижение, составившее всего 2—3 километра. Противником на протяжении всего дня оказывалось упорное сопротивление. В отражении советских атак приняли участие не только многочисленная артиллерия и расчеты САУ, но и экипажи подбитых танков, превращенных в неподвижные огневые точки. Оперативные сводки Генерального штаба свидетельствуют, что уже в конце дня, собрав значительные силы пехоты и около 50 танков, немецкие части смогли даже несколько потеснить части 18-го гвардейского стрелкового корпуса, действовавшие при поддержке 9-го танкового корпуса.

На следующий день погода в районе боев несколько улучшилась, что позволило авиаторам 16-й воздушной армии совершить 1713 самолето-вылетов. Действия ударной авиации в этот день стали хрестоматийными, упоминаясь во многих работах, посвященных участию авиации в Великой Отечественной войне. Согласно архивным данным, 16 июля подчиненные генерала С.И. Руденко трижды в течение девяти часов атаковали позиции противника силами около 400 самолетов. В первом ударе приняла участие группа из 410 самолетов (155 бомбардировщиков, 101 штурмовик и 154 истребителя), во втором — из 444 (140 бомбардировщиков, 123 штурмовика и 181 истребитель). Наконец, третья группа была самой многочисленной — в ее состав было включено 460 самолетов (146 бомбардировщиков, 126 штурмовиков и 188 истребителей) [80]. В промежутках между этими налетами удары по обороне противника продолжали наносить

небольшие группы штурмовиков, подавлявшие отдельные огневые точки, а также средства ПВО.

Действия трех авиационных эшелонов каждый раз пред-варяли очередную атаку наземных войск, которые начали наступление около 12:00. Задачи авиационных соединений корректировались в зависимости от складывавшейся назем-ной обстановки. Однако, несмотря на все усилия авиаторов, наступление 13-й армии 16 июля имело ограниченный успех. За весь день частям армии, усиленным 3-м и 9-м танковыми корпусами, удалось продвинуться на участке, обороняемом 10-й моторизованной дивизией, всего на 2—4 километра. Характеризуя развернувшиеся бои, разведывательные свод-ки штаба группы армий «Центр» за 16 июля отмечали: *«Перед 9-й армией противник нерешительно следовал за нашими отступающими частями. Во второй половине дня он перешел в наступление при сильной поддержке авиационных штурмовых соединений»* [81].

17 июля наступление продолжилось при массовой поддержке авиации, но количество самолетов в группах при нанесении массированных ударов уменьшилось до 330—350 единиц. Основным противником советских авиаторов в этих боях стали расчеты зенитной артиллерии, умело маневри-рующие и сосредотачивающие свои силы на путях пролета советских самолетов. Так, основной маршрут бомбардиро-вщиков 16-й воздушной армии 15 и 16 июля лежал через на-селенные пункты Поньри, Александровка, Широкое Боло-то, Верхнее Тагино. Уже на следующий день, 17 июля, эти участки фронта были значительно усилены зенитной артил-лерией, что привело к росту потерь Пе-2.

Значительно активизировались 17 июля и действия не-мецкой истребительной авиации, впервые с 11 июля в зна-чительных количествах появившейся в полосе действия 16-й воздушной армии. Характерно, что если за 14 и 15 июля было зарегистрировано всего четыре воздушных боя, то 17 июля число воздушных схваток составило 20, в которых советские экипажи потеряли 35 самолетов. Противниками советских летчиков стали группы III и IV/JG51.

Атакам немецких истребителей подвергались не только группы штурмовиков, но и соединения бомбардировщи-ков. Особой напряженностью выделялся бой восьми «фок-

ке-вульфов» из состава IV/JG51 с девяткой Пе-2 241-й бад. Немецкие истребители сконцентрировали свои атаки на самолете летчика В.Р. Бучавого (Герой Советского Союза с 15.5.46), который после нескольких атак взорвался прямо в воздухе. Удивительно, но, выкинутый взрывной волной из кабины, В.Р. Бучавый остался жив. Уже в воздухе пилот пришел в себя и смог раскрыть парашют. Под непрекращающимися атаками «сто девяностых» из строя вывалилась еще одна «пешка», в последующем, по всей видимости, добитая немецкими истребителями. Несмотря на критическое положение, оставшиеся экипажи сохраняли строй и, подбадриваемые криками своего ведущего капитана Лабина «Не робей, бог не выдаст, свинья не съест!», на сильно избитых машинах смогли все же вернуться на свой аэродром [82]. По результатам боя на счета пилотов 11-го отряда JG51 Гельмута Хольтца (Holtz Helmut) и Йохана Маркля (Markl Johann) было записано по два сбитых советских бомбардировщика.

Эффективность действий советской бомбардировочной авиации в ходе наступления 15—17 июля оценивалась по-разному. С одной стороны, несмотря на массированные действия и неоднократные удары, нанести решительное поражение войскам 9-й армии не удалось. В то же время штабы авиационных соединений отмечали успешные действия своих подчиненных. Так, штаб 3-го бак, совершившего за три дня боев 722 самолето-вылета, отрапортовал, что, по данным фотоконтроля, удалось уничтожить до 60 танков, 300 автомашин, 5 орудий пушечной и 15 зенитной артиллерии и около 20 противотанковых орудий, 3 склада боеприпасов и 2 самолета.

Как бы то ни было, но под непрерывными ударами с воздуха немецкое командование вынуждено было 17 июля отвести свои части на вторую линию обороны, в ходе боев за которую советским частям также удалось осуществить вклинения. К исходу 18 июля 13-й армии удалось восстановить то положение, которое она занимала до начала немецкого наступления. Для этого ей понадобилось четыре дня — ровно столько, сколько занял этот же путь у немецких войск. Однако силы Центрального фронта оказались перенапряжены. Генерал К.К. Рокоссовский вынужден был приоста-

новить наступление, занявшись подготовкой нового удара левее дороги Курск—Орел, с целью выхода в район Кромь.

Командование 9-й армии в это время провело некоторую реорганизацию своих войск, образовав из частей 47, 46-й и 41-го танковых корпусов оперативную группу «Орел—юг». Несмотря на сильные атаки советских войск, из состава 9-й армии продолжалась переброска соединений в состав 2-й танковой армии. Так, 17 июля убыла 9-я танковая дивизия, а в ночь с 18 на 19 июля — 10-я моторизованная дивизия, сыгравшая важнейшую роль в сдерживании советского наступления.

Обстановка в воздухе после ряда боев 17 июля снова разрядилась, предоставив истребителям 16-й воздушной армии возможность вести охоту на немецких разведчиков, время от времени появляющихся над советским расположением. Особенно обильным на стычки с разведывательными самолетами противника стало 24 июля, когда лейтенант Н.Ф. Казначеев из 157-го иап и лейтенант А.П. Липатов из 165-го иап сбили два Bf 110G-3 из состава NAGr4. При этом сбитый Казначеевым немецкий экипаж попал в плен.

В этот же день таранным ударом уничтожил FW 189A-3 из состава NAGr15 командир эскадрильи 53-го гв. иап старший лейтенант П.П. Ратников. От столкновения с «рамой» Як-1 взорвался, похоронив в своих пылающих обломках советского пилота и немецкий экипаж. Старший лейтенант П.П. Ратников особенно отличился в ходе июльских боев на Курской дуге, уничтожив 7 самолетов противника. К сожалению, столкновение с «рамой» поставило точку в карьере советского пилота. 24 августа 1943 года П.П. Ратникову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Действия ударной авиации в двадцатых числах не носили широкого размаха. 21 июля группой пикирующих бомбардировщиков 3-го бак была предпринята попытка разрушить мосты через реку Крома. Однако результаты налета «пешек» оказались нулевыми — бомбы легли в 30—60 метрах от моста. Более успешно действовали экипажи легкомоторных бомбардировщиков 271-й нбад, не раз отмечавшиеся командованием в этот период. Так, в ночь на 19 июля экипаж У-2 младшего лейтенанта В.С. Куцева из 970-го нбап накрыл своими бомбами склад с боеприпасами, которые продолжа-

ли рваться всю ночь. За этот вылет пилот был представлен к ордену. Еще одним из отличившихся авиаторов дивизии был старший лейтенант Казанцев, который также смог уничтожить склад боеприпасов. В ночь на 23 июля экипажу старшего лейтенанта Морозова из 45-го гв. нбап удалось поджечь в прифронтовой полосе немецкий железнодорожный состав с боеприпасами, который взлетел на воздух, когда У-2 уже пересекал линию фронта.

Достаточно большая нагрузка в эти дни пришлась и на экипажи-разведчики из 98-го гв. одрап. Полк имел на своем вооружении как истребители «Аэрокобра», состоявшие на вооружении 1-й эскадрильи, так и самолеты Пе-2 и Пе-3. Американские истребители фирмы «Бэлл» были оснащены фотоаппаратами АФА-1 и часто применялись для разведки аэродромной сети Орловского аэроузла. На задание обычно вылетала пара Р-39, пилотируемая опытными пилотами. Воздушным разведчикам требовалась особая подготовка, ведь им частенько приходилось не только вести разведку в сложных метеоусловиях, но и уклоняться от атак вражеских истребителей. Впрочем, практика боевой работы показала, что свои самолеты могли быть не менее опасны. Так, например, 17 июля только бреющий полет спас капитана Поволокина от атаки группы Як-1, сопровождавших Ил-2.

23 июля пара «воздушных змеев», пилотируемая старшим лейтенантом Д. Ф. Лисицыным и тем же капитаном Поволокиным, вылетела на разведку дорог в районе Нижнее Муханово, Кромы, Гнездилово. В сильной облачности пилоты потеряли друг друга из виду. Лисицын продолжил выполнение боевого задания, а вот капитану Поволокину снова пришлось иметь дело с истребителями, на сей раз немецкими. «Аэрокобра» подверглась нападению четверки Вf 109G, принадлежавших, по всей видимости, также разведывательному подразделению — NAGr.4. Несмотря на неожиданность атаки, советский летчик успел скрыться в облаке. Немецкие пилоты, решившие, видимо, не выпускать «Аэрокобру», встали вокруг облака в вираж. Тем временем капитан Поволокин, с левым креном выйдя из облака, неожиданно прямо перед собой обнаружил пару «сто девярых». Практически в упор пилот «Аэрокобры» расстрелял один «сто девятый», который, сильно дымя, пошел вниз. Вероятнее всего, его жертвой

стал один из двух Bf 109G-4, потерянных отрядом 1/NAGr.4 23 июля южнее Орла. При этом один «мессершмитт» оказался сбит, а другой разрушен при вынужденной посадке.

Отметим, что не все вылеты проходили так успешно. Так, 30 июля был поврежден истребитель старшего лейтенанта Д. Ф. Лисицина, который, будучи тяжело раненным, с обожженными ногами все-таки смог перетянуть на свою территорию, совершив посадку в расположении советских войск. Важные разведданные были вовремя получены командованием. За этот подвиг 28 сентября 1943 года пилот был удостоен звания Героя Советского Союза.

Наравне с «кобрами» активно действовали и «пешки» 98-го гв. одрап. Основной целью их экипажей был сбор информации об интенсивности движения железнодорожных эшелонов, а также о сооружении противником тыловых полос обороны. Действия разведчиков в многочасовых полетах во многом облегчались радиополукомпасами, позволявшими выполнять задания в условиях плохой видимости. Зачастую выход на свой аэродром обеспечивался только по показаниям этих приборов. Боевые документы разведывательного полка хранят не только сухие цифры отчетов, но, как ни странно, и «неуставные» лирические отступления. С большим удивлением автор нашел в дневнике боевых действий эскадрильи следующий литературный пассаж штурмана экипажа старшего лейтенанта Павлова, относящийся к боевому вылету экипажа Пе-3 в район Орла: *«Раннее утро. Солнце только чуть показалось над горизонтом. Самолет идет к цели в безоблачной полосе, а слева и справа возвышаются скалочные купола кучевых облаков»* [83].

Начиная с 19 июля командование Центрального фронта предприняло несколько попыток развернуть наступление. При этом центр ударов постепенно смещался от правого фланговой 48-й армии генерал-лейтенанта П.Л. Романенко до полосы действовавшей западнее 70-й армии генерал-лейтенанта И.В. Галанина. Наибольший успех сопутствовал войскам 48-й армии, которым удалось выйти в район Змиевка, а к 25 июля приблизиться к Яковлево, расположенному приблизительно в 30 километрах юго-восточнее Орла. По всей видимости, именно этот успех послужил причиной передачи Центральному фронту 3-й гвардейской танковой

армии, которая должна была быть введена в бой на фронте объединения П.Л. Романенко. Напомним, что до этого 3-я гвардейская танковая армия без особого успеха вела наступательные бои севернее, в районе Становой Колодезь. Теперь танкистам предстояло нанести удар на тот же Становой Колодезь, но уже в составе Центрального фронта.

Инициатором передачи армии П.С. Рыбалко являлся сам Сталин. Верховный был уверен в том, что войскам под руководством К.К. Рокоссовского удастся добиться успеха. Однако наступление 48-й армии при поддержке 3-й гвардейской танковой армии, предпринятое 28 июля, через три дня было практически повсеместно приостановлено. Наступавшая западнее 70-я армия, усиленная танками генерала А.Г. Родина, также особых успехов не достигла. Командование группы армий «Центр», обнаружив скопление техники в районе Чернь, подвергло его налетам штурмовой и бомбардировочной авиации. Характеризуя бои 26 июля, штаб группы армий «Центр» отмечал, что массированные удары бомбардировочной авиации принесли заметное облегчение войскам 47-го танкового корпуса. Сосредоточенная в это время в полосе 48-й армии 3-я гвардейская танковая армия в ходе тяжелых наступательных боев 28 и 29 июля успеха не имела, наткнувшись в районе Малая Рыбница на мощный противотанковый кулак из 15 батарей, дивизиона ПТО. Точный огонь вражеской артиллерии, а также слабая поддержка собственной привели к тому, что бои в районе Малая Рыбница—Философово безуспешно велись до 31 июля.

Тем не менее положение немецких войск, обороняющихся южнее Орла, становилось все более тревожным день ото дня. Командование Центрального фронта сколотило мощную ударную группировку в полосе наступления 70-й армии. Здесь были сосредоточены 2-я танковая армия и 9-й танковый корпус, которые во второй половине августа нанесли мощный удар по начавшим еще ночью отход к реке Крома немецким войскам. Основной задачей танковых соединений был прорыв к реке Крома и ее форсирование с хода. 48-я армия, наступая в северо-западном направлении, также начала успешное продвижение в район рек Крома и Ока. Штаб 16-й воздушной армии получил приказ командующе-

го фронтом на развертывание активных боевых действий на путях отхода противника.

Понимая, что выход и успешное форсирование советскими частями реки Крома может привести к расчленению войск 9-й армии, немецкое командование сосредоточило действия авиации 6-го воздушного флота по передовым частям советских танковых соединений, имея главной задачей обеспечить отход за реку частей 9-й армии. Начиная с 1 августа налеты немецких самолетов на боевые порядки 9-го танкового корпуса стали приобретать все больший размах. Так, 2 августа из 344 вылетов двухмоторных бомбардировщиков 193 пришлось на район южнее Кром. Показатели активности соединений Ju 87 оказались еще выше, из 587 вылетов этих самолетов почти 500 были совершены в районах южнее и юго-западнее Орла. При этом, по докладам экипажей, было уничтожено 55 и повреждено 12 советских танков, а также 91 автомашина [84].

Документы 9-го танкового корпуса свидетельствуют, что с 6:00 2 августа группа из 50—60 немецких бомбардировщиков атаковала боевые порядки корпуса. При этом КП 9-го танкового корпуса, находившийся в районе Жерновец, трижды подвергался ожесточенной бомбежке. Был ранен заместитель командира корпуса генерал-майор Б.С. Бахаров, контужены командир 8-й мотострелковой бригады полковник Бояринов и 95-й танковой бригады полковник Галушко. 70 человек было убито, а еще 65 ранено. За весь день над частями корпуса было отмечено около 840 самолето-пролетов авиации противника.

Документы 9-го танкового корпуса отмечают то тяжелое положение, в которое попали части соединения 2 августа. Фактически корпус оказался лишен истребительного прикрытия, о чем свидетельствуют строки из боевого донесения его командира генерал-лейтенанта С.И. Богданова: *«В результате многократных налетов авиации (до 600) противника половина радиосредств вышла из строя. Держать связь со штабом фронта впредь не могу, рация РАФ сгорела при бомбежке. Прошу срочно дать радиостанцию РАФ взамен сгоревшей. Прошу дать надежное прикрытие с воздуха района действий частей корпуса»* [85]. Отметим, что общие потери корпуса за 2 августа составили 23 Т-34 и 16 Т-60. При этом

зенитным огнем с земли было сбито 7 бомбардировщиков противника.

3 августа положение танкистов С.И. Богданова стало еще более сложным, так как к налетам вражеской авиации добавились удары собственных авиаторов. За весь день было отмечено 5 налетов (!) краснозвездных самолетов на боевые порядки корпуса. Однако этот, из ряда вон выходящий случай никак не повлиял на действия авиаторов генерала С.И. Руденко. В последующие дни было отмечено еще несколько ударов по своим танкам и пехоте. В боевом донесении командира 9-го танкового корпуса за 4 августа в очередной раз отмечалось: *«Прямой связи с 16 ВА не имею. Наша авиация снова бомбит свои войска»* [86].

Причины такой несогласованности действий танкистов и авиаторов можно частично найти в документах 6-го сак. Его экипажи особенно подчеркивали трудности в отыскании переднего края противника, который не обозначался нашими наземными войсками, при том, что основные объекты ударов зачастую лежали от него всего в 1,5—2 километрах. Неудивительно, что при таком чрезвычайно низком уровне взаимодействия наземных сил и авиации не удалось на плечах отступающего противника форсировать реку Крома и развить наступление в сторону шоссе Орел—Карачев. Немецким войскам, в основном пехотным дивизиям, прикрываемым активными действиями своей авиации, удалось оторваться от преследующих их советских танков.

Оценка происходящего со стороны командиров истребительных частей и соединений была намного более благодушной, чем у танкистов. Так, например, штаб 6-го иак, признавая, что бомбардировка производилась противником на глубину 6—12 километров, в то же время отмечал: *«Главным объектом на этом (кромском. — Прим. авт.) направлении, как видимо, были танки 2-й и 3-й танковых армий. Так как последние свое дислоцирование меняли часто, то и бомбардировочные удары немцев по буграм и лощинам на участке в районе Ржава, Бельдяшки были почти всегда впустую»* [87].

Выход войск Центрального фронта в район Кромы сопровождался резким усилением борьбы за господство в воздухе с обеих сторон. Командованию 9-й армии необходимо было выиграть время для отхода своих частей на север, обеспечить надежную оборону по реке Крома, а также, по возможности,

сорвать попытки ее форсирования советскими частями. Как и во многих других подобных случаях, одним из наиболее эффективных инструментов в руках генерала Моделя являлась ударная авиация 6-го воздушного флота.

Согласно документам, количество вылетов 16-й воздушной армии, начиная с 1 августа, по сравнению с предыдущим днем выросло с 294 до 808 самолето-вылетов. 2 августа летчики генерала С.И. Руденко уже 1312 раз поднимались в воздух. В каждый из дней с 3 по 5 августа напряжение действий 16-й воздушной армии составило около 1000 вылетов. Соответствовал интенсивности использования авиации и накал воздушных боев. Так, например, 1 августа истребителями 16-й воздушной армии было проведено 13 воздушных боев и сбито 18 самолетов противника при потере 12 своих. На следующий день, 2 августа, количество воздушных боев увеличилось вдвое — в 37 воздушных боях было зафиксировано 72 сбитых немецких самолетов при потере 40 своих машин. 15 истребителей из этого числа недосчитались полки 6-го иак, впервые понесшего такие серьезные потери с завершения оборонительной операции. Несколько меньшие показатели соответствуют периоду с 3 по 5 августа, когда в ходе 92 воздушных боев был уничтожен 121 самолет противника. При этом собственные потери за пять дней составили 121 самолет.

Оперсводки истребительных полков, принимавших участие в боях, пестрят цифрами побед. Особенно отличились пилоты 67-го гв. иап 1-й гв. иад. Напомним, что практически весь июль этот полк, вооруженный «Аэрокобрами», находился в резерве командующего 16-й воздушной армии. Только с резким обострением обстановки в конце июля — начале августа гвардейцы были брошены в бой, записав за период с 1 по 4 августа 52 сбитых немецких самолета. Среди несомненных успехов экипажей 67-го гв. иап стала гибель в воздушном бою командира I/JG54 Герхарда Хомута (Hornuth Gerhard), имевшего на личном счету 63 победы. Установить имя советского летчика, сбившего командира 1-й группы 54-й эскадры, уже не представляется возможным. За 2 августа летчиками 67-го гв. иап было заявлено об уничтожении 13 «фокке-вульфов», в то время как реальные потери немецкой стороны, кроме самолета Хомута, составили 2 FW 190

из состава I/JG51 и FW 190F-3 из 3./SchG1. Еще 3 самолета этого типа получили повреждения.

Накануне в одном из воздушных боев был сбит еще один ас — Германн Люке из 9./JG51, еще 15 июля достигший 50-й из своих 78 побед. Согласно немецкой версии, Люке сбил советский истребитель, который тем не менее смог протаранить его «фокке-вульф». В итоге немецкому асу пришлось спастись на парашюте.

Особое внимание командования истребительных частей и соединений 16-й воздушной армии было приковано к прикрытию наземных войск. Несмотря на богатый опыт, полученный командирами и пилотами-истребителями в кровавых боях начала июля, перехват соединений немецких бомбардировщиков продолжал оставаться непростой задачей. Так, например, пилоты 157-го иап 6-го иак трижды за 1 августа обнаруживали большие группы немецких бомбардировщиков Ju 87 и Ju 88 численностью от 20 до 80 самолетов, но атаковать их не смогли, так как во всех трех случаях были связаны боем истребителями сопровождения.

Наиболее интересный и полезный опыт в деле борьбы с вражескими бомбардировщиками получили авиаторы 6-го иак, которые начали осуществлять противодействие вражеским налетам, начиная с 3 августа. Для организации боевой работы командованием корпуса был организован подвижный командный пункт, который вместе с информационными станциями 16-й воздушной армии должен был проводить работу по управлению воздушным боем, а также освещать воздушную обстановку. Наведение истребителей, как и в период оборонительной операции начала июля, во многом осложнялось отсутствием в составе соединения радиолокационной установки «Редут», что не позволило строить боевую работу на вызовах дежуривших на земле истребителей. Так как аэродромы корпуса располагались приблизительно в 60 километрах от линии фронта, нехитрые подсчеты позволяли установить, что для появления в зоне истребления авиаторам требовалось как минимум 15—20 минут.

Анализ работы немецких бомбардировщиков показал, что над линией фронта они появлялись в основном после трехчасового интервала. Исходя из этого был составлен график ожидаемого прилета вражеской авиации, представлявший собой следующий набор временных отсечек: 6:00—7:00,

9:00—10:00, 12:00—13:00, 15:00—16:00, 19:00—20:00. Основной идеей командования 6-го иак было значительное сокращение времени патрулирования истребителей корпуса путем ограничения выделяемых для этого сил четверками и шестерками, которые уже в ходе боя должны были усиливаться дежурившим на земле резервом. Ведущие групп перед вылетом на боевые задания получили необходимые разъяснения и инструкции.

Как показал первый же день работы соединения в районе Кромь, новая тактика во многом оправдала ожидания командования. Особо были отмечены грамотные действия четверки Ла-5 279-й иад И.Я. Шестака, патрулировавших утром в районе Красниково. Избегая истребителей противника, четверка «лавочкиных» дождалась появления пикировщиков и только тогда вступила в воздушный бой. И.Я. Шестак с двух атак сбил 2 Ju 87, чем вызвал искреннее восхищение наблюдавших за боем бойцов и командиров 81-й стрелковой дивизии. Несмотря на недостаток горючего, Ла-5 атаковали также и появившуюся над линией фронта группу Ju 88 и только после появления смены в лице Як-9 273-й иад ушли на свой аэродром.

События следующего дня, 4 августа, показали, что ориентация на составленный накануне график предположительных вылетов вражеской авиации в основном позволяет осуществлять перехват групп бомбардировщиков, хотя и приводила в ряде случаев к досадным промахам. Так, например, уже с утра было решено сместить время первого вылета на полчаса назад. По злой иронии судьбы, группа «штук» появилась над линией фронта ровно в 5:30, и подоспевшая через 5 минут шестерка Ла-5 перехватить немецкие самолеты не смогла.

Более удачно сложились действия шести Ла-5 старшего лейтенанта А.И. Фадеева, удачно наведенных на группу Ju 88. Следуя за своим ведущим, пилоты решительно и энергично вступили в схватку, расстроив боевой порядок «восемьдесят восьмых». В результате атак Ла-5 один из немецких самолетов горящим упал на линии фронта, а второй с сильными повреждениями скрылся на своей территории.

Четыре тяжелых воздушных боя с превосходящими силами противника провели 4 августа экипажи 273-й иад. Около полудня 4 Як-1 и 2 Як-9 163-го иап, ведомые новым коман-

диром полка майором П.А. Пологовым (Герой Советского Союза с 2.9.43), были наведены с земли на 33 Ju 87 и 26 Ju 88. Зайдя со стороны солнца, советские истребители неожиданно атаковали противника, записав на свой счет 2 Ju 88, 1 Ju 87 и 1 FW 190. В этот же день четверка «яков», во главе которой снова находился майор П.А. Пологов, провела еще один напряженный воздушный бой с 40 Ju 87. На сей раз советские летчики посчитали уничтоженными три вражеских бомбардировщика. Отметим, что в двух воздушных боях потери 163-го иап составили всего 2 Як-1.

Наиболее крупный бой имел место уже под вечер, когда около 19:00 7 Як-1 и 4 Як-9 157-го иап, прикрывая район Кромского моста, атаковали многочисленные восьмерки и четверки Ju 87 общим количеством до 50 самолетов. Согласно документам корпуса, многие немецкие бомбардировщики сбрасывали свой груз, не доходя до цели, или уходили на свою территорию с подвешенными бомбами. Во время воздушного боя группа во главе с командиром полка В. Ф. Волковым сбила 10 Ju 87 и 2 FW 190.

Героем боев начала августа стал командир 2-й эскадрильи 347-го иап старший лейтенант Л.К. Рыжий, уничтоживший за два дня боев пять самолетов противника и еще два подбивший. 37-мм пушка его Як-9Т, которую летчик именовал не иначе как «гаубица», и хладнокровие стали слагаемыми успеха. В воздушном бою 4 августа самолет Л.К. Рыжего, сбившего 2 Ju 87 и подбившего еще один пикировщик, получил повреждения, после чего ас совершил вынужденную посадку. Отметим, что звание Героя Советского Союза летчик получил уже по окончании войны, в 1946 году.

Немецкие данные традиционно расходятся с советскими в определении количества потерянной в боях техники. Согласно им, 4 августа из состава 6-го воздушного флота от воздействия противника было потеряно 8 истребителей Bf 109 и FW 190, 2 Ju 87 и 2 He 111. Еще несколько «фокке-вульфов» потерпели различного рода аварии. Среди погибших летчиков немецкие документы упоминают командира отряда 2./JG54 Ганса Гетца (Gütz Hans), погибшего северо-западнее Орла. Этот эпизод мы еще рассмотрим ниже.

В последующие два дня количество налетов немецкой авиации в полосе действия 6-го иак неуклонно снижалось — 5 августа таковых было зафиксировано четыре, а 6 августа

всего два. Мнение наземных частей о действиях истребительной авиации по сравнению с периодом оборонительной операции все больше сдвигалось в положительную сторону. Так, например, согласно отзывам 28-го стрелкового корпуса, с 5 по 7 августа истребители 486-го иап при появлении вражеских самолетов всегда вступали с ними в воздушный бой. 5 августа при налете на Шарыкино большая группа Ju 88 была разогнана, а часть самолетов сбита. 7 августа 42 Ju 88 были разогнаны 15 истребителями и ни один из «юнкерсов» свой бомбовый груз сбросить не смог. Отметим, что этот налет был единственным зарегистрированным за день.

Начиная с 8 августа активность немецких ударных самолетов вовсе сошла на нет. 10 августа вся система управления воздушным боем 6-го иак была, согласно приказу командующего 16-й воздушной армией, демонтирована и вместе с корпусом переброшена на севское направление для содействия частям 65-й армии в боях за Дмитриев-Орловский. Отметим, что долгожданную станцию «Редут» 6-й иак все-таки получил. Произошло это 22 августа, что позволило практически сразу отказаться от графика непрерывного патрулирования воздушного пространства.

Вернемся к освещению наземных событий начала августа. Несмотря на массированные удары самолетов 6-го воздушного флота, советские войска к исходу 4 августа вышли на южный берег реки Крома. Отметим, что к этому моменту советская группировка в районе Кром была значительно усилена 3-й гвардейской танковой армией. После боев в составе Брянского фронта и в полосе 48-й армии Центрального фронта объединение Рыбалко получило 3 и 4 августа пополнение из 200 танков, имея к началу наступления на кромском направлении 417 танков и САУ [88]. Существенным недостатком армии являлась нехватка офицерского состава, а также слабо подготовленное вновь прибывшее пополнение.

В 14:00 4 августа 3-я гвардейская танковая армия перешла в наступление. Уже на подходе к реке Крома ее боевые порядки подверглись сильным налетам немецкой авиации. В ночь на 5 августа началось наведение мостов, а уже на следующий день было осуществлено непростое форсирование под огнем противника. Однако последовавшие вскоре события показали, что над объединением генерала П.С. Рыбалко

буквально висел злой рок. Обнаружив советские танки на берегах Кромы, командование 6-го воздушного флота снова бросило в бой свою бомбардировочную авиацию, которая начала мощные атаки на рассвете 5 августа. За день было совершено 1266 самолето-вылетов, при этом на долю Ju 87 и двухмоторных бомбардировщиков пришлось соответственно 330 и 477 вылетов.

6-й гвардейский танковый корпус с утра подвергся налетам группы до 40 самолетов. За 20 минут наземные наблюдатели зафиксировали в общей сложности свыше 200 самолето-пролетов авиации противника. Этот массированный удар оказал на танкистов деморализующее воздействие. 106-я танковая бригада потеряла в ходе налета 4 танка и вскоре отошла на южный берег реки. В 9-м танковом корпусе в полном составе вышел из строя штаб артиллерии, ранение получил командующий артиллерией корпуса полковник Беш [89].

Впрочем, несмотря на эти успехи, командование 6-го воздушного флота не могло быть полностью довольным действиями своих подчиненных. Сводки штаба группы армий «Центр» свидетельствуют о событиях 5 августа: *«Вражеская авиация волна за волной совершала налеты на главную полосу обороны обоих танковых корпусов, на колонны на дорогах в глубине тылу. Действия нашей авиации заметно облегчили положение пехоте, однако истребители противника вынуждали наши пикирующие бомбардировщики преждевременно сбрасывать бомбы»* [90].

Отметим, что, согласно советским данным, в боях 5 и особенно 6 августа отличились авиаторы 1-й гвардейской истребительной дивизии — группы лейтенанта В.А. Латышева (Герой Советского Союза с 4.2.44) и капитана Н.С. Шимбалова из 67-го и 53-го гв. иап, которые проявили храбрость и напористость, не давая противнику бомбить наши войска.

Из показаний пленных следовало, что оборона на кромском рубеже должна была держаться до 10 августа. Однако ее прорыв был осуществлен войсками за два дня. За этот успех пришлось заплатить дорогую цену. Только одна 3-я гвардейская танковая армия лишилась 104 танков, около 90% которых стали жертвами артиллерийского огня [91].

В ходе боев в районе реки Крома впервые с начала наступления тяжелые потери понес 3-й бак. Отметим, что за весь

август экипажам «пёшек» семь раз приходилось вступать в воздушные бои, и в большинстве случаев нападавшие «мессершмитты» и «фокке-вульфы» отгонялись истребителями сопровождения и оборонительным огнем стрелков. Единственным «черным» днем, когда немецким пилотам удалось взять реванш, как раз и стало 5 августа. Группа 1-й и 3-й эскадрилий 128-го бап 241-й бад (ведущий — Герой Советского Союза Н.С. Мусинский), прикрываемая четверкой Як-1 53-го гв. иап, получила задачу уничтожить немецкий штаб в населенном пункте Шаблыкино. Всего на задание вылетело 13 Пе-2, полностью оправдав значение роковой «чертовой дюжины». Цель из-за сильной дымки и солнца была видна плохо, поэтому в районе цели Н.С. Мусинский повел группу на второй заход. При этом 5 самолетов 3-й эскадрильи были обстреляны сильным зенитным огнем и атакованы 20 истребителями противника. Восемь «фокке-вульфов» вступили в бой с «яками» сопровождения, тогда как остальные направились на бомбардировщики. В последовавшем воздушном бою было сбито 5 Пе-2. Согласно немецким данным, группа Пе-2 была атакована истребителями из состава I/JG51, пилоты которой доложили об уничтожении в ходе 13-минутного боя 7 советских бомбардировщиков. Также не вернулись на свой аэродром и 4 Пе-2 96-го гв. бап 301-й бад, которые на рассвете стали жертвами четверки FW 190 из 10./JG51.

Суровые испытания выпали 4 августа на долю экипажа бомбардировщика «Бостон» 57-го бап 221-й бад. Прямым попаданием зенитного снаряда был тяжело ранен летчик, младший лейтенант А.М. Погудин. Оценив ситуацию как критическую, командир экипажа подал команду оставить машину и сам выбросился с парашютом. Оставшийся в кабине штурман младший лейтенант П.В. Паршутин приказал воздушному стрелку старшему сержанту Карасю вставить ручку управления самолетом в кабине стрелка и начать управлять бомбардировщиком по его командам. Выполняя команды штурмана, воздушный стрелок не только смог вывести самолет в горизонтальный полет, но и привел его на свой аэродром. В этот момент выяснилось, что гидросистема «Бостона» не действует, однако отважные авиаторы смогли посадить самолет на фюзеляж, который загорелся на посадке и был потушен подоспевшими техниками. За этот подвиг командующий наградил младшего лейтенанта Паршутину

и старшего сержанта Карся орденами Красного Знамени. Подобный случай был отмечен в этот же день и в соседнем 745-м бап [92].

Командование 6-го воздушного флота попыталось несколько снизить активность советской авиации, выделив группу двухмоторных бомбардировщиков для нанесения ударов по аэродромам 16-й воздушной армии в предзакатных сумерках. Однако достичь успеха экипажам немецких бомбардировщиков не удалось. Так, 1 августа девятка Ju 88 сбросила в общей сложности около 80 бомб на аэродром Белица, где базировались «яки» 176-го иап. Все бомбы легли мимо цели. В ночь на 6 августа в 21:15 до 40 He 111 и Ju 88 атаковали аэродром Дмитриев-Льговский, где базировались штурмовики 59-го гв. шап. Сбросив 366 бомб, немецким пилотам удалось уничтожить один Ил-2, а также повредить один УИл-2.

Завершающие аккорды боев, в которых приняли участие войска Центрального фронта, пришлось на 6—10 августа. Понимая, что в создавшейся обстановке время работает на противника, генерал К.К. Рокоссовский постарался активизировать действия своих войск. В приказе от 6 августа он писал: *«3 гв. ТА и 2 ТА, вопреки благоприятно сложившейся для нас обстановке и вопреки моему приказу, в течение трех суток топтались на месте и своих задач не выполнили. Это явилось следствием того, что командиры танковых частей и соединений проявляют нерешительность, не умеют заставить своих подчиненных выполнить задачи и исключительно плохо управляют боем своих частей, соединений и армий»* [93].

Развернувшееся 6 августа наступление было сопряжено с большими трудностями. За шесть дней наступления 3-й гвардейской танковой армии удалось, пройдя около 20 километров, к исходу 9 августа приблизиться к Сосково, которое впервые упоминалось в приказе еще 27 июля. К этому времени понесшая тяжелые потери в боях 2-я танковая армия уже 9 августа начала выводиться во второй эшелон фронта. 10 августа такая же участь постигла и 3-ю гвардейскую танковую армию, также понесшую тяжелые потери на хорошо укрепленном рубеже Сосково — высоты 271,5 и 264,6. Генерал П.С. Рыбалко сосредоточил здесь оба соединения своей армии — 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса, которые при проливном дожде вели бой за овладение высотами весь

день. При этом танковая армия потеряла до 100 танков. Только части 6-го гвардейского танкового корпуса лишились 43 машин, из которых 13 погибли на минных полях, а остальные стали жертвами немецких артиллеристов. Еще около 60 танков потеряли части 7-го гвардейского танкового корпуса и 91-й отдельной танковой бригады. Документы армии особенно отмечают: *«Исключительно большие потери в танках за этот день объясняются тем, что район высоты 271,5 и северная окраина Сосково были насыщены большим количеством артиллерии противника, самоходными установками и танками Т-6, которые, заняв удобное положение, прямой наводкой расстреливали наши танки»* [94]. Согласно немецким данным, в этом бою танкистам П.С. Рыбалко противостояла 12-я танковая дивизия, которой без существенных потерь со своей стороны удалось уничтожить и подбить 57 советских танков из 61, пришедшегося на долю 9-й армии в этот день.

Тяжелые потери вызвали гнев Верховного Главнокомандующего, который через Генштаб направил директиву командованию фронта с требованием разобраться в столь вопиющем случае и представить доклад с объяснениями случившегося. Остается неизвестным, какие выводы были сделаны по факту понесенных танковой армией потерь, но к вечеру 10 августа ее обескровленные корпуса были выведены в резерв и более в Курской битве не участвовали. К этому времени на ходу только в 7-м гвардейском танковом корпусе имелось всего 4 Т-34 и 7 Т-70.

3-я гвардейская танковая армия несколько раз вводилась в бой сначала на Брянском, а затем и на Центральном фронтах, но нигде достичь решительного успеха не смогла. Во многом это явилось следствием ошибок как командования фронтов, так и командиров самой армии. Несмотря на многочисленные массированные налеты авиации, армия не понесла от ее действия таких уж значительных потерь, как это может показаться на первый взгляд. В связи с этим интересно привести статистику по 6-му гвардейскому танковому корпусу. За все время боевых действий в районе Орла корпус безвозвратно потерял 122 танка, из них 76 на Брянском и 46 на Центральном фронте. Из этого количества 108 (89%) было уничтожено артиллерией, 12 (9,3%) — авиацией и еще 2 машины (1,7%) погибли на минах. Кроме того, за тот же период было подбито 52 танка.

Авиация 6-го воздушного флота, сконцентрировавшая с начала августа свои действия в полосе 9-й армии, сыграла одну из решающих ролей в срыве советских планов по окружению орловской группировки. Именно массированные удары с воздуха помогли войскам генерала Моделя оторваться от преследования советских танковых соединений и организовывать оборону на новых рубежах. Дальнейшее развитие операции «Кутузов» было связано с наступлением советских войск на Хотынец и Карачев.

4.6. ИСХОД

(5 августа—16 августа. Брянский фронт)

С освобождением Орла и Болхова следующей целью войск Брянского фронта стало освобождение Хотынца и Карачева, а также выход к Брянску. Начертание линии фронта, на северном фланге того, что еще недавно было Орловской дугой, проходило теперь вдоль дороги, соединявшей Карачев и Брянск. Обладанию этой важнейшей коммуникацией немецкое командование придавало первостепенное значение — дорога была жизненно необходима для успешного отхода войск 2-й танковой армии. В то же время советское командование не оставляло надежды отрезать и окружить оставшиеся силы противника западнее Орла. Именно здесь и развернулись основные события первой половины августа.

Воздушная обстановка, несмотря на очевидный для обеих противоборствующих сторон исход борьбы, продолжала оставаться сложной. Резкое сокращение линии фронта привело к концентрации на одном направлении значительных сил авиации, правда, уже мало напоминавшей противостояние двух армий месячной давности.

Как уже отмечалось выше, 15-я воздушная армия в конце июля пополнилась тремя соединениями из состава 1-й воздушной армии — в ее состав вошли 2-й иак, 11-й сак и 224-я шад. Полноценную боевую единицу из этих трех соединений представлял только 11-й сак, насчитывавший в своем составе 108 истребителей Як-9 (из них 78 модификации Як-9Т) и 60 Ил-2. Корпус, сформированный по приказу Наркома обороны № 00113 от 24.07.43 на базе 287-й иад, имел весьма необычную для советских ВВС структуру. В виде

эксперимента в 11-м сак отсутствовали управления дивизий, а три истребительных и два штурмовых полка подчинялись непосредственно командиру корпуса — генерал-майору С.П. Данилову.

Летный состав 11-го сак имел богатый боевой опыт, приобретенный в воздушных боях над Сталинградом и Кубанью. 55,7% летчиков-истребителей корпуса имели сбитые самолеты противника, что являлось весьма высоким показателем. Особенно выделялся своей подготовкой 4-й иап, в котором воевали многие советские асы. В штурмовых полках уровень был пониже, но на фоне других соединений также весьма высок — около 22,2% пилотов успели «понюхать пороха». Вначале командование предполагало иметь в составе 11-го сак 565-й и 996-й шап из состава 224-й шад. Однако в итоге все было «переиграно» и корпус же Данилова пополнили 724-й и 568-й шап.

Основная задача летчиков 11-го сак в предстоящих боях заключалась в содействии частям 4-й танковой армии. Первоначально предполагалось даже оперативно подчинить корпус штабу танковой армии. Однако это выполнено не было. Приказы авиаторы 11-го сак продолжали получать из штаба 15-й воздушной армии. Отметим, что сразу приступить к боевой работе летчикам 11-го сак помешала плохая погода, растянув процедуру облета линии фронта на три дня — с 28 по 5 августа.

2-й иак и 224-я шад, понесшие значительные потери в ходе июльских боев, выглядели на фоне 11-го сак весьма бледно. Достаточно сказать, что 7-я гв. иад и 322-я иад 2-го иак насчитывали на 1 августа всего 52 самолета. Фактически корпус не дотягивал даже до уровня полнокровной дивизии. Недаром начальник штаба 2-го иак в своем обзоре за начало августа с сожалением отмечал: *«Корпус, понеся потери в предыдущих боях, не мог самостоятельно выполнять задачи по завоеванию господства в воздухе»* [95]. Не лучше обстояли дела и в 224-й шад, где в четырех штурмовых полках имелось всего 65 Ил-2. Фактически эскадрилью неполного состава представлял собой 513-й иап, призванный прикрыть штурмовики соединения. На 1 августа полк насчитывал в своем составе всего 9 истребителей (3 Як-16 и 6 Як-76).

6-й воздушный флот в свою очередь не получил подкреплений в виде новых групп и эскадр, кроме стандартного пополнения потерь отдельными экипажами. Однако концентрация немецких истребителей в районе Карачева была чрезвычайно высока. Достаточно сказать, что за короткий срок в данном районе «отметились» три группы JG51, I/JG54 и III/JG52, а также штурмовики FW 190 из состава I/SchG1.

Сложная обстановка, сложившаяся на Восточном фронте к началу августа, не позволяла немецкому командованию позволить себе держать в одном месте столь много истребительных групп. Уже 2 августа, в преддверии ожидавшегося советского наступления на Харьков, III/JG52 была снова переброшена в район Белгорода. 9—10 августа на Украину отправились и пилоты I и IV/JG51, I/JG54. Тем не менее за первую неделю августа боев немецким асам удалось нанести тяжелые потери штурмовикам 15-й воздушной армии. Особенно пострадали соединения, переданные из состава 1-й воздушной армии.

1 августа штаб 224-й шад отметил, что из семи групп, вылетавших на задание, две подверглись атакам истребителей, по всей видимости, принадлежавших I/JG51. При этом из шестерки 566-го шап, ведомой капитаном Манчевым, оказалось сбито четыре машины. Экипажи штурмовиков полностью возложили ответственность за эти потери на сопровождавшие «илы» истребители Як-9 11-го сак. По свидетельству экипажей, немецкие истребители, практически без противодействия истребителей сопровождения, атаковали Ил-2 снизу, потом, резко набирая высоту, делали в верхней точке резкий переворот через крыло и повторяли атаку уже с верхней полусферы. Один из проскочивших вперед FW 190 оказался сбит капитаном Манчевым пулеметно-пушечным огнем и залпом РС. Только после этого пара Як-9 атаковала немецкие истребители.

На следующий день, 2 августа, пилоты I/JG51 опять встретились в воздушном бою с экипажами 224-й шад, нанеся им тяжелые потери. Около 18:30 две восьмерки Ил-2 571-го шап, шедшие под сопровождением 16 Як-9, в районе станции Большое Юрьево были внезапно атакованы несколькими группами «фокке-вульфов». Первая группа Ил-2 старшего лейтенанта Маринкина с одного захода атаковала эшелоны

на железнодорожной станции, после чего оторвалась от противника и благополучно вернулась на свой аэродром, потеряв над целью один самолет. Истребители сопровождения второй группы снова допустили ошибку, позволив связать себя боем «фокке-вульфам». В результате восьмерка FW 190 без всякого противодействия смогла зайти снизу сзади группе лейтенанта И.С. Старченкова (Герой Советского Союза с 23.2.45), и, применяя уже знакомый штурмовикам «почерк», сбить 7 Ил-2! В этом бою немецкие зенитчики продемонстрировали впечатляющее взаимодействие со своими истребителями, ведя огонь в моменты разворота «фокке-вульфов» для атаки, отсекая пилотам Ил-2 пути для отхода.

3 августа печальная картина предыдущих дней повторилась. Пилоты группы старшего лейтенанта М.С. Быкова (Герой Советского Союза с 15.5.46), находясь в районе Карачева, наблюдали взлет восьми истребителей с аэродрома. Немецкие истребители тут же с набором высоты атаковали пятерку Ил-2, сбив в трех атаках два советских самолета. Ла-5 322-й иад прикрытия, шедшие на высоте 2—3 километров, противника не заметили и в бой не вступили.

В боях начала августа советской стороной неоднократно отмечалось особое упорство в боях немецких истребителей. Весьма характерно замечание бывшего заместителя командира 308-й шад С.С. Александрова, который, говоря о событиях начала августа, отмечал, что в этот период *«противник значительно превосходил нас в истребительной авиации. При чем действовала она с полевых аэродромов, оборудованных под Орлом. Вражеские истребители, летая по сокращенным маршрутам, имели возможность совершать за день значительно больше вылетов, чем мы. Подготовка у них была хорошая. Они старались использовать самые эффективные тактические приемы»* [96].

Повышенная активность немецких истребителей в районе Карачева заставила командование 15-й воздушной армии усилить борьбу с немецкой авиацией, организовав удары по аэродромам. Одной из главных целей являлся аэродром Карачев, где, по разным оценкам, базировалось от 200 до 300 вражеских самолетов и откуда и взлетали столь досаждавшие штурмовикам «фокке-вульфы» и «мессершмитты». Удар по аэродрому был нанесен 4 августа в период с 16:10 до 19:40

силами нескольких групп штурмовиков 724-го шап и истребителей 4-го иап.

«Илы» действовали восьмерками, сделав по стоянкам самолетов два захода, под сильным огнем зенитной артиллерии, потеряв при этом 4 машины, одну из которых пилотировал командир 724-го шап подполковник С.М. Ярославцев. Отметим, что 724-й шап прошел подготовку как полк «охотников» для действия парами-четверками в тылу противника, но, несмотря на «специализацию», в этой роли так ни разу и не использовался. Пилоты истребителей и штурмовиков не поскупились на победные реликвии, заявив об уничтожении ни много ни мало 35 самолетов противника (26 одномоторных и 9 двухмоторных). Однако найти подтверждения или опровержения этому факту в немецких источниках автору не удалось.

Тем не менее одна победа экипажей 724-го шап весьма примечательна. Во время атаки на соединение штурмовиков северо-восточнее Карачева оказался сбит известный ас Ганс Гетц, FW 190A-5 «черная двойка» которого после атаки на группу Ил-2 упал в лес северо-восточнее Карачева. На момент своей гибели немецкий ас, командовавший 2-м отрядом JG54, имел 82 подтвержденные победы. Напомним, что буквально накануне из воздушного боя над Кромами не вернулся командир I/JG54 Герхард Хомут (Homuth Gerhard). Сменивший его на посту Гетц погиб, не успев даже как следует войти в курс дела. Отметим, что среди командиров группы I/JG54 это была третья жертва тяжелого лета 1943 года. О подробностях гибели Гетца можно только догадываться, так как экипажи 724-го шап заявили за день об уничтожении 10 FW 190, а список потерь I/JG54 содержит упоминание об еще одном сбитом и одном поврежденном в воздушных боях самолетах. Тем не менее приведем наиболее правдоподобные доклады летчиков-штурмовиков.

Первый сбитый «фокке-вульф» отмечается в документах 11-го сак уже в 7:10 утра, когда при атаке аэродрома Карачев один из напавших на штурмовики FW 190 оказался сбит огнем воздушных стрелков. Около 12:40 при повторном ударе по аэродрому младший лейтенант Сидоров сблизился с парой разгонявшихся «фоккеров» и одного из них расстрелял в упор. В этом же бою воздушный стрелок младший лейтенант

Заяц, отбивая атаку семерки FW 190, сбил одного из нападавших. Целых пять побед заявили пилоты в ходе вечернего налета на немецкий аэродром, когда погиб командир полка С.М. Ярославцев. Спасая обреченный самолет командира, младший лейтенант Комыгин уничтожил один немецкий истребитель. В этом бою отличился также и старший лейтенант Какурин, бесстрашно атаковавший в лоб целую дюжину FW 190, один из которых и стал его жертвой.

Наиболее же правдоподобно выглядит донесение ст. сержанта Макарова, попавшего в составе своей группы около 12:10 под атаку четверки FW 190. Ведущий истребитель, после неудачной атаки по самолету Макарова, попытался пристроиться в хвост штурмовику сержанта Малышева, следовавшего впереди. Макаров повернул свой самолет в сторону зависшего в 50 метрах «фокке-вульфа» и залпом РС-82 и пушечным огнем сбил вражеский самолет. Оставшиеся истребители продолжали атаки Ил-2, произведя до 5 заходов. Вскоре от всей вражеской группы остался лишь один «сто девяностый», который продолжал атаки, но был сбит огнем воздушных стрелков.

Отметим, что потеря опытного аса была очень чувствительной, но далеко не последней потерей эскадры «Зеленых сердец» летом 1943 года. Уже после окончания Курской битвы в районе Витебска истребителями Як-9 был сбит один из ведущих асов эскадры Макс Штотц (Stotz Max), имевший на момент гибели 189 побед.

Впрочем, не только немецкие летчики попадали в прицелы советских авиаторов, но, как оказалось, и куда более заметные фигуры. 2 августа «сталинские соколы» чуть было не покончили с самим командующим группой армий «Центр» генерал-фельдмаршалом фон Клюге. Около 17:30 самолет командующего был атакован советскими истребителями юго-восточнее Карачева и на вынужденной посадке перевернулся. Клюге при этом получил разрыв связок левого плеча, но командование войсками не оставил [97]. К сожалению, документы советских истребительных частей не содержат упоминания об этом редком и интересном эпизоде Курской битвы.

Между тем 6 августа войска Брянского фронта во второй половине дня перешли в решительное наступление с целью

овладения Хотынец и развития дальнейшего наступления на Карачев. Уже к 15:30 оборона 253-й пехотной дивизии оказалась прорвана по всей полосе наступления. В дело были введены оба танковых корпуса 4-й танковой армии и 25-й танковый корпус, который должен был охватить Хотынец с юга.

Поддержку с воздуха осуществляли экипажи 15-й воздушной армии, которые неожиданно понесли в первый день наступления большие потери не от действий противника, а от... грозы. Серьезно пострадала 113-я бад, лишившаяся по этим, в общем-то не боевым, причинам 10 Ил-4. Обстоятельства этого трагического случая таковы: 6 августа 73 бомбардировщика дивизии в районе Болхов попали в мощную кучевую десятибалльную облачность высотой от 500 до 200 метров, которая простиралась от Болхова до Брянска. По оценкам пилотов, толщина облачности составляла около 5000 метров. Экипажи пытались обойти область непогоды, но, к сожалению, это оказалось невозможным. При развороте некоторые самолеты вошли в облака, потеряв связь с группой и землей. В итоге от грозовых разрядов сгорело и разрушилось 7 бомбардировщиков, а еще 3 пропали без вести. На свой аэродром все же вернулись 3 летчика, 3 штурмана и 6 воздушных стрелков, которые и поведали о печальной участи других экипажей. Для восполнения потерь с Иркутского авиазавода 14—15 августа прибыло 15 Ил-4. Этот случай вызвал разбирательство на высшем уровне с назначением комиссии ВВС КА во главе с членом Военного совета генерал-лейтенантом Н.С. Шимановым.

7 августа наступление на Хотынец продолжало развиваться при усиливавшемся сопротивлении противника. Действия немецкой авиации заметно активизировались. В среднем в начале августа части 6-го воздушного флота совершали от 1300 до 1600 самолето-вылетов в сутки. 6 августа это число заметно уменьшилось до 756 вылетов, но уже 7 августа снова составило 1400 самолето-вылета, причем из них почти 950 совершили бомбардировщики и штурмовики. Действия немецкой авиации не остались незамеченными командованием Брянского фронта, отмечавшим массированные налеты по боевым порядкам 11-й гвардейской и 4-й танковой армий, а также огненным позициям артиллерии.

Несмотря на то что сражение постепенно подходило к своему логическому завершению, накал боев ни на земле, ни в воздухе не ослабевал. 7 августа невосполнимую потерю понес 63-й гв. иап, лишившийся в воздушном бою своего командира подполковника Н.П. Иванова. В районе Шишкино его Ла-5 был внезапно атакован со стороны солнца одиночным «фокке-вульфом», после очередей которого у истребителя Н.П. Иванова разрушилось хвостовое оперение. Неуправляемый самолет вошел в штопор, а затем и врезался в землю. Посмертно 2 сентября 1943 года Н.П. Иванову, сбившему в воздушных боях 15 немецких самолетов, было присвоено звание Героя Советского Союза. Отметим, что немецкая сторона также понесла в этот день тяжелую утрату — в районе Карачева был сбит огнем зенитной артиллерии и погиб самый результативный на тот момент ас эскадры JG51 Эрих Хофемайер (Höfemeier Erich), одержавший за свою летную карьеру 96 побед.

7 августа экипажи 15-й воздушной армии провели 39 воздушных боев, в которых ценой потери 26 самолетов было заявлено об уничтожении 50 вражеских машин. В то же время штаб 6-го воздушного флота отметил потерю 10 своих самолетов при 68 одержанных пилотами объединения победах. Необходимо отметить, что часть из них пришлась на полосу наступления Западного и Калининского фронтов, начавших Смоленскую наступательную операцию.

Высокими продолжали оставаться потери штурмовых частей и соединений. Так, потери 224-й шад, имевшей после пополнения на 1 августа 89 Ил-2, составили до конца месяца 30 Ил-2, а еще 18 самолетов получили повреждения. Выход из сложившейся ситуации командование 15-й воздушной армии нашло в выведении в тыл на отдых большинства полков дивизии. В то же время оставшаяся в полках материальная часть была передана в 566-й шап. Кроме того, 513-й иап к 11 августа получил из 234-й иад 4 Як-1 и 12 Як-7б. Образованная таким образом боевая группа из двух полков была перебазируется на аэродром Красная Гора, откуда оба полка продолжали вести боевую работу.

Большие потери сопровождали боевую работу и штурмовых частей 11-го сак. 568-й шап и 724-й шап недосчитались только за первую половину августа 19 и 8 самолетов соответ-

ственно. Кроме того, общие потери 11-го сак за август составили, по разным оценкам, от 30 до 33 Ил-2 и 39 Як-9, т.е. 49% штурмовиков и 42% истребителей первоначального состава. Еще более тяжелая ситуация сложилась во 2-м иак, который к 9 августа был отведен в тыл вместе с большей частью 224-й шад. Например, в 7-й гв. иад к этому моменту насчитывалось 14 исправных и 12 требующих ремонта «яков». Подводя итог деятельности 2-го иак в составе 1-й и 15-й воздушных армий, укажем, что потери за период с 12 июля по 9 августа составили 114 самолетов и 74 летчика [98].

Между тем немецкое командование, обеспокоенное развитием событий в полосе группы армий «Юг» в районе Богодухова и Ахтырки, начало переброску авиационных частей в состав 4-го воздушного флота. Как мы уже видели, отвод в тыл потрепанных в боях авиационных соединений происходил и в 15-й воздушной армии. Все это, начиная с 8 августа, самым непосредственным образом сказалось на содержании воздушных боев. Так, если 8 и 9 августа штабом армии было зафиксировано 14 воздушных схваток, то уже с 10-го числа практически до конца операции воздушных боев не отмечалось вовсе.

Для стабилизации ситуации, вызванной советским наступлением, командованием группы армий «Центр» в район Хотынца были переброшены части 25-й моторизованной дивизии. Однако в результате неослабеваемого давления войск Брянского фронта к 9 августа наземные бои шли уже на окраинах города, который был охвачен с нескольких сторон. Ввод в сражение 25-й моторизованной дивизии помог выиграть время и отвести войска на запад, но уже 10 августа Хотынец был окончательно очищен от нацистов.

После этого успеха, практически без перерыва, войска Брянского фронта развернули наступление на Карачев. В этих боях особенно отличились экипажи 113-й бад, 3-го шак и 225-й шад, которые буквально стерли с лица земли немецкие укрепления в районе Одрино. В этих налетах участвовало около 78 Ил-4 и до 200 Ил-2. Экипажи Ил-4 сбросили на немецкие позиции в районах Одрино и Песочная 82 тонны бомб, что привело к серии из семи мощных взрывов на окраинах Карачева, идентифицированных советской стороной как взрыв боеприпасов. 14 августа в результате

концентрических ударов Карачев был освобожден. За два дня до этого части Центрального фронта освободили Дмитровск-Лыговский. Сражение на Орловской дуге подходило к своему финалу.

Ослабление напряжения в воздухе, а также выведение большого числа соединений в тыл позволили авиационным командирам и их штабам критически рассмотреть и оценить опыт прошедших боев, направив в вышестоящие инстанции свои, зачастую нелицеприятные наблюдения и выводы. Так, командование 2-го иак отмечало, что за весь период боев корпус совершил 4100 самолето-вылетов и сбил 339 самолетов противника. В то же время, по подсчетам офицеров штаба, 989 самолетов корпуса встретили в воздушных боях 2474 немецких самолета (из них 1109 истребители), т.е. в бой над полем боя вступала в лучшем случае четвертая часть соединения. Вывод, сделанный генерал-лейтенантом А.С. Благовещенским, был весьма радикален: необходимо отказаться от метода патрулирования, который *«в таких размерах, как это проводилось в операции 15 ВА, кроме вреда и изматывания истребителей, ничего полезного дать не может»* [99]. Вместо этого наиболее разумными, по мнению командира корпуса, были действия из засад, которые должны быть расположены в 8 километрах от линии фронта. Патрулирование групп истребителей А.С. Благовещенский предлагал оставить для борьбы с разведчиками и корректировщиками противника.

Много критических замечаний было высказано и командованием 11-го сак. Вооруженный новейшими истребителями Як-9Т, корпус предназначался в первую очередь для борьбы с немецкими бомбардировщиками, однако использовался в основном для прикрытия Ил-2 и патрулирования. Массированного применения самолетов Як-9Т против крупных соединений бомбардировщиков не было зафиксировано. Этому способствовала неудовлетворительная система наведения, во многом снижавшая эффективность работы истребителей. Несмотря на то что в ее составе было множество радиостанций, их работа оказалась малоэффективной. Документы соединения особо отмечают: *«Все летчики-истребители жалуются, что работы рации наведения они при выполнении боевых задач, как правило, не слышат»* [100].

В документах 11-го сак также отмечалось, что корпус вполне мог бы решать самостоятельные задачи, например, срывать железнодорожные перевозки противника в полосе до 80—100 километров и на глубину до 60—80 километров. *«Использование корпусом Як-9Т только для одной борьбы с железнодорожными перевозками может принести врагу колоссальный ущерб и сильно мешает ему в периоды сосредоточений и отходов»*, — докладывал штаб корпуса по итогам операции [101]. Впрочем, ни командование воздушной армии, ни командование фронта подобных задач пилотам генерал-майора С.П. Данилова не ставили.

Положительно было оценено командованием 11-го сак отсутствие в его составе управлений дивизий, которые, по мнению командования, оказались ненужной инстанцией, неоправданно усложнявшей управление. Однако столь радикальный вывод не нашел отклика в штабе ВВС Красной Армии. 11-й сак остался единственным корпусом ВВС Красной Армии, лишенным дивизионных управлений.

Подводя итоги участия 15-й воздушной армии в ходе битвы на Орловской дуге, штаб объединения констатировал, что за период с 12 июля по 15 августа частями армии было проведено 549 воздушных боев, в которых был потерян 451 самолет (18 Ил-4, 6 Пе-2, 177 Ил-2, 227 истребителей и 23 У-2). Общие же потери армии составили 559 самолетов.

Мы уже неоднократно отмечали, что причины этих тяжелых потерь лежали в основном в плоскости недостаточно эффективной системы организации боевых действий, слабой подготовки летного состава и других, объективных и субъективных причин. Тем не менее стоит заострить внимание на аспекте, который ранее не получал освещения на страницах этой книги. Наиболее полно его характеризует цитата из доклада заместителя командира 4-го иап по политической подполковника Ершова, который отмечал: *«Большим злом являются зазнайство и авиационное чванство как рядового, так и руководящего летного состава. Летчики ничего не хотят знать, кроме как слетать на боевое задание. В свободное от боевых заданий время над собой не работают. Молодой летный состав, сделав 2—3 боевых вылета, считает себя уже «бывалым» летчиком и учиться ему уже нечему, он все познал.*

Виноваты в этом командиры эскадрилий и звеньев, которые не борются с этим зазнайством, а даже поощряют» [102].

После тяжелых боев, продолжавшихся в течение месяца, фронт постепенно приближался к Брянску. Сражение в районе Орловской дуги подходило к своему логическому завершению. К этому времени основная масса немецкой авиации была сосредоточена на южном участке советско-германского фронта. Однако оставшимися силами противник продолжал наносить чувствительные удары частям 15-й воздушной армии. Уже 24 августа, на следующий день после освобождения Харькова, при налете на цели северо-восточнее Брянска из 68 Ил-4 113-й бад было потеряно 16 самолетов. Истребителями из состава III/JG51 практически полностью были уничтожены ведущие девятки из 815-го и 836-го бап, потерявшие по восемь самолетов. Погибли ведущие групп — командир 836-го бап подполковник Побогин и командир эскадрильи 815-го бап майор Лях.

Столь опустошительные потери довели общую цифру потерянных самолетов за август до ошеломляющей цифры — 37 Ил-4 было сбито и не вернулось на свои аэродромы. Штаб дивизии отмечал: *«Боевые действия бомбардировщиков типа Ил-4 днем по переднему краю, наряду с эффективными результатами бомбометания, сопровождались значительными боевыми потерями материальной части и людей, главным образом от истребителей противника и частично от зенитной артиллерии» [103].*

Победа, одержанная Красной Армией в битве за Орловский плацдарм, не вызывает сомнений. Однако говорить о сокрушении немецкого фронта, как это имело место через год при проведении операции «Багратион», еще не приходилось. Несмотря на понесенные тяжелые потери, вермахт и люфтваффе к концу августа 1943 года представляли очень опасных противников, способных на нанесение локальных, но очень болезненных ударов. Последовавшие вскоре события битвы за Днепр и наступления в районе Смоленска продемонстрировали это со всей очевидностью.

Опыт боев в районе Орла показал, что, несмотря на значительно возросшую мощь, ВВС Красной Армии еще остро нуждались в существенном улучшении организации боевой работы, профессиональной подготовки и развития инициа-

тивы как у командного, так и летного составов, более целеустремленном использовании авиации на важнейших участках фронта. Несмотря на достигнутый успех, реализовать планы по окружению орловской группировки противника не удалось. Причины этого были различны, и свести их только к одному блоку проблем было бы неверно. Тем не менее, говоря об авиационной составляющей, отметим, что завоевания полного господства в воздухе летом 1943 года достичь так и не удалось. Это относилось как к действиям фронтовой авиации, которая не смогла в важнейшие моменты сражения обеспечить прикрытие наземных, в первую очередь танковых группировок, так и к действиям АДД, не в полной мере заблокировавших вражеские перевозки в районе Орловской дуги. Недостаточной оказалась и ударная мощь советских ВВС, представленная в основном соединениями штурмовой авиации.

Командование 6-го воздушного флота в полной мере использовало преимущества центрального расположения аэродромов орловского аэроузла, последовательно концентрируя основные усилия своих экипажей против Брянского (12-13.7.43, 18-26.7.43), Западного (14-18.7.43) и Центрального (1-8.8.43) фронтов. Безусловно, что приведенные временные отрезки носят весьма условный характер. Тем не менее они неплохо «накладываются» на основные фазы сражения и практически всегда связаны с вводом в сражение крупных танковых соединений Красной Армии. Мы уже не раз были свидетелями, как массированные удары люфтваффе по частям 1-го гвардейского, 20-го, 1-го, 25-го и 9-го танковых корпусов, а также трех танковых армий срывали планы советского командования по развитию успеха из тактического в оперативный практически на всех участках Орловской дуги. Это способствовало достаточно долгому удержанию противником такого важного узла обороны, как Болхов, значительному замедлению наступления Брянского и Центрального фронтов на всех фазах операции. Однако даже на этом фоне наибольшим успехом немецких экипажей выглядит устранение угрозы перехвата коммуникации противника войсками 11-й гвардейской армии в районе Хотынец, что во многом определило исход всего сражения. Не проявило достаточной настойчивости в ударах по коммуни-

кациям противника командование АДД. В первую очередь это относится к такому крупному железнодорожному узлу, как Брянск. Основной целью ударов дальних бомбардировщиков стали в основном Орел и Болхов, непрерывные вылеты по которым осуществлялись в период с 14 по 22 июля. К сожалению, оценить реальный эффект этих операций не представляется возможным.

Потери советской фронтовой авиации в ходе битвы за Орел с 12 июля по 18 августа составили около 996 самолетов. Потери АДД за июль—август на всех участках советско-германского фронта равнялись 140 самолетам. За тот же период безвозвратные потери (самолеты, имеющие повреждения свыше 40%) 6-го воздушного флота в районе Орловской дуги, согласно далеко неполным отчетам генерал-квартирмейстера, могут быть оценены в 300—310 самолетов. Соотношение потерь как 1:3,5—1:3,8, по мнению автора, достаточно точно отражает качественное и количественное соотношение сил ВВС Красной Армии и люфтваффе, имевшее место летом 1943 года.

К середине августа острие ударов советских войск все больше смещалось на юг и юго-запад, в направлении Украины, где и развернулись основные бои конца 1943—начала 1944 года. Но стартом для них послужило советское наступление на Харьков. О боевых действиях авиации в этой операции будет рассказано в следующей части книги.

Ссылки к части 4

1. ЦАМО РФ. Ф. 224-й шад. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.
2. ЦАМО РФ. Ф. 322-й иад. Оп. 1. Д. 7. Л. 26.
3. ЦАМО РФ. Ф. 113-й бад. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
4. ЦАМО РФ. Ф. 366. Оп. 6469. Д. 56. Л. 100—101.
5. ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 110. Л. 10.
6. ЦАМО РФ. Ф. 3-го шак. Оп. 1. Д. 7. Л. 187.
7. ЦАМО РФ. Ф. 1-го гв. тк. Оп. 1. Д. 20. Л. 99.
8. ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 110. Л. 13.
9. ЦАМО РФ. Ф. 366. Оп. 6439. Д. 31. Л. 14.
10. ЦАМО РФ. Ф. 1-го гв. иак. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.
11. ЦАМО РФ. Ф. 366. Оп. 6439. Д. 35. Л. 68.
12. *Костенко Ф.А.* Корпус крылатой гвардии. Москва, 1974. С. 116.
13. ЦАМО РФ. Ф. 366. Оп. 6469. Д. 34. Л. 22.
14. ЦАМО РФ. Ф. 113-й бад. Оп. 1. Д. 32. Л. 69.
15. ЦАМО РФ. Ф. 3-го шак. Оп. 1. Д. 7. Л. 188.

16. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 120.
17. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 121.
18. ЦАМО РФ. Ф. 20-го тк. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.
19. *Костенко Ф.А.* Корпус крылатой гвардии. Москва, 1974. С. 118.
20. ЦАМО РФ. Ф. 284-й нбад. Оп. 1. Д. 20. Л. 201.
21. ЦАМО РФ. Ф. 313-й нбад. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.
22. *Маништейн Э.* Утерянные победы. Смоленск, 1999. С. 539.
23. *Соловьев В.Б.* Вермахт на пути к гибели. Москва, 1973. С. 142.
24. ЦАМО РФ. Ф. 3-го шак. Оп. 1. Д. 7. Л. 190.
25. Курская битва. Москва, 1970. С. 123.
26. ЦАМО РФ. Ф. 3-го шак. Оп. 1. Д. 9. Л. 73.
27. ЦАМО РФ. Ф. 366. Оп. 6469. Д. 34. Л. 23.
28. ЦАМО РФ. Ф. 366. Оп. 6469. Д. 31. Л. 12.
29. ЦАМО РФ. Ф. 3-го шак. Оп. 1. Д. 9. Л. 109.
30. ЦАМО РФ. Ф. 3-го шак. Оп. 1. Д. 9. Л. 109.
31. ЦАМО РФ. Ф. 5-го гв. бак. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.
32. ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 110. Л. 18.
33. ЦАМО РФ. Ф. 1-го гв. тк. Оп. 1. Д. 20. Л. 125.
34. ЦАМО РФ. Ф. 1-го гв. тк. Оп. 1. Д. 33. Л. 94.
35. ЦАМО РФ. Ф. 1-го гв. тк. Оп. 1. Д. 20. Л. 51.
36. ЦАМО РФ. Ф. 20-го тк. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.
37. *Дубровин Л.А.* Пикировщики. Москва, 1986. С. 150.
38. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 51.
39. ЦАМО РФ. Ф. 303-й иад. Оп. 1. Д. 15. Л. 14—18.
40. ЦАМО РФ. Ф. 2-го иак. Оп. 1. Д. 16. Л. 123.
41. ЦАМО РФ. Ф. 2-го иак. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.
42. ЦАМО РФ. Ф. 290. Оп. 3284. Д. 155. Л. 2.
43. ЦАМО РФ. Ф. 224-й шад. Оп. 1. Д. 7. Л. 256.
44. ЦАМО РФ. Ф. 25-го тк. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
45. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 1. Москва, 2003. С. 286, 322.
46. ЦАМО РФ. Ф. 299. Оп. 3302. Д. 233-и. Л. 8.
47. ЦАМО РФ. Ф. 290. Оп. 3284. Д. 155. Л. 46.
48. ЦАМО РФ. Ф. 1-го тк. Оп. 1. Д. 30. Л. 16—17.
49. ЦАМО РФ. Ф. 299. Оп. 3302. Д. 233-и. Л. 8.
50. ЦАМО РФ. Ф. 299. Оп. 3302. Д. 233-и. Л. 9.
51. ЦАМО РФ. Ф. 1-го тк. Оп. 1. Д. 30. Л. 53.
52. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 1. Москва, 2003. С. 286—308.
53. Курская битва, Москва, 1970, С. 124.
54. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 370.
55. ЦАМО РФ. Ф. 1-го тк. Оп. 1. Д. 34. Л. 5—6.
56. ЦАМО РФ. Ф. 233-й шад. Оп. 1. Д. 30. Л. 254.
57. ЦАМО РФ. Ф. 3-го шак. Оп. 1. Д. 9. Л. 84.
58. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 2. Москва, 2003. С. 51.
59. ЦАМО РФ. Ф. 3-го шак. Оп. 1. Д. 5. Л. 116.
60. ЦАМО РФ. Ф. 6-го гв. тк. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

61. 3-я гвардейская танковая. Под ред. А.М. Заварцева. Москва, 1982. С. 70.
62. ЦАМО РФ. Ф. 315. Оп. 4440. Д. 18. Л. 5.
63. ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 110. Л. 20.
64. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 1. Москва, 2003. С. 322.
65. ЦАМО РФ. Ф. 63-го гв. иап. Оп. 27250. Д. 1. Л. 72.
66. ЦАМО РФ. Ф. 3-го шак. Оп. 1. Д. 9. Л. 93.
67. ЦАМО РФ. Ф. 315. Оп. 4440. Д. 18. Л. 8.
68. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 1. Москва, 2003. С. 368.
69. Голованов А.Е. Записки командующего АДД. Москва, 1997. С. 214.
70. ЦАМО РФ. Ф. 1-го гв. ак дд. Оп. 1. Д. 3. Л. 181.
71. ЦАМО РФ. Ф. 7-го ак дд. Оп. 1. Д. 6. Л. 218—223.
72. ЦАМО РФ. Ф. 2-го гв. ак дд. Оп. 1. Д. 11. Л. 46.
73. ЦАМО РФ. Ф. 4-го гв. ак дд. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.
74. ЦАМО РФ. Ф. 5-го гв. ак дд. Оп. 1. Д. 11. Л. 80.
75. ЦАМО РФ. Ф. 2-го гв. ак дд. Оп. 1. Д. 11. Л. 59.
76. ЦАМО РФ. Ф. 3-го шак. Оп. 1. Д. 3. Л. 73.
77. ЦАМО РФ. Ф. 3-го шак. Оп. 1. Д. 8. Л. 25.
78. ЦАМО РФ. Ф. 224-й шад. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.
79. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Москва, 1978. С. 168.
80. ЦАМО РФ. Ф. 366. Оп. 6476. Д. 101. Л. 5.
81. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 1. Москва, 2003. С. 267.
82. ЦАМО РФ. Ф. 241-й бад. Оп. 1. Д. 9. Л. 17.
83. ЦАМО РФ. Ф. 98-го гв. одрап. Оп. 383399. Д. 1. Л. 7.
84. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 2. Москва, 2003. С. 76.
85. ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 96. Л. 197.
86. ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 96. Л. 200—201.
87. ЦАМО РФ. Ф. 6-го иак. Оп. 1. Д. 7. Л. 174.
88. 3-я гвардейская танковая. Под ред. Заварцева А.М. Москва, 1982. С. 81.
89. ЦАМО РФ. Ф. 6-го гв. тк. Оп. 1. Д. 33. Л. 11; ЦАМО РФ. Ф. ЦФ. Оп. 321. Д. 96. Л. 190.
90. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 2. Москва, 2003. С. 112.
91. ЦАМО РФ. Ф. 315. Оп. 4440. Д. 18. Л. 29.
92. ЦАМО РФ. Ф. 5-го бак. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.
93. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 186.
94. ЦАМО РФ. Ф. 315. Оп. 4440. Д. 18. Л. 33.
95. ЦАМО РФ. Ф. 2-го иак. Оп. 1. Д. 24. Л. 17.
96. Александров С.С. Крылатые танки. Москва, 1971. С. 25.
97. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 2. Москва, 2003. С. 81.
98. ЦАМО РФ. Ф. 2-го иак. Оп. 1. Д. 24. Л. 16.
99. ЦАМО РФ. Ф. 2-го иак. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.
100. ЦАМО РФ. Ф. 14-го иак. Оп. 1. Д. 7. Л. 30.
101. ЦАМО РФ. Ф. 14-го иак. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.
102. ЦАМО РФ. Ф. 14-го иак. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.
103. ЦАМО РФ. Ф. 113-й бад. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.

ОПЕРАЦИЯ «ПОЛКОВОДЕЦ РУМЯНЦЕВ»

5.1. МЕЖДУ ОБОРОНОЙ И НАСТУПЛЕНИЕМ

(общая обстановка перед началом
советского наступления)

Развернув с 17—18 июля преследование отходящих частей 4-й танковой армии, Воронежский и Степной фронты к 23 июля в основном вышли на рубежи, которые советские войска занимали в начале месяца. Тяжелые наступательные бои еще продолжались на всей линии фронта севернее Белгорода, однако сложившаяся ситуация несла для командования Красной Армии очевидный заряд оптимизма. Несмотря на все промахи и тяжелые потери, понесенные в оборонительном сражении, главная задача по срыву немецкого наступления была выполнена.

Неудивительно, что 24 июля на свет появился приказ Верховного Главнокомандующего по итогам оборонительного сражения. Июльское наступление вермахта в районе Курской дуги было объявлено «окончательно ликвидированным». Этот приказ имел огромное политическое значение, фактически провозгласив провал планов, на которые противник возлагал столь большие надежды. После двух лет крайне неудачных летних кампаний, заканчивавшихся унижительными поражениями, Сталин с особым удовлетворением мог отметить — благодаря массовому героизму и мужеству, а также значительному росту боевого мастерства Красной Армии удалось разоблачить легенду о том, что *«немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении»* [1]. Именно с выходом упомянутого приказа официальная советская историография связывает окончание оборонительной фазы битвы под Курском.

Нисколько не приуменьшая мужество и стойкость принявших на себя первый удар войск Центрального и Воронежского фронтов, в то же время нельзя не заметить, что исход оборонительного сражения во многом определялся его взаимосвязью с ходом наступательной операции в районе Орловской дуги, а также июльского наступления Юго-Западного и Южного фронтов. Эти последовавшие друг за другом почти с недельным перерывом операции со всей очевидностью продемонстрировали руководству вермахта «реальные масштабы игры». Немецкая ставка на проведение одной, даже очень хорошо спланированной и подготовленной операции в рамках летней кампании оказалась несостоятельной.

Как и рассмотренная нами в предыдущей части Орловская наступательная операция, наступление войск Юго-Западного и Южного фронтов имело весьма амбициозные цели. В советской историографии это наступление подразделяется на две операции: Изюм-Барвенковскую и Миусскую. Их задачи декларируются — в лучшем стиле советских времен — как вспомогательные, имевшие основной целью сковывание мощной группировки немецких войск в Донбассе с целью недопущения их переброски в район Курской дуги. В реальности советское командование предполагало проведение операции на окружение значительной части донбасской группировки, состоявшей из 1-й танковой и 6-й армий. Войска Юго-Западного фронта генерала армии Р.Я. Малиновского должны были развернуть наступление из района Изюма, захватить плацдармы на правом берегу Северского Донца и в дальнейшем, введя в прорыв части 1-го гвардейского механизированного и 23-го танкового корпусов, развивать наступление на Сталино. Сюда же был направлен и удар части сил Южного фронта генерал-полковника Ф.И. Толбухина, перед которыми ставилась также задача по разгрому таганрогской группировки противника. Таким образом, восточнее Сталино намечалось окружение значительных сил 1-й танковой и 6-й армий [2].

Начавшиеся 17 июля с рубежа рек Северский Донец и Миус наступления войск Р.Я. Малиновского и Ф.И. Толбухина поставили командование группы армий «Юг» перед необходимостью существенного усиления 1-й танковой и 6-й армий. Немецкому командованию, опираясь на данные

армейской и радиоразведки, во многом удалось разгадать советские планы, вскрыв состав и места сосредоточения ударных группировок противника. Все это не только позволило заранее привести свои войска в повышенную боеготовность, но и выделить резервы для 6-й армии, которой, по мнению командования группой армий «Юг», грозила серьезная опасность. Армия генерала Адольфа Холлидта (Hollidt Adolf) получила усиление в виде 23-й танковой и 16-й моторизованной дивизий. Эти соединения сыграли важную роль в отражении советского наступления и стабилизации южного участка Восточного фронта. В полосу 1-й танковой армии были переброшены части 17-й танковой дивизии, а также дивизии СС «Викинг» из состава 24-го танкового корпуса, на передаче которых в состав группы «Кемпф» 13 июля так настаивал Манштейн. В то же время управление соединения было передано в 6-ю армию.

Развернувшееся сражение носило едва ли не более тяжелый характер, чем бои в районе Белгорода. Несмотря на захват плацдарма в районе Изюма, развить наступление войскам генерала Р.Я. Малиновского не удалось. Наступление же Южного фронта было не только богато на потери, но в итоге проведенного немцами контрудара привело в начале августа к потере плацдарма на Миусе. Впрочем, этот оперативный успех достался командованию группы армий «Юг» ценой больших потерь и напряжения сил, заставив использовать в боях практически все имевшиеся под рукой резервы.

Оценивая ситуацию, сложившуюся к двадцатым числам, со сдержанным оптимизмом и не желая упустить возможность нанести противнику максимальный урон, Манштейн и его штаб решили провести две операции по ликвидации советских плацдармов на Миусе и Северском Донце, образовавшихся в ходе боев. По мнению немецких генералов, эти плацдармы являлись источником постоянной потенциальной опасности советского наступления на Донбасс и южную Украину.

Для проведения операции против войск Южного фронта командованию группы армий «Юг» не оставалось ничего иного, как заняться фактически ликвидацией ударной группировки 4-й танковой армии, чем была окончательно предопределена кончина «Цитадели». Начиная с 18—19 июля

процесс «растаскивания» танковых соединений армии Гота и группы генерала Кемпфа постепенно начал набирать обороты. За период с 18 по 22 июля они расстались со многими своими подвижными соединениями. С 26 июля в полосе 6-й армии стали сосредотачиваться части 2-го танкового корпуса СС в составе дивизий «Рейх» и «Мертвая голова», а также 3-й танковой дивизии. Корпус лишился одной из наиболее боеспособных своих дивизий «Адольф Гитлер», которая, оставив материальную часть на Восточном фронте, убыла в Германию в связи с намечавшейся переброской в Италию.

30 июля ударная группировка 6-й армии перешла в наступление в районе Мариновка и Успенская против 2-й гвардейской и 28-й армий. Ожесточенные бои, длившиеся четверо суток, привели к ликвидации плацдарма на Миусе — потрепанные советские войска были вынуждены переправиться на левый берег реки. Впрочем, немецкие части также понесли в этих боях тяжелые потери. Тем не менее ободренный успехом Манштейн предложил Гитлеру провести аналогичное наступление против более крупного плацдарма Юго-Западного фронта, нависавшего над 6-й армией с севера, но разрешение фюрера на проведение этой операции получено не было.

Как мы видим, фокус внимания командования группы армий «Юг» во второй половине июля был прочно прикован к 1-й танковой и 6-й армиям. Наступление Красной Армии севернее Белгорода и в районе Харькова в ближайшее время представлялось ему маловероятным, несмотря на поступавшие данные разведки, свидетельствовавшие о начале сосредоточения крупных соединений танков и пехоты. Фельдмаршал хорошо помнил тот урон, который удалось нанести Советам в ходе июльских сражений. В своих мемуарах Манштейн приводит данные, согласно которым только к 13 июля удалось уничтожить порядка 1800 танков, 267 орудий и еще около 1080 противотанковых орудий [3]. То, что противник восстановит силы в течение всего двух недель, немецкому полководцу представлялось нереальным.

Однако вскоре последовавшие события убедительно продемонстрировали — ресурсы советской стороны оказались далеко не исчерпаны, а ее организаторские способности явно недооценены противником. Именно эта недооценка

сделала фатальной ошибку с определением сроков будущего советского наступления в районе Белгорода и Харькова. Манштейн отмечал, что надежда на передышку перед фронтом 4-й танковой армии и группы генерала Кемпфа *«оказалась роковой для развития обстановки на северном фланге группы, так как противник начал наступление раньше, чем мы предполагали»* [4].

Теперь стоит обратиться к рассмотрению событий, имевших непосредственное отношение к планированию и подготовке советским командованием наступления на белгородско-харьковском направлении. Сталин, рассчитывавший, что продвижение войск Н. Ф. Ватутина и И.С. Конева будет развиваться без оперативной паузы, был крайне недоволен возникшей в конце июля задержкой. По воспоминаниям Г.К. Жукова, ему и А.М. Василевскому с большим трудом удалось убедить Верховного не торопиться, бросая войска в бесполезные атаки, а дать время командующим фронтами для всесторонней подготовки наступательной операции, которая вскоре получила наименование «Полководец Румянцев». В первую очередь было необходимо пополнить личным составом и техникой 1-ю и 5-ю гвардейскую танковые армии, без которых достижение решающего успеха представлялось весьма проблематичным. После некоторых колебаний Сталин дал «добро», отведя на подготовку наступления всего 10 дней.

Поставленные в столь жесткие рамки представители Ставки и командующие фронтами вынуждены были отказать от плана наступления на Харьков, разработанного ранее. Согласно ему предполагалось создание мощных фланговых группировок Воронежского фронта, концентрические удары которых должны были бы поставить под угрозу окружения 4-ю танковую армию и группу «Кемпф». Однако реализация этого плана, требующего скрытой перегруппировки крупных танковых соединений, представлялась в сложившихся обстоятельствах невыполнимой.

В результате план наступательной операции был разработан практически заново, отличаясь простотой и оригинальностью. Само планирование было также весьма необычным. Дело в том, что как такового графического или письменного документа операции до самого ее начала не существовало.

Представители Ставки на местности в войсках отрабатывали с командующими армиями задачи на предстоящую операцию. 1 августа Жуков согласовал в Москве общие положения плана со Сталиным. Забегая вперед, стоит все-таки отметить, что уже на третьи сутки после начала наступления в Москву были представлены уточненные планы наступлений Воронежского и Степного фронтов, которые и были утверждены Верховным Главнокомандующим соответственно 6 и 8 августа [5].

План операции предполагал, что прорыв немецкой обороны осуществят смежные фланги Воронежского (5-я и 6-я гвардейские армии) и Степного (53-я и 69-я армии) фронтов. После этого в образовавшуюся брешь на фронте 5-й гвардейской армии будут введены два танковых объединения — 1-я танковая армия генерал-лейтенанта М.Е. Катукова и 5-я гвардейская танковая армия генерал-лейтенанта П.А. Ротмистрова. Перед ними стояли наиболее масштабные задачи. После выхода в район западнее Харькова 1-я танковая армия должна была развернуться фронтом на запад, удерживая оборону по линии Богодухов—Валки—Новая Водолага. 5-я гвардейская танковая армия, наступавшая восточнее армии М.Е. Катукова, нацеливалась на охват Харькова с юга-запада в район Мерефа. Сюда же навстречу танкистам П.А. Ротмистрова должны были выйти части правофланговой 57-й армии Юго-Западного фронта. Таким образом, предполагалось окружить значительную часть группы «Кемпф» в районе Харькова.

Задача по освобождению Белгорода ставилась перед войсками Степного фронта. Ее решение в чем-то напоминало операцию Воронежского фронта по охвату Харькова. 53-я армия генерал-лейтенанта И.М. Манагарова, усиленная 1-м механизированным корпусом, должна была обойти город с запада, выйдя на его южные окраины, одновременно обеспечивая продвижение левого фланга Воронежского фронта. Здесь она должна была встретиться с 7-й гвардейской армией генерал-лейтенанта И.М. Шумилова, в задачу которой входило форсирование Северского Донца и перехватывание дорог, идущих из Белгорода на юг.

На третьи сутки операции предусматривалось также разворачивание наступления 27-й и 40-й армий, усиленных

тремя танковыми корпусами, в юго-западном направлении на Ахтырку и Боромля, что, с одной стороны, расширяло прорыв в западном направлении, а с другой — обеспечивало правый фланг ударной группировки Воронежского фронта. Как видно, план наступательной операции «Полководец Румянцев» предусматривал расчленение мощными ударами левого крыла группы армий «Юг» и уничтожение ее по частям.

Пожалуй, теперь самое время рассмотреть, в каком состоянии пришла к началу наступления на Белгород и Харьков авиация противоборствующих сторон, а также какие задачи возлагало на нее советское и германское командование.

5.2. АВИАЦИОННЫЕ ГРУППИРОВКИ ПРОТНВБОРСТВУЮЩИХ СТОРОН

Стянув к началу операции «Цитадель» значительные силы авиации со всего Восточного фронта, немецкое командование вплоть до 12 июля сохраняло составы авиационных группировок 4-го и 6-го воздушного флотов неизменными. Лишь с развертыванием советского наступления на Орел началась передача первых авиационных частей из подчинения группы армий «Юг» объединению генерала Грайма. Как мы уже упоминали ранее, в период с 13 по 17 июля на аэродромы в районе Орловской дуги перебазировались III/JG52, I и III/StG2, I/SchG1 и II/KG27.

Последовавшие вслед за этим 17 июля советские удары на Северском Донце и Миусе привели к тому, что процесс сокращения немецкой авиационной группировки в районе Белгорода принял обвальный характер. Практически все силы 4-го воздушного флота были брошены на поддержку 1-й танковой и 6-й армий. Так, 16—17 июля на аэродром Сталино перебазировались три бомбардировочные группы самолетов He 111 — I/KG100, II и III/KG55. Положение аэродрома позволяло оказывать поддержку немецким войскам как в районе Изюма, так и на Миус-фронте. С аэродрома Полтава по наступающим войскам Юго-Западного фронта наносили бомбовые удары также Ju 88 из состава I и II/KG3, а четвертая группа, действовавшая на He 111 — III/KG27, оказывала поддержку 6-й армии генерала Холлидта.

Наиболее действенным оружием в руках немецкого

авиационного командования продолжали оставаться соединения пикирующих бомбардировщиков — действовавшая в составе трех групп эскадры StG77, а также II/StG2. Как и советские штурмовики, группы немецких бомбардировщиков базировались относительно недалеко от линии фронта. Не стали исключением и новые места базирования эскадры StG77 — аэродромы Барвенково и Краматорская. Расположенные южнее и юго-восточнее Изюма на расстоянии от 20 до 50 километров, они обеспечили эффективную работу по наступающим войскам Юго-Западного фронта. Впрочем, аэродромы базирования «штурк» не раз сами становились объектом ударов советских авиаторов. Один из таких налетов, произведенный 20 июля на аэродром Краматорская, вывел на время из строя весь отряд 7./StG77. В ходе бомбардировки один Ju 87 был уничтожен, а еще девять «восемьдесят седьмых» получили повреждения разной степени тяжести. Понесли потери от ударов с воздуха и соединения двухмоторных He 111, базировавшихся на более «безопасном» аэроузле Сталино. Так, например, только в результате налетов советских самолетов 18—20 июля в II и III/KG55 пришлось списать 3 самолета, тогда как еще 2 машины получили серьезные повреждения.

По мере отражения советского наступления соединения ударных самолетов концентрировались командованием 4-го воздушного флота на наиболее угрожаемых участках. После локализации прорыва Юго-Западного фронта к 21—22 июля группы двухмоторных и пикирующих бомбардировщиков были нацелены в полосу 6-й армии, помогая ей в отражении наступления Южного фронта. К началу немецкого контрудара 30 июля здесь были собраны части эскадр KG55, KG100 и StG77.

Как видно, относительно большое число бомбардировочных групп позволяло командующему 4-м воздушным флотом генералу Десслоху концентрировать усилия своих ударных соединений на достаточно широком фронте, оказывая эффективную поддержку обороняющимся войскам 1-й танковой и 6-й армий. Намного более напряженная ситуация складывалась в истребительной авиации. Напомним, что после убийства в район Орла III/JG52 Пюнтера Ралля в районе Белгорода оставались всего три группы истребителей — II,

III/JG3 и I/JG52, кроме того, в районе Тамани продолжала действовать II/JG52. Остальные участки фронта были прикрыты несколькими группами румынских и венгерских истребителей.

Начиная с 16 июля все три истребительные группы, так же как и бомбардировщики, покинули район Белгорода. Уже 16 июля в район Изюма (полоса 1-й танковой армии) начала свои вылеты III/JG3. 18 и 19 июля для поддержки 6-й армии были переброшены остававшиеся в районе Белгорода I/JG52 и II/JG3. Таким образом, к 19 июля истребительных частей 4-го воздушного флота на южном флане Курской дуги не осталось. Лишь штурмовики FW 190F из состава II/SchG1 да разведчики NAGr2 могли выступать в роли истребителей. Впрочем, фронт 4-й танковой армии недолго оставался без прикрытия. По мере снижения накала боев II/JG3 была вновь 24 июля возвращена в район Белгорода. Однако уже 29 июля, в преддверии немецкого контрудара в районе Миуса, она снова убыла в полосу 6-й армии. Здесь собрались все три «свободные» группы истребителей — II и III/JG3, а также I/JG52.

О северном крыле группы армий «Юг» командование 4-го воздушного флота, казалось, вовсе забыло, ограничивая свою активность в этом районе действиями самолетов-разведчиков. Лишь накануне советского наступления, 2 августа, из района Карачева сюда вернулась III/JG52. Однако это событие нисколько не увеличило слабые силы истребителей люфтваффе на южном крыле Восточного фронта. В первых числах августа внезапно в систему ПВО Рейха были отозваны ветераны боев на востоке группы — II и III/JG3. На этом участие эскадры «Удет» не только в боях на Курской дуге, но и на Восточном фронте закончилось. Напомним, что первая группа эскадры — I/JG3 убыла в «фатерланд» еще в феврале месяце, сразу после Сталинградской катастрофы.

Причины такого перевода были очевидны — несмотря на локальные успехи, ситуация для люфтваффе к августу 1943 года существенно ухудшилась. Напряженная обстановка на средиземноморском театре, где основные воздушные бои развернулись над Сицилией, потребовала привлечения большого числа истребительных групп из состава эскадр JG53, JG77, а также группы II/JG51. Кроме того, значитель-

но усилились воздушные налеты союзников на территорию оккупированной Франции и саму Германию. Начатое в начале марта воздушное наступление сил 8-й воздушной армии США и Бомбардировочного командования Королевских ВВС, достигло своего апогея к концу июля. В ходе массированных налетов английских ночных бомбардировщиков на Гамбург город практически наполовину был превращен в дымящиеся руины, а число жертв достигло 30 000 человек. С каждым днем усиливались и дневные налеты «летающих крепостей». Командованию люфтваффе становилось все очевиднее, что времена безраздельного господства над Западной Европой уходят в прошлое. Требовалось срочное увеличение количества как дневных, так и ночных истребителей для защиты Третьего Рейха. Однако резервов для быстрого формирования новых частей не было, что заставляло перебрасывать в Германию испытанные в боях части истребителей из СССР и района Средиземноморья.

Группировки ВВС Красной Армии, объединенные в рамках фронтов в воздушные армии, по сравнению с люфтваффе носили более «стационарный» характер. Советская сторона, используя возросшую мощь авиапромышленности и накопленные за зиму—весну 1943 года резервы матчасти, а также производя ускоренную подготовку молодого летного состава, обеспечила достаточно стабильное пополнение экипажами и техникой строевых частей, тем самым постепенно цементируя состав воздушных армий.

Несмотря на тяжелые потери в оборонительном сражении, советская авиация в районе Белгорода была значительно усилена к началу августа. Кроме 2-й воздушной армии, выдержавшей июльский удар люфтваффе, здесь теперь действовала 5-я воздушная армия генерал-лейтенанта С.К. Горюнова. Напомним, что участок фронта между войсками Воронежского и Юго-Западного фронтов в середине июля был передан Степному военному округу, переименованному директивой Ставки от 9 июля в Степной фронт. Объединение генерал-полковника И.С. Конева имело в своем составе 53-ю армию, к которой 16 июля присоединились бывшие левофланговые армии Воронежского фронта (7-я гвардейская и 69-я армии). Уже 18 июля все три армии Степного фронта развернули преследование противника.

5-я воздушная армия, находившаяся ранее в подчинении командования Северо-Кавказского фронта, еще в первых числах апреля передала свои соединения 4-й воздушной армии, после чего ее штаб отбыл в распоряжение командующего Степным округом. Вначале в состав 5-й воздушной армии входили 2-й иак, 1-й шак, 1-й бак и 9-й сак. Весь май и июнь армия не только прикрывала тыловые районы Курской дуги, но и вела подготовку находящихся в ее составе соединений, которые по мере достижения боевой готовности передавались в состав 2-й, 17-й и 1-й воздушных армий. Из вышеуказанных корпусов лишь 2-й иак генерал-лейтенанта А.С. Благовещенского после начала Курской битвы некоторое время находился в ее составе, выполнив 7 и 8 июля прикрытие с воздуха частей 5-й гвардейской танковой армии, выдвигающихся к Прохоровке. Но вскоре и он убыл на Западный фронт в связи с проведением операции «Кутузов».

К моменту когда Степной округ был переименован в Степной фронт, в составе армии С.К. Горюнова имелся лишь один корпус — 8-й сак генерал-майора Н.П. Каманина, преобразованный 21 июля в 5-й шак. 13 июля в составе 5-й воздушной армии был образован еще один корпус — 10-й иак полковника М.М. Головня. В его состав была включена 235-я иад (входила в 5-ю ВА с 31.5.43). Вторая дивизия корпуса — 201-я иад — в это время продолжала перебазирование из 4-й воздушной армии, начатое 6 июля. К 16 июля 201-я иад окончательно вошла в объединение генерала С.К. Горюнова.

В середине июля 10-й иак и 8-й сак были еще не в полной мере готовы вести боевую работу. Их состав пополнился молодым летным составом, который требовал продолжительной тренировки. Кроме того, серьезные недостатки были выявлены в состоянии материальной части. Проверка, проведенная в 201-й иад 12 июля, показала, что, к примеру, 437-й иап был укомплектован истребителями старого выпуска, практически пришедшими в негодность. Отчет генерала С.К. Горюнова Военному совету фронта рисовал поистине безрадостную картину: *«Полк на этой материальной части непрерывно участвовал в боях под Сталинградом, Новочеркасском и Новороссийском, в результате чего 20 самолетов требуют замены обшивки (пришедшей в негодность) и 3 самолета — замены моторов (полная выработка моторесурса)»* [6].

Проблемы с матчастью испытывали и подчиненные генерала Н.П. Каманина. Та же проверка показала, что в составе 8-го сак имелось 80 Ил-2 деревянной конструкции, у которых требовалась замена полотна, частично фанеры, а также шпаклевки и окраски. Самоотверженная работа технического состава корпусов позволила к началу боев в основном устранить выявленные неисправности материальной части. Правда, участвовать в наступлении пилотам 5-го шак и 10-го иак пришлось в составе не 5-й, а 2-й воздушной армии.

При передаче левого фланга Воронежского фронта (69-я и 7-я гвардейская армии) в подчинение генерал-полковника И.С. Конева Ставка заодно существенно изменила боевой состав как 2-й, так и 5-й воздушных армий. Дело в том, что в ходе оборонительной операции Воронежского фронта еще раз дал знать о себе тот факт, что значительные силы 2-й воздушной армии, включая 4-й иак, 1-й шак и 1-й бак, базировались на аэродромах, находящихся значительно восточнее основания Курской дуги. Как показала практика в ходе боев, это создавало массу неудобств. В частности, нередко были случаи, когда 1-й шак перенацеливался в полосу 7-й гвардейской армии М.С. Шумилова, где по плану должны были действовать авиаторы 17-й воздушной армии. В то же время штурмовики армии генерал-лейтенанта В.А. Судца, в свою очередь, частенько действовали на фронте 6-й гвардейской и 1-й танковой армий Воронежского фронта.

С образованием нового объединения необходимость в поддержке 17-й воздушной армии фактически отпала. Однако, в соответствии с новыми разграничительными линиями между фронтами, было необходимо перебазировать три корпуса 2-й воздушной армии на аэродромы, находящиеся в полосе Воронежского фронта, в то время как их собственные места базирования становились базами соединений 5-й воздушной армии.

Советское командование решило эту проблему весьма оригинальным способом, фактически обменяв боевой состав воздушных армий С.А. Красовского и С.К. Горюнова. Упомянутые нами выше три корпуса остались на своих аэродромах, перейдя в подчинение штабу 5-й воздушной армии, в то время как 10-й иак, 8-й сак 18—19 июля присоединились к 5-му иак, 291-й шад и 208-й нбад, тем самым войдя

в состав 2-й воздушной армии. 26 июля в состав армии С.А. Красовского прибыло новое соединение 202-я бад, имевшая на вооружении бомбардировщики Пе-2 и призванная компенсировать «потерю» 1-го бак. После этого в составе 2-й воздушной армии насчитывалось 684 самолета. Отметим — так как входящие в состав 5-й воздушной армии корпуса числились в составе резерва Ставки, их передача в состав 2-й воздушной армии была оформлена как передача новых соединений из резерва Верховного Главнокомандования [7].

Для командующих воздушными армиями, а также их штабов такой обмен корпусами нельзя было назвать желанным. 2-я воздушная армия потеряла три соединения, вынесших на своих плечах основную тяжесть отражения немецкого наступления в июле и получивших бесценный боевой опыт. Эти корпуса возглавлялись одними из наиболее талантливых советских авиационных командиров. В противовес им прибывшие в состав армии 10-й иак и 5-й шак имели в своем составе много «зеленых», молодых пилотов, которым не хватало летной и стрелковой подготовки, что еще больше усугубляло контраст от «обмена». Приказом по 2-й воздушной армии вновь прибывшим соединениям было предписано отработать слетанность пар, а также проработать вопросы применения боевых порядков и управления в воздушном бою. Для пилотов вводилась ежедневная часовая тренировка на прицельных станках и макетах. Однако, несмотря на усилия командования, в короткий срок, отведенный перед наступлением, 10-й иак все-таки вступил в бой *«недостаточно сколоченным и подготовленным»* [8].

Не в восторге от почти стопроцентного обновления своей армии был и генерал С.К. Горюнов, так как поступившие в подчинение соединения имели большой некомплект материальной части. Судя по мемуарам начальника оперативного отдела армии С.Н. Гречко, прибывавшие на доклад к командующему прославленные командиры корпусов имели весьма утомленный вид. Рассказав командующему о состоянии и боевом опыте своих соединений, они дружно, один за другим, высказывали одну и ту же просьбу — пополнить потрепанные в боях полки материальной частью. Так, в 1-м шак не хватало не менее 60 самолетов Ил-2, в 1-м бак — около 40 «пешек». Но больше всех нуждался в пополнении 4-й

иак, командир которого, И.Д. Подгорный, запросил у командующего 70 «лавочкиных» и 20 пилотов [9].

Все же надо признать, что генерал С.К. Горюнов получил больше «плюсов» с прибытием в состав его армии новых корпусов. Рост боевого мастерства пилотов ударной авиации, в особенности экипажей 1-го бак, был виден, что называется, невооруженным глазом. Командование корпуса настойчиво внедряло в практику боевой работы нанесение бомбовых ударов с пикирования. Из 137 экипажей, имевшихся к началу операции, уже 56 (около 40%) освоило этот вид боевой работы. 50 экипажей могло действовать в сложных метеоусловиях [10]. Напомним еще раз, что в июле эти показатели были не столь высоки. Например, в 1-й гв. бад, по состоянию на начало июля, с пикирования могло работать 28 экипажей, а в плохих метеоусловиях — всего 20. В лучшую сторону от 10-го иак отличался наличием сильного летного состава и 4-й иак — будущая «кузница» известных советских асов.

Перед началом операции командующие армиями отдали распоряжения с наставлениями о порядке действий авиации в предстоящих боях, а также вопросах управления. Во 2-й воздушной армии был проведен также ряд радиоучений с задачей усовершенствования вопросов управления, а также проведен инструктаж с командирами корпусов и дивизий с задачей, как сказано в документах армии, *«установить единые взгляды на использование каждого вида авиации и на единство управления»* [11]. В частности, для улучшения наведения истребителей в 10-й иак из армейских запасов были переданы к уже имеющейся две радиостанции. В отличие от июля, теперь большинство КП корпусов и дивизий располагалось в непосредственной близости от линии фронта — всего в 2—3 километрах.

Командующий 5-й воздушной армией также дал аналогичные указания, подчеркнув, что вызов авиации со стороны наземного командования может производиться без предупреждений. В целях повышения оперативности использования авиации по армии был отдан приказ о выделении по одному полку от каждой дивизии для нахождения в состоянии постоянной готовности к выполнению приказов наземного командования. Особо обращалось внимание на необ-

ходимость изучения с летным составом района предстоящих боев, а также характерных целей в полосе наступления.

Силы 2-й и 5-й воздушных армий непосредственно перед наступлением были равны, составляя соответственно 753 и 769 самолетов. Во многом этого удалось достичь поставками новой техники с заводов, а также отремонтированной из мастерских. Например, 8-я гв. иад пополнилась за период с 31 июля по 2 августа 44 истребителями Ла-5, а 302-я иад 5-й воздушной армии получила 51 истребитель Лавочкина. Кроме того, 34 Ил-2 было передано 1-му шак. Значительные «вливания» матчасти получили и другие соединения. Особо отметим усиление ночной бомбардировочной авиации 2-й воздушной армии. Число самолетов в 208-й нбад, хронически страдавшей в июле от недостатка матчасти, было увеличено в августе в среднем до 80 У-2 и Р-5. Для повышения эффективности действий легкомоторных бомбардировщиков в ближнем тылу (на расстоянии 2—3 километров от переднего края) была организована система целеуказания, состоявшая из прожекторов и сигнальных факелов. В отличие от армии С.А. Красовского, объединение генерала С.К. Горюнова в своем составе ночной бомбардировочной дивизии не имело. Только в самом конце наступательной операции 22—23 августа в ее состав влилась 312-я нбад, имевшая в своем составе 392-й, 930-й и 992-й нбап.

Подводя итог, укажем, что в районе Харькова советское командование сосредоточило свыше 1500 боевых самолетов фронтовой авиации. По оценкам штабов обеих армий, численность авиационной группировки противника колебалась в пределах от 430 до 590 самолетов. Полеты самолетов-разведчиков зафиксировали скопление немецкой авиации на аэродромах Миргород, Полтава, Конотоп и Лебедин. Дополняя эти данные, подразделения радиоразведки сообщали о сосредоточении в полосе будущего наступления Воронежского и Степного фронтов эскадр JG3, JG52, StG3, StG77, KG3 и KG27. Опуская 3-ю эскадру пикировщиков, действовавшую севернее Орла, нельзя не заметить, что данные разведчиков были весьма точными. В пределах погрешности находилась и количественная оценка авиации противника, особенно учитывая тот факт, что немецкое командование часто практиковало переброску своих авиаци-

онных соединений с одного участка Восточного фронта на другой. Как мы увидим в дальнейшем, со второй половины августа численный состав 4-го воздушного флота начнет неуклонно возрастать за счет переброски сюда групп из 6-го воздушного флота.

Рассмотрим тыловое обеспечение обеих воздушных армий перед наступлением. Решение о передаче соединений из одной армии в другую вызвало большую неразбериху в тыловых службах. Доклад штаба 5-й воздушной армии свидетельствует, что по плану перебазирования воздушные армии должны были поменяться только летными частями, которые оставались на своих аэродромах. Лишь тыловые части 2-й воздушной армии, убывая к новому месту дислокации, сменялись тыловиками 5-й. В связи со столь необычной обстановкой штаб ВВС Красной Армии издал приказ, согласно которому тылы 2-й воздушной армии, убывая на новое место, оставляли все запасы на местах. Но, как показала практика, тыловики армии С.А. Красовского уносили с собой всё. Штаб 5-й воздушной армии, освещая данный период, отмечал: *«К моменту начала подготовки к операции тыловые части 5 ВА находились в процессе перебазирования на новые аэродромы (2-й ВА), где базировались и вели боевую работу летные части, обслуживаемые тылами 2 ВА. С приходом тылов 5 ВА тылы 2 ВА должны были уходить, а летные части оставались. Несмотря на директиву Штаба ВВС КА, что сменяемые тылы 2 ВА, уходя с аэродромов, оставляют все запасы ГСМ, боеприпасов и крупную бензотару, тылы уходили, забывая с собой все, вплоть до кухонных котлов, чем создавались большие трудности в обеспечении боевой работы частей»* [12].

Говоря об объективных трудностях службы тыла 2-й воздушной армии, необходимо отметить, что одной из основных проблем в обеспечении боевой работы являлся большой некомплект автотранспорта. По данным штаба армии, он доходил до 55%. Имевшиеся на ходу автомобили были крайне изношены и требовали постоянного ремонта. Дело еще более усугублялось неразвитостью железнодорожной сети в полосе 2-й воздушной армии, что снова перекладывало большую нагрузку на плечи автомобилистов.

Проблемы с транспортом «тянули за собой» проблемы с обеспечением частей. Потребность в ГСМ и боеприпасах

на операцию определялась из расчета 15 боекомплектов и 15 заправок. Однако созданных в полках запасов было явно недостаточно из-за задержки с поставками. В итоге наступательная операция началась при недостатке отдельных видов боеприпасов и горючего. Так, например, ГСМ имелось около 60%, запас авиабомб АО-25, АО-2,5, а также снарядов РС-82 и ШВАК составлял в среднем 55—65%. Все эти недостатки сказались уже в ходе боевых действий. Например, штаб 202-й бад отмечал, что БАО не всегда имели возможность вовремя обеспечить полки дивизии ГСМ и боеприпасами, а также отмечали недостаток технических средств. Это в свою очередь задерживало вылет бомбардировщиков на боевые задания, в особенности когда дивизия совершала массированные удары по противнику.

Сложности тыловых служб 5-й воздушной армии в основном касались вопросов проработки и планирования обеспечения боевой работы в ходе наступления. В частности, в плане на операцию не было указано время сосредоточения запланированных запасов по точкам и не были решены вопросы переадресовки автотранспорта. Кроме того, не предусматривалось выделение резервных БАО, что также отрицательно сказалось на обеспечении боевых действий.

Фактором, существенно снижавшим на первых порах эффективность работы тыла 5-й воздушной армии, было отсутствие радиосвязи между штабом воздушной армии с РАБ и БАО. Пользоваться радио запретил в своем приказе начальник штаба армии генерал-майор С.П. Синяков. В результате для передачи приказов и распоряжений некоторое время использовались машины и самолеты, пока приказ нового начальника штаба, генерал-майора Н.Г. Селезнева, не отменил распоряжение своего предшественника.

Не способствовала эффективному применению нашей авиации и удаленность аэродромов от линии фронта. Для примера укажем, что к началу операции 2-я воздушная армия базировалась на 39 аэродромах, из которых 15 находились почти в 25 километрах от линии фронта, еще 13 — до 50 километров и 11 — на расстоянии от 75 до 150 километров. В еще более непростом положении оказались авиаторы 5-й воздушной армии. Достаточно сказать, что наиболее «близко» располагались истребители 4-го иак, аэроузел которо-

го Широкий Гул находился в 50—65 километрах от линии фронта. Что уж говорить о 1-м шак и 1-м бак, которые были удалены от линии фронта и вовсе на 110 и 200 километров. Только стремительное продвижение наземных войск позволило решить эту проблему.

План боевого использования авиации в предстоящей операции для обеих воздушных армий был в общих чертах одинаков, различаясь лишь в мелких деталях. Штурмовая авиация, действуя непосредственно перед сектором обстрела артиллерии (глубина огня артиллерии составляла, например, на Воронежском фронте 200 метров), должна была подавить цели, недоступные наземным орудиям, а также «прижать к земле» огневые точки противника в момент смены нашей артиллерией своих позиций. Расчетное напряжение штурмовой авиации на один самолет составляло, по оценкам штабных работников, 2,5—3 самолета-вылета на одну машину, достигая своего максимума для 5 шак, где это число приближалось к отметке 3,5 боевых вылета. В задачу бомбардировщиков входили удары по опорным пунктам, штабам, скоплениям резервов противника, а также подавление вражеской артиллерии на ее огневых позициях. Пикирующие бомбардировщики, так же как и штурмовики, должны были наносить свои удары в составе больших групп, массированно.

Нагрузка на авиационные соединения предполагалась дифференцированной, достигая своего максимума в первый день операции. Так, в 5-й воздушной армии в первый день наступления было запланировано 250 самолето-вылетов Пе-2, 400 самолето-вылетов Ил-2 и около 270 самолето-вылетов истребителей. В течение последующих трех дней активность несколько снижалась, составляя для бомбардировщиков 700 самолето-вылетов, штурмовиков — 1000 самолето-вылетов и истребителей — 1050 самолето-вылетов.

Говоря о концентрации авиации, необходимо отметить, что она была поистине беспрецедентной. Например, на узком, девятикилометровом участке прорыва, выбранном командующим Степным фронтом И.С. Коневым, по плану должны были действовать 181 штурмовик и 240 истребителей.

Во 2-й воздушной армии каждую из штурмовых дивизий закрепили за «своей» общевойсковой армией. 291-я шад должна была взаимодействовать с 6-й гвардейской армией генерал-лейтенанта И.М. Чистякова, а 5-й шак — с 5-й гвардейской армией А.С. Жадова. Особое внимание было уделено авиационной поддержке танковых армий. Так как оба танковых объединения вводились в сражение в полосе Воронежского фронта, 5-й шак после завершения прорыва 5-й гвардейской армией должен был полностью переключиться на содействие армиям М.Е. Катукова и П.А. Ротмистрова, с которыми взаимодействовали 4-я гв. и 264-я шад. Для этого при штабе каждой танковой армии находился командир штурмовой авиадивизии с рацией, который и наводил свои «илы» на цель. Кроме того, при штабе 18-го танкового и 5-го механизированного корпусов находились помощники командиров по воздушно-стрелковой службе 4-й гв. шад, а также 91-го и 92-го гв. шап. Во 2-й воздушной армии была также предусмотрена зона, насыщенная зенитной артиллерией, предназначавшаяся для отсечения от штурмовиков немецких истребителей.

Как видно из вышесказанного, организация управления 2-й воздушной армией строилась на принципах централизации в руках командующего в период, когда необходимо было производить массированные налеты авиации на решающих участках фронта, и децентрализации, когда после взлома обороны противника требовалось более оперативное взаимодействие авиации и наземных войск.

5-я воздушная армия в основном нацеливалась на содействие наступлению 53-й армии и 1-го механизированного корпуса. Для действия по объектам на поле боя выделялось до 60% всех самолето-вылетов (для штурмовой авиации этот показатель был еще выше и составлял 70%). При этом непрерывность действия на противника, по замыслу командования 5-й воздушной армии, должна была достигаться не ослаблением ударов, а действием над полем боя более крупных групп самолетов. Меньший приоритет имела задача локализации поля боя от притока резервов противника. В основном эту задачу решали экипажи 1-го бак (планировалось свыше 60% всех самолето-вылетов).

В мемуарах уже упомянутого нами начальника оперативного отдела С.Н. Гречко имеется интересный эпизод, повествующий о том, как проходило утверждение плана авиационной подготовки 5-й воздушной армии, и во многом проливающий свет на «непогрешимость» некоторых архивных документов. С.Н. Гречко пишет: *«Командующий фронтом лишь бегло ознакомился с планом авиационного наступления и распорядился приобщить его «к другим бумагам для историков», для себя же потребовал составить точный план-график боевых вылетов авиационных групп армии на первый день. «Я хочу своими глазами видеть боевые действия бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей над полем боя. Причем строго по плану-графику...»* [13]. Командующему армией и штабу воздушной армии пришлось пересмотреть замысел авиационного наступления, а новый план был выдержан в духе еще большего массирования авиации.

Нельзя не отметить, что важной вехой в подготовке к наступлению стала деятельность разведывательной авиации, которая провела за короткий промежуток времени аэрофотосъемку всей оборонительной полосы противника. В основном эту работу выполняли экипажи 454-го бап и 511-го рап 2-й и 5-й воздушных армий. Полученные фотосхемы, сделанные литографическим способом, были 1 августа направлены штабами во все наземные армии. Дешифровка фотографий, в частности в штабе 5-й воздушной армии, позволила оценить глубину немецкой обороны в районе Белгорода, состоявшей из двух полос, в 18 километров. Кроме того, авиационные корпуса и дивизии получили схемы аэродромов базирования авиации противника.

В начале августа авиационной разведкой начали отмечаться интенсивные переброски живой силы и техники к Харькову. Так, 1 августа было отмечено до 1000 автомобилей, двигавшихся от Полтавы в направлении Харькова. На следующий день эта цифра несколько уменьшилась, но все равно оставалась весьма значительной — было отмечено передвижение около 800 машин. С 1 по 3 августа в направлении из Ахтырки на Томаровку и Пушкарное проследовало до 1500 автомашин и около 100 танков. Действительно, пользуясь данными радио и авиаразведки, командование группы армий «Юг» 2 августа доложило в ОКХ свои опасения, что

русское наступление не за горами, потребовав вернуть дивизии, переданные ранее в группу армий «Центр», а также отдало приказ о начале переброски 3-й танковой дивизии в район Белгорода. Однако эти запоздалые решения, как показали развернувшиеся вскоре события, не могли уже ничего изменить. Первый раунд борьбы остался за советской стороной.

5.3. ПРОРЫВ НЕМЕЦКОЙ ОБОРОНЫ (3—5 августа. Воронежский и Степной фронты)

Боевые действия авиации 2-й и 5-й воздушных армий начались 3 августа в 6:30, за 5 минут до начала артиллерийской подготовки. В ее преддверии 86 самолетов Пе-2 обрушили свой бомбовый груз на позиции артиллерии и опорные пункты обороны противника, расположенные непосредственно у переднего края. При этом 36 бомбардировщиков 202-й бад атаковали цели в треугольнике Березов—Гремучий—высота 227, находящиеся на левом фланге предполагаемого места прорыва 5-й гвардейской армии. Экипажи 50 Пе-2 1-го бак бомбардировали район колхоза «Смело к Труду», а также Терновку и Шопино, расположенные в полосе наступления 53-й армии Степного фронта. Поднятые в воздух взрывами авиабомб клубы дыма и земли еще не успели рассеяться, когда артиллерия обоих фронтов открыла мощный огонь по расположению немецких войск.

Предваряя атаку, артиллерийский огонь максимально усилился в 7:50, позволив пехоте, следовавшей за огневым валом, начать сближение с немецкими траншеями. В дело вступили группы штурмовиков, которые занялись подавлением оживших огневых точек противника. В полосе наступления Воронежского фронта основные усилия 80 Ил-2 5-го шак и 291-й шад были сосредоточены на 6-километровом участке прорыва 5-й гвардейской армии в районе Бутово—Журавлиный. Массированные действия ударной авиации 2-й воздушной армии во многом способствовали тому, что стрелковые части и сопровождавшие их танки относительно легко вклинились в первую линию немецкой обороны.

Согласно плану авиационной подготовки командование 2-й воздушной армии выделило для первого удара 117 само-

летов (36 Пе-2 и 81 Ил-2), действовавших под прикрытием 49 истребителей. Второй удар, произведенный в период 8:15—8:36, был осуществлен силами 112 самолетов, которые продолжили подавление огневой системы обороны противника. По итогам нанесения этих двух авиационных ударов штаб 2-й воздушной армии с удовлетворением отметил, что *«бомбовый груз 229 самолетов, сброшенный на основные узлы сопротивления противника на переднем крае, позволил уже в период авиационного воздействия пехоте ворваться в первую линию оборонительной полосы, незамедлительно в образовавшийся прорыв вошли танковые армии»* [14].

Наречие «незамедлительно» не должно вводить нас в заблуждение, так как приказ на ввод в сражение 1-й и 5-й гвардейской танковых армий был отдан только к полудню. С 14:00 до 14:30 передовые танковые бригады армий М.Е. Катукова и П.А. Ротмистрова, обогнав свою пехоту, начали стремительное продвижение в южном и юго-западном направлениях, сопровождаемые с воздуха группами штурмовиков 4-й гв. и 264-й шад 5-го шак. Штаб 2-й воздушной армии в целом положительно оценил действия экипажей генерала Н.П. Каманина, отметив: *«Летный состав частей 5 шак показал в этот день хорошую выучку, смелость, отличное знание боевых свойств своего самолета и умелое тактическое его применение в бою как с наземным, так и с воздушным противником»* [15]. Экипажи 5-го шак совершили в период с 7:43 до 19:30 силами 143 самолетов 356 самолето-вылетов. Нагрузка на один исправный самолет, таким образом, составила 2,5 самолето-вылета. Это было несколько меньше, чем запланированные на начало операции 3—3,5 вылета. Однако и без этого действия групп штурмовиков заслужили одобрение как наземных, так и авиационных командиров.

Активно действовала весь день и 291-я шад, оказывавшая содействие наступлению 6-й гвардейской армии. Целью продвижения армии были северные окраины крупного узла немецкой обороны Томаровка. Экипажи дивизии совершили 137 самолето-вылетов, заявив об уничтожении 9 артиллерийских батарей, 31 танка и 153 автомобилей противника. В воздушных боях подчиненные полковника А.Н. Витрука сбили один «мессершмитт», потеряв за первый день наступления 4 Ил-2 и 2 Як-1. 1 Ил-2 и оба «яка» числились невер-

нувшимися с боевого задания, 1 Ил-2 был сбит зенитками над целью, а еще два штурмовика столкнулись в воздухе.

Во второй половине дня успех прорыва обороны противника в полосе Воронежского фронта стал очевиден. Максимальный успех сопутствовал 5-й гвардейской танковой армии, которая за день наступления имела продвижение до 26 километров. К исходу дня танкисты армии П.А. Ротмистрова перерезали дорогу Белгород—Томаровка. Продвижение других армий Воронежского фронта составило за первый день боев от 6 до 12 километров.

Пришедший в себя противник к исходу дня стал оказывать возрастающее с каждым часом сопротивление. Особенно напряженные бои развернулись на подступах к Томаровке. Этот населенный пункт имел не только развитую систему обороны, но и мощное зенитное прикрытие. Еще во второй половине июля полки 1-го бак потеряли здесь несколько Пе-2, после чего в части корпуса был передан приказ: *«Не подходить близко к Томаровке, прикрытой сильной ЗА»* [16]. С началом наступления эти ограничения по понятным причинам были сняты.

Для того чтобы сломить волю врага к сопротивлению, а также нанести поражение его резервам, Томаровка и прилегающие к ней районы несколько раз за день подвергались ударам бомбардировщиков 2-й воздушной армии. Первый же удар в этом районе был нанесен еще в период с 12:10 до 12:23 силами 43 Пе-2 202-й бад. Через пять с половиной часов около 18:00 уже 63 Пе-2 бомбардировали район Борисовки, расположенной юго-западнее, на дороге, соединяющей Томаровку и Грайворон. Удар был направлен против скопления резервов, которые в спешном порядке перебрасывались противником к линии фронта. Этот налет, прошедший без противодействия истребительной авиации противника, оказался весьма результативным — по данным фотоконтроля, в цель попало около 80% сброшенных бомб. Действия бомбардировщиков 202-й бад сопровождались низкими потерями. Выполнив 173 самолето-вылета, ее экипажи потеряли всего один бомбардировщик. Активность 202-й бад была даже выше, чем каждой из дивизий 1-го бак, совершившего 250 самолето-вылетов.

Отметим, что в работе бомбардировочных частей случа-

лись и досадные промахи. За 3 августа было зафиксировано два случая сброса бомб на своей территории. В 1-м бак ведущий группы 81-го гв. бап подполковник Герой Советского Союза В.Я. Гаврилов из-за неисправности своего самолета был вынужден идти на экстренную посадку. Перед этим комполка отдал приказ заместителю капитану Костенко возглавить группу, а сам сбросил свои бомбы, установленные на «не взрыв». Костенко команды не принял, в результате часть экипажей решила, что была подана команда «освободиться от бомб». Часть смертоносного груза была сброшена с установкой на «не взрыв», а часть экипажей, не следивших за ориентировкой, произвели боевое бомбометание. Кроме того, 7 самолетов, замыкавших группу, отбомбились по полигону. Неприятный инцидент имел место и в 202-й бад. Согласно оперсводкам 235-й иад, в 18:25 бомбардировщик Пе-2, шедший в сопровождении двух Як-1, сбросил бомбы на аэродром Красный, где базировался 181-й иап. К счастью, бомбы не причинили вреда истребителям, упав тем не менее всего в 20 метрах от стоянки самолетов.

В отличие от наступления войск Н. Ф. Ватутина, продвижение соседнего Степного фронта встретило упорное сопротивление противника на сильно укрепленных рубежах севернее Белгорода. Атакующая пехота 53-й армии, а также 48-го стрелкового корпуса 69-й армии была поддержана практически непрерывными действиями групп штурмовиков численностью от 12 до 24 машин. Однако добиться решающего успеха за короткий отрезок времени не удалось.

Оказывая поддержку наземным войскам, авиация 5-й воздушной армии в период с 8:30 до 8:45 нанесла еще один массированный удар по узлам сопротивления противника. В нем участвовало уже около 100 Пе-2 под прикрытием 80 истребителей. В итоге по участку немецкой обороны площадью 7 кв. километров было сброшено 110 тонн бомб с плотностью 17 тонн на 1 километр. Отметим, что в результате первой бомбежки зенитная артиллерия оказалась почти полностью подавлена. Если в первом вылете экипажи отмечали ее сильное противодействие, то во втором оно уже практически отсутствовало.

В это время в районе населенного пункта Вислое, находившегося на пути продвижения смежных флангов 53-й и

69-й армий, где противник оказывал наиболее ожесточенное сопротивление, командование 5-й воздушной армии сконцентрировало около 60 самолетов Ил-2 1-го шак, которые, атакуя в составе групп по 12—15 самолетов, нанесли тяжелые потери вражеской артиллерии и пехоте. Действия авиаторов способствовали захвату Вислое с минимальными потерями.

Таким же ударам подверглись войска противника в районе высоты 209,5 в 4 километрах западнее Вислое. Здесь продвижение войск 53-й армии натолкнулось на мощный огневой кулак, который, по оценкам командования, составлял до 15 артиллерийских и минометных батарей. Кроме того, на рубеже Заготскот и высота 211,6 действовало большое количество подвижных частей противника. Решающую роль в успехе на этом участке также сыграла авиация. Две сильные группы Пе-2 и Ил-2 подавили всю огневую систему противника, в результате чего удалось разминировать подступы к рубежу и овладеть им. Особенно отличились авиаторы 66-го шап — 23 Ил-2 под командованием майора Лавриненко штурмовали в районе Гремучий—Кислов скопление из 70 автомашин, а также позиции семи артиллерийских батарей. В результате налета экипажами, по данным штаба полка, было уничтожено 4 тяжелых танка, 20 автомобилей, а также подавлен огонь 4 артиллерийских батарей.

Несмотря на успешные действия авиации, борьба за передний край обороны затянулась до второй половины дня. Не дожидаясь окончательного успеха пехотинцев, командующий фронтом генерал И.С. Конев принял решение о вводе в сражение своего единственного крупного подвижного соединения — 1-го механизированного корпуса, который, прорвав главную оборонительную полосу противника, в итоге окончательно склонил чашу весов на сторону советских войск.

Активность немецкой авиации в первые часы наступления была невелика. Только около 9:00 девятка бомбардировщиков Ju 88 из состава эскадры KG3, базировавшейся на аэродроме Полтава, нанесла первый бомбардировочный удар в районе Яковлево. Более крупные группы немецких бомбардировщиков стали появляться над полем боя уже во второй половине дня, сосредоточив свой удар по колоннам

1-й и 5-й гвардейской танковых армий. В боях первого дня приняли участие лишь отдельные группы, среди которых были I/StG77, I/KG100, I/KG27. Верное своим принципам — наносить авиационные удары по наступающему противнику только после выявления направления его основных ударов, командование 4-го воздушного флота не распыляло силы, стараясь как можно эффективнее использовать бомбардировщики.

Двухмоторные машины действовали в составе небольших групп — восьмерок и девяток, в то время как пикировщики Ju 87 из состава StG77 предпочитали появляться над линией фронта в составе 30 и более машин. Так, в период с 14:30 до 15:30 две группы, состоящие из 24 Ju 87 и звена He 111, бомбардировали район Черкасское и Триречное, где развивалось наступление частей 6-й гвардейской армии.

Однако основные усилия экипажей «штурк» были сосредоточены в полосе наступления Степного фронта. По всей видимости, главной угрозой в первый день боев немецкое командование считало прорыв советских войск в районе Вислое, населенном пункте, расположенном приблизительно в 10 километрах севернее Белгорода. Мы уже видели, что именно здесь командование 5-й воздушной армии концентрировало усилия штурмовой авиации 1-го шак, содействуя продвижению частей 53-й и 69-й армий. Как нетрудно догадаться, немецкий ответ был адекватным.

Менее чем за три часа истребители 294-й иад 4-го иак провели в этом районе три воздушных боя. Вначале шестерка «яков» 427-го иап, пытаясь сорвать бомбежку 30 Ju 87, атаковала немецкие пикировщики в лоб. По наблюдениям пилотов, один «юнкерс» был подбит, однако ответным огнем оказался поврежден и самолет ведущего группы Героя Советского Союза подполковника А.Д. Якименко, который совершил вынужденную посадку.

Через час, около 14:10, в этом же районе 20 Як-1 из состава соседнего 515-го иап смогли разогнать еще одну группу «восемьдесят седьмых». При этом особенно отличились младшие лейтенанты В. Ф. Макаров и С.Е. Путимцев, которые, зайдя в хвост немецким самолетам, подожгли два из них. Экипажи «юнкерсов» спаслись на парашютах. Остальные бомбардировщики, сбросив свой груз, поспешили уйти

на свою территорию. По всей видимости, сбитые бомбардировщики принадлежали группе I/StG77.

Около 15:05 8 «яков» 183-го иап обнаружили и атаковали всей группой три шестерки Ju 88. Первая группа «юнкеров» успела обрушить свой груз на передний край наших войск, остальные начали сброс бомб преждевременно, перекрыв разрывами линию фронта. В этом бою один сбитый Ju 88 был записан на счет младшего лейтенанта С.В. Носова (Герой Советского Союза с 15.5.46).

Как мы уже отмечали, к началу советского наступления в районе севернее и северо-западнее Белгорода могла действовать лишь одна истребительная группа — III/JG52 майора Гюнтера Ралля, недавно прибывшая из района Карачева. Содействие ей в борьбе с советской авиацией оказывали «фокке-вульфы» из состава II/SchG1, а также разведчики из NAGr2, действовавшие на истребителях «мессершмитт». Впрочем, в первый день боев штурмовики и разведчики смогли одержать всего по одной воздушной победе, сбив 2 Ил-2, тогда как асы III/JG52 заявили об уничтожении около 30 советских самолетов, из которых 12 составляли Ил-2, а все остальные были идентифицированы как истребители ЛаГГ.

Отметим, что реальные потери 2-й и 5-й воздушных армий, согласно оперсводкам обоих объединений, составили 40 самолетов. Из них 12 самолетов потеряла 5-я воздушная армия (5 Ил-2, 5 Як-1, 1 Ла-5, 1 Пе-2). Потери 2-й воздушной армии составили 28 самолетов. Велико было и количество поврежденных машин. Только в 292-й шад 1-го шак таковых было около десятка. Справедливости ради стоит сказать, что живучесть штурмовика Ильюшина позволила многим экипажам «илов» совершить вынужденные посадки в расположение своих войск. При этом большинство штурмовиков оставалось пригодными для ремонта. Так, например, из 15 Ил-2 1-го шак, числившихся в списке потерь 3 августа, 11 совершили вынужденные посадки. Необходимо также иметь в виду, что данные штабов воздушных армий не всегда соответствовали данным дивизий и корпусов. Например, оперсводки 2-й воздушной армии отмечают 3 августа потерю в 10-м иак 4 истребителей, тогда как документы дивизий корпуса свидетельствуют о том, что 3 августа на свои

аэродромы не вернулось 8 самолетов (6 из состава 201-й и 4 из 235-й иад). Кроме того, в 201-й иад 2 Ла-5 были разбиты в катастрофах и авариях, а еще 2 Як-1 и 1 Ла-5 совершили вынужденные посадки.

В числе наиболее отличившихся 3 августа немецких пилотов-истребителей были лейтенанты Бертхольд Кортс (Korts Berthold) и Эрих Хартманн (Hartmann Erich) из отрядов 9. и 7./JG52, одержавшие по 4 победы, а также фельдфебель Карл Штеффен (Steffen Karl) из 9./JG52, сбивший 5 краснозвездных самолетов. Вскоре все три пилота в полной мере испытали на себе превратности судьбы военного летчика: Уже через 5 дней Bf 109G-6 Штеффена будет сбит зенитным огнем в районе Белгорода, и кавалер Рыцарского креста, автор 59 побед попадет в плен. 20 августа Эрих Хартманн будет сбит огнем штурмовика из состава 8-й воздушной армии и только удача позволит будущей звезде люфтваффе избежать ожидания конца войны в лагере военнопленных. И, наконец, 29 августа в бою с «Аэрокобрами» все той же 8-й воздушной армии пропадет без вести Кортс, успев записать на свой счет 113 побед.

Тактика немецких истребителей, избегавших затяжных боев с большими группами советских истребителей, строилась на внезапных стремительных атаках. Характеризуя действия немецкой истребительной авиации в первый день наступления, документы 5-го иак отмечали: *«В течение дня истребительная авиация противника активности в воздушных боях не проявляла. В бой вступали только те группы истребителей, которые имели численное превосходство над нашими истребителями. Отдельные пары и четверки истребителей противника в большинстве встреч с нашими истребителями от боя уклонялись»* [17].

Неудивительно, что 3 августа среди потерь III/JG52 числится всего один «мессершмитт» из 9-го отряда, пропавший без вести. Для сравнения укажем, что действовавшая рядом NAGr2 потеряла 2 Bf 109, один из которых был сбит, а второй получил тяжелые повреждения в воздушном бою. Советские данные о сбитых самолетах противника намного превышают эти цифры. Так, только пилотами 2-й воздушной армии было заявлено 3 августа о 20 уничтоженных Bf 109. Еще 28 «мессершмиттов», из заявленных всего 39 немецких са-

молотов, было сбито в воздушных боях истребителями 5-й воздушной армии. Как видно, данные о воздушных победах практически никем не проверялись, превратившись в итоге в абсурдную цифру: согласно документам обеих воздушных армий, только за день боев удалось уничтожить 64 немецких самолета, среди которых было по 3 He 111 и FW 190, по 5 Ju 87 и Ju 88 и целых 48 Bf 109! Справедливости ради стоит отметить, что, как отмечается в оперсводках 5-й воздушной армии, на указанные заявки было «запрошено подтверждение наземных войск».

Данные командующих фронтами о потерях авиации противника, в том числе от зенитного огня, при их докладах в Ставку содержали несколько меньшие цифры. Так, например, 3 августа командующий Воронежским фронтом доложил о 15 сбитых немецких самолетах и всего лишь о 25 — командующий соседним Степным фронтом, что меньше цифр, содержащихся в отчетах авиационных частей [18]. Интересно, что, по статистике штаба 2-й воздушной армии, за период с 3 по 6 августа на один проведенный бой приходилось не более 1—2 сбитых самолетов противника. Это было сочтено штабными работниками крайне низким показателем.

Подводя итоги первого дня операции «Полководец Румянцеv», можно констатировать, что ее результаты удовлетворяли как Ставку, так и командование фронтов. Ожидаемый успех, в особенности на Воронежском фронте, был достигнут. Авиаторами 2-й и 5-й воздушных армий было совершено свыше 2600 самолето-вылетов. Наиболее активно действовали авиаторы 2-й воздушной армии, выполнившие 1556 самолето-вылетов (из них 292 ночью). При этом 950 самолето-вылетов (около 61%) пришлось на штурмовые и бомбардировочные части. Авиаторы 5-й воздушной армии поднимались в воздух 1115 раз. На это 8-й воздушный авиакорпус противника ответил всего 521 самолето-вылетом, из которых 190 пришлось на двухмоторные бомбардировщики и еще 96 совершили «штуки» из StG77.

Следующий день не принес советской стороне столь впечатляющего успеха, как накануне. Командование 4-й танковой армии бросило в бой части 6-й, 11-й и 19-й танковых дивизий. Отметим, что 6-я и 19-я танковые дивизии после тяжелых июльских боев на Курской дуге испытывали ост-

рый недостаток как в боевой технике, так и в личном составе. Тем не менее им удалось затормозить успешное продвижение танковой армии П.А. Ротмистрова, а также 5-й и 6-й гвардейских армий.

В отличие от других объединений Воронежского фронта, 1-я танковая армия генерала М.Е. Катукова 4 августа имела полный успех, практически взяв на себя с этого дня роль «локомотива наступления». За день ее танки продвинулись почти на 20 километров. В своих мемуарах, вспоминая об этих днях, М.Е. Катуков писал: *«В ночь на 4 августа соединения 8-го гвардейского механизированного корпуса прорвали вторую полосу обороны противника в районе Домнино и начали стремительно продвигаться на юг. Во второй половине дня 4 августа мы вывели 11-й гвардейский танковый корпус из-под Томаровки и бросили его вслед за 8-м гвардейским механизированным»* [19]. В результате действий частей 1-й танковой армии 6-я и 19-я танковые дивизии оказались скованы соответственно в районах Бессоновка—Орловка и Томаровка—Мошеное.

По итогам наступления 4 августа генерал Н. Ф. Ватутин остался недоволен действиями некоторых командующих армиями, а также командирами корпусов. В своем приказе по итогам второго дня боев он особенно критиковал командование 5-й гвардейской танковой армии, которое сделало возможным «недопустимо большой отрыв штабов корпусов» от войск, а также давало зачастую ложные данные об обстановке в штаб фронта. «Попало» и командованию 6-й гвардейской армии, а также 5-го гвардейского и 6-го танковых корпусов. По мнению командующего фронтом, они мало внимания уделяли маневру, стараясь атаковать сильно укрепленные позиции противника преимущественно «в лоб». При этом командиры оправдывали малый темп продвижения вперед «необоснованными», по мнению Н. Ф. Ватутина, предложениями. К их числу относились редкие бомбежки немецкой авиации, сопротивление в опорных пунктах, которые на самом деле было легче обойти, чем штурмовать, наличие задержек перед тыловым рубежом, при проверке оказывавшемся не занятым противником [20].

Очевидно, командующий Воронежским фронтом был уверен в господстве советской авиации над полем боя и не допускал мысли, что отдельные прорвавшиеся группы

бомбардировщиков противника могут служить оправданием в задержке наступления. Однако на деле обстоятельства складывались несколько по-иному. Второй день боев характеризовался как раз снижением активности авиаторов 2-й воздушной армии и значительным ростом действий 4-го воздушного флота. Так, 4 августа 2-я воздушная армия совершила всего 736 дневных самолето-вылетов, что было на 500 меньше, чем накануне. Для штурмовой авиации, игравшей основную роль в поддержке наземных войск, эта разница составила 267 вылетов. Кроме того, 202-я бад вылетов на второй день боев вовсе не совершала, находясь в резерве генерала С.А. Красовского. Во многом такое положение вещей объяснялось не только понесенными потерями, но и необходимостью массированной поддержки переходящих в наступление на следующий день 27-й и 40-й армий.

На фоне спада активности советской авиации немецкий 8-й авиакорпус, наоборот, повысил число своих вылетов вдвое. Немецкие самолеты 1119 раз поднимались в воздух. При этом подавляющая часть их вылетов приходилась на одномоторные и двухмоторные бомбардировщики, а также штурмовики, совершившие соответственно 450, 307 и 147 самолето-вылетов. Немецкие ударные самолеты действовали по сравнению с предыдущим днем намного активнее, в основном группами до 20 машин, пытаясь не допустить расширения фронта прорыва и задержать продвижение наших войск. Организация бомбардировочного удара была достаточно стандартной. Сначала в районе удара появлялись истребители, «прочесывавшие» воздушное пространство, затем корректировщик, который цветными дымами указывал подходящим группам бомбардировщиков район бомбежки. Характеризуя воздушную обстановку, сложившуюся 4 августа, документы 1-й танковой армии отмечали: *«Не имея достаточных сил для противодействия нашему наступлению, противник с утра 4.8.43 начал проявлять сильную активность авиацией. Группа бомбардировщиков 25—50 единиц в течение всего дня висела над боевыми порядками танков и пехоты, нанося потери в технике и живой силе и задерживая продвижение. Всего в полосе армии к исходу 4.8.43 отмечено действие до 400—500 бомбардировщиков»* [21].

Наибольшую активность ударные самолеты 4-го воздушного флота развили в районе Томаровки. Немецкие документы сообщают, что основным объектом атак бомбардировщиков 8-го авиакорпуса стали атаки на советские танковые и моторизованные колонны севернее Томаровки, а также южнее ее в районе опорного пункта Козычево.

В воздушных боях с советской стороны участвовали как истребители 5-го иак 2-й воздушной армии, так и 4-го иак 5-й воздушной армии. Первый крупный бой в районе Томаровки произошел после 11 часов утра, когда 6 Як-76 728-го иап, ведомые будущим дважды Героем Советского Союза капитаном А.В. Ворожейкиным, а также Ла-5 41-го гв. иап атаковали группы Ju 87.

Наиболее результативным стал бой, проведенный пилотами 728-го иап в районе Томаровки. События этой схватки хорошо описаны в автобиографической книге А.В. Ворожейкина «Над Курской дугой». Оперсводки же 256-й иад свидетельствуют: около 11:15 в районе Томаровки шестерка «яков» атаковала 12 Ju 87, шедших под прикрытием 8 Bf 109. В результате боя на боевой счет А.В. Ворожейкина было записано 3 Ju 87 и два подбитых «сто девярых». Лейтенанты А.И. Карнаухов и Д.В. Аннин подбили по одному «юнкерсу», а младший лейтенант И.Е. Моря, сбивший в этом бою Bf 109, погиб.

Очередное продвижение частей 5-й и 6-й гвардейских армий к Томаровке тут же вызывало активность бомбардировочной авиации 4-го воздушного флота. Один из таких «всплесков» пришелся уже на вечер, когда немцы провели несколько налетов по боевым порядкам армий И.М. Чистякова и А.С. Жадова. Только за полчаса в период с 17:22 до 17:55 группами 91-го и 728-го иап было проведено два воздушных боя с группами из 12 Ju 87 и 9 Ju 88, бомбардировавших наши войска. Патрулировавшие по соседству истребители 5-й воздушной армии, по указанию командира 294-й иад, также зашли в этот район. Однако результаты действий 20 «яков» 183-го и 427-го иап, атаковавших несколько групп Ju 88, были более чем скромными. Часть «юнкерсов» ушла со снижением в дымку, в то время как «мессершмитты» завязали бой с подошедшими «яками». В итоге лишь младший лейтенант Гаврилин заявил об уничтожении одного

Ju 88. Завершающим аккордом дня стал бой 6 Як-76 728-го иап, ведомых снова капитаном А.В. Ворожейкиным, с большой группой из 28 He 111, в районе Борисовки. По его результатам пилотам группы было записано 4 уничтоженных He 111.

Юго-восточнее тяжелые бои вели экипажи 10-го иак, прикрывавшие войска генерала А.С. Жадова в районе Козычево. В ходе всего двух воздушных схваток группы 235-й иад потеряли 7 самолетов. 10 Ла-5 3-го гв. иап под командованием старшего лейтенанта М.И. Мудрова провели воздушный бой с двумя шестерками Ju 88. Бомбардировка второй группой «юнкеров» была сорвана, хотя ни одного немецкого бомбардировщика сбить не удалось, а из боевого вылета не вернулись три наших истребителя. В это же время воздушный бой с 20 Ju 88, прикрытых большим количеством «мессершмиттов», вела дюжина Ла-5 из 239-го иап. На счет старшины А.Б. Амарова были записаны Ju 88 и Bf 109, однако потери нашей группы составили 4 самолета. Отметим, что потери 3-го гв. и 239-го иап за день составили соответственно 7 и 8 самолетов.

Известные немецкие источники не подтверждают большинство советских заявок на воздушные победы 4 августа. Так, группы пикирующих бомбардировщиков потеряли всего 1 Ju 87 из состава I./StG77. Повреждения, кроме того, получил противотанковый Ju 87G-1 из Pz.Jg./StG2. Наибольшие потери же понесла II/SchG1, два самолета которой были повреждены на аэродроме Варваровка (о налетах на немецкие аэродромы мы поговорим ниже), а еще два оказались сбиты.

Противниками советских истребителей стали «мессершмитты» из II и III/JG52. Уже упоминавшийся нами Бертольд Кортс из 9-го отряда достиг в этот день большого успеха. В воздушных боях им было сбито 9 советских самолетов (1 Ил-2 и 8 истребителей ЛаГГ), причем в ходе лишь одного вечернего боя он сбил сразу 3 ЛаГГ, по всей видимости, это были Ла-5, принадлежавшие 239-му иап. Отметим, что I и II группы эскадры JG52 были уже на второй день боев переброшены командованием 4-го воздушного флота в район Белгорода. Таким образом, впервые за долгое время все три группы эскадры действовали над одним участком фронта.

Говоря о противоборстве в воздухе 4 августа, нельзя не отметить воздушный бой летчика Давыденко из 91-го гв. шад 4-й гв. шад. Его самолет, поврежденный зенитным огнем, подвергся нападению двух FW 190. Теряющий высоту Ил-2 представлял для немецких пилотов заманчивую цель. Однако на втором заходе истребителей в атаку Давыденко резко убрал газ, и оба «фокке-вульфы» проскочили вперед. Один из истребителей, получив две очереди, вспыхнул и упал на землю. Давыденко еще успел послать три очереди во второго немца, когда его самолет, окончательно потеряв скорость, рухнул на землю. По донесению пилота, оба FW 190 оказались сбиты и валялись неподалеку на земле. Получив справку о двойной победе от наземного командования, отважный пилот вернулся в свою часть [22]. Вполне вероятно, что жертвами Давыденко стали два штурмовика FW 190F-3 из состава II/SchG1, которые, согласно немецким данным, нашли свой конец в одном и том же квадрате.

Подводя итог воздушным схваткам 4 августа, отметим, что, согласно советским документам, количество сбитых немецких самолетов возросло по сравнению с 3 августа почти в 1,5 раза. Только 2-й воздушной армией в 32 воздушных боях было заявлено об уничтожении 65 самолетов (15 Ju 87, 13 Ju 88, 20 Bf 109, 7 FW 190, 6 He 111, 3 Hs 126 и 1 Fi 156). Собственные же потери составили 36 самолетов. Данные штаба 5-й воздушной армии свидетельствуют о 34 победах при 26 потерянных самолетах. А вот согласно немецким данным, в разряд потерь можно отнести всего 15 самолетов, из которых 6 было потеряно 4-м воздушным флотом безвозвратно.

Основные потери армий С.А. Красовского и С.К. Горюнова приходились на истребительную и штурмовую авиацию. Соединения же бомбардировщиков несли минимальные потери. За 3—4 августа 202-я бад потеряла всего 1 Пе-2. Потери 1-го бак составили, по разным данным, от 2 до 4 самолетов. Однако не зря говорят, что смерть выбирает лучших. 4 августа летчики 1-го бак оплакивали гибель одного из лучших экипажей 82-го гв. бап младшего лейтенанта Б.В. Панина. Вместе со своим командиром на аэродром из боевого вылета не вернулись штурман мл. лейтенант Адамянц и стрелок старшина Ермолаев. В составе полка этот экипаж сделал 64 боевых вылета, неизменно выполняя наиболее сложные

и ответственные задания командования по разведке в тылу противника. Посмертно все авиаторы экипажа Б.В. Панина были представлены к званию Героя Советского Союза. Однако высокой награды 2 сентября 1943 года был удостоен посмертно только командир. В наградном листе героя указывалось, что он совершил 57 вылетов на штурмовку, из них 25 на разведку в интересах артиллерийского командования. На счету экипажа числилось также 3 сбитых немецких истребителя.

Борьба с немецкой авиацией не ограничивалась лишь воздушными боями. Начиная с 4 августа было совершено несколько налетов на аэродромы, находящиеся южнее и юго-западнее Белгорода, а также на аэродромы харьковского аэроузла. Переброска значительных сил авиации 4-го воздушного флота не ускользнула от внимания советского командования. Самолетами-разведчиками 2-й и 5-й воздушных армий было обнаружено около 100 немецких самолетов на аэродроме Толоконное, где базировались Ju 87 из состава StG77. Кроме того, скопления немецких самолетов были отмечены на аэродромах, находившихся в этом же районе: Микояновка, Болдыревка, Варваровка.

4 августа 12 Ил-2 673-го шап 266-й шад атаковали аэродром Микояновка, на котором, по докладам пилотов, удалось сжечь 15 самолетов противника. Из этой группы оказался подбит истребителями лишь штурмовик младшего лейтенанта Елисеева, который, перетянув на свою территорию, сумел совершить вынужденную посадку, уже на следующий день прибыв в полк. Согласно немецким данным, два FW 190 из II/SchG1 были повреждены. Кроме того, два Hs 129, принадлежавшие отряду 4(Pz)./SchG2, были уничтожены на аэродроме Варваровка немецкими пехотинцами.

День 5 августа стал знаменательным для советской стороны во всех отношениях. Войсками Брянского и Степного фронтов были освобождены два крупных русских города — Орел и Белгород. Для командования же Воронежского фронта этот день был днем перехода в наступление правофланговых 27-й и 40-й армий, а также развитием успеха в районе Томаровки. Остановимся на этих событиях по порядку.

Как уже отмечалось, наступлению войск 27-й и 40-й армий и в Ставке, и в штабе Воронежского фронта прида-

валось очень большое значение. Задачей армий генералов С.Г. Трофименко и К.С. Москаленко было расширение прорыва, разворачивание фронта наступления на запад и обеспечение тем самым защиты танковой армии М.Е. Катукова от контрудара по ее правому флангу. Для содействия наступлению авиационным командованием был создан мощный авиационный «кулак». В его состав вошли 202-я бад и 1-й бак, который, как мы уже знаем, был на время «позаимствован» у 5-й воздушной армии, а также 291-я шад и 5-й иак.

Авиационная подготовка началась в ночь на 5 августа с налетов ночных легкомоторных У-2 208-й нбад, которые бомбили часть дороги между Борисовкой и Грайвороном. С утра, после артиллерийской подготовки, части 27-й и 40-й армий перешли в наступление и, преодолевая сопротивление пехотных частей противника, усиленных 11-й танковой дивизией, продвинулись к исходу дня на расстояние от 6 до 18 километров при непосредственной поддержке авиации, которая сыграла в этом успехе весьма значительную роль.

При проведении артиллерийской подготовки бомбардировщики 1-го бак и 202-й бад подвергли ожесточенной бомбежке район Большая Писаревка, Грайворон, Замостье, совершив к исходу дня соответственно 96 и 116 самолето-вылетов. При этом их потери составили 8 Пе-2. Кроме того, еще один самолет был подбит, а два разбиты в авариях и катастрофах. Отметим, что в прицелы штурманов Пе-2 1-го бак попали 5 августа не только скопления немецких войск и техники, а также взлетные полосы аэродромов Толоконное, Микояновка, находящиеся юго-западнее Белгорода. По докладам экипажей, было уничтожено и повреждено 10 самолетов противника. Налеты по аэродромам 5 августа были куда более эффективны, чем накануне. Они во многом заставили немецкую авиацию вскоре перебазироваться на аэродромы харьковского аэроузла. Среди немецких частей и подразделений особенно пострадал отряд 6./SchG1. Из его состава один «фокке-вульф» был уничтожен, а еще два повреждены. Кроме того, сильно пострадали I и II/StG77 на аэродроме Толоконное — пять Ju 87D получили повреждения, один был разбит при посадке, а еще четыре «восемьдесят седьмых» потеряны в боях.

Отметим, что удары по аэродромам харьковского аэроузла продолжали наносить и авиаторы 17-й воздушной армии. 5 августа 8 Ла-5 11-й гв. иад вышли к аэродрому Чугуев, но, не обнаружив там самолетов противника, проштурмовали аэродром Рогань, где удалось, по докладам экипажей, сжечь два самолета. Получив данные об этой атаке, командир 1-го гв. сак генерал-майор В.И. Аладинский поднял в воздух 20 Ла-5 под командованием майора Н.Е. Романова. Группа «лавочкиных» зашла на аэродром со стороны солнца, после чего истребители, с подвешенными под крыльями бомбами, стали пикировать на самолетные стоянки, производя бомбометание с высоты 3000—800 метров. По докладам пилотов, им удалось уничтожить еще не менее 5 вражеских машин, среди которых был отмечен четырехмоторный FW 200. Кроме того, в воздушном бою летчики записали на свой счет 1 Bf 109 и 2 Ju 52.

Возвращаясь к наступлению 27-й и 40-й армий, отметим, что особых похвал удостоились экипажи 291-й шад, которые, действуя перед фронтом 27-й армии, подавили до 13 артиллерийских батарей, уничтожили 15 танков и 104 автомобиля. Кроме того, штурмовики подвергли ударам также железнодорожные станции Боромля и Тростянец. В частности, на станции Тростянец летчиками-штурмовиками был подожжен железнодорожный состав, состоящий из 40 вагонов.

Восточнее места наступления 27-й и 40-й армий войска 6-й гвардейской армии завязали бои непосредственно в Томаровке. Штаб объединения отмечал, что немецкая авиация начиная с 5:30 утра, группами от 6 до 15 He 111 непрерывно бомбардировала боевые порядки и районы Ямное, Высокое, Казацкое и Красный Острожек [23]. Несмотря на противодействие противника, продвижению армии генерала И.М. Чистякова во многом способствовал успех стремительно наступавшей 1-й танковой армии с приданным ей 5-м гвардейским танковым корпусом, которые продвинулись за день до 30 километров, выйдя глубоко в тыл томаровской группировке противника. В результате успешных действий армии М.Е. Катукова три пехотные и одна танковая немецкие дивизии оказались в полуокружении. Стараясь избежать катастрофы, командование 4-й танковой армии начало от-

вод своих войск по единственной остававшейся в его распоряжении дороге на Борисовку.

Успехи 1-й танковой армии резко контрастировали с трудным продвижением вперед 5-й гвардейской танковой армии, которая никак не могла выйти на рубеж Уды-Золочев, указанный ей в приказе еще 4 августа. Действия П.А. Ротмистрова в который раз вызвали острое неудовольствие генерала Н.Ф. Ватутина. Комфронта в своем приказе 5 августа назвал действия командарма 5-й танковой армии граничащими с преступлением. Грозя снять П.А. Ротмистрова с должности и даже отдать под суд, Н. Ф. Ватутин приказывал под личную ответственность стремительно развивать успех [24].

Центральным событием 5 августа на Степном фронте стало освобождение Белгорода. Оборона, возведенная противником севернее города, представляла собой серьезное препятствие для наступающих частей 53-й и 69-й армий. Задача, стоящая перед 69-й армией, заключалась в овладении Белгородом до конца 5 августа, тогда как 53-я армия во взаимодействии с 1-м механизированным корпусом должна была уничтожить противостоящую ей 6-ю танковую дивизию противника, выйдя к исходу дня в район Микояновка, Болдыревка, Варваровка. Таким образом, направлением действий 1-го механизированного корпуса становились аэродромы базирования немецких истребителей, штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков, расположенные юго-западнее Белгорода.

Весь день части 53-й армии вели ожесточенные бои в районе Стрелецкое западнее Белгорода. Уже во второй половине дня оборона противника была прорвана, и передовые бригады 1-го механизированного корпуса вышли к дороге Белгород—Харьков. Однако выполнить задачу дня по выходу к Микояновке частям генерала И.М. Манагарова не удалось. Используя успех 53-й армии, обошедшей Белгород с запада, две стрелковые дивизии 69-й армии подошли к северным окраинам города, где встретили упорное сопротивление противника. Генерал И.С. Конев без промедления отдал приказ командующему 5-й воздушной армией о нанесении бомбштурмовых ударов в этом районе.

Для подавления противника были задействованы группы 1-го бак и 1-го шак. *«Задача заключалась в том, чтобы бомбардировщики и штурмовики непрерывно висели над позициями противника, засыпая их бомбами, расстреливали из пушек и пулеметов, словом, смешали с землей большую часть долговременных укреплений врага и тем самым расчистили путь для продвижения вперед стрелковым войскам, артиллерии, танкам»,* — пишет в своих мемуарах начальник оперативного отдела 5-й воздушной армии С.Н. Гречко [25]. В итоге массированных налетов штурмовиков, действовавших группами по 12 самолетов, был подавлен огонь 5 батарей полевой артиллерии, а также уничтожено 6 складов боеприпасов и ГСМ. Последовательными ударами эшелонированных групп Пе-2 и Ил-2 огневая система обороны города оказалась подавлена.

Помощь авиаторов позволила 89-й и 305-й стрелковым дивизиям ворваться в город, очистив его от противника уже к утру 6 августа. При этом 1-й шак продолжал оказывать содействие наземным войскам в ходе боев в самом городе. Отдавая должное возросшему уровню взаимодействия наземных войск и авиации, штаб 5-й воздушной армии с удовлетворением отмечал, что *«результат атак авиации тут же востребовался пехотой, которая проводила атаку в обработанном районе. Таким образом, в первый день была прорвана оборонительная полоса, строившаяся год, а 5.8 взят Белгород»* [26]. Отметим, что за первые четыре дня операции 5-я воздушная армия совершила 4924 самолето-вылета, или около 33,6% от общего количества вылетов за всю операцию.

В дальнейшем путь войск Степного фронта, а значит, и авиаторов 5-й воздушной армии лежал на юг, к Харькову. Эта операция, вначале мыслившаяся Ставкой как совместные скоординированные действия двух фронтов, после 8 августа была полностью «отдана на откуп» командованию Степного фронта. По этой причине мы рассмотрим ход событий за период с 6 по 23 августа в районе Харькова в отдельной, посвященной ей главе. А пока сосредоточимся на рассмотрении боевых действий 2-й воздушной армии.

Несмотря на успешное развитие наступления, командующий 2-й воздушной армией генерал С.А. Красовский по итогам первых трех дней наступления оказался крайне не-

доволен действиями истребителей своей армии. Особенно много претензий накопилось у него к экипажам 10-го иак. В соединении полковника М.М. Головня нередко были случаи нарушения района прикрытия, когда группы истребителей смещались на север, тем самым патрулируя не над линией фронта, а в ближнем тылу своих войск. Все это усугублялось нечетким выполнением команд ведущими групп и отдельными пилотами. Часто у истребителей «хромало» и сопровождение штурмовиков, из-за чего последние несли неоправданные потери.

Негативная оценка командованием действий истребителей во многом базировалась на наблюдениях офицеров из наземных групп наведения истребителей и штурмовиков. Так, например, заместитель командира 5-го шак по воздушно-стрелковой службе майор Лебедев, находящийся в ходе операции при штабах танковых и стрелковых корпусов, отмечал, что одной из основных отрицательных сторон действий истребителей являлось *«невыдерживание района патрулирования, по существу, дезертирство части истребителей с поля боя. Во время патрулирования некоторые истребители не заходят за линию фронта, становятся в круг, вытянутый к своему аэродрому, и через 20 минут уходят, хотя они должны встречать бомбардировщиков противника за линией фронта и не допускать к объектам бомбежки»* [27].

Но даже выдерживание района патрулирования не исключало неудач. Тот же майор Лебедев в своем докладе генералу Н.П. Каманину отмечал, что группы 10-го иак вели патрулирование преимущественно на высотах 3000—4000 метров, тогда как рабочими высотами немецких бомбардировщиков в этот период были высоты 800—1500 метров, что позволяло последним беспрепятственно бомбить боевые порядки нашей пехоты. Все это усугублялось тем, что действия некоторых групп были нерешительны. Отмечались случаи, когда группы истребителей просто не вступали в бой с противником. *«Большие группы бомбардировщиков противника бомбили боевые порядки нашей пехоты, когда здесь же барражировали наши истребители, [которые] если и вступали в бой, то обстреливали с больших дистанций, неприцельно, неэффективно»*, — сообщают строки доклада группы наведения 5-го шак [28].

В то же время действия небольших групп истребителей противника, по наблюдениям наших офицеров, приносили противнику частый успех. Для примера приведем строки документа штаба 2-й воздушной армии, весьма красноречиво обрисовывающие тактику, которой пользовались немецкие пилоты: *«В период массированного применения наших ВВС на участке прорыва противник в этот район выпускал 2—4 истребителя ФВ-190, по-видимому, наиболее подготовленные «АССЫ», которые, не обращая внимания на большие массы наших самолетов, патрулировали на низких высотах и стремительными атаками сбивали наших штурмовиков и истребителей, так 4.8.43 только четверкой было сбито 7 наших самолетов (4 Ил-2 и 3 истребителя)»* [29].

Во многом складывалась парадоксальная ситуация, когда, имея численное превосходство и не отмечая особой активности немецких истребителей, наши части тем не менее несли от единичных «укусов» немецких асов большие потери. Например, штаб 8-й гв. иад отмечал, что боевая работа дивизии в первые дни наступления не была напряженной из-за пониженной активности авиации противника. Вместе с тем полки дивизии *«понесли значительные потери от «асов» противника в основном за счет молодого летного состава»* [30].

Стараясь повысить эффективность действий 10-го иак, командование 2-й воздушной армии на 5 августа приказало командованию корпуса увеличить группы самолетов, высылаемых в район истребления, а также обратить особое внимание на построение групп, которые обязательно должны были быть эшелонированы по высотам. Особо командующий армии напоминал личному составу корпуса о недопустимости какого-либо уклонения от воздушного боя.

Впрочем, никакой приказ не мог, как по мановению волшебной палочки, в одночасье улучшить ситуацию. Несмотря на грозные предупреждения командарма, 5 августа было снова отмечено несколько неудачных схваток. Практика показала, что использование для патрулирования крупных групп истребителей по 16—18 машин себя не оправдывает. При неважной слетанности пар и звеньев большие группы часто сбивались в «кучу», становились малоповоротливыми и плохоуправляемыми. В результате, как гласят документы

2-й воздушной армии: *«Имело место на глазах у наземных командиров, когда большие группы наших истребителей, связанные боем пары или двумя парами истребителей противника, давали возможность безнаказанно отбомбиться бомбардировщикам противника»* [31]. Особенно досадным было нападение четверки немецких истребителей, идентифицированных как FW 190 на 10 Ла-5 181-го иап, ведомых лейтенантом Н. Ф. Кирилловым. В результате внезапной атаки один «лавочкин» был сбит, а остальные оттеснены из зоны патрулирования, после чего там беспрепятственно отбомбилось до 30 Ju 87. Приказ о действиях большими группами после неудач 5 августа оказался забыт. В воздух снова начали высылаться небольшие группы по 4—6 машин.

Первые дни августовского наступления показали, что недостатки, на которые указывал маршал А.А. Новиков в своей директиве еще от 7 июля по итогам первых дней Курской битвы, во многом остались не изжиты до конца. В недавно же созданных частях эти недостатки высветились с новой силой. Как следствие неважной подготовки летного состава и устаревшей тактики, кривая потерь некоторых истребительных дивизий быстро поползла вверх. Особенно много самолетов вышло из строя в 235-й иад. Так, если за первый день боев оперсводки дивизии отметили потерю всего двух истребителей, то уже на следующий день на свой аэродром не вернулось 17 самолетов и 15 летчиков! Отметим сразу, что эти цифры были зафиксированы, что называется, по горячим следам и учитывали также самолеты, совершившие вынужденные посадки вне аэродромов. Реальные потери 235-й иад составили всего 6 машин. Тем не менее из имевшихся к вечеру 3 августа 61 исправного самолета в строю через сутки имелось всего 36 исправных Ла-5, а 23 самолета числились неисправными.

Несмотря на недостатки в боевой деятельности истребителей, некоторые наземные командиры прикрываемой пилотами 10-го иак 5-й гвардейской танковой армии в первые дни операции высказывали в целом положительную оценку их боевой работы. Наиболее оригинально свое расположение авиаторам высказал командующий 5-м гвардейским механизированным корпусом генерал-майор Б.М. Скворцов, который, кроме объявления благодарности, подарил за хорошее

прикрытие частей своего корпуса... трофейный танк. Наземный генерал был уверен, что танк вполне может пригодиться летчикам корпуса при обороне своего аэродрома [32].

Нельзя не отметить, что действия немецких истребителей из состава JG52, хотя и отличались высокой эффективностью, тем не менее оказать существенного влияния на развитие наземной ситуации не могли. 5 августа в районе Белгорода одержали очередные победы столь примечательные личности, как Эрих Хартманн (5 побед), Гюнтер Ралль и Герхард Бархгорн (Barkhorn Gerhard) (по 3 победы). При этом части JG52 вроде бы не понесли серьезных потерь — среди потерянных самолетов отмечается лишь один Bf 109G-4 из 8./JG52, будущего аса Карла Шумахера (Schumacher Karl), а также поврежденный «мессершмитт» из I/JG52. Однако и сорвать сколько-нибудь важный налет на позиции своих войск искушенным асам также не удалось. Подтверждением служит тот факт, что из 28 одержанных 5 августа побед всего 6 приходились на ударные советские машины Ил-2 и Пе-2.

Заканчивая свой рассказ о событиях 5 августа, отметим, что 2-я и 5-я воздушные армии совершили в этот день свыше 1557 самолето-вылетов. При этом потери 2-й воздушной армии продолжали оставаться весьма высокими: было потеряно 28 самолетов. Потери 5-й воздушной армии составили 12 самолетов, и еще 5 самолетов находились на местах вынужденных посадок.

5.4. БОРЬБА НА КОММУНИКАЦИЯХ

(операция по срыву железнодорожных перевозок в полосе 17-й воздушной армии. 4—10 августа)

От борьбы за господство в воздухе перейдем теперь к борьбе на коммуникациях, которая развернулась в полосе действия 17-й воздушной армии в первой половине августа. Говоря о подготовке к операции «Полководец Румянцев», мы уже упоминали, что ее план во многом охватывал лишь события ближайшей перспективы. Предполагалось, что войска Воронежского и Степного фронтов осуществят взлом обороны противника и рассеяние его группировки, а уже по мере развития ситуации штабы обоих фронтов представят в Ставку свои уточненные планы дальнейших действий. Штаб

Воронежского фронта представил свои соображения уже 4 августа. Аналогичный документ Степного фронта, который еще найдет освещение на страницах этой книги, увидел свет на следующий день, 5 августа.

Согласно плану, представленному командующим Воронежским фронтом, 1-я и 5-я гвардейская танковые армии, стремительно наступая в южном и юго-восточном направлениях, должны были к 7 августа выйти в районы соответственно Новой Водолаги и Ольшан. Выход армии генерала М.Е. Катукова к Новой Водолаге, расположенной приблизительно в 35 километрах юго-западнее Харькова, означал перехват дороги Харьков—Красноград и делал невозможным отход группы «Кемпф» в южном направлении. В то же время, выходя к Ольшанам, 5-я гвардейская танковая армия и взаимодействующая с ней 5-я гвардейская армия перехватывали дороги, идущие из Харькова на запад. Правый фланг обеих танковых армий должны были обеспечивать 27-я, 40-я армии. Находящиеся в их составе три танковых корпуса, по мнению Н. Ф. Ватутина, также должны были быть нацелены в район Богодухов, Валки, Ольшаны. Это позволило бы создать *«компактный танковый кулак, которым из указанного района можно действовать в любом направлении и который отрезет все пути к Харькову с запада»* [33].

Как видно, для окончательной ликвидации харьковской группировки командующий Воронежским фронтом предлагал в первую очередь создание мощной ударной группировки западнее Харькова. Ее наличие позволило бы не только обеспечить плотный фронт окружения, но и гарантировало отражение деблокирующих ударов со стороны спешно перебрасываемых противником из Донбасса и района Миуса танковых дивизий. В том, что такая переброска всего лишь вопрос времени, в штабе Воронежского фронта мало кто сомневался.

Как мы помним, еще 2 августа, в преддверии советского наступления, командование группы армий «Юг» отдало приказ о начале переброски из 6-й в 4-ю танковую армию частей 3-й танковой дивизии. После того как частичное крушение 3 августа фронта армии Гота и группы Кемпфа стало реальностью, переброска резервов из состава 1-й танковой и 6-й армий, а также из группы армий «Центр» приняла широ-

комасштабный характер. Так, из 2-й танковой армии были переданы две моторизованные дивизии — 10-я и «Великая Германия». Одновременно из полосы 1-й танковой и 6-й армий на север двигались части дивизий СС «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг», а также 3-я танковая дивизия. В состав 4-й танковой армии из резерва группы армий «Юг» поступила 7-я танковая дивизия. В спешном порядке шла переброска в район Харькова также пехотных частей и маршевого пополнения.

Советской авиационной разведкой переброска на север танковых и моторизованных колонн по маршруту Александровское—Новая Водолага была отмечена уже в первый день проведения операции «Полководец Румянецв». Силы противника, находящиеся в движении, были оценены в одну танковую дивизию. Кроме того, по данным авиаторов 2-й воздушной армии, около 150 танков двигалось со станции Ахтырка в район Большой Писаревки, а еще 50 продвигались от Валки в район Белгорода. Фактически сражение в районе Белгорода и Харькова уже с первых его часов стало напоминать шахматную партию, в которой каждый из противников вынужден максимально быстро делать ходы, боясь попадания в цейтнот.

Так как войска Юго-Западного и Южного фронтов были не в состоянии немедленно перейти в наступление, отвлекая на себя часть сил противника, советскому командованию пришлось искать иные средства воздействия на танковые колонны противника,двигающиеся из Донбасса в район Харькова. Неудивительно, что в такой ситуации выбор практически сразу же пал на авиацию. В памяти советского командования еще слишком свежи были события месячной давности, когда в похожей ситуации не удалось предотвратить массовую переброску танковых и моторизованных дивизий на Орловской дуге. В итоге операцию по срыву перевозок решено было начать с 4 августа, о чем заместитель командующего ВВС Красной Армии генерал-полковник Ф.Я. Фалалеев получил личное распоряжение Сталина.

Отметим, что в труде М.Н. Кожевникова «Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» эта операция представляется как ряд последовательных ударов 8-й, 17-й, 5-й и 2-й воздуш-

ных армий подвигающимся на север резервам противника. Автору такой взгляд представляется несколько заорганизованным. Действительно, части 8-й воздушной армии вряд ли могли после тяжелых боев конца июля провести сколько-нибудь широкомасштабную операцию на немецких коммуникациях. Подобная операция стала возможна только в сентябре, при проведении Донбасской операции. Однако ее описание выходит за рамки нашей темы. Кроме того, найти сколько-нибудь убедительных документов о специально спланированной операции 8-й воздушной армии по срыву перевозок в начале августа в архиве не удалось. Действия 2-й и 5-й воздушных армий по железнодорожным станциям и дорогам, хотя и имели место, тем не менее составляли относительно небольшой процент по отношению к вылетам по полю боя, в большинстве случаев увязываясь с текущими операциями наземных войск. В итоге основная тяжесть борьбы на вражеских коммуникациях выпала на долю экипажей 17-й воздушной армии. Содействие им в этом оказывали два корпуса АДД, которые наносили бомбовые удары по железнодорожным узлам Полтава, Люботин, Красноармейское, Красноград, Мерефа [34].

Действия экипажей 17-й воздушной армии начались уже 4 августа, хотя из доклада заместителя командующего ВВС Красной Армии генерал-полковника Ф.Я. Фалалеева Верховному Главнокомандующему следует, что приказ на нарушение автомобильных и железнодорожных перевозок был отдан им 5 августа. Как бы то ни было, но задача, поставленная перед командующим 17-й воздушной армии генерал-лейтенантом В.А. Судцом, включала в себя срыв автомобильных и железнодорожных перевозок на участке Краматорская, Лозовая, Харьков и Белгород.

Имея в подчинении 244-ю бад, укомплектованную американскими бомбардировщиками А-20, экипажи которых имели большой опыт ночных полетов, генерал В.А. Судец решил начать воздействие на коммуникации противника с ночных ударов по крупному железнодорожному узлу Славянск. В результате налетов 66 «Бостонов», совершивших в ночь на 4 августа 169 самолето-вылетов, удалось уничтожить один эшелон, а также разгромить колонну, следовавшую по дороге Славянск—Хрестище. В самом Славянске было

зафиксировано 43 очага пожара, 4 взрыва большой силы, разрушено 16 зданий, а также взорван склад боеприпасов и 2 склада ГСМ.

Рассматривая действия штурмовиков в первый день проведения операции, создается ощущение того, что приказ Ставки застал как командование армии, так и командиров корпусов врасплох. Действительно, первые три дня задачу по борьбе на вражеских коммуникациях выполняли лишь экипажи 3-го сак.

Высылаемые командованием корпуса штурмовики в основном действовали в составе четверок и шестерок, что было явно недостаточно для блокирования движения в прифронтовой зоне. Неадекватной оказывалась подчас и бомбовая загрузка штурмовиков, ассортимент бомб не всегда соответствовал характеру предполагаемой цели. Еще одним крупным недостатком, впрочем, хорошо известным как командованию, так и летному составу, являлся малый радиус действия радиостанции РСИ-4. Это существенно снижало оперативность передачи разведанных на аэродромы, задерживая боевой вылет на час и даже больше. В результате всех этих недостатков число самолето-вылетов штурмовой авиации составило за 4 августа всего 12 из 92 самолето-вылетов, выполненных экипажами 3-го сак. Однако действуя даже столь небольшими силами, к исходу дня удалось уничтожить 2 паровоза, 30 вагонов, 15 автомобилей.

Не вызывает сомнений, если бы подготовке налетов было предварительно уделено большее внимание, можно было добиться намного больших результатов уже в первый же день проведения операции. Данные истребителей-разведчиков из состава 207-й иад, вылетевших ранним утром на разведку, свидетельствовали — недостатка в целях в полосе действия корпуса не было. Например, в районе юго-западнее Харькова была обнаружена колонна противника численностью до 3000 единиц различной техники. При подходе к Харькову эта колонна распалась, одной частью входя в город, а еще двумя огибая его и двигаясь на север.

5 августа действия 3-го сак были более целеустремленными, чем накануне. Из 150 самолето-вылетов уже 40 приходилось на штурмовики, которые уничтожили за день 2 паровоза и 35 вагонов. Кроме того, 5 эшелонов (по 30—40 ваго-

нов каждый) было поражено на станциях Краснопавловка, Лихачево, Тройчатый. Особый успех выпал на долю двух шестерок штурмовиков, которые уничтожили два эшелона между Мерефой и разъездом Тройчатый южнее Харькова. При этом собственные потери были относительно невелики, составив 3 Ил-2 и 1 Ла-5.

Ситуация с борьбой на вражеских коммуникациях существенным образом изменилась 7 августа, когда к участию в операции был привлечен 9-й сак, имевший, как мы помним, в своем составе три дивизии — 305-ю и 306-ю шад, а также 295-ю иад. Действия корпуса были хорошо спланированы, штурмовики действовали только в составе групп по 12—16 машин.

Насколько плотно блокировалось передвижение в тылах противника, можно судить по времени атак групп 305-й шад на автоколонны и железнодорожные составы. Эти нападения осуществлялись в следующие промежутки времени: 11:49, 14:07—14:20, 15:25—15:30, 16:25—16:40, 18:20—18:30. В итоге действий дивизии в районах Ново-Дмитриевка, Барвенково, Ново-Павловка было сожжено 4 эшелона, 14 железнодорожных цистерн, 2 паровоза, 1 склад боеприпасов, а также уничтожено и повреждено до 200 автомобилей, 42 автоцистерны, 9 танков. Кроме того, был подавлен огонь двух батарей ЗА, а также зафиксировано 4 взрыва большой силы.

Аналогичные действия были предприняты и экипажами соседней 306-й шад. В первом же вылете около 12:10 12 Ил-2, ведомые старшим лейтенантом В.М. Михайловым (Герой Советского Союза с 4.2.44), обнаружили на дороге Барвенково—Мечебиловка большую колонну, состоящую из 300 единиц техники. Штурмовики нанесли по ней удар на снижении с высоты 400 метров, в результате которого удалось уничтожить около 40 автомобилей. В течение последующих часов эта колонна еще четырежды подвергалась атакам самолетов 306-й шад. В итоге к концу дня штаб 306-й шад донес об уничтожении до 150 автомашин, 13 автоцистерн, 7 танков и 1 САУ. Отметим, что столь значительные успехи были достигнуты ценой потери двух самолетов, один из которых был сбит немецкими истребителями, а второй стал жертвой зенитной артиллерии. Интересно отметить, что, по результатам боевой работы за месяц, нагрузка, выпавшая на

долю экипажей 9-го сак, была больше, чем в любой другой операции в течение августа месяца. Только за два дня, с 7 по 8 августа, на один штурмовик пришлось 0,9, а на истребитель 4,5 самолето-вылета в сутки [35].

Высокую активность продемонстрировали 7 августа и экипажи 3-го сак, вылетавшие в район железнодорожных станций Мерефа, Краснопавловка, а также действовавшие по дорогам в районе Барвенково. Из 241 самолето-вылета корпуса на штурмовики пришлось 88. Действиями Ил-2 было уничтожено 3 эшелона, 5 железнодорожных цистерн, 125 автомобилей, 1 паровоз и 12 вагонов. Всего же во время проведения операции из состава 3-го сак действовала 51 группа Ил-2 и 104 группы истребителей, которые, совершив 966 самолето-вылетов, уничтожили 10 паровозов, 170 вагонов, 526 автомобилей, 6 складов [36].

Колонны противника достаточно плотно прикрывались зенитной артиллерией, что требовало от штурмовиков немалого мужества. Так, в ходе налетов на колонны врага 7 августа в 775-м шап имел место случай, когда экипаж сбитого штурмовика был вывезен с территории врага товарищами по группе. Четверка «илов» под командованием майора Столярова атаковала на дороге Мечебиловка—Гороховка колонну танков и автомобилей противника. Так как истребителей противника в воздухе не оказалось, экипажи штурмовиков сделали по цели несколько заходов, однако во время последней атаки самолет ведущего был подбит попаданием в двигатель. Майор Столяров передал по радио: «Я сбит, иду на вынужденную, заберите меня», посадив поврежденный штурмовик в 2 километрах от дороги, где происходила атака. Буквально следом за подбитой командирской машиной совершил посадку младший лейтенант Масленников. Дело осложнялось тем, что самолет Масленникова был одноместный, однако времени на размышления у пилотов не было. Масленников уступил свое место командиру, а сам с воздушным стрелком Столярова забрался в фюзеляж штурмовика. Взлет с сильно заросшей травой площадки был произведен с большим трудом. Уже находясь в воздухе, двигатель самолета сильно перегрелся, поэтому, как только удалось пересечь Северский Донец, разделявший советские и немецкие войска, майор Столяров посадил машину на ближайшем

аэродроме Левковка. В свою часть все три авиатора прибыли на следующий день. За этот подвиг младший лейтенант Масленников был награжден орденом Красного Знамени и повышен в звании до старшего лейтенанта [37].

7 августа стало пиком действий штурмовиков и истребителей на коммуникациях противника. К сожалению, приходится констатировать, что удары с воздуха стали наиболее мощными и организованными в тот момент, когда большинство танковых дивизий группы армий «Юг» уже достигли Харькова и даже начали выдвижение навстречу танковым клиньям Воронежского фронта.

Если штурмовики действовали в основном по автомобильным колоннам и железнодорожным составам противника, то задача бомбардировки крупных железнодорожных узлов легла на плечи экипажей 244-й бад. Мы уже видели, как с бомбежки Славянска самолетами этой дивизии началась вся операция 17-й воздушной армии. На следующую ночь «Бостоны» дивизии нанесли повторный удар по Славянску. В дальнейшем нагрузка на авиаторов 244-й бад не уменьшалась. С 7 по 9 августа они наносили удары по Краснограду (уничтожено 3 железнодорожных состава, 85 вагонов, 2 склада) и по Барвенково (уничтожено 50 вагонов, 2 склада).

Дневные вылеты командование дивизии старалось приурочивать к сумеркам, когда противодействие вражеской ПВО должно было быть не столь сильным. Однако избегать встреч с немецкими истребителями удавалось далеко не всегда. Например, 8 августа, около 19:22, следуя на высоте 4500 метров, группа из 13 «Бостонов» была атакована большой группой из 16 Bf 109. Сопровождавшие «Бостоны» истребители смогли связать боем лишь часть нападавших «мессершмиттов». В результате некоторые «сто девятые» из 5. и 6./JG52 все-таки прорвались к бомбардировщикам, сбив при этом 4 «Бостона».

Опасным противником на протяжении всего месяца оставалась и зенитная артиллерия. По мнению экипажей 244-й бад, она работала очень эффективно. Так, за август месяц 6 самолетов были поражены прямыми попаданиями зениток, причем два из них погибли. Еще 16 самолетов имели осколочные пробоины от близких разрывов зенитных снарядов.

Несмотря на все сложности, действия 244-й бад были весьма успешны. Это «признавал» и противник, несколько раз проводивший блокировку аэродромов дивизии. Так, например, аэродром Можняковка, на котором базировался 449-й бап, блокировался немецкими двухмоторными самолетами три ночи подряд с 1 по 3 августа. При этом периодически над аэродромом сбрасывались САБы и мины «лягушки». 3 августа полк перелетел на новый аэродром Викторополь. Однако и здесь противник не оставил экипажи 449-го бап в покое. Аэродром снова подвергся блокировке в течение четырех ночей. 4 августа атакой немецких ночных истребителей один «Бостон» был поврежден и легко ранен один из пилотов. В ночь на 6 августа атакам Bf 110 из состава IV/NJG5 подверглись самолетные стоянки и ночной старт. Заходивший на посадку «Бостон» был сбит атакой одного из двухмоторных «мессершмиттов». При этом летчик и штурман получили тяжелые ранения. В итоге такого воздействия 449-й бап 8 августа снова перебазировался на аэродром Можняковка. Подводя итоги боевой работы, отметим, что 244-я бад за 6 летних дней и 8 ночей уничтожила 8 железнодорожных составов, 25 автомобилей, 300 вагонов, 80 железнодорожных цистерн с горючим, около 10 складов боеприпасов и ГСМ.

Каковы же были итоги операции 17-й воздушной армии по срыву автомобильных и железнодорожных перевозок противника? Несмотря на то что в первые дни ее проведения не было достигнуто необходимой концентрации ударных групп, к 7 августа этот недостаток был устранен. Советские авиационные командиры получили богатый опыт организации непрерывного воздействия авиации на вражеские коммуникации, что уже в полной мере сказалось во время сентябрьского наступления в Донбассе. Несомненно, удары по железнодорожным станциям доставили немало хлопот противнику срывом графика перевозок.

В то же время нельзя не отметить, что на боевой состав танковых дивизий, перебрасываемых в состав объединений Гота и Кемпфа, действия 17-й воздушной армии оказали небольшое влияние. Как мы уже отмечали, 7 августа мотомеханизированные и танковые колонны противника, оцениваемые силой не менее чем в две дивизии, подошли не-

посредственно к окраинам Харькова. В этот день действия штурмовиков только приобрели наиболее массивный характер. Однако время, к сожалению, было уже упущено. Нельзя не отметить, что развертывание действий нашей авиации на коммуникациях совпало с началом широкомаштабной эвакуации противником материальных ценностей из района Харькова, которое впервые было отмечено нашей разведкой 8 августа. В этот день около 4500 автомашин проследовали из Харькова на Полтаву.

Заканчивая рассказ об операции на немецких коммуникациях, укажем, что, даже по официальным советским данным, приводимым в работе М.Н. Кожевникова, совершив 7100 боевых самолето-вылетов, советским авиаторам удалось уничтожить всего лишь 20 танков и 30 автомобилей [38]. Возможно, что в источнике, на который ссылается автор, вкралась ошибка, так как отчеты о действиях 17-й воздушной армии содержат совершенно иные цифры. Согласно им, авиаторам армии генерала В.А. Судца удалось уничтожить 93 танка, 1846 автомашин и 17 железнодорожных эшелонов [39]. Как бы то ни было, но на разгоревшееся вскоре сражение в районе Богодухова действия авиаторов 17-й воздушной армии оказали лишь косвенное воздействие.

5.5. ПОСЛЕДНИЙ РЫВОК

(Воронежский фронт. 6—11 августа)

События, происходившие в полосе Воронежского фронта с 6 по 11 августа, можно смело назвать крушением надежд советского командования. Начавшийся с несомненных успехов, связанных с поражением, нанесенным борисовской группировке противника, а также освобождением многих населенных пунктов, этот период боевых действий заканчивался, казалось, также на высокой ноте. К 11 августа частям 1-й танковой армии удалось перерезать железнодорожную ветку Харьков—Полтава, а 4-й гвардейский танковый корпус 27-й армии генерал-лейтенанта С.Г. Трофименко ворвался в Ахтырку. Тем не менее последовавшие вскоре события продемонстрировали, что немецкому командованию в целом удалось преодолеть кризис начала месяца.

Уже с 8 августа в связи с появлением перед фронтом армии М.Е. Катукова эсэсовских дивизий «Мертвая голова»

и «Рейх» темпы продвижения 1-й танковой армии, а вместе с ней и других объединений фронта резко упали. С 8 по 11 августа в полосе армии М.Е. Катукова шли тяжелые наступательные бои. Каждый успех давался большим напряжением сил под непрекращающимися контратаками противника. С выходом к 11 августа на рубеж Ахтырка—Боромля забуксовало и более динамично развивавшееся наступление 27-й и 40-й армий. Добиться такого же уровня взаимодействия пехоты, артиллерии и танков, как при освобождении Грайворона, на этом этапе боев не удалось. План проведения операции по освобождению Ахтырки командующим 27-й армией утвержден не был и 4-й гвардейский танковый корпус, действовавший самостоятельно от стрелковых дивизий армии, вынужден был вести напряженные бои на улицах этого населенного пункта [40]. Попробуем рассмотреть произошедшие события последовательно, оценив ту роль, которую сыграла в них авиация.

После перехода в наступление на правом крыле Воронежского фронта 27-й и 40-й армий, немецкая группировка, отступающая из района Томаровки на Борисовку, попала в сложную ситуацию. Фактически немецкие войска, насчитывающие около трех пехотных и одной танковой дивизии, оказались зажаты между наступающими 27-й, 6-й и 5-й гвардейскими армиями. При этом путь отхода на юг и юго-восток также находился под угрозой прорвавшихся в глубокий немецкий тыл танков армии М.Е. Катукова.

По дорогам в юго-западном направлении растянулись длинные колонны отходящих на Дорогощ, Грайворон и Большую Писаревку немецких войск. 6 августа они подвергались неоднократным бомбо-штурмовым ударам штурмовиков 2-й воздушной армии. Так, только 291-я шад, совершив за день 144 самолето-вылета силами самолетов Ил-2, уничтожила 235 автомобилей и до 14 единиц бронетехники.

Количество воздушных боев 6 августа было относительно невелико, всего 13. При этом истребителями 2-й воздушной армии было заявлено о 17 победах (8 Ju 87, 3 Ju 88, 6 Bf 109), которые в части сбитых пикирующих бомбардировщиков были очень близки к реальным цифрам немецких потерь. 6 августа эскадра StG77 безвозвратно лишилась в ходе боевых действий 8 машин. При этом 7 из них могут быть с большой долей вероятности отнесены к полосе действия

2-й воздушной армии. По немецким данным, три бомбардировщика были сбиты зенитной артиллерией, три уничтожены пехотинцами и еще два сбиты в воздушных боях. К сожалению, неизвестны обстоятельства уничтожения трех Ju 87 из III/StG77 в одном и том же квадрате своими наземными войсками. Возможно, это были севшие на вынужденную посадку бомбардировщики, которые при отступлении были уничтожены отходящей пехотой.

С советской стороны отличились пилоты 41-го гв. иап, а также летчики 13-го и 236-го иап 201-й иад. Около 11:00 группа Ла-5, возглавляемая старшим лейтенантом А.С. Куманичкиным, в воздушном бою в районе Уды с 18 Ju 87, прикрытыми шестеркой «мессершмиттов», сбила два бомбардировщика. Победы одержал ведущий группы и младший лейтенант Н.А. Корниенко.

В воздушном бою, произошедшем ранним утром, 8 Як-1 236-го иап в районе Уды атаковали большую группу самолетов Ju 87, насчитывавших около 5 групп по 20 машин в каждой. В результате боя на счет лейтенантов А.И. Юмкина и В.А. Рогожина (Герой Советского Союза с 24.8.43), а также сержанта И.М. Пискунова было записано 3 сбитых Ju 87. Правда, и наша группа понесла потери — на свой аэродром не вернулись «яки» старшего лейтенанта И.М. Капула и лейтенанта М.В. Удалова. Еще один «восемьдесят седьмой» был сбит после обеда также в районе Уды лейтенантом М.Т. Игнатьевым (Герой Советского Союза с 24.8.43) из 13-го иап.

День 6 августа для советских истребителей сложился совсем не просто. Практически в каждом из боев шестерки и восьмерки наших истребителей вынуждены были противостоять большим группам немецких бомбардировщиков, насчитывавших от 25 до 100 машин. Отметим, что 6 августа в бою с группой Ju 88 был подбит и совершил вынужденную посадку один из лучших летчиков 201-й иад Герой Советского Союза старший лейтенант П.А. Гнидо.

За первые восемь дней советского наступления (с 3 по 9 августа) эскадра StG77 понесла достаточно чувствительные, по немецким меркам, потери. Список потерянных самолетов насчитывает 25 Ju 87 и 1 Fi 156. При этом 17 бомбардировщиков было потеряно безвозвратно, а остальные получили повреждения различной степени тяжести. Наибольший урон понесла 3-я группа эскадры, лишившаяся 8 самолетов

безвозвратно, тогда как 2-я группа эскадры имела 5 поврежденных Ju 87 в ходе налетов на ее аэродромы.

Решающие события в боях за Борисовку произошли на рубеже 6 и 7 августа. К исходу 6 августа части 5-й и 6-й гвардейских армий практически блокировали город. В ночь на 7 августа две стрелковые дивизии 5-й гвардейской армии атаковали Борисовку, выбив оттуда ошеломленного противника. По данным штаба 5-го гвардейского танкового корпуса, в Борисовке враг бросил 10 «тигров» и 30 средних танков, из которых 17 оказались заминированы [41].

Немецкие части начали поспешное отступление на юг, но были окружены и большей частью уничтожены в ходе ожесточенных боев между Борисовкой и Грайвороном. В этих боях погиб командир 19-й танковой дивизии генерал Шмидт. В своих мемуарах М.Е. Катуков, армия которого сыграла одну из решающих ролей в этих боях, отмечает, что немецкий генерал погиб от осколка бомбы, а его штабная машина со всеми документами была доставлена танкистами на командный пункт 1-й танковой армии [42].

Если версия М.Е. Катукова верна, то командир немецкой танковой дивизии, скорее всего, стал жертвой налета штурмовиков 5-го шак, которые оказывали поддержку войскам 5-й гвардейской и 1-й танковой армий. Отметим, что после боев в этом районе части 6-й гвардейской армии, понесшие серьезные потери в наступательных боях второй половины июля, были отведены в тыл на пополнение. Вскоре армии генерала И.М. Чистякова предстояло сыграть заметную роль в сражении под Богодуховом.

7 августа войска генерала Н. Ф. Ватутина вышли к границе Белгородской и Харьковской областей. Это продвижение было отмечено успехами практически на всех участках фронта. Так, части 27-й армии и приданного ей 4-го гвардейского танкового корпуса освободили Грайворон, а 5-я гвардейская танковая армия последовательно овладела Казачьей Лопанью и Золочевом. Но самый большой успех выпал на долю 1-й танковой армии, которая 7 августа своими передовыми отрядами освободила важный узел шоссейных дорог — город Богодухов.

Авиация 2-й воздушной армии в этот период времени оказала заметную, а подчас и решающую помощь своим наземным войскам в овладении сильно укрепленными на-

селенными пунктами. Так, в боях за Казачью Лопань сосредоточенный удар штурмовиков 5-го шак во многом способствовал успеху 29-го танкового и 5-го механизированного корпусов, что было отмечено их командованием. А вот в боях за Грайворон авиаторы 202-й бад сыграли и вовсе решающую роль. Массированный удар пяти групп бомбардировщиков, общим количеством в 39 самолетов, вызвал в рядах противника настоящую панику, в результате чего в опустевшем городе наши войска захватили около 300 автомобилей. Штаб 4-го гвардейского танкового корпуса, характеризуя освобождение Грайворона, отмечал: *«Противник, в полном смысле оглушенный авиационным и артиллерийским наступлением и подвергшийся сейчас же массовой атаке танков, которые сами открыли ураганный артиллерийский огонь, и видя движение с танками больших групп пехоты, — бежал»* [43].

Развернувшееся на следующий день наступление корпуса в юго-западном направлении вскоре наткнулось на организованное сопротивление частей 11-й танковой дивизии и дивизии «Великая Германия». Значительно активизировалась и деятельность немецкой авиации. В своем донесении штаб корпуса особенно подчеркивал: *«Во время марша бригады подвергались непрерывной бомбежке с воздуха, неся при этом значительные потери в материальной части и личном составе. Несмотря на неоднократные запросы по прикрытию района действий корпуса с воздуха, последнее осуществлено не было»* [44].

Наибольшие надежды в Ставке связывали с успешным наступлением 1-й танковой армии, продвинувшейся к тому времени более чем на 100 километров. Освободив лежащий на северном берегу реки Мерла Богодухов, танкисты генерала М.Е. Катукова создали тем самым предпосылки для скорейшего перехвата расположенной в 30 километрах южнее железнодорожной ветки Харьков—Полтава на участке станций Валки, Ковяги, Высокополье. Этому придавалось особое значение, особенно в свете поступавших известий о сосредоточении немецких танковых дивизий в районе южнее Богодухова.

Как уже отмечалось, 8 августа, пытаясь наступать в междуречье Мерла и Мерчик, передовые бригады 1-й танковой армии вынуждены были вести напряженные бои с частями подошедших сюда дивизий СС «Мертвая голова» и «Рейх»,

вошедших в состав 3-го танкового корпуса. Продвижение 5-й гвардейской танковой армии столкнулось с нарастающим сопротивлением 3-й танковой дивизии. На фронте же 27-й и 40-й армий было отмечено появление двух моторизованных дивизий — 10-й и дивизии «Великая Германия», а также 7-й танковой дивизии. Как видно, обрушившийся 3 августа на стыке 4-й танковой армии и группы Кемпфа немецкий фронт уже к 8 августа был в значительной степени укреплен переброшенными из Донбасса и 2-й танковой армии соединениями.

Заметно активизировались и действия немецкой бомбардировочной авиации, по-прежнему концентрировавшей свои усилия против наступающих частей 1-й и 5-й гвардейской танковых армий. Нескольким налетам подвергся Богодухов. В своих воспоминаниях генерал М.Е. Катуков так описывал события тех дней: *«Захватили мы в городе и большие запасы горючего — около 700 тонн. Но, к сожалению, воспользоваться им не удалось. На другой день после взятия Богодухова немцы бросили на город эскадрильи бомбардировщиков, обрушивших бомбы в первую очередь на склады горючего. Бомбили яростно. Землю сотрясали оглушительные взрывы. Маленький зеленый городок окутало пеленой черного дыма. Пришлось бросить часть сил на тушение пожаров»* [45].

Противодействие налетам вражеской авиации в этом районе оказывал 5-й иак. Уже 7 августа его пилотами было проведено 11 воздушных боев, в которых, по докладам пилотов, было сбито 11 самолетов противника (7 Ju 87, 1 Ju 88, 1 FW 189 и 2 Bf 109). Все победы соединения в этот день были одержаны летчиками 8-й гв. иад. Особо отметим успех младшего лейтенанта П.М. Никанорова (Герой Советского Союза с 1.7.44), сбившего Bf 109 и капитана А.Г. Павлова из 41-го гв. Иап, записавшего на свой счет Ju 87. В обоих случаях немецкие экипажи спаслись из пораженных нашими истребителями машин на парашютах. Согласно немецким источникам, один из трех потерянных Ju 87, принадлежащий III/StG77, был захвачен советскими войсками.

7 августа 4 He 111 потеряли группы II и III/KG55. Два бомбардировщика при этом пропали без вести, а еще два смогли совершить посадки со значительными повреждениями на аэродроме Харькова. Один из пропавших «сто одиннадцатых», по всей видимости, из состава 9-го отряда,

стал жертвой тарана старшего сержанта И.М. Пискунова из 236-го иап 10-го иак. Около 7 часов утра 6 Як-1 этого полка, патрулировавшие в районе Бессоновка, Щетиновка, Микояновка, атаковали небольшую группу He 111, подбив один бомбардировщик. «Хейнкели», освободившись от своего груза, поспешили скрыться в облачности. Однако группа наведения оставила «яки» в этом районе. Когда бомбардировщики противника вышли из облаков, «яки» по команде с земли снова устремились в атаку.

В этом бою старший сержант И.М. Пискунов был ведомым у ведущего группы лейтенанта А.И. Юмкина. После нескольких атак оружие на истребителе А.И. Юмкина отказало, и он приказал своему ведомому атаковать. Сблизившись с «хейнкелем», И.М. Пискунов вел огонь до полного расходования боекомплекта. Решив во что бы то ни стало уничтожить врага, молодой пилот перевел свой самолет в кабрирование и плоскостью нанес удар по правому рулю высоты бомбардировщика и правой плоскости, после чего последний перешел в штопор. Як-1 И.М. Пискунова был тяжело поврежден. Командование дважды приказывало по радио покинуть самолет с парашютом, но отважный летчик смог посадить свой «як» на фюзеляж [46].

Возможно, именно этот бой наблюдала с земли группа наведения 5-го шак. Офицеры видели атаку пары наших истребителей в районе Уды одиночного немецкого бомбардировщика, опознанного как Ju 88. В то время как один из наших пилотов демонстративно заходил сверху, второй, подойдя снизу, отрубил винтом хвостовое оперение немца [47]. Отметим, что жизнь старшего сержанта И.М. Пискунова, после совершенного им подвига, оказалась недолгой — 14 августа, уходя от атаки FW 190, его «як» сорвался в штопор с высоты всего 400 метров.

Еще один результативный бой 7 августа был на счету штурмовиков. 17 Ил-2 235-го шап 264-й шад, которые напали на 27 Ju 87 и 5 Bf 109, идущих встречным курсом. Экипажи Ил-2, имевшие превышение, атаковали противника под ракурсами 2/4 и 3/4 с расстояния 150—50 метров. В результате было заявлено об уничтожении 5 Ju 87. Ответным огнем немецких истребителей было сбито 3 Ил-2. Как мы уже отмечали выше, потери Ju 87 за 7 августа составили, по немецким данным, всего три самолета.

В боях южнее Богодухова приняли активное участие также два противотанковых отряда 4.(Pz) и 8.(Pz)/SchG2, действовавшие на самолетах Hs 129B-2. Потери «конкурентов» наших Ил-2 были весьма чувствительны. 7 августа от огня зенитной артиллерии было потеряно два «хеншеля». На следующий день потери составили уже 4 штурмовика. Еще один Hs 129B-2 разбился на аэродроме Полтава из-за неисправностей двигателей. 9 августа был сбит огнем с земли один «сто двадцать девятый», а другой штурмовик получил повреждения. Таким образом, всего за три дня активных боевых действий — с 7 по 9 августа — 4-й и 8-й отряды в основном от зенитного огня лишились 9 самолетов.

Как мы уже отмечали, начиная с 8 августа на земле шли напряженные бои между передовыми частями 1-й танковой армии и дивизиями СС «Мертвая голова» и «Рейх». Если 8 августа части армии М.Е. Катукова продвижения вперед не имели, то уже на следующий день удалось форсировать реку Мерла и сделать 15-километровый рывок на юг, к реке Мерчик, освободив населенные пункты Мурафа и Хрущевая Никитовка. Однако по итогам этого непростого дня 1-я танковая армия вынуждена была перейти к обороне. 8 и 9 августа число воздушных боев, проведенных над расположением 1-й танковой армии, было ничтожно мало. Во многом причиной снижения интенсивности воздушных боев служили плохие погодные условия. И советские, и немецкие документы отмечают, что из-за них летчики, а иногда и целые группы вынуждены были совершать посадки на ближайших аэродромах, а порой и на первой попавшейся площадке.

Несмотря на то что общее число вылетов немецкой авиации, согласно советским данным, снизилось, значительно активизировались действия истребителей-«охотников». Оперсводки 2-й воздушной армии за 9 августа отмечают, что атаки «мессершмиттов» были весьма эффективны. *«Патрулирующие истребители парами «ассов» оказывали сильное противодействие боевой деятельности наших ВВС, производя внезапные атаки, после чего выходили из боя»,* — говорится в оперсводках армии [48]. Кроме того, пилоты JG52, не ограничиваясь атаками советских самолетов, также вели свободную охоту за автомобилями в ближнем советском тылу. Списки побед I и III/JG52 9 августа (II/JG52 была снова переброшена на Тамань) упоминают о 13 сбитых советских ис-

требителях и одним «Бостоне» из разведывательного 454-го бап, который стал жертвой пилота 8-го отряда Карла-Хайнца Мельтцера (Meltzer Karl-Heinz).

Несмотря на плохую погоду, несколько раз в воздухе показывались и крупные группы бомбардировщиков численностью до 30—40 машин, однако перехватить их удавалось далеко не всегда. Тем не менее один из боев, проведенных 9 августа пилотами 41-го гв. иап, не только в очередной раз подтвердил их высокий класс, но и заслужил высокую оценку командования 2-й воздушной армии. Ведомая опытным асом полка капитаном А.Г. Павловым, шестерка Ла-5 в районе Богодухова атаковала 4 Не 111, шедших под прикрытием 4 «мессершмиттов». Атакуя бомбардировщики, капитан А.Г. Павлов первой же очередью, как написано в документах дивизии, сбил фонарь стрелка одного из «хейнкелей». Немецкий самолет загорелся, и из него один за другим выбросились четыре члена экипажа, приземлившиеся в районе Малая Синявка. Еще один Не 111 оказался сбит младшим лейтенантом В.Я. Галицким.

Установить противников советских летчиков в этом бою непросто. Группа III/KG55 в этот день потеряла два Не 111, один из которых был сбит западнее Белгорода, а второй потерпел катастрофу под Днепропетровском. Жертвой зенитной артиллерии в районе Белгорода стал еще один Не 111 из состава 14.(Eis)/KG27 кавалера Рыцарского креста лейтенанта Карла Шмида (Schmid Karl). Только предположение, что в пылу боя советские пилоты неверно определили тип вражеских машин, ставит все на свои места. Немецкие источники отмечают потерю в воздушном бою практически в одном месте двух Ju 88A-4 из состава 5./KG3.

Пока в воздухе время от времени происходили отдельные воздушные схватки, обстановка на земле принимала все более нежелательный для советской стороны оборот. Мы уже видели, что после овладения Богодуховом наступление 1-й танковой армии развивалось с большими трудностями, натолкнувшись на упорную оборону дивизий СС. Однако, как ни странно, ни в штабе Воронежского фронта, ни в Ставке уловить изменения в обстановке не смогли. Так, после перехода 1-й танковой армии 9 августа к обороне генерал Н.Ф. Ватугин отправил М.Е. Катукову распоряжение, в котором называл его решение «абсолютно неправильным». По

мнению комфронта, 1-я танковая армия имела перед собой лишь «потрепанную дивизию «Райх». В свойственной ему оптимистичной манере Н. Ф. Ватутин приказывал, найдя слабые места в обороне противника, *«нанести сильный удар ему по флангу и тылу, окружить и уничтожить»* [49].

Это распоряжение во многом отражает то двойственное положение, в котором находился командующий Воронежским фронтом. С одной стороны, обеспокоенный тем, что ударная группа 1-й танковой армии значительно вырвалась вперед, он еще накануне 8 августа издал приказ на организацию прочной противотанковой обороны с использованием танков, артиллерии, противотанковых ружей и мин. С другой — Н. Ф. Ватутин не мог не выполнять директивы Ставки, согласно которой задачи, поставленные перед командованием фронта, и в частности перед 1-й танковой армией, на 10 августа, предполагали перехват дороги Харьков—Полтава на участке станций Ковяги и Валки с последующим продвижением на юго-запад через Карловку на Полтаву.

Армии М.Е. Катукова не оставалось ничего иного, как с утра 10 августа вновь перейти в наступление. Бои развернулись на рубеже реки Мерчик, на южном берегу которой уже во второй половине дня удалось захватить несколько плацдармов. Воздушная обстановка в эти дни над 1-й танковой армией была достаточно спокойной. Части 5-го иак, как и оба штурмовых соединения 2-й воздушной армии, в основном содействовали в боях 27-й армии за Ахтырку и Олешню. В то же время 10-й иак, оставшийся прикрывать боевые порядки 1-й танковой армии, боевых столкновений с противником практически не имел. То, что в районе Богодухова в эти дни наступила некоторая разрядка, подтверждают и немецкие источники. Несмотря на достаточно большую активность, которую развил 10 и 11 августа 8-й авиакорпус (было выполнено соответственно 1033 и 1108 самолето-вылетов), его основные усилия были сосредоточены на поддержке 48-го танкового корпуса армии Гота, а также на содействии войскам 1-й танковой армии в районе Изюма.

С утра 11 августа передовые части армии генерала М.Е. Катукова возобновили наступление, выполнив поставленную Ставкой задачу — были захвачены станции Ковяги и Высокополье. По сути, это был последний рывок 1-й танковой армии. Планам советской стороны по прорыву в район

юго-западнее Харькова, а также к Полтаве в ближайшее время не суждено было осуществиться. Бои 1-й танковой армии 9—11 августа на рубеже реки Мерчик, как оказалось, были только прологом к тяжелому трехнедельному оборонительному сражению в районе Богодухова и Ахтырки. Уже во второй половине дня 11 августа противник нанес мощный контрудар по передовым частям армии М.Е. Катукова.

5.6. ОТРАЖЕНИЕ КОНТРУДАРА (11—17 августа. Воронежский фронт)

Итак, по прошествии девяти дней после своего начала, советское наступление на белгородско-харьковском направлении было остановлено частями подошедших дивизий «Рейх», «Мертвая голова» и «Викинг» приблизительно в 30 километрах южнее Богодухова. Все три эсэсовских соединения входили в состав 3-го танкового корпуса, ставшего ядром для нанесения мощного удара по передовым частям советской 1-й танковой армии.

Перехвату инициативы немецкой стороной на богодуховском направлении способствовала относительная стабилизация обстановки в полосе группы генерала Кемпфа и западнее, на фронте 4-й танковой армии Гота, которой в ходе ожесточенных боев удалось приостановить наступление правого крыла Воронежского фронта в районе Боромля и Ахтырка. Очевидно, что совместный контрудар обоих немецких объединений оказал бы большее влияние на обстановку западнее Харькова. Однако необходимые условия для наступления 4-й танковой армии сложились только через неделю, приведя в итоге к известному сражению в районе Ахтырки. В то же время перехват частями армии М.Е. Катукова железной дороги Харьков—Полтава заставлял командование группы Кемпфа переходить к активным действиям незамедлительно.

План наступления 3-го танкового корпуса предусматривал нанесение двух мощных ударов, сходящихся в районе Богодухова. Один из них был призван разблокировать дорогу Харьков—Полтава. Напомним еще раз: передовые бригады 1-й танковой армии после освобождения Богодухова последовательно преодолели две водные преграды — реки Мерла и Мерчик, удалившись от берегов последней к югу на

15—20 километров. Исходя из этого, у основания ударного клина армии М.Е. Катукова командованием 3-го танкового корпуса было создано две ударные группировки, которые, наступая из районов Константиновка и Старый Мерчик, должны были соединиться южнее Мурафы, всего в 15 километрах южнее Богодухова, очистив, таким образом, южный берег реки Мерчик. Второй удар в стык армий М.Е. Катукова и А.С. Жадова наносился также из района Старый Мерчик и был направлен через Кияны и Крысино на Богодухов с юго-востока.

Первыми в наступление в направлении Мурафы во второй половине 11 августа перешли части дивизий «Мертвая голова» и «Рейх». После непродолжительного боя оборона 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов 1-й танковой армии оказалась прорвана, что позволило немецким танкам уже к исходу дня выйти в район Шаровка, а также на южные подступы к Мурафе. Значительной активности авиации как с одной, так и с другой стороны в этот день не наблюдалось. Так, экипажи 2-й воздушной армии совершили за день всего 380 самолето-вылетов, основная часть которых приходилась на полосу действий 27-й армии в районе Опошня и Ахтырка. В то же время 8-й авиакорпус 4-го воздушного флота сосредоточил свои усилия против Юго-Западного фронта в районе Изюма, где была выполнена большая часть из 1108 самолето-вылетов, зафиксированных в дневнике боевых действий этого соединения.

Первый ход, сделанный группой Кемпфа, не нашел адекватного ответа со стороны командования Воронежским фронтом. По всей видимости, сообщение о внезапном прорыве противника достигло штаба фронта только ближе к ночи. Лишь утром 12 августа в 4:20 Н. Ф. Ватутин отдал распоряжение командующему 6-й гвардейской армией генерал-лейтенанту И.М. Чистякову на уничтожение прорвавшихся танков и пехоты противника и возвращение утраченных рубежей в районе Константиновки [50]. Именно в этот день южнее Богодухова развернулись с обеих сторон активные действия авиации.

Прежде чем рассмотреть, как развивались события в воздухе над районом боев 12 августа, необходимо отметить, что в период с 9 по 10 августа 4-й воздушный флот получил значительное усиление из 6-го воздушного флота. Коман-

дование люфтваффе, еще недавно создавшее мощный авиа- кулак в районе Орла, теперь с не меньшей энергией начало перебрасывать части обратно, из 6-го в 4-й воздушный флот. Расширение масштабов боев на южном участке Восточного фронта, а также многочисленные признаки, свидетельство- вавшие о скором наступлении Красной Армии в Донбассе, требовали срочного усиления авиационной группировки генерала Десслоха для противодействия многочисленным советским ударам.

9 августа на аэродром Большая Рудка первыми прибыли «фокке-вульфы» и «мессершмитты» из состава I и IV/JG51. 10 августа туда же отправились «Зеленые сердца» группы I/JG54, возглавляемые новым командиром — знаменитым двадцатидвухлетним асом Вальтером Новотным (Nowotny Walter). Отметим, что с аэродрома Большая Рудка, где бази- ровалось около 150—170 самолетов, действовала венгерская истребительная группа, насчитывающая порядка 30 Bf 109, и около 30 Hs 129B-2 из состава двух противотанковых отря- дов — 4.(Pz) и 8.(Pz)/SchG2.

Не менее мощными были вливания в объединение Десс- лоха и сил бомбардировочной авиации. Начиная с 9 августа в состав 4-го воздушного флота вошли II и III/KG51 на Ju 88, III/KG4, II/KG27 на He 111, а также III/StG3, I и III/StG2 на Ju 87. Пожалуй, из соединений, переданных 6-му флоту в июле, только I/SchG1 оставалась в составе воздушного флота генерала Грайма. По показаниям пленных, эта груп- па понесла столь чувствительные потери, а ее материальная часть была так сильно изношена, что командование было вынуждено вскоре отправить ее в тыл на пополнение.

Однако вернемся к ходу сражения, развернувшегося южнее Богодухова. С утра 12 августа в соответствии с рас- поряжением командующего фронтом в наступление пере- шли две танковые бригады и стрелковая дивизия 6-й гвар- дейской армии, которые вели тяжелые наступательные бои с прорвавшимся противником южнее Мурафы. Частью сил им удалось выйти в район Высокополье, соединившись с блокированными здесь накануне частями. Однако станция Ковяги после упорного боя с частями дивизии «Мертвая го- лова» была оставлена, при этом некоторые из наших частей попали в окружение.

Наступление частей 1-й танковой и 6-й гвардейской армий в направлении Высокополье и Ковяги вызвало с утра повышенную активность немецкой бомбардировочной авиации, которая за первую половину дня с 9:00 до 14:00 предприняла несколько массированных налетов на Богодухов и окрестности, нанося удары по скоплениям советских войск и техники. Разведсводки 2-й воздушной армии отмечают: *«ВВС противника на протяжении дня 12.8.43 оказывали сильное бомбовое воздействие на наши подходящие резервы»* [51].

К перехвату вражеской авиации были привлечены истребители 10-го иак, действовавшие небольшими группами. Так, на отражение одного из первых налетов на Богодухов, в котором принимало участие свыше 40 немецких бомбардировщиков, в воздух было поднято всего лишь шесть истребителей — 4 Ла-5 13-го иап, возглавляемые Героем Советского Союза старшим лейтенантом П.А. Гнидо, и пара Як-1 из состава 236-го иап. В ходе боя с соединением самолетов Ju 88 и He 111, по докладам пилотов 13-го иап, удалось уничтожить 3 Ju 88, 1 He 111 и 1 FW 190, причем два Ju 88 числились на счету П.А. Гнидо. Остальные самолеты пополнили боевой счет лейтенанта С.Д. Горелова (Герой Советского Союза с 26.10.44) и младшего лейтенанта Б.П. Рогова.

Интересно отметить, что в книге П.М. Бойкова, посвященной боевому пути 10-й гв. иад (такой номер получила 201-я иад 24.8.43 после присвоения ей гвардейского звания), обстоятельства этого боя выглядят совершенно по-иному. Согласно документам полка, на которые ссылается П.М. Бойков, П.А. Гнидо в утреннем вылете на перехват бомбардировщиков противника возглавлял группу из 10 истребителей, которая уничтожила 10 самолетов противника. Из них 4 было записано на счет П.А. Гнидо. В этом вылете поврежденный самолет советского аса загорелся на обратном пути из-за полученных в бою повреждений. Пилот вынужден был выброситься с парашютом над передовой [52]. Согласно же оперсводкам 201-й иад, П.А. Гнидо был сбит в воздушном бою с 6 FW 190 и 4 Bf 109, возглавляя уже в конце дня группу из 10 Ла-5. В ходе воздушного боя самолет аса был потерян из виду, а летчики группы заметили лишь опускающийся парашют [53]. Как видно, даже архивные доку-

менты могут значительно расходиться в описании одних и тех же событий.

Активные действия немецкой авиации отмечались не только в районе Богодухова, но и восточнее, на стыке 1-й танковой и 5-й гвардейских армий, где наносили удар дивизии «Рейх» и «Викинг». Здесь оборонялся 31-й танковый корпус, уже понесший серьезные потери в предыдущих боях в районе Борисовки, а также 32-й гвардейский стрелковый корпус 5-й гвардейской армии. Не выдержав немецкого натиска, советская оборона на этом участке дала трещину. Правофланговые части 5-й гвардейской армии отступили на северные окраины Крысино, откуда до Богодухова оставалось уже менее 7—8 километров. В это же время 31-й танковый корпус отошел из района Кияны, потеряв в бою своего командира, генерал-майора Д.Х. Черниенко.

Положение спасла 5-я гвардейская танковая армия, находившаяся в процессе передачи в состав Степного фронта и сосредоточенная во втором эшелоне за стыком армий М.Е. Катукова и А.С. Жадова. Вследствие отхода частей 32-го гвардейского стрелкового корпуса на Крысино, а также отступления 31-го танкового корпуса в северо-западном направлении танкисты генерала П.А. Ротмистрова оказались лицом к лицу с наступающими частями эсэсовцев, с которыми вынуждены были целый день вести тяжелые оборонительные бои на рубеже Александровка—Скосягоровка, Максимовка.

С расширением масштаба боев в районе Мурафы и Крысино командование 2-й воздушной армии сосредоточило здесь 10-й иак и 5-й шак. Действия штурмового корпуса были распылены. Часть из 115 своих вылетов авиаторы соединения выполнили на поддержку частей 27-й армии в районе Ахтырка и Тростянец. В результате сколько-нибудь массированных действий по боевым порядкам наступающего противника 12 августа отмечено не было. По результатам боевой работы за день экипажи генерала Н.П. Каманина доложили об уничтожении и повреждении всего 13 танков и 99 машин ценой потери одного штурмовика.

Части 8-го авиакорпуса 12 августа развили большую активность, совершив 1209 самолето-вылетов (1039 выполнили бомбардировщики и штурмовики). Часть из них по-прежнему

му приходилась против частей Степного и Юго-Западного фронтов. Тем не менее активность немецких экипажей в два раза превышала таковую подчиненных генерала С.А. Красовского, успевших выполнить 580 дневных вылетов. В пользу немецкой авиации говорит и тот факт, что бомбардировщики в основном наносили удар большими группами численностью до 70 машин.

В ходе этих налетов особенно пострадала 200-я танковая бригада, получившая из ремонта 12 танков и около 13:00 выступившая через высоту 184,5 в район Высокополье. Однако в районе высоты бригада подверглась налету самолетов Ju 87G, которые за короткий срок вывели из строя 8 Т-34. Оставшиеся четыре танка соединились с 6-й мотострелковой бригадой, заняв оборону в садах около Высокополья. Говоря об эффективности налетов немецких самолетов Ju 87G против наших танков, штаб 1-й танковой армии подчеркивал, что она была «неоспорима» [54].

Для летчиков 10-го иак задача противодействия налетам немецкой авиации оказалась весьма непростой. К этому времени корпус уже лишился порядка 30—35% своей материальной части, располагая к исходу 11 августа приблизительно 110 истребителями. С учетом техники, находившейся в ремонте, количество боеготовых самолетов было еще меньше. Однако, как оказалось, для подчиненных генерала М.М. Головня главные испытания только начинались. Если накануне, 11 августа, было зафиксировано всего два воздушных боя, то уже на следующий день количество воздушных схваток составило 20. Особенно большая нагрузка выпала на пилотов 235-й иад, которые в ходе 14 воздушных боев заявили о 20 победах при 9 потерянных самолетах. Многие Ла-5 получили повреждения, в результате чего к исходу дня ее боевой состав насчитывал 35 самолетов, из которых исправных было всего 17. Полки 235-й иад больше напоминали собой усиленные звенья — в 181-м и 3-м гв. иап имелось по 6 исправных истребителей, а в 239-м иап таковых оставалось всего 5 [55].

По сути, в ходе воздушных боев 12 августа, правда, в несколько меньших масштабах, имела место неоднократно повторявшаяся уже картина воздушного противостояния. Характеризуя работу немецких истребителей в этот день,

оперсводки 2-й воздушной армии констатировали: *«Отмечены действия пар «ассов», которые из-за облаков и со стороны солнца производят внезапные атаки, после чего снова уходят за облака, не вступая в воздушный бой»* [56]. Действительно, с перебазированием в состав 4-го воздушного флота новых групп действия немецких истребителей в полосе Воронежского фронта значительно активизировались. Противниками летчиков 10-го иак 12 августа стали пилоты групп I и IV/JG51, I/JG54, а также отряда 6./JG52, которые, действуя в районе Богодухова и Ахтырки, сбили, по немецким данным, за день около 26 советских самолетов (6 штурмовиков и 20 истребителей). Среди немецких пилотов отличились Вальтер Новотный и Герхард Лос (Loos Gerhard), одержавшие по четыре победы. Отметим, что до момента своей гибели 6 марта 1944 года боевой счет Лоса составил 92 победы, а сам пилот удостоился награждения Рыцарским крестом. Документы 2-й воздушной армии отметили за день потерю 18 самолетов, из которых 5 и 13 составляли штурмовики и истребители соответственно.

Итак, в ходе тяжелого сражения, шедшего весь день на левом крыле Воронежского фронта, для 1-й танковой армии сложилась весьма непростая ситуация. Ее передовые части оказались блокированными в районе севернее Ковяги и на станции Высокополье. Сильный удар по левому флангу армии не превратился в катастрофу только благодаря находившейся в тылу танковой армии генерала П.А. Ротмистрова. Противник продолжал оказывать здесь сильный нажим. Дневник боевых действий ОКВ кратко сообщает 13 августа об успехе боев следующее: *«На северном фронте армейской группы Кемпфа ведутся бои с сильными пехотными и танковыми частями противника. 3-й танковый корпус уничтожил в бою группировку противника и продвинулся вперед»* [57].

Впрочем, командование Воронежского фронта, уверенное в том, что сил на его левом фланге вполне достаточно для отражения удара противника, само планировало 13 августа вернуться к активным действиям. На правом фланге 1-й танковой армии должна была перейти в наступление выведенная до того во фронтовой резерв после боев в районе Борисовки и находившаяся на доукомплектовании 6-я гвардейская армия. Ее задача состояла в нанесении удара в

общем направлении на Коломак и Шелестово. Тем самым ликвидировались результаты недавнего немецкого наступления из района Константиновки, а также создавались условия для перемещения в полосу действий армии генерала И.М. Чистякова усилий 1-й танковой армии.

Неудачный опыт использования ударной авиации 12 августа заставил командование 2-й воздушной армии сконцентрировать на следующий день все свои усилия на левом фланге Воронежского фронта. Здесь в отражении атак дивизий «Рейх» и «Викинг» приняли участие авиаторы 291-й шад. 5-й шак генерала Н.П. Каманина был сосредоточен на содействии в наступлении 6-й гвардейской армии. Однако значительной поддержки с воздуха ни танкисты, ни пехотинцы 13 августа так и не получили. Причиной тому была плохая погода, значительно ограничившая действия авиаторов 2-й воздушной армии. За день было выполнено 359 самолетов-вылетов, из которых 84 приходилось на долю соединений Н.П. Каманина и А.Н. Витрука. По этим же причинам была фактически сорвана боевая работа 202-й бад, из 61 самолета-вылета которой боевое задание не было выполнено.

Потери авиачастей были также минимальны. Так, штурмовики потеряли от воздействия противника всего 2 самолета. Третьим стал штурмовик капитана Штыкова из 4-й гв. шад, который уже на аэродроме подорвался на своих двух бомбах АО-8, зависших в отсеке и выпавших в момент посадки. В результате взрыва штурмовик сгорел, однако экипаж остался жив, хотя и получил ранения [58].

Несколько снизилась и активность 8-го авиакорпуса, летчики которого 975 раз поднимались в воздух (829 из них составляли бомбардировщики и штурмовики). Немецкие бомбардировщики 13 августа продолжали наносить удары в районе Крысино и Кияны группами до 40 самолетов, стараясь протолкнуть части эсэсовских дивизий через боевые порядки 5-й гвардейской и 1-й танковой армий в направлении Богодухова. В результате этих боев удалось захватить несколько важных населенных пунктов, лежащих между реками Мерчик и Мерла, таких как Хрущевая Никитовка и Гавриши. За день боев 3-й танковый корпус продвинулся на 2 километра севернее Крысино.

Потери немецкой авиации были также невелики. Только III/KG27, вернее, ее 7-й отряд, лишился за день трех He 111, один из которых был потерян от воздействия противника, а еще два столкнулись на аэродроме Миргород. Кроме этих потерь, отметим сильные повреждения, полученные FW 190 и Ju 87 из состава II/SchG1 и StG77.

14 и 15 августа ожесточенные бои на левом фланге Воронежского фронта продолжались. Несмотря на неоднократные атаки, все попытки противника прорваться к Богодухову с юго-востока были отбиты. Впрочем, фокус внимания немецкого командования все больше смещался западнее, где успешно развивалось наступление 6-й гвардейской армии, продвинувшейся за день 14 августа до 10 километров. Отметим, что задача армии генерала И.М. Чистякова заключалась не столько в срыве немецкого наступления на Богодухов, сколько в создании условий для ввода в полосу ее действия 1-й танковой армии. Забуксовавшая южнее Богодухова армия М.Е. Катукова, сместив направление своего удара западнее, могла, развивая наступление на Карловку, не только перехватить дорогу Полтава—Красноград, но и выйти на дальние подступы к самой Полтаве. Оценив возникшую опасность, командование группы Кемпфа начало перегруппировку своих сил для удара во фланг наступающим частям 6-й гвардейской армии.

Пока две дивизии 3-го танкового корпуса на протяжении 14 августа спешно готовились к этой операции, авиация 4-го воздушного флота, нанося практически непрерывные удары группами до 20 бомбардировщиков, старалась задерживать наступающие части армии И.М. Чистякова на участке Краснокутск—Богодухов. Всего экипажами 8-го авиакорпуса за день было выполнено 1103 самолето-вылета. При этом штаб корпуса отметил очередные личные рекорды некоторых частей и пилотов. Так, эскадра KG27 совершила в этот день свой 40000-й боевой вылет. Кроме того, своеобразный рекорд отметил и командир штурмовой эскадры SchG1 майор Альфред Друшель (Druschel Alfred), совершивший 900-й боевой вылет.

Противодействуя налетам вражеской авиации в районах Богодухов, Крысино, Мурафа, истребители 10-го иак силами 38 самолетов совершили 14 августа 139 вылетов. К со-

жалению, счет в воздушных схватках был явно не в пользу летчиков корпуса. Согласно оперсводкам 2-й воздушной армии, в 13 воздушных боях им удалось сбить всего три вражеских самолета (Ju 87, Bf 109 и FW 190) при потере 14 своих машин. 1 Як-1 и 4 Ла-5 были сбиты в воздушных боях, а еще 9 Ла-5 считались пропавшими без вести.

Отметим, что 235-я иад, потерявшая за два дня боев 8 истребителей, к исходу 14 августа насчитывала в своем составе всего 8 исправных самолетов. Кроме того, еще 14 «лавокных» находилось в ремонте. Так как 235-я иад в результате понесенных потерь уже была не в состоянии «держаться удар», 14 августа командование 10-го иак нацелило на борьбу за господство в воздухе 201-ю иад. Летчики этой дивизии продолжали обеспечивать сопровождение штурмовиков 5-го шак, взяв на себя также патрулирование на участке от Мурафы до Крысино. Однако, вступив в бои за господство в воздухе, подчиненные подполковника Владимирова понесли 14 августа столь же тяжелые потери, как и соседняя 235-я иад двумя днями ранее. По итогам дня, на свои аэродромы не вернулось 10 истребителей, 6 из которых принадлежали 13-му иап. К концу дня положение в 201-й иад было лишь немногим лучше, чем в 235-й иад. В 13-м и 236-м иап было в наличии всего 5 и 4 исправных самолета, тогда как в 437-м иап таковых имелось 12 [59].

Значительные потери от действий немецких истребителей 14 августа понесли и штурмовики 5-го шак, лишившиеся в ходе всего 2 воздушных боев 12 Ил-2. Экипажи этих самолетов считались не вернувшимися с боевого задания. Кроме того, еще 4 штурмовика из корпуса Н.П. Каманина получили повреждения от зенитной артиллерии и совершили вынужденные посадки. Отметим, что потери соседней 291-й шад, совершившей в этот день 113 самолето-вылетов, составили 1 Ил-2, который сел на вынужденную посадку, а также 2 Як-1 из состава 737-го иап.

Немецкие источники подтверждают значительные успехи своей истребительной авиации в боях 13 и 14 августа. При этом, например 13 августа, все советские самолеты, засчитанные I и IV/JG51, I/JG54, составляли истребители, идентифицированные как Ла и ЛаГГ. Особенно отличились пилоты I/JG54 во главе с Вальтером Новотным, уничтожив-

шие 14 самолетов противника. При этом на боевой счет командира группы было записано 9 побед, одержанных асом за один день. 14 августа палма первенства в воздушных боях перешла к эскадре «Мельдерс», которая силами I и IV групп добилась 42 побед, 34 из которых составляли штурмовики Ил-2. 11 самолетов 14 августа сбили истребители I/JG54.

За день 14 августа на аэродромы 2-й воздушной армии не вернулось 30 самолетов, при этом 6 истребителей считались потерянными в воздушных боях, а остальные 24 самолета, включая 12 Ил-2, 11 истребителей и 1 разведчик А-20В, пропали без вести (этот разведывательный «Бостон» стал жертвой Оскара Ромма (Romm Oskar) из 1./JG51). Кроме того, еще 5 штурмовиков совершили вынужденные посадки. Отметим, что из состава 331-й ночной авиаэскадрильи в ночь на 14 августа при бомбардировке скопления автомобилей в районе Ольшаны был разбит один из немногих доживших до Курской битвы бомбардировщиков СБ.

Подводя итог активной фазе воздушных боев с 12 по 14 августа, укажем, что потери 2-й воздушной армии за три дня составили 65 самолетов. При этом тяжело пострадали 5-й шак и 10-й иак. Особенно непросто пришлось истребителям, которые вынуждены были вести оборонительные воздушные бои против лучших немецких истребительных эскадр, нанеших 235-й и 201-й иад тяжелые потери, фактически обескровившие корпус. Командование 10-го иак отмечало, что его экипажам была поставлена непосильная задача по прикрытию боевых порядков многочисленных танковых соединений, сопровождению штурмовиков и бомбардировщиков, а также ведения борьбы за господство в воздухе. В итоге *«истребители противника всегда имели возможность занять более выгодное положение для нападения, а наши истребители при патрулировании находились под постоянной угрозой подвергнуться нападению противника, обороняли себя от внезапных атак просмотром верхней полусферы, что приводило к ослаблению внимания за поведением бомбардировщиков противника и излишней нервозности летного состава»* [60].

15 августа стало днем еще одного локального, но весьма острого кризиса, которыми столь изобиловала борьба в районе Харькова. 3-й танковый корпус силами частей дивизий «Рейх» и «Мертвая голова», силы которых оценивались со-

ветской стороной в 120 танков и около двух полков пехоты, нанес мощный удар на участке Коломак—Искровка, развернув наступление в северо-западном направлении во фланг 6-й гвардейской армии. Немецкие танки стремительно продвигались вдоль реки Мерчик, достигнув к 17:00 рубежа совхоз «Ковалевка»—совхоз «Аленовский». Части 6-й гвардейской армии вынуждены были с тяжелыми боями отходить в западном направлении, только к исходу дня заняв оборону по берегу реки Мерла. При этом, по донесениям штаба 6-й гвардейской армии, *«авиация противника группами 20—40 самолетов непрерывно бомбардировала боевые порядки, тылы и коммуникации армии»* [61].

Активные действия немецкой авиации были также отмечены в районе Котельва и Краснокутск. Боевые порядки 5-го гвардейского танкового корпуса подверглись ожесточенным налетам групп из 20—30 бомбардировщиков. Уже на следующий день соединение генерала А.Г. Кравченко вынуждено было окончательно перейти к обороне.

Роль авиации 2-й воздушной армии в боях тяжелого дня 15 августа оказалась минимальна. Было совершено всего 270 самолето-вылетов по сравнению с 542, имевшими место накануне. В итоге 291-я шад и 5-й шак смогли нанести за день всего один массированный удар силами 31 Ил-2, содействуя 6-й гвардейской армии в отражении вражеских атак. При этом было потеряно 2 штурмовика из состава 5-го шак, которые были сбиты огнем зенитной артиллерии.

Из-за тяжелых потерь 10-го иак к сопровождению 5-го шак была привлечена 256-я иад 5-го иак, до того действовавшая в полосе 27-й и 40-й армий. Между тем положение дел 15 августа в 10-м иак еще больше ухудшилось. Лишившаяся за день 5 самолетов 235-я иад пришла к концу дня с фатальными результатами. Так, в 239-м иап исправных самолетов к утру не было вовсе, в результате чего полк на протяжении всего дня боевой работы не вел. Всего же к исходу 15 августа в 201-й иад и 235-й иад оставалось в строю соответственно 15 и 8 исправных самолетов. Причем в 3-м гв. и 181-м иап из состава последнего было всего 1 и 5 готовых к бою истребителей. Техническому составу 239-го иап удалось ввести в строй 2 из 5 ремонтировавшихся Ла-5.

Действия 5-го иак в районе Мурафы и Богодухова 15 августа также не отличались особыми успехами. Так, например, 8-я гв. иад, не сбив ни одного самолета противника, потеряла в итоге 2 Ла-5, тогда как еще два самолета совершили вынужденную посадку. Оперсводки дивизии снова отметили в этот день действия немецких «охотников». Именно после их атак погиб младший лейтенант А.П. Волков, выбросился из горящего «лавочкина» старший лейтенант Б.А. Кукуруза и совершил вынужденную посадку младший лейтенант Дорошенко.

Среди летчиков 235-й иад, не вернувшихся 15 августа на свой аэродром, был младший лейтенант С.А. Михеев из 181-го иап, один из молодых пилотов, подававший большие надежды. За период с 3 по 11 августа С.А. Михеев сбил 3 бомбардировщика Ju 87. Однако поистине звездным днем стало для летчика 12 августа, когда его боевой счет пополнили 2 Ju 87, He 111 и Bf 109. При этом оба «юнкерса» и «мессершмитт» младший лейтенант С.А. Михеев сбил в результате одного воздушного боя. За успехи в воздушных боях отважный авиатор был представлен к ордену Великой Отечественной войны 1-й степени, но получить награду не успел.

Отметим, что на 15 августа штаб 2-й воздушной армии определил некомплект материальной части в корпусах и дивизиях в 313 самолетов. Лишь 208-я нббад была укомплектована полностью. В 5-м шак и 291-й шад не хватало 72 и 31 штурмовика, в то время как 60 и 29 «илов» соответственно числились в ремонте и только 91 Ил-2 считался исправным. 48 Ла-5 и 20 «яков» не доставало в 5-м иак. Однако самый большой некомплект техники был зафиксирован в 10-м иак, где не доставало 107 истребителей.

Обратимся к результатам действий 15 августа немецкой авиации. 8-й авиакорпус за день выполнил 1177 самолетов-вылетов, при этом большинство самолетов-вылетов было направлено на поддержку дивизии СС «Мертвая голова», наступавшей в направлении Колонтаев. Правда, часть самолетов-вылетов, выполненных утром и вечером, командование корпуса было вынуждено выделить для поддержки 1-й танковой армии генерала Макензена.

16 августа было отмечено некоторым снижением накала боев, а уже на следующий день активные наступательные

действия 3-го танкового корпуса в полосе 6-й гвардейской армии прекратились, хотя район Березовка, хутор Землянский, Зубовка и Колонтаев продолжал подвергаться налетам немецких бомбардировщиков. Действия советской авиации в эти дни сложно назвать выдающимися. Например, 2-я воздушная армия выполнила 17 августа всего 163 дневных самолето-вылета, в основном оказывая содействие частям 5-й и 6-й гвардейских армий в отражении атак противника из района Ковяги на Богодухов. Таким образом, к исходу шестого дня сражение в районе Богодухова стало постепенно затухать. Внимание командования Воронежского фронта снова переместилось на правый фланг, где уже на следующий день было запланировано наступление во фланг ахтырской группировки противника.

Неудивительно, что начиная с 17 августа основные усилия 2-й воздушной армии были сосредоточены из района Богодухова в полосу наступления правофланговых армий Воронежского фронта. Упорное сопротивление, оказываемое в районе Ахтырки 4-й танковой армией противника, поставило генерала Н. Ф. Ватутина перед необходимостью нанесения удара во фланг ахтырской группировки противника. Эту задачу и должны были выполнить 38-я, 40-я армии, а также вводимая в бой на этом участке 47-я армия генерал-лейтенанта П.П. Корзуна. Поддерживая наступление в районе Боромля, 2-я воздушная армия выполнила 17 августа 590 дневных самолето-вылетов. При этом Пе-2 202-й бомбардировали железнодорожные станции Боромля, Гребенниковка, Ревки. Там же работали и оба штурмовых соединения армии.

Противодействие налетам нашей авиации на этом участке фронта оказывали группы II/JG52 (5-й и 6-й отряды), а также I/JG54. Однако их успехи были относительно невелики. На долю пилотов этих двух групп пришлось всего 14 побед. Успех сопутствовал пилотам отряда 6./JG52, которые в воздушном бою в районе Гарбузовка сбили 3 Пе-2 202-й бомбардировки. Согласно советским данным, восьмерка Пе-2 после выполнения боевого задания была атакована смешанной группой из Bf 109 и FW 190, сбивших 3 Пе-2 и повредивших еще два бомбардировщика. Экипажи Пе-2 отмечали, что если «мессершмитты» в основном атаки проводили сзади снизу под

углом 30 градусов, то пилоты FW 190 предпочитали атаковать «пешки» в лоб, расстраивая их боевой порядок.

Истребителями 2-й воздушной армии 17 августа было сбито 22 немецких самолета. Интересно, что в это количество не входят 2 Hs 129, на которые летчиками 181-го иап были получены подтверждения от командования 10-го иак. В районе Шевченков Ла-5 атаковали четверку двухмоторных самолетов, из-за облаков пытавшихся бомбить наши войска. В результате боя все самолеты противника посчитали сбитыми. При этом победы над двумя из них пилотам подтвердил не кто иной, как сам командир корпуса генерал-майор М.М. Головня и командир полка подполковник П.И. Наумов. С большой долей вероятности можно утверждать, что советскими истребителями было сбито 2 Hs 129В-2 из состава Pz.Jg.St./JG51. Отметим, что, кроме этих двух потерянных «хеншелей», один самолет этого типа были потерян также румынской штурмовой группой, а еще два получили повреждения.

17 августа стало днем, завершающим тяжелое оборонительное сражение в районе Богодухова, и в то же время началом активных действий на правом крыле Воронежского фронта. Каковы же были результаты недели упорных наступательных и оборонительных боев для обоих противников? Нельзя не отметить, что бои в районе Богодухова прошли под знаком значительного усиления действовавшей здесь немецкой авиации. Это позволило немецким пилотам перехватить инициативу в воздушных боях, удерживая планку ежедневной активности в среднем на отметке в 1000 самолето-вылетов. Прибытие новых истребительных частей из состава 6-го воздушного флота в значительной степени стабилизировало ситуацию в воздухе.

В то же время действия 2-й воздушной армии были распылены между левым и правым флангами Воронежского фронта. Сил штурмовой и бомбардировочной авиации в армии С.А. Красовского на этом этапе явно не хватало для массированных действий и эффективной поддержки как в районе южнее Богодухова, так и на участке Ахтырка—Боромля. Наиболее тяжелая ситуация в этот период сложилась с истребительной авиацией. Действия немецких асов практически «вывели из игры» 10-й иак. В итоге повышенная

нагрузка как в борьбе за господство в воздухе, так и при сопровождении ударных самолетов легла на 5-й иак. Практика боев середины августа снова со всей убедительностью показала — летная и огневая подготовка большинства советских пилотов, тактика и управление истребителями требовали значительных улучшений.

С точки зрения стратегии второй раунд борьбы в районе Харькова также оказался за немецкой стороной. В ходе недели боев командование группы «Кемпф», повышенной 16 августа до статуса 8-й армии, грамотно распорядившись переданными в ее состав тремя дивизиями СС, смогло остановить продвижение 1-й танковой армии. Энергичные наступательные действия дивизий «Рейх» и «Викинг» в полосе 5-й гвардейской армии привели к тому, что уже готовая вступить в бой за Харьков 5-я гвардейская танковая армия 12—13 августа вынуждена была сама перейти к обороне, отражая немецкие атаки. Это в немалой степени сказалось на дальнейшем ходе боев в районе Харькова. Нельзя не отметить удар по левому флангу 6-й гвардейской армии 15 августа, сорвавший столь удачно начатое два дня назад советское наступление. Однако, несмотря на многочисленные локальные успехи, добиться основной задачи — прорыва к Богодухову и выхода в тыл 1-й танковой армии — командованию группы Кемпфа и 3-го танкового корпуса так и не удалось.

Советское командование не собиралось выпускать инициативу из своих рук. Столкнувшись с упорным сопротивлением противника в районе Ахтырки еще в середине месяца и будучи не в силах разрешить ситуацию силами одной 27-й армии, оно развернуло наступление армий правого крыла Воронежского фронта, направленное во фланг ахтырской группировке. Впрочем, немецкие генералы были, по-видимому, так же мало удовлетворены исходом боев в районе Богодухова. Несмотря на эффектные удары, добиться решающего успеха на этом направлении не получилось. Последней надеждой хоть как-то переломить ситуацию в свою пользу стал контрудар под Ахтыркой, о котором мы расскажем в следующей главе.

5.7. КРИЗИС В РАЙОНЕ АХТЫРКИ (18—23 августа. Воронежский фронт)

Для того чтобы понять логику развития событий в районе Ахтырки, нам необходимо еще раз вспомнить, что наступление правофланговых 27-й и 40-й армий Воронежского фронта было призвано выстроить линию фронта с севера на юг, обеспечивая тем самым прикрытие правого фланга 1-й танковой армии. Ударные группировки 27-й и 40-й армий были нацелены на Ахтырку и Боромля — населенные пункты, расположенные северо-западнее Богодухова.

Начав свое наступление 5 августа, 40-я армия уже через пять дней овладела крупным узлом дорог Боромля. В то же времядвигающаяся на юго-запад, вдоль реки Ворскла, 27-я армия генерала С.Г. Трофименко, усиленная 4-м гвардейским танковым корпусом, 11 августа завязала ожесточенные бои на улицах Ахтырки. Южнее 5-й гвардейский танковый корпус генерала А.Г.Кравченко овладел небольшим городком Котельва. К этому времени фронт 27-й армии представлял собой выступ, проходящий по течению реки Ворскла с севера на юг и делающий резкий поворот на восток в районе населенных пунктов Котельва и Колонтаев.

Однако после недели успешного наступления продвижение советских армий в западном направлении приостановилось. Переброска в состав 4-й танковой армии соединений из состава группы армий «Центр» позволила немецкому командованию стабилизировать линию фронта на этом участке. Так, в частности, из резерва группы армий «Юг» была передана 7-я танковая дивизия. Из 2-й танковой армии прибыли части моторизованной дивизии «Великая Германия», а также 10-й моторизованной дивизии, которая 5 августа в спешном порядке произвела погрузку на железнодорожном узле Брянска. Через три дня выгрузившаяся в Ромнах дивизия своим ходом двинулась в район Ахтырки [62].

Тем временем части 27-й армии с 12 по 17 августа вели тяжелые бои в самой Ахтырке и вниз по течению реки Ворскла, пытаясь захватить плацдармы на ее правом берегу, одновременно расширяя прорыв силами 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов в южном направлении. Однако значительных успехов здесь достичь не удалось. Аналогично

складывалась ситуация и на фронте 40-й армии, продвижение которой было приостановлено контратаками противника на рубеже Боромя—Тростянец. Все это время южнее Богодухова войска правого крыла Воронежского фронта вели ожесточенные оборонительные бои, в которых инициатива зачастую принадлежала немецкой стороне. Планы по окружению харьковской группировки противника становились все более неопределенными.

Решением Ставки 9 августа 5-я гвардейская танковая армия была передана в подчинение командования Степного фронта, что, по идее, должно было улучшить координацию действий войск в районе Харькова. Однако, как мы помним, удар эсэсовских дивизий 12 августа заставил армию генерала П.А. Ротмистрова вместо наступления в обход Харькова с запада вести тяжелые оборонительные бои юго-восточнее Богодухова. В то же время была предпринята попытка перенести направление наступления 1-й танковой армии на Полтаву, т.е. значительно западнее ранее планировавшегося, но она также была сорвана немецким ударом во фланг наступавшей 6-й гвардейской армии 15 августа.

Впрочем, несмотря на все эти неудачи, у командования Воронежского фронта имелись еще сильные аргументы для продолжения наступательных действий в лице 4-й гвардейской и 47-й армий, сосредоточившихся на правом фланге объединения Н. Ф. Ватутина. Первой в бой на участке между 38-й и 40-й армиями 17 августа была введена 47-я армия генерал-лейтенанта П.П. Корзуна. Она перешла в наступление из района Боромя, продвинувшись в первый же день на 10—12 километров. Успешное наступление армии П.П. Корзуна позволило не только осуществить опасное вклинение на левом крыле 4-й танковой армии, создавая непосредственную угрозу удара во фланг и тыл ахтырской группировке противника, но и способствовало выходу на рубеж реки Псел частей 38-й и 40-й армий.

Отметим, что одновременно с утра 17 августа планировалось развернуть решительное наступление частями 27-й армии в юго-западном направлении, а также взаимодействуя с 47-й армией, окружить крупные силы противника в районе Ахтырка, Тростянец, Олешня, Зеньков [63]. Для развития наступления на Зеньков предназначалась и 4-я гвардейская

армия генерал-лейтенанта Г.И. Кулика. Однако удар, нанесенный утром 18 августа в районе Ахтырки, перевернул планы командования Воронежского фронта, как говорится, с ног на голову.

Не добившись решительного успеха в наступлении южнее Богодухова, командование группы армий «Юг» тем не менее не отказалось от тактики проведения относительно небольших, хорошо подготовленных операций, приносящих максимально возможный урон противнику. Сражение в районе южнее Богодухова создало условия для проведения такого рода операции по окружению частей 27-й армии силами 4-й танковой армии и группы «Кемпф», которая 16 августа была переименована в 8-ю армию. Замысел операции заключался в нанесении мощного удара силами 24-го танкового корпуса 4-й танковой армии из района южнее Ахтырки в юго-западном направлении на Краснокутск, где должны были соединиться с войсками дивизии СС «Мертвая голова» 8-й армии, наступавшей из района Любовка западнее Краснокутска.

Группировка 24-го танкового корпуса, основную ударную мощь которого составляла моторизованная дивизия «Великая Германия», а также батальон «тигров», перешла в наступление утром 18 августа с рубежа Мошенка—Хухря. После сильной артиллерийской и авиационной подготовки, смяв боевые порядки 166-й стрелковой дивизии 27-й армии, немецкие танки смогли прорваться на глубину свыше 20 километров в направлении Велико-Озерский и совхоза «Ударник». Несмотря на перевес противника, советская пехота мужественно обороняла свои позиции. Однако массированные удары авиации и отсутствие поддержки своих истребителей в первой половине дня сводили все усилия на нет. Характеризуя результаты налетов немецких бомбардировщиков по боевым порядкам 166-й стрелковой дивизии, документы 27-й армии свидетельствуют: *«Большинство противотанковых средств (45-мм орудия, ПА, ДА и 408 ТИПТАП) с личным составом были разбиты и уничтожены авиацией, тягачи сожжены»* [64]. Кроме того, КП дивизии, находящийся в районе совхоза «Ударник», в течение почти двух часов подвергался непрерывной бомбежке с воздуха, в результате чего был сожжен автобус с оперативными документами соеди-

нения. К 14:00 противник достиг совхоза Ильичевка, а около 27 танков в 15:00 ворвались в Каплуновку. Разведсводки группы армий «Юг» так сообщали об этом успехе: *«В районе действий 4 ТА сегодня наши войска перешли в наступление в юго-восточном направлении, быстро продвигаясь вперед. По последним данным, передовой отряд наших войск был у нп Каплуновка (20 км юго-вост. Ахтырка)»* [65].

Наступление получило относительно сильную поддержку 8-го авиакорпуса. В боях первого дня приняли участие экипажи из состава I/JG51, II/KG27, III/KG4, а также I и III/StG77. Напомним, что к этому времени Юго-Западный и Южный фронты развернули наступление в Донбассе, а войска Степного фронта начали решительные бои непосредственно на подступах к Харькову. Все это требовало от командования 4-ого воздушного флота обеспечения надлежащей воздушной поддержки на этих участках фронта. Согласно дневнику боевых действий 8-го авиакорпуса, его основные усилия 18 августа были сосредоточены на поддержке наступления дивизий «Великая Германия» и «Мертвая голова». При этом экипажами соединения было выполнено 785 самолетов-вылетов, из которых 359 и 151 приходилось на долю двухмоторных бомбардировщиков и «штурк».

Очевидно, что удар противника застал врасплох как командование 27-й армии, так и командование Воронежского фронта. Согласно советским документам, воздушная обстановка в районе Ахтырки до обеда не отличалась особой напряженностью. Так, например, 291-я шад, продолжая начатое накануне дело, была в основном занята срывом немецких перевозок в районе станций Ковяги и Водяная. Вылетевшие в этот район две пары штурмовиков-«охотников» около 12:10 обнаружили на станции Водяная два немецких эшелона с танками, а также скопление пехоты. Снизившись до 300 метров, одна пара «илов» атаковала составы, а другая открыла огонь с бреющего по вражеским пехотинцам. Во время атаки в одном из эшелонов неожиданно произошел сильнейший взрыв, после чего начался не менее внушительный пожар. Не встретив противодействия, все 4 Ил-2 вернулись на свой аэродром. 5-й шак был также занят срывом перевозок, но намного севернее, в полосе наступления 38-й и 47-й армий в районе Лебедин.

Однако, начиная уже с полудня, по мере поступления сведений о продвижении противника действия истребителей и ударных самолетов 2-й воздушной армии существенно активизировались. Так, экипажами 202-й бад в ходе 56 самолето-вылетов было нанесено несколько бомбардировочных ударов по скоплению войск противника на западных окраинах Ахтырки, а также около переправ через реку Ворскла. При этом одна из девяток дивизии боевого задания не выполнила из-за отсутствия истребителей сопровождения 5-го иак.

Намного активнее действовала штурмовая авиация 2-й воздушной армии, уничтожившая и повредившая за день, по докладам экипажей, 14 танков и 83 автомобиля. Наибольшая нагрузка выпала на долю авиаторов 291-й шад, истребители и штурмовики которой выполнили 131 самолето-вылет, что практически в 2 раза больше показателей 5-го шак, совершившего 70 вылетов. Оперсводки 291-й шад особенно отмечают — на один исправный Ил-2 пришлось 5 вылетов со средней нагрузкой в 310 килограммов. Потери штурмовиков 18 августа были невелики — дивизия А.Н. Витрука недосчиталась 1 Ил-2, а также 3 Як-1 из состава 737-го иап, в то время как 5-й шак потерял 5 Ил-2, два из которых столкнулись над целью.

Надо сказать, что эти данные хорошо соответствуют немецким, согласно которым пилотами I/JG51 в воздушных боях было сбито 4 Ил-2, 1 Як-1 и 5 Пе-2. Лишь количество побед над бомбардировщиками оказалось завышено в 2,5 раза. На самом деле потери 202-й бад составили всего 2 Пе-2. Согласно советским документам, около дюжины FW 190 атаковали группу бомбардировщиков 202-й бад, шедшую под прикрытием Ла-5 8-й гв. иад. Воздушный бой велся в основном между истребителями, однако несколько «фокке-вульф»¹, неожиданно зайдя снизу сзади, смогли сбить пару «пешек». Напомним, что за период с 1 по 11 августа экипажи 202-й бад провели всего три воздушных боя, в которых был подбит 1 Пе-2. Начиная с 11 августа и до конца месяца воздушная обстановка заметно накалилась. Группы бомбардировщиков все чаще подвергались атакам вражеских истребителей. Так, до конца августа было зафиксировано уже 20 воздушных боев, в которых 202-я бад потеряла 10 самолетов [66].

Несколько воздушных боев 18 августа провели и летчики штурмовой авиации, причем в некоторых из них пилоты Ил-2 выступали не обороняющейся, а атакующей стороной. Так, шестерка Ил-2 90-го гв. шап 4-й гв. шад, ведомая капитаном Ребезовым, дважды встречалась с группой из 10 Ju 87, сбив, по докладам пилотов, два немецких самолета. В этот же день 7 Ил-2 809-го шап из состава соседней 264-й шад под командованием старшего лейтенанта В. Ф. Зудилова (Герой Советского Союза с 2.8.44) в районе Великий Истороп, Ревки атаковали группу истребителей противника. Атака была проведена по всем «истребительным» канонам, сзади сверху, со стороны солнца. Кроме того, после первой атаки сверху пилоты Ил-2 «подныривали» под самолеты противника, атакуя их снизу. В итоге боя потери сторон, по данным 5-го шап, составили 1 Ил-2 и 2 FW 190.

Действия советских истребителей 18 августа также были отмечены рядом удачных схваток, хотя они, как экипажи штурмовиков и бомбардировщиков, начали активные действия только после полудня. Командование 2-й воздушной армии решило разделить силы истребителей по роду выполняемых боевых задач — 5-й иак использовался для сопровождения ударных самолетов, в то время как 10-й иак должен был вести борьбу за господство в воздухе.

Отметим, что к 18 августа боевой состав 10-го иак, после понесенных в середине августа тяжелых потерь, несколько укрепился за счет отремонтированных самолетов. Так, например, в 201-й иад на вечер 17 августа числился 31 исправный самолет и еще 8 машин требовало ремонта. А вот 235-я иад никак не могла прийти в себя после недавнего «нокаута». Накануне боев в районе Ахтырки в ее составе насчитывалось всего 11 исправных и 9 требующих ремонта Ла-5. Недостаток материальной части заставлял летчиков корпуса действовать в основном в составе четверок. Но, как показали последовавшие вскоре события, численность не всегда является необходимым условием победы.

В основном боевая нагрузка в первый день боев под Ахтыркой выпала на пилотов двух полков: 236-го и 437-го иап 201-й иад, которые провели 14 из 19 воздушных боев 10-го иак, одержав 8 и 10 побед соответственно. Первые схватки в воздухе развивались практически по одному и тому же сце-

нарию: внезапная атака наших истребителей, 1—2 поврежденных немецких бомбардировщика и далее затяжной бой с подоспевшими немецкими истребителями. Однако во второй половине дня, с выходом вражеских танков к населенному пункту Каплуновка (от которой расстояние до Краснотуркестка составляло около 8 километров), пилотам 236-го и 437-го иап удалось провести весьма эффективный бой, который был особо отмечен в документах армии.

Около 14:25 две группы самолетов Ju 87 предприняли налет на позиции советских войск в районе Каплуновка и несколько севернее в районе Вышевеселое. В это время над линией фронта патрулировали две группы 10-го иак — 4 Як-1 236-го иап и 3 Ла-5 437-го иап. Группа 437-го иап, ведомая штурманом полка капитаном В.Н. Орловым, атаковала восьмерку Ju 87, сбив три вражеские машины. При этом две победы, одержанные капитаном В.Н. Орловым в районе Вышевеселое—Запорожец, были подтверждены командованием 201-й иад, наблюдавшим этот бой с земли. Так же успешно дралась четверка Як-1 236-го иап, которая уничтожила в районе Каплуновка 2 Ju 87. Отметим, что окончание боя было весьма впечатляющим — младшие лейтенанты В.М. Воронюк и Н.И. Ветров из 236-го иап при помощи подоспевшего капитана В.Н. Орлова смогли подбить 2 Ju 87, заставив совершить их вынужденную посадку в 5 километрах северо-западнее Каплуновки, по всей видимости, на территории, уже контролируемой противником. Потерь в бою наши истребители не понесли, но их победу омрачила гибель в катастрофе младшего лейтенанта К.П. Фомичева из 437-го иап, у истребителя которого уже на обратном пути к аэродрому оторвался двигатель. В политдонесении 2-й воздушной армии этот бой отмечен особо, так как его свидетелями были не только наземные войска, но и местное население. В ознаменование успеха своих подчиненных командир 10-го иак издал специальный приказ, в котором объявил всем участникам боя благодарность.

18 августа также отличились и пилоты 235-й иад из состава группы старшего лейтенанта А.А. Мурашева 3-го гв. иап. В бою с группой Ju 87, по данным политотдела армии, уничтожила 4 немецких бомбардировщика, при этом сам А.А. Мурашев сбил 2 Ju 87. Политдонесения 2-й воздушной

армии хранят отзыв свидетелей—офицеров 62-й гвардейской отдельной мотострелковой бригады, непосредственно следивших за этим боем с земли: *«Мы наблюдали воздушный бой 4 Ла-5 с группой самолетов противника Ю-87 в количестве 25—30 самолетов. Особенно активно дрался один самолет Ла-5, как впоследствии стало известно, это был гвардии старший лейтенант Мурашев, он два раза врезался в группу бомбардировщиков и атакывал их. При этом он проявил героизм и свое умение. Мы видели, как им было сбито 2 самолета Ю-87. В течение 2-х лет войны мы впервые видели проявление такого мастерства и мужества. В результате активного противодействия четырех Ла-5 бомбардировщикам противника, спасены сотни людей и машин»* [67].

Данные политотдела несколько отличаются от данных, приведенных в оперсводках дивизии. Согласно им, старший лейтенант А.А. Мурашев сбил 1 Ju 87, в то время как его товарищи по полку уничтожили еще один Ju 87, а также FW 190. Как бы то ни было, подводя итог боевой деятельности 10-го иак за 18 августа, отметим, что его пилоты заявили об уничтожении 17 Ju 87, 1 He 111, 3 истребителей и двух разведчиков при потере 4 своих машин.

Хотя потери бомбардировщиков из StG77 были в три раза меньше заявленных советской стороной, нельзя не признать, что в ходе боев 18 августа группа III/StG77 действительно понесла чувствительные потери — 5 бомбардировщиков из состава 7-го отряда не вернулись на свои аэродромы, а один самолет из состава 8./StG77 получил повреждения. Дневник боевых действий 8-го авиакорпуса отмечает, что в ходе всего одного вылета 3 Ju 87 не вернулись на свои аэродромы — два «юнкерса» были потеряны безвозвратно, тогда как третий совершил вынужденную посадку с 40% повреждений. По всей видимости, это был бомбардировщик, посаженный пилотами во главе с капитаном В.Н. Орловым.

Оба отважных летчика, отличившихся в боях 18 августа, — штурман 113-го гв. иап капитан В.Н. Орлов и командир эскадрильи 3-го гв. иап старший лейтенант А.А. Мурашев, одержавшие к августу 14 и 17 личных побед — 28 сентября 1943 года были удостоены звания Героя Советского Союза. К сожалению, жизнь капитана В.Н. Орлова оказалась недолгой: летчик погиб в воздушном бою 9 декабря 1943 года.

Не будет преувеличением сказать, что контрудар противника в районе Ахтырки был расценен в Ставке как своего рода пощечина. Действительно, владея инициативой и имея значительные резервы, генерал Н. Ф. Ватутин и его штаб «проморгали» сосредоточение под носом крупной танковой группировки противника. 24-й танковый корпус в первые часы наступления практически беспрепятственно смог продвинуться на расстояние до 25 километров, ворвавшись в тылы армии генерала С.Г. Трофименко. В ходе упорных боев немецким частям удалось к исходу дня овладеть Каплуновкой. При этом создалась реальная угроза выхода противника в район Колонтаев, что означало окружение двух советских танковых корпусов (4-го и 5-го гвардейских), действовавших в районе Котельва.

Попытка нанести поражение прорвавшимся немецким танкам была предпринята еще в первый день боев. Командующий 27-й армией отдал приказ о вводе в бой 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов с задачей нанесения удара с юга во фланг прорвавшемуся противнику. В 16:50 18 августа командующий Воронежским фронтом генерал Н. Ф. Ватутин издал приказ, требуя в свойственной для себя манере: *«Силами 27 А, 6 гв. А, 1 ТА окружить и уничтожить прорвавшуюся группу противника...»* [68].

На следующий день командование Воронежского фронта сосредоточило свои усилия на атаках по периметру образовавшегося на фронте 27-й армии вклинения противника. Для ликвидации кризиса были задействованы все имеющиеся поблизости силы, принадлежащие самым разным объединениям. С северо-востока сосредоточились части 1-й танковой, 4-й гвардейской и 27-й армий. Оборону на острие немецкого удара в районе Новой Одессы держала 6-я гвардейская армия, усиленная танкистами М.Е. Катукова. В предполагаемом немецком командовании «котле» 4-й и 5-й гвардейские танковые корпуса выдвинулись северо-западнее Котельвы для отражения немецкого удара в направлении Краснокутска и Колонтаева.

Несмотря на ожесточенные атаки левого фланга 24-го танкового корпуса, длившиеся на протяжении всего следующего дня, командование 4-й танковой армии продемонстрировало, что оно не намерено отступать от реализации соб-

ственных замыслов. Усилия 24-го танкового корпуса были сосредоточены южнее Каплуновки на рубеже Козьевка, Пархомовка, Сидорячье, Михайлово. Основная цель немецкого наступления оставалась прежней — сомкнуть клещи дивизий «Великая Германия» и «Мертвая голова» за спиной советских войск восточнее Котельва. Оборонявшимся в этом районе частям 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов и 241-й стрелковой дивизии пришлось отбивать яростные атаки противника. Штаб 5-го гв. тк отмечал: *«Противник с утра 19.8.43 на участке корпуса ввел в бой до 120 танков с артиллерией и мотопехотой, действуя в общем направлении на Ахтырка на восток и юго-восток при поддержке большого количества бомбардировочной и истребительной авиации»* [69]. К исходу дня соединение генерала А.Г. Кравченко, насчитывавшее 34 Т-34 и 10 Т-70, продолжало удерживать Пархомовку и Сидорячье, потеряв за день в боях 63 танка.

На второй день боев 19 августа практически вся ударная авиация Воронежского фронта, включая ночные бомбардировщики, была брошена на отражение немецкого наступления. Однако активность авиаторов 2-й воздушной армии не намного превысила показатели предыдущего дня. Так, если 18 августа было зафиксировано 476 дневных самолето-вылетов, то 19 августа экипажи армии С.А. Красовского 510 раз за день поднимали свои машины в воздух. Отметим, что число вылетов штурмовой авиации практически не изменилось, а основной прирост был получен за счет 202-й бад, а также истребительной авиации.

Среди отличившихся соединений 2-й воздушной армии снова были экипажи 291-й шад, выполнившие за день 133 самолето-вылета. При этом подчиненные полковника А.Н. Витрука нанесли три массированных удара по скоплениям танков восточнее и юго-восточнее Ахтырки, а также в районе совхозов Ударник, Вербовый, Велико-Озерский. Эти удары потребовали от пилотов Ил-2 немало смекалки. Противник искусно маскировал свои танки и самоходные установки под копны сена, а также располагал бронетехнику на скатах высот. Тем не менее экипажи 291-й шад проявили отменную настойчивость, сбрасывая бомбы с 2—3 заходов, с последующим пуском РС и обработкой целей из авиапушек. В результате по докладам авиаторов 291-й шад за день

удалось уничтожить 17 танков, 7 броневиков, 148 автомобилей. Действия 5-го шак, совершившего 19 августа 58 самолето-вылетов, были не столь активны.

Потери 2-й воздушной армии 19 августа составили 16 самолетов (2 Пе-2, 4 Ил-2, 10 истребителей), оставшись практически на уровне предыдущего дня, когда на свои аэродромы не вернулось 17 машин. Отметим, что оба Пе-2 из состава 202-й бад были потеряны в авариях уже при посадке после выполнения боевого задания, воспламенившись на пробеге, причем в одном из случаев причиной стал обрыв шатуна двигателя.

Сравнивая данные советских потерь с немецкими заявками на победы, нельзя не отметить, что наиболее активно действовавшие 19 августа в районе Ахтырки истребители из состава I/JG54 как минимум в 1,5 раза завысили свои результаты. Так, в числе 20 заявленных пилотами группы побед фигурируют 4 Пе-2, а также целая «стая» из семи «Аэрокобр». Как видно, с идентификацией типов сбитых самолетов у подчиненных Новотного на второй день боев были явные проблемы. В действительности американских истребителей в составе объединения С.А. Красовского не было.

Тем не менее нельзя не отметить успех, достигнутый парой истребителей из состава I/JG54 утром 19 августа. Речь идет о дерзкой атаке двумя «охотниками» группы советских самолетов из 291-й шад и 256-й иад, совершавших посадку после выполнения боевой задачи на аэродром Большая Писаревка. В ходе возвращения после выполнения боевого задания группы Ил-2 61-го шап и 10 Як-76 728-го иап пара FW 190 пристроилась к ним, будучи незамеченной вплоть до аэродрома. Когда около 7:00 наши самолеты начали производить посадку, немецкие истребители атаковали пару Як-76 капитана А.В. Ворожейкина и лейтенанта Д.И. Чернышева. А.В. Ворожейкину повезло, так как его истребитель загорелся от вражеских очередей уже на пробеге, что позволило раненому пилоту спастись. А вот «як» Д.И. Чернышева был безнаказанно расстрелян атакующим FW 190, и пилот погиб. По всей видимости, автором этой двойной победы стал Ульрих Вёхнерт (Wöhnert Ulrich) из 2./JG54, имевший на своем счету 86 побед. Вёхнерт, согласно немецким источни-

кам, ранним утром 19 августа сбил два самолета ЛаГГ, один на высоте 200, а второй всего 5 метров.

Этот случай вызвал бурную реакцию командующего 2-й воздушной армии. По результатам трагического инцидента командиру 728-го иап майору В.С. Василяка был объявлен выговор. Приказ по 2-й воздушной армии гласил: *«Командиру 728 иап отличной боевой работой всего летного состава смыть с полка это позорное пятно: научить и заставить летный состав полка вести наблюдение за противником не только над полем боя, но и во время пребывания в воздухе»* [70]. Отметим, что немецкие «охотники» еще не раз караулили свои жертвы над аэродромами 291-й шад. Так, например, 21 августа в течение дня пары FW 190 несколько раз показывались над аэродромом Большая Писаревка и Грайворон. В 14:05 одна из пар «фокке-вульфов» даже решилась на атаку производящих посадку Ил-2. Однако на сей раз наши истребители были начеку, отогнав непрошенных гостей.

Второй день боев в районе Ахтырки не был отмечен успехами истребителей 10-го иак. Авиация противника силами до 60 бомбардировщиков продолжала бомбардировать районы Любовка, Краснокутск, Новая Одесса, Козьевка, Качаловка. В 12 воздушных боях, из 29 зафиксированных в оперсводках 2-й воздушной армии, им удалось уничтожить He 111, 2 Ju 87 и 5 истребителей. Однако эти данные не подтверждаются списками потерь 4-го воздушного флота. Словно поддерживая ослабевшие части истребителей, эстафету воздушных боев все чаще стали брать на себя штурмовики. Так, 12 Ил-2 241-го и 617-го шап, следовавших под прикрытием 3 Як-1 737-го иап, провели воздушный бой с группой из 30 Ju 87. При сближении с «юнкерсами» пилоты «илов» открыли огонь из носовых пушек и пулеметов. 3 Ju 87, по наблюдениям экипажей, задымили, начав уходить со снижением. Эти самолеты наши пилоты посчитали сбитыми. Однако потери понесли и штурмовики, три из которых совершили вынужденную посадку. Немецкие документы отмечают в этот день потерю всего одного Ju 87 из I/StG77, который разрушился при вынужденной посадке от полученных повреждений.

Необычная победа была записана 19 августа воздушно-му стрелку из состава 4-й гв. шад Шадрину. Самолет Шадрина подвергся атаке пары FW 190, которые вели огонь по

штурмовику длинными очередями, постепенно сокращая дистанцию с 600 до 300 метров. Внезапно у пулемета стрелка возникла неисправность, устраняя которую он вынужден был нагнуться, что создало у немецких пилотов иллюзию его гибели. Один из «фокке-вульфов» сблизился с Ил-2 на дистанцию до 50 метров, но тут неисправность была устранена, и Шадрин с близкой дистанции, в упор поразил вражеский истребитель [71].

Отметим, что 19 августа JG51 и JG54 действительно понесли потери среди опытных пилотов. В JG54 был ранен в воздушном бою Герман Шлайнхаге (Scleinhage Hermann) из штаба эскадры, сбивший 97 самолетов. При попытке посадить поврежденный FW 190A-6 ас окончательно разбил свою машину. Отметим также и ранение от огня зенитной артиллерии обладателя 18 побед из состава I/JG51 Клауса Дитриха (Dietrich Klaus).

День 19 августа клонился уже к закату, когда в штабе Воронежского фронта было получено неожиданное сообщение о том, что противник начал отход из района Ахтырки. Не теряя времени даром, генерал Н.Ф. Ватутин отдал приказ 2-й воздушной армии о нанесении массированного удара подвигающимся на запад немецким частям. Выбор генерала С.А. Красовского пал на 5-й шак, так как 291-я шад уже произвела в течение дня 110 самолето-вылетов, что составило в среднем 4 вылета на исправный самолет. Однако переданный около 18:37 в штаб 5-го шак приказ встретил негодование генерала Н.П. Каманина, который категорически отказался выполнять задачу, ссылаясь на недостаток времени для подготовки вылета. В итоге штаб 2-й воздушной армии был вынужден передать выполнение этого задания 291-й шад, которая в 19:20 и 19:30 выпустила в воздух две группы самолетов. Выполнив задачу, штурмовики произвели посадку около 20:20, всего за 15 минут до наступления темноты.

По итогам этого случая, командующий 2-й воздушной армией не преминул издать приказ, в котором объявил благодарность А.Н. Витруку «за четкость и смелость решений». А вот генералу Н.П. Каманину было указано *«улучшить работу корпуса, изжив в практике своей работы критиканство»* [72]. Отметим, что действия командования и личного состава 291-й шад не в первый раз вызывали похвалу штаба 2-й

воздушной армии, который так характеризовал соединение полковника А.Н. Витрука: *«Имея в составе авиадивизии один истребительный полк, дивизия с исключительной мобильностью выполняла все задачи наземного командования и наносила войскам противника наибольшие потери и в наиболее уязвимых местах»* [73].

События, последовавшие 20 августа, показали, что за отвод войск противника из района Ахтырки была принята перегруппировка части сил 24-го танкового корпуса на левый фланг 4-й танковой армии. События, имевшие здесь место 19 августа, начали приобретать угрожающий для армии Гота характер. В этот день части 40-й армии овладели важным узлом сопротивления врага Лебедин, а части 47-й армии, продолжая успешное развитие наступления в юго-западном направлении на Зеньков, перерезали дорогу Ахтырка—Лебедин. Таким образом, фронт на этом участке все больше разворачивался в южном направлении, грозя обходом ахтырской группировки с запада.

Тем не менее отвод части немецких войск вечером 19 августа не означал отказ командования 4-й танковой и 8-й армий от попытки окружения двух советских танковых корпусов и стрелковых частей в районе Котельва. Ситуация к этому времени складывалась поистине драматическая. На стыке 4-й танковой и 8-й армий немецкое командование прилагало максимум усилий для окружения и уничтожения частей 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов, тогда как на северном фланге 4-й танковой армии три правофланговые армии Воронежского фронта продвигались в район Зенькова, грозя тылам ахтырской группировки. Невзирая на это, утром 20 августа немецкие части нанесли два сильных удара: дивизией «Великая Германия» с северо-запада на Краснукотск и с юго-востока, силами дивизии СС «Мертвая голова», на Любовку. Одновременно 10-я моторизованная дивизия нанесла удар на Котельву, уже оставленную накануне нашими войсками по приказу генерала Н. Ф. Ватутина.

Действия авиации 2-й воздушной армии 20 августа носили широкий размах. Она содействовала 40-й армии, ведущей бои за Лебедин, 47-й армии в районе Чупаховка (здесь три удара нанесли бомбардировщики 202-й бад), 27-й армии в районе Котельва, атаковала боевые порядки 24-го танково-

го корпуса перед фронтом 1-й танковой и 6-й гвардейской армий. Однако, несмотря на столь обширную «географию», количество дневных самолето-вылетов объединения генерала С.А. Красовского продолжало падать. 20 августа экипажи 2-й воздушной армии совершили всего 379 боевых вылетов.

Основным объектом атак штурмовиков и бомбардировщиков 20 августа стали переправы в районе Ахтырки через реку Ворскла, по которым противник продолжал осуществлять перегруппировку своих частей на левый фланг 4-й танковой армии, стремясь задержать продвижение 40-й и 47-й армий. Воздушные разведчики отметили большое скопление авто- и бронетехники в районе переправ между Ахтыркой и Чернетчиной. Колонны противника двигались здесь в четыре ряда. Это не могло не привлечь внимания командования 2-й воздушной армии, которое силами 291-й шад и 5-го шак организовало за день несколько массированных налетов по скоплению войск и техники противника. Налеты штурмовиков привели к образованию больших пробок на дорогах.

Как и в предыдущие дни, вновь отличились экипажи 291-й шад, нанесшие мощный пятнадцатиминутный удар группой из 20 Ил-2. При этом авиаторами было отмечено множество взрывов и пожаров машин с ГСМ. Характеризуя работу своей штурмовой авиации, штаб 2-й воздушной армии отмечал: *«Экипажи с исключительным упорством штурмовали колонны противника, производя до 4 заходов, не считаясь даже с противодействием ЗА противника»* [74]. В этих налетах оказался подбит самолет командира 617-го шап капитана Сиполса, который совершил вынужденную посадку на фюзеляж в районе аэродрома Большая Пискаревка.

Если экипажи 291-й шад потеряли в ходе налетов на переправы через Ворсклу всего один Ил-2, то потери 5-го шак, также принявшего участие в этих ударах, были очень велики — на свой аэродром не вернулось 10 Ил-2. Еще несколько машин совершили вынужденные посадки. Над целью группы штурмовиков 5-го шак, прикрываемые «яками» 32-го иап 256-й иад, подверглись атаке большой группы «фокке-вульфов», которые, сбив несколько истребителей сопровождения, прорвались к штурмовикам, нанеся им тяжелые потери.

С немецкой стороны в этом бою принимали участие пилоты из состава I/JG51 и, вероятно, I/JG54. Они доложили об уничтожении в течение сорокаминутного боя 13 Ил-2 и 4 истребителей ЛаГГ. Если не принимать во внимание перепутанные типы сбитых истребителей, то надо признать, что советские и немецкие данные весьма точно соответствуют друг другу. Среди особо отличившихся был уже упоминавшийся нами Оскар Ромм, сбивший в одном бою 6 Ил-2, а также Герхард Шнайдер (Schneider Gerhard), уничтоживший 4 штурмовика. Отметим, что боевой счет Шнайдера на момент гибели в январе 1944 года составлял 41 сбитый самолет.

Столь тяжелые потери в ходе всего лишь одного вылета стали предметом разбирательства штаба 2-й воздушной армии. Докладывая на следующий день о причинах потерь, командир 5-го шак всю ответственность за них «традиционно» возложил на истребители прикрытия, действия которых, по его мнению, отличались преступной халатностью. Главным свидетелем тому стал капитан Гармаш, ведущий одной из групп штурмовиков, в полном составе не вернувшейся на свой аэродром. Пилот смог посадить горящий штурмовик на территории, занятой врагом, был захвачен в плен, но в итоге его отбила у немцев наша разведка [75]. В свою часть раненый офицер был доставлен уже во второй половине дня, где доложил, что, по его оценкам, на группу Ил-2 напало около 18 истребителей противника, с которыми прикрывавшая четверка «яков» старшего лейтенанта М.Р. Могилевского из 32-го иап в бою участия не принимала, бросив штурмовики на растерзание «фокке-вульфам». Все это входило в явное противоречие с показаниями самого М.Р. Могилевского, согласно которым сопровождаемая им группа Ил-2 была доведена от цели до аэродрома базирования.

Тщательное расследование, проведенное командованием армии, показало, что истребители сопровождения перепутали прикрываемые группы Ил-2. Штурмовики прибыли на аэродром 32-го иап Почаево рано утром, незадолго до вылета, не успев как следует согласовать вопросы взаимодействия с сопровождавшими их истребителями. В районе цели большая группа «фокке-вульфов», состоявшая из 18 или 20 машин, смогла нейтрализовать истребители прикрытия лейтенанта С.В. Ионова и капитана Коптева, сбив несколь-

ко «яков», после чего практически беспрепятственно атаковала штурмовиков [76].

Несмотря на то что расследованием было установлено настоящее положение вещей, оптимизма летчикам-штурмовикам оно, по понятным причинам, не добавило. К сопровождающим истребителям у экипажей Ил-2 и Пе-2 уже давно накопилось множество претензий. Так, в частности, пилоты 5-го шак отмечали, что они по 15—30 минут вынуждены были ждать взлета истребителей, что зачастую приводило к срыву боевого задания. Но самое неприятное заключалось в том, что: *«Часто истребители бросали штурмовиков около линии фронта и не прикрывали их во время атаки над целью, встречали над своей территорией по возвращении штурмовиков от цели, или во время атаки забирались на большую высоту и тем самым теряли штурмовиков и тем более не замечали истребителей противника, которые подходили снизу и атаковали самолеты Ил-2. Но были случаи и позорных явлений, когда истребители прикрытия при появлении истребителей противника бросали штурмовиков, не отбивая атаки»* [77]. Например, 20 августа 6 Ил-2 90-го гв. шап в районе Ахтырки были атакованы 8 Bf 109 и 3 FW 190. Отсутствие истребителей прикрытия привело к потере 4 штурмовиков. Летчики 5-го шак отмечали, что *«особую активность истребители противника проявляют при атаках оторвавшихся от строя Ил-2 и в момент сбора группы по выходе ее из атаки»* [78]. Нарекания были и у экипажей 202-й бад, которые отмечали похожие недостатки в действиях истребителей сопровождения из 32-го иап.

Отметим, что общие потери 2-й воздушной армии 20 августа составили 22 самолета (1 Пе-2, 11 Ил-2, 10 истребителей). В то же время 8-й авиакорпус лишился в этот день Hs 129 лейтенанта Вентцеля (Wenzel), 3 Ju 88A-4 из состава 4-го и 7-го отрядов KG51, а также He 111 из III/KG4. Все эти машины посчитали жертвами зенитной артиллерии. А вот He 111 из 6./KG27, вероятнее всего, был сбит пилотом 236-го иап лейтенантом И.М. Карачинским. Летчик получил подтверждение от командира 201-й иад, ставшего свидетелем падения «хейнкеля». Еще одно подтверждение своей победы над Ju 88 (возможно, один из вышеуказанных из

состава КГ51) получил от зенитчиков батареи 1554-го полка ПВО лейтенант И. Ф. Каракаценко из 437-го иап.

Между тем наземная ситуация к 21 августа в районе Ахтырки выглядела весьма запутанной. С одной стороны, успешное продвижение 47-й армии на Зеньков грозило не только перехватом дороги Ахтырка—Зеньков, но окружением всей ахтырской группировки. С другой стороны, немецкие документы свидетельствуют, что в ходе тяжелых боев 20 августа немецким частям удалось окружить части 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов, а также некоторые стрелковые части северо-восточнее Котельва. Отметим, что приказ о срочном отводе 4-го гвардейского танкового корпуса и стрелковых частей от Котельвы на восток в распоряжение 6-й гвардейской армии был отдан еще во второй половине 20 августа. Документы свидетельствуют, что в результате тяжелых боев 19—20 августа бригады 4-го гвардейского танкового корпуса понесли тяжелые потери. Судьба остатков корпуса была трагична. Выходя из окружения, колонна 13-й гвардейской танковой бригады, состоявшая из 9 танков и 7 Су-122, втянулась на улицы Колонтаева, который уже был занят противником. С рассветом на помощь танкистам подоспел 120-й гвардейский зенитный полк, который огнем ДШК и МЗА помог танкам и САУ пробить проход в танковом заслоне противника. Но сами зенитчики понесли при этом тяжелые потери. Пытаясь вывести из окружения остатки колонны корпуса, командир 14-й гвардейской танковой бригады с 6 танками вернулся к месту боя, однако в этом бою все советские машины были потеряны.

Согласно разведсводкам группы армий «Юг», к 21 августа на левом фланге 8-й армии царил *«большая неразбериха. 4 зв. тк, а также части 5 зв. тк, отрезанные в результате атаки кав. дивизии СС «Мертвая голова» дивизии «Великая Германия», попытались прорваться в восточном направлении, но были отброшены на юг»* [79]. Согласно документам 5-го гвардейского танкового корпуса, в результате ожесточенных боев к 18:00 21 августа был оставлен Колонтаев, и противник в районе совхоза «Пионер» соединился со своей северной группировкой [80]. Тем не менее части соединения в составе 50 танков прорвались в распоряжение армии И.М. Чистякова, заняв оборону фронтом на запад. Уже на следующий

день, 22 августа, немецкое командование вынуждено было признать, что части войск в районе Котельва удалось прорваться на восток, тем самым выйдя в полосу действия 6-й гвардейской армии [81].

К 21 августа количество исправной авиатехники во 2-й воздушной армии продолжало снижаться, не позволяя в период с 21 по 23 августа превышать отметку в 220—280 самолето-вылетов. Неудивительно, что и потери соединений армии в таких условиях были на весьма низком уровне. Так, в 5-м шак за три дня был потерян всего 1 Ил-2. А из 5 не вернувшихся на свой аэродром самолетов 291-й шад четыре были подбиты в воздушных боях с истребителями противника, совершив вынужденные посадки на своей территории.

Если в лице 291-й шад и 202-й бад командование 2-й воздушной армии имело вполне боеспособные авиационные соединения, то ситуация с истребителями к концу августа стала вызывать беспокойство. Ежедневные, хотя и небольшие, потери в воздушных боях привели 235-ю иад корпуса к окончательному коллапсу. Напомним, что к концу 19 августа в составе обеих дивизий имелось в наличии 12 и 13 исправных самолетов, а еще 9 истребителей находилось в ремонте. Какое-то время количество боеспособных самолетов в обеих дивизиях поддерживалось на уровне эскадрильи благодаря самоотверженному труду авиамехаников. Так, 19 августа в 235-й иад исправными в течение дня считались 15 Ла-5, на которых летчики дивизии совершили 51 самолето-вылет.

Однако за последовавшие четыре дня новые потери полков привели к тому, что 235-я иад на вечер 22 августа имела в составе 3-го гв. и 181-го иап по одному исправному самолету, тогда как в 239-м иап, потерявшем за 20 и 21 августа 5 машин, исправных истребителей не имелось вовсе. Кроме того, по данным оперсводок дивизии, 11 самолетов числились находящимися в ремонте. Таким образом, 235-я иад фактически потеряла значение как боевое соединение. Приказом командования от 22 августа 235-я иад начала подготовку к передаче оставшейся матчасти в соседнюю 201-ю иад и перебазировании в тыл [82]. Заканчивая рассказ, отметим, что после тяжелейших потерь августа вновь 235-я иад смогла вернуться на фронт лишь в начале октября 1943 года.

Передача матчасти из 235-й в 201-ю иад позволила лишь немного поддержать последнюю «на плаву». Действительно, количество исправных самолетов в дивизии с 19 по 23 августа никогда не превышало отметки в 12—14 самолетов. В этих условиях командование 2-й воздушной армии вынуждено было снова привлечь к прикрытию наземных войск 5-й иак. В основном эта задача возлагалась на 8-ю гв. иад, тогда как 256-я иад использовалась для сопровождения бомбардировщиков и штурмовиков.

Надо сказать, что пилоты 8-й гв. иад провели в период с 21 по 23 августа несколько результативных боев. Так, 21 августа отличилась восьмерка Ла-5 88-го гв. иап под командованием старшего лейтенанта А.М. Михайлевского. Уже вечером ее пилоты удачно атаковали две группы Ju 87, прикрытых восьмеркой FW 190. В результате боя было заявлено об уничтожении сразу шести бомбардировщиков противника при потере одного Ла-5. Вероятно, противниками пилотов 8-й гв. иад стали бомбардировщики из состава 3./StG77, потерявшие в полосе 4-й танковой армии 3 Ju 87. Кроме того, 22 августа в воздушном бою пропал без вести Рихард Бранд (Brand Richard) из 1./JG51, имевший на личном счету 32 победы.

Последняя вспышка воздушных боев относится к 23 августа, когда 8-я гв. иад и 256-я иад заявили об уничтожении 3 Ju 88, 3 Ju 87, 4 FW 190, 1 Bf 109. Немецкие источники содержат лишь упоминание о потере FW 190 из II/SchG1, а также повреждении 3 FW 190 и 2 Ju 88 из KG51.

Нельзя не остановиться на интересном эпизоде, который находит подтверждение в документах обеих сторон. 22 августа шестерка «илов» 451-го шап 264-й шад атаковала группу из 12 Ju 87. Дав несколько очередей, ведущий группы капитан Проценко наблюдал, как один из «юнкерсов», выпуская клубы дыма, с глубоким креном пошел к земле. Второй Ju 87 стал жертвой младшего лейтенанта А.С. Горина (Герой Советского Союза с 15.5.46). Почувствовав охотничий азарт, летчики 451-го шап атаковали еще одну группу «лаптежников», из состава которой Проценко удалось поджечь еще один бомбардировщик.

Согласно немецким данным, противниками штурмовиков выступали экипажи Ju 87 из состава I/StG77. В результате воздушного боя был сбит и попал в плен унтер-офицер

Курт Штайберг (Steiberg Kurt). На допросе, отвечая на вопрос об обстоятельствах своего пленения, он показал следующее: *«1-й отряд получил задачу бомбардировать боевые порядки русских войск в районе Ахтырка. Вылетели на задание с аэродрома Полтава в количестве 8 самолетов под прикрытием 4 истребителей. Летели на высоте 1500 метров. Бомбардировали с пикирования с высоты 700 метров. В районе цели встретились с группой Ил-2, которые их атаковали. Во время атаки Ил-2 таранил Ю-87»* [83].

Причиной гибели самолета Штайберга немецкие источники указывают столкновение с двумя другими самолетами, после чего пилот выбросился с парашютом. По всей видимости, неожиданная атака Ил-2 расстроила боевой порядок пикировщиков. Возможно, что, находясь под обстрелом, некоторые из них могли столкнуться друг с другом, создав иллюзию тарана советскими штурмовиками. По показаниям, которые дал Штайберг, следовало, что с начала августа I/StG77 находилась в районе Белгорода и Харькова, сменив за это время три аэродрома — Толоконное (до 8 августа), Харьков (до 12 августа) и Полтава. При этом потери в группе были относительно небольшие. Так, например, за июль было потеряно всего 5 самолетов в боях и 7 самолетов при посадках и взлетах. Нельзя не отметить, что эти данные весьма точно соответствуют известному списку потерь люфтваффе за июль 1943 года.

Как видно, пилоты-штурмовики 291-й шад и 5-го шак неплохо «набили руку» в практике воздушных боев, с особым удовлетворением отмечая, что *«бомбардировщики противника воздушный бой со штурмовиками не принимают, а в беспорядке сбрасывали бомбы, уходили на свою территорию»* [84].

За август количество схваток в воздухе было особенно велико, как, впрочем, и число заявленных штурмовиками воздушных побед. Так, 5-й шак числил сбитыми в результате 50 воздушных боев 40 немецких самолетов (8 Bf 109, 10 FW 190, 21 Ju 87 и 1 Hs 126). Более скромные результаты были зафиксированы штабом 291-й шад, экипажам которой в результате 29 воздушных боев трем штурмовым полкам удалось сбить 18 немецких самолетов (9 Bf 109, 6 FW 190 и 3 Ju 87). Еще 5 Bf 109 и 3 FW 190 числились жертвами пилотов 737-м иап.

Ход сражения в районе Ахтырки, особенно после 21 августа, свидетельствовал, что дальнейшего смысла в продолжении наступления частей 24-го танкового корпуса нет. С утра 21 августа в наступление перешла 47-я армия, начавшая охват Ахтырки с запада. Вскоре к ней присоединились части других армий Воронежского фронта (27-я, 4-я и 6-я гвардейские, а также 1-я танковая армия). Согласованные удары с трех направлений привели к тому, что 25 августа Ахтырка была освобождена войсками 27-й армии. Немецкие войска поспешно отступали на юг.

Неудачный ход сражений в районе Богодухова и Ахтырки вызвал острую критику командования Воронежского фронта. Верховный Главнокомандующий посчитал необходимым в своей директиве от 22 августа указать генералу Н.Ф. Ватутину на допущенные в ходе августовских боев промахи. По мнению Сталина, основными причинами неудач наших войск было желание командования вести наступление «огульного характера», заключавшееся в продвижении по всей полосе фронта, зачастую без обеспечения флангов. Действительно, необеспеченные с флангов советские армии неоднократно оказывались под мощными контрударами противника, направленными во фланг и даже в тыл. В своей директиве Сталин перечислил подобные случаи, имевшие место во второй половине августа: контрудар по 1-й танковой армии и 6-й гвардейской армии в районе Ковяги и Богодухов, удар во фланг 6-й гвардейской армии (15 августа), а также наступление противника из района Ахтырки. Весьма примечательно, что наступление противника в районе Ахтырки датируется Верховным Главнокомандующим не 18, а 20 августа, тем самым как бы намекая на начало немецкой операции по окружению сил двух танковых корпусов в районе Котельва. Все эти кризисы, по мнению Сталина, не только привели к тяжелым и ничем не обоснованным потерям, но и сорвали возможность окружения харьковской группировки противника.

Понимая, однако, что план окружения противника в районе Харькова практически уже не имел шансов на осуществление, в директиве было особо отмечено, что задача Воронежского фронта к двадцатым числам августа, особенно в свете последних событий, заключалась в ликвидации

ахтырской группировки противника. Не стоило, по словам Сталина, *«увлекаться задачей охвата харьковского плацдарма со стороны Полтавы... ибо без ликвидации этой группы противника серьезные успехи Воронежского фронта стали неосуществимы»* [85].

Бои в районе Ахтырки продолжались вплоть до 27 августа. Однако вовсе не они венчают завершение Курской битвы. Для достойного окончания двухмесячного ожесточенного сражения советской историографии требовалось яркое, запоминающееся событие, которым и стало освобождение 23 августа частями Степного фронта Харькова. Его мы и рассмотрим в заключительной главе нашего повествования.

5.8. БОРЬБА ЗА ХАРЬКОВ

(6—23 августа. Степной фронт)

Освободив 5 августа Белгород, Степной фронт продолжал развивать наступление в южном направлении. Следующей целью войск генерал-полковника И.С. Конева была бывшая столица Украинской ССР Харьков. За два года войны местность вокруг города не раз становилась ареной ожесточенных боев, а сам он уже трижды переходил из рук в руки. Впрочем, у советского командования не было сомнений в том, что финал этой затянувшейся военной саги не за горами. План наступления предусматривал, что уже через неделю советские войска подойдут к внешнему обводу обороны Харькова в районе Дергачи, Циркуны и Перемога, а еще через трое суток освободят город.

Напомним еще раз, что окружение харьковской группировки, состоявшей из 11-го и 42-го армейских корпусов группы генерала Кемпфа, должны были обеспечить 1-я и 5-я гвардейская танковые армии, а также 57-я армия генерал-лейтенанта Н.А. Гагена. Их ударные группировки должны были соединиться юго-западнее Харькова в районе Мерефа, Люботин. Задачи войск Степного фронта, не обладавшего такими значительными силами, как его сосед справа, были очевидны — наступление параллельно шоссе Белгород—Харьков и реке Лопань с постепенным свертыванием немецкой обороны по правому берегу реки Северский Донец. Фактически войска И.С. Конева должны были на-

ступать на город «в лоб», последовательно взламывая многочисленные оборонительные рубежи, возведенные противником.

К началу августа в Степной фронт входили 53-я, 69-я и 7-я гвардейская армии (командующие генерал-лейтенанты И.М. Манагаров, В.Д. Крюченкин и М.С. Шумилов), а также 1-й механизированный корпус, сосредоточенный в полосе армии И.М. Манагарова. Как видно, боевой состав объединения И.С. Конева значительно уступал соседнему Воронежскому фронту. Такое положение вещей не устраивало энергичного и властного командующего. Справедливо считая, что основные силы, задействованные в ликвидации харьковской группировки противника, должны быть сосредоточены в руках командования Степным фронтом, он уже 5 августа направил в адрес представителя Ставки свои соображения по поводу проведения будущей операции в районе Харькова.

Указав общее направление наступления своих армий на Микояновку, Казачью Лопань и Люботин, а также подчеркнув необходимость включения удара правого крыла Юго-Западного фронта в состав Степного фронта, И.С. Конев заострил внимание на необходимости усиления своих войск новыми частями и соединениями. Среди запрошенных соединений были два механизированных и два танковых корпуса, что, по всей видимости, можно воспринять как недвусмысленный намек о желательности передачи в состав Степного фронта 5-й гвардейской танковой армии. Кроме того, командующий фронтом затребовал дополнительные артиллерийские и инженерные части. Не остались без внимания и авиаторы — 5-й воздушной армии, по мнению И.С. Конева, требовался один штурмовой и один истребительный корпус. Помимо всех этих усилений, войска армий И.М. Манагарова и М.С. Шумилова, понесшие чувствительные потери в конце июля и начале августа, требовали пополнения в 25 000 человек, а в состав бронетанковых частей фронта необходимо было включить порядка 400 танков. При этом ветерана июльских боев — 69-ю армию генерала В.Д. Крюченкина, предлагалось вывести во фронтовой резерв, для доукомплектования [86].

Пока предложения И.С. Конева и его штаба рассматривались в Москве, продвижение войск Степного фронта продолжалось. 6 августа, в день, когда Белгород был окончательно очищен от противника, 53-я и 69-я армии неожиданно натолкнулись на серьезное сопротивление южнее города на рубеже Долбино, Новая Деревня, Шагаровка, Таврово. Части 1-го механизированного корпуса, добившиеся было первоначального успеха, подверглись неоднократным контратакам, а также налетам авиации, и были вынуждены отойти.

Одной из косвенных причин неудачи наземных войск 6 августа была слабая поддержка с воздуха, оказанная летчиками генерала С.К. Горюнова. Из ударных соединений 5-й воздушной армии 6 августа в полосе Степного фронта остался один 1-й шак. Напомним, что бомбардировочный корпус полковника И.С. Полбина 5—6 августа большей частью сил был задействован на Воронежском фронте, нанося удары в полосе перешедших в наступление 27-й и 40-й армий. Согласно документам, двумя штурмовыми дивизиями 1-го шак 6 августа было совершено всего 129 самолето-вылетов, что было недостаточно для поддержки армий И.М. Манагарова и В.Д. Крюченкина. Для сравнения напомним, что в первые два дня наступления экипажи 1-го шак совершили 375 и 278 самолето-вылетов соответственно. Всего же за 6 августа 5-я воздушная армия совершила 443 самолето-вылета.

Основной причиной снижения активности штурмовой авиации стали потери, понесенные ею за первые четыре дня боев. Согласно документам 1-го шак, соединение генерал-лейтенанта В.Г. Рязанова за этот период безвозвратно потеряло 19 самолетов, а еще 30 машин совершили вынужденные посадки на своей территории (15 и 22 из этого числа соответственно составляли Ил-2). Нельзя не отметить, что превосходная живучесть штурмовика Ильюшина во многом способствовала эвакуации большинства самолетов с мест вынужденных посадок. Оперсводки корпуса свидетельствуют, что к 6 августа на свои аэродромы прибыли авиаторы из состава экипажей 18 самолетов, числившиеся как не вернувшиеся с боевых заданий (совершивших вынужденные посадки) в период с 3 по 5 августа. В результате опроса летчиков штабу корпуса удалось установить, что 3 штурмовика

совершили удачные посадки на колеса и были исправны, 12 подлежали восстановлению, 2 разбиты, а еще один, севший на линии фронта, был сожжен минометным огнем противника [87].

Основное противодействие экипажам 1-го шак 6 августа в районе южнее Белгорода оказывали группы II и III/JG52. При этом 2-я группа действовала не в полном составе, так как 4-й отряд временно был переброшен в Анапу. Успехи немецких истребителей были невелики — было одержано около 14 побед, 8 из которых были записаны пилотам отряда 6./JG52. Не отмечают немецкие источники и сколько-нибудь значительных утрат — за весь день отмечена лишь потеря разведывательного «мессершмитта» из состава NAGr2, а также легкое повреждение бомбардировщика He 111H-16 из состава 9./KG27, который пилотировал пилот с вполне русской фамилией Сокол, но истинно «арийским» именем Хайнц (Sokol Heinz).

Документы 4-го иак зафиксировали 6 августа 11 воздушных боев, которые в основном представляли собой стычки с небольшими группами истребителей и бомбардировщиков противника, действовавших группами по 4—6 машин. Всплеск активности немецкой авиации отмечался лишь в первом часу дня, когда около 12:00 западнее Белгорода группа из 8 Як-1 и Як-7б 183-го иап, ведомая командиром полка майором А.А. Обозненко, атаковала 6 групп He 111, каждая из которых насчитывала от 6 до 12 машин, а также две девятки Ju 88. Немецкие самолеты были обнаружены в момент выхода из облачности, что позволило пилотам «яков» принять боевой порядок, начав последовательные атаки с пикирования. С первой же атаки А.А. Обозненко удалось поразить «хейнкель», а после атаки всей группы загорелся один из Ju 88. На счет летчиков группы записали также и 3 подбитых He 111. Кроме того, в ходе воздушного боя младший лейтенант Церковный из ее состава видел успешную атаку одиночного Ла-5 сверху по одному из «хейнкелей».

Эти данные хорошо согласуются с оперсводками 302-й иад, согласно которым группа из 6 Ла-5 297-го иап, ведомая младшим лейтенантом Ф.К. Борисенко, в районе Белгорода обнаружила и атаковала одиночные «хейнкели», а также группу из 4 Ju 88. По всей видимости, атаки груп-

пы А.А. Обозненко расстроили боевой порядок немецких бомбардировщиков, которые уходили на свою территорию небольшими группами или по одиночке, подвергнувшись атакам подоспевших Ла-5. В ходе боя ведущему группы Ф.К. Борисенко удалось повредить два немецких бомбардировщика. Вероятно, именно его атаку наблюдал младший лейтенант Церковный из группы 183-го иап.

Надо сказать, что 6 августа стало чрезвычайно удачным днем для младшего лейтенанта Ф.К. Борисенко. Кроме двух поврежденных He 111 пилот записал на свой счет Ju 88, сбитый с пикирования ранним утром около юго-западной окраины Белгорода, а также уничтоженный во второй половине дня «сто девятый». Несмотря на успехи, боевая карьера Ф.К. Борисенко оказалась, к сожалению, короткой. Уже через 4 дня, 10 августа, отважный пилот погиб в тяжелом воздушном бою с большой группой «мессершмиттов».

Неожиданная задержка наступления южнее Белгорода заставила командование Степного фронта более тщательно подойти к планированию наступления на следующий день, 7 августа. Командующий 5-й воздушной армией генерал С.К. Горюнов и его штаб получили распоряжение уделить особое внимание прикрытию 53-й армии, которая должна была овладеть Журавлевкой и Малыми Проходами — населенными пунктами, лежащими на границе Белгородской и Харьковской областей, а также перехватить шоссе Белгород—Харьков. Более сложная задача стояла перед командиром 1-го механизированного корпуса генерал-лейтенантом М.Д. Соломатиным. Его соединение должно было к исходу 8 августа захватить Дергачи — населенный пункт, находящийся всего в 8—10 километрах северо-западнее Харькова.

Наступление, начавшееся утром 7 августа, получило значительную поддержку авиаторов генерала С.К. Горюнова. За сутки 5-я воздушная армия выполнила 757 самолето-вылетов. Снова действовавший в интересах Степного фронта 1-й бак нанес в период с 7:56—8:00 и с 9:50—10:00 два удара силами трех девяток каждый. Экипажи Пе-2 подвергли бомбежке позиции артиллерии и скопления войск противника в районах Таврово, Нечаево, Муром, Липцы. При этом на цели выполнялось по два захода, с разных направлений. Наиболее подготовленные экипажи вели бомбардировку с

пикирования, что в значительной степени сказалось на ее эффективности. Особенно выделялась эскадрилья старшего лейтенанта Скоробогатова из состава 82-го гв. бап, которая большинство боевых заданий, начиная с июля месяца, выполняла с пикирования. При этом сам командир эскадрильи 60 раз водил своих подчиненных на боевые задания.

Говоря об итогах налетов «пешек», сошлемся на доклад штаба 1-го бак от 7 августа, в котором, в частности, говорилось: *«По наблюдениям экипажей и дешифрированием фото-схем целей — задание выполнено отлично. Отмечены прямые попадания бомб в окопы и по скоплению автомашин и артиллерии противника. Дешифрированием схем установлено: уничтожено и повреждено до 50 домов, до 55 автомашин, 10 танков, 30 повозок, 13 огневых точек, 1 склад боеприпасов, 1 склад ГСМ»* [88].

Подтвердили успех действий бомбардировщиков и наземные войска. Командир 1-го бак получил телеграмму от командующего 5-й воздушной армией, в которой говорилось: *«Шумилов передал, что Ваши бомбардировщики в первый вылет действовали исключительно хорошо, благодаря этому был взят пункт Таврово, а после бомбардирования Бродок, наземные части заняли его северную окраину и ведут бой за его овладение»* [89]. Представление об эффективности массированных бомбежек дополняли и показания пленных. Так, захваченный в районе Бродок ефрейтор 107-го артполка 106-й пехотной дивизии рассказал, что его полк потерял свыше 75% личного состава и матчасти в результате обработки его русскими бомбардировщиками.

На четверть увеличил число боевых вылетов 7 августа и 1-й шак. Из 398 самолето-вылетов 190 пришлось на штурмовики, а 208 — на истребители 203-й иад. На плечи летчиков-истребителей дивизии И. Ф. Баранчука, занятых в основном сопровождении штурмовиков 266-й и 292-й шад, легла поистине огромная нагрузка, сохранявшаяся на протяжении всей операции. Так, например, 7 августа 247-й иап совершил силами 18 Як-1 83 самолето-вылета, 270-й иап 19 самолетами — 71 самолето-вылет и 516-й иап 12 самолетами — 46 самолето-вылетов. Не сложно подсчитать, что средняя нагрузка на один самолет в полках дивизии составила от 3,7 до 4,6 вылета в день.

Связанные прикрытием «илов», летчики 203-й иад в основном вели воздушные бои с небольшими группами истребителей противника, старавшихся неожиданно атаковать штурмовиков. Несмотря на самоотверженность подчиненных генерала И. Ф. Баранчука, в их боевой работе еще часто случались досадные промахи, что вызывало обоснованную критику прикрываемых ими экипажей Ил-2. Например, в трех воздушных боях, проведенных экипажами 292-й шад 7 августа, в двух случаях истребители сопровождения в бой не вступали. Так, около 11:22 12 Ил-2 800-го шад были атакованы парой FW 190. Отсутствие противодействия со стороны истребителей сопровождения позволило пилотам «фокке-вульфов» провести в общей сложности восемь атак, нанеся тяжелые повреждения 3 Ил-2. В 16:05 12 Ил-2 этой же дивизии снова подверглись атакам четырех немецких истребителей (на сей раз опознанных как «мессершмитты»). Отсутствие противодействия со стороны эскорта, который летел выше, снова позволило немцам провести шесть атак.

Впрочем, как показала практика, летчики генерала В.Г. Рязанова были вполне в состоянии постоять за себя, вступая в активный воздушный бой с самолетами противника. Так, около 17:25 в районе Микояновка 12 Ил-2 800-го шад атаковали группу из 18 Ju 88 и Ju 87, шедшую под прикрытием 8 Bf 109. В результате боя на счет пилотов и воздушных стрелков было записано 3 Ju 87. В 18:40 в районе Журавлевка состоялся еще один воздушный бой, в котором принимали участие 12 Ил-2 673-го шад 266-й шад и 12 Як-1 против 30 Ju 87 и 18 Bf 109. По докладам пилотов, удалось сбить еще три «лапотника». При этом два Ил-2 были тяжело повреждены, но смогли перетянуть на свою территорию. Возможно, жертвой «илов» в этих боях стали один или два Ju 87D-3 из трех, потерянных эскадрой StG77 из состава в этот день.

Документы 5-й воздушной армии зафиксировали за 7 августа 26 воздушных боев, в которых было сбито около 40 самолетов. Среди них 22 Bf 109, 6 Ju 88, 6 Ju 87, 4 He 111, 1 FW 190 и 1 Hs 126. Отметим, что эти данные фигурируют в оперсводках армии с пометкой «по докладам экипажей». Собственные же потери от воздействия противника составили 4 самолета, а 12 истребителей и штурмовиков считались не вернувшимися с боевых заданий. Кроме того, 7 Ил-2 1-го

шак в результате полученных в боях повреждений совершили вынужденные посадки.

Противником экипажей 5-й воздушной армии 7 августа оставались истребители из состава 6./JG52 и III/JG52. Летчики последней одержали за день около 14 побед. В основном жертвами были истребители (10 побед), идентифицированные как ЛаГГ. Что имели в виду под этим обозначением немецкие эксперты — лобастые Ла-5 или неправильно опознанные остроносые «яки», остается загадкой. Отметим лишь, что потери наших истребителей за день составили 7 «яков» и 2 «лавочкина». По всей видимости, 2 Як-1 из состава 6-го иап в вечернем бою стали жертвами командира III/JG52 Гюнтера Ралля.

Для противодействия советскому наступлению севернее Харькова командование 4-го воздушного флота задействовало группы штурмовиков и бомбардировщиков из состава II/SchG1 и III/KG27, наносивших удары в основном по колоннам наших войск на шоссе Белгород—Харьков, а также по боевым порядкам 1-го механизированного корпуса в районе Веселая Лопань. Один из таких налетов удалось сорвать пилотам 6-го иап 294-й иад. Около 13:20 восьмерка Як-1, ведомая командиром полка майором Ф.А. Лукелием, на высоте 4500 метров обнаружила 3 группы общей численностью 23 He 111 под прикрытием 6 Bf 109. Разделившись на две четверки, наши истребители атаковали сверху немецкие бомбардировщики. При этом младшим лейтенантам С.А. Власову и Б. Ф. Козулину удалось сбить два вражеских самолета. «Хейнкели», не выдержав этой неожиданной атаки, стали сбрасывать бомбы в поле в районе Бессоновки и заворачиваться на обратный курс. Однако стрелкам замыкающей шестерки удалось поджечь «як» лейтенанта А.И. Васильева, который на горящей машине ушел в восточном направлении.

Немецкие списки потерь подтверждают, что III/KG27 действительно потеряла в этот день два самолета. При этом машина из состава 9-го отряда погибла вместе с экипажем, а вот раненный в бою командир III/KG27 гауптман Карл Майер (Mayer Karl), летевший в составе 8-го отряда, сумел посадить поврежденный на 30% He 111H-16 на аэродроме Харькова. Такой же процент повреждений имели и два FW 190F-3

из состава 6./SchG1, один из которых, вероятно, стал жертвой капитана Ш.Н. Кирия из 427-го иап. Только живучесть «фокке-вульфа» спасла пилотов на сей раз. Несмотря на полученные повреждения (30 и 35% разрушения), оба штурмовика совершили посадку на харьковском аэродроме.

Говоря о боях в районе Харькова, нельзя не сказать, что действия двухмоторных бомбардировщиков достаточно критично оцениваются в советских архивных документах. Высота полета «юнкерсов» и «хейнкелей» в дневное время в течение июля—августа неизменно повышалась от 2500 до 4000 метров, что под конец стало сказываться на точности бомбометания. При этом основной опасностью для самолетов «кампфгешвадеров» оставались расчеты зенитной артиллерии Красной Армии. Однако все больше давала себя знать и возросшая агрессивность наших истребителей, которые в подавляющем большинстве случаев активно атаковали немецкие самолеты, часто нарушая боевой порядок групп бомбардировщиков, не давая делать заход на цель. Недаром, говоря о событиях 1943 года, генерал Швабедиссен вынужден был признать: *«Характерная для русских истребителей оборонительная тактика в борьбе с немецкими бомбардировщиками ушла в историю»* [90].

Обратимся к итогам наступления 7 августа. В результате его фронт противника южнее Белгорода оказался прорван, и части Степного фронта продолжали развивать наступление в южном направлении. К исходу 8 августа они продвинулись на 20—25 километров, выйдя на фронт Журавлевка—Коровино. Фактически оказалась достигнута граница Белгородской и Харьковской областей. Однако задача по выходу к Дергачам силами 1-го механизированного корпуса оказалась не выполнена. С большим трудом развивалось наступление 7-й гвардейской армии, которой в итоге все-таки удалось форсировать реку Северский Донец, захватив при этом находящееся на правом берегу Соломино. Продвижение вперед армии М.С. Шумилова, а также 53-й и 69-й армий проходило при неоднократных контратаках противника.

8 августа стало важным днем для командования Степного фронта. После рассмотрения плана наступательной операции в районе Харькова, предложенного три дня назад генералом И.С. Коневым, он нашел одобрение в Ставке.

Сосредоточение всех сил в руках командующего Степным фронтом должно было не только улучшить координацию действий наступающих на Харьков войск, но и ускорить освобождение города. Решением Ставки в состав Степного фронта передавались 5-я гвардейская танковая армия и 57-я армия Юго-Западного фронта. Отметим, что объединение генерала П.А. Ротмистрова к тому времени понесло тяжелые потери. В боях с 3 по 10 августа из ее состава было сожжено 111 танков, подбито артиллерией 100, подорвалось на минах 14. Еще 29 машин (24 Т-34 и 5 Т-70) были подбиты во время авиационных ударов противника [91].

Получив столь мощное усиление, И.С. Конев в боевом приказе на 9 августа поставил вновь переданным в состав фронта армиям весьма амбициозные задачи. Так, 5-я гвардейская танковая армия должна была уже к исходу 9 августа выйти в район Люботин, Пересечная, Олышаны, тем самым перерезав дороги, ведущие из Харькова на запад. Конечной же целью наступления танкистов П.А. Ротмистрова был населенный пункт Мерефа, расположенный юго-западнее Харькова. Туда же, как мы помним, нацеливалась и 57-я армия генерала Н.А. Гагена, которой предписывалось форсировать реку Северский Донец, захватить плацдармы и готовиться к наступлению в обход Харькова с юга.

9 августа войска Степного фронта смогли совершить очередной рывок вперед, продвинувшись за день на 14—20 километров. Наступление развивалось успешно на фронте всех трех армий. 1-й шак в эти два дня совершал ежедневно в среднем чуть более 200 самолето-вылетов, причем между штурмовиками и истребителями вылеты были распределены приблизительно поровну. Командование 5-й воздушной армии особенно выделило удар 35 Ил-2 по сильно укрепленному пункту Петровка. Сделав два захода, штурмовики обратили в бегство многочисленную пехоту противника, позволив нашим войскам занять этот сильно укрепленный пункт с минимальными потерями [92].

Бомбардировочная авиация Степного фронта подвергла бомбежке скопления войск и техники противника, которые отходили в направлении следующего оборонительного рубежа в районе Циркуны, Померки, Русское Лозовое, Черкасское Лозовое. При этом командование 5-й воздушной армии

особенно заострило внимание экипажей Пе-2 на возможное скопление войск противника в лесных массивах севернее Харькова.

Боевые задания 1-го бак в период с 9 по 10 августа отличались разнообразием поражаемых целей. Среди них были опорные пункты, аэродромы и автоколонны противника. При ударах по автоколоннам использовались данные вылетов самолетов-разведчиков из состава корпуса, которые, обнаружив подходящую цель, передавали ее координаты на КП командира корпуса. Уже утром 9 августа по срочному распоряжению командира корпуса в воздух было поднято две девятки пикировщиков, одна из которых должна была нанести удар по колонне, состоящей приблизительно из 100 автомашин идвигающейся от Липцы на Харьков. Вторая группа работала по колонне с таким же количеством автомобилей,двигающейся из Русское Лозовое также в направлении Харькова.

Еще одной необычной задачей, выполненной пилотами И.С. Полбина 9 августа, была бомбардировка самого Харькова. Целью пикировщиков стала площадь Дзержинского, на которой было отмечено большое скопление немецкой бронетехники. Потери в ходе этого налета составили всего 1 Пе-2, который, по всей видимости, стал жертвой фельдфебеля Карла-Хайнца Мельцера (Meltzer Karl-Heinz) из 8./JG52.

Кроме того, ожесточенной бомбежке как бомбардировщиков, так и штурмовиков подверглись немецкие аэродромы Померки и Сокольники. Первыми эти аэродромы в ночь на 6 августа бомбили экипажи 6-го ак дд, продолжавшие наносить удары по этим целям в последующие две ночи. 9 августа налет на аэродром Померки, а также прилегающие к нему постройки совершили самолеты 1-го бак. В результате экипажи «пешек» наблюдали сильные взрывы складов с боеприпасами, а также отметили уничтожение 3 самолетов и 2 ангаров на летном поле. На следующий день удар по этому же аэродрому нанесли 12 Ил-2 266-й шад, уничтожившие, по докладам пилотов, еще около 10 машин противника. По аэродрому Сокольники 10 августа «работала» дюжина штурмовиков 800-го шап, которые сожгли 5 ангаров, уничтожив при этом до 22 самолетов противника, а также повредили 2 тяга-

ча. Хотя немецкие источники не отмечают потерь авиации на аэродромах в период с 9 по 10 августа, тем не менее нельзя не признать, что в условиях начавшейся с 8 августа эвакуации из Харькова эти удары сыграли значительную роль, заставив эвакуироваться на аэродромы Полтавы, Миргорода и Конотопа значительную часть самолетов 4-го воздушного флота. 11 августа радиоразведкой 2-й воздушной армии было установлено, что противник прекратил работу с аэродромов харьковского аэроузла.

Если немецких авиаторов заставляло перебазироваться все дальше на запад опасное приближение к их аэродромам линии фронта, то экипажи 5-й воздушной армии, наоборот, к 10 августа стали испытывать слишком большие затруднения в связи с большой удаленностью собственных посадочных площадок до целей. В особенности это касалось ударных самолетов, которые вынуждены были делать по целям всего один заход, зачастую лишенные возможности маневра. По этой причине в период с 11 по 12 августа все три корпуса произвели перебазирование на новые аэродромы. 1-й бак перелетел на аэроузел Боровки, 1-й шак — на аэроузел Великий Бурлук, 4-й иак — на аэроузел Терновая. После перебазирования удаление от аэродромов до линии фронта составило для бомбардировщиков — 140 км, для штурмовиков — 50—60 км, для истребителей — 30—45 км.

В ходе перебазирования сказались недостатки планирования операции со стороны служб тыла 5-й воздушной армии. В первую очередь это отразилось на подготовке передовых аэродромов к приему частей. Несмотря на то что имелась возможность выделения 2—3 БАО из имевшихся 19 для обеспечения работы авиачастей, планом выделения таких резервных БАО не предусматривалось, что создало нервную обстановку не только у руководства тылом, но и у командиров соединений и частей.

Мы уже знаем, что в период с 9 августа 4-й воздушный флот получил значительное усиление из состава 6-го воздушного флота. Прибывшие подкрепления в лице I и IV/JG51, а также I/JG54 оказали эффективную поддержку эскадре JG52, которая, действуя в неполном составе, на протяжении недели в одиночку вела борьбу в воздухе с двумя советскими воздушными армиями, одновременно отвлекая часть истре-

бителей в полосу действия 1-й танковой и 6-й армий. Советская разведка отметила появление перед фронтом новых соединений немецких истребителей. Так, разведсводки 294-й иад свидетельствуют, что с 13 августа отмечено появление истребителей FW 190 (из состава I/JG51 и I/JG54. — *Прим. авт.*). Пилоты «фокке-вульфов» предпочитали появляться в группах до 10—12 самолетов. При этом применялась своеобразная тактика — зачастую пара или звено «фокке-вульфов» ввязывалось в воздушный бой с нашими самолетами, одновременно вызывая подкрепление. В итоге немецкие истребители за короткое время удачно наращивали количество самолетов в воздухе, стремясь в первую очередь расколоть группы наших самолетов и бить их по одиночке.

Воздушные схватки 9 и 10 августа носили упорный характер. При этом на первый план, по заявленным успехам, по сравнению с предыдущими днями вышли экипажи 302-й иад. Так, 9 августа в 8 воздушных боях при сопровождении бомбардировщиков 1-го бак было сбито 13 самолетов противника (12 Bf 109 и 1 FW 190) ценой потери 2 Ла-5 193-го иап. Но все рекорды побил 10 августа. В этот день ценой 5 Ла-5 было уничтожено всего в 5 воздушных боях 30 вражеских машин [93]. Результат будет еще более внушительным, если мы присовокупим к этим успехам еще 9 побед, приходящихся на долю пилотов 203-й и 294-й иад.

На страницах этой книги мы уже не раз сталкивались с ситуацией, когда между заявками сторон о своих достижениях и фактическими результатами лежит целая пропасть. Данное утверждение можно применить и к событиям 9—10 августа. Так, например, из 30 уничтоженных 10 августа «мессершмиттов» силами истребителей 5-й воздушной армии, в немецких источниках можно найти подтверждение о потере всего лишь одного (!) самолета данного типа от воздействия противника и еще одной поврежденной машины. Как и во многих других случаях, причина столь вопиющих несоответствий кроется как в отсутствии независимой, адекватной системы учета потерь противника в ВВС Красной Армии и влиянии идеологического фактора, так и в отсутствии до сих пор полных данных о потерях люфтваффе на Восточном фронте. Накладываясь друг на друга, эти причины порой только усиливают неразбериху.

Рассмотрим события 10 августа несколько подробнее, чтобы понять, из чего же сложились столь впечатляющие результаты. Приведем лишь наиболее результативные схватки. Первой из таковых явился бой 10 Ла-5 193-го иап под командованием майора Н.И. Ольховского с 14 Bf 109 в районе Липцы. Задание группы Н.И. Ольховского заключалось в фотографировании харьковского аэродрома (Центральный и НКВД). Неизвестно, что явилось причиной направления сильной группы для выполнения столь специфического задания, однако в районе линии фронта «лавочкины» были перехвачены «мессершмиттами». Про фотосъемку пришлось забыть. По результатам боя пилотам майора Н.И. Ольховского было записано 7 побед, т.е. в штабе дивизии посчитали, что удалось уничтожить ровно половину немецкой группы.

Еще более фантастический результат был записан на счет истребителей 297-го иап. В бою с 50 бомбардировщиками и 30 истребителями 10 Ла-5, ведомым старшим лейтенантом П.М. Кучеренко, удалось уничтожить ни много ни мало 17 вражеских самолетов (9 Bf 109, 7 Ju 88 и 1 He 111)! Однако и потери нашей группы были велики. На свой аэродром не вернулось 5 Ла-5. Погибли младшие лейтенанты Шныров, Жуков, уже упоминавшийся нами мл. лейтенант Ф.К. Борисенко, а младший лейтенант Сазонов на сильно поврежденной машине совершил вынужденную посадку. В воздушном бою смертью героя погиб младший лейтенант А.В. Добродеецкий, который, заметив опасность, грозящую командиру, таранил вражеский истребитель и погиб. 4 февраля 1944 года А.В. Добродеецкому было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

Сверяя доступные данные противоположных сторон, можно лишь предположить, что одной из жертв советских пилотов стал сбитый младшим лейтенантом Н.С. Артамоновым (Герой Советского Союза с 19.8.44) He 111 из состава 1./KG100. Кроме того, по всей видимости, удалось повредить один Ju 88 из KG3. Вероятно, что столь высокие заявки на воздушные победы, явно выходящие за пределы здравого смысла, были призваны хоть как-то компенсировать горечь от тяжелых потерь, понесенных в этих боях. Отметим, что и 9, и 10 августа основную массу сбитых самолетов противника, судя по оперсводкам 5-й воздушной армии, составляли

именно истребители противника. Так, 9 августа было зафиксировано 25 побед (сбито 22 Bf 109 и 3 FW 190), а 10 августа в 22 воздушных боях отмечается уничтожение уже 49 немецких самолетов (из них 39 Bf 109 и 1 FW 190). Несложно посчитать, что только за два дня боев, по заявкам пилотов, было уничтожено 65 истребителей противника, или две истребительные группы полного состава.

В то же время при столь больших и официально признаваемых победах в воздушных боях в документах частей зачастую указывается на недостатки и упущения в организации боевой работы истребителей. Эти недостатки были, в общем-то, типичные для советских ВВС летом 1943 года. Например, командование 294-й иад отмечало по итогам августа все еще низкую слетанность групп. Это особенно становилось заметно при завязке боя, когда наши истребители в большинстве случаев старались атаковать все сразу. В результате группа распадалась в лучшем случае на пары, создавая в воздухе ненужную скученность. Все это не только увеличивало сумятицу, но и не позволяло командиру группы руководить боем. Отмечались и отдельные случаи покидания боя без разрешения командира.

Объективные трудности накладывались на субъективные. Так, командование 294-й иад отмечало, что имевшая в ряде случаев нестабильность прикрытия наземных войск есть «неизбежное зло» в условиях наступления и преследования противника. Кроме того, штаб дивизии неоднократно отмечал, что существующая система ВНОС не обеспечивает надежного наведения на воздушные цели. По мнению командования, «ключом» к решению проблемы должны были стать радиолокационные установки «Русс» и «Редут», однако, к сожалению, в тот момент они на фронте отсутствовали. Весьма неудобными оказались и большинство аэродромов базирования дивизии, которые представляли собой длинные узкие полосы, что значительно затрудняло взлет со стоянок и не позволяло держать наготове дежурную пару.

Вернемся от анализа действий истребителей к общему ходу событий на Степном фронте. С 10 по 13 августа тяжелые для обеих сторон бои на внешнем оборонительном обороте Харькова продолжались. Удачное наступление 9—10 августа позволило нашим войскам выйти к опорным пунк-

там немецкой обороны Дергачи, Черкасское-Лозовое, Циркуны. Командование группы Кемпфа оказалось в непростой ситуации. Несмотря на возникшую на отдельных участках фронта 9 августа панику, командованию 11-го и 42-го армейских корпусов удалось в итоге взять ситуацию под контроль, укрепив дисциплину, а также путем переброски резервов приостановить продвижение войск Степного фронта. Стойкая оборона крупных арьергардов, а также частые контратаки показывали советскому командованию, что борьба за Харьков предстоит тяжелая и кровавая.

О намерении противника оборонять северные подступы к Харькову говорила отмечаемая авиаразведкой переброска войск к линии фронта. Так, например, 10 августа в 18:30 было обнаружено выдвижение мотомеханизированной колонны в количестве 1500 единиц от Алексеевского на север к Харькову. Колонна была обнаружена в тот момент, когда ее голова уже входила в город.

Некоторая заминка в действиях ударной авиации 5-й воздушной армии, связанная с перебазированием на новые аэродромы 11—12 августа, заставила экипажи штурмовиков и бомбардировщиков действовать с меньшим напряжением. Однако уже 13 августа экипажи В.Г. Рязанова и И.С. Полбина участвовали в боях в полном составе. 5-й воздушной армией в этот день было совершено 452 самолето-вылета.

В своем распоряжении на 13 августа командиру 1-го бак генерал С.К. Горюнов приказал: *«Наносить последовательные бомбардировочные удары по войскам и технике противника на дорогах Люботин—Харьков, Мерёфа—Харьков. Вылеты производить не менее одновременно двух групп, обеспечив надежным прикрытием»* [94]. При этом первый вылет бомбардировщики должны были выполнять по готовности немедленно, последующие — по данным своей разведки. Северную окраину Харькова командующий приказал не трогать. Целями пикирующих бомбардировщиков должны были стать войска на западной и южной окраинах Харькова. В итоге 13 августа бомбардировщиками 1-го бак, действовавшими группами по 7—9 самолетов, было совершено по указанным целям 107 боевых вылетов. Потери составили всего 2 Пе-2, один из которых был сбит зенитной артиллерией, а второй пропал без вести.

Большая нагрузка 13 августа выпала и на долю экипажей 1-го шак. На рассвете 10 Ил-2 735-го шап 266-й шад совершили налет на аэродром Основа. По докладам пилотов, было уничтожено 10 самолетов противника, создано 6 очагов пожара, а также отмечено 5 сильных взрывов. В дальнейшем группы 1-го шак численностью от 20 до 24 Ил-2 нанесли за день три удара в полосе действий 7-й гв., 53-й и 57-й армий. При этом если на фронте армий И.М. Манагарова и М.С. Шумилова основной целью «илов» были автомобильный и железнодорожный транспорт, а также скопления войск, то объектом вечернего удара в полосе армии Н.А. Гатена стали немецкие танки из состава 6-й танковой дивизии в районе Мерефа, переброшенные сюда немецким командованием для удержания дороги Харьков—Красноград. Потери корпуса В.Г. Рязанова составили всего 2 Ил-2 и 2 Як-1.

Генерал И.С. Конев, по всей видимости, рассчитывал, что 13 августа станет днем перелома в ходе сражения за Харьков. Это видно по распоряжениям, отдаваемым им командующим 53-й и 57-й армиями, в которых содержится призыв стремительнее развивать наступление навстречу друг другу, выбрасывая вперед подвижные соединения. В то же время резкое неудовольствие командующего фронтом вызвали действия 13 августа 5-й гвардейской танковой армии. В своем грозном распоряжении комфронта отмечал, что в то время, как войска фронта ведут успешный бой за Харьков, танковая армия преступно топчется на месте [95].

Впрочем, причина такого «топтанья» выяснилась очень быстро. Как мы помним, 11 августа немцы нанесли мощный контрудар в районе Богодухова с целью срезать ударный клин 1-й танковой армии. К 13 августа обстановка в полосе Воронежского фронта и, в частности, на его левом фланге, где располагалась 5-я гвардейская армия генерала А.С. Жадова, резко обострилась. Немецким танкам еще 12 августа удалось прорваться через боевые порядки 32-го и 33-го гвардейских стрелковых корпусов, что потребовало от командования 5-й гвардейской танковой армии принять на себя удар противника, ведя бой юго-восточнее Богодухова. По всей видимости, И.С. Конев до последнего надеялся, что кризис, возникший у соседа, будет разрешен силами Воронежского фронта, но, убедившись в серьезности по-

ложения, в ночь на 14 августа отдал приказ Ротмистрову о переходе к обороне [96].

Несмотря на сложившуюся ситуацию, командующий Степным фронтом не потерял надежды на окружение противника. Основное внимание теперь было сосредоточено на 57-й армии, которая должна была форсировать реку Уды в районе Безлюдовки, направив в дальнейшем удар на Мерефу. Этой операции командование фронта придавало большое значение. Кроме тяжелой артиллерии, для ее проведения были привлечены части 1-го бак, совершившие в течение 14 августа 110 боевых вылетов, бомбардируя скопления немецких войск в районе Безлюдовка и на юго-восточной окраине Харькова. Документы корпуса отмечают: *«В результате боевых действий на юго-западной окраине Харькова возникло до 40 очагов пожара, сопровождавшихся взрывами большой силы, подавлен огонь 4 батарей ЗА, уничтожено до 20 автомобилей с войсками и грузами, взорван склад боеприпасов и склад ГСМ»* [97].

Потери от истребителей противника 14 августа составили всего 1 Пе-2. 18 Пе-2 854-го бап, нанося удар по электростанции на восточной окраине Харькова, после бомбометания легли в разворот и в это время были атакованы из-за облаков 15 немецкими истребителями. Успех сопутствовал Фридриху Облезеру (Obleser Friedrich), сбившему один пикировщик. Большинство же немцев, не добившись успеха, предпочли выйти из боя переворотом. Только один из Bf 109 проскочил впереди с набором высоты, зависнув прямо перед строем «пешек». Младший лейтенант Барабан двумя длинными очередями своего БС поджег немецкий истребитель. Падая, «мессершмитт» задел поразившую его «пешку». Оба столкнувшихся самолета рухнули на землю [98].

С большой долей вероятности можно утверждать, что это был уже упомянутый нами выше фельдфебель Карл-Хайнц Мельтцер (Meltzer Karl-Heinz) из состава 8./JG52, который с начала советского наступления под Харьковом успел одержать 14 побед, доведя свой боевой счет до отметки в 74 сбитых самолета. Однако вылет 14 августа стал последним в карьере аса, который так и не успел получить Рыцарский крест.

15 августа сосредоточенные удары в районе Безлюдовка продолжились. 5-я воздушная армия повысила активность

своих соединений, выполнив за день 659 самолето-вылетов, на 100 вылетов больше, чем в предыдущий день. В первую очередь это касалось ударной авиации. Так, экипажи 1-го бак совершили в два раза больше вылетов, чем в предыдущий день — всего 206 самолето-вылетов. В этот день к бомбардировщикам И.С. Полбина присоединились и штурмовики 1-го шак. Число их вылетов 15 августа, в основном на фронте 57-й армии, составило соответственно 162 самолето-вылета. Штурмовики нанесли два массированных удара, 4 группами по 9—12 самолетов вдоль всего берега реки Уды от Безлюдовки до Красной Поляны. Потери в этих налетах были минимальны, составив по 3 Пе-2 и Ил-2. При этом все штурмовики смогли дотянуть до своей территории, совершив вынужденную посадку.

Немецкие истребители из состава III/JG52, в связи с начавшимся наступлением войск Юго-Западного фронта, теперь вынуждены были действовать не только под Харьковом, но также и против 17-й воздушной армии. Тем не менее двум знаменитым асам эскадры Эриху Хартманну и Вальтеру Крупински удалось 15 августа увеличить свой счет, сбив два Пе-2 из состава 1-го бак. Кроме того, в районе Харькова появились и «фокке-вульфы» из I/JG51. На два сбитых Пе-2 претендовал пилот 2-го отряда этой группы Хорст Хазе (Horst Naase). Впрочем, потеря 2—3 самолетов на 206 самолето-вылетов бомбардировочного корпуса погоды не делала.

Немецкое командование, понимая важность борьбы в районе Безлюдовки, бросило сюда во второй половине 16 августа свои бомбардировщики Ju 87 и He 111. Прикрытие этого района осуществляли истребители 240-го иап 302-й иад, проводившие за четыре неполных часа два напряженных воздушных боя. В 16:20 10 Ла-5, ведомые капитаном Ф.Г. Семеновым (Герой Советского Союза с 4.2.44) атаковали 14 He 111 и в результате 15-минутного боя расстроили боевой порядок бомбардировщиков, не сбив при этом ни одного «хейнкеля». В 18:55 в районе Рогань группа того же Ф.Г. Семенова провела схватку с 10 Ju 87 и подошедшей вскоре еще одной группой пикировщиков, прикрытых большим числом истребителей. В результате боя младшие лейтенанты И.Н. Кожедуб и В.Ф. Мухин (Герой Советского Союза с 23.2.45) записали на свой счет Ju 87 и He 111. В бою был

подбит младший лейтенант Б.В. Жигуленков (Герой Советского Союза с 26.10.44).

В результате мощных налетов авиации 14—15 августа сопротивление противника южнее и юго-восточнее Харькова удалось сломить. К 17 августа войска 57-й армии смогли очистить северный берег Уды, захватив Васищево и Терновую. Однако форсировать Уды и захватить Безлюдовку им, несмотря на все усилия, так и не удалось.

С 18 августа начались завершающие бои в районе Харькова. Основная роль в них снова отводилась 53-й и 57-й армиям, для поддержки наступления которых экипажи 5-й воздушной армии совершили 797 самолето-вылетов. С началом советского наступления воздушная обстановка в районе Харькова резко обострилась. Документы 1-го шак отмечают, что истребители противника, действуя группами 10—12 машин, оказывали активное противодействие в воздухе. Патрулирование над полем боя и над дорогами, по которым эвакуировались войска, велось непрерывно.

Штурмовики 1-го шак совершили за 18 августа 221 самолето-вылет, потеряв от атак вражеских истребителей 6 Ил-2, один из которых совершил вынужденную посадку. Кроме того, был потерян один Як-1 203-й иад. Все потерянные штурмовики входили в состав группы из 18 Ил-2 667-го шак 292-й шад майора Рымшина. Наноса удар по южным окраинам Харькова в районе Бабай и Ржавец, в полосе наступления 57-й армии, они на первом же заходе подверглись атаке 6—8 FW 190. Не обращая внимания на немецкие истребители, майор Рымшин развернул свои штурмовики в повторную атаку. По наблюдениям экипажей, количество атакующих истребителей в это время достигло 25—30 штук. Большинство «фокке-вульфов» заходило в атаку снизу сбоку, но наиболее агрессивные немецкие пилоты производили атаку в лоб. В результате этого боя на свой аэродром не вернулось 6 штурмовиков, а еще 10 получили повреждения различной степени тяжести. Сбитым оказался и ведущий группы майор Рымшин, который смог совершить вынужденную посадку, вернувшись в полк на связном У-2. Отметим, что противниками советских пилотов в этом бою были истребители из I/JG54.

18 августа силу ударов немецких истребителей могли ощутить на себе не только штурмовики, но и экипажи пикировщиков 1-го бак. События дня еще раз напомнили экипажам «пешек», что нарушение строя и потеря огневого взаимодействия чреваты чувствительными потерями. Так, оторвавшееся от девятки 804-го бап, после нанесения бомбардировочного удара по станции Мерефа, одно из ведомых звеньев тут же подверглось атаке четверки немецких истребителей, атаковавших сверху сзади и снизу сзади и сбивших два краснозвездных бомбардировщика. Авторами побед стали гауптман Хайнц Ланге (Lange Heinz) и лейтенант Курт Леффрер (Löffrer Kurt).

Несмотря на усилия авиаторов 5-й воздушной армии, решающего успеха 18 августа добиться не удалось. Войска 53-й армии с большим трудом продвигались вперед. Атаки 57-й армии в направлении Безлюдовка не дали и вовсе никакого результата. По результатам тяжелого дня 18 августа генерал И.С. Конев принял решение уплотнить боевые порядки армий И.М. Манагарова и Н.А. Гагена за счет соседних 69-й и 7-й гвардейской армий. Высвободившиеся силы (48-й стрелковый корпус 69-й армии и две стрелковые дивизии 57-й армии) должны были быть задействованы на главных направлениях ударов на Коротич и Мерефу.

20 августа войска 53-й армии овладели Пересечной, предварительно очистив в ходе тяжелых двухдневных боев от противника лесной массив северо-западнее Харькова. Вскоре части И.М. Манагарова завязали бои за Коротич. Это позволило перейти в наступление правому флангу 69-й армии. Кроме того, 20 августа на захваченных 53-й армией рубежах начала сосредотачиваться 5-я гвардейская танковая армия, последний резерв командования Степного фронта. Армия П.А. Ротмистрова получила приказ нанести короткий мощный удар на Коротич, прорвать оборону противника, стремительно выйдя в район Мерефа, соединившись с войсками 57-й армии.

Отметим, что, несмотря на ряд концентрических ударов, нанесенных в течение 20—22 августа корпусами И.С. Полбина и В.Г. Рязанова перед фронтом 57-й армии, добиться решающего успеха здесь также не удалось. Армия Н.А. Гагена заняла Безлюдовку лишь 23 августа, когда противник

уже эвакуировался из Харькова. Тем не менее частям 57-й армии удалось форсировать Уды южнее Безлюдовки. Войска генерала Н.А. Тагена вышли на подступы к населенному пункту Константиновка, находящемуся всего в 14 километрах восточнее Мерефы, однако их успех остался неустойчивым.

Как видно, в заключительных боях в районе Харькова приняли участие еще недавно дравшиеся на Орловской дуге I/JG51 и I/JG54. Отметим, что чехарда с перебазированиями немецких истребительных групп продолжалась. В связи с тяжелой обстановкой IV/JG51 была переброшена в полосу Юго-Западного фронта, I/JG52 действовала в районе Миуса против войск Южного фронта. В результате на заключительном этапе боев за Харьков приняли участие I/JG51, I/JG54 и III/JG52. Однако последняя уже 19 августа в связи с кризисом, возникшим на фронте 6-й армии, срочно перебазировалась на аэродром Кутейниково.

После «набега» в район Харькова 18 августа немецкие истребители 19 и 21 августа большинство усилий сосредоточили в полосе 2-й воздушной армии, что привело к относительно спокойным дням для авиаторов генерала С.К. Горюнова. Следующий раунд активной борьбы в воздухе развернулся 22 августа и был богат для советской стороны на потери. Действительно, прикрывая эвакуацию Харькова, немецкое командование использовало, кроме уже упомянутых нами I/JG51 и I/JG54, вновь вернувшуюся из Донбасса IV/JG51.

Оперсводки 1-го бак отмечают, что со второй половины 22 августа действия немецких истребителей значительно усилились. Группами до 15 истребителей они барражировали в районе линии фронта. В результате группы 1-го бак потеряли за короткое время 7 Пе-2, из которых только два были сбиты зенитной артиллерией, а остальные, по всей видимости, стали жертвами истребителей. Еще 8 из 11 потерянных Ил-2 в 1-м шак также были отнесены на действия истребителей люфтваффе. Эти данные хорошо соотносятся с немецкими данными, согласно которым победы над 4 Пе-2 и 5 Ил-2 во второй половине дня были записаны пилотам I и IV/JG51.

Финал сражения за Харьков никак нельзя назвать блестящим и для наземных войск. Ставка на решающую роль 5-й гвардейской танковой армии вскоре оказалась битой. Про-

рыв в районе Коротич и далее на Мерефу генералу П.А. Ротмистрову не удался, как, впрочем, и многие другие операции лета 1943 года. Напомним, что впервые задача выхода в районе Люботин и Коротич была поставлена танкистам 5-й гвардейской танковой армии еще 9 августа. Объективные и субъективные причины долгое время мешали использовать объединение П.А. Ротмистрова для развития успеха в полосе 53-й армии. Когда 5-я гвардейская танковая армия была введена в бой, результаты ее боевой работы вызвали крайнее неудовольствие командующего фронтом. В своем приказе от 22 августа генералу П.А. Ротмистрову И.С. Конев указывал, что танки не используются массированно, а *«путаются в тылу стрелковых дивизий и идут неправильно»*, в то время как командиры корпусов *«преступно топчутся на месте»* [99].

Несмотря на то что к исходу 22 августа частям 5-й гвардейской танковой армии удалось занять Коротич, уже на следующий день противнику удалось вернуть этот населенный пункт. Танковая армия понесла тяжелые потери. Только в период с 11 по 20 августа она лишилась 85 из 106 имевшихся танков. Еще большие потери сопутствовали объединению П.А. Ротмистрова с 21 по 29 августа. Продвинувшись всего на 12 километров, армия лишилась 114 Т-34 и 15 Т-70. Всего же за август было сожжено 324 танка, подбито 100, 14 погибло на минах, а 7 стали жертвами авиационных атак. Неудивительно, что уже после окончания Курской битвы армия использовалась с 30 августа как сводный корпус, а с 2 сентября уже как сводная бригада [100].

Впрочем, противник, уже практически избежавший опасности окружения, отводил свои войска в юго-западном направлении, до последнего удерживая дорогу на Красноград. Несмотря на выход к западным и южным окраинам Харькова, замкнуть кольцо окружения нашим войскам так и не удалось. Переброшенные немецким командованием пехотные резервы смогли приостановить их продвижение, обеспечив более или менее планомерную эвакуацию.

Ночью 22 августа войска 69-й и 7-й гвардейской армий приступили к штурму Харькова, который был освобожден к середине дня 23 августа. Однако несмотря на победный финал на земле, противодействие вражеских истребителей продолжало оставаться сильным. Снова тяжелые потери понес

1-й бак, лишившийся в одном из боев с «фокке-вульфами» I/JG54 5 Пе-2. При этом из вылета не вернулись опытные офицеры: командир 82-го гв. бап майор Пчелкин, штурман капитан Н.П. Тышкевич, командир эскадрильи капитан Голицын, а также его заместитель лейтенант Новиков.

Анализируя тяжелые потери 23 августа, документы корпуса отмечают: *«Истребительная авиация противника активно противодействовала бомбардировщикам крупными группами. Группа 11 Пе-2 (ведущий-командир 82 гв. бап гвардии майор Пчелкин) при отходе от цели была атакована группой до 20 Ме-109 и ФВ-190. Атаки истребителей противника проводились в общей системе огня ЗА с разных направлений (снизу сзади, сверху сзади, сбоку) под углом 30—35 градусов. В результате воздушного боя и обстрела ЗА сбито истребителями противника 4 Пе-2 и ЗА 1 Пе-2. Потери противника 1 ФВ-190»* [101].

Истребители сопровождения вступили в бой с истребителями противника и оставили бомбардировщики без прикрытия. В результате большинство из них было сбито, а экипаж майора Пчелкина стал жертвой зенитной артиллерии. Его самолет упал в 5 километрах юго-восточнее аэродрома Основа. Истребители сопровождения из 193-го иап записали на свой счет два немецких истребителя, но это было слабым утешением. Оправдывая свои действия, летчики 193-го иап заявляли, что экипажи бомбардировщиков плохо держали строй, теряли огневое взаимодействие, в результате чего наряда истребителей не хватило для эффективной защиты пикировщиков. Начальник штаба 302-й иад полковник Гареев даже настаивал на том, что в сложившихся условиях эффективное прикрытие девятки Пе-2 могут обеспечить не менее 10—12 истребителей.

В связи с тяжелыми потерями настроение экипажей 1-го бак было подавленное. Документы 1-й гв. бад свидетельствуют, что многие летчики открыто выражали свое удивление тем, что их посылают на боевые задания в одно и то же время, на одной и той же высоте, зная, что район цели прикрыт мощным огнем зенитной артиллерии, а в воздухе много патрулирующих истребителей [102].

Впрочем, как показали события, последовавшие через два дня, кровавый урок 1-й гв. бад не пошел впрок соседней

293-й бад. 25 августа девятка Пе-2 854-го бап, после бомбометания, имея в прикрытии всего 2 Ла-5, подверглась атаке группы «мессершмиттов». Немецкие пилоты атаковали наши бомбардировщики как в лоб, так и с кабрирования сзади. Атаки противника с разных направлений привели к растерянности штурманов и стрелков «пешек» ведомого звена, из состава которого было сбито два бомбардировщика. Как и в полосе Брянского фронта, Курская битва в районе Харькова заканчивалась весьма напряженно. Противник, хотя и понесший чувствительные потери, был далеко не сломлен. Впереди еще предстояло много ожесточенных схваток.

Подводя итоги действий авиации 2-й и 5-й воздушных армий в ходе проведения операции «Полководец Румянцев», отметим, что за 21 день операции потери этих объединений составили 343 и 230 самолетов соответственно. Из числа самолетов, потерянных объединением генерала С.А. Красовского, 303 машины составили боевые потери. Еще 40 было потеряно по небоевым причинам. Кроме того, около 107 самолетов числились как сданные в ремонт. Из числа самолетов, потерянных частями 5-й воздушной армии, небоевые потери составили всего 12 машин.

За период с 3 по 25 августа части 2-й воздушной армии совершили 15027 самолето-вылетов. Из них более половины, или 8744, было выполнено по боевым порядкам войск противника, 3156 и 2570 соответственно накрытие наземных войск и ударной авиации и еще около 570 пришлось на разведывательные вылеты. Среди соединений армии, действовавших днем, наибольшую активность развили экипажи истребительной авиации. Так, пилотами 5-го и 10-го иак было совершено 2868 и 2441 самолето-вылетов. Однако по нагрузке, выпавшей на один исправный самолет, бесспорным лидером выглядит 291-я шад, где каждый исправный штурмовик и истребитель совершали соответственно 2,3 и 2,7 вылета в день. Для сравнения укажем, что данная цифра для 5-го шак и 202-й бад составляет 1,2 и 0,8 самолето-вылетов в день.

Отметим, что показатели боевой работы 5-й воздушной армии в целом выше, чем в объединении генерала С.А. Красовского. Так, например, если в 5-м шак на один потерянный штурмовик в среднем приходилось 27 самолето-вылетов, то

в 1-м шак эта цифра составляла 47 вылетов на один невернувшийся Ил-2. Достаточно высокими были эти показатели и для соединений истребителей и бомбардировщиков, составляя соответственно 85 и 65 вылетов.

В силу того что авиация 4-го воздушного флота на протяжении всего августа получала значительные подкрепления из состава 6-го воздушного флота, а также осуществляла широкий маневр в полосе группы армий «Юг», определить точное количество самолетов, которые были потеряны люфтваффе во время проведения Красной Армией операции «Полководец Румянцев», достаточно сложно. Подсчеты автора по спискам потерь, составленным на основе отчетов генерал-квартирмейстера, позволяют предположить, что с 3 по 23 августа в полосе Воронежского и Степного фронтов группами 8-го авиакорпуса было потеряно порядка 120—140 самолетов, в то время как еще примерно 70 машин получили повреждения.

Если рассматривать четыре операции, сопутствующие Курской битве, — две оборонительные на северном и южном фасах и две наступательные, необходимо признать, что операция «Полководец Румянцев» является, пожалуй, единственной, которая началась при несомненном превосходстве ВВС Красной Армии. Командование 2-й и 5-й воздушных армий сделало необходимые выводы из опыта июльских боев Воронежского фронта, с самого начала концентрируя усилия в первую очередь ударной авиации на важнейших направлениях. В результате уже в первую неделю наступления авиаторы С.А. Красовского и С.К. Горюнова сыграли весьма заметную роль в прорыве немецкой обороны в полосе наступления Воронежского и Степного фронтов, в значительной степени содействовали развитию успеха наступления 27-й и 40-й армий. При непосредственной мощной авиационной поддержке авиаторов советскими войсками были освобождены Белгород, Грайворон, завершено уничтожение томаровской группировки противника.

Однако по прошествии недели советское наступление начало давать сбои. Последовательность событий, их логическая взаимосвязь привели к тому, что уже начиная с 8—9 августа ударная группировка 1-й танковой армии в значительной степени замедлила свое продвижение западнее

Харькова. Несмотря на опыт, полученный в ходе Орловской операции, а также попытки с 4 августа организации ударов по вражеским коммуникациям, с целью недопущения подхода резервов из полосы 1-й танковой и 6-й армий, командованию ВВС не удалось решить задачу по изоляции района наступления 1-й и 5-й гвардейской танковых армий. Действия авиаторов по коммуникациям стали более или менее планомерными только в тот момент, когда немецкие танковые и моторизованные дивизии уже вышли в район северо-западнее Харькова, образовав тем самым новую линию обороны, вместо рухнувшей в начале месяца.

В дальнейшем ситуация еще больше ухудшилась, напоминая те, которые складывались в начале сражений на других фронтах. 4-й воздушный флот получил значительное усиление группами истребителей и бомбардировщиков, что позволило немецкому командованию наносить куда более мощные и сосредоточенные удары по войскам Степного и Воронежского фронтов, чем это имело место в начале месяца. Кроме того, начиная с 12 августа, когда группа «Кемпф» развернула активные наступательные действия в районе Богодухова, значительно активизировались действия немецкой истребительной авиации, нанесшей в ходе боев 12—16 августа тяжелые потери истребителям 2-й воздушной армии.

Весьма характерную картину недостатков действий авиации рисуют строки отчета 1-й танковой армии: *«На всем протяжении операции исключительно плохо работала авиация взаимодействия. Как правило, истребительная авиация по вызову являлась с большим опозданием, а появляясь на поле боя в период нахождения там авиации противника, в большинстве случаев от боя уклонялась. Прикрытие шло главным образом не частей переднего края, а глубины, тогда как противник основной удар бомбардировщиками наносил по передовым частям.... Вызов штурмовиков по времени совершенно не соответствовал темпам наступления подвижных соединений. Возможность появления штурмовиков над полем боя как минимум через полтора часа после дачи заявки часто заставляла отказаться от нее, так как за это время обстановка резко изменяется и штурмовики будут бить по своим войскам, что они на протяжении операции неоднократно и делали»* [103].

На ходе второго этапа операции отрицательно сказался и относительно небольшой состав 2-й воздушной армии. Командование Воронежского фронта в значительной степени расплыло свои силы, одновременно ведя наступление по разным, зачастую расходящимся направлениям. Эффективно прикрыть и обеспечить поддержку на всех участках фронта у генерала С.А. Красовского просто не было сил и возможности.

Во второй половине августа основное внимание как советского, так и немецкого командования сместилось из района Харькова в направлении Донбасса. Именно там советское командование искало военного счастья в обрушении южного крыла вражеского фронта, пытаясь создать предпосылки для окончательного изгнания врага из пределов СССР. Двухмесячная кровопролитная битва в районе Курской дуги закончилась, плавно перерастая в еще более масштабное сражение Второй мировой войны — битву за Днепр.

Ссылки к части 5

1. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 64.
2. *Ершов А.Г.* Освобождение Донбасса. Москва, 1973. С. 104.
3. *Маништейн Э.* Утерянные победы. Смоленск, 1999. С. 538.
4. *Маништейн Э.* Утерянные победы. Смоленск, 1999. С. 552.
5. *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Москва, 1968. С. 179—180.
6. ЦАМО РФ. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 27. Л. 113.
7. ЦАМО РФ. Ф. 5-го шак. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.
8. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 43. Л. 10.
9. *Гречко С.Н.* Решения принимались на земле. Москва, 1984. С. 107—109.
10. ЦАМО РФ. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 63. Л. 16.
11. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 40. Л. 2.
12. ЦАМО РФ. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 61. Л. 2.
13. *Гречко С.Н.* Решения принимались на земле. Москва, 1984. С. 113.
14. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 43. Л. 4.
15. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 40. Л. 5.
16. ЦАМО РФ. Ф. 6-го гв. бак. Оп. 1. Д. 18. Л. 155, 157.
17. ЦАМО РФ. Ф. 5-го иак. Оп. 1. Д. 2. Л. 127.
18. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 279. С. 316.
19. *Катуков М.Е.* На острие главного удара. Москва, 1974. С. 245
20. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 281—282.
21. ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 3070. Д. 85. Л. 9.
22. ЦАМО РФ. Ф. 5-го шак. Оп. 1. Д. 67. Л. 43.

23. ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 239. Л. 17.
24. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 283.
25. *Гречко С.Н.* Решения принимались на земле. Москва, 1984. С. 122.
26. ЦАМО РФ. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 63. Л. 107.
27. ЦАМО РФ. Ф. 5-го шак. Оп. 1. Д. 67. Л. 32.
28. ЦАМО РФ. Ф. 5-го шак. Оп. 1. Д. 67. Л. 32.
29. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 43. Л. 9.
30. ЦАМО РФ. Ф. 8-й гв. иад. Оп. 1. Д. 6. Л. 76.
31. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 43. Л. 10.
32. ЦАМО РФ. Ф. 10-го иак. Оп. 1. Д. 45. Л. 26.
33. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 280.
34. *Кожневиков М.Н.* Командование и штаб ВВС в Великой Отечественной войне. Москва, 1978. С. 160.
35. ЦАМО РФ. Ф. 370. Оп. 6518. Д. 137. Л. 5.
36. ЦАМО РФ. Ф. 2-го гв. шак. Оп. 1. Д. 29. Л. 11.
37. ЦАМО РФ. Ф. 370. Оп. 6518. Д. 120. Л. 13.
38. *Кожневиков М.Н.* Командование и штаб ВВС в Великой Отечественной войне. Москва, 1978. С. 160.
39. 17-я воздушная армия в боях от Сталинграда до Вены. Москва, 1977. С. 68.
40. ЦАМО РФ. Ф. 4-го гв. тк. Оп. 1. Д. 49. Л. 20.
41. ЦАМО РФ. Ф. 5-го гв. тк. Оп. 1. Д. 18а. Л. 195.
42. *Катуков М.Е.* На острие главного удара. Москва, 1974. С. 246.
43. ЦАМО РФ. Ф. 4-го гв. тк. Оп. 1. Д. 49. Л. 45.
44. ЦАМО РФ. Ф. 4-го гв. тк. Оп. 1. Д. 49. Л. 18.
45. *Катуков М.Е.* На острие главного удара. Москва, 1974. С. 247.
46. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4207. Д. 31. Л. 180.
47. ЦАМО РФ. Ф. 5-го шак. Оп. 1. Д. 67. Л. 32.
48. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 30. Л. 19.
49. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 288.
50. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 290.
51. ЦАМО РФ. Ф. 15-й гв. иад. Оп. 1. Д. 19. Л. 114.
52. *Бойков П.М.* На главных направлениях. Москва, 1984. С. 98.
53. ЦАМО РФ. Ф. 10-й гв. иад. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.
54. ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 3070. Д. 85. Л. 15. Л. 25.
55. ЦАМО РФ. Ф. 15-й гв. иад. Оп. 1. Д. 18. Л. 218.
56. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 30. Л. 28.
57. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt am Main. Пер. с нем. Л. 345.
58. ЦАМО РФ. Ф. 4-й гв. шад. Оп. 1. Д. 8. Л. 27.
59. ЦАМО РФ. Ф. 10-й гв. шад. Оп. 1. Д. 13. Л. 40.
60. ЦАМО РФ. Ф. 10-го иак. Оп. 1. Д. 35. Л. 9.
61. ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 239. Л. 61.
62. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4198. Д. 27. Л. 19.
63. ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8378. Д. 253. Л. 1. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 294.
64. ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8378. Д. 253. Л. 2.
65. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 2. Москва, 2003. С. 254.

66. ЦАМО РФ. Ф. 202-й бад. Оп. 1. Д. 8. Л. 45.
67. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4207. Д. 31. Л. 193.
68. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997.
С. 295.
69. ЦАМО РФ. Ф. 5-го гв. тк. Оп. 1. Д. 18а. Л. 213.
70. ЦАМО РФ. Ф. 10-й гв. шад. Оп. 1. Д. 42. Л. 182.
71. ЦАМО РФ. Ф. 5-го шак. Оп. 1. Д. 67. Л. 44.
72. ЦАМО РФ. Ф. 10-й гв. шад. Оп. 1. Д. 42. Л. 178.
73. ЦАМО РФ. Ф. 302. Д. 43. Оп. 4196. Л. 10.
74. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 43. Л. 10.
75. ЦАМО РФ. Ф. 5-го шак. Оп. 1. Д. 67. Л. 42.
76. ЦАМО РФ. Ф. 10-й гв. шад. Оп. 1. Д. 42. Л. 180.
77. ЦАМО РФ. Ф. 5-го шак. Оп. 1. Д. 67. Л. 41.
78. ЦАМО РФ. Ф. 5-го шак. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.
79. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 2. Москва, 2003. С. 285.
80. ЦАМО РФ. Ф. 5-го гв. тк. Оп. 1. Д. 18а. Л. 214.
81. Курская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 2. Москва, 2003. С. 298.
82. ЦАМО РФ. Ф. 15-й гв. иад. Оп. 1. Д. 18. Л. 234.
83. ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4198. Д. 27. Л. 12.
84. ЦАМО РФ. Ф. 5-го шак. Оп. 1. Д. 67. Л. 57.
85. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997.
С. 86.
86. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997.
С. 319.
87. ЦАМО РФ. Ф. 1-го гв. шак. Оп. 1. Д. 20. Л. 75.
88. ЦАМО РФ. Ф. 6-го гв. бак. Оп. 1. Д. 18. Л. 64.
89. ЦАМО РФ. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 63. Л. 26.
90. *Швабедиссен В.* Сталинские соколы. Минск, 2001. С. 169.
91. ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 23.
92. ЦАМО РФ. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 63. Л. 107.
93. ЦАМО РФ. Ф. 14-й гв. иад. Оп. 1. Д. 5. Л. 52.
94. ЦАМО РФ. Ф. 6-го гв. бак. Оп. 1. Д. 19. Л. 106.
95. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997.
С. 325.
96. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997.
С. 327.
97. ЦАМО РФ. Ф. 6-го гв. бак. Оп. 1. Д. 19. Л. 119.
98. ЦАМО РФ. Ф. 8-й гв. бад. Оп. 1. Д. 8 г. Л. 87.
99. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997.
С. 332.
100. ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 4, 43, 61.
101. ЦАМО РФ. Ф. 6-го гв. бак. Оп. 1. Д. 18. Л. 207.
102. ЦАМО РФ. Ф. 1-й гв. бад. Оп. 1. Д. 33. Л. 145.
103. ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 3070. Д. 85. Л. 44, 45.

ПРИЛОЖЕНИЯ

«Боевой состав 16-й воздушной армии на 5.07.43»

3-й бак	(генерал-майор А.З. Каравачкий)
241-я бад	(полковник И.Г. Куриленко) 24-й, 128-й, 779-й бап (Пе-2)
301-я бад	(полковник Ф. М. Федоренко) 96-й гв., 34-й, 54-й бап (Пе-2)
6-й сак	(генерал-майор И.Д. Антошкин)
221-я бад	(полковник С. Ф. Бузылев) 8-й гв., 57-й, 745-й бап (А-20В, Boston-III)
282-я бад	(полковник А.М. Рязанов до 16.07.1943 подполковник Ю.М. Беркаль) 127-й, 517-й, 774-й иап (Як-1)
6-й иак	(на 05.07.1943 командир отсутствовал генерал-майор Е.Е. Ерлыкин с 10.07.1943)
273-я иад	(полковник И.Е. Федоров) 157-й (Як-1, Як-7, Як-9), 163-й, 347-й иап (Як-7, Як-9)
279-я иад	(полковник Ф.Н. Деметьев) 92-й, 192-й, 486-й иап (Ла-5)
2-я гв. шад	(полковник Г.И. Комаров) 58-й, 59-й, 78-й, 79-й гв. шап (Ил-2)
299-я шад	(полковник И.В. Крупский) 41-й, 217-й, 218-й, 431-й, 874-й шап (Ил-2)
271-я нбад	(подполковник К.И. Рассказов до 18.07.1943. полковник М.Х. Борисенко) 44-й, 45-й гв., 970-й нбап (У-2) 372-й, 714-й нбап
1-я гв. иад	(подполковник И.В. Крупенин до 02.08.1943. полковник В.В. Сухорябов) 53-й, 54-й, 55-й гв. иап (Як-1, 7, 9) 30-й, 67-й гв. иап (Р-39)
283-я иад	(полковник С.П. Денисов) 56-й гв., 176-й, 563-й иап (Як-1), 519-й иап (Як-7)
286-я иад	(полковник И.И. Иванов) 165-й, 721-й, 739-й иап (Ла-5), 896-й иап (Як-1), 16-й одрап
234-я иад	Пе-2, А-20В, Boston-III (полковник Е.З. Татанашвили) боевая работа с 09.07.1943 в 6-м иак 133-й, 233-й, 248-й иап (Як-7)

«Боевой состав 2-й воздушной армии на 5.07.1943»

1-й бак	(полковник И.С. Полбин)
1-я гв. бад	(полковник Ф.И. Добыш) 80-й, 81-й, 82-й гв. бап (Пе-2)
293-я бад	(полковник Г.В. Грибакин) 780-й, 804-й, 854-й бап (Пе-2)
1-й шак	(генерал-лейтенант В.Г. Рязанов)
266-я шад	(полковник Ф.Г. Родякин) 66-й, 673-й, 735-й шап (Ил-2)
292-я шад	(полковник Ф.А. Агальцов) 667-й, 800-й, 820-й шап (Ил-2)
203-я иад	(полковник К.Г. Баранчук) 247-й, 270-й, 516-й иап (Як-1)
4-й иак	(генерал-майор И.Д. Подгорный)
294-я иад	(полковник В.В. Сухорябов до 27.07.1943. подполковник И.А. Тараненко) 6-й, 183-й, 427-й, 515-й иап (Як-1, Як-7)
302-я иад	(полковник Б.И. Литвинов) 193-й, 240-й, 297-й иап (Ла-5)
5-й иак	(генерал-майор Д.П. Галунов)
8-я гв. иад	(генерал-майор Д.П. Галунов до 06.07.1943. полковник И.П. Ларюшкин) 40-й, 41-й, 88-й гв., 927-й иап (Ла-5)
205-я иад	(полковник Ю.А. Немцевич), 27-й иап (Як-1), 438-й иап (Як-1, Як-7), 508-й иап (Як-7)
291-я шад	(полковник А.Н. Витрук) 61-й, 241-й, 617-й шап (Ил-2), 737-й иап (Як-1, Як-7, Ла-5)
208-я нбад	(полковник Л.Н. Юзеев) 620-й нбап (У-2, Р-5), 646-й, 715-й нбап (У-2), 331-я аз (СБ), 454-й бап (Пе-2, А-20В)
256-я иад	(полковник Н.С. Герасимов) боевая работа с 11.07.1943 в 5-м иак 32-й иап (Як-7, Як-9), 91-й иап (Як-9), 728-й иап (Як-7)

«Боевой состав 17-й воздушной армии на 5.07.1943»

1-й сак	(генерал-майор В.И. Шевченко) 5-я гв. шад (полковник Л.В. Коломейцев) 93-й, 94-й, 95-й гв. шап (Ил-2)
---------	---

288-я иад	(полковник Б.А. Смирнов)
3-й сак	659-й, 866-й, 897-й иап (Як-1, Як-7)
267-я шад	(генерал-майор В.И. Аладинский)
	(генерал-майор П.И. Мироненко)
	299-й, 625-й, 775-й шап (Ил-2)
207-я иад	(полковник А.П. Осадчий)
	5-й гв. иап (Ла-5), 814-й иап, 867-й иап
	(Як-1)
9-й сак	(генерал-майор О.В. Толстиков)
305-я шад	(подполковник Н.Г. Михевичев)
	175-й, 237-й, 955-й шап (Ил-2)
306-я шад	(полковник А. Ф. Исупов)
	672-й, 951-й, 995-й шап (Ил-2)
295-я иад	(полковник Н. Ф. Баланов)
	31-й, 116-й, 164-й иап (Ла-5)
244-я бад	(генерал-майор В.И. Клевцов)
	260-й, 449-й, 860-й, 861-й бап
	(А-20В, Boston III)
262-я нбад	(полковник Г.И. Белицкий)
	97-й гв., 370-й, 993-й нбап (У-2),
	719-й нбап (Р-5)

Приложение 4

«Боевой состав 1-й воздушной армии на 12.07.1943»

2-й шак	(генерал-майор В.В. Степичев)
231-я шад	(полковник Л.А. Чижигов)
	568-й, 873-й, 946-й шап (Ил-2)
232-я шад*	(полковник А.Г. Вальков)
	230-й, 704-й, 801-й шап (Ил-2)
2-й иак	(генерал-лейтенант А.С. Благовещенский)
7-я гв. иад	(генерал-майор В.М. Забалуев)
	1-й гв., 89-й гв., 146-й иап (Як-7)
322-я иад	(подполковник М.П. Нога)
	2-й гв., 482-й, 937-й иап (Ла-5)
8-й иак	(генерал-майор Ф. Ф. Жеребченко)
215-я иад	(полковник М.Н. Якушин)
	263-й, 522-й, 813-й иап (Ла-5)
323-я иад	(полковник П.П. Рыбаков)
	149-й иап, (Як-7), 484-й иап (Як-1),
	518-й иап (Як-9)
204-я бад	(полковник С.П. Андреев)
	2-й, 6-й, 38-й, 130-й, 261-й бап (Пе-2)
	179-й иап (Hurricane)
224-я шад	(полковник М.В. Котельников)
	565-й, 566-й, 571-й, 996-й шап (Ил-2)
	513-й иап (Як-1, Як-7)

- 233-я шад (полковник В.В. Смирнов до 27.07.1943.
полковник В.В. Васильев до 02.08.1943.
подполковник В.И. Смоловик)
62-й, 198-й, 289-й, 312-й шап (Ил-2)
122-й иап (Як-1, Як-7)
- 213-я нбад (генерал-майор В.С. Молоков)
24-й гв., 15-й, 16-й, 17-й, 615-й, 634-й,
644-й нбап (У-2)
- 303-я иад (генерал-лейтенант Г.Н. Захаров)
18-й гв. иап (Як-7), 20-й иап (Як-1, Як-9),
168-й иап (Як-1), 523-й иап (Ла-5)
- 309-я иад (подполковник И.И. Гейбо до 15.07.1943.
подполковник В.Н. Вусс)
49-й, 272-й иап (Ла-5), 162-й, 172-й иап
(Як-1, Як-7)
21 каз (Су-2)
10-й крп (Пе-2, Пе-3, Ил-2, Р-5)
1-я оиаэ «Сражающаяся Франция» (Як-1, Як-9)

Приложение 5

«Боевой состав 15-й воздушной армии на 12.07.1943»

- 3-й шак (генерал-майор М.И. Горлаченко)
- 307-я шад (полковник А.В. Кожемякин)
211-й, 621-й, 893-й шап (Ил-2)
- 308-я шад (полковник Г.П. Турыкин)
135-й, 624-й, 948-й шап (Ил-2)
- 1-й гв. иак (генерал-лейтенант Е.М. Белецкий)
- 3-я гв. иад (полковник В.П. Ухов)
32-й гв., 63-й гв., 160-й иап (Ла-5)
- 4-я гв. иад (полковник В.А. Китаев)
64-й гв., 66-й гв. иап (Як-7), 65-й гв. иап
(Як-1)
- 234-я иад (полковник Е.З. Татанашвили) боевая работа
с 14.07.1943.
133-й, 233-й, 248-й (Як-7), 774-й иап (Як-1)
до 10.08.1943.
- 113-я бад (генерал-лейтенант Ф.Г. Мичугин)
6-й, 815-й, 836-й, 840-й ап (Ил-4)
- 225-я шад (полковник А. Ф. Обухов)
614-й, 783-й, 810-й, 825-й шап (Ил-2)
832-й иап (Як-1, Як-7)
- 284-я нбад (майор Г.П. Покоевой до 23.07.1943.
подполковник Н.А. Трушкин)
4-й, 387-й, 638-й, 640-й, 701-й нбап (У-2)
- 313-я нббад (полковник А.А. Воеводин)
690-й, 707-й, 765-й, 990-й, 997-й, 998-й нбап
(У-2)

315-я иад	(полковник В.Я. Литвинов)
11-й сак	50-й, 171-й иап (Ла-5), 431-й иап (Як-7) (генерал-майор С.П. Данилов) боевая работа с 28.07.1943. 4-й, 148-й, 293-й иап (Як-9) 658-й, 724-й шап (Ил-2) 99-й гв. одрап

Приложение 6

«Боевой состав 2-й воздушной армии на 3.08.1943»

5-й шак	(генерал-майор Н.П. Каманин)
4-я гв. шад	(генерал-майор Г. Ф. Байдуков)
	90-й, 91-й, 92-й гв. шап (Ил-2)
264-я шад	(полковник Н.И. Оленев)
	235-й, 451-й, 809-й шап (Ил-2)
5-й иак	(генерал-майор Д.П. Галунов)
8-я гв. иад	(полковник И.П. Ларюшкин)
	40-й, 41-й, 88-й гв., 927-й иап (Ла-5)
256-я иад	(полковник Н.С. Герасимов)
	32-й иап (Як-7, Як-9), 91-й иап (Як-9), 728-й иап (Як-7)
10-й иак	(полковник, с 7.08.1943 генерал-майор М.М. Головня)
201-я иад	(подполковник Владимиров до 15.08.1943, полковник В.А. Срывкин)
	13-й, 437-й иап (Ла-5), 236-й иап (Як-1)
235-я иад	(генерал-майор И.А. Лакеев)
	3-й гв., 181-й, 239-й иап (Ла-5)
202-я бад	(полковник С.И. Нечипоренко)
	36-й гв., 18-й, 797-й бап (Пе-2)
291-я шад	(полковник А.Н. Витрук)
	61-й, 241-й, 617-й шап (Ил-2), 737-й иап (Як-1, Як-7, Ла-5)
208-я нбад	(полковник Л.Н. Юзеев)
	620-й нбап (У-2, Р-5), 646-й, 715-й нбап (У-2), 331-я аэ (СБ)
	454-й бап (Пе-2, А-20В)

Приложение 7

«Боевой состав 5-й воздушной армии на 3.08.1943»

1-й бак	(полковник И.С. Полбин)
1-я гв. бад	(полковник Ф.И. Добыш)
	80-й, 81-й, 82-й гв. бап (Пе-2)
293-я бад	(полковник Г.В. Грибакин)
	780-й, 804-й, 854-й бап (Пе-2)

1-й шак	(генерал-лейтенант В.Г. Рязанов)
266-я шад	(полковник Ф.Г. Родякин) 66-й, 673-й, 735-й шап (Ил-2)
292-я шад	(полковник Ф.А. Агальцов) 667-й, 800-й, 820-й шап (Ил-2)
203-я иад	(полковник К.Г. Баранчук) 247-й, 270-й, 516-й иап (Як-1)
4-й иак	(генерал-майор И.Д. Подгорный)
294-я иад	(подполковник И.А. Тараненко) 6-й, 183-й, 427-й, 515-й иап (Як-1, Як-7)
302-я иад	(полковник Б.И. Литвинов) 193-й, 240-й, 297-й иап (Ла-5) 511 орап
312-я нлбад	(полковник П.Н. Кузнецов) боевая работа с 22.08.1943 392-й, 930-й, 990-й нбап (У-2)

Приложение 8

«Боевой состав АДД на 5.07.1943»

1-й гв. ак дд	(генерал-майор Д.П. Юханов)
1-я гв. ад дд	(полковник С.С. Лебедев)
6-я гв. ад дд	(полковник С.И. Чемоданов)
2-й гв. ак дд	(генерал-майор Е. Ф. Логинов)
2-я гв. ад дд	(генерал-майор А.И. Щербаков)
8-я гв. ад дд	(полковник В.Г. Тихонов)
3-й гв. ак дд	(генерал-майор Н.А. Волков)
3-я гв. ад дд	(генерал-майор И.К. Бровко)
7-я гв. ад дд	(полковник Ф.С. Широкий)
4-й гв. ак дд	(полковник С.П. Ковалев)
4-я гв. ад дд	(полковник И.И. Кожемякин)
5-я гв. ад дд	(подполковник П.Е. Тимашев)
5-й ак дд	(генерал-майор И.В. Георгиев)
53-я ад дд	(полковник В.И. Лабудев)
54-я ад дд	(полковник В.А. Шелкин)
6-й ак дд	(генерал-майор Г.Н. Тупииков)
50-я ад дд	(полковник Ф.И. Меньшиков)
62-я ад дд	(полковник Г.С. Счетчиков)
7-й ак дд	(генерал-майор В.Е. Нестерцев)
1-я ад дд	(полковник И.В. Филлипов)
12-я ад дд	(полковник Г.Д. Божко)
36-я ад дд	(полковник В. Ф. Дрянин)
45-я ад дд	(полковник В.И. Лебедев)

«Боевой состав 1-й авиадивизии на 5.07.1943»

NAGr4	(Maj Vinek Toni)	Bf 109G-4, G-4/U3; Bf 110G-3
NAGr10	(Maj Weidtke Kurt)	Hs 126B-1, FW 189A-2, A-3
NAGr15	(Maj Correns Hubert)	FW 189A-1, A-2, A-3
Stab/ZG1	(Obstlt Blechschmidt Joachim)	Bf 110G-2
I/ZG1	(Hptm Hermann Wilfried)	Bf 110E-1, E-2, D-3, F-2, G-2
Pz.Jg.St./ZG1		Bf 110F-2/R1, G-2/R1
Stab/StG1	(Obstlt Pressler Gustav)	Bf 110E-3, D-3, G-3; Ju 87D-3
I/StG1	(Hptm Krebs Helmut)	Ju 87D-1, D-3
II/StG1	(Hptm Neubert Frank)	Ju 87D-1, D-3
III/StG1	(Maj Lang Friedrich)	Ju 87D-1, D-3
III/StG3	(Hptm Jacob Eberhard)	Ju 87D-1, D-3
III/KG1	(Hptm Kanther Werner)	Ju 88A-4, A-14
Stab/KG51	(Maj Heise Hans)	Ju 88A-4, A-14
II/KG51	(Maj Voss Herbert)	Ju 88A-4, A-14
III/KG51	(Hptm Rath Wilhelm)	Ju 88A-4, C-6
Stab/KG4	(Obstlt Klosinski Werner)	He 111H-6
II/KG4	(Maj Graubner Reinhard)	He 111H-6, H-11, H-14, H-16
III/KG4	(Maj Neumann Kurt)	He 111H-6, H-11, H-16
Stab/KG53	(Obstlt Pockrandt Fritz)	He 111H-6, H-14, H-16
I/KG53	(Maj Rauer Karl)	He 111H-16
II/KG53	(Maj Wittmann Herbert)	He 111H-16
III/KG53	(Maj Allmendinger Emil)	He 111H-11, H-16
Stab/JG51	(Obstlt Nordmann Karl-Gottfried)	FW 190A-4, A-5
I/JG51	(Maj Leie Erich)	FW 190A-4, A-5
III/JG51	(Hptm Losigkeit Fritz)	FW 190A-4, A-5
IV/JG51	(Maj Resch Rudolf)	FW 190A-4, A-5
15./JG51	(Maj Cuadra Mariano)	FW 190A-2, A-3
Stab/JG54	(Maj Bonin Hubertus)	FW 190A-5
I/JG54	(Maj Seiler Reinhard)	FW 190A-4, A-5

«Боевой состав 8-го авиакорпуса на 5.07.1943»

2(F)./11		Ju 88D-1
NAGr6	(Hptm Rinke Herbert)	Hs 126B-1, FW 189A, Bf 109G-4 Bf110 G-3

Stab/StG2	(Obstlt Kupfer Ernst)	Ju 87D-3, D-5
I/StG2	(Hptm Hobein Wilhelm)	Ju 87D-3, D-5, G-1
II/StG2	(Hptm Stepp Hans-Karl)	Ju 87D-1, D-3, D-5
III/StG2	(Hptm Krauss Walter)	Ju 87D-1, D-3, D-5
Stab/StG77	(Maj Bruck Helmut)	Ju 87D-1, D-3
I/StG77	(Maj Roell Werner)	Ju 87D-1, D-3
II/StG77	(Hptm Leicht Helmut)	Ju 87D-3
III/StG77	(Hptm Kieslich Franz)	Ju 87D-1, D-3
Stab/KG3	(Obstlt Lehwess-Litzmann Walter)	Ju 88A-4
I/KG3	(Maj Jüdicke Joachim)	Ju 88A-4, C-6
II/KG3	(Maj Bengsch Horst)	Ju 88A-4, A-14, C-6

эскадра числилась в 1-й авиадивизии, но воевала в составе 8-го ак

Stab/KG27	(Obstlt Beust Hans-Henning)	He 111H-11, H-16
I/KG27	(Hptm Petzold Joachim)	He 111H-6
II/KG27	(Maj Petersen Karl August)	He 111H-6, H-11
III/KG27	(Hptm Mayer Karl)	He 111H-6, H-11
Stab/KG55	(Obstlt Köhl Ernst)	He 111H-16
II/KG55	(Maj Hüfer Heinz)	He 111H-6, H-14, H-16
III/KG55	(Maj Antrup Wilhelm)	He 111H-6, H-11, H-16
I/KG100	(Maj Bäther Hans Georg)	He 111H-6, H-11, H-14, H-16
Stab/SchG1	(Obstlt Druschel Alfred)	FW 190A-5/U3, F-3
I/SchG1	(Maj Dürffel Georg)	FW 190A-5/U3, F-3
II/SchG1	(Hptm Neubert Frank)	FW 190A-5/U3, F-3
7./SchG1		Hs 123B-1
Фührер der Panzerjägerstaffeln	(Hptm Meyer Bruno)	
4(Pz)./SchG1	(Oblt Dornemann Georg)	Hs 129B-2
8(Pz)./SchG1	(Hptm Ruffer Rudolf-Heinz)	Hs 129B-2
4(Pz)./SchG2	(Hptm Matuschek)	Hs 129B-2
Pz.Jg.St./JG51	(Oblt Jentsch Hans)	Hs 129B-2
8(Pz)./SchG2	(Oblt Oswald Franz)	Hs 129B-2

отряд участвовал в боевых действиях с августа 1943 г.

Stab/JG3	(Oberst Wilcke Wolf-Dietrich)	
II/JG3	(Maj Brändle Kurt)	Bf 109G-2, G-4, G-6
III/JG3	(Maj Ewald Wolfgang)	Bf 109G-4, G-6
Stab/JG52	(Obstlt Hrabak Dieter)	Bf 109G-4, G-6
I/JG52	(Hptm Bennemann Helmut)	Bf 109G-6
III/JG52	(Hptm Rall Günther)	Bf 109G-4, G-6

2-я венгерская авиационная бригада (базируется в районе Харькова)

Разв. эскадрилья	1/1.	Ju 88D-1, D-2
------------------	------	---------------

Эскадрилья пик. бомбар.	2/1.	Ju 87D-3
Разв. эскадрилья	3/1.	FW 189A
Бомб. эскадрилья	4/1.	Ju 88A-4
Истр. группа		
1-я эскадрилья	5/1.	Bf 109F-4, G-2
2-я эскадрилья	5/2.	Bf 109F-4, G-2

Приложение 11

«Боевой состав 6-го воздушного флота на конец июня 1943 года согласно документам, захваченным севернее Кромы, в районе Каменец»

Бомбардировочная авиация

Stab Staffel/KG4	He 111H-6	2
II/KG4	He 111H-6	28
	He 111H-11	2
	He 111H-14	1
	He 111H-16	8
III/KG1	Ju 88A-4	8
9./KG1	Ju 88A-4	7
	Ju 88C-6	4
Stab Staffel/KG51	Ju 88A-4	2
II/KG51	Ju 88A-4	42
Stab/StG1	Bf 110C, E, G	7
Stab Staffel/StG1	Ju 87D-3	3
II/StG1	Ju 87D-1, 3	33
III/StG1	Ju 87D-1, 3	46
Pz.Jg.St./StG1	Ju 87G-1	4
Stab Staffel/StG3	Ju 87D-3	2
III/StG3	Ju 87D-3	27

Штурмовая авиация

Stab Staffel/ZG1	Bf 110G-2	2
I/ZG1	Bf 110G-2	24
	Bf 110F-2	8
	Bf 110E-1,2	4
	Bf 110D-3	1

Истребительная авиация

Stab/JG51	FW 190A-4, 5	16
I/JG51	FW 190A-4, 5	41
III/JG51	FW 190A-4, 5	41
IV/JG51	FW 190A-4, 5	36
15.(sp.)/JG51	FW 190A-2, 3	19
I/JG26	FW 190A-4, 5	29
(Nacht Jg.St.)	FW 190A-2, 3	2
	He 111H-11	1
	Ju 88A-4	4

Разведывательная авиация

4.(F)/14	Ju 88D-1	13
1.(F)/100	Ju 88D-1, 5	11
	Ju 88A-14	1
	Ju 86R-1	1
	Ar 240	2
4.(F)/11	Ju 88D-1, 5	10
4.(F)/125	Ju 88D-1	11
2./Nachtaufkl.St.	Do 17M	2
	Do 215E, K	7
Stürkampfst./Lfl.6	Ar-66	19
	FW 58	10
	He 46	3
	Go 145	15
NAGr.3	FW 189	18
NAGr.4	Bf 109G-4	29
Bf 110G-3 6		
NAGr.5	Bf 110D-7	3
	Bf 110G-3	5
	Hs 126	17
NAGr.10	Hs 126	11
	FW 189	11
NAGr.15	FW 189	27
	Do 17E	3
	Hs 126	10

Составлено по ЦАМО РФ. Ф. 299. Оп. 3302. Д.233-к. Л.13—15.

Приложение 12

«Доклад заместителя командира 306-й шад об установлении результатов работы штурмовой авиации на участке 7-й гвардейской армии с 5 по 16 июля 1943 года»

Начальнику штаба 9 сак
полковнику тов. Бурак

Вместе с представителями других авиационных корпусов и командиров штаба 17 ВА во главе со старшим помощником оперативного отдела 17 ВА с 29.7. по 2.8.1943 г. находился в районе боевых действий, происходивших с 5.7. по 16.7.43 на участке 7-й гв. армии.

На месте ознакомился в отношении работы нашей авиации через начальника штаба 24 ск и начальника штаба 213 сд того же корпуса, а также через начальника штаба 25 ск, командира и начальника штаба 73 сд, на участке которых особенно интенсивно

работали наши штурмовики в период боевых действий с 5.7. по 16.7.43 г.

Помимо проведенных бесед с командирами наземных частей был произведен выезд на поле боя в районе свх. Поляна, Гремячий, Кореньская Дача, выс. 209, свх. Батрацкая Дача, отм. 216, клх. Соловьев, Мясоедово, Севрюково, Ястребово, Беловская, фигурный лес, что 4 км сев. вост. Крутой Лог.

По отзывам наших наземных командиров, наши штурмовики в этот период работали хорошо, оказали большое содействие наземным войскам сломить наступление войск противника, особенно в районах Крутой Лог и Мясоедово-Ястребово в период 7—9.7.43 г.

7.7.43 г. группа Ил-2 (ведущий — командир аз 672 шап 306 шад) в районе западнее Топлинка уничтожила тяжелую батарею противника, которая вела интенсивный огонь по нашим войскам. По рассказам наблюдателей, при атаке нашими штурмовиками эта батарея сразу прекратила стрельбу, и огонь оттуда не наблюдался, видно было, как что-то поднялось в воздух. Подробно определить эффективность действий наших штурмовиков на месте не представлялось возможным, так как на поле боя к нашему приезду ничего не осталось, все было вывезено, за исключением одного танка «Тигр», который был подорван, и нескольких орудий. Вся уничтоженная матчасть противником была убрана с поля боя в тыл и на всем участке армии после окончания боевых действий было обнаружено всего 19 танков разных типов, 6 зенитных орудий, 3—4 самоходные пушки, 5—6 бронемашин, которые были убраны с поля боя нашими войсками.

Получить точное представление о работе той или иной группы наших штурмовиков не представляется возможным, так как такого учета и записей в частях наземных войск не ведется, имеется общий итог за день или за одну какую-либо часть дня, когда авиация оказала особо значительную помощь нашим наземным частям в том или ином районе, куда в одно и то же время прилетало значительное число штурмовиков. Был зафиксирован случай, когда с радиостанции командира 73 сд 25 ск дано было наведение штурмовиков на цель, которые своевременно приняли этот сигнал и удачно атаковали скопление войск противника, находящееся в лесу 4 км сев.-вост. Крутой Лог.

Командиры наземных частей предлагают, чтобы на КП дивизии находился представитель авиации с позывными радиостанциями и наводил бы наших штурмовиков на цель, а также вел бы результаты действий авиации через наблюдателей командира сд, который сообщает результат работы авиации. Желательно, чтобы с самолета давался ответный сигнал «понял», после того как группе передается та или иная команда с земли со станции наведения.

Отмечается иногда прилет штурмовиков с большим опозданием, когда в данном районе противника уже нет, удар наносится ими вхолостую или даже с ущербом для своих войск.

Командиры наземных частей отмечают случаи, когда наши истребители, сопровождающие штурмовиков, не идут вместе со штурмовиками на поле боя, а кружатся за 4—6 км от линии фронта.

В операции 5—16.7.43 г. у противника на Белгородском участке имелось большое количество зенитной артиллерии, и штурмовики несли потери больше всего от ЗА противника и меньше от истребителей.

Присутствовал при допросе пленного немецкого солдата, которому задал несколько вопросов. Пленный 326 пп 198 пд говорит, что их потери от авиации очень большие и особенно от штурмовиков.

*Зам. командира 306 шад
подполковник Иванов*

ЦАМО РФ. Ф. 306 шад. Оп. 1. Д. 14. Л. 33.

Приложение 13

**«Доклад комиссии 17-й воздушной армии о проверке
результатов боевой работы частей армии
по аэродромам Роганьского и Харьковского
аэроузлов»**

Командующему 17 воздушной армии
генерал-лейтенанту авиации
тов. Судец

Доклад

На основании Вашего приказа от 28.8.43 г. комиссия под председательством старшего помощника начальника оперативно-го отдела штаба 17 ВА майора Шелипанова Н.А. и членов: помощника командующего по ВСС 17 ВА — майора Скаржикского Е.И., помощника командира 1-го гв. сак по ВСС — майора Волошенко И.И. и помощника командира 9 сак по ВСС — подполковника Баркалова С.И. в период с 29.8. по 2.9.43 г. произвела путем осмотра на месте и опроса местного населения проверку результатов боевых действий по аэродромам Роганьского и Харьковского аэроузлов частей 17 ВА.

Проверкой установлено:

Аэродром Рогань

1. На аэродроме в момент осмотра остатков уничтоженной материальной части не обнаружено, так как немцы, по заявлению

местного населения, проживающего все время на территории авиагородка Рогань в непосредственной близости к аэродрому, все сожженные и подбитые самолеты быстро убирали и вывозили за пределы аэродрома.

2. Вся территория летного поля, и особенно районы капониров, стоянок самолетов и границы аэродрома, усеяны многочисленным количеством воронок от разрывов бомб калибра 25, 50 и 100 килограмм, последние на летном поле в местах стоянок самолетов засыпаны частью немцами и частью нашими авиационными частями, эксплуатирующих в данный момент аэродром. На границе же аэродрома, в местах стоянок зениток, по дороге, прилегающей к аэродрому и идущей от Рогань на Харьков, а также в тыловой части капониров — воронки от последнего времени остались незасыпанными и по своему расположению довольно наглядно доказывают об эффективности ударов, нанесенных нашей авиацией и принесенном в ущерб в материальной части и технике противнику.

3. Из опроса местного населения установлено: а. житель ж.д. станции Рогань-Железнодорожный рабочий рассказывает: «В первых числах августа месяца во время штурмового налета на аэродром был убит немецкий генерал авиации, прибывший из Харькова в Рогань инспектировать части, одновременно при штурмовке было сожжено 6 самолетов и убито около 10 человек летно-технического состава. Из местного населения к аэродрому никого не допускали». б. из рассказа жителей, работниц, проживающих на аэродроме Рогань, в период 10—15.7.43 г. прямым попаданием бомб в автогараж — уничтожено 5 автомобилей и до 7 человек немцев. В период 20—25.7.43 г. при дневной бомбардировке, прямым попаданием нескольких бомб в стоянку автомашин уничтожено 8 грузовых машин и до 10 человек. в. из доклада местного населения известно, что налеты нашей авиации были чрезвычайно частыми, особенно в период, когда противник, после взятия Белгорода нашими войсками, перебросил свою авиацию с Белгородских аэродромов на аэродромы Рогань—Харьков, в этот период в Рогани находилось 200—300 самолетов противника в большинстве бомбардировщики типа «юнкерс» и «хейнкель». Штурмовые и бомбардировочные удары были довольно эффективными, при каждом налете население видело пожары на аэродроме (горели самолеты), а также производились похороны убитых немцев. Уборка разбитых самолетов и ликвидация очагов пожаров производилась немецкими солдатами и работающими на аэродроме поляками, чехами и мадярами. От местного населения нанесенный ущерб тщательно скрывался.

4. Аэродромный узел Рогань был прикрыт сильной ПВО, а аэродром был окаймлен несколькими поясами ЗА, МЗА и ЗП, на аэ-

родроме дежурили истребители, при полетах нашей авиации, как правило, на отражение налета поднимались истребители большими группами, а артиллерия открывала мощный зенитный огонь.

5. По докладу, в районе аэродрома происходили частые воздушные бои, падало много горящих самолетов, но принадлежность установить было невозможно, так как немцы тщательно скрывали эти данные от местного населения.

6. В северной части аэродрома, возле дороги Рогань—Харьков до последнего времени лежит четыре орудия ЗА крупного калибра, уничтоженных бомбардировочным ударом нашей авиации. Налицо имеются прямые попадания в расположение батареи, орудия изуродованы, личный состав погиб, очевидно, полностью, так как до сих пор стоит зловонный запах от засыпанных трупов в щелях и блиндажах укрытия.

7. Железнодорожная станция Рогань разрушена, из опроса жителей известно, что станция систематически подвергалась ударам с воздуха днем и ночью. Часто были прямые попадания в железнодорожную станцию, эшелоны и станционные постройки, вследствие чего движение приостанавливалось от 2 до 4 часов, на станции возникали большие пожары.

Аэродром Основа

На аэродроме Основа у немцев базировалась в основном бомбардировочная авиация («юнкеры» и «хейнкели»). В августе месяце количество самолетов доходило до 250—300 бомбардировщиков. Аэродром весь разрушен при отступлении, ангары взорваны, все служебные здания подорваны и сожжены. В настоящее время аэродром не эксплуатируется.

По докладу местного населения прилегающих деревень и рабочих станции Основа, противнику нашей авиацией нанесен чрезвычайно большой ущерб, частые налеты днем и ночью сопровождались большими пожарами и зачастую взрывами.

1. При осмотре аэродрома установлено большое количество воронок калибра бомб 50, 100 и 200 килограмм на территории летного поля, цементных дорожках, стоянках самолетов и в расположении капониров. Имеется 10 попаданий в капониры. Большинство воронок последних бомбежек не засыпаны, много воронок засыпаны щебнем и землей, по осмотру последних можно предполагать, что работа по засыпке производилась 15—20 дней тому назад.

2. В южной и юго-западной части аэродрома в районе стоянок до последнего времени лежат полуразбитые четыре самолета-бомбардировщика, из них 2 Ю-88, 2 Хе-111, в южной части аэродрома в районе ангаров — 2 Ме-109.

3. Из беседы с местными жителями установлено: а. в период 12—15.7.43 налетами нашей авиации уничтожено до 6 самолетов и

около 15 человек летно-технического состава. б. В период 28—30.7.43 сожжено до 12 самолетов-бомбардировщиков, убито и ранено до 10 человек. в. местные жители и рабочие станции Основа говорят: «Налеты, особенно в последнее время — в конце июля и августе месяце были частыми, причем все они, как правило, сопровождались пожарами (горели самолеты). Кроме того, имелись человеческие жертвы, сказать точно количество мы не можем, так как нас на аэродром не допускали, а во время работы — после штурмовых и бомбардировочных налетов — с аэродрома прогоняли».

4. О больших потерях, нанесенных противнику от действий нашей авиации, свидетельствует следующий факт: немцами у железнодорожной станции Основа была оборудована специальная площадка, куда свозились с аэродрома Основа разбитые и подбитые самолеты для ремонта. При осмотре этой площадки нами обнаружено до 40 штук бомбардировщиков (Ю-88, Ю-87, Хе-111) и до 10 истребителей типа Ме-109, которые ввиду быстрого отступления немцев и невозможности их эвакуации были частично сожжены зажигательными бомбами. Кроме того, по показаниям железнодорожных рабочих, немцы перед отходом отправили 4 эшелона, груженных разбитыми самолетами.

Аэродром Федорцы (Лосево)

На аэродроме базировались преимущественно истребители — мажарские части. В настоящее время аэродром нашими частями не эксплуатируется.

1. При тщательном осмотре аэродрома установлено: вся площадь в районе капониров и стоянок изрыта большим количеством незасыпанных воронок от бомб калибра 25—50 кг. Имеются до 20 попаданий в капониры, вследствие чего имеется целый ряд осколков в деревянной обшивке капониров. В двух капонирах обнаружен пепел и горелая трава, что наглядно свидетельствует о сгоревших самолетах.

2. По показаниям местного населения, после ряда бомбардировочных и штурмовых ударов авиация противника в середине августа с аэродрома Федорцы была передислоцирована.

3. Разбитой материальной части на аэродроме не обнаружено — все эвакуировано.

Аэродром Померки

На аэродроме, судя по капонирам и рассказам местного населения, базировалась истребительная авиация и ночные бомбардировщики типа «Арадо». Капониры сделаны из земли с деревянной обшивкой и расположены в западной и южной частях аэродрома. При осмотре аэродрома установлено:

1. В южной части аэродрома прямыми попаданиями двух бомб калибра 250 кг в каждый ангар уничтожено 2 ангара, в одном из

них сгорел самолет «Арадо» и две автомашины, во втором сгорели ремонтные мастерские и горючее. По показаниям местного населения, в период 9—10 августа 1943 г. нашей авиацией был нанесен удар, в результате которого и были уничтожены 2 ангара, сожжено 7 самолетов-истребителей и убито до 15 человек немцев.

2. В северной части аэродрома прямым попаданием бомбы калибра 250 кг уничтожен ангар, в котором сгорел самолет «Арадо» и горючее в бочках.

3. В западной части аэродрома в результате бомбардировок уничтожено до 4 служебных зданий. По рассказам жителей, последние сожжены от действий нашей авиации в первой половине августа месяца, при этом имелось большое количество человеческих жертв.

4. При осмотре летного поля, стоянок самолетов и капониров нами обнаружено большое количество незасыпанных воронок калибра 50, 100, 250 кг. Особенно большое количество воронок обнаружено в южной и западной частях аэродрома — в местах расположения капониров, ангаров и стоянок самолетов.

5. По рассказу местных жителей, все налеты на аэродром, как правило, сопровождалось пожарами и человеческими жертвами, при каждом налете было уничтожено от одного до четырех самолетов.

6. В западной части аэродрома, в лесу имеется много свежих могил — очевидно, похоронен летно-технический состав, погибший от действий нашей авиации. Точно установить, кто похоронен — не удалось, так как местное население на аэродром не допускалось.

Аэродром Сокольники

На аэродроме базировалась бомбардировочная и истребительная авиация. Истребители стояли в северной и восточной, бомбардировщики — в южной части аэродрома. Все ангара, приангарные здания и служебные помещения взорваны немцами при отступлении. Аэродром прикрывался сильными средствами ПВО. В настоящее время на аэродроме базируется истребительный полк 5 ВА.

При осмотре аэродрома установлено:

1. Летное поле, район самолетных стоянок и капониров усеяны сплошными воронками бомб малого калибра. Последние в расположении летного поля и на рулежных дорожках засыпаны частью немцами и частью составом БАО, обслуживающим базирующийся истребительный полк. Воронки в тыловой части капониров, между капонирами, по границам летного поля и в капонирах, не эксплуатирующихся в данное время, до последнего времени остались не засыпанными.

2. Материальной части противника, разбитой действиями нашей авиации, не обнаружено. По заявлению местного населения, последняя эвакуирована немцами при отступлении.

3. Из рассказов местного населения, штурмовые удары нашей авиации в большинстве случаев сопровождались пожарами и человеческими жертвами.

Выводы:

На основании личного осмотра аэродромов Харьковского и Роганьского аэроузлов и опроса местного населения, проживающего в этот период на территории авиагородков и близлежащих селах, можно сделать выводы:

1. От действий нашей авиации противнику нанесен довольно большой ущерб в материальной части самолетов и личном составе.

2. Указанные аэродромы в течение двух последних месяцев (июль-август) находились под частым воздействием нашей авиации, в результате чего действия противника в нужный для него момент зачастую были ограниченными и он вынужден был маневрировать аэродромной сетью.

3. Удары нашей авиации за последнее время были довольно эффективными. Действия личного состава, особенно штурмовиков, — дерзкими и решительными, несмотря на довольно сильное противодействие ПВО противника.

4. Расположение капониров на аэродромах противника (капониры расположены в разных направлениях) не позволяет поражать с одного захода несколько самолетов — необходимо производить атаки прицельно, по отдельным капонирам.

ЦАМО РФ. Ф. 306 шад. Оп. 1. Д. 14. Л. 38—40.

Приложение 14

«Краткая характеристика самолета Як-9 (по опыту боевого использования в 234-й иад)»

Качество планера:

Взлет устойчив на всех скоростях, особо ровной площадки не требует, свободно работает с полевых площадок.

Маневренность:

Для производства правого виража среднему летчику необходимо 22 секунды, левого виража — 24 секунды. Малейшее перетягивание руля высоты для сокращения радиуса виража или боевого разворота — самолет легко переходит в штопор. На планировании и посадке самолет устойчив. Фактическая средняя скорость прибора у земли равна 450 км/ч.

Кабина:

Размеры кабины затрудняют работу летчика в зимнем обмундировании. Вместо тумблера необходимо иметь кнопку на ручке управления самолета, включающую передатчик. Открытие и закрытие фонаря производить при помощи ручки по типу самолета «Киттихаук».

Броня:

Заднюю полусферу фонаря изготавливать из бронестойкого стекла с расчетом прикрытия верхней части головы летчика. Подвести бронеплиту под сиденье летчика с расчетом защиты ног при атаке противника снизу сзади и увеличить имеющуюся бронеспинку в головной части.

Вооружение:

Пушка ОКБ-16, установленная на Як-9Т, зарекомендовала себя как безотказное оружие и вполне оправдывает себя по убойной силе. Например, при прямом попадании одного снаряда в ФВ-190 последний разлетается в щепки. Ю-88 и Ю-87 от одного-двух прямых попаданий в крыло или хвостовое оперение также разрушаются в воздухе. Необходимо увеличить боекомплект до 60 снарядов и установить третью точку БС через винт, что, кроме общего усиления мощности огня, при выходе одной из точек, две точки вполне обеспечат ведение воздушного боя.

Мотор:

Желательно увеличить мощность до 1700—1800 л.с. Убрать водяной радиатор.

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1.1.

«Количество самолетов в 16, 2 и 17-й воздушных армиях на 5 июля 1943 года»

	16-я воздушная армия	2-я воздушная армия*	17-я воздуш- ная армия
Истребители	455/71	389/85	218
Штурмовики	241/28	276/23	383
Бомбардировщики дневные	260/14	172/18	70
Бомбардировщики ночные	74/2	34/15	64
Разведчики	4/2	10/8	-
Итого:	1034/117	881/149	735D

* В числителе второго и третьего столбцов указаны исправные машины, в знаменателе неисправные.

ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 101. Л. 15—16. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15. (4-4). Москва, 1997. С. 403.

Согласно ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 39. Л. 15 во 2-й воздушной армии на 1.07.43 числилось 1073 самолета: 117 дневных бомбардировщиков, 306 штурмовиков, 572 истребителя, 57 ночных бомбардировщиков, 21 разведчик.

Таблица 1.2.

«Количество самолетов в 1-й авиадивизии и 8-м авиакорпусе на 5 июля 1943 года»

	1-я авиадивизия	8-й авиакорпус	Всего:
Одномоторные истребители	186	153	339
Двухмоторные истребители	55	-	55
Штурмовики	-	176	176
Бомбардиров- щики	244	308	552
Пикировщики	165	231	396
Разведчики	88	60	148
Другие	-	115	115
Итого:	738	1043	1781

Хазанов Д.Б., Горбач В.Г. Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Москва, 2004. С. 15.

Таблица 2.1.

**«Количество самолето-вылетов советской и немецкой авиации
на северном фазе Орловско-Курской дуги
с 5 по 11 июля 1943 г.»**

Дата	16-я ВА		АДД	6-й ВФ	
	Днем	Ночью		Днем	Ночью
5.7.43	1147	85	17	2088	0
6.7.43	1126	200	269	1023	15
7.7.43	1185	212	210	1687	92
8.7.43	913	173	169	1173	134
9.7.43	956	145	36	877	0
10.7.43	671	173	77	1136	3
11.7.43	301	176	0	933	51
Итого:	6299	1164	778	8917	295

Хазанов Д.Б., Горбач В.Г. Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Москва, 2004. С. 188.

Таблица 2.2.

«Потери 16-й воздушной армии с 5 по 11 июля 1943 г.»

	В возд. боях и зен. арт.	Не вер- нулось	Катаст- рофы	Аварии	Всего
Бомбардировщики	18	17	3	1	39
Штурмовики	15	72	2	1	90
Истребители	24	234	4	-	262
Итого:	57	323	9	2	391

ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 54. Л. 10.

Согласно ЦАМО РФ. Ф. 386. Оп. 6476. Д. 101. Л. 22, потери 16-й воздушной армии за июль составили 535 самолетов (48 Пе-2, 38 «Бостон», 13 У-2, 161 Ил-2, 269 истребителей, 6 разведчиков).

«Потери личного состава 16-й воздушной армии за июль 1943 г.»

	Командиры полков	Штурманы	Комэски и их заместители	Командиры звеньев	Пилоты	Летнабы	Стрелки-радисты	Воздушные стрелки	Всего
3-й бак	-	-	-	3	25	31	28	-	87
221-я бад	-	-	1	4	9	15	17	20	66
271-я нбад	-	-	-	1	6	6	-	-	13
Итого БА:	-	-	1	8	40	52	45	20	166
2-я гв. шад	-	1	-	4	38	-	-	39	82
299-я шад	-	-	10	7	62	-	-	65	144
Итого ША:	-	1	10	11	100	-	-	104	226
6-й иак	2	-	2	10	46	-	-	-	60
1-я гв. иад	-	1	-	13	21	-	-	-	35
283-я иад	-	-	2	1	13	-	-	-	16
286-я иад	-	-	2	9	50	-	-	-	61
282-я иад	-	-	2	3	7	-	-	-	12
Итого ИА:	-	1	8	36	137	-	-	-	184
16-й, 98-й гв. рап	-	-	1	-	2	3	3	1	10
Итого 16-я ВА:	2	2	20	55	279	55	48	105	586

ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 101. Л. 21.

«Движение самолетного парка 16-й воздушной армии за июль»

	Боевые потери							Небоевые потери		
	ИА	Не вернулось	Разбиты на вынужд. посадках	Прочие	На аэродромах	ЗА	Всего	Катастр.	Аварии	Всего
3-й бак	10	14	7	6	9	-	46	-	2	2
221-я бад	19	16	1	-	-	-	36	2	-	2
271-я нбад	-	2	3	1	2	-	8	1	4	5
Итого БА:	29	32	11	7	11	-	90	3	6	9
2-я гв. шад	17	14	12	9	3	2	57	1	6	7
299-я шад	23	22	46	-	-	-	91	2	4	6
Итого ША:	40	36	58	9	3	2	148	3	10	13D
6-й иак	60	6	28	-	3	-	97	-	-	-
1-я гв. иад	52	1	-	-	-	-	53	1	-	1
283-я иад	15	3	6	-	-	-	24	-	2	2
286-я иад	11	4	42	10	-	-	67	-	4	4
282-я иад	13	-	8	-	-	-	21	-	-	-
Итого ИА:	151	14	84	10	3	-	262	1	6	7
16-й, 98-й гв. рап	4	-	1	-	-	-	5	-	1	1
Итого:	224	82	154	26D	17	2	505	7	23	30

ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6476. Д. 101. Л. 22.

«Потери 286-й иад за июль 1943 г.»

п/п	Дата	Тип самолета, номер	Звание, пилот	Судьба
<i>165-й иап</i>				
1.	5.7.43	Ла-5 № 0313	мл. л-т Медведев	Не вернулся с боевого задания
2.	5.7.43	Ла-5 № 1575	мл. л-т Ковалкин	Сбит ИА, выбросился на парашюте
3.	5.7.43	Ла-5 № 1370	мл. л-т Журавлев	Не вернулся с боевого задания
4.	5.7.43	Ла-5 № 2377	мл. л-т Постарнак	Сбит ИА, погиб
5.	5.7.43	Ла-5 № 1422	мл. л-т Новиков	Самолет разбит на взлете, пилот ранен
6.	5.7.43	Ла-5 № 1433	мл. л-т Гоголев В. А.	Самолет разбит на взлете, пилот ранен
7.	6.7.43	Ла-5 № 1336	мл. л-т Назаров	Не вернулся с боевого задания
8.	6.7.43	Ла-5 № 1570	мл. л-т Симонов	Не вернулся с боевого задания
9.	6.7.43	Ла-5 № 1181	мл. л-т Целовальников	Сбит ИА, погиб
10.	7.7.43	Ла-5 № 2353	мл. л-т Кутуков	Сбит ИА, погиб
11.	7.7.43	Ла-5 № 2034	мл. л-т Виденеев	Подбит, вын. посадка, пилот цел, самолет разбит
12.	9.7.43	Ла-5 № 2054	мл. л-т Сердюк	Сбит ИА, погиб
13.	11.7.43	Ла-5 № 2406	мл. л-т Голованов	Не вернулся с боевого задания
14.	11.7.43	Ла-5 № 0304	мл. л-т Ковалкин	Не вернулся с боевого задания
15.	11.7.43	Ла-5 № 2414	мл. л-т Никитин	Сбит ЗА, погиб
16.	16.7.43	Ла-5 № 2291	мл. л-т Кошелев	Сбит ЗА, погиб
17.	17.7.43	Ла-5 № 1402	мл. л-т Сусанин	Подбит, вын. посадка, пилот цел, самолет разбит
<i>721-й иап</i>				
1.	5.7.43	Ла-5 № 2320	мл. л-т Никишаев	Не вернулся с боевого задания
2.	5.7.43	Ла-5 № 2224	мл. л-т Бажанов	Не вернулся с боевого задания

п/п	Дата	Тип самолета, номер	Звание, пилот	Судьба
3.	5.7.43	Ла-5 № 2031	мл. л-т Дымченко	Сбит ИА, погиб
4.	5.7.43	Ла-5 № 2094	мл. л-т Срыжанов	Не вернулся с боевого задания
5.	5.7.43	Ла-5 № 2021	мл. л-т Трипутин	Не вернулся с боевого задания
6.	5.7.43	Ла-5 № 2083	мл. л-т Капран	Не вернулся с боевого задания
7.	5.7.43	Ла-5 № 2167	мл. л-т Смирнов	Сбит ИА, выбросился на парашюте
8.	5.7.43	Ла-5 № 2040	мл. л-т Лебедев	Подбит в бою, катастрофа при посадке
9.	7.7.43	Ла-5 № 2174	Ст. л-т Длужицкий К.А.	Не вернулся с боевого задания
10.	8.7.43	Ла-5 № 2758	мл. л-т Казакевич	Не вернулся с боевого задания
11.	10.7.43	Ла-5 № 2152	мл. л-т Герашенко	Не вернулся с боевого задания
12.	16.7.43	Ла-5 № 2679	мл. л-т Колышкин К.С.	Вынужденная посадка, самолет разбит
13.	17.7.43	Ла-5 № 2082	мл. л-т Аверкин В.Н.	Не вернулся с боевого задания
14.	17.7.43	Ла-5 № 0328	мл. л-т Безручко	Не вернулся с боевого задания
15.	20.7.43	Ла-5 № 2335	мл. л-т Семенов В.Г.	Авария после вып. боевого задания, пилот ранен
16.	25.7.43	Ла-5 № 1516	мл. л-т Сайкин	Сбит ИА, погиб
17.	25.7.43	Ла-5 № 2894	мл. л-т Ефимов	Не вернулся с боевого задания
<i>739-й иап</i>				
1.	8.7.43	Ла-5 № 1451	мл. л-т Осипов	Не вернулся с боевого задания
2.	8.7.43	Ла-5 № 2431	мл. л-т Воропай	Не вернулся с боевого задания
3.	8.7.43	Ла-5 № 2543	капитан Ефанов	Не вернулся с боевого задания
4.	8.7.43	Ла-5 № 2603	мл. л-т Деев	Не вернулся с боевого задания
5.	8.7.43	Ла-5 № 1408	мл. л-т Королев	После боевого задания самолет разбит на посадке

п/п	Дата	Тип самолета, номер	Звание, пилот	Судьба
6.	8.7.43	Ла-5 № 2419	мл. л-т Бороданов Н.А.	Недостаток горючего, погиб при вын. посадке
7.	9.7.43	Ла-5 № 2653	мл. л-т Ромего В.М.	Сбит ЗА, на парашюте обстрелян ИА, тяж. ранен
8.	9.7.43	Ла-5 № 1239	мл. л-т Вагин	Не вернулся с боевого задания
9.	9.7.43	Ла-5 № 2563	мл. л-т Арсеньев	Не вернулся с боевого задания
10.	9.7.43	Ла-5 № 2725	мл. л-т Кортаев	Не вернулся с боевого задания
11.	9.7.43	Ла-5 № 2626	мл. л-т Быков	Не вернулся с боевого задания
12.	9.7.43	Ла-5 № 2639	мл. л-т Майлян	Сбит ИА, погиб
13.	9.7.43	Ла-5 № 2574	мл. л-т Струков В.С.	Не вернулся с боевого задания
14.	11.7.43	Ла-5 № 2677	мл. л-т Трухан	Не вернулся с боевого задания
15.	11.7.43	Ла-5 № 2609	мл. л-т Корнеев	Не вернулся с боевого задания
16.	11.7.43	Ла-5 № 2732	мл. л-т Косарев	Не вернулся с боевого задания
17.	11.7.43	Ла-5 № 2592	л-т Дронов А.И.	Не вернулся с боевого задания
18.	11.7.43	Ла-5 № 2748	мл. л-т Позмогов	Не вернулся с боевого задания
19.	11.7.43	Ла-5 № 2544	мл. л-т Павлов Н.И.	Подбит, самолет разбит на вын. посадке, ранен
20.	17.7.43	Ла-5 № 2744	мл. л-т Световидов	Не вернулся с боевого задания
21.	20.7.43	Ла-5 № 0411	мл. л-т Савченко	Самолет разбит на посадке
22.	20.7.43	Ла-5 № 2410	мл. л-т Королев	Капотирование
23.	25.7.43	Ла-5 № 2860	мл. л-т Мищенко И. Ф.	Не вернулся с боевого задания
24.	25.7.43	Ла-5 № 2829	мл. л-т Зубков	Не вернулся с боевого задания

п/п	Дата	Тип самолета, номер	Звание, пилот	Судьба
25.	25.7.43	Ла-5 № 2629	мл. л-т Савченко	Не вернулся с боевого задания
<i>896-й иап</i>				
1.	5.7.43	Як-1 № 04115	мл. л-т Кушхов П.М.	Не вернулся с боевого задания
2.	5.7.43	Як-1 № 1308	мл. л-т Штыцко	Не вернулся с боевого задания
3.	9.7.43	Як-1 № 2890	мл. л-т Ионов	Не вернулся с боевого задания
4.	9.7.43	Як-1 № 25114	мл. л-т Козлитин В. Ф.	Погиб на вынужденной посадке
5.	9.7.43	Як-1 № 11116	мл. л-т Мижурный	Подбит ИА, вынужденная посадка
6.	9.7.43	Як-1 № 18109	мл. л-т Копылов М.А.	Вынужденная посадка, самолет сгорел
7.	11.7.43	Як-1 № 3685	мл. л-т Кузнецов	Сбит ЗА, погиб
8.	11.7.43	Як-1 № 1136	мл. л-т Андрияхин	Не вернулся с боевого задания
9.	11.7.43	Як-1 № 39115	мл. л-т Леонов Н.М.	Не вернулся с боевого задания
10.	17.7.43	Як-1 № 2184	мл. л-т Копылов М.А.	Сбит ИА, погиб
11.	17.7.43	Як-1 № 30114	мл. л-т Свертелов	Вынужденная посадка, пилот легко ранен
12.	21.7.43	Як-1 № 49134	мл. л-т Романов А.П.	Не вернулся с боевого задания
13.	23.7.43	Як-1 № 3292	мл. л-т Москвин М.Е.	Не вернулся с боевого задания
14.	23.7.43	Як-1 № 16114	мл. л-т Комаров	Вернулся в часть без самолета

ЦАМО РФ. Ф. 286-й иад. Оп. 1. Д. 9. Л. 133—136.

Таблица 3.1.

**«Количество самолето-вылетов и потерь
2-й воздушной армии с 5 по 23 июля 1943 г.
и 17-й воздушной армии с 5 по 16 июля 1943 г.»**

Дни	2-я воздушная армия		17-я воздушная армия		Всего вылетов
	Вылеты	Потери	Вылеты	Потери	
5.7.43	1274/48	83	446/2	76	1720/50
6.7.43	820/72	50	396/123	29	1216/195
7.7.43	839/81	43	639/197	41	1478/278
8.7.43	957/96	47	228/192	13	1185/288
9.7.43	653/60	36	187/174	9	840/77
10.7.43	455/69	22	71/183	-	526/252
11.7.43	539/57	18	56/149	-	595/206
12.7.43	759/109	27	134/183	3	893/292
13.7.43	666/156	27	118/164	1	784/320
14.7.43	863/200	20	168/151	6	1031/351
15.7.43	328/151	8	35/-	1	363/151
16.7.43	723/219	29	-	-	723/219
17.7.43	486/135	6	-	-	486/135
18.7.43	453/199	7	-	-	453/199
19.7.43	107/149	3	-	-	107/149
20.7.43	52/224	-	-	-	52/224
21.7.43	76/148	-	-	-	76/148
22.7.43	68/106	-	-	-	68/106
23.7.43	79/273	7	-	-	79/273
Итого:	10336/2562	437		179	12675/3913

В числителе даны дневные вылеты, в знаменателе — ночные вылеты.
Потери приведены по оперсводкам воздушных армий.

ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 29. Л. 378—451.
ЦАМО РФ. Ф. 370. Оп. 6518. Д. 174. Л. 7—24а.

**«Количество самолето-вылетов немецкого 8-го авиакорпуса
с 5 по 18 июля 1943 г.»**

Дата	ИА	ША	ПБ	БА	РА	Всего	Ночью
5.7.43	371*	335	1071	536	74	2387	0
6.7.43	253	240	793	323	77	1686	26
7.7.43	297	200	746	498	88	1829	64
8.7.43	229	186**	701	493	77	1686	57
9.7.43	248	183	699	384	97	1621***	28
10.7.43	-	-	-	-	-	682****	17
11.7.43	176	157	447	197	62	1039	18
12.7.43	191	248	150	13	52	654	61
13.7.43	204	103	239	60	50	656	0
14.7.43	238	135	510	486	83	1452	28
15.7.43	132	68	191	282	33	706	40
16.7.43	145	57	191	30	76	499	111
17.7.43	-	-	-	-	-	138****	85
18.7.43	40	-	-	-	39	79	27
Итого:	2524	1912	5738	3302	808	15114	562

Сокращения: ИА — истребительная авиация, ША — штурмовая авиация, ПБ — пикирующие бомбардировщики, БА — двухмоторные бомбардировщики, РА — разведывательная авиация.

* 5.7 учтены только вылеты I и III/JG52.

** в том числе 53 самолето-вылета противотанковых Hs-129 с 3,0 см пушками.

*** не учтено 10 самолето-вылетов.

**** данные по типам самолетов отсутствуют.

Mikrof.Aleks. T-312/1253.

Таблица 3.3.

«Движение самолетного парка 2-й воздушной армии в июле 1943 г.»

	На 1.7.43	Поступило				Убыло					На 1.8.43
		С завода	Из др. частей	Из ремонта	Итого	В др. части	В ремонт	Боевые потери	Не боевые потери	Итого	
1-й бак	117	12	-	-	12	-	-	36	5	41	88
1-й шак*	206/82	20/12	-	-	20/12	-	2/1	71/28	4/2	77/31	149/63
5-й иак	278	1	46	1	48	66	2	117	9	194	132
4-й иак	184	23	-	-	23	-	1	61	3	65	131***
291-я шад*	100/28	71/27	18/-	2/-	91/27	-	57/12	91/19	6/1	154/32	94/5***
208-я нбад	57	-	86	5	91	33	-	3	4	40	108
454-й бап	21	6	2	-	8	-	-	4	-	4	19***
10-й иак**	154	-	80	-	80	18	-	3	6	27	207
5-й шак**	139	-	-	-	-	-	-	4	7	11	128
Итого:	1426	172	232	8	412	117	75	437	43	676	1154

* в числителе дано количество штурмовиков, в знаменателе — количество истребителей

** на 1 июля в состав 2-й воздушной армии не входили.

*** данные, приведенные в источнике, не сходятся по балансу поступило/убыло.

Таблица 3.4.

«Боевые потери 2-й воздушной армии в июле по типам самолетов»

	Сбито ИА/ЗА							Не вернулось с боевых заданий							
	Пе-2	А-20В	Ил-2	Ла-5	Як-1	Як-7	Як-9	Пе-2	А-20В	Ил-2	Ла-5	Як-1	Як-7	Як-9	У-2
1-й бак	12/9	-	-	-	-	-	-	15	-	-	-	-	-	-	-
1-й шак	-	-	32/27	-/2	7/4	5/2	-	-	-	12	1	2	5	-	-
4-й иак	-	-	-	3/1	8/2	1/1	-	-	-	-	4	28	13	-	-
5-й иак	-	-	-	31/8	4/3	14/7	10/-	-	-	-	14	7	12	7	-
291-я шад	-	-	27/36	1/1	4/2	3/2	-	-	-	28	1	-	5	-	-
208-я нбад	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3
454-й бап	-	2/1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
5-й шак	-	-	-/2	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-
10-й иак	-	-	-	3/-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

В числителе дано количество самолетов, сбитых в воздушных боях, в знаменателе — количество самолетов, сбитых зенитной артиллерией.

«Потери 17-й воздушной армии за июль 1943 г.»

		В возд. боях	На земле	ЗА	Не вер- нулось	Всего	Авар./ катастр.
9-й сак	Ла-5	10	-	3	15	28	2/5
	Ил-2	25	-	26	55	106	1/3
1-й сак	Як-1	6	-	-	-	6	-/1
	Ил-2	6	-	7	11	24	-/1
3-й сак	Як-1, Ла-5, 12	2	6	3	23	-/2	
	Ил-2	2	2	18	16	38	-/1
244-я бад	Б-3	3	-	8	6	17	-
262-я нбад	У-2, Р-5	-	-	-	2	2	-
Итого:	64	4	68	108	244	3/13	

ЦАМО РФ. Ф. 370. Оп. 6518. Д. 87. Л. 59.

Таблица 4.1.

«Боевой состав 1, 15, 16-й воздушных армий и АДД к началу операции «Кутузов»

	1-я ВА	15-я ВА	16-я ВА	АДД	Всего
Истребители	565	265	311	-	1141
Штурмовики	459	269	119	-	847
Бомбардиров- щики	84	111	197	-	392
Бомбардировщи- ки ночные	191	326	71	300	888
Разведчики	18	15	8	-	41
Корректиров- щики	5	9	-	-	14
Итого:	1322	995	706	3 00	3323

Агеев Б.А., Пентюков С.Е. «Военно-воздушные силы в разгроме орловской группировки немцев». Москва, 1949. С. 212.

**«Количество самолето-вылетов и потерь советской авиации
в районе Орловской дуги с 12 июля по 18 августа 1943 г.»**

Дни	1-я воздушная армия		15-я воздушная армия		16-я воздушная армия		Всего вылетов
	Вылеты	Потери	Вылеты	Потери	Вылеты	Потери	
12.7.43	868	14	1037	45	269	-	2174
13.7.43	942	11	946	94	250	-	2138
14.7.43	945	28	598	6	164	-	1707
15.7.43	648	11	792	26	1002	7	2442
16.7.43	737	26	766	7	1713	10	3216
17.7.43	948	33	1043	12	1743	35	3734
18.7.43	632	12	649	3	544	1	1825
19.7.43	490	6	1273	34	1222	5	2985
20.7.43	469	3	657	31	1122	-	2248
21.7.43	660	6	762	23	497	-	1919
22.7.43	521	3	773	19	1105	5	2399
23.7.43	333	5	476	19	276	4	1085
24.7.43	202	-	610	2	376	3	1188
25.7.43	134	-	785	7	821	20	1740
26.7.43	361	-	290	22	49	-	700
27.7.43	395	11	15	-	200	-	610
28.7.43	575	21	111	3	600	5	1286
29.7.43	-	-	150	5	326	8	476
30.7.43	-	-	276	4	321	8	597
31.7.43	-	-	662	18	294	-	956
1.8.43	-	-	969	26	808	12	1777
2.8.43	-	-	786	32	1312	40	2098
3.8.43	-	-	1055	25	949	15	2004
4.8.43	-	-	1196	35	1018	25	2214
5.8.43	-	-	787	11	1022	29	1809
6.8.43	-	-	877	13	420	4	1297
7.8.43	-	-	987	26	466	4	1453
8.8.43	-	-	599	4	600	6	1199
9.8.43	-	-	490	4	366	1	856
10.8.43	-	-	487	-	258	-	745

Дни	1-я воздушная армия		15-я воздушная армия		16-я воздушная армия		Всего вылетов
	Вылеты	Потери	Вылеты	Потери	Вылеты	Потери	
11.8.43	-	-	247	-	323	-	570
12.8.43	-	-	994	-	405	-	1399
13.8.43	-	-	538	3	210	-	748
14.8.43	-	-	734	-	165	-	899
15.8.43	-	-	337	-	424	-	761
16.8.43	-	-	129	-	344	-	473
17.8.43	-	-	243	-	406	-	649
18.8.43	-	-	28	-	46	-	74
Итого:	9860	190	24 154	559	22 436	247	56 450

Агеев Б.А., Пентюков С.Е. «Военно-воздушные силы в разгроме орловской группировки немцев». Москва, 1949. С. 222, 225.

Таблица 4.3.

«Количество самолето-вылетов на выполнение основных задач за период с 12 июля по 18 августа 1943 г.»

Основные задачи	1-я ВА (12—28.7)	15-я ВА (12.7—18.8)	16-я ВА (15.7—18.8)	АДД (11.7—18.8)	Всего:
По войскам	5166	11 969	14 595	2162	33 892
По перевозкам	72	2210	238	1887	4407
По аэродромам	48	146	61	496	751
Прикрытие войск	1750	4567	1826	-	8143
Сопровождение	2117	3950	4294	-	10361
Разведка	707	1312	1422	-	3441
Итого:	9860	24 154	22 436	4545	60 995

Агеев Б.А., Пентюков С.Е. «Военно-воздушные силы в разгроме орловской группировки немцев». Москва, 1949. С. 223.

Таблица 4.4.

**«Процентное соотношение расхода боеприпасов
в ходе операции «Кутузов»»**

	ФАБ	АО	ПТАБ	ЗАБ	САБ
1-я ВА	62,6	31,4	4,6	0,8	0,6
15-я ВА	41,3	55,0	2,4	0,9	0,4
16-я ВА	64,2	31,5	2,5	1,0	0,8
АДД	80,0	-	-	15,0	5,0

Агеев Б.А., Пентюков С.Е. «Военно-воздушные силы в разгроме орловской группировки немцев». Москва, 1949. С. 224.

Таблица 4.5.

**«Количество самолето-вылетов на выполнение основных задач
за период с 12 июля по 18 августа 1943 г.»**

Задачи	Проведено самолето-вылетов:				Всего
	1-я ВА (12—28.7.43)	15-я ВА (12.7—18.8)	16-я ВА (15.7—18.8)	АДД (12.7—18.8)	
По войскам пр-ка	5166	11 969	14 595	2162	33 892
По ж.д. перевозкам	72	2210	238	1887	4407
По аэродромам	48	146	61	496	751
Прикрытие войск	1750	4567	1826	-	8143
Сопровождение ударной авиации	2117	3950	4294	-	10 361
Разведка	707	1312	1422	-	3441
Итого:	9860	24 154	22 436	4545	60 995

Агеев Б.А., Пентюков С.Е. «Военно-воздушные силы в разгроме орловской группировки немцев». Москва, 1949. С. 223.

Таблица 4.6.

**«Движение самолетного парка 15-й воздушной армии
в июле 1943 г.»**

	На 1.07.43*	Прибыло	Убыло	Боевые потери	Не боевые потери	Всего
Истребители	329/43	80	68	186	14	200
Штурмовики	281/53	41	71	126	6	132
У-2	51/7	120	17	20	4	24
Разведчики	15/0	6	-	5	2	7
Прочие	120/12	-	-	-	-	-
Ил-4	-	-	-	16**	-	-
Итого:	796/109	247	156	353	26	379

* в числителе дано количество исправных самолетов, в знаменателе — неисправных.

** расчетные данные, в оригинальной таблице не указаны потери 113-й бад.

ЦАМО РФ. Ф. 366. Оп. 6469. Д. 30. Л. 39.

Таблица 4.7.

«Самолетный парк 1-й воздушной армии на 1.07.43 и на 31.07.43»

Типы самолетов	На 1.07.43		На 31.07.43	
	Исправные	Неисправные	Исправные	Неисправные
Як-1, Як-7	266	26	178	15
Ла-5	208	18	121	21
«Харрикейн»	29	2	28	4
Ил-2	252	45	255	51
Пе-2	82	3	172	16
«Бостон»	8	0	0	0
У-2	201	0	174	16
Пе-2, Пе-3 (раз.)	14	1	20	1
Ил-2 (раз.)	10	2	7	4
Р-5 (раз.)	7	2	6	2
Су-2 (кор.)	8	0	6	2
Итого:	1085	99	967	132

ЦАМО РФ. Ф. 290. Оп. 3284. Д. 155. Л. 6.

**«Количество самолето-вылетов 6-го воздушного флота
с 12 июля по 18 августа 1943 г.»**

Дата	ИА	ИА (2-м)	ША*	ПБ	БА	РА	ТА	Всего
12.7.43	345	89	-	419	173	85	-	1111
13.7.43	320	59	-	415	234	85	-	1113
14.7.43	208	40	15	410	210	96	-	979
15.7.43	200	38	58	250	36	121	-	703
16.7.43	369	68	103	732	166	157	-	1595
17.7.43	469	89	108	733	161	133	-	1693
18.7.43	274	49	32	462	183	130	-	1130
19.7.43	213	113	106	658	242	120	-	1452
20.7.43	205	53	97	387	281	97	-	1120
21.7.43	155	70	111	406	425	128	210	1505
22.7.43	69	74	104 (14)	504	355	101	165	1386
23.7.43	161	62	106	37	361	184	200	1111
24.7.43	200	85	143 (33)	506	394	98	150	1609
25.7.43	94	13	56 (37)	114	4	37	164	519
26.7.43	71	16	12 (6)	135	169	38	68	515
27.7.43	152	40	48 (15)	206	122	92	138	813
28.7.43	208	18	60	314	174	101	55	930
29.7.43	107	-	38	123	82	59	103	512
30.7.43	-	-	-	-	-	-	-	-
31.7.43	251	-	37	576	538	104	147	1653
1.8.43	280	-	38	363	574	131	183	1569
2.8.43	297	-	59	587	344	111	94	1492
3.8.43	276	-	60	523	260	99	129	1347
4.8.43	296	-	10	426	430	117	51	1330
5.8.43	265	-	31 (112)	330	365	91	72	1266
6.8.43	192	-	25(29)	160	180	70	100	756
7.8.43	-	-	-	-	-	-	-	-
8.8.43	175	-	20 (11)	259	308	70	166	1009
9.8.43	71	-	54 (20)	263	168	81	211	868
10.8.43	85	-	28	177	140	52	90	572

Дата	ИА	ИА (2-м)	ША*	ПБ	БА	РА	ТА	Всего
11.8.43	92	-	17 (13)	197	128	78	74	599
12.8.43	174	-	49 (19)	355	277	87	53	1014
13.8.43	111	-	28 (33)	126	200	72	147	717
14.8.43	110	-	62 (61)	261	230	82	140	946
15.8.43	61	-	23	134	99	48	43	408
16.8.43	-	-	-	-	-	-	-	-
17.8.43	99	-	36	133	112	52	52	484
18.8.43	94	-	46	157	138	57	35	527

Сокращения: ИА — истребительная авиация, ИА (2-м) — двухмоторные истребители, ША — штурмовая авиация, ПБ — пикирующие бомбардировщики, БА — двухмоторные бомбардировщики, РА — разведывательная авиация, ТА — транспортная авиация.

* для штурмовой авиации учтено количество вылетов самолетов FW 190 и Hs 129, в скобках указано количество дневных самолето-вылетов легкомоторной бомбардировочной авиации.

Имеются следующие данные о количестве самолето-вылетов противотанковых отрядов Hs 129 (включены в таблице в вылеты штурмовой авиации): 19.7 — 65; 20.7 — 61; 21.7 — 61; 22.7 — 39; 23.7 — 59; 24.7 — 18; 25.7 — 38; 27.7 — 28; 28.7 — 7; 29.7 — 18; 31.7 — 14; 8.8 — 10.

Mikrof. Aleks. T-312/320/7888806.

Таблица 4.9.

«Движение материальной части в 225-й шад в июле 1943 г.»

	На 1.07.43	Прибыло в течение месяца	Не вер- нулось с боевых заданий	Совершили вынуж- денные посадки	Погибло в катастро- фах и авариях	Всего
614-й шад	24	3	8	6	2	11
810-й шад	32	3	11	8	1	15
825-й шад	31	6	14	8	1	14
783-й шад	23	-	9	6	-	8
832-й шад	26*	-	11	4	-	11
Итого:	136	12	53	32D	4	59

* Из них 21 Як-1, 5 Як-7.

ЦАМО РФ. Ф. 366. Оп. 6469. Д. 34. Л. 24.

«Боевая работа частей 11-го сак на Брянском фронте»

Дата	Задача	Самолето- вылетов ИА	Самолето- вылетов ША	Всего
28.7.43	Облет района боевых действий	37	-	37
29.7.43	Облет района боевых действий	44	-	44
30.7.43	Облет района боевых действий	16	-	16
31.7.43	Прикрытие наземных войск в рай- оне Скородумки, Борилово, Архан- гельский	51	-	51
31.7.43	Сопровождение 224-й шад в район Ветловка, Красный Садок, Злынь, Красильниково, Зелихово	91	-	91
01.8.43	Прикрытие наземных войск в рай- оне Локна, Скородумки	68	-	68
01.8.43	Сопровождение 224-й шад в районе Знаменское, Селихово, Хотынец, Александровка	30	-	30
01.8.43	Облет района боевых действий	-	29	29
02.8.43	Не вел боевой работы из-за погоды	-	-	1*
03.8.43	Прикрытие наземных войск в рай- оне Селихово, Знаменское, Малев- ка, Мосальское, Булатово	12	-	12
03.8.43	Штурмовка в районе Хотынец, Дуб- рово, дороги Хотынец—Карачев, Студенка—Хотынец, Красная Ряби- на—Хотынец	-	29	29
03.8.43	Сопровождение Ил-2 11-го сак	44	-	44
03.8.43	Разведка	6	-	6
03.8.43	Облет района боевых действий	-	17	17
04.8.43	Разведка железных и шоссейных дорог Карачев—Брянск и аэродрома Карачев	6	-	6
04.8.43	Штурмовка по железным и шос- сейным дорогам Карачев—Белые Берега, станции Белорыженская, Мылинка, аэродром Карачев	18	34	52
04.8.43	Сопровождение Ил-2 11-го сак	56	-	56
05.8.43	Разведка войск противника в районе Карачев—Брянск	4	-	4
05.8.43	Облет штурмовиками района боевых действий под прикрытием истреби- телей	16	19	35

Дата	Задача	Самолето- вылетов ИА	Самолето- вылетов ША	Всего
06.8.43	Штурмовые удары в районе Сорокино, Грачевка, Студенка, Дубровский, Мошеное, Льговский, Кубань, Волосатово	-	33	33
06.8.43	Сопровождение Ил-2	42	-	42
06.8.43	Прикрытие наземных войск в районе Мошеное, Рогодино, Сорокино	36	-	36
06.8.43	Сопровождение ДБ-3Ф 113-й бад	40	-	40
07.8.43	Штурмовка в районе Хотынец, станция Хотынец, Войково, Абросимово, Мошеное, Березуевка, Марковский	-	34	34
07.8.43	Сопровождение Ил-2 11-го сак	41	-	41
07.8.43	Прикрытие наземных войск в районе Мошеное, Сорокино, Гнездилово	38	-	38
07.8.43	Разведка	8	-	8
08.8.43	Штурмовка по дорогам Хотынец—Карачев—Брянск	30	-	30
08.8.43	Сопровождение Ил-2 11-го сак	30	-	30
08.8.43	Прикрытие наземных войск в районе Андросово, Мошеное	52	-	52
09.8.43	Удар по противнику, отходящему из района Хотынец, Богородицкое	20	-	20
09.8.43	Прикрытие наземных войск в районе Мошеное	16	-	16
09.8.43	Сопровождение Ил-2	16	-	16
09.8.43	«Свободная охота»	4	-	4
10.8.43	Штурмовой удар по дороге Карачев—Брянск и по населенным пунктам Карачев, Белые Берега	-	4	4
10.8.43	Сопровождение штурмовиков 11-го сак	4	-	4
10.8.43	Разведка	4	-	4
11.8.43	Штурмовой удар по железнодорожным эшелонам на участке Карачев, Белые Берега	14	-	14
11.8.43	Разведка	8	-	8
12.8.43	Разведка	4	-	4

Дата	Задача	Самолето- вылетов ИА	Самолето- вылетов ША	Всего
12.8.43	Сопровождение ДБ-3Ф 113-й бад	57	-	57
12.8.43	Блокировка аэродрома Карачев	9	4	13
Итого:	972	203	1175	

* так в документе, возможно, вылет связного самолета.

ЦАМО РФ. Ф. 14-го иак. Оп. 1. Д. 1. Л. 103—104.

Таблица 5.1.

«Соотношение сил 2-й и 5-й воздушных армий и 4-го воздушного флота перед началом операции «Полководец Румянцев»

	2-я ВА	5-я ВА	4-й ВФ (по оценкам 2-й ВА)	4-й ВФ (по оценкам 5-й ВА)
Бомбардировщики	86	254	350	333
Ночные б-ки	79	-	30	-
Штурмовики	254	209	-	-
Истребители	315	281	100—120	212
Разведчики	19	25	35	48
Итого:	753	769	515—535	593

ЦАМО РФ. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 82. Л. 2.

ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 27. Л. 76.

Таблица 5.2.

«Количество самолето-вылетов 2-й и 5-й воздушных армий с 3 по 23 августа 1943 г.»

Дни	2-я воздушная армия *	5-я воздушная армия
3.8.43	1264/292	1115
4.8.43	736/256	916
5.8.43	820/248	757
6.8.43	843/116	443
7.8.43	722/111	757
8.8.43	401/115	520
9.8.43	493/107	537
10.8.43	604/75	507
11.8.43	380/38	236

Дни	2-я воздушная армия *	5-я воздушная армия
12.8.43	580/145	406
13.8.43	359/94	452
14.8.43	542/123	516
15.8.43	270/263	659
16.8.43	163/214	228
17.8.43	590/178	269
18.8.43	476/54	797
19.8.43	519/283	524
20.8.43	379/287	502
21.8.43	276/224	553
22.8.43	326/240	770
23.8.43	221/215	708
Итого:	10 964/3678	12 172

* в числителе дано количество дневных самолето-вылетов, в знаменателе — ночных самолето-вылетов.

ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 30. Л. 4—50.

ЦАМО РФ. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 66. Л. 360—405.

Таблица 5.3.

**«Движение материальной части 2-й воздушной армии
в августе 1943 г.»**

	На 1.8.43	Поступило				Убыло			
		С завода	Из др. частей	Из ремонта	Всего	В ремонт	Боевые потери	Не боевые потери	Всего
5-й иак	132	99	41	1	141	-	62	6	68
10-й иак	196	-	82	-	82	38	97	13	148
5-й шак	132	74	4	-	78	19	78	3	100
291-я шад*	93/35	22/20	9/1	2/1	33/22	22/12	24/12	8/7	54/31
202-я бад	92	30	-	-	30	2	18	1	31
208-я нбад	108	-	1	2	3	14	5	1	20
50-й крап	19	4	2	1	7	-	7	1	8

* в числителе дано количество штурмовиков, в знаменателе — количество истребителей.

ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 39. Л. 28.

Таблица 5.4.

«Боевые потери 2-й воздушной армии в августе по типам самолетов»

	Сбито ИА/ЗА						
	Пе-2	У-2	Ил-2	Ла-5	Як-1	Як-7	Як-9
5-й шак	-	-	34/28	-	-	-	-
5-й иак	-	-	-	30/1	-	10/-	6/-
10-й иак	-	-	-	43/5	9/2	-	-
291-я шад	-	-	5/6	-	2/2	-	-
202-я бад	10/7	-	-	-	-	-	-
208-я нбад	-	-/3	-	-	-	-	-
50-й крап	4/-	-	-	-	-	-	-
	Не вернулось с боевых заданий						
	Пе-2	Ил-2	Ла-5	Як-1	Як-7	Як-9	У-2
5-й шак	-	16	-	-	-	-	-
5-й иак	-	-	7	-	4	2	-
10-й иак	-	-	35	5	-	-	-
291-я шад	-	13	-	3	-	-	-
202-я бад	1	-	-	-	-	-	-
208-я нбад	-	-	-	-	-	-	2
50-й крап	3	-	-	-	-	-	-

В числителе дано количество самолетов, сбитых в воздушных боях, в знаменателе — количество самолетов, сбитых зенитной артиллерией.

ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп.4196. Д. 39. Л. 28.

Таблица 5.5.

«Потери 5-й воздушной армии в августе 1943 года»

	В воздушных боях	Зенитной артиллерией	Не вернулось с боевых заданий	Уничтожено на аэродромах	Не боевые потери	Всего
Бомбардировщики	16	25	8	-	2	51
Штурмовики	30	32	20	2	7	91
Истребители	44	5	33	3	3	88
Итого:	90	62	61	5	12	230

ЦАМО РФ. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 82. Л. 6.

Таблица 5.6.

**«Результаты боевой работы 17-й воздушной армии
с 4 по 15 августа 1943 года во время проведения операции
по срыву железнодорожных и автомобильных перевозок»**

Совершено: 4113 боевых самолето-вылетов

Сброшено: 41 153 бомбы

Уничтожено:

Танков — 93	Ж.-д. цистерн — 124
Автомобилей — 1840	Автоцистерн — 53
Ж.д. вагонов — 254	Складов ГСМ — 7
Паровозов — 17	Складов боеприпасов — 4
Эшелонов — 17	Батарей — 9
Повозок — 62	ЗА/МЗА батарей — 9/4

ЦАМО РФ. Ф. 370. Оп. 6518. Д. 88. Л. 14.

Таблица 5.7.

«Расход боеприпасов в 202-й бад за август 1943 г.»

	ФАБ			АО			ПТАБ
	250	100	50	25	10	2,5	2,5
По войскам	14	5000	683	852	2183	6245	660
По ж.-д. станциям	10	322	52	64	105	880	-
По ж.-д. мостам	2	72	-	-	88	600	-
По переправам	-	140	6	-	40	-	-
Итого:	26	5534	741	916	2416	7725	660

ЦАМО РФ. Ф. 202-й бад. Оп. 1. Д. 8. Л. 29.

Таблица 5.8.

«Движение материальной части в 10-м иап за август 1943 г.»

Полк	На 1.8.43	Приб. из др. частей	Убыло в др. части	Боевые			Не боевые	Всего потерь
				В возд. боях	ЗА	Не вер- нулось		
13-й иап	34	14	2	9	2	7	8	26
236-й иап	30	21	1	9	-	5	-	14
437-й иап	38	14	11	9	-	12	3	24

Полк	На 1.8.43	Приб. из др. частей	Убыло в др. части	Боевые			Не боевые	Всего потерь
				В возд. боях	ЗА	Не вернулось		
201-й иад	102	49+1*	14	27	2	24	11	64
3-я гиап	31	32	10	9	1	5	-	15
181-й иап	32	-	8	9	-	5	1	15
23-й 9 иап	29	-	6	7	2	4	1	14
235-я иад	92+2*	32	24	25	3	14	2	44+2*
Итого:	196	82	38	52	5	38	13	110

* так в документе.

ЦАМО РФ. Ф. 10-го иак. Оп. 1. Д. 35. Л. 24.

Таблица 5.9.

«Изменение самолетного парка 10-го иак по дням операции»

	201-я иад			235-я иад		
	13-й иап	236-й иап	437-й иап	3-й гв. иап	181-й иап	239-й иап
2.8.43	29/4	25/3	30	22/7	20/6	18/1
3.8.43	17/6	18/4	24/3	21/8	23/1	18/3
4.8.43	22/5	18/7	24/3	18/8	20/5	16/2
5.8.43	14/6	17/8	19/2	10/13	18/5	13/2
6.8.43	13/6	14/7	18/1	14/10	16/9	13/3
7.8.43	16/5	11/8	20/1	14/9	14/9	8/6
8.8.43	15/3	13/2	17/2	17/5	18/5	10/0
9.8.43	15/3	13/2	17/2	15/7	18/5	7/1
10.8.43	14/1	14/3	19/2	15/7	18/5	5/4
11.8.43	15/0	17/0	17/0	20/0	16/5	7/0
12.8.43	12/3	13/3	17/3	8/9	5/5	5/5
13.8.43	11/3	11/3	13/7	5/8	7/5	3/4
14.8.43	5/2	6/5	10/5	3/2	5/7	2/3
15.8.43	3/2	5/4	11/5	3/1	4/7	2/3
16.8.43	3/2	5/4	11/5	3/1	4/7	2/3
17.8.43*	9/3	14/4	8/1	3/3	6/3	2/3
18.8.43	5/2	4/6	9/5	2/2	4/5	4/3
19.8.43	4/0	6/2	2/3	1/0	5/1	0/3
20.8.43	4/0	2/5	6/1	2/3	1/5	2/3

21.8.43	4/3	4/5	4/1	4/2	1/5	1/3
22.8.43	4/0	2/2	6/3	0/8	0/7	0/8
23.8.43	5/8	3/2	5/3	-	-	-

ЦАМО РФ. Ф. 10-го иак. Оп. 1. Д. 25. Л. 38—79.

Данные приведены по оперсводкам на конец каждого дня, в числителе дано количество исправных самолетов, в знаменателе — неисправных самолетов.

* С 17.8.43 данные о численном составе соединений даны на основании оперсводок 201-й и 235-й иад:

ЦАМО РФ. Ф. 10-й гв. иад. Оп. 1. Д. 13. Л. 47—61.

ЦАМО РФ. Ф. 15-й гв. иад. Оп. 1. Д. 18. Л. 225—233.

Таблица 5.10.

«Потери 10-го иак в ходе операции «Полководец Румянцев»

№ п/п	Дата	Полк	Ф.И.О. пилота	Тип	Судьба
1	3.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Московский Я.Я.	Ла-5	Сбит в воздушном бою
2	3.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Парахин П.А.	Ла-5	Сбит зенитной артиллерией
3	3.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Дружинин Н.П.	Ла-5	Катастрофа
4	3.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Мухин Ф.М.	Ла-5	Самолет разбит при рулежке по аэродрому
5	4.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Царев В.Д.	Ла-5	Сбит в воздушном бою
6	5.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Фролов В.П.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
7	6.8.1943	13-й иап	ст. лейтенант Гнидо П.А.	Ла-5	Подбит в воздушном бою, совершил вынужденную посадку, доставлен в часть на У-2
8	6.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Мухин Ф.М.	Ла-5	Подбит в воздушном бою, совершил вынужденную посадку, доставлен в часть на У-2

№ п/п	Дата	Полк	Ф.И.О. пилота	Тип	Судьба
9	12.8.1943	13-й иап	ст. лейтенант Гнидо П.А.	Ла-5	Самолет поврежден, выбросился над своей территорией на парашюте
10	12.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Исаев	Ла-5	Подбит в воздушном бою, вынужденная посадка, пилот прибыл в часть
11	12.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Мухин Ф.М.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
12	13.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Курятников И.П.	Ла-5	Сбит в воздушном бою, ранен, выбросился с парашютом
13	14.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Перепелов А. Ф.	Ла-5	Сбит в воздушном бою, выбросился с парашютом над территорией противника
14	14.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Богомолов В.А.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
15	14.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Кулачков И.И.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
16	14.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Колмыков А.В.	Ла-5	Вынужденная посадка, самолет разбит, прибыл 15.8.43
17	14.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Морозов П.А.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
18	14.8.1943	13-й иап	мл. лейтенант Ткачев Д.Е.	Ла-5	Вынужденная посадка из-за потери ориентировки, прибыл в часть 17.8.43
19	15.8.1943	13-й иап	ст. лейтенант Му- рашкин Я.А.	Ла-5	Сбит в воздушном бою, парашют, прибыл в часть
20	16.8.1943	13-й иап	лейтенант Горе- лов С.Д.	Ла-5	Подбит, вынужденная посадка, самолет сгорел, пилот получил ожоги
21	03.8.1943	236-й иап	мл. лейтенант Шинкарук У.И.	Як-1	Не вернулся с боевого задания
22	03.8.1943	236-й иап	мл. лейтенант Морозов Н.П.	Як-1	Сбит в воздушном бою, пилот вернулся 7.8.43

№ п/п	Дата	Полк	Ф.И.О. pilota	Тип	Судьба
23	3.8.1943	236-й иап	Капитан Дударь Н. Ф.	Як-1	Подбит в воздушном бою, пилот ранен, самолет разбит на вынужденной посадке
24	3.8.1943	236-й иап	мл. лейтенант Рудаков Н.Б.	Як-1	Самолет подбит в воздушном бою, пилот ранен
25	4.8.1943	236-й иап	мл. лейтенант Бовин	Як-1	Не вернулся с боевого задания
26	6.8.1943	236-й иап	мл. лейтенант Капула И.М.	Як-1	Не вернулся с боевого задания, совершил вынужденную посадку, прибыл в часть 13.8.43
27	6.8.1943	236-й иап	лейтенант Удалов М.В.	Як-1	Не вернулся с боевого задания
28	6.8.1943	236-й иап	мл. лейтенант Сандаков Г.М.	Як-1	Не вернулся с боевого задания, вынужденная посадка, прибыл в часть 7.8.43 без самолета
29	7.8.1943	236-й иап	мл. лейтенант Пискунов И.М.	Як-1	Самолет поврежден при таране He 111, вынужденная посадка
30	7.8.1943	236-й иап	мл. лейтенант Басов И.М.	Як-1	Подбит в воздушном бою, вынужденная посадка, прибыл 17.8.43
31	13.8.1943	236-й иап	ст. лейтенант Белоусов С.Л.	Як-1	Сбит в воздушном бою, парашют не открылся, погиб
32	13.8.1943	236-й иап	мл. лейтенант Самоц А.В.	Як-1	Не вернулся с боевого задания
33	14.8.1943	236-й иап	ст. сержант Пискунов И.М.	Як-1	Сорвался в штопор при выходе из-под атаки FW 190, погиб
34	15.8.1943	236-й иап	мл. лейтенант Тихонов В.П.	Як-1	Сбит в воздушном бою, погиб
35	18.8.1943	236-й иап	мл. лейтенант Ермаков В.Д.	Як-1	Вынужденная посадка, самолет поврежден

№ п/п	Дата	Полк	Ф.И.О. pilota	Тип	Судьба
36	20.8.1943	236-й иап	мл. лейтенант Исаев В.Д.	Як-1	Не вернулся с боевого задания
37	21.8.1943	236-й иап	мл. лейтенант Безушко М.И.	Як-1	Сбит в воздушном бою, выбросился с парашютом, прибыл в часть
38	22.8.1943	236-й иап	мл. лейтенант Прохоров В.Д.	Як-1	Самолет разбит на посадке из-за отказа мотора, пилот тяжело ранен
39	3.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Факеев Н.И.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
40	3.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Боровиков Г.С.	Ла-5	Недостаток горючего, вынужденная посадка
41	4.8.1943	437-й иап	лейтенант Простяков А.И.	Ла-5	Сбит в воздушном бою, выбросился с парашютом над территорией противника
42	4.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Полянинов С.М.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
43	5.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Титов В.М.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
44	5.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Фомичев К.П.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
45	5.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Лебедев Л.В.	Ла-5	На взлете на Н=300 метров потерял скорость, погиб в катастрофе
46	5.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Молчанов	Ла-5	Катастрофа
47	7.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Пушкеля И.М.	Ла-5	Сбит в воздушном бою, выбросился с парашютом
48	7.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Дмитриев Ю.Г.	Ла-5	Самолет разбит на вынужденной посадке, лопнул фюзеляж

№ п/п	Дата	Полк	Ф.И.О. пилота	Тип	Судьба
49	12.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Дмитриев Ю.Г.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
50	14.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Стенников А.Г.	Ла-5	Сбит в воздушном бою, погиб
51	14.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Боровиков Г.С.	Ла-5	Сбит в воздушном бою, выбросился с парашютом, прибыл в часть 15.8.43
52	14.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Дмитриев Ю.Г.	Ла-5	Сбит в воздушном бою, выбросился с парашютом над территорией противника
53	17.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Дубовской Н.И.	Ла-5	Сбит в воздушном бою
54	18.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Фомичев К.П.	Ла-5	Оторвался мотор при возвращении на аэродром, погиб
55	18.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Перфирьев	Ла-5	Совершил вынужденную посадку
56	19.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Бондарев З.М.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
57	19.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Фролов Н.Ф.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
58	20.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Коваль П.П.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
59	22.8.1943	437-й иап	мл. лейтенант Быстров	Ла-5	Столкнулся с Ла-5 88-го гв. иап, выбросился с парашютом, прибыл в часть
60	18.8.1943	Упр. 10-го иак	мл. лейтенант Берсенеv	У-2	При проведении разведки поля боя сбит истребителями, экипаж легко ранен
61	4.8.1943	Упр. 235-й иад	начальник ВСС майор Смирнов	Ла-5	Не вернулся с боевого задания

№ п/п	Дата	Полк	Ф.И.О. pilota	Тип	Судьба
62	4.8.1943	3-й гв. иап	мл. лейтенант Тимофеев И.Д.	Ла-5	В возд. бою отвалилась плоскость, выбросился с парашютом, прибыл в часть
63	4.8.1943	3-й гв. иап	мл. лейтенант Бойков П.М.	Ла-5	Отказ мотора, вынужденная посадка, самолет наскочил на мину, пилот вернулся в часть
64	5.8.1943	3-й гв. иап	мл. лейтенант Бывалов А.А.	Ла-5	Подбит своей зенитной артиллерией, при вынужденной посадке самолет рассыпался
65	7.8.1943	3-й гв. иап	мл. лейтенант Бывалов А.А.	Ла-5	Вынужденная посадка из-за недостатка горючего, самолет разбит
66	12.8.1943	3-й гв. иап	Капитан Галкин В.С.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
67	12.8.1943	3-й гв. иап	мл. лейтенант Бойко Г.И.	Ла-5	Подбит зенитной артиллерией, вынужденная посадка на фюзеляж, пилот ранен
68	12.8.1943	3-й гв. иап	мл. лейтенант Смирнов В.С.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
69	13.8.1943	3-й гв. иап	ст. лейтенант Мудров М.И.	Ла-5	Подбит в воздушном бою, вынужденная посадка
70	13.8.1943	3-й гв. иап	мл. лейтенант Каргапольцев Г.И.	Ла-5	Не вернулся с боевого задания
71	13.8.1943	3-й гв. иап	мл. лейтенант Герасимов Г.А.	Ла-5	Вынужденная посадка на горящем самолете, самолет сгорел, пилот вернулся в часть
72	13.8.1943	3-й гв. иап	мл. лейтенант Головенко М.М.	Ла-5	Сбит в воздушном бою, погиб

№ п/п	Дата	Полк	Ф.И.О. пилота	Тип	Судьба
73	14.8.1943	3-й гв. иап	мл. лейтенант Ходырев	Ла-5	Сбит в воздушном бою, отправлен в госпиталь
74	14.8.1943	3-й гв. иап	мл. лейтенант Фомочкин И.А.	Ла-5	Подбит в воздушном бою, самолет разбит, пилот прибыл в часть
75	15.8.1943	3-й гв. иап	мл. лейтенант Ляпара	Ла-5	Сбит в воздушном бою, выбросился с парашютом
76	22.8.1943	3-й гв. иап	мл. лейтенант Редькин	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
77	3.8.1943	181-й иап	мл. лейтенант Пинчук	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
78	4.8.1943	181-й иап	майор Мирошни- ченко Г.С.	Ла-5	Пилот ранен, выну- жденная посадка, самолет поврежден
79	4.8.1943	181-й иап	мл. лейтенант Петренко В.Г.	Ла-5	Ранен в обе ноги, вынужденная посад- ка, самолет разбит
80	5.8.1943	181-й иап	лейтенант Михеев Н.А.	Ла-5	Подбит зенитной артиллерией, выну- жденная посадка на фюзеляж, самолет поврежден
81	7.8.1943	181-й иап	мл. лейтенант Лукошков В.В.	Ла-5	Сбит в воздушном бою, парашют, при- был в часть 7.8.43
82	7.8.1943	181-й иап	мл. лейтенант Степанов В.Я.	Ла-5	Самолет поврежден при вынужденной посадке
83	11.8.1943	181-й иап	мл. лейтенант Приэто А.Л.	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
84	12.8.1943	181-й иап	мл. лейтенант Крошечкин	Ла-5	Сбит в воздушном бою, погиб
85	12.8.1943	181-й иап	мл. лейтенант Акимушкин И.С.	Ла-5	Сбит в воздушном бою, выбросился с парашютом

№ п/п	Дата	Полк	Ф.И.О. пилота	Тип	Судьба
86	12.8.1943	181-й иап	мл. лейтенант Авсюкевич Л.Л.	Ла-5	Сбит в воздушном бою, выбросился с парашютом
87	14.8.1943	181-й иап	мл. лейтенант Карпенко А.Г.	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
88	15.8.1943	181-й иап	мл. лейтенант Степанов В.Я.	Ла-5	Сбит в воздушном бою, погиб
89	15.8.1943	181-й иап	лейтенант Михе- ев С.А.	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
90	19.8.1943	181-й иап	мл. лейтенант Кузин Н.И.	Ла-5	Подбит в воздушном бою, вынужденная посадка, самолет по- врежден
91	19.8.1943	181-й иап	ст. лейтенант Ки- риллов Н. Ф.	Ла-5	Сбит в воздушном бою, погиб
92	22.8.1943	181-й иап	мл. лейтенант Евдошенко В.Д.	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
93	22.8.1943	181-й иап	мл. лейтенант Митронин	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
94	4.8.1943	239-й иап	подполковник Зуб И.А.	Ла-5	Вынужденная посад- ка, самолет сгорел, пилот получил ожоги
95	4.8.1943	239-й иап	мл. лейтенант Давыдов И.Е.	Ла-5	Сбит в воздушном бою
96	4.8.1943	239-й иап	мл. лейтенант Казьменко М.З.	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
97	4.8.1943	239-й иап	мл. лейтенант Кудаков	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
98	4.8.1943	239-й иап	мл. лейтенант Кайдаков А. Ф.	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
99	4.8.1943	239-й иап	мл. лейтенант Мельников В.З.	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
100	4.8.1943	239-й иап	мл. лейтенант Лавроненко И.В.	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
101	5.8.1943	239-й иап	лейтенант Гинз- бург А.С.	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания

№ п/п	Дата	Полк	Ф.И.О. пилота	Тип	Судьба
102	5.8.1943	239-й иап	мл. лейтенант Нетребя И.П.	Ла-5	Катастрофа во время посадки
103	7.8.1943	239-й иап	мл. лейтенант Белов Н.И.	Ла-5	Вынужденная посад- ка из-за недостатка горючего, поврежден
104	9.8.1943	239-й иап	мл. лейтенант Давыдов И.Е.	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
105	12.8.1943	239-й иап	мл. лейтенант Левкович Б.Б.	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
106	14.8.1943	239-й иап	старшина Амаров А.Б.	Ла-5	Сбит в воздушном бою, погиб
107	14.8.1943	239-й иап	мл. лейтенант Кулаков	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
108	20.8.1943	239-й иап	лейтенант Лавро- ненко И.В.	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
109	20.8.1943	239-й иап	мл. лейтенант Шукин М.С.	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания
110	20.8.1943	239-й иап	мл. лейтенант Усольцев В.И.	Ла-5	Не вернулся с боево- го задания

Данные таблицы не всегда совпадают с данными таблиц № 5.8. и 5.9.

ЦАМО РФ. Ф. 10-го иак. Оп. 1. Д. 18. Л. 199—233.

Оглавление

ЧАСТЬ 1. В ПРЕДДВЕРИИ СРАЖЕНИЯ

1.1. Общая обстановка, планы командования	5
1.2. Авиация противоборствующих сторон	14
1.3. Накануне	28

ЧАСТЬ 2. СРАЖЕНИЕ НАД СЕВЕРНЫМ ФАСОМ КУРСКОЙ ДУГИ

2.1. Первый удар (5 июля)	42
2.2. Неустойчивое равновесие (6—8 июля)	62
2.3. Над высотами Ольховатки (9—11 июля)	82

ЧАСТЬ 3. СРАЖЕНИЕ НАД ЮЖНЫМ ФАСОМ КУРСКОЙ ДУГИ

3.1. Завязка воздушного сражения (4—5 июля)	103
3.2. Железная поступь «Цитадели» (5—9 июля)	115
3.3. Момент истины (10—15 июля)	160
3.4. Финал (16—23 июля)	180

ЧАСТЬ 4. СРАЖЕНИЕ НАД ОРЛОВСКОЙ ДУГОЙ

4.1. Накануне перелома (общая обстановка перед началом советского наступления, планы советского командования)	191
4.2. От Зуши до Олешни (12—17 июля. Брянский фронт)	203
4.3. Фланговый удар 11-й гвардейской армии (12 июля — 30 июля. Западный фронт)	232

4.4. Трудная дорога к Орлу (18 июля — 5 августа. Брянский фронт)	261
4.5. Попытка замкнуть кольцо (15 июля — 10 августа. Центральный фронт)	289
4.6. Исход (5 августа—16 августа. Брянский фронт)	308

ЧАСТЬ 5. ОПЕРАЦИЯ «ПОЛКОВОДЕЦ РУМЯНЦЕВ»

5.1. Между обороной и наступлением (общая обстановка перед началом советского наступления)	324
5.2. Авиационные группировки противоборствующих сторон.	330
5.3. Прорыв немецкой обороны (3—5 августа. Воронежский и Степной фронты)	344
5.4. Борьба на коммуникациях (операция по срыву железнодорожных перевозок в полосе 17-й воздушной армии. 4—10 августа)	366
5.5. Последний рывок (Воронежский фронт. 6—11 августа) ...	375
5.6. Отражение контрудара (11—17 августа. Воронежский фронт)	385
5.7. Кризис в районе Ахтырки (18—23 августа. Воронежский фронт)	401
5.8. Борьба за Харьков (6—23 августа. Степной фронт)	423

Приложения	453
-------------------------	-----

Таблицы	473
----------------------	-----

Виталий Горбач
НАД ОГНЕННОЙ ДУГОЙ
Советская авиация в Курской битве

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Ражикова*
Корректор *Е. Сырцова*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 05.03.2007.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 26,88. Тираж 6000 экз.
Зак. № 1890

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»**

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

*For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru*

**По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении
обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо»**

E-mail: project@eksmo-sale.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kancs@eksmo-sale.ru, сайт: www.kancs-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

1943 год по праву считается переломным в Великой Отечественной войне. После победы в Курской битве стратегическая инициатива окончательно перешла к Красной Армии. Однако что касается действий авиации – здесь обстановка оставалась по-прежнему сложной. В 43-м «сталинским соколам» предстояло решить две задачи. Задача минимум – лишить люфтваффе прежнего абсолютного превосходства. Задача максимум – самим захватить господство в воздухе. И если с первой задачей наши ВВС в 1943 году в целом справились, то об окончательном переломе в воздушной войне говорить было еще рано...

Эта книга – первое в отечественной литературе исследование, столь полно и подробно, опираясь на архивные материалы, освещающее боевую работу советской авиации во время Курской битвы – причем не только на оборонительном этапе, но и в ходе контрнаступления, завершившегося освобождением Орла, Белгорода и Харькова.

ISBN 978-5-699-20867-8

9 785699 208678